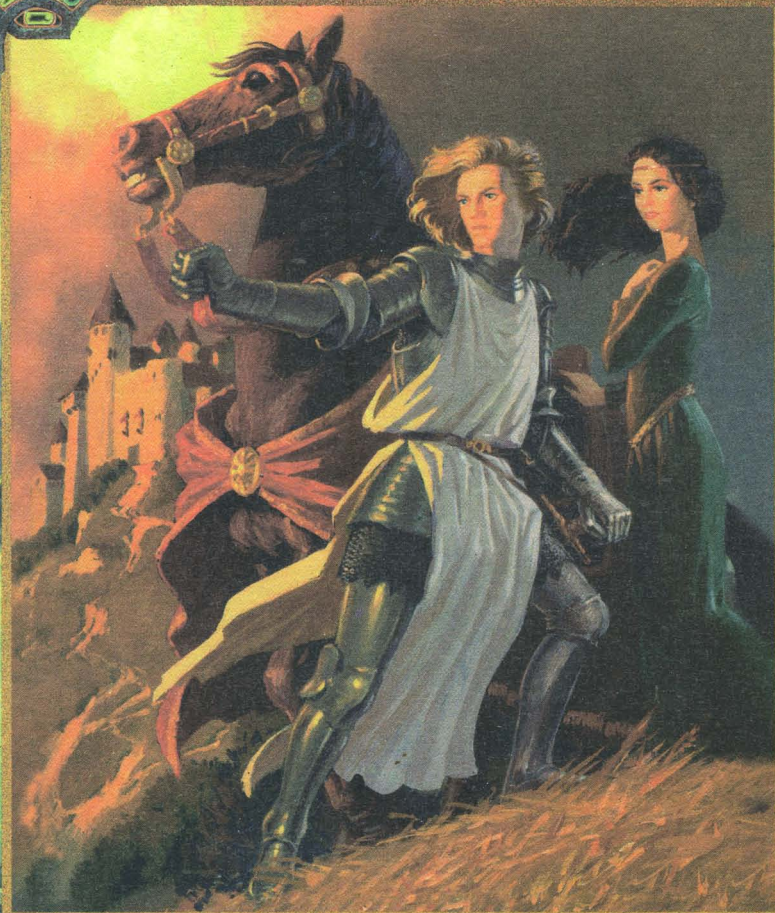

МЭГАН ЛИНДХОЛЬМ ПОЙ ВМЕСТЕ С ВЕТРОМ

САГА О НЕВЕДОМЫХ ЗЕМЛЯХ

САГА
О НЕВЕДОМЫХ
ЗЕМЛЯХ

САГА О НЕВЕДОМЫХ ЗЕМЛЯХ

Мэган Линдхольм

ПОЙ ВМЕСТЕ С ВЕТРОМ

ТОМ ПЕРВЫЙ

Санкт-Петербург
Издательство "АЗБУКА"
Издательский центр "Терра"
1996

ББК 84.7 США
Л 59

Издатель выражает благодарность литературному агентству
Andrew Nurnberg Associates Ltd.
за помощь в приобретении прав на русское издание этой книги

HARPY'S FLIGHT
Copyright © 1983 by M. Lindholm Ogden

THE WINDSINGERS
Copyright © 1984 by M. Lindholm Ogden
All rights reserved

Линдхольм М.

Л 59 Пой вместе с ветром. Романы. Т. 1 / Пер. с англ.
Г. А. Трубицыной. — СПб.: Терра—Азбука, 1996. —
608 с.

ISBN 5-7684-0080-X

Тетралогия замечательной американской фантастки Мэган Линдхольм «Пой вместе с ветром» выдержала на Западе уже не одно издание. И вот наконец она переведена на русский язык. Даже самого искушенного читателя с первых страниц романа приятно поразит неистощимая фантазия автора, блестящий, изысканный стиль, яркие образы главных героев. Эта замечательная книга займет достойное место на книжных полках всех любителей «фэнтези странствий и побед».

ISBN 5-7684-0080-X

© «Азбука», перевод и оформление, 1996

ПОЛЁТ ГАРПИИ

Перевод с английского Г. Р. Трубицыной

здали женщина казалась крохотной точкой — немислимой точкой на отвесной каменной круче. У неё не было ни навыков скалолаза, ни каких-либо приспособлений; она двигалась вверх, цепляясь за выступы слоистой породы, неловко, но с невероятным упорством. Облегающая кожаная курточка и грубые шерстяные штаны давно утратили свой первоначальный цвет — серая каменная пыль сплошь облепила их и въелась вовнутрь. Женщина сливалась со скалой, точно насекомое, умеющее изменять окраску. Её тёмно-русые волосы намokли от пота. Они были заплетены и увязаны замысловатыми узлами, с трудом позволявшими судить об их длине; ветер всё-таки высвободил несколько прядей, и они паутиной легли на глаза. Женщина прижалась худеньким лицом к скале и потёрлась об неё, пытаясь убрать волосы. Пустить в ход руки она не могла. Руки были заняты.

Когда-то давно, в незапамятные времена, природный катаклизм расколол гору почти пополам: целый склон, покрытый зеленью, сполз вниз и остался лежать у подножия бесформенной кучей камня и земли. Вверху, высоко-высоко над головой женщины, виднелась зелёная шапка, уцелевшая с тех времён на макушке горы. Однако всюду поблизости — вверху, внизу и по сторонам — был только камень, безжизненный и нагой.

В это утро женщина долго стояла среди густых кустов и молодых деревьев, которыми зарос тот давнишний оползень. Она смотрела вверх, на поблёскивавший тёмно-серый обрыв, приглядываясь к каменному карнизу примерно в трёх четвертях пути до вершины. Она всё пробовала представить, как полезет наверх, пока наконец не уверилась, что затея эта совершенно безнадежна.

И полезла наверх.

...Пальцы её левой руки обхватили крохотный выступ слоистого камня, смахивавшего на сланец. Она осторожно начала переносить вес своего тела, собираясь повиснуть на левой руке... Камешек обломился чисто, точно сколотый зубилом, и покатился вниз по откосу. Женщина — её звали Ки — успела судорожным движением запустить пальцы в какую-то трещинку и, силясь отдышаться, прижалась к скале. Она знала, что её цель была совсем рядом. Карниз — неприметная зазубрина гигантского утёса — манил её точно так же, как кровь, растворённая в воде, привлекает акулу. Осторожно вывернув шею, Ки посмотрела вниз, на дно долины. Когда она отправилась в путь, ещё только светало. Значит, она и в самом деле почти добралась. Должна была добраться. Она не смела задрать голову и убедиться, что это было действительно так. Солнце светило ей прямо в макушку. Оно взбиралось на небосвод заметно быстрее, чем Ки — на скалу. Драгоценное время уходило, сыпалось между пальцами, словно тот крошившийся камень...

Поначалу она лезла вверх с какой-то отчаянной бесшабашностью: на авось прыгала с уступа на уступ, почему-то уверенная, что удача и в этот раз подсунет ей за что ухватиться. И удача, пополам с жаркой ненавистью и желанием отомстить, несла её всё выше. Однако скала делалась всё круче, камень — всё более скользким, а опора — всё менее надёжной. Ярость сменила тупая, опустошающая боль. И вот Ки висела, распластавшись на разогретом солнцем теле горы, плотно прижимаясь к нему лицом, и в душе её не было ничего, кроме смерти. Она могла позволить себе передышку, но никак не отдых. Её руки были вытянуты над головой; Ки не удавалось даже вздохнуть как следует, всей грудью. Перенапряжённые мышцы буквально кричали, настоятельно требуя отдыха. Ки не обращала на них внимания.

Она стала подтягивать левую ногу. Пальцы, обтянутые мягким кожаным башмачком, искали хоть какую-нибудь ямку или выступ и наконец нащупали небольшое углубление в камне. Ки очень осторожно всунула туда кончики пальцев и попробовала опереться. Камень выдержал. Ки упёрлась сильнее и потянулась вверх. Изломанный камень

царапал ей грудь и живот, судорога, сводившая мышцы, стала невыносимой. Теперь она висела только на кончиках пальцев левой руки и левой ноги. Освобождённая правая рука заскользила вверх по гладкой поверхности скалы, разыскивая, за что бы уцепиться.

Ки на миг зажмурилась, стараясь проморгаться от пыли, едкого пота и волос, опять прилипших к ресницам. Она плотно прижималась лбом к камню. Мышцы левой руки свело уже так, что она не чувствовала пальцев. Но вот её ищущая ладонь обнаружила какую-то опору. Пальцы заползли в трещину — глубже, ещё глубже... Отлично. Ки с шипением вобрала в себя воздух. Трещина, которую нашла правая рука, была высоко у неё над головой.

Она ещё немного приподнялась на левой ноге и перенесла часть своего веса на правую руку, высвобождая левую для поиска новой опоры. Отзываясь болью, рука медленно и мучительно поползла вверх, чтобы нащарить карнизик примерно на одном уровне с тем, за который цеплялась её правая. Не щадя протестующих мышц, Ки вытянулась на левой ноге, вставая на цыпочки и...

...и её щиколотка болезненно чиркнула по ребру скалы: под ногой более не было опоры — камень снова раскрошился в самый неподходящий момент. Ки слышала, как с треском и стуком катились вниз каменные осколки. Мысленно она уже летела следом за ними, ударяясь о выступы камня и пятная кровью откос. Когда она осознала, что не падает, а висит на прежнем месте, у неё вырвался вскрик. Руки, вытянутые над головой, по-прежнему цепко держались за край карниза. Пальцы правой ноги вжимались в трещину. Левая слепо ёрзала по скале, пока не нашла крохотный выступ и не оперлась на него.

Ки понадобилось всё её мужество, чтобы чуть-чуть повернуть голову и снова посмотреть через плечо. Смотреть, впрочем, было особенно не на что. Никаких трещин, куда можно было бы запустить руку, никаких удобных уступов, куда можно было бы отползти боком. Гладкая тёмно-серая скала, лоснящаяся на солнце. Ки висела на ней, вытянувшись до предела. Двигаться было некуда — только вверх или вниз. Ки покосилась вниз... кишки в животе начали завязываться узлами, и она поняла, что у неё остался один

путь — вверх. Она не стала тратить время на бесполезные размышления. Набрав полную грудь воздуха — насколько это вообще было возможно — и чуть-чуть обвиснув на руках, она изо всех сил оттолкнулась ногами, бросая всё тело вверх.

Её левая ладонь шлёпнула по горизонтальной поверхности. В следующий миг Ки снова повисла на руках, но кое-что удалось отвоевать: вся её левая лежала на карнизе. Там же оказалась и правая — по локоть. Едкий пот обжигал исцарапанные рёбра и живот. Ноги, не находя больше опоры, висели над пустотой...

Ки начала подтягиваться. На гладком карнизе не за что было уцепиться, и руки начали соскальзывать. В лицо посыпалась потревоженная пыль, веточки, каменная крошка. Прутья застревали в волосах, пыль запорошила глаза. Ки задыхалась, прилагая отчаянные усилия, чтобы не закашляться. Поборов приступ, она позволила себе несколько коротких вдохов, наполнив мучительно горевшие лёгкие. Истерзанные мышцы готовы были отказать, спина выгнулась дугой, внизу была пустота. Ки явственно представила себе, как лопаются сухожилия, как выворачивает из суставов кости... *Нет, не смей даже думать об этом. Заставь взмокшее, загнанное тело ещё раз выпрямиться и напрячься.* Ки что было мочи налегла на руки, ЗАПРЕТИВ им съезжать к краю карниза. Она висела над бездной буквально на волоске. Нет, невозможно. Даже в отдохнувшем и свежем состоянии она ни за что не сумела бы таким образом подтянуться.

Всё-таки она заставила надсаженные мышцы попробовать...

Обдирая о камень лицо, Ки подняла голову. Теперь она по крайней мере смотрела вверх, а не на серую поверхность возле самого носа. Потом болезненным усилием она напрягла живот, подтягивая и сгибая ноги. Вися с паучьей цепкостью почти без опоры, Ки коротко, судорожно вздохнула, а потом что было сил взбрыкнула ногами. Как ни странно, это жалкое усилие возымело должное действие: оба её локтя оказались на карнизе.

Она снова попробовала подтянуться. Левое запястье рванула внезапная боль, мгновенно распространившаяся до

плеча. На этой руке ей несколько раньше случилось повиснуть всем телом, когда правая неожиданно потеряла опору. Новое усилие вызвало волну боли, достигшую позвоночника. Ки стиснула зубы. Нет. Она не поддастся. Нет!

Непослушное тело тем временем мало-помалу ползло вверх, и вот уже Ки смогла осмотреть карниз, на котором покоились её локти. Воспалённые глаза заливал пот. Дожди и ветер щедро усыпали каменную складку всяческим хламом: ветками и тонкими прутиками с кустов, росших ближе к вершине, обломками камня и мелкой щебёнкой, кое-где истёртой в чёрный песок. Сперва Ки поняла только одно: карниз был достаточно широк, чтобы на нём могло уместиться всё её тело. Потом её взгляд скользнул несколько дальше. Там, в дальнем углу, часть карниза была отгорожена высоким завалом из веток и сучьев. Позади него ветерок шевелил тяжёлую тканую занавесь. Уютное местечко, прикрытое плечом скалы от холодных горных ветров. Перед занавесью на карнизе во множестве валялись какие-то старые кости и гниющие клочки недоеденного мяса. Оттуда шла жуткая вонь — запах смерти. Ки явственно ощущала его...

Она вдруг почувствовала невероятный прилив сил. Её плечи готовы были затрещать, но она зацепилась за карниз подбородком, потом подтянулась ещё и навалилась грудью на край. Обдираясь, Ки мало-помалу втягивала себя наверх. Был миг ужаса, когда она застряла и какое-то время не могла сдвинуться с места. Она знала, что её держало. У неё на ремне висел нож Свена, вдетый в хорошие ножны из тиснёной кожи. Эти-то ножны и зацепились за краешек карниза. Ки рванулась, но без толку: большая часть её тела ещё болталась над бездной. Распластанные ладони не находили зацепки. Ужас придал Ки сил: она изогнулась, пытаясь боком забросить ноги на карниз. Она больно отбила о камень бедро, но удача ей улыбнулась. И ступни, и колени оказались наверху.

Она победила.

Ки перекатилась на спину и некоторое время лежала неподвижно, только мышцы продолжали судорожно подёргиваться. Из голубой бездны неба на неё взирал беспощадный белый глаз солнца. Кроме солнца, в небе ни-

чего не было видно. Значит, подумала Ки, время ещё есть.

Она перевернулась на живот и с немалым усилием встала сперва на четвереньки, потом и во весь рост. Она попыталась было оглядеться кругом, но от жуткой высоты у неё сразу закружилась голова и тошнота подступила к горлу. Ки поспешно сосредоточила взгляд на том, что находилось непосредственно перед нею. Только ледяное торжество — всё-таки она достигла цели! — помогло ей кое-как успокоиться. Она утёрла взмокший лоб рукавом, окончательно измазав себе лицо шершавой каменной крошкой. Бешено колотившееся сердце медленно успокаивалось.

Тканая занавесь легонько хлопала на ветру. Ки смотрела на неё, чувствуя, как из глубины её существа снова поднимается ярость. Пусть ярость овладеет ею как следует и придаст ей решимости.

— Как я своих нашла, так и ты своих найдёшь... — пообещала она вслух и шагнула к занавеси. Что-то со стуком покатилося у неё из-под ног. Палка?.. Ки глянула вниз. Это была кость — серо-коричневая кость со всё ещё болтавшимися обрывками сухожилий. Ки стиснула зубы...

Она миновала церемониальное гнездо при входе — дань традиции, которую народ гарпий неукоснительно соблюдал. Этот их обычай был одним из немногих общеизвестных. Занавесь же была своего рода границей, из-за которой ни разу ещё не выходил живым ни один человек. Рука женщины невольно потянулась к поясному ножу. Это был не её нож — раньше его носил Свен. На ножнах ещё сохранились следы его крови. Ки резко выдохнула, пытаясь очистить ноздри от трупного смрада, и осторожно отодвинула занавесь.

Внутри гнезда-логова царил полумрак. Сердце Ки снова заколотилось у горла, в висках застучало. Она шагнула внутрь и опустила за собой занавесь.

Логово было глубоко врублено в толщу утёса; на камне ещё виднелись следы резца. В стенной нише горел плоский светильник. Когда Ки вошла, крохотное пламя замерцало, но не погасло. В других нишах и на каменных полочках было разложено имущество: набор медных бубенцов, резная деревянная статуэтка пикирующей гарпии с

грозно выставленными когтями, украшения из слоновой кости и серебра, небрежно сваленные в кучку, камнерезные инструменты и ещё масса предметов, назначение которых Ки не взялась бы объяснить. Она и не стала гадать, просто прошла мимо.

В ближнем углу комнаты виднелась неглубокая ниша и в ней — соломенная постель, застеленная толстыми плетёными покрывалами и одеялами из роскошных мехов. На постели никого не было, но Ки отвернулась. Она не искала добычи и уж тем более не собиралась здесь спать. Взяв из ниши светильник, она вытянула фитилёк, чтобы пламя разгорелось поярче. Неровный каменный пол был удивительно чист. Никаких обрывков мяса, никаких костей под ногами. Здесь жили разумные, более того — цивилизованные существа. Ки сжала зубы, крепко стискивая рукоять Свенова ножа и пытаясь укрепиться в своей мрачной решимости. На глаза ей попался ткацкий станок с наполовину вытканной шпалерой, изображавшей пару гарпий в брачном полёте. Позади станка стояла тёмно-синяя ширма, разрисованная летними звёздами. Заглянув за ширму, Ки обнаружила то, что искала.

Это углубление было побольше первого, а жёлтая солома в нём ещё хранила аромат только что сжатого поля. Покрывала, брошенные на солому, были раскрашены во все оттенки синего и голубого, а сверху покоилась цельная шкура какого-то гигантского белого зверя. Ки запустила пальцы в мягкий белоснежный мех и приподняла краешек тяжёлой шкуры. Невольная мысль посетила её — какому зверю мог принадлежать такой мех?.. Ки прогнала лишнюю мысль прочь. Надо сделать то, зачем она сюда пришла. Она покрепче перехватила угол шкуры и откинула её прочь, едва не вывернув себе плечо. И удовлетворённо зашипела сквозь зубы.

Три яйца. Яйца таких размеров, что Ки едва сумела бы обхватить и унести хоть одно. Скорлупа у яиц была крапчатая, тёмно-коричневая. Каждое лежало закутанное в отдельное покрывало, не соприкасаясь с другими. Скорлупа яиц казалась кожистой — птенцы готовы были вот-вот выйти наружу. Ки, наверное, вдребезги разбила бы их и кулаком, но она вытащила нож Свена и медленно подошла

к яйцам. Солома и покрывала промялись под её коленом. Одно из яиц сдвинулось с места и тяжело перекаатилось ей навстречу...

Что-то коснулось головы Ки, и она невольно отшатнулась прочь. Потом посмотрела вверх, светя себе маленькой масляной лампой. Над её головой раскачивались игрушки, прикреплённые тонкими нитями к деревянной балке. Целая стая крохотных гарпий, тщательно, с любовью вырезанных и раскрашенных. Потревоженные её движением, они кружились, словно птицы над пищей. Их яркие, разноцветные крылья были распахнуты в полёте, а клювы, похожие на черепашки, казалось, вот-вот весело защечечут и засвистят. Крохотные глаза блестели позолотой, точь-в-точь как прозрачно-золотые глаза живых гарпий...

Они раскачивались и кружились. Игрушки. **ДЕТСКИЕ ИГРУШКИ...**

От этой простой мысли Ки затрясло. Детские игрушки. Такие же, как куклы на верёвочках или деревянные лошадки с колёсиками. Игрушки для разумного, любопытного мадыша. Ки посмотрела на нож Свена в своей руке, потом снова на яйца, покоившиеся в уютных, тёплых кроватках. То, что лежало к ней ближе других, неожиданно вздрогнуло и снова замерло. Так дитя толкается в животе...

Ки почувствовала, как ненависть, поддерживавшая её всё это время, с пугающей быстротой испаряется неизвестно куда. Ярость и жажда праведной мести внезапно сменились безумным отвращением к тому, что она собиралась сделать. Нож вывалился из руки и упал на пол. Вкус желчи во рту показался Ки вкусом её ненависти к гарпиям. Она не могла освободиться ни от того, ни от другого. Но и совершить месть, за которой она пришла, было свыше её сил.

Её вновь затошнило, изо рта и носа хлынула горькая жидкость. Дух мести боролся в ней с духом справедливости, и эта борьба выворачивала тело наизнанку. Ки задыхалась, дрожа всем телом. Пощадить значило проявить мерзкое слабодушие. Убийство же станет подлостью, трусливой и не менее мерзкой...

Вот они, яйца. Нож лежит на полу, только поднять. Миг — и скорлупа будет вспорота; это не труднее, чем

снять шкурку с перезревшего на солнце плода. Яйца лопнут и разольются, и маленькие гарпии умрут, не родившись. Крохотные прозрачные крылышки никогда не превратятся в широкие кожистые крылья. Слепые, безгласные мордочки никогда не озарятся умом, жадностью и насмешкой. Мягкие коготки никогда не затвердеют и не научатся раздирать плоть, а передние лапки так навсегда и останутся скрюченными у груди...

Ки нагнулась за ножом. Сейчас она увидит эти личики нерождённых с их клювами, сомкнутыми в дурацкой, с точки зрения человека, ухмылке. Их глаза, затянутые плёночкой век, злобные глаза под личиной детской невинности...

Детской невинности...

Рука с поднятым ножом вновь медленно опустилась и повисла вдоль тела. Ки замотала головой — слёзы ярости жгли ей глаза. Весь этот месяц она только и бредила мстью. Мсть была её пищей и утешением. И вот она готова осуществиться. Осталось только дать выход горю и гневу. Но Ки не могла.

И тут в логово хлынул поток яркого света, мгновенно затмившего маленький светильник, который держала в руках Ки. Женщина туло уставилась на выросший в дверях силуэт. Это был самец, его бирюзовое оперение переливалось в солнечных лучах. Рослая фигура заполнила весь проём — рядом с гарпией Ки казалась ребёнком. Мерцающие золотые глаза тотчас остановились на ней, с ножом в руках склонившейся над его потомством. Ответный взгляд зелёных глаз женщины был полон жуткого ликования. Вот теперь она действительно отомстит. Перед нею был зверь. Людоед. Детоубийца. А вовсе не то разумное, заботливое существо, за которого его пыталась выдать эта пещера. Ки не двинулась ему навстречу. Она стояла неподвижно и молча ждала, держа нож наготове.

С какой лёгкостью он упал бы на неё с небес, швырнул оземь, разорвал, точно кролика, страшными когтями и до отвала наелся её мяса!.. Нет, теперь они оба стояли внутри логова, и над их головами громоздилась скала. Самец-гарпия был вовсе не создан для того, чтобы сражаться на земле. Тем не менее длинные птичьи ноги с силой бросили

его вперёд, яростный свист отдался в стенах пещеры. Он протянул к Ки передние лапы — маленькие, не больше её собственных рук. Куда грознее оказался взмах его огромных кожистых крыльев.

Удар швырнул женщину на колени и вышиб у неё светильник, полный масла и ещё продолжавший гореть. Концы перьев хлестнули Ки по глазам, ослепив её на какое-то время. Она извивалась на полу, ощупью разыскивая оброненный нож. Пол под её пальцами был холоден и твёрд. Она никак не могла отыскать нож. Потом Ки услышала над собой смех гарпии — тот самый злобный хохот, что так долго снился ей по ночам. Она закричала в ответ, издав звериный вопль, полный ненависти и страдания. Рассвирепевший самец отозвался пронзительным криком. Ки поднялась с пола, плача от ярости. Она была по-прежнему безоружна. Но по крайней мере она встретит его стоя...

В следующий миг она снова полетела на пол, сбита броском гарпии. До неё не сразу дошло, что самец кинулся куда-то мимо неё. Покамест Ки ощущала лишь боль: она упала на бок и сильно расшибла бедро и плечо. Особенно плохо пришлось бедру, потому что оно угодило как раз на рукоятку откатившегося ножа. Ки мигом подхватила нож и вскочила на ноги, чтобы достойно встретить новую атаку самца...

Но её так и не последовало.

Перед глазами Ки взвился жёлтый огонь, ярко озаривший всю заднюю часть пещеры. Это масло из перевернутой лампы залило солому и покрывала гнезда, в котором покоились яйца. Туда же упал тлеющий фитилёк и...

Сухую солому мгновенно охватило гудящее пламя. Его языки облизали расписанную звёздами ширму и перекинулись на ткацкий станок с недоделанной шпалерой. А в самой середине пылающего гнезда, точно демон, восставший из ада, стоял самец-гарпия. Передними лапами он прижимал к груди одно из яиц. Ревущий огонь окутывал его крылья — кожистые перепонки скручивались и чернели, распространяя ужасающую вонь. Он страшно закричал от боли и ненависти, но этот крик не заглушил двойного хлопка — это у его ног почти одновременно лопнули от жара два

оставшихся яйца. Жидкость вылилась наружу, с шипением гася пламя, но пожар был слишком силён: она закипела, повалил смрадный пар пополам с дымом. Ки попятилась прочь, вскидывая руку к лицу, — зрелище, представшее её глазам, и запах, ударивший в ноздри, были равно невыносимы. Она споткнулась на неровном полу... и тут же кто-то накинута на неё сзади. Ки отчаянно забилась, ощущая объятия пернатого существа... которое оказалось всего лишь входной занавесью. Сорвав её с петель, Ки кое-как выпуталась и, моргая, выбралась наружу. Скальный карниз был залит ярким солнечным светом. Ки обвела его непонимающим взглядом. До сих пор она всего менее задавалась вопросом — как же спуститься отсюда, свершив мсть? Она помышляла только о возмездии. Но судьба, словно в насмешку, помешала ей исполнить задуманное да ещё и оставила её в живых...

Свистящий крик заставил Ки вскинуть глаза. Она сразу заметила над собой чёрную точку, которая падала на неё с неба, стремительно увеличиваясь в размерах. Ки инстинктивно отпрянула в сторону, пригибаясь, готовясь к неминуемой схватке. Пятнышко росло на глазах: вот оно стало величиной с ястреба... потом с орла... и наконец превратилось в пикирующую гарпию. Не узнать её было невозможно. Зеленовато-голубое оперение и такая же шкура ярко выделялись в бледной голубизне неба. Длинные тонкие перья развевались, точно грива бирюзовых волос. Самка стрелой падала на Ки со стороны солнца...

На голом карнизе негде было спрятаться, некуда скрыться. Не было даже ниши, которая помогла бы оборониться. Женщина стиснула обеими руками нож и подняла его высоко над головой остриём вверх. Она знала, что страшные когти прикончат её с первого же удара, и мечтала лишь об одном: ощутить перед смертью, как лезвие её ножа впивается в плоть...

Но гарпия отвернула в сторону. Её яростный свист сменился душераздирающим криком, до того похожим на человеческий, что Ки невольно вскрикнула тоже. Гарпия широко распахнула крылья и отчаянно забила ими, пытаясь погасить скорость. Ки была позабыта. Маленькие костлявые передние лапы-ручки самки протянулись навстречу

жуткой фигуре, которая, шатаясь, шагнула ей навстречу из дымящегося устья пещеры. Это был самец. Он попытался расправить крылья, и обугленные перья посыпались, догорая, на камни карниза. Самец широко разевал тупой черепаший клюв, жадно вдыхая чистый воздух. Глаза прикрывала белая защитная плёнка. Ки неподвижно смотрела на него: ужас приковал её к месту. Вот он упал на колени, потом осел набок, по-прежнему прижимая кожистое яйцо к выпуклой птичьей груди... его руки судорожно дёрнулись, яйцо выскользнуло и разбилось, ударившись о камень. Хлынула жидкость, и нерождённый младенец наполовину вывалился, наполовину выплыл наружу. Ки видела, как маленькое тельце забило в конвульсиях, расплёскивая образовавшуюся лужу... и застыло.

Самка опустила наконец на карниз, и ветер, поднятый её крыльями, едва не смахнул Ки вниз. Золотые глаза гарпии перебегали с уничтоженного яйца к неподвижному дымящемуся телу самца и обратно. Из входа в сгоревшее логово вырывались чёрные клубы омерзительно пахнущей гари...

Она стремительно повернулась к Ки; её кожистые крылья всё ещё были наполовину развёрнуты.

— Погибли!.. Все погибли!.. — прокричала она. Гибель целого мира звенела в этих словах.

— Как мои! Как мои!.. — выкрикнула Ки в ответ. Горькая мука невосполнимой утраты взорвалась внутри, словно обманчиво подсохший нарыв. Гарпия бросилась в атаку. Ки метнулась навстречу...

Широкие крылья не успели оглушить Ки ударом: мгновение — и она подскочила вплотную. Она едва доставала гарпии макушкой до грудинной кости. Какое счастье, подумалось Ки, что ей досталось биться с этой тварью на карнизе, где гарпия не могла обрушиться на неё сверху и разорвать ударом когтей...

Цепкие пальцы самки вцепились Ки в волосы, широкий клюв навис над её затылком, обдавая женщину смрадным дыханием. Ки видела, как начала подниматься задняя лапа, увенчанная громадными когтями. Сейчас эти когти вопьются в её живот и вырвут внутренности. Ки приняла единственно правильное решение и не стала сопротив-

латься гарпии, подтаскивавшей её всё ближе к своей пернатой груди. Наоборот, она сама подалась вперёд и с размаху ударила в эту грудь головой. Её левая рука с отчаянной силой перехватила правое запястье гарпии. Прыжком рванувшись вверх, она обвила самку поперёк тела ногами, уходя от удара грозных когтей. Одновременно её правая рука, сжимавшая нож, взвилась над головой и нанесла удар. Сперва лезвие скользнуло по рёбрам, но затем коснулось мускулистого живота. Гарпия пошатнулась. Ки что было сил сжимала рукоять ножа и втягивала голову в плечи, уберегая её от неистово щёлкавшего клюва. Крепкую шкуру гарпии распороть было непросто, но ненависть добавила Ки сил: рана постепенно углублялась. Громадные крылья яростно хлопали, но Ки цепко висела на брюхе противницы, прижимаясь теснее самого страстного возлюбленного.

Гарпия развернула крылья во всю ширину. Последовал сильный рывок вверх. Ки ещё сильнее напрягла ноги, не позволяя гарпии стряхнуть себя на острые камни внизу. Она видела, как уплыл в сторону каменный карниз. Сперва гарпия круто взвилась вверх, потом закружилась и стала спускаться. Её передние лапы рвали волосы Ки, пытаясь сломать женщине шею. Голова Ки моталась, она перестала понимать, где верх, где низ. Ключья неба проносились мимо неё, то возникая, то прячась за бешено работающими крыльями. Ки вжималась лицом в тело гарпии, уходя от крючковатых пальцев, тянувшихся к её глазам. Куда они летели — к земле или от земли? Ки не знала. Её ногти впивались в костлявое запястье гарпии. Та высвободила руку, шарившую по лицу Ки...

Извернувшись, женщина умудрилась пнуть гарпию коленом в живот, сбив тем самым размеренный ритм её крыльев. Её ноги сейчас же снова оплели тело самки, а рука выдернула нож. Ки дотянулась как можно выше и до рукояти всадила нож Свена гарпии в грудь...

Раздался крик. Совершенно человеческий крик. Полёт превратился в беспорядочное падение. Крылья гарпии ещё продолжали бить, но удержать её в воздухе уже не могли. Два тела падали с высоты, тесно сплетённые в смертельном объятии. Ки закричала, но не от страха: страха для неё

больше не существовало. Гарпия умолкла. Может быть, она была уже мертва и движения её крыльев были всего лишь конвульсиями бездыханного тела. Небо и скалы безостановочно менялись местами. Вот кончик крыла задел поверхность утёса, развернув их и на какой-то миг замедлив падение. Кровь гарпии залила Ки лицо, и та ощутила на своих губах её вкус. Она по-прежнему крепко держалась за тело врага...

А потом откуда-то снизу протянулись колючие древесные ветви и вырвали их из объятий друг друга.

Когда Ки открыла глаза, стоял уже вечер. Она равнодушно посмотрела на свои ноги, застрявшие в изломанном кустарнике; голова и плечи Ки упирались в землю. При желании можно было проследить, как она катилась. Её падение основательно помяло густой куст, впуслав лучи заходящего солнца в самую его глубину. Ки лежала неподвижно, глядя на луну, уже начинавшую своё еженощное путешествие на другой край неба. Ромни верили, что луна видит всё, что делается на свете, и всё запоминает. Ки глуповато улыбнулась ночному светилу. Луне ни к чему больше за ней наблюдать. С ней покончено. Луна уже видела всё, что Ки суждено было совершить в своей жизни. Все дела были сделаны, ничего не осталось. Ки закрыла глаза...

Когда она открыла их снова, луна уже стояла выше и любопытно заглядывала между обломанными ветвями. Тело Ки испытывало жажду. Сама Ки не имела никакого отношения к этим потребностям, но тело настырно требовало внимания. Ки долго прислушивалась к ощущениям в пересохшем горле и во рту. Потом попробовала пошевелиться.

Она высвободила ноги, и они оказались на земле. Ки совсем не чувствовала своей левой руки. Она поискала её глазами и убедилась, что рука была всё ещё при ней. Дотянувшись правой рукой, она подняла её и устроила у себя на груди. Потом медленно перекатилась на правый бок, ожидая, что вывихнутое плечо откликнется болью, но боли не было. Плечо попросту отнялось. Ки посмотрела перед собой и встретила глазами с мёртвой гарпией.

До неё можно было дотянуться рукой. Мёртвая, она напоминала бумажного змея, смятого порывом ветра. Ки заглянула в глубину золотых глаз, которые смерть начала уже перекрашивать в гнилостно-коричневый цвет. Ки смотрела холодно. Она была рада, что они сражались, что ей всё-таки довелось раскромсать эту плоть и пролить кровь. Знать бы ещё, помнит ли гарпия в той преисподней, куда провалилась, какой смертью она умерла? Угрюмо улыбнувшись, Ки приподнялась на колени, потом заставила разбитое тело выпрямиться во весь рост. Она будет жить. По крайней мере пока. Она так решила.

Ки посмотрела на звёзды, высыпавшие в ночном небе. С того момента, когда она начала подъём на скалу, прошло уже немалое время, и ещё большее — с тех пор, как она оставила в укромном месте свой фургон и упряжку. Ки прикинула направление, провела рукой по лицу, отдирая спёкшуюся кровь и прилипшие волосы, и, хромая, зашагала через лес.

Небо понемногу серело, а окружающие предметы приобретали цвет, когда слуха Ки коснулось приветливое пофыркивание упряжных коней, издаലെка учуявших хозяйку. Ки хотела окликнуть их, но пересохшее горло отказалось повиноваться. Она пошла туда, откуда слышалось фырканье.

Её фургон стоял на небольшой полянке в лесу. Кони — она не стала стреноживать их перед уходом — подняли головы и с любопытством уставились на Ки. Один из них, по имени Сигурд, сразу почуял запах гарпии и, подозрительно фыркнув, на всякий случай отодвинулся подальше. Второй, кроткий Сигмунд, шарахнулся только тогда, когда она подошла совсем близко и на него повеяло запахом крови. Ки проковыляла мимо него к бочонку с водой, притороченному к боку фургона. Она открыла краник и предоставила воде литься, щедрыми горстями умывая руки, лицо, а потом и голову. Кое-как отмывшись от грязи, она принялась жадно пить. Прохладная вода пробудила к жизни её плечо: боль жгла, как раскалённое железо, загнанное глубоко в тело. С трудом разогнувшись, Ки завернула краник, потом безвольно осела наземь прямо посреди мокрого пятна, оставленного её умыванием.

Плечо начало распухать, рукав кожаной куртки сделался тесен. Нужно найти помощь, пока она окончательно не ослабела. Ки с трудом вскарабкалась по высокому жёлтому колесу фургона на дощатое сиденье. За ним находилась кабина, в которой она, возчица, жила и содержала своё хозяйство. Ки неуклюже забралась внутрь, постаравшись не задеть больным плечом за косяк узенькой дверцы. Спальная полка находилась высоко, и у Ки не было сил легко вспрыгнуть туда, как она это проделывала когда-то. Одежда, сложенные на соломенном тюфячке, так и притягивали взгляд, но Ки не могла позволить себе передышки.

На стенах тесной кабинки было полно всевозможных полочек, шкафчиков, крючков и деревянных гвоздей. Ки вытянула один из ящиков и извлекла из него рваные остатки старенькой юбки. Действуя здоровой рукой и зубами, она оторвала кусок и соорудила из него повязку, подвесив больную руку на груди. Потом оторвала колбаску от длинной связки, свисавшей с крюка на низком потолке. Ки впилась зубами в жёсткое, пряное мясо, и пустой желудок немедленно откликнулся голодным ворчанием: с тех пор, как она ела в последний раз, минул целый день и целая ночь. Лицо у Ки тоже болело, особенно больно было двигать челюстью. Ки вспомнила лапу гарпии, стиснувшую её лицо. Она проглотила разжёванный кусок и откусила ещё.

В крохотное окошко кабинки проникал серый утренний свет, но Ки в нём не нуждалась. Она и так наизусть знала здесь каждую мелочь. Запасная рубашка Свена по-прежнему висела на привычном гвозде. На полке валялась раскрашенная деревянная кукла-марионетка: неловкие пальчики маленького Ларса перепутали нити. На другой полке лежала игрушечная лошадка, лишь наполовину проклюнувшаяся из толстого чурбака. Рядом лежали резцы и стамески Свена. Никогда ему уже не доделать игрушку сынишке. Ки вспомнила, как он сидел у огня, как осторожно двигались его огромные руки, бережно выпуская лошадку из толщи чурбака. А рядом с ним, прильнув кудрявой беленькой головкой к отцовскому боку, сидела малышка Рисса. Вечно она совала носик чуть не под лезвие его ножа, двигавшегося так медленно, так осторожно...

Ки выбралась из кабинки и, скрипя зубами, спустилась на землю. Подняла здоровой рукой тяжёлые, толстые ремни сбруи и негромко звякнула ими. Громадные серые кони послушно подошли к ней. Их немало озадачил её хриплый, каркающий голос, но Ки, то подталкивая, то умоляя, заставила их встать как положено. Она надевала упряжь и застёгивала многочисленные пряжки, действуя по-прежнему одной рукой и зубами.

Наконец она забралась на сиденье и собрала вожжи. Ударом пятки сняла фургон с тормоза... Никто не подбежал и не забрался по колесу, торопясь занять место рядом с нею. Там, где к ней прижималось бы тёплое детское тельце, теперь дышал холодом стылый утренний воздух. Напоследок Ки бросила усталый взгляд в небо. Оно было синим и совершенно пустым. Она всё-таки изгнала с этого неба зловещие крылья. Ки пожала плечами и легонько встряхнула вожжи. Серые кони напряглись и потянули. Ки поехала вперёд.

Одна...

етер донёс до слуха Ки смех, потом обрывки старой, с детства памятной песни, и её губы тронула невольная улыбка. Серые тяжеловозы Сигурд и Сигмунд, и те наострили уши и принялись побыстрее переставлять могучие медлительные копыта. Они знали, что впереди ждал яркий костёр, прохладная вода и лужайка с зелёной свежей травой. Ещё там будут другие фургоны, множество детей, чьи маленькие руки так славно гладят и похлопывают по бокам, и, конечно, кони, выпряженные на ночь. Ки сразу заметила, как оживились её любимцы, и ощутила это, будто невятный пощёлок. Нет, в эту ночь Сигурд и Сигмунд не вкатыт её фургон в круг повозок ромни. Сколько времени минует, прежде чем она вновь решится въехать в их многолюдный лагерь и присоединиться к шумному веселью, сопровождавшему вечернюю пирушку?.. Может, вообще никогда. Слишком много призраков ехало вместе с нею в фургоне, глядяваясь сквозь ветви в мерцание костров за деревьями...

Ки достигла места, где от большака отделялась узенькая дорожка со следами колёс. Дорожка вела по усеянной пнями просеке. Хорошее место, где заночевавших ромни никто не потревожит до самого утра. Серые замедлили шаг и попытались свернуть. Ки дёрнула вожжи, не давая упряжке сбиться с избранного ею пути. Она старалась не слушать дружелюбного ржания, которым пасшиеся кони приветствовали её упряжку. Голоса ромни, сидевших во круг костров, сделались громче: кочевой народ понял, что мимо проехал фургон. Кто-нибудь обязательно спросит: «Кто это был?», и ему расскажут — полушёпотом. Вот так. Если она и дальше будет держаться особняком, она, пожалуй, превратится в легенду. Ки, одинокая возница с полным фургоном привидений. Она невесело улыбнулась.

Ки, избравшая одиночество и тем поправшая обычай народа, который принял её как свою...

С того дня, когда она сделала свой выбор, минуло уже два года. Дети, которые учились теперь говорить, были тогда едва заметными бугорками под фартуками у своих матерей.

Ки шаталась и едва не падала с сиденья, когда Сигурд и Сигмунд втащили фургон в круг света, в круг выстроившихся повозок...

Большой Оскар примчался бегом и подхватил начавшую падать Ки. Риффа приняла у него её лёгкое тело и уложила на мягкие шкуры у костерка. Многоопытным движением она дёрнула и повернула больную руку Ки, вправляя плечо. Ки вздрогнула, но рука начала слушаться. Риффа укрепила тряпочную повязку и принесла Ки горячего, пряного чаю, заправленного целебными зельями. Ки бессильно лежала на меховых одеялах, следя глазами за тем, как рослые, крепкие мужчины-ромни распрягают её тяжеловозов и уводят их прочь. Дети сновали кругом, по мере сил стараясь помочь взрослым: одни натаскали воды в опустошённые бочонки, другие вытащили из кабинки постель Ки и разложили её на траве. Потом Ки уснула и проспала до самого утра. Весь следующий день она ничего не делала, только наблюдала за женщинами — полными, крупными, разодетыми в яркие цветные юбки и просторные, не стеснявшие движений рубахи. Темноголовые большеглазые дети в изорванных одежонках бегали туда и сюда, играли, смеялись и верещали.

Ки повидала немало народов, но среди ромни она более чем где-либо чувствовала себя дома...

В лагере было семь повозок и порядочная толпа людей. Женщины-ромни были рослыми, темноволосыми и полногрудыми. Их красота и могучая стать перекликалась, по мнению Ки, с великолепием их упряжных лошадей — рослых, тяжеловесных, с густыми длинными гривами и коротко подстриженными хвостами. Мужчины были вполне под стать своим подругам; возраст разве только добавлял им кражистости — старики были несокрушимы, словно узловатые пни. А дети — дети играли в старые, как мир,

детские игры, резвясь на мягком мху под деревьями. Люди ходили между фургонами. Кто-то раскладывал постели проветриваться на траве, кто-то пёк лепёшки на плоских камнях в жару углей. Вот на просеку вышла из леса молодая пара: с пояса женщины свешивалась целая связка жирных, только что пойманных кроликов, а мужчина нёс корзину диких слив, собранных в лесу. Ладони Оскара были перепачканы клейкой чёрной мазью, которой он пользовал треснувшее копыто коня. Риффа тоже знай хлопотала: пропитывала маслом сбрую, кормила грудью меньшого, латала протёршееся одеяло... и при этом ни на шаг не отходила от Ки. Она приносила ей чай и еду, не дожидаясь, пока та попросит, и то и дело смазывала приятно холодившей мазью рваные раны у неё на лице. Ки ни о чём не расспрашивали. Экая невидаль: муж и дети подевались неизвестно куда, а женщину точно злые собаки кусали. Ромни не любили растравлять раны — ни себе, ни другим. Этот народ поколениями привык к тому, что времена тяжелы и легче не делаются. Лучшим лекарством от всех бед они почитали молчание.

Мало-помалу сгустилась новая ночь, и на просеке ярче расцвели огненные цветы. Тени деревьев превратились в плотные стены бархатной тьмы, окружавшие просторный зал, крышей которому служило усыпанное звёздами небо. В ночном воздухе разлилось тепло и удивительный, физически ощутимый покой. Дети заползли спать под уютные одеяла возле костров. А взрослые начали собираться к костру Риффы и Оскара. Каждый принёс с собой по несколько поленьев; их подбрасывали и подбрасывали в огонь, пока его жар из приятного не сделался нестерпимым. Ки сидела чуть в стороне от всех, накинув на плечи одно из своих меховых одеял. Рука налилась тупой болью и глухо ныла. Когда Ки моргала или открывала рот, на лице натягивались засохшие струпы. Но боль тела мало что значила по сравнению с пустотой в душе и сознанием того, что её незадавшаяся жизнь нынче ночью должна была перемениться в очередной раз — и опять к худшему.

Никто не сказал ей ни единого слова. Ки знала обычай, исполнения которого они от неё ожидали. Ей полагалось пойти к своему фургону и вынести всё, что при-

надлежало Свену и детям. Скорбящие не должны хранить у себя имущество мёртвых. Их надо раздать друзьям, освобождая души ушедших от всего, что окружало их на земле. А то, что для Ки слишком много значило, что она не сможет отдать — она подарит огню. Когда же в повозке останется только принадлежащее самой Ки, женщины расплетут ей волосы. Они распутают узелки и косички, означавшие траур, в знак того, что время скорби миновало. И в дальнейшем будут как можно реже поминать её мёртвых, дабы не тревожить их души в том мире, куда они унеслись...

Ки молча смотрела на языки пламени, тянувшиеся к небу. Кипящие клочья огня отрывались, взлетали и гасли высоко над костром. Ки не шевелилась. Ромни ждали...

Риффа первой набралась мужества и обратилась к Ки.

— Пора, сестра, — твёрдо проговорила она. — Ты знаешь, как тебе следует поступить. Когда уходил твой батюшка, Азтан, ты ведь не колеблясь сделала всё, что положено. Вставай, Ки. Пора! Пора оставить скорбь в прошлом!..

Ки выдохнула только одно слово:

— Нет.

Потом она поднялась на ноги и встала рядом с Риффой, лицом к другим ромни, ожидавшим возле костра. Забытое одеяло свалилось с её плеч, и ночной холод разбередил раненое плечо, заставив его отозваться новой болью. Ки заговорила, ощущая при каждом движении, как натягиваются на лице подсохшие порезы.

— Нет, — повторила она громко и чётко, так что слышали все. — Я ещё не готова сделать это, друзья... Я ещё не могу отдать прошлому свою скорбь. Да, я чту ваши обычаи... они ведь стали и моими... с самого детства, с тех пор как со многими из вас мы вместе играли... Но и к сердцу своему я не могу не прислушаться. И я... я пока не готова с ними проститься. Я не готова...

Множество тёмных глаз смотрело на неё спокойно и прямо. Ки знала: никто не станет попрекать её, не закричит, не рассердится. Они лишь пожалеют её, и то про себя. Они тихо поговорят между собою, удручённые тем, что она так упорствовала в своём горе, не желая отрешиться

от смертей, постигших её семью. Самой Ки они ничего не скажут. Не выдадут себя ни словом, ни жестом. Она всего лишь станет среди них человеком-призраком, человеком-не-как-все, добровольной изгнанницей. Никто из них больше не сможет иметь с нею дела, чтобы её тоска по умершим не перекинулась и на их семьи. Ки знала, что они станут о ней говорить. «На двух коней разом не сядешь». Она должна сделать выбор — либо мёртвые, либо живые...

Ки молча смотрела, как они расходились прочь, исчезая, словно струйки дыма в ночи. Каждого ждал свой костерок, спящие дети и расписная кибитка. Это были крытые жилые повозки ромни — народа-путешественника, одержимого тягой к перемене мест. Ки посмотрела на свой фургон. Две трети его занимал открытый кузов, предназначенный для всевозможных товаров, которые она покупала в одном месте, а продавала в другом. В отличие от беззаботных ромни, Ки никогда не рассчитывала, что дорога её прокормит. Она никогда в полной мере не следовала обычаям народа, который считала родным.

— Всё-таки я — не ромни, — сказала она вслух. Она ни к кому не обращалась — ей просто хотелось услышать, как прозвучат эти слова. Она даже вздрогнула, когда рядом прозвучало:

— Тогда кто же ты?

Только тут Ки заметила, что Риффа почему-то не ушла вместе с остальными и по-прежнему стояла рядом с ней в темноте. Их глаза встретились. Круглое лицо женщины с трудом угадывалось впотьмах — только блестящие, полные искреннего чувства глаза. Ки задумалась над её вопросом, мысленно перебирая все когда-либо виденные ею народы, все города и посёлки, чьи улицы когда-либо ложились под колёса её фургона... Сколько племён, сколько обычаев! Но среди всего этого разнообразия не было ничего, что Ки хотелось бы назвать своим. Потом она задумалась о народе Свена — рослых, светловолосых земледельцах с дальнего севера. Ей предстояло отправиться туда, чтобы сообщить о его смерти. Может быть, ей следовало теперь назваться одной из них и попытаться жить по их обычаям?.. Подобная перспектива заставила Ки мыс-

ленно отшатнуться. Она ведь не пошла на это и тогда, когда они со Свеном поженились. Напротив, это Свен выстроил фургон, привёл пару серых — и перенял её образ жизни. Стал жить как ромни... И вот он был мёртв, и с ним умерли его дети. А Ки не могла горевать о нём так, как полагалось бы женщине-ромни. Потому что сама она не была ромни.

Я не ромни, снова подумала Ки. Но кто же я?..

— Я — Ки, — сказала она, и в голосе её прозвучала уверенность, которой она вовсе не ощущала. Риффа слушала её, стоя рядом в темноте. В её черных глазах отражился огонь. Потом она опустила взгляд.

— Что верно, то верно, — проговорила она. И добавила: — Возвращайся к нам, Ки, как только сможешь. Нам будет тебя недоставать...

Ки покинула стоянку ранним утром следующего дня, не дожидаясь, пока займётся рассвет. Никто не пожелал ей счастливого пути. Ни одна живая душа не вышла посмотреть, как она уезжает; казалось, никто не услышал рокота и скрипа колёс...

...Минуло время. И вот Ки снова ехала в темноте, на сей раз — вечерней. И, минуя стороной совсем другую стоянку ромни, гадала про себя: не было ли в том лагере кого-нибудь, кто её знал? Потом невесело усмехнулась и повернула вопрос другой стороной: а найдутся ли теперь вообще какие-нибудь ромни, которые пожелают с ней знаться?..

Кони отрешённо шагали вперёд, катя фургон безо всякого желания и азарта. Когда стусившийся мрак сделал дальнейшее путешествие невозможным, Ки выбрала место для стоянки. Дорога здесь расширялась; с одной стороны находилась утоптанная площадка, наверняка раскисавшая в дождь, но теперь ссохшаяся и кочковатая. Позади неё небольшой спуск вёл к подсохшему болотцу, заросшему жёсткой травой и чахлыми, низкорослыми деревьями-арфами. Воды для коней здесь, к сожалению, не было, но Ки несколько ранее напоила их из ручья, а ночью наверняка выпадет густая роса. Так что как-нибудь обойдутся.

Ки слезла с сиденья и распрягла серых, а потом, негромко приговаривая, обтёрла обоих тряпкой, особенно в тех местах, где к потным шкурам прилегали ремни упряжи. Она не стала ни привязывать, ни стреноживать коней — просто пустила искать травку посочней. Двум громадным тяжеловозам требовалось невероятное количество корма, так что Ки приходилось постоянно заботиться об их пропитании. Она послушала, как они обрывали и пережёвывали жилистую траву, и нагнулась поискать сушняка. Ветерок перебирал ветви деревьев-арф, и они отзывались негромким пением, словно струны.

Ки устроила костерок рядом с фургоном, по другую сторону от дороги. Нацедив в котелок воды из бочонка, она повесила его закипать над огнём. Потом наведальась в кабинку и вынесла съестные припасы: травы для заварки, вяленое мясо, сушёные корни, чёрствый домашний хлеб и три сморщенных яблока. Положив травы в горшочек, она заварила их кипятком из котелка. В оставшуюся в котелке воду она бросила вяленое мясо и нарубленные корни и опустила на корточки, прислонившись спиной к выпуклой ступице колеса и ожидая, когда заварится чай. Она надкусила одно из яблок, и сейчас же, приняхиваясь, подошли оба серых и полезли носами ей в руки, требуя угощения.

— Лакомки, — попрекнула их Ки.

Огромные кони аккуратно взяли яблоки с её ладоней, схрумкали их и вновь взялись за траву. Ки вытерла руки о штаны и полезла в посудный ящик за кружкой.

Посудный ящик был приторочен сбоку фургона, рядом с бочонком для воды. Идея принадлежала Свену, не желавшему всё время лазить в тесную кабинку и назад. Он терпеть не мог есть внутри, предпочитая обочину дороги в качестве обеденного стола. Ки с ним не спорила — ей было всё равно... Откинув резную крышку, она вытащила одну кружку, одну неглубокую деревянную миску и ещё деревянную ложку. Тоже одну. Остальное снова исчезло под крышкой.

Ки молча потягивала чай, ожидая, пока сварится мясо, и заодно обдумывая свой завтрашний путь. Ей не очень-то нравился её нынешний подряд. Ей не нравился ни груз, ни

заказчик, ни то, что предстояло ехать по незнакомой дороге, причём в крайне неподходящее время года. Здесь, на равнине, лето шло на убыль, а перед Ки лежал путь через холмы, где властвовала уже самая настоящая осень, и потом ещё в горы, где и вовсе толком никогда не прекращалась зима. Ки нахмурилась. Свела же её нелёгкая с этим Ризусом. Ему, прах его побери, почему-то понадобилось предложить ей кучу денег за эту поездку да ещё заявить — когда, мол, доставишь, тогда и ладно, не к спеху. Ки, помнится, сразу подумала о гораздо более удобном перевале Носильщиков, расположенном в какой-то неделе пути к югу. Ки полагала, что изрядный крюк тем не менее обернётся выигрышем во времени. Но тут Ризус упёрся. Он боялся, что на той дороге кто-нибудь выследит её с грузом, и настоял на том, чтобы она ехала через перевал Две Сестры. Пусть это был непонятный каприз, но Ризус предложил за его исполнение дополнительную плату. Причём такую, что Ки решила пренебречь доводами здравого смысла. Ладно, завтра она будет в предгорьях. А к вечеру, если повезёт, — на самом пороге перевала. Ки со вздохом подняла глаза и посмотрела на хребет, громоздившийся на горизонте. Неясная зубчатая тень, заслонявшая звёзды...

Ки быстро съела тушёное мясо, не дожидаясь, пока оно остынет у неё в миске. Начисто вытерла хлебом миску и котелок и отправила хлеб в рот. Допила чай и выплеснула чайники в огонь. Потом с привычной аккуратностью убрала всю посуду на место. Обошла фургон кругом, проверяя, в каком состоянии колёса и утварь. В кузове фургона лежали мешки из грубой ткани, полные соли. Один из верхних мешков был, видимо, с дыркой — наружу высыпалось немного розоватого порошка. Ки ещё посмотрела, как там её кони, и полезла в кабину.

Она держала в руке свечу, и тени, заполонившие кабину, попрятались под кровать. Ки закрыла за собой узкую дверку и посмотрела в крохотное окошко. Оно выходило в другую сторону от дороги; в нём ничего не было видно, кроме ночного неба. Ки села на пол и устало стянула с ног исцарапанные кожаные башмаки. Потёрла глаза, почесала шею под волосами, всё ещё связанными в траурные узелки... Потом запустила палец в неприметную

трещину в стенке фургона и вытащила небольшой деревянный гвоздь. Открылась потайная дверца, и Ки вынула то, что в действительности являлось её грузом.

Маленький, почти невесомый кожаный мешочек лёг ей на ладонь. Ки любовно подбросила его на руке, и содержимое забренчало. Ки распустила завязки и перевернула мешочек. На ладонь выкатились огненные искры: три синих, красная, две большие прозрачные. Вот за что Ризус заплатил ей такую уйму денег.

— Слишком многие знают, чего я здесь понакупил, — доверительно сообщил он ей. Глаза его при этом знай шаривали стены маленькой гостиничной комнаты, где он остановился. Он как раз наливал Ки вина, но руки тряслись, и вино выплеснулось через край. — Я знаю, что за мной следят. Я слышу по ночам, как кто-то ходит за дверью. Я придвигаю к двери стол... и всё равно не могу спать. Они перережут мне горло!.. Ограбят!.. А что подумают обо мне дома, если я вернусь с пустыми руками? После стольких-то лет торговли и странствий!.. И зачем только я купил эти проклятушие камни!.. Но, с другой стороны, когда ещё подвернутся такие прекрасные самоцветы, да к тому же так дёшево?.. Никогда ещё у меня не было столь дивных камней... чистых, безупречных... Подумать только, какие деньги я выручу за них в Диблуне!

— Сперва надо их ещё доставить туда, — заметила Ки.

У неё не было ни малейшего желания выслушивать его кудахтанье. Пусть переходит наконец к делу — или она пойдёт искать заработка где-нибудь в другом месте. До сих пор ею двигала в основном жалость: Ризус случайно встретил её на улице и так трогательно обрадовался знакомому лицу. Город же, где всё это происходило, назывался соответственно — Сброд.

— Об этом не беспокойся — я такой план придумал! — гордо улыбнулся Ризус. Наклонился к ней через столик и перешёл на шёпот: — Я отправлю отсюда в Диблун троих нарочных — юнцов на быстрых конях, без поклажи, но вооружённых. И тебя. Но ты выедешь несколькими днями попозже, причём после того, как мы с тобой шумно разругаемся в нижней комнате за обедом... Понимаешь, к чему я клоню?

Ки медленно кивнула, но брови над настороженными зелёными глазами сдвинулись в одну черту:

— А что те молодые всадники? Их-то ты предупредишь, что они, может, жизнью заплатят за эту твою маленькую хитрость?

— Даже и не намекну. — Ризус красноречиво пожал плечами. — Они тоже повезут кое-что, хотя и несравнимо менее ценное. Знаешь ли, умный человек всегда может подыскать молодцов, для которых такая опасность — что пряная приправа. Так что тут никаких сложностей. К тому же им будет заплачено вперёд... на всякий случай... Нет, Ки, главным моим посыльным будешь ты. Именно ты провезёшь мои драгоценности через перевал. Кому придёт в голову, что ради крохотного узелка снарядили громадный фургон? Особенно если мы нагрузим тебя мешками с солью для продажи по ту сторону гор?..

Ки молча смотрела в его маленькие, близко посаженные голубые глаза. Круглые, как у поросёнка, подумалось ей, и прямо-таки погребённые в обширных бледных щеках. У Ризуса было массивное бочонкообразное тело на неправдоподобно тощих ногах. Тем не менее он упорно одевался так, как одевались в этом городе состоятельные юнцы — вычурно и безвкусно. Его короткий алый плащ был того же цвета, что и облегающие штаны. Камзол, туго натянувшийся на животе, был полосатый, кричащих тонов. Ки опустила глаза, разглядывая исцарапанную столешницу. Можно ли, спросила она себя, ожидать настоящей деловой хватки от человека, подобным образом разодетого?.. Потом её губы тронула улыбка. Разве не для этого самого Ризуса перевозила она всякую всячину с тех самых пор, как завела себе фургон? А прежде неё — Аэтан?.. Другое дело, Ризус никогда не был её любимым клиентом. Слишком часто он путался с контрабандой, да и честно заработанные деньги отдавал с порядочным скрипом. Сколько раз он принимался сыпать проклятиями, когда она принуждала его выполнить свою часть контракта. Но, когда ему вновь требовался заслуживающий абсолютного доверия возчик, Ризус ментально забывал прежние ссоры и разногласия. В общем, многовато воды утекло, чтобы рассуждать теперь о его здравом смысле. Или отсутствии такового.

Вот так и получилось, что Ки всё же приняла половину щедро отсчитанных денег; остальное — после благополучной доставки. Будь на месте Ки кто-нибудь другой, Ризус точно извёлся бы, беспокоясь за свои камушки. Но он знал Ки много лет и не имел ни малейшей причины подвергать сомнению её честность.

Она провела в Сброде ещё несколько дней, без большой спешки готовя фургон к дальней поездке. С Ризусом они постоянно виделись и были в глазах окружающих добрыми приятелями. Тем больше было потрясение, пережитое постояльцами гостиницы, когда однажды в тихом разговоре торговца и возницы стали проскальзывать всё более напряжённые нотки, постепенно сменившиеся откровенной бранью. Ки поставила точку, обозвав его откормленным хряком в петушиных перьях. Ризус на это выплеснул ей в лицо содержимое своего стакана — местное бренди, огнём обжигавшее нёбо. После чего Ки стремительно вышла, по пути перевернув на Ризуса столик с только что поданным дорогим ужином...

Ки усмехнулась и убрала драгоценные камни обратно в тайник. Уж конечно, он обязательно припомнит ей эту выходку, когда они встретятся в Диблуне. Ругалась — и ругалась бы себе на здоровье, скажет он ей, но еда!.. Такая еда!.. Это грех, который он ей не скоро простит...

Ки задула свечу. Стащила в темноте курточку и пропылённые штаны — и, взобравшись на спальную лавку, зарылась под одеяла. Вытянулась во всю длину на пустой постели... и заснула.

гостиница «У Сестёр» располагалась на небольшом ровном пятачке, как раз в том месте, где предгорья уже всерьёз подумывали, не пора ли им становиться горами. Вокруг гостиницы ещё росли деревья, но ветви у всех были вытянуты в одну сторону. Несчастные, скрюченные деревья, изнурённые и обезображенные постоянной борьбой за жизнь. Сама гостиница — деревянный дом, серый от непогод — производила то же впечатление упрямого, цепкого выживания несмотря ни на что. Все её окошки были снабжены плотными ставнями. Длинное приземистое здание, казалось, жалось к земле, прячась от неумолимого ветра. Ветер отдувал облезлый гостиничный значок, так что тот висел на цепях не вертикально, а под углом. Значок изображал двух человеческих женщин, слившихся в страстном объятии. Ки скептически осмотрела его. Художник явно имел весьма относительное понятие об устройстве человеческого тела. Интересно, подумала Ки, к какому народу принадлежит здешний хозяин. Во всяком случае, по виду двора этого нельзя было определить. Ки обнаружила там два открытых фургона и трёх упряжных животных у коновязи. Позади гостиницы, впрочем, виднелось нечто вроде конюшни...

Ки натянула вожжи, и серые благодарно остановились. С самого утра они тащили фургон то по утопанной земляной дороге, то по мелким камням. Покамест им не приходилось одолевать особенной крутизны, но постоянный подъём в гору всё равно выматывал силы. Ки намотала вожжи на рукоять тормоза и спрыгнула с сиденья. Ей ничего не приходилось слышать про эту гостиницу — ни хорошего, ни дурного. И это при том, что у неё успели кончиться медяки. Стоит ли показывать в здешних местах чеканное серебро, хотя бы даже мелкое?.. Обдумывая

это, Ки привычно запускала руки под сбрую, приподнимая тяжёлые ремни и передвигая их поудобнее. Сигмунд опустил тяжёлую голову и потёрся, напрашиваясь на ласку.

Ветер раздувал капюшон плаща Ки. Скрип, а затем стук деревянной двери заставил её оглянуться. На пороге появился хозяин гостиницы, и загадка разрешилась: он принадлежал к племени динов. Он наклонился в сторону Ки, приглядываясь к стройной, худенькой фигурке в сапогах, кожаной рубашке и таких же штанах. Ки вперила в него пристальный взгляд, нарочно округлив свои зелёные глаза, и хозяин заметно смешался. Она на то и рассчитывала. Мало кто мог вынести взгляд блестящих, влажных человеческих глаз.

Дин не спеша соскользнул по пандусу крыльца и последовал навстречу Ки через двор.

— Одна человек? — с акцентом спросил он на Общем.

Она кивнула и только потом вспомнила, что для динов этот взгляд мало что значил.

— Одна. И упряжка в две лошади, — ответила Ки. В самом деле, почему бы не попытаться.

— У нас есть комнат, подходящий для человек, — заверил её дин. — Нужно только уважай наша обычай и заплати вперёд за постой. Пол-медяка одна ночь для человек и за ужин. Один медяк за каждый лошадь... за такой большой лошадь!

Дин подошёл совсем близко, притворяясь, будто любит Сигмундом, но надежда Ки на уютный ночлег начала испаряться. Серая макушка дина так и колыхалась: он силился осмотреть коней и притом не выдать себя. Ки смотрела, как раздувалось и опадало пухлое, лишённое конечностей тело. Она знала, что его гладкая, голая кожа не замечала ни холода, ни жары. А значит, ему дела не было до холодного, пронизывающего ветра, постоянно дувшего с гор. Предвидя, что он сейчас скажет, Ки молча забралась обратно на свое сиденье. И точно.

— Твои лошадь оскоплены! — объявил дин. Несмотря на акцент, в его невнятном голосе слышалось раздражение и гнев, а по телу распространился розовый румянец, выражавший у динов величайшее душевное волнение.

— Холостить упряжных коней — обычай моего народа, — ответила Ки и торопливо подобрала вожжи.

— Твоя не найдёт здесь гостеприимный кров! — прогремел дин, исполненный сознания собственной правоты. — Мы не имеем дело с разумным существом, который калечат другие существа ради своего удобства!

Ки устало кивнула, потом вновь облекла свой жест в слова:

— Да знаю я, знаю. Вот только посмотрела бы я на вас, динов, если бы кто-нибудь зазимовал тут у вас с парочкой жеребцов. Ладно, ладно, не пыхти! Уже уезжаю!

Ки тронула вожжи, и кони неохотно налегли, трогаясь с места. Большие жёлтые колёса начали поворачиваться.

— Перевал Две Сестры закрыта! — уже сзади с торжеством прокричал дин. — Твоя придётся ехать обратно через холмы. А если твоя хочет в это время года через хребет, твоя отправляйся на юг, на перевал Носильщика!

— Я слышала, если постараться, можно проехать и здесь.

— Если твоя дурак, тогда попробуй! Уже выпало много снега! Поворачивай, твоя всё равно не проедет. Твоя всё равно вернётся, а мы не пустим под кров!

— Я не вернусь, — пообещала Ки через плечо.

Скрип колёс по изрытой дороге заглушил дальнейшие предостережения, которые дин продолжал выкрикивать ей вслед. Ки ехала вперёд, стараясь как можно скорее позабыть о гостинице. Тоже ещё размечталась. О куске свежего, сочного мяса. О мягкой пуховой перине в светлой, тёплой, сухой комнатке... Ладно, утешила она сама себя. Все же знают, каковы гостиницы динов и что они подразумевают под «комнатами, подходящими для людей». Сами дины предпочитали жить в сырости. К тому же Ки не получила бы здесь ни мяса, ни пуховика, ни каких-либо животных продуктов — разве что влажную охапку прелой соломы да миску тёплой овсянки. Удобства, которые дины предоставили бы человеку, этим и исчерпывались. В общем, есть о чём горевать.

И всё же, всё же... Ветер, холодивший лицо и руки, казался Ки вдвое злее, чем раньше, перед тем как она увидела гостиницу. Не останавливая серых, она растворила

дверцу кабинки, наклонилась вовнутрь и выудила небольшой мех кислого вина. Ки смочила им рот, потом выпила глоточек. Давнишняя привычка заставляла её строго беречь припасы, в особенности на незнакомой дороге, когда неизвестно, чего ждать впереди. Прежде чем выехать из Сброда, она запаслась всем необходимым. Однако привычка, выработанная всей жизнью, брала своё.

Сиденье плавно покачивалось под нею, восемь крепких копыт отбивали уверенный ритм. Ки посмотрела на широченные серые спины и, подбадривая коней, чуть-чуть трянула вожжами. Сигмунд мотнул головой — понял, дескать, — а Сигурд, настроенный по обыкновению скептически, фыркнул. Вынесут, подумала Ки. Они втроём много чего повидали. И ни разу ещё друг друга не подводили...

В местах, которые они теперь проезжали, стояла уже глубокая осень. Трава по сторонам дороги совсем высохла, а ели налились тёмной зеленью, готовясь к зиме. Этак ко времени ночлега они, пожалуй, въедут уже в настоящую зиму. Иногда, особенно на поворотах, Ки видела между деревьями дорогу, извивавшуюся вверх по склону горы. Склон переливался в солнечных лучах белым, серым и голубоватым. Ки нахмурилась: больно уж странно проложен был этот тракт. Его, казалось, проложили таким образом, чтобы получилось как можно больше петель между гостиницей и собственно перевалом. Не было такой ложбинки, в которую он бы не нырнул, такого пригорка, за которым он бы не спрятался...

Когда Ки остановилась у гостиницы, была примерно середина утра; в полдень она сжевала полоску вяленого мяса, но остановку, чтобы приготовить еду, делать не стала. Ещё будет время, когда темнота сделает дальнейшее движение невозможным. Сверху, с гор, навстречу Ки дул ветер — несильный, зато дышавший холодом вечных снегов. Ки поёжилась, предчувствуя мороз, который ждал её там, наверху.

Потом небольшой холмик заслонил фургон от ветра. Покачиваясь, он катился вперёд, и поскрипывания деревянных сочленений казались Ки голосами каких-то зверушек, беседовавших друг с другом. Это действовало усып-

ляюще. Где-нибудь на знакомом большаке Ки, пожалуй, поддалась бы искушению и задремала, предоставив серым самим шагать по дороге... Но здесь — нет. Ки выпрямила спину и нарочно откинула капюшон, чтобы ветер охлаждал ей лицо. На горной дороге наподобие этой в любой момент мог объявиться размытый каменистый брод или, не лучше того, вязкая грязная лужа. Ещё не хватало проснуться от толчка, когда колёса с хлюпаньем увязнут в грязи или ось с треском врежется в камень...

Ки почесала шею сзади под волосами и созналась себе, что на нервы ей действовала ещё и особая ценность перевозимого груза. Собственно, подобное тоже было ей не впервой. В разное время в потайном шкафчике путешествовали и драгоценные камни, и бумаги, признававшие наследницей незаконнорожденную дочь, а однажды — запретная книга, запечатанная от любопытных глаз зелёным воском, к которому приложил свой перстень колдун. Так что ценность груза была, в общем, ни при чём. Больше всего беспокоили Ки хитроумные предосторожности Ризуса. Что, если у толстячка была вовсе не мания преследования, как она привыкла считать? Что, если за ним и правда кто-то следил? Что, если ОНИ обратили внимание на разосланных им многочисленных нарочных и задумались, что бы это значило? А если ещё принять во внимание напыщенные манеры самовлюблённого коротышки и его любовь к бренди... Да, такому, как Ризус, понадобятся величайшие усилия, чтобы не расхвастаться во хмелю о том, как ловко он всех обманул. Но даже если он и продержится после её отъезда несколько дней, — можно ли сравнить черепашую скорость нагруженного фургона с резвым галопом всадника на быстром коне?.. Надо ли говорить, что весь остаток дня Ки так и этак размышляла над этой возможностью. Дошло до того, что удивительно щедрая плата, предложенная Ризусом, и та стала казаться ей подозрительной...

Незадолго до темноты серые перебрались через широкую мелкую реку, пересекавшую дорогу. Переход оказался нетрудным: дно реки выстилала галька, мелкая и надёжная под копытами. Выбравшись на ту сторону, Ки направила коней на небольшую ровную поляну, прикрытую от

ветра зарослями низкорослого ельника. Что там встретится дальше — никому не известно, а здесь по крайней мере была вода и какое-никакое укрытие. Ки решила устроить ночлег.

Сперва она позаботилась о конях: вытерла обоих и укрыла каждого собственной попоной. Попоны были несколько поношенными: ей подарили их тогда же, когда и Сигурда с Сигмундом. На какой-то миг она снова увидела искорки смеха в синих глазах Свена — он так обрадовался её изумлению, — ощутила шершавое прикосновение его огромных мозолистых ладоней, когда он вручал ей поводья диковато косившихся серых трёхлеток. Новенькие, скрипучие поводья... Ки отогнала видение прочь. В то время попоны были великоваты коням. А теперь они почти вытерлись. При первом же случае выброшу их, куплю новые, твёрдо пообещала себе Ки. Она отлично знала, что не сделает этого.

Ки приподняла и переложила на другое место дырявый мешок с солью, лежавший в кузове фургона. Потом развязала тот, что лежал под ним, и вытрясла из него щедрую порцию зерна. Проголодавшиеся тяжеловозы немедленно подошли и, пофыркивая, принялись подбирать корм с вялой осенней травы. Ки уложила на место мешочек с зерном и прикрыла его соляным. Это была ещё одна уступка со стороны Ризуса. Если уж нужен для отвода глаз какой-то груз, сказала она ему, так пусть это будет, по крайней мере, что-то такое, что мне пригодится в пути. Ещё не хватало, чтобы коням в горах пришлось голодать!

Покончив с зерном, кони отошли прочь и стали щипать траву, редкими клочками росшую на склоне. Тем временем Ки привычно занялась делами, заполнявшими её одинокие вечера. Затешила костерок с подветренной стороны фургона, повесила над огнём кипятиться покрытый копотью котелок, отделила часть припасов для ужина. Заварив чай, она дала ему настояться до черноты, а потом выпила, обжигаясь и чувствуя, как он льётся в пустоту живота. Ей хотелось есть, и от этого голод стал только острее. Ки поставила наземь глиняную кружку и потянулась помешать суп ножом, которым резала мясо...

В это время Сигмунд ударил копытом и шарахнулся, испугавшись чего-то. Сигурд громко фыркнул и взвился на дыбы, молотя передними ногами. Ки вскочила на ноги и увидела, как её кони убегают прочь от фургона. Она оглянулась, перевернув кружку и разлив чай, и тут чёрная тень бросилась на неё из темноты и опрокинула навзничь.

Ки так ударилась затылком о твёрдую землю, что искры полетели из глаз. Она отчаянно отбивалась, наугад колошматя мужчину, которого едва могла разглядеть. Ей удалось как следует лягнуть его и не дать прижать себя к земле. Перевернувшись, она привстала на колени и попыталась подняться, но сильный толчок в плечо снова опрокинул её наземь. Ки всё-таки откатилась, едва не угодив в огонь, и, пошатываясь, встала. Мужчина снова ринулся на неё. В последний момент Ки отступила в сторону и крепко сжатым кулаком ударила его в горло. Он издал каркающий звук, в котором изумление мешалось с болью. Мужчина потерял равновесие, и Ки набросилась на него сзади. Вместе они ударились о корму фургона и рухнули наземь. Он попытался поймать Ки, но она увернулась. Обжигаясь, она схватила с огня котелок и замахнулась им, расплёскивая брызги. Кипящая жидкость обрушилась мужчине на грудь, а сам котелок с треском впечатался ему в челюсть. Зашипев от боли, он свалился. Ки бросила котелок и подхватила нож. Потом ударила коленом в грудь пытавшегося подняться мужчину и села на него верхом. обнажённое лезвие коснулось податливой кожи на его горле. Незнакомец дёрнулся, но остро отточенное лезвие прорезало кожу, и он обмяк. Опустил руки наземь и раскрыл ладони — дескать, сдаюсь.

Какое-то время они не двигались, только тяжело дышали, глотая холодный, сырой воздух. Лошади, ринувшиеся прочь от фургона, остановились. Пламя костра бросало тени на лицо мужчины. Ростом он, пожалуй, был с саму Ки, если считать вместе с сапогами, но сложен покрепче: он весил бы на добрых полтора десятка фунтов больше неё... если бы не был до такой степени истощён. Он напомнил ей осиротевшего телёнка. У него были тёмные глаза и тёмные вьющиеся волосы, в которых застряли пахучие листья и клочки мха. Это придавало парню вид дикого

хищного зверя. Он тяжело ловил ртом воздух; видны были ровные белые зубы. Он смотрел на Ки снизу вверх, и глаза у него были, как у затравленного животного, полны страха и ярости. И Ки, сидя на нём верхом, на какой-то миг пожалела, что ему не удалось прикончить её. Насколько всё было бы проще... Незваная мысль неприятно поразила её. Ки передвинулась, плотнее усаживаясь у него на груди, и свободной рукой обшарила его пояс. Он вздрогнул от прикосновения, потом снова обмяк. Если он и носил нож, то не на поясе. Он лежал очень тихо, держа раскнутые руки ладонями вверх. Двигались только настороженные глаза. Ки смотрела на него, свирепо сузив зелёные глаза. Неожиданно его обросшие бородой губы скривились в ухмылке. Ещё миг, и он... засмеялся.

— Это ещё что? — сердито спросила она.

— Да ничего. — Он слабо улыбнулся, явно успокоившись за свою жизнь. — Я просто смотрю, в хорошенькое положение ты попала. Если бы ты собиралась меня убить, ты бы это уже сделала. А если ты не собираешься меня убивать, то что тебе со мной делать?..

Он снова хмыкнул, но смех тут же сменился раздражающим кашлем. Ки немедленно ощутила укол жалости, но не дала ему воли. Ещё не хватало. Она наклонилась пониже:

— На твоём месте я бы не была так уверена, что убивать тебя уже поздно. Мой ножик и твоё горло — они, знаешь ли, по-прежнему очень близко друг от друга...

Он помолчал, силясь отдышаться. Наконец его рёбра перестали ходить ходуном, и он спокойно проговорил:

— Я хотел только увести одного из твоих коней, а тебя трогать вовсе не собирался. Когда ты поставила чашку, я понял, что ты меня засекла, а значит, без драки дело не обойдётся. Тогда-то я и напал, рассчитывая быстренько скрутить тебя. Только вот не получилось.

Он снова закашлялся. Его худоба была явно болезненной, а в тёмных глазах горели лихорадочные огоньки. И снова Ки погнала ненужную жалость прочь, сказав:

— Украсть у меня в подобном месте коня — это и есть убийство. Самое настоящее. Ты ещё скажи, что собирался всего-то мне ногу отрезать и больше ни-ни. От-

веть-ка лучше, что за нужда заставила тебя сделаться во-ришкой?

Он подумал, прежде чем ответить:

— Мне нужно за перевал, а пешком туда не пробиться. Слишком далеко... снег, ветер... да и одет я... Я три раза пробовал, и всё без толку. Но на коне я бы...

— И первое, что пришло тебе на ум, — это украсть, — холодно подытожила Ки. — Мне почему-то казалось, что люди, попавшие в беду, сперва обычно просят о помощи, а потом уже пускают в ход силу. Если бы ты просто подошёл к моему костру и честь по чести попросил подвезти тебя за перевал — неужели ты думаешь, я бы тебя прогнала?

— А ты думаешь, я не пробовал? Дважды! И оба раза мне помогали добраться до границы снегов... а потом они разворачивали фургоны и возвращались в гостиницу «У Сестёр»! Потому что на фургоне там не проехать. Оба раза я умолял дать мне коня, но мне отказывали. Так что, потвоему, мне оставалось?

— Мог бы вернуться в гостиницу и переждать зиму. Или спуститься южнее и воспользоваться перевалом Носильщика...

Ки вовсе не нравилось, какой оборот принимал их разговор. Довольно глупо себя чувствуешь, разговаривая с человеком, у которого сидишь на груди, угрожая ножом. К тому же объяснения странного парня казались ей всё более убедительными. С ума сойти. Его нападение уже начинало казаться ей чем-то таким, что можно было понять и простить. Вроде того, как если бы её случайно толкнул в толпе незнакомец.

— Дины на меня тоже косятся, — продолжал между тем пленник. — Говорят, я им фальшивыми монетами заплатил. Откуда ж мне-то было знать?.. И вообще, будь у меня хоть грош, стал бы я ловить кроликов и грызть траву?.. Ну да ты этих динов не хуже меня знаешь. Уж до того любят всякую бессловесную тварь, зато разумное существо, которое чуть-чуть не укладывается в их представления, выгонят за порог и не почешутся, хоть ты околеешь. Я не могу туда возвратиться!

— Ты ещё не сказал, почему ты так рвёшься на ту сторону? — требовательно спросила Ки.

По его лицу прошла тень, и глаза снова сделались как у затравленного зверя. Он уставился на неё так, словно её вопрос коснулся чего-то потаённого. Ки не отвела взгляда. В конце концов, это она держала нож у его горла, а не наоборот. Она ещё решит, как с ним поступить, но прежде вызывает всё, что только возможно. Он утрюмо нахмурился, но потом на лице проступило безразличие. Он шевельнулся, словно пытаясь пожать плечами.

— Какая тебе разница, — сказал он. — Ну хорошо, мне понадобились деньги. Там, за горами, живёт моя семья. У меня есть родственники, которые и раньше помогали мне по мелочам. Вот я и надумал снова к ним обратиться.

Теперь уже Ки сдвинула брови. Эти рассказы показались ей мало похожими на правду. Так рисковать — и только ради того, чтобы... Но тут мужчина снова закашлялся, и Ки поймала себя на том, что отводит нож в сторону, — не порезался бы. Она сжала губы. Она была сама себе противна. Ки медленно поднялась и ещё медленнее убрала нож в ножны. Парень пристально наблюдал за ней. Он не пытался вскочить и лежал неподвижно, как если бы она всё ещё сидела у него на груди.

Ки демонстративно повернулась к нему спиной, держа тем не менее ухо остро. Подобрав полупустой котелок, она снова устроила его над огнём и долила уцелевшую гущу водой из бочонка. Мужчина не двигался. Ки с раздражением покосилась на него. Он всё так же лежал на спине, раскинув руки, и это обезоруживало. Нет, сказала себе Ки, никакого дела мне до него нет. Сейчас же прогоню его прочь — и от костра, и из своих мыслей. Она проследила взглядом за тем, как приподнималась и опадала его костлявая грудь под изорванной грязной рубашкой.

— Поедешь со мной, — тоном приказа произнесла она наконец. — Мне, как и тебе, непременно надо на ту сторону. И коли уж нам обоим приспичило, почему бы не отправиться вместе? А теперь давай-ка вставай, есть будем. Тоже мне, из трёх щечек сложенный...

— Поломанных притом, — охотно согласился он. Кряхтя и непритворно постанывая, он перевернулся и встал, ощупывая рёбра. — Или по крайней мере надтреснутых. Я столько постился, что даже ты меня едва не прихлопнула...

Он усмехнулся и поскрёб кудлатую голову. Тряхнул головой и принялся расчёсывать кудри пятернёй, вытаскивая листья и траву, набившиеся в волосы во время схватки.

Ки мрачно смотрела на него, не понимая и не принимая его шутливого тона. Уже давным-давно никто не отваживался шутить с ней. Тоже ещё весельчак. Можно подумать, не она только что пресекла его попытку воровства, скрутила его и приставила нож к горлу. И, пожалуйста, он стоял перед ней и криво улыбался. Она ждала от него чего угодно, но только не этого.

Ки наведальась в кабинку и вытащила дополнительную порцию еды, продолжая, впрочем, краем глаза следить за незнакомцем. Покрошила в воду коренья и мясо и стала помешивать. Он молча следил за ней. Она подняла наконец глаза, и его улыбка тотчас сделалась шире:

— Неужели ты меня даже не свяжешь? А вдруг я тебя всё-таки как-нибудь одолею и удеру на одном из твоих коней?

Передёрнув плечами, Ки натрясла немного чаю в горшочек и устроила его в горячих камнях возле огня.

— Кони уже достаточно напуганы, — сказала она. — Ты сам видел, я их не привязываю. Если захочешь увести одного из них, сумей сначала поймать. Положим даже, ты меня одолеешь... хотя это и сомнительно. Ну, допустим, убьёшь. Интересно, как ты их поймаешь, если от тебя будет разить моей кровью. Нет, если ты действительно хочешь за перевал, ты ничего подобного не предпримешь. У тебя одна надежда: делать то, что я скажу.

Ки с сожалением посмотрела на кружку горячего, только что налитого чая, которую держала в руках. Весьма неохотно она протянула её парню поверх костра и полезла в посудный ящик за второй. Он молча следил за тем, как она наливает себе, как прихлёбывает. Он держал кружку в ладонях, отогревая тощие руки. Ки смотрела на него поверх своей кружки, потягивая чай и улыбаясь про себя. Вот и она поставила его в тупик: теперь уже он явно не знал, как себя вести. Какие глупости. Ребячество. Ки презрительно хмыкнула, но дурацкое ощущение торжества так и не прошло.

Сварившийся суп начал пузыриться, и Ки разлила его в две миски. Одну из них она сунула парню в руки и не

без удовольствия проследила за тем, как он натягивал на руки драные рукава, пытаясь не обжечься ни супом, ни чаем. Ки привалилась спиной к колесу и принялась есть. Мужчина всё ещё стоял, держа в руках кружку и миску, словно это были какие-то предметы непонятного ему назначения. Потом опустился наземь, по-прежнему глядя на Ки. Она подняла глаза и увидела, что он поставил кружку и взялся за ложку. Он смаковал каждый кусочек и явно был не до конца уверен в том, что ему всё это не приснилось. Очистив миску, он нерешительно потянулся к котелку с чаем и вопросительно посмотрел на Ки. Она притворилась, будто не заметила его взгляда. В конце концов он решил и налил себе ещё.

Она пила чай, молча поглядывая друг на друга. Говорить было не о чем, и тем не менее Ки почувствовала нарастающее раздражение. Прах тебя побери, подумала она с досадой. Это мой фургон! И мой костёр! Почему я никак не могу собраться с духом и как следует тебя порасспросить? Припёрся незваным, натворил всякого безобразия — и молчишь себе, словно так тому и положено быть?.. Почему мне же ещё должно быть неловко?..

— Меня зовут Ки!

Это прозвучало почти как обвинение.

— А меня — Вандиен, — отозвался он с готовностью. Улыбнулся и отпил из кружки.

Отблески огня играли на его лице, и Ки попробовала представить, как бы он выглядел, если его как следует вымыть, подкормить и приодеть по-человечески. Поразмыслив, Ки пришла к выводу, что из него получился бы довольно симпатичный мужчина. Он в самом деле был чуть выше Ки и ненамного шире в плечах, но тело казалось мускулистым и ладным: выдавшая виды кожаная рубашка облегалась крепкий торс и узкие бёдра. Штаны у парня тоже были кожаные, кое-где протёртые и залатанные.

Ки присмотрелась к лицу. У Вандиена был прямой нос с высокой переносицей и красивые тёмные брови. Небольшой рот прятался в запущенных усах и бороде: без сомнения, Вандиен привык начисто бриться. А руки, державшие кружку, несмотря на мозоли, ясно говорили о том, что к тяжёлому труду ему пришлось привыкать уже взрослым.

Когда Ки снова посмотрела ему в глаза, Вандиен улыбнулся с таким видом, словно прочитал её мысли, и спросил:

— А тебя-то что гонит за перевал, Ки? Сделай милость, расскажи про себя немножко. Я ведь, побуждаемый твоим ножичком, вон сколько тебе всего рассказал — причём такого, что редко выбалтывают незнакомцам...

Он потягивал чай, преспокойно глядя на неё поверх чашки. Ки небрежно пожала плечами:

— У меня там дело. Нужно перевезти груз соли: срок вот-вот выйдет, а опаздывать я не люблю. К тому же я давно собиралась посмотреть новые места. По эту сторону хребта я каждую тропку наизусть знаю, надоело. А за горами, я слышала, и платят лучше...

— Если и лучше, то совсем ненамного, — сказал Вандиен. — И надо быть просто помешанным на торговле солью, чтобы в такое время года тащить её через перевал Сестёр!

Ну только что прямо не назвал меня лгуньей, подумала Ки.

— Стало быть, я и есть помешанная, — ответила она сухо. — По крайней мере, это помогает мне не опуститься до воровства.

— Ах! Как мучит меня совесть!.. — воскликнул он и шутовским движением схватился за сердце, ни дать ни взять пронзённое ударом рапиры. Потом отнял руку и расхохотался. Ки не выдержала и улыбнулась в ответ. Ну и мужик.

— Завтра начнутся снега, — сказала она, допивая чай. — Надо будет выехать пораньше.

Вандиен поднял кружку таким жестом, словно это был бокал вина на званом обеде.

— За ранний выезд, — провозгласил он таинственным голосом и опрокинул в рот остатки остывшего чая.

Ки не ответила на его тост. Застыв с кружкой в руке, она смотрела на Вандиена. Ей казалось, он словно перевернул в её сознании некий камень, и жаба, сидящая неподалеку, подмигнула ей жёлтым глазом. Тепло, растёкшееся было по телу, куда-то улетучилось. Взгляд Ки сделался пристальным. Что у него на уме?.. А что может быть на уме у мужчины, кроме как...

Но Вандиен, поставив кружку, сорвал пучок сухой травы и начисто вытер миску, а кружку вытряс над огнём. Он повертел посуду в руках, чтобы Ки видела, как он аккуратен, и снова поставил её у огня. Потом потянулся, встал на четвереньки и уполз под фургон.

Недоумевая, Ки проследила за ним взглядом. Он пособачьи свернулся клубком — и закрыл глаза...

Ки вычистила свои миску и кружку и поднялась на затёкшие ноги, чтобы убрать посуду в ящик. Потом пригасила костёр и обошла фургон, готовя его к ночлегу. Вернувшиеся кони стояли неподалёку. Ки подошла к ним и ласково почесала могучие серые шеи. И забралась в кабинку.

В этот раз она не стала зажигать свечу. Сквозь маленькое окошко проникало вполне достаточно звёздного света и отблесков ещё теплившихся углей костра. Ки посмотрела на свою постель. Простое дощатое возвышение было приподнято над полом, а внизу устроен вместительный ящик. Постель была достаточной ширины, чтобы два человека могли лечь, уютно прижавшись друг к другу. Не особенно роскошное ложе. Всего лишь мешок с чистой соломой, уложенный поверх досок. Ещё у Ки было два тканых одеяла: одно приглушённого синего цвета, другое — золотисто-коричневое, и оба довольно потёртые. А кроме того...

Перед отъездом из Сброда Ки поддалась минутному влечению и потратила часть Ризусова аванса на неоправданно роскошную покупку: меховое покрывало из пушистых шкур зимнего оленя. Ки знала — завернувшись в этот роскошный мех, можно было нагишом спать на снегу и чувствовать себя как в летнюю ночь у костра. То есть именно то, что требуется после зябкого дня.

Тут Ки подумала о мужчине в протёртой до дыр рубашке, который, как бездомный зверь, дрожал и кашлял от холода внизу под фургоном. Ки медленно приподнялась на постели. Старые одеяла давно полиняли, пушистый ворс вытерся. Много воды утекло с того дня, когда их впервые расстелили на тюфяке из душистого сена в новеньком фургоне, ещё пахнувшем свежим деревом и смолой. Когда они со Свеном вдвоём укрывались этими одеялами, что

за нужда была им ещё в каких-то мехах?.. Ки прижалась лицом к одеялам, и ей показалась, будто знакомая, широкая ладонь коснулась щеки...

Порывисто, почти зло Ки свернула тёплые оленьи шкуры. Потом вылезла из кабинки обратно на сиденье. Перегнулась вниз и запустила одеялом в зябко дрожавшего Вандиена. Он изумлённо оглянулся, но Ки не стала ждать, пока он сообразит её поблагодарить. Она вернулась в кабинку, захлопнула узкую дверь и накинула крючок, которым вообще-то редко пользовалась.

Она не стала раздеваться. Сев на постель, она натянула на колени старые одеяла и принялась впотьмах распускать на ночь свои причёсанные по-вдовьи волосы. Станные слова Вандиена снова явились ей на ум. Ки долго сидела в темноте и вспоминала, вспоминала...

...Путешествие в родные места Свена — местечко, называвшееся Брод Арфиста, — было долгим. Ки загодя известила родню мужа о своём прибытии и о том, что за новости она им везёт. Она знала, что её будут встречать. И всё-таки, когда впереди показались обширные луга и яблоневые сады по сторонам знакомой дороги, мужество едва ей не изменило. Она ведь уже сообщила им о потере. Так почему бы ей тихонько не проехать мимо в ночи, никого не потревожив глухим топотом упряжки, взбивающей мохнатыми ногами коней маленькие фонтанчики пыли?.. Что вообще она может предложить этим людям? Как она станет их утешать? Или принимать их утешения?.. Ки устала, бесконечно устала. После гибели Свена всё в ней было натянуто, словно побеги дерева-арфы, звенящие от малейшего ветерка. Всё в душе отгорело: и горе, и гордость, и способность радоваться. Раньше она любила посмеяться и была куда как остра на язык. Куда всё подевалось? И зачем, собственно, это нужно, если некого поддеть, некого рассмешить? Позабытые чувства отодвинулись в темноту, словно шумный некогда город, поглощённый морскими волнами...

Во всяком случае, так казалось самой Ки. Казалось до тех пор, пока она не нашла взглядом кривую старую яблоню — ту, у которой они когда-то встречались. Ки застыла на месте. Под яблоней стоял юноша, и волосы его

казались бесцветными в свете вечернего солнца. Он был в крестьянской рубахе, почти достигавшей колен. Длинные волосы свободно лежали на плечах, как и подобает ещё не просватанному парню. Вот он приветственно поднял руку, и у Ки разом пересохло во рту. Словно во сне, она остановила коней. Раздвигая высокие травы, Свен молча шёл к ней через луг, шёл той самой широкой, упругой походкой, которую она так хорошо знала. Ки не смела подать голос и тем самым разрушить волшебные чары. Какая разница, кто это, — пусть идёт... идёт к ней...

Он подходил всё ближе, но сходство не исчезало. И он не таял в воздухе, как полагалось бы призраку. Ки даже слышала, как шуршала трава у него под ногами...

— Ки!

Её сердце всё-таки ухнуло в бездну. Юношеский тенор принадлежал Ларсу. Его младшему брату. Брату, так похожему на него...

Ки обессиленно привалилась к дверце кабинки. Её сотрясала мучительная дрожь. Оба молчали, пока Ларс взбирался по колесу и устраивался рядом с ней на сиденье.

— Может, мне вожжи взять?.. — предложил он тихо.

Покачав головой, Ки шевельнула вожжами, и кони снова зашагали вперёд. Ки никак не могла найти слова, которые следовало бы произнести, а в сердце снова расстилалась пустыня. Придётся Ларсу познать боль, и ничего тут не поделаешь. Сама Ки жила с этой болью уже несколько месяцев, но так и не выучилась её унимать.

— Ки, бедная сестрёнка, — тихо говорил между тем Ларс. — Я-то собирался тебя упрекнуть, что не сразу нам сообщила. Но вот посмотрел на тебя и сразу всё позабыл. Видела б, как ты выглядишь. А ещё говорят, время всё исцеляет...

Он замолчал. Фургон под ними покачивался и скрипел. Тяжеловозы размеренно топали по пыльной дороге. Ларс тоже прислонился спиной к двери кабинки, но длинные волосы сразу прилипли к шее, и юноша выпрямился, вытирая пот рукавом. Его жест заставил Ки невесело улыбнуться. Ну точь-в-точь Свен до женитьбы.

— Он тоже терпеть не мог, когда волосы липнут к шее, — сказала Ки. — Знаешь, он всё поддразнивал меня

и говорил, что и женился-то на мне больше затем, чтобы я ему волосы в хвостик заплела, как женатые носят...

Ларс хмуро кивнул:

— Глупый обычай, но мама нипочём не желает с ним расстаться. Тут пожалеешь, что уже не мальчишка, которому волосы стригут накоротко. Кому нужны эти патлы? Уже до плеч — и знай растут себе дальше!

— Ничего, скоро сами остановятся, — утешила его Ки. — Но, коли они уж так тебе надоели, не проще ли найти женщину, которая возьмёт тебя в мужья и будет заботиться о твоих волосах?

Ларс возмущенно откинулся назад, снова стукнувшись в дверцу лопатками.

— И ты тоже?.. Я и так себя чувствую точно годовалый бычок на торгу! Руфус мне только и твердит о моём «долге». А мама без конца приглашает в дом Кэти: то шерсть проветривать, то сарай крыть, то роды у коров принимать! К чему бы это, а, как ты думаешь? В прошлом году, помнится, ей и моей помощи со всем этим как-то хватало, а нынче подавай, чтобы мы оба! Причём, заметь, только мы — и никого кроме!

Ки хмыкнула, хорошо понимая, что болтовня эта призвана была отвлечь их с Ларсом от куда более мрачных предметов. Она решила подыграть ему:

— Стало быть, твоя мама расставила для тебя капкан? А братец твой и рад ей помогать? Слушай, а что это за Кэти? Уж прямо такое чудовище, от которого только бегством спастись?

— Кэти... — Ларс закатил глаза. — Да нет, она прехорошенькая. Пухленькая, точно сдобная булочка. И притом настоящая крестьянка. Бёдра — во! Целый народ может родить. Плечи — хоть бычье ярмо надевай, а руки — только за плугом ходить. Про грудь я уж и вовсе молчу. Какой угодно выводок вскормит...

— Жуть! — сказала Ки.

— Вот именно, жуть. Ну, да ты же помнишь — мы с ней с детства вместе играли. Дружили даже, между прочим. А теперь она выросла в такую женщину, с которой хоть рыбу ловить, хоть в поле с мотыгами. Но любить её? Жить с ней всю жизнь? Слуга покорный...

— Тогда не сетуй, Ларс, на длинные волосы. Если хочешь знать, они тебе даже идут. Ничего: ещё придёт женщина, которая их тебе свяжет. И гораздо скорее, чем тебе кажется...

— Будем надеяться, — негромко пробурчал Ларс.

Жаркий день понемногу сменялся вечерней прохладой. Земля дышала ночными ароматами. За деревьями, росшими у дороги, светились вдали окна домов. Дома эти принадлежали родне Свена: людям, связанным кровными узами либо клятвой, произнесённой когда-то. Людям, которым Ки необходима была теперь для какого-то неведомого ей Обряда Отпущения. Она живо представила себе, как эти земледельцы с натруженными руками, мало привыкшие отрывать взгляд от борозды, соберутся все вместе и спросят её, что же всё-таки случилось с их Свеном, и глупо внутри заворочалось что-то холодное. Она не хотела им лгать...

Ки устало подняла глаза к звёздному небу. Боковым зрением она по-прежнему видела Ларса, и это было мучением. Если прищуриться и не вглядываться особенно пристально, вполне можно было представить, что... Как часто по вечерам Свен привязывал своего коня к корме фургона и оставлял там, а сам подсаживался к ней на сиденье. Их дети обыкновенно уже дремали в кабинке, а они со Свеном, негромко переговариваясь, присматривали местечко для стоянки. Иногда же они просто сидели молча и слушали неумолимое шлёпанье тяжёлых копыт да поскрипывание фургона. Какие это были вечера! Плечо Свена, касавшееся её плеча...

— Как всё же это случилось? — Голос Ларса опять спугнул волшебные чары.

Ки ответила не сразу. Она в тысячу первый раз пыталась найти слова. Её рассказ должен прозвучать достаточно убедительно. Рассказ, которому они поверят, который они смогут принять. Как часто Ки пыталась вообразить себе этот миг, миг, когда кто-нибудь из его родственников задаст неотвратимый вопрос. Как же ей не хотелось лгать. Она была уверена, что и не сможет.

Наконец она заговорила, с удивительно отстранённым чувством слушая собственный голос. Так рассказывают о

голоде, случившемся за тридевять земель. О выжженных полях в чужой и незнакомой стране.

— Они... Понимаешь, Свен вздумал покатать детей на коне. Малыш Ларс уже достаточно подрос и сидел сам, держась за его рубаху. Ножки в разные стороны торчали... Куда ему такого коня обхватить... Риссу Свен посадил перед собой, и как же она смеялась... Ещё бы, так высоко, на большущем папином вороном... Видел бы ты, Ларс, этого зверя, которого завёл себе Свен! Жеребец, и притом до того свирепый... норовистый... никогда не угадаешь, что выкинет в следующий момент... Я и то пробовала Свену отсоветовать, но ты же знаешь, какой он был упрямый. Любил силой померяться... а тут такое соперничество... Обычно-то всё кончалось хорошо... понимаешь, добродушная возня... двух норовистых самцов... а в тот раз... упрямый, упрямый мужик...

И это была правда. Чистая правда. Но далеко не полная. Ки замолчала. Она не солгала. Просто подсунула Ларсу ложный след, а уж куда заведёт его по этому следу собственное воображение — не её дело. «Прости меня, Свен, — подумалось ей. — Получается, ты как будто сам во всём виноват: недооценил норовистого коня...»

Ларс тоже молчал, и она знала почему. Он хотел пощадить её чувства и воображал, будто знает, как это делается. Что ж, оно и к лучшему.

Ки первой нарушила молчание:

— Хочу предупредить тебя, Ларс, — я ведь понятия не имею об этом вашем Обряде. Так что как бы мне перед всем вашим семейством не опозориться!

* Ларс фыркнул. Если бы над ними не висело горе, он бы, пожалуй, расхохотался.

— Вечно ты боишься чем-нибудь обидеть нас, Ки! Мы же знаем, что ты не нашего племени. Кора, моя мама, тебе всё объяснит, что к чему. Да и Руфус всё время будет рядом, поможет, если вдруг что. И ничего постыдного в этом нет. Так делают нечасто, но всё-таки делают. Особенно если в семье один уцелевший, и тот — маленький ребёнок. Сам Хранитель Обрядов это одобрил!

— По части ваших Обрядов, — ответила Ки, — я и есть маленький ребёнок.

— Неужели Свен тебе ничего не рассказывал о наших обычаях? — осторожно спросил Ларс.

— Рассказывал... как же иначе. Но только не о том, как у вас поступают с умершими. Он... понимаешь, он так прочно принадлежал к миру живых. Он говорил... Слушай, Ларс, я понимаю, что спрашиваю не вовремя и не к месту... Твоя мать в самом деле поклоняется гарпиям?

Ки сумела выговорить это совершенно спокойно, но сердце бешено колотилось о рёбра. Как же ей хотелось, чтобы Ларс сказал: «Конечно нет!», а то и посмеялся над глупыми рассказами Свена. Как же она рада была бы отбросить ненужную осторожность и поделиться с ним всей правдой о гибели Свена...

Ларс потёр широкими ладонями колени:

— Тебе это, наверное, кажется странным. И потом, Свен с его шуточками и насмешками... Мы, в общем, не то чтобы обожествляем их, Ки. Мы знаем, что они не Боги. Они такие же смертные существа, как и все мы. Только, в отличие от нас, они теснее связаны с... как бы это выразиться... с Высшим. С Судьбой, если хочешь. Им ведомы иные миры. Они обладают знанием, в котором отказано людям, и способностями...

— ...восходящими к этим самым иным мирам, — перебила Ки. — Я знаю, Ларс, как вы это всё объясняете. Свен мне рассказывал, что перед нашей с ним свадьбой ваша мать принесла им в жертву вола. И потом — по телёнку всякий раз, когда я рожала. И ты прав, мне это кажется странным. По мне они — пожиратели падали, разорители стад, бессовестные, глумливые, жестокие...

Ки замолчала, не находя больше слов. Ларс терпеливо покачал головой:

— Всё это домыслы, Ки. Досужие выдумки, которым, к сожалению, многие действительно верят. Это клевета на гарпий, но я на тебя не сержусь. Если бы я видел только, что они творят, но не знал их обычаев, я бы, как ты, тоже всему этому верил. Гарпии убивают лишь по необходимости. Только для утоления голода! Не как люди, которые отнимают жизнь ради забавы, а то и просто со скуки! Гарпии... Они познали равновесие между мирами,

между жизнью и смертью. Они могли бы поучить нас, людей, науке сосуществования, потому что наша раса её основательно подзабыла...

— Чушь! — Ки догадалась, что произнесла это вслух, только когда разглядела в глазах Ларса кроткий упрёк. — Ладно, не сердись, — искренне извинилась она. В конце концов, Ларс потерял брата. Незачем ещё и издеваться над его верой. — Что ж, я их действительно сужу по делам их... по делам, которые вижу. И потом, я выросла на сказках, что рассказывают у походного костра ромни. Маленькой девочкой я верила, что все мы — дети луны. Она-де породила все расы: людей, гарпий, динов, т'черья, алуя, заклинательниц ветров, калуинов... и всех прочих. Она-де вручила каждому народу какой-нибудь особенный дар и велела всем вместе жить в этом мире, заповедав не враждовать между собой. А сама стала наблюдать за нами с небес, присматривая, хорошо ли мы чтим этот завет. Думаешь, детские сказки?.. Может, я и сама в них не так свято верю, как когда-то. Но вот с чем я никогда не соглашусь, так это с тем, будто среди разумных рас есть высшие и низшие. И ещё, что люди якобы по гроб жизни обязаны другим народам... а уж гарпиям и подавно!

Ки сердито шлёпнула вожжами по широким, серым в яблоках спинам, понимая, что несколько заговорила. Кони, впрочем, охотно прибавили шаг. Они отлично знали, что вон за тем поворотом их ждёт чистая конюшня, вдоволь вкусного зерна и заботливые руки, которые вычистят их от макушки до копыт. А ещё там были раздольные луга, на которых они выросли и беззаботно играли до того самого дня, когда Свен вложил их поводья в руки совсем молоденькой Ки, не верившей своим глазам...

Кони вновь прибавили шаг, на сей раз по собственной воле. Сигурд вскинул громоздкую голову и громко, ответственно заржал. Откуда-то со стороны конюшен ему сейчас же ответила другая лошадь.

Из длинного низкого каменного дома вышел человек с фонарём. Ки услышала гул голосов и увидела Руфуса, посылавшего ей навстречу своих сыновей — открывать ворота, заводить серых во двор.

Ларс вздохнул.

— Знаешь, они нарочно послали меня тебе навстречу, — сказал он. — Они хотели, чтобы я сразу начал готовить тебя к Обряду, а я... Другое дело, даже не знаю, у кого это вышло бы. Ты пойми только, что Обряд должен тебя исцелить... облегчить твою ношу... Мы верим, что любая боль отступает, когда её терпят все сообща. В этом и состоит цель Обряда. Ты говорила, Свен тебе рассказывал кое-что о наших обычаях. Так вот, этот Обряд — один из самых могущественных. Он теснее связывает семью, ибо помогает разделить скорбь...

Ки утрумо кивнула. Так или иначе, грядущее испытание по-прежнему внушало ей один только ужас. Обряд Отпущения! Знать бы хоть, в чём он заключается!.. Что ж, она в любом случае сделает всё, что от неё будет зависеть. Отдаст ради них последний долг памяти Свена. Принесёт последнюю жертву. И поедет дальше своей дорогой. Она будет думать о Свене и честно делать всё, что ей повелят...

Руфус уже шёл навстречу фургону, светя фонарём. Ки проворно соскочила наземь, не дожидаясь, пока он предложит ей помощь. Ларс спрыгнул с другой стороны. Подростки распрягали коней, чтобы отвести их туда, где была уже приготовлена прохладная вода и чистая солома. Сигурд и Сигмунд только устало пофыркивали.

— Долго же ты добиралась к нам, Ки, — приветствовал её Руфус. Холодные глаза, поджатые губы... К немалому раздражению Ки, он ещё и взял её под локоть. Она что, слепая, которая без подмоги и двери не найдёт? Или хромая, чтобы её под ручку поддерживали?..

Свен, сурово одёрнула она себя самоё. Не забывай!

Она опустила голову:

— Мне нужно было побыть одной, Руфус. Тебе это, наверное, непонятно, но я никоим образом не хотела вас обидеть или проявить невнимание. Для меня это был такой удар... такая ломка всей жизни...

— А ну, отстань от девочки! — прозвучал с порога повелительный голос Кору. — Если она захочет что-нибудь объяснить, она сама это сделает и при всех, когда народ соберётся. Ещё не хватало, чтобы все по очереди к ней подходили и каждый пилил! Уж наверное, были у неё

какие-то причины. Захочет — расскажет, но всему своё время, и нечего лезть к ней, слышишь, Руфус? А ты, Ки, выглядишь как побитый щенок, честное слово, только не обижайся, пожалуйста. Одного-то терять — и то с ума сойдёшь, а тут сразу троих!.. Помнится, когда проклятый кашель свёл отца Свена в могилу... нет, не стоит об этом, просто я знаю, отчего бывает такой вид, как у тебя сейчас... Ну, иди сюда, девочка. Небось не забыла дорожку? У тебя будет та же комнатка, что и всегда. Ларс! Посвети ей. О конях, я надеюсь, уже позаботились? Ну, конечно, им нужно зерна, балбес!.. Нет, если в этом доме сама за всем не присмотришь...

Ки показалось, что её подхватила река. Многословие Кору спасло её от Руфуса и буквально внесло в ярко освещённую общую комнату дома, а Ларс проводил её в спальню. Она не успела даже поздороваться ни с кем из людей, собравшихся ради неё в просторной гостиной. Кора всё себе трещала сорокой; Ки знала, что за её неумолчной болтовнёй прячется потрясение и жестокое горе. «Подстёгивает клячу жизни, чтобы скорее проехать скверное место», — говаривал об этом Свен. И правда, Кора умудрялась разговаривать сразу со всеми и одновременно вникать в каждую хозяйственную мелочь, словно домочадцы в самом деле были беспомощными малышами. Мне бы так, подумала Ки.

— Я тебе свечку оставлю, Ки, — сказал Ларс. — Освежись и отдохни немножко. Вечер будет долгий, а ты и без того устала, так что не спеши. Если уж они тебя дождались, ничего, потерпят ещё чуть-чуть...

И Ларс вышел из комнаты, решительной рукою хлопнув за собой тяжёлую деревянную дверь.

Ки опустилась на кровать... Кровать была мягко застелена лучшими покрывалами, вытканными Корой, и новенькими меховыми одеялами. Возле занавешенного окна на тумбочке стояла белая чаша, а подле чаши — изящный кувшин. Ки по опыту знала, что прохладная вода в кувшине была сдобрена душистыми травами. Эта комната была предназначена для торжественных случаев. Так, Кора в своё время настояла, чтобы Ки и Свен провели свою первую ночь именно здесь. Здесь же они останавливались

и впоследствии, приезжая показывать родне двоих своих малышей. Как-то Свен рассказал Ки, что здесь готовили к погребению и тело его отца. После этого комната стала казаться Ки стылой. Ничто не помогало ей согреться: ни пухлая постель, ни ковёр из оленьих шкур на полу...

Возьмём пример с Кору, сказала себе Ки. Если уж некуда деваться — попробуем подстегнуть лошадей и поскорее миновать скверное место...

Она ополоснула лицо и руки свежей, душистой водой. Потом расчесала волосы и со всем тщанием заново соорудила вдовью причёску. И наконец спохватилась: ей не во что было переодеться. Она оставила все свои пожитки в фургоне, а идти за ними и обратно мимо всех казалось Ки неудобным. Ки призадумалась, не зная, как поступить. При других обстоятельствах она только плечами бы пожала — какие, мол, пустяки! Но теперь и мелочи оказалось достаточно для того, чтобы беспросветное отчаяние затопило её душу. Она и сама не взялась бы его объяснить. Но, как бы то ни было, выйти к ним в пыльной юбке и мятой рубашке значило нанести оскорбление их обряду, а поднять суету из-за такой ерунды, как чистое бельё, — значило оскорбить память Свена. Ки села обратно на кровать и опустила голову на руки. Не могу больше, подумала она. Слишком много они от меня хотят. Я пуста. У меня нет сил, в том числе и для этого их обряда. Зачем я здесь, что с меня толку? Что мне делать?.. Как же я устала... устала...

Ки сжала руками виски. Гнев, ненависть и опустошение. Неужели ей так и не суждено до конца дней своих испытать другие чувства?..

Кору вошла в комнату, едва предупредив о себе стуком в дверь. Ки головы не успела поднять, не то что ответить.

— Ну вот, милочка, ты уже выглядишь чуть-чуть лучше. Я, знаешь ли, тут на свой страх и риск кое-что приготовила: надеюсь, ты не рассердишься? Как только мы прослышали... ну да ты ведь меня знаешь. Стараюсь обо всём позаботиться... очень помогает иногда, между прочим. Вот тут, в сундуке, лежит платице. Вообще-то я его выткала в подарок Лидии, думала её удивить... где ж было знать, что она родит здорового мальчишку и станет

поперёк себя толще! Словом, я его ей не только не подарила, но даже и не показывала. А то ещё расстроится, бедняжка, станет думать, будто я не ждала, что она капельку растолстеет. Я его для тебя и отложила... несколько недель назад... то есть ещё до того, как мы узнали. Так оно и лежит, чистенькое, свеженькое, тебя дожидается. Я знаю, вы, ромни, зелёное не очень-то носите, но сегодня наш вечер, не обессудь уж. Сама небось знаешь, как хорошо иногда надеть что-нибудь новенькое. Прямо сил придаёт. Дай-ка достану...

Кора расправила платье в изножье кровати и посмотрела на Ки. Их взгляды встретились. Ки хорошо помнила, какой глубинный блеск излучали обычно тёмные глаза Кору. Она ещё надеялась, что её дети унаследуют чудесные бабушкины глаза. Но теперь глаза Кору казались тусклыми и безжизненными, как будто там, внутри, угас сиявший в них дух. Ки видела в них лишь отражение своего собственного отчаяния и горя. Она страдала не одна, но это почему-то не принесло ей облегчения. Наоборот, горе лишь провело между ними черту, превратив былую сердечность в вежливое притворство чужих друг другу людей.

— Благодарю, Кора, это прекрасное платье, — сказала Ки. — И, ты знаешь, нелюбовь ромни к зелёному меня особо никогда не стесняла. Так что спасибо тебе большое. Мне как раз именно это и требовалось...

Оставалось только надеяться, что в её голосе прозвучала надлежащая теплота. На самом деле она чувствовала только усталость. И ещё стыд за своё пропылённое платье.

— Ну, тогда, милочка, я пойду, — сказала Кора. — А ты готовься себе потихоньку и не торопись. Ларс нам рассказал, что ты очень устала. Мы подождём...

И Кора торопливо вышла из комнаты, словно пытаясь убежать от себя самой.

Проводив её взглядом, Ки плотно зажмурилась и некоторое время сидела неподвижно. Потом поднялась и решительно сбросила покрытую дорожной пылью одежду. Смочила в душистой воде тряпочку и обтёрла всё тело. Новенькое платье обдало прохладой чистую кожу. Ворот и рукава были расшиты крохотными жёлтенькими цветами. Платье было чуть длинновато, но Ки решила, что вряд

ли кто обратит на это внимание, по крайней мере сегодня. Ки разгладила ладонями юбку и выпрямилась во весь рост.

Общая комната была узким и длинным помещением с низким потолком. Окошек в ней не было, зато в одном конце ярко пылал обширный очаг. Пол был каменный, а стены — из глины, замешанной с серой речной галькой. Летом в комнате было прохладно, зимой — тепло. Из конца в конец комнаты тянулся длинный стол, по обе стороны которого на скамьях теснился народ. Стол же так и ломился от снеди. Там были огромные блюда мяса, только что поджаренного над очагом, горы фруктов на подносах, дымящиеся горшки варёных овощей и сладкие ягодные пироги. Люди за столом приглушённо переговаривались; гул множества голосов напомнил Ки пчелиный улей на закате. Точно такое же семейное собрание.

Ки стояла в коридоре, равно боясь и войти туда, и промедлить. Как решиться пройти мимо всех этих людей во главу стола, туда, где ждало её свободное кресло?.. На счастье Ки, явился сразу заметивший её Ларс. Откуда-то возникнув подле неё, он повёл Ки через всю комнату, указывая путь, но не касаясь её рукой. Ки шла как во сне, слушая, как её вполголоса приветствуют родственники, которых она прежде видела всего раз или два. Она даже не всех помнила по именам. Лидию она, конечно, узнала; и ещё Курта с Эдвардом, сыновей Руфуса. Вон сидит Хафтор, а рядом с ним женщина, очень похожая на него, — не иначе, сестра. Ки никогда ещё с ней не встречалась. Она бормотала «здравствуйте» и кивала в ответ, и лица начинали понемногу сливаться в одно. Ларс сел на своё место, взмахом руки указав ей, куда двигаться дальше. Ки проследовала мимо трёх незнакомых старух; дальше сидела жена Руфуса — Холланд; потом какой-то старик и, наконец, — сам Руфус и за ним — свободное кресло. Ки села в него и огляделась. На другом конце стола, ужасающе далеко, сидела Кора. И как, интересно, она собиралась оттуда её направлять?.. Все смотрели на Ки и чего-то ожидали. Ки замешкалась, недоумевая. Еда и напитки стояли перед ними на столе, так в чём же дело? Вероятно, она должна была подать какой-то знак, начиная пир? Был ли этот их Обряд Отпущения просто семейной трапезой, на

которой помимо еды причащались общего горя? Ки поискала глазами Ларса, но Ларс сидел слишком далеко и ничем не мог ей помочь.

— Я несу вам горькую весть... — прошептал Руфус у её правого локтя.

Ки вздрогнула от неожиданности и уставилась на него. Что ещё за весть ещё горше той, которую она?.. Но Руфус знай кивал головой, ободряюще похлопывая по столу ладонью, и до Ки наконец дошло: он просто подсказывал ей необходимые слова. Она кашлянула.

— Я несу вам горькую весть... — произнесла она громко. И опять замолчала, лихорадочно соображая, как произнести свою повесть перед всем этим народом — от старца, ошупывавшего тряскими пальцами край стола, до крохотной девчушки, едва достававшей до того же края. Какие найти слова, чтобы поняли все?..

Молчание, однако, не затянулось.

— Какую же весть ты принесла нам, сестра? — спросили хором сто голосов.

Ки набрала полную грудь воздуха...

— «Трое из вас никогда уже не вернутся, — прошипел рядом Руфус. — Выпьем же во имя нашей печали...»

Ки метнула на Ларса убийственный взгляд. Вне всякого сомнения, предполагалось, что он научит её всему этому по дороге сюда. Ларс с виноватым видом покачал головой. Руфус нетерпеливо постукивал пальцами по столу.

— Трое из вас никогда уже не вернутся, — провозгласила Ки нараспев. — Выпьем же во имя нашей печали...

— Трое из нас никогда уже не вернутся, — откликнулся хор. — Мы пьём во имя нашей печали.

Ки оглянулась на Руфуса, ожидая дальнейших указаний. Но Руфус молчал, плотно сжав губы. Можешь злиться, сколько влезет, раздражённо подумала Ки. Я тут, между прочим, ради вас сижу, а не ради своего удовольствия. Так что давай помогай, если хочешь, чтобы я всё правильно сделала!

Тут Ки уловила едва заметное указующее движение его пальца и впервые обратила внимание на странную деталь в сервировке стола. За её тарелкой аккуратным рядком стояло семь крохотных чашечек. Они были блестя-

ще-серыми и без ручек. Ки взяла первую, поднесла её к губам и увидела, что её движение повторили все сидевшие за столом. Люди брали чашечки и одним глотком выпивали содержимое. Выпила и Ки; против её ожиданий, жидкость не имела ничего общего с вином. Она была тёплая, тягучая и почти безвкусная, лишь чуть-чуть отдавала запахом клевера. Ки поставила опорожненную чашечку на стол.

— «Свен, Ларс и Рисса — вот те, кто ушёл от нас, чтобы более не вернуться. Выпьем же во имя нашей печали...» — снова шёпотом подсказал ей Руфус, смирившийся со своей ролью. Что ж, тем лучше. Быстрее всё кончится.

— Свен, Ларс и Рисса — вот те, кто ушёл от нас, чтобы более не вернуться. Выпьем же во имя нашей печали... — ровным голосом повторила Ки. Ей не очень-то нравился этот спектакль, призванный изображать всеобщую скорбь. Но делать нечего, надо было продолжать.

— Свен, Ларс и Рисса — вот те, кто ушёл от нас, чтобы более не вернуться. Мы пьём во имя нашей печали, — отозвался хор.

Вторая чашечка отправилась следом за первой, и Ки, поглядывая на Руфуса, стала ждать дальнейших подсказок.

— Давай дальше сама, — буркнул он, глядя в стол. — Расскажи, как это случилось. Не забывай про напиток, только смотри одну чашку побереги для конца!

Ки снова испепелила Ларса взглядом, и юноша потупился. Ки между тем прикидывала, сумеет ли она убедить своей историей всех, как убедила его. Она пересчитала оставшиеся чашечки, соразмеряя рассказ.

— Все вместе они скакали на огромном вороном коне. Выпьем же во имя нашей печали...

Произнося эти слова, Ки мысленно уповала только на то, что Киива не даст ей споткнуться. А вот что Ларсу она голову оторвёт, так это уж точно.

— Все вместе они скакали на огромном вороном коне. Мы пьём во имя нашей печали, — повторил хор. Казалось, собравшиеся за длинным столом были довольны таким началом рассказа. Ки взяла третью чашечку, опорожнила её и...

Комната вдруг поплыла у неё перед глазами, делаясь нереальной. Ки снова сидела на высоком сиденье своего фургона, и лёгкий ветерок развеивал её волосы. Она улыбалась, ощущая чьё-то присутствие рядом. Чьё-то успокаивающее тепло. Странное дело, Ки воспринимала его как нечто само собой разумеющееся и, заметив, особого внимания не обратила. Всё шло так, как тому и следовало быть. Вот мимо неё галопом пронеслись на вороном жеребце Свен, Ларс и Рисса.

«Женщина-улитка, женщина-улитка!..» — задыхаясь и хохоча, весело прокричал Свен.

«Женщина-улитка, женщина-улитка!..» — подхватил тоненький, звонкий голосок Риссы. Малыш Ларс ничего не кричал только потому, что совсем обессилел от смеха и слишком старательно держался ручонками за отцовскую рубашку. Чёрная шерсть жеребца — звали его Рам — отливала на солнце синевой. Под атласной шкурой так и играли, перекачивались могучие мышцы. Маленькому Ларсу великовата была голубая рубашка; конь мчался вперёд, и рубашонка пузырилась и хлопала...

Вот Свен придержал Рама и спросил:

«Покажем ей, как надо ездить на лошади?»

Дети завизжали от восторга, и Рам вихрем сорвался с места под возмущённое фырканье серых...

— Светлые волосы развеивались у них за плечами, — выговорила Ки — та, что сидела за столом в доме. — Выпьем же во имя нашей печали...

Та Ки была где-то далеко-далеко. Она поднесла к губам чашечку с безвкусным напитком, а потом, выслушав невнятный многоголосый ответ, бросила её. Настоящая Ки следила за тем, как летит прочь вороной жеребец, унося хохочущих Свена, Риссу и Ларса, подпрыгивающих на шелковистом крупе коня. Скрипел и покачивался под нею фургон. Мерно переставляли копыта серые тяжело-возы...

— За холмом скрылись те трое, за высоким холмом, — со вздохом сказала другая Ки. — Выпьем же во имя нашей печали...

Порыв ветра шевельнул кроны деревьев. Тот, кто сидел рядом с Ки, следил за Рамом, исчезающим по ту сто-

рону холма. А над вершиной холма было синее небо, ясное синее небо. И вот скрылись, и ничего больше не видно...

— Я ехала следом за ними, ехала слишком медленно, — горевала другая Ки. — Выпьем же во имя нашей печали!

Ветер ерошил придорожную траву, и трава печально шуршала. Но день был так ясен, и Ки беззаботно улыбалась ему...

Тот, кто сидел с нею рядом, вдруг внятно предупредил её: хватит. Пора возвращаться. Остановись! Но Ки не послушалась. Ещё не всё сделано. Она не успокоится, пока не минует вершину и не посмотрит, что же там, за холмом. Её охватило внезапное желание подхлестнуть неторопливых коней, пустить их рысью... тяжеловесным галопом... наверх, скорее наверх! Нет, она не сделала этого. Серые шагали себе и шагали под жизнерадостное поскрипывание фургона. Почему я сижу и улыбаюсь, думала Ки, почему я не вскакиваю на ноги, нахлёстывая коней?.. Кто удерживает меня за руку, ведь я здесь одна?.. Неторопливо, неторопливо катится скрипучий фургон. Скорее, скорее, скорее же!.. Топ, топ, топ — неторопливые копыта по гулкой каменистой дороге...

Но вот наконец и вершина.

Ки закричала. Жутким, бессловесным, нескончаемым криком. Стократное эхо повторяло нечеловеческий вопль.

Внезапно другая Ки как будто очнулась. То, что она увидела за холмом, принадлежало только ей. Ей одной. Они не должны этого видеть. И она не должна. Не смей думать о том, что ты увидела. Гарпии выбирают кусочки понежнее. Животик, пухлую щёчку ребёнка. Ягодицы мужчины. Мягкие внутренности и бедра вороного коня. Не смотри, не слушай, молила вторая Ки, но всё напрасно. Гарпии, пара бирюзовых, зеленовато-голубых гарпий. Они смеются, визжат, весело кувыркаются в воздухе над головой Ки. Они прекрасны и смертоносны, как отточенные клинки, и бесчувственны, как речные омуты. Они смеются над её горем...

Не надо, не надо снова, испуганно молил кто-то другой. Но чем ближе она придвигалась к телам, тем невы-

носимей делалась боль. Как жар слишком близкого пламени. Ки не могла даже плакать. Она просто выла, как раненый зверь.

Нет, нет, они не должны увидеть гарпий. Не должны увидеть, как они кувыркаются и вьются в голубом небе, глумливо передразнивая её вой...

Тот, кто сидел рядом, пытался подмять волю Ки. Остановить её. Ки яростно сопротивлялась, и тот, другой, не мог её одолеть. Нет, она не поддастся, не позволит им увидеть то, чего видеть не следует... Но тот, другой, был силен. Всё-таки он увлёк её назад, в тот мир, где от Свена остались только голые кости. Ки продолжала отчаянно отбиваться, и внезапно оба они полетели куда-то в бездну, сквозь красно-чёрный вихрь...

Другая сила исчезла, рассеялась, и Ки осталась одна. Она покачивалась и кружилась, подхваченная тёплыми сонными водами, только в ушах бился далёкий гул, похожий на жужжание пчёл. Воды были глубоки, и она плыла сквозь них, скользила легко и безвольно. Течение пронесло мимо неё объятую пламенем гарпию. Это был самец; горящие перья отваливались от его тела. Ки лениво проводила его взглядом. Потом мимо проплыли нерождённые детёныши гарпий, кружась среди ошмётков разбитых скорлуп. Ки видела, как по отвесной каменной круче, сцепившись, медленно и невероятно красиво катились двое — женщина и гарпия-самка. Тело гарпии первым соприкоснулось с вершинами деревьев и, вращаясь, плавно отлетело в сторону, чтобы грациозно опуститься наземь и нежно приникнуть к траве... Как забавно, ах, как забавно... Как глубоки, бесконечно глубоки тёплые воды...

...Стол. Длинный стол. Множество лиц. Кто-то поддерживал Ки, не давая вывалиться из кресла. А что случилось с Корой? Почему Руфус под руки уводит её из-за стола? Как она бледна! Она идёт с трудом, спотыкаясь на каждом шагу... Что могло надломить эту деятельную, несокрушимую женщину?

Зубы Ки застучали о край глиняной чашки. Молоко. Ей почти насильно вливали в рот молоко, сдобренное каким-то огненным снадобьем. Некрасивое лицо Хафтора близко придвинулось к её лицу. Почему он так зло смот-

рит? Ки отдёргнула голову и ткнулась затылком в чью-то грудь. У Ки всё плыло перед глазами, но, борясь с дурнотой, она подняла взгляд. Над ней стоял Ларс. Она попробовала виновато улыбнуться ему. Ларс смотрел на неё сурово.

Ки обвела глазами длинную комнату... Что всё-таки случилось, отчего все так возбуждены? Все говорили разом, пересаживались с места на место... и с необыкновенной скоростью заглатывали горы еды.

— Ешь! — услышала она голос Ларса. — Ешь, говорю! Вот тоже пристал. Да с какой стати?

По мере того как Ки приходила в себя, нестройный гул начал распадаться на отдельные голоса, произносившие осмысленные слова. Ларс поддерживал Ки за плечи, не давая обмякнуть в кресле. Хафтор — безобразный, всклокоченный Хафтор — держал перед ней чашку. Звуки и голоса насаивались на какое-то жужжание, источник которого Ки никак не могла определить.

— Ешь, Ки. Ну, пожалуйста, ешь, это должно ослабить последствие, да и Коре легче будет разорвать связь... Пожалуйста, Ки! — вновь прорезался среди общего шума голос Ларса. Чашка опять коснулась её губ, и Ки принялась судорожно глотать. Хафтор поставил опустевшую чашку на стол. Громкое жужжание стихло до тонкого писка, как если бы над ухом вился комар. Ки взглянула в перекошенное лицо Хафтора. Его тёмно-синие глаза смотрели холодно, жёстко...

Только тут Ки внезапным толчком как следует вернулась к реальности и стряхнула поддерживавшие её руки. Она хотела вскочить, но ноги отказывались повиноваться. Ларс отодвинулся от неё прочь.

— Присмотри за ней, Хафтор, пусть непременно поест... О Боги, Ки!.. Пойду посмотрю, что можно сделать...

Ларс покачал головой, глядя на неё сверху вниз. Казалось, он не находил слов. Потом шагнул в сторону и пошёл, обходя стол. Минувя взрослых, он касался рукой их плеч, а детей ободряюще гладил по головам. Люди оборачивались к нему, и Ки видела на их лицах свежие следы слёз. Тем не менее там, где проходил Ларс, взвинченная скороговорка стихала до напряжённого шёпота едва ли

громче комариного звона в ушах Ки. И только те из гостей, что сидели с ней рядом, хранили гробовое молчание и старались не смотреть в её сторону.

Все ели торопливо и жадно, точно после жестокого голода. Никто не смаковал и не восхищался искусно приготовленными блюдами. С таким же успехом они могли бы наперегонки уничтожать холодную, застывшую овсянку.

Хафтор, усевшийся на место Руфуса, справа от Ки, поглощал пищу с такой же странной жадностью, как и все. Он почувствовал взгляд Ки и повернулся к ней, дожёбывая кусок. Отвращение и гнев мешались с чем-то похожим на восхищение в его тёмно-синих, словно ледники ночью, глазах.

— Что случилось?.. — Ки сама поняла, как бессмысленно прозвучали эти слова. Её как будто разбудили посреди глубокого сна, полного видений, и не спросясь сунули в эту толпу, занятую чем-то непонятным и странным.

Хафтор проглотил порцию еды и решил ответить.

— А вот что, — сказал он. — Моя тётя и двоюродные братья так разволновались из-за того, что не сразу получили весточку о гибели Свена, что решили без малейшего промедления созвать семью на Обряд. Таким образом, кое-кому представилась блестящая возможность натворить нам как можно больше беды... что и было сделано с отменным успехом. Иные говорят, имело место недоброжелательство по отношению к нам. Другие, вроде Ларса, утверждают, что всё это просто по незнанию...

И Хафтор зло насадил на вилку ещё кусок мяса. Ки продолжала смотреть на него. Его гневная отповедь обдала её ледяным холодом. Почему? За что?..

— Ешь! — приказал Хафтор, ткнув вилкой с надетым на неё куском в сторону тарелки, поставленной перед Ки. Та машинально глянула вниз и с изумлением обнаружила, что кто-то успел навалить перед ней целую гору еды. — Съешь как можно больше, и чем быстрее, тем лучше, — продолжал Хафтор. — Это уничтожит последствие жидкости и порвёт связь... — Он обвёл взглядом стол, все эти жующие, чавкающие лица, и недовольно проворчал: — Подумать только, ведь Свен был лучшим из нас. Ну не мерзко ли, что на Обряде в его честь люди жрут по-свински,

гоня прочь приобщение, вместо того чтобы как следует им насладиться...

Ки взялась за еду, механически действуя вилкой, точно вилами на сеновале. Она жевала, не ощущая вкуса, и всё пыталась мысленно сложить воедино разрозненные кусочки мозаики и получить осмысленный узор. Хафтора она предпочла далее не расспрашивать. Как-нибудь в другой раз.

Итак, сказала она себе, этот их Обряд состоял в приобщении. Ки почувствовала, как забрезжило смутное понимание происшедшего. Выпив странную жидкость, она мысленно вернулась в день гибели Свена, и вместе с нею там побывали они все. Вот, значит, в чём состояло для них облегчение разделённого горя. Ей не придётся отвечать на бесконечные неловкие вопросы родни и в сотый раз вспоминать нечто такое, о чём лучше бы поскорее забыть. Все всё видели. И разделили между собой. Вот так всё должно было произойти. Но произошло ли? Допустила ли она их..? Ки не знала. Она пыталась не допустить. Это-то она помнила хорошо. Она изо всех сил пыталась избавить их от жестоких и жутких подробностей, от зрелища, низводившего гарпий, их полубогов, до отвратительных стервятников. Удалось ли ей это? Или всё-таки не удалось?.. Чем она навлекла на себя всеобщую ненависть? Тем, что показала, каковы в действительности их божки? Или тем, что отказала им в приобщении к мигу гибели Свена?..

Пиршество тянулось и тянулось бесконечно. Подле Ки по-прежнему царил тишина, разговор вёлся таким тоном, что Ки, не разбирая слов, только радовалась про себя. Зато Ларс слышал всё. Ки видела, как он с извиняющимся видом разводил руками и то и дело склонял голову, покорно выслушивая поправки. Потом появился Руфус. Молча, с каменным лицом, наполнил он едой две большие тарелки и удалился с ними в комнату матери. Что случилось с Корой? Что могло вынудить её покинуть стол и гостей?.. Слишком много вопросов, на которые Ки не могла найти ответов...

Ки снова оглядела стол. Душистые пласты сочного мяса, разноцветные фрукты, исходящие пряными ароматами

горячие овощи в огромных горшках... Ки казалось, будто она пережёвывала опилки с пеплом и глотала песок.

Мало-помалу гости начали подниматься из-за стола и откланиваться. Уходили они по двое-трое, и измученный Ларс провожал каждого до дверей. Лицо у него было серое. С Ки не подошла попрощаться ни одна живая душа, но Ларс, по всей видимости, рад был бы поменяться с ней местами. Люди, ожидавшие всеобщего умиротворения и благодати, уходили взвинченными и потрясёнными.

Ки окончательно плюнула на все правила хорошего тона и, поставив локти на стол, уронила голову на руки...

Кто-то коснулся её плеча, и она тотчас вскинула взгляд. Это был Хафтор, и на сей раз его тёмные глаза смотрели затравленно, а на лице пятнами проступала багровая краска. Он был похож на пьяного, но вином от него не пахло. Он посмотрел Ки в лицо и заговорил, с видимым трудом подбирая слова:

— Я обошёлся с тобой незаслуженно грубо, Ки. Сам я это уже понял, а через несколько дней, думается, поймут и остальные. Понимаешь, большинство из них совсем не знает тебя, поэтому им трудно понять... Понять, что зла с твоей стороны тут не было, только незнание. И воля крепче, чем у любого из нас... даже у Кору. Сделанного, правда, не воротишь, но если знать, что к чему, может, хоть легче будет терпеть. И если уж искать виноватого, то винить надо в первую голову Руфуса и Кору. Они не должны были допустить, чтобы ты нас вела... даже под присмотром Кору. И вообще незачем было пороть такую горячку с Обрядом. Поучили бы лучше тебя нашим обычаям... Но ты ведь не хуже меня знаешь, что за человек Кора. Когда выяснилось, что они уже несколько месяцев как мертвы, она в лепёшку готова была расшибиться, только бы честь честью отпустить их как можно скорее... В общем, ты знай, я постараюсь не держать зла на тебя, Ки. Но те, другие, кто был здесь сегодня, здорово перепуганы и к тому же оскорблены в лучших чувствах. Кое-кто так и будет косо смотреть на тебя: и надо же, мол, ей было к нам в Арфистов Брод приезжать...

Ки снова повесила голову. Похоже, это были самые добрые слова, которые ей предстояло нынче вечером

выслушать. Ей захотелось по-детски выкрикнуть в спину уходящим гостям, что она тут ни при чём, что она не хотела... Хафтор, казалось, прочитал её мысли. Он неуклюже похлопал её по плечу, отодвигаясь в сторонку.

Ки так и осталась неподвижно сидеть в своём кресле. Теперь её менее всего заботило, что все остальные станут думать о её поведении. Постепенно затихал гул голосов, и вот наконец в последний раз бухнула дверь и сделалось совсем тихо. Ки долго прислушивалась к тишине, ожидая, чтобы вместе с посторонними голосами утихло и жужжание у неё в ушах. Она вздрогнула, когда в очаге с треском рассыпалось прогоревшее бревно. Потом слышались шаги и перестук посуды, которую убирали со стола. Ки открыла глаза и увидела, что это Ларс составляет пустые тарелки. Она поднялась и безо всякого желания стала ему помогать.

На ближайших к ней двух тарелках было ещё полно еды, и Ки, не зная, что с нею делать, поставила тарелки обратно. Она собрала семь маленьких чашечек, из которых пила тягучий напиток, и потянулась за соседскими. Но она не знала даже приблизительно, как с ними следовало поступать, а голова упорно отказывалась соображать. Если бы хоть этот гул в ушах прекратился! Ки чувствовала себя ни на что не способной. И потом, ей в самом деле ещё не случалось прибирать стол, за которым ужинало двадцать с лишним человек. Как же ей хотелось опуститься наземь у походного костра, вычистить над огнём одну-единственную чашку и привычно вытереть куском чёрствого хлеба деревянную миску... Снова остаться один на один со своим горем...

В висках тяжело застучало, под веки точно насыпали песок, горло перехватывала судорога. Усталость опустилась на плечи, словно тяжелое душное одеяло. Ки подняла руки к лицу: пальцы были ледяными, зато щёки так и горели. Ки услышала шаги у себя за спиной.

— Если ты не против, Ларс, я пошла бы к себе в фургон спать, — выговорила она. — Оставь всё как есть, утром я тебе помогу прибраться...

— Сперва я хочу поговорить с тобой о том, что ты нынче тут натворила.

Ки рывком повернулась и оказалась лицом к лицу с Руфусом. Его тон был холоден, лицо сурово. Но даже и ему стало не по себе от той пустоты, которую он увидел в глазах Ки. Он, впрочем, быстро оправился.

— Поздно раскаиваться, Ки, — сказал он. — Ты уже сделала всё, что собиралась, и очень успешно.

Ки молча смотрела в его широкое, низколобое лицо. Он унаследовал от матери тёмные волосы, и лишь в глазах было что-то, отдалённо напомнившее ей Свена. Вот только Свен никогда так на неё не смотрел. Поэтому Ки промолчала. Этому человеку она всё равно не сможет ничего объяснить.

— Отстань от неё, Руфус, — вмешался подошедший Ларс. — Не видишь, на ней и без тебя лица нет? Подожди со своими разговорами хотя бы до завтра: и сам остынешь, и матери станет лучше. И так уже всю семью тряхнуло будь здоров как, а тебе ещё что-нибудь доломать хочется?

Старший брат зло уставился на младшего, осмелившегося перечить, но Ларс повернулся к Ки:

— Иди спать. Только не в фургон, ты ведь здесь не чужая. Ложись в комнате, под нашей крышей, как положено по праву! Всем нам нужно отдышаться и подождать, пока заживёт, так давайте сразу и начнём.

Ки пошла прочь, чувствуя себя так, словно ей только что прочли смертный приговор, а потом отменили. Она позабыла даже взять с собою свечу. Оказавшись в долгожданной темноте своей комнаты, Ки рухнула на кровать и попыталась усилием воли призвать к себе сон. Но когда сон пришёл, Ки снова поплыла сквозь те же бездонные тёплые воды, и однажды виденные образы снова явились её сопровождать. А комариный звон в ушах сменился далёким посвистом бесконечно кружащейся, охотящейся гарпии...

...Пальцы Ки расплели последний узелок траурной причёски, которую она всё ещё носила. Интересно, уснул ли уже под фургоном Вандиен, закутавшийся в её оленью одежду. Эхо его голоса ещё звучало в сознании Ки, смутно беспокоя её. Она медленно покачала головой, ощущая, как щекочут шею туго заплетённые волосы. Она-то думала,

что уже отрешилась от воспоминаний, похоронила их в глубокой могиле. Ей больше не было дела ни до семьи Свена, ни до их обычаев. Да, она причинила им ущерб, но не намеренно. Она вовсе не хотела беды. Наоборот, она пыталась уберечь их, скрыв жуткую правду...

Ки решительно погнала прочь непрощенное чувство вины, запретив себе копаться в тех давних переживаниях. Что было, то было. А теперь она ехала одна по своей дороге.

Сквозь неровное стекло малюсенького окошка ярко мерцало несколько звёзд. Если она в самом деле хотела встать завтра пораньше, следовало ложиться и спать.

Ки свернулась под вытертыми старыми одеялами, устраиваясь на соломенном тюфячке. И снова углубилась в воспоминания, заставив себя миновать те, болезненные. Она вспоминала Свена. Она почти ощущала тепло его большого белого тела, гладкую кожу на почти безволосой груди. Мужая, он отрастил бороду — рыжеватую, немного темнее золотистых волос. Как часто эта борода с грубоватой нежностью щекотала ей щёки. Они поженились совсем юными, но и тогда он был уже на целую голову выше её. Он продолжал ещё расти, раздаваясь в плечах, превращаясь из юноши в зрелого мужчину.

Его руки, его широченные ладони, мозолистые, могучие и такие ласковые...

Ки плотно зажмурилась, ограждая и удерживая свой мир. Потом она уснула.

Серый сумеречный свет нового дня пролился в окошко и разбудил Ки, свернувшуюся в тепле и уюте старых одеял, помнивших Свена. Снаружи раздавались звуки и шорохи раннего утра; в тоненькую щель под окошком еле уловимо дышал холод. Внутри кабинки, в постели, нагретой за ночь теплом тела, было покойно, славно и хорошо. Ки слышала сквозь полусон, как ОН ходил снаружи и шевелил угли вчерашнего костра, разводя огонь. Сейчас поставит греться котелок. И точно, брякнули кружки. Потом фургон скрипнул и чуть-чуть накренился под тяжестью мужчины, взобравшегося на сиденье. Надо будет сказать ЕМУ, чтобы возился потише: не ровен час, разбудит детей. Вот ОН взялся за дверцу... дверца подалась было, но тут же с резким стуком остановилась, прихваченная накинутым с вечера крючком.

Этот стук рывком выдернул Ки из блаженного полусна. Страхивая остатки дремоты, она мигом скатилась с лавки и выпрямилась во весь рост. И увидела, как Вандиен просунул в открывшуюся щель пальцы, пытаясь потихоньку откинуть крючок.

— Я не сплю, — сказала Ки. Сказала без страха или угрозы, просто как предупреждение.

Какое-то время за дверью было тихо — ни голоса, ни движения. Потом Вандиен легко спрыгнул наземь. Ки тополиво свернула одеяла и натянула на ноги башмаки. Закрыв дверь, она сняла крючок и снова отодвинула створку. Выбираясь на сиденье, она едва не перевернула стоявшую там кружку дымящегося чая. Ки всей кожей ощутила пронизывающий утренний холод. Потом она увидела Вандиена, без особого успеха пытавшегося подманить Сигурда и надеть на него упряжь. Серый тяжеловоз знай щерил здоровенные зубы да прижимал уши.

— Чем это ты занят? — слезая с сиденья, поинтересовалась Ки.

Услышав её голос, Вандиен сперва так и застыл, потом медленно обернулся. На его лице не было ни тени улыбки.

— Готовился к раннему выезду, как договаривались. Я, знаешь ли, бывал на перевале в более подходящее время, так что смею заверить: при нынешней погоде каждый миг солнечного света на вес золота. Если, конечно, мы имеем в виду заночевать в безопасном укрытии. Сёстры, поверь, никого так просто не пропускают. Чем дольше мы провозимся, тем дольше пребудем в их тени, а это нам совсем ни к чему... А ещё позволь спросить тебя: почему, собственно, ты на меня так рычишь? Ты что, меня в чём-то подозреваешь?

Ки склонила голову набок и улыбнулась, но глаза остались холодны.

— Подозреваю? Человека, пытавшегося угнать моего коня? Да ни в коем случае. Кроме того, я просто обожаю, когда меня будит кто-то, пытающийся без спросу проникнуть в фургон...

— Я тебе кружку чая горячего хотел отнести, вот и всё.

Вандиен проговорил это совсем тихо, опустив руки и всем своим видом изображая оскорблённую невинность. Но Ки была стреляным воробьём.

— Какая трогательная забота, — сказала она ядовито.

Вандиен сорвался с места и устремился мимо неё. Приостановившись, он швырнул Ки свёрнутое оленьё одеяло. Ки едва успела подхватить его. Тяжёлые шкуры мягко стукнули её в грудь. Похоже, он как следует разозлился.

— Всё пытаюсь порядочного человека из себя изобразить, — буркнул он. — А зачем?

Подойдя к догоравшему костру, он принялся затапывать его куда энергичней, чем требовалось. Ки осмотрелась. Оказывается, он успел упаковать оставленные ею пожитки, причём большую часть, конечно, неправильно. Ки взяла одеяло под мышку и, вернувшись в кабинку, положила его на постель. Вновь выйдя наружу, она села на сиденье и взяла кружку с чаем. Чай был тепловатый — успел уже остыть на утреннем холоде. Ки задумчиво отхлебнула, потом, глядя в кружку, спросила:

— Ты ел что-нибудь?

Вандиен, ещё топтавший угли, поднял голову.

— Как-то не подумал, — ответил он несколько чопорно. — Отвык, знаешь ли, за последнее время от регулярной еды... — Посмотрел на небо и добавил: — Солнце всходит.

— Что ж, значит, поедим на ходу, — деловито бросила Ки. Спрыгнув с сиденья, она спрятала кружку, потом поманила коней. Тяжеловозы оглянулись, и Сигурд недовольно зафыркал, но оба подошли и заняли привычные места. Ки принялась за дело, затягивая отвердевшие от холода ремни, отогревая в ладонях промёрзшие металлические пряжки и лишь потом прикасаясь ими к конским бокам. Вандиен стоял поблизости, наблюдая за её работой. Он попытался было помочь, но Сигурд топнул копытом, и Вандиен поспешно попятился.

Потом Ки вскарабкалась на сиденье и разобрала вожжи. Вандиен всё ещё стоял на прихваченной морозцем земле рядом с фургоном, снизу вверх глядя на Ки карими собачьими глазами. Кудрявые волосы свисали ему на лоб, холодный ветер ворошил отросшие пряди. Худой, гибкий парень, физически превосходивший её совсем ненамного...

Ки испытала странное чувство. Такому, как он, не было и не могло быть места в её внутреннем мире. Быть может, со временем она и привыкла бы к его насмешливому нраву, к его повадкам человека, не пытающегося что-то из себя изобразить. Могла бы привыкнуть. Но не станет. Да, она отвезёт его за перевал, как и обещала вчера. Но не более того. Не более. Хватит с неё. Она больше никому не позволит вмешаться в свою жизнь и не допустит, чтобы от неё кто-то зависел. Он говорит, что знает дорогу; если это действительно так, пусть указывает путь и этим расплачивается за проезд...

Ки не спеша передвинулась на широком дощатом сиденье, жестом пригласила к себе Вандиена и, не успев он как следует усесться, отпустила тормоз. Деревянные колёса дрогнули, с треском обламывая примёрзшую за ночь траву. Скрипя и покачиваясь, фургон двинулся в путь.

Ки растворила дверцу кабинки у себя за спиной.

— Там, в стенном шкафу под окошком, еда. Яблоки, сыр и, по-моему, ломоть солёной рыбы.

Вандиен полез внутрь за съестным. Он ни к чему не притронулся, только к шкафчику, который указала ему Ки. Потом выбрался наружу и положил еду на сиденье между ними. Ки обождала некоторое время, следя за коными и дорогой, потом нетерпеливо обернулась к нему.

— У меня ножа нет, — напомнил ей Вандиен.

Колёса скрипели, фургон плавно покачивался. Не сводя глаз с дороги, Ки извлекла из ножен короткий нож и протянула его Вандиену. Немного погодя он передал ей кусочек сыра на пластинке вяленой рыбы. Они ели медленно, не спеша. Сморщенных яблок оказалось недостаточно, чтобы истребить во рту солёный привкус рыбы; Ки сунула руку за спину, вытащила бурдючок, отхлебнула кислого вина и сунула мех Вандиену. Он отпил так же скупно, как и она, и вернул бурдючок. Ки повесила его на место и захлопнула дверцу. Вандиен прислонился к дверце спиной и вытянул ноги.

— Я до того привык ходить пешком, — сказал он, — что успел уже позабыть, до чего приятно ездить... Жаль только, рано или поздно мы доберёмся до глубоких снегов, которые, как ты сама убедишься, для фургона непроходимы. Ты повернёшь назад... как и все они...

— Я переправлюсь на ту сторону, — спокойно ответила Ки. — И со мной — мой фургон.

Вандиен только хмыкнул: казалось, самоуверенность Ки его забавляла. Ки не снизошла до ответа.

Между тем большак упорно лез вверх, петляя и прячась то за ельниками, то в чахлых зарослях ольхи, топорщившихся под прикрытием скал. Дорога тщательно обходила громоздкие голые валуны и холмистые неровности склона, причём нередко кружным путём и всегда с той стороны, что была дальше от перевала, хотя этот путь часто оказывался длиннее. Ки с молчаливым изумлением спрашивала себя, кому могло прийти в голову прокладывать горную дорогу таким кружным путём. Это, конечно, облегчало жизнь лошадям, тащившим вверх гружённый фургон, но большая часть дорожных кренделей оставалась совершенно необъяснимой. В своё время Ки приходилось ездить по речным руслам и пересекать хребты вовсе без дорог, выбирая распадок пониже. Этот же большак, казалось, таил-

ся, крадучись пробираясь по склону. Местами он вообще пропадал, и тогда колёса рокотали по голому камню в пятнах лишайника и мха. Не было видно ни птиц, ни зверей, лишь местами посреди скальной растительности копошились какие-то довольно крупные насекомые. Они поедали серо-зелёные лишайники и сами походили на них цветом. Насекомые смешно трепыхались, уползая из-под копыт. В иных местах они сидели плотными роями, скрывая дорогу.

Был момент, когда Ки готова была уже решить, что сбилась с пути. Но в это самое время Вандиен вытянул тощую руку, указывая куда-то между хилой рощицей и серой скалой:

— Смотри! Вот они, Сёстры! Здесь первое место, откуда их уже видно!

Ки посмотрела туда, куда указывала его вытянутая рука. Она полагала, что Сёстры были двумя величайшими горами хребта или по крайней мере двумя пиками, между которыми им предстояло проехать. Ничего подобного. Склон горы искрился снежной белизной. Дорога пересекала этот склон и скрывалась из глаз, огибая гору. Ки сразу сообразила, что по одну сторону фургона будет зиять страшный обрыв, а по другую — вздыматься отвесный утёс. То и другое издали казалось двумя гладкими белыми стенами. И там, где утёсы наверху и внизу были всего обрывистей и круче, высились Сёстры. Ки вмиг поняла, что вдохновляло художника, нарисовавшего вывеску для гостиницы.

Издали они казались довольно странной чёрной скалой, нарушавшей однообразие серого камня, образовавшего окрестные склоны. Они выделялись двумя тёмными силуэтами, совершенно лишёнными снега. И они удивительно напоминали симметричный, стилизованный силуэт двух человеческих женщин с длинными распущенными волосами. Два царственно-прекрасных лица смотрели друг на друга, чуть касаясь носами и губами. Две сестры, приветствующие одна другую.

— Видела? — спросил Вандиен, когда рощица закрыла Сестёр от глаз Ки.

Та кивнула; зрелище её почему-то растрогало. Вандиен, казалось, понял охватившее её чувство.

— Воплощение преданности, — сказал он. — Сколько вижу их, они мне всегда кажутся олицетворением самоотверженной любви. Между прочим, это было единственное место, где их как следует видно с дороги. Выше можно будет посмотреть ещё, но там они теряют сходство с людьми и превращаются в обычные скалы. Но отсюда, согласись, вид такой, что любой менестрель разрыдается. Когда я сам впервые их увидел, я пожалел, что не художник и не могу их как-нибудь запечатлеть. А потом понял: да ведь они уже запечатлены, причём навеки и так, как ни одному скульптору не приснится!

Он откинулся назад, к дверце кабинки; в его тёмно-карих глазах светилась глубокая, искренняя радость. Ки ничего не добавила к сказанному им, но ей поневоле передалось его восхищение Сёстрами, и Вандиену, похоже, было приятно, что она разделяла его чувства.

К середине утра они добрались до границы снегов. Сперва это был тонкий влажный покров, который широкие копыта тяжеловозов превращали в мокрую грязь. Потом колёса фургона начали застревать и проскальзывать. Коням пришлось подналечь; вскоре широкие, серые в яблках спины потемнели от пота и закурились паром. Движение замедлилось — проторённого пути не было, фургон двигался по целине, сквозь ничем не нарушенное снежное одеяло. Ни колеи, ни обнадёживающих следов впереди. Около полудня Ки ненадолго остановила упряжку, и Вандиен, уверенный, что она собралась повернуть назад, покосился на неё с видом человека, наперёд знавшего об этом. Ки сделала вид, будто ничего не заметила. Спустившись вниз, она прошла вперёд по икры в снегу и принялась обтирать отдувавшихся коней куском овчины. Безропотный Сигмунд благодарно тыкался носом ей в руки. Сиггурд обречённо заводил глаза.

Ки забралась обратно на своё место, и Вандиен спросил ровным голосом:

— Ну что? Пора поворачивать?

— Нет, — сказала она. — Заберёмся повыше, и снег делается суше, так что колёса перестанут скользить и коням станет легче... Хотя, — добавила она с неожиданной откровенностью, — я вообще-то полагала, что де-

ло у нас пойдёт побыстрее. А тут дорога по одному месту петляет!

— Сухой снег, верно, липнуть не будет, но зато он и глубже, — мрачно отозвался Вандиен. — Ты себе не представляешь, каков он наверху, за границей лесов. Там нет ни кустов, ни травы: голый камень да лишайники, так что снег метёт где хочет. А впрочем, поехали. Рано или поздно всё равно придётся бросить фургон, так хоть сколько-то проедем по-человечески...

Ки наградила его за это испепеляющим взглядом. Потом отомкнула и сдвинула в сторону дверь кабинки. Вернулась она с несколькими палочками копчёного мяса в руках. Сунув их Вандиену, она подняла вожжи и, слегка тряхнув ими, послала коней вперёд. Плотное жёсткое мясо надёжно заткнуло рты им обоим, избавив Ки от дальнейших разглагольствований Вандиена.

Колея позади них делалась всё длиннее; извилистая дорога упрямо карабкалась в гору. Рослые деревья, между которыми они ехали утром, сменялись более убогими. Воздух делался всё холоднее. Ки чувствовала, как натягивается, становится как будто чужой кожа на скулах. Она отпустила вожжи и только мотнула головой, когда Вандиен хотел взять их у неё. Наведавшись в кабинку, она появилась в толстом шерстяном плаще и меховых рукавицах. Усевшись и натянув на голову капюшон, Ки вытащила из-под полы толстую шаль из некрашеной серой овечьей шерсти. Вандиен с явным облегчением закутался в неё, но ничего не сказал. Его собственная одежда была истёрта до дыр. Он не жаловался, но Ки видела, как его трясло от холода. Какой-то бесёнок в душе подначивал Ки заставить Вандиена сознаться, как он замёрз. Держался он, ничего не скажешь, мужественно, и это внушало Ки невольное восхищение. Он ни о чём не просил и не унился до смиренной благодарности. С точки зрения Ки, такому человеку легче было что-то давать. У него были собачьи глаза, но хвостом он, по крайней мере, перед ней не вилял.

О лесе напоминали теперь только жалкие, скрюченные в три погибели ёлки. Кое-где из снега торчали макушки чахлых кустов; оставалось предполагать, что там,

где их совсем не было, проходила дорога. Белая гора бесстрастно взирала с высоты своего роста на расписной фургон и могучих серых коней, с усилением бредущих через сугробы. Ки вертела головой, пытаясь ещё разок рассмотреть Сестёр, но напрасно. Извилистая дорога вновь скрыла их, нырнув за выступ. У Ки слезились глаза от сияющей белизны снегов. Она опустила голову, желая дать отдых глазам, и слёзы сейчас же замёрзли прямо на ресницах. Ки утёрла глаза рукой в рукавице и тряхнула вожжами.

Однажды в чистой синеве над ними показалась чёрная точка, скоро превратившаяся в пикирующего ястреба. Ки ткнула в ту сторону меховой рукавицей:

— Я и не знала, что они залетают охотиться так высоко в горы!

— По-моему, он изгнан своим племенем,— пожал плечами Вандиен. — Его уже видели в этих местах... купцы и путешественники, которые здесь проезжали. Говорят, он охотится на перевале и даже выше. Только луне ведомо, что он тут ест. Удаётся ли ему когда-нибудь согреться, бедняге?..

Кони терпеливо пробивались вперёд. Колёса фургона всё глубже тонули в снегу, но продолжали вращаться. А вокруг было удивительно тихо; тишину нарушали только редкие вздохи ветра, поскрипывание фургона да фыркание трудившихся тяжеловозов. И никаких признаков жизни. Ки стало жалко одинокого ястреба. Она пошевелила пальцами замерзших ног, обутых в башмаки возчика. У Ки пересохли губы, но она знала, что облизывать их нельзя: сейчас же растрескаются и будут кровоточить...

Вандиен указал ей куда-то вперёд:

— Придётся же нам попытеть, перетаскивая через это твой ценнейший фургон...

«Это» оказалось серебристой полоской, пролётшей поперёк их дороги. Сияющая лента, расчертившая голубоватую снежную белизну. Она выбегала из расселины в скалах, пересекала дорогу и, изгибаясь, скрывалась за увалом. Ки встала на своём сиденье и напрягла зрение. Ни дать ни взять серебряная тропа! Ки вновь села и озадаченно нахмурила лоб.

— След снежной змеи, — ответил Вандиен на её невысказанный вопрос. — Неужели ты их никогда раньше не видела?

— Нет, никогда, — призналась Ки неохотно. — Но слышала предостаточно. По вечерам у костров ромни, когда на ночь глядя рассказывают всякие небылицы. Я думала, эти снежные змеи если не выдумка, то уж наверняка величайшая редкость. А что, её след — такое уж препятствие?

— Представь себе стену льда поперёк дороги. Где-нибудь в других местах снежные змеи, может, и редкость, но на перевале Двух Сестёр они так и кишат. Та, что тут наследила, похоже, ещё из маленьких. Крупные редко спускаются так низко. Иногда они ползут поверху, иногда прямо сквозь снег, как черви в земле. Тело у них длинное, и снег от трения тает, а потом превращается в лёд. Если змея ползла поверху, получается ледяной жёлоб, а если низом, то горб. Большая змея оставляет след шириной во всю длину твоего фургона. Но эта, по-моему, маленькая. Впрочем, подъедем поближе, там и рассмотрим...

Оба замолчали. Тишину нарушало только поскрипывание фургона. Вот Сигурд громко фыркнул, и тотчас откликнулся Сигмунд: тяжеловозы учуяли змеиный след. След был старый, но кони забеспокоились. Они выгибали могучие шеи и так мотали головами, что взлетали длинные гривы. Ки шлёпнула вожжами по широким серым спинам.

При ближайшем рассмотрении змеиный след оказался шириной всего в шаг. Ки остановила упряжку. Коня по-прежнему вскидывали головы, раздувая ноздри. Ки с Вандиеном спрыгнули в снег и пошли на разведку. Ки ступала осторожно: подобно кошке, она не любила сырости и холода и по возможности старалась их избегать. Вандиен, в отличие от неё, шёл напролом. Видимо, он привык к холоду и если не наслаждался им, то по крайней мере особенно от него и не прятался.

Как и предвидел Вандиен, след оказался неглубоким жёлобом из сплошного льда, перечеркнувшим снег на дороге. Объехать его не представлялось возможным. Пытаться же перетащить фургон верхом было всё равно что

перебраться через порядочное бревно. Ки пнула ледяную стенку ногой, отколов кусочек.

— Могло быть и хуже, — заметил Вандиен. — Пробьёмся. А знаешь, фургон-то завезёт нас выше, чем я ожидал!

— И спустит нас по ту сторону, — ровным голосом завершила его Ки.

Повернувшись, она зашагала назад к фургону. Вандиен остался на месте. Он дул на замёрзшие пальцы и всё поправлял сползавший платок. Ки вернулась с дроворубным топором и принялась крушить им ледяной след. Вандиен начал оттаскивать в сторону обломки. Ледяные брызги летели из-под топора при каждом ударе, то и дело попадая по рукам и по лицам. Уши Вандиена, наполовину скрытые прядями тёмных волос, скоро покраснели от холода, а руки, поначалу красные, наоборот, побелели. Ки взмокла в своём тёплом плаще, но не сняла его, зная, к чему может привести такая беспечность. Оба работали со всей возможной быстротой, не давая себе передышки, но Ки помимо воли думала о потерянном впустую времени и на чём свет стоит бранилась сквозь зубы. Солнце, светившее с зимнего неба, начинало помаленьку клониться к закату. Тени высочайших пиков хребта уже накрывали расписной фургон, казавшийся неуместным среди белизны снегов. Скоро придёт ночь, а с ней и мороз. Вандиен расслышал ругань Ки и усмехнулся, но ничего к сказанному раньше не добавил.

Когда наконец путь был расчищен, Ки дрожала от изнеможения. Холод обессилил её гораздо больше, чем она ожидала. Она с трудом заставила себя счистить иней с лошадиных морд, а потом отнести на место топор. Самые простые дела превращались в тяжёлый труд. Ки еле вскарабкалась наверх и тяжело плюхнулась на сиденье. Вандиен уже сидел там, ожидая её.

— Отряхни штаны, — посоветовал он ей. — Растает, ещё хуже озябнешь.

Ки подняла вожжи. Фургон заскрипел, потом рывком сдвинулся с места и тяжело покатился сквозь расчищенный пролом.

Нагнув головы, серые всем весом налегали на упряжь. Фургон двигался теперь гораздо медленней прежнего. Ве-

тер нагромоздил на склоне причудливые сугробы; тяжело-возы, успевшие притомиться с утра, упрямо преодолевали их один за другим. Возмокая Ки постепенно остыла, и ледяной холод пробрал её, несмотря даже на толстый плащ. Невольно она прикусила нижнюю губу, потом, спохватившись, утёрла рот рукавицей. Она покосилась на Вандиена: её спутник зажал онемевшие руки между ляжек, надеясь таким образом их согреть. Он устало и безразлично смотрел вперёд, на дорогу. Ки не могла разглядеть впереди ничего, кроме снега, — и чем дальше, тем глубже.

— Где оно, прах поberi? — прорвало её наконец. — Где это убежище, которого ты собирался достичь к вечеру? Хорошее безопасное место, куда ты с самого рассвета меня тащишь? Выехали пораньше, и где оно находится, хотела бы я знать? Я предпочитаю знать, куда еду! Иметь перед собой цель!.. Может, скажешь хоть, где оно находится, чтобы было с чем соразмерять?..

Замёрзшие губы Вандиена так и не сумели растянуться в улыбку, так что пришлось ему улыбаться одними глазами. Он выпростал белую, бескровную руку и указал вперёд:

— Видишь во-о-он там тёмную чёрточку? Что-то вроде трещинки в хребте? Это небольшой каньон, узкий, с очень крутыми стенами. Ни дать ни взять какой-то Бог однажды взял да и расщепил гору. Туда наверняка не успело наместить снега, и потом, там внутри есть... не то чтобы пещера, просто углубление в стене. Если загородить его фургоном, люди и лошади могут укрыться и относительно неплохо пересидеть ночь. В этом месте часто ночуют. Там даже запас дров приготовлен, надо только знать, где искать.

Ки досадливо поджала губы. В утренней суматохе она начисто позабыла взять с собой дрова. Вполне вероятно, что Вандиен успел зачислить её в непроходимые дуры, и поделом. Без дров штурмует незнакомую горную дорогу и к тому же понятия не имеет о тварях, которые могут повстречаться в пути. Ки сконфузилась, но ничего не сказала. Начать оправдываться — значит упасть в его глазах ещё ниже. Она молча правила конями, посматривая на далёкую щель.

Весь остаток дня дорога продолжала петлять утёсистыми кручами, опоясывавшими подножье горы. Тёмная полоска, на которую указывал Вандиен, медленно приближалась. Она была всё ещё очень неблизко и к тому же в стороне от большака, но Ки не сомневалась, что они успеют добраться. Она не учла одного: здесь, в тени гор, темнота наступает быстрее. Когда она в очередной раз подняла глаза к небу, солнце нырнуло за ледяные вершины, и сверкающие серебряные зубцы вмиг почернели. Жадные щупальца наползающей темноты потянулись к фургону...

Ки выругалась. И сразу же перешла от слов к делу. Она накинула вожжи петлёй на рукоять тормоза, чтобы они не упали на снег и не тащились, и, прыгнув с фургона на снежную целину, побежала вперёд, обгоняя напрягавших силы коней. Двигались они таким темпом, что Ки проделала это без большого труда. Ки встала перед мордой Сигмунда и зашагала вперёд, торя ему путь. Она со знавала, что толку от этого немного, но в сгущавшихся сумерках каждая минута была на вес золота. Вдобавок движение разогрело кровь, и Ки избавилась наконец от дрожи, не оставлявшей её с тех самых пор, как они прорубались сквозь змеиный след. К её несказанному удивлению, подле неё скоро возник Вандиен и начал протоптывать дорожку для Сигурда. Тяжеловозы разом повеселели и приподняли головы, ободренные обществом людей и видом проторённой тропы.

— Твой народ всегда берётся за дело вот так, ни слова не говоря? — хмуро спросил Вандиен. — Который раз уже чувствую себя рядом с тобой дураком...

Ки подняла брови и ядовито спросила:

— А твой народ что, всегда предупреждает, прежде чем что-нибудь делать?

— Естественно! — отозвался Вандиен. — Например, когда идём воровать лошадей...

Ки свирепо глянула на него в сгущавшихся сумерках. Лицо его было совершенно серьёзно, только глаза смеялись. Ки не выдержала и улыбнулась в ответ. От этого у неё треснула прихваченная морозом нижняя губа, Ки промокнула её рукавицей и увидела кровь.

Позади них слышалось какое-то шипение; временами оно становилось громче, потом снова затихало до шёпота. Ки поглубже натянула на лоб капюшон.

— Ветер поднимается... Успеть бы добраться до убежища, пока нас не накрыло метелью!

— Это не ветер, — отвечивал Вандиен совершенно спокойно. — Это снежная змея. И, если слух ещё не начал меня подводить, — побольше той, что нынче заставляла нас попотеть.

Ки невольно прибавила шаг, хотя разум говорил ей: пытаться удрать от подобного существа, да ещё по глубокому снегу, — дело безнадёжное. Что они могут противопоставить твари, для которой снег — родная стихия? Мысленно Ки перебрала всё своё имущество, пытаясь подобрать какое-нибудь подходящее оружие... Вандиен тем временем тоже прибавил шаг, стараясь не отставать от неё. Он тяжело, натужно дышал и явно не мог понять, почему это Ки так заспешила. Потом их взгляды встретились, и Вандиен, разглядев её испуганно вытаращенные глаза, засмеялся — негромко и беззлобно.

— Нет, Ки, беспокоиться не о чем. Та змея сама наткнулась на нас, учуяла — и удрала без оглядки. Мы ей без надобности. Змеи эти питаются снегом: высасывают из него что ни есть питательного, а воду извергают наружу, устраивая ледяные стены... на радость нам, путешественникам. Кое-кто говорит, будто летом они зарываются в землю. Так что опасности нам от них не больше, чем от очень большого дождевого червя. Другое дело — следы, которые они после себя оставляют...

Ки с трудом перевела дух и придержала шаг, зато в голосе слышалась злость:

— Небось язык не отвалился бы сказать об этом пораньше! Например, когда мы кололи лёд там на дороге. Или когда только заговорили об этих самых змеях. Я из-за тебя такого страха натерпелась...

— Могла бы, между прочим, сама спросить, — парировал Вандиен. — Или совсем гордость заела? Её у тебя столько, что чуть-чуть убавить бы вовсе не помешало. Ты ведь никогда здесь прежде не ездила, так?

Ки сжала зубы: начини она отвечать, она наговорила бы ему такого!.. Она так рассердилась на нахального коротышку, что даже согрелась. Со злости Ки снова прибавила шаг. Вандиен не отставал, отказываясь сознаваться, чего ему это стоит.

— Глупцы. Во имя Ястреба, везёт же мне на трусов и на глупцов, — заметил он как бы между прочим. — На трусов, которые разворачивают фургоны при виде первого же сугроба. И на дураков, вернее, дур, которые почём зря прут напролом. Так ты что, действительно ничего не знаешь о Сёстрах и с чем их едят?

— Не учи меня моему ремеслу, парень, — огрызнулась Ки. — Я возница. Что новенького ты собираешься мне рассказать? Есть перевал, есть дорога, и я еду, пока не доставлю свой груз. Я, кстати, видала перевалы почище. Такие, по сравнению с которыми этот — как борозда на поле. И мы с моими лошадами их щёлкали как орехи. Одолеем как-нибудь и Сестёр!

Вандиен молча шагал в густеющей темноте. Ки покосилась на него, но мало что смогла разглядеть: он натянул широкий платок на голову, так что наружу торчал только прямой нос.

— Сестёр не «одолевают», — негромко проговорил Вандиен. — Быть может, нам удастся спрятаться от них. Или проскользнуть незаметно. Но только не «одолеть». Мне доводилось кое-что слышать о них... Красота, знаешь ли, совсем не обязательно добра. — Он говорил спокойно, но в голосе чувствовалась напряжённая сдержанность. — А впрочем, байки лучше рассказывать у костра, за горячей едой...

— И с одеялами наготове, чтобы прятать голову в самых страшных местах, — презрительно хмыкнула Ки.

Его тон вызвал у неё раздражение. Такой же таинственный, как у того малого, который за монетку взялся провести её по заброшенным храмам Кратана. Он ей тогда наплёл три короба всякой жути о жрицах, совокуплявшихся со змеями, и об их чешуйчатом потомстве. Да ещё и попытался сторговать ей мумифицированный палец такого младенца, весь покрытый чешуйками. И тогда, и теперь Ки было одинаково противно. За кого, собственно,

принимал её Вандиен? За дуру набитую? Что ж, некоторые основания у него, сознаемся, были. Как ещё назвать возчика, сунувшегося зимой по незнакомой дороге без дров...

Между тем они упорно пробивались вперёд. Снег налипал на штаны Ки, таял от тепла тела и тёк вниз. Ледяной ручеёк проник в её башмак, и Ки принялась яростно шевелить пальцами на ходу, понимая, что иначе очень скоро перестанет их чувствовать. Это и в самом деле едва не произошло, но затем появилась боль, и у Ки отлегло от сердца. Болят не болят — пока она чувствует их, пальцы при ней. Ки дышала через полу плаща, оберегая лёгкие от морозного воздуха. От дыхания плащ постепенно обледеневал изнутри, что опять-таки раздражало её. Вечерний свет постепенно меркнул, и вместе с темнотой ощутимо сгущался и холод. Он казался живым существом, которое ощупывало одежду путешественников и немедленно запускало щупальца в любое отверстие, которое ему удавалось найти. На запястье, за воротником, у поясницы — острые ледяные иглы проникали повсюду и жалили безо всякой пощады.

Когда Вандиен неожиданно круто свернул влево, Ки последовала за ним, и только тут до неё дошло, что уже некоторое время она бездумно шагает, куда её ведут, и даже не пытается высмотреть перед собою дорогу. Открытие было весьма унижительное, но Ки в кои-то веки раз проглотила обиду, понимая, что уж этого-то Вандиену никак в вину не вменишь. Он знал дорогу и уже доказал это. Если он ещё и подыщет им местечко, где бы укрыться на ночь от сволочного мороза, то одним этим он заслужит всяческую помощь с её стороны касаясь провоза через перевал...

Теперь вокруг было уже совершенно темно. Сигурд шумным фырканием сообщал своей хозяйке о своём недовольстве и о том, что пора устраиваться на ночлег, а не топтать в кромешном мраке неизвестно куда. Но Вандиен шёл и шёл вперёд, и Ки следовала за ним не отставая. Глаза у неё устали, а ресницы смёрзлились и заиндевели; она всё равно не в силах была разглядеть вокруг почти ничего. Однако постепенно слева и справа замаячили сте-

ны неширокой расселины. Сугробы сделались мельче, как если бы они постепенно выбиались на берег из глубокой воды. Когда он стал по щиколотку, Вандиен неожиданно остановился.

— Пришли, — сказал он. — Разворачивай фургон, чтобы он прикрыл нас от ветра с гор.

Ки тупо кивнула и молча повиновалась. Усталость волнами окатывала её онемевшее, застывшее тело. Упряжка остановилась в крошечной темноте. Ки пришлось стащить рукавицы, чтобы выпрячь окончательно повесивших головы тяжеловозов. Металлические пряжки прилипали к коже. Вандиен куда-то исчез, но у Ки не было сил думать ещё и о нём. В первую очередь она должна была позаботиться о конях. Невзирая на усталость и лютый холод, она тщательно обтёрла серых от талой сырости и пота. Потом укрыла каждого тёплой попоной. Наведалась в кабинку и добавила к попонам те самые вытертые одеяла. Это сулило некоторые затруднения ей самой, но коням тёплая ночёвка была жизненно необходима.

Потом её слуха достигло бормотание Вандиена и перестук деревянных поленьев. В темноте рассыпались искры — он пытался высечь огонь. Отмеряя Сигурду с Сигмундом щедрую порцию зерна, Ки воспалёнными глазами отметила для себя место, где находился Вандиен. Вот оттуда донеслась приглушённая брань... и наконец малюсенький красноватый язычок высветил укрывавшие его руки мужчины.

К тому времени, когда Ки затолкала мешок с зерном обратно в кузов фургона, костёр разгорелся вовсю. Граница света и тьмы заново расчертила для Ки мир; бок фургона и вогнутая стена из камня и льда — дальше не было ничего. Упряжные кони, обычно с немалой опаской относившиеся к огню, отбросили страх и тоже жались к его слабенькому теплу. Ки подошла поближе и стала смотреть в мерцающую глубину пламени. Вандиен подложил ещё одно обледеленое полено. Оно зашипело и задымилось, потом начало разгораться. Запузырилась, затрещала смола, распространяя волну жара, от которой у Ки заболела стянутая холодом кожа на лице. Она вытянула перед собой руки и принялась греть их, не снимая рукавиц. Посте-

пенно тепло распространялось по телу, не спеша, однако, достигать ног. Пальцы казались Ки ледышками, затерявшимися где-то в мокрых, насквозь промёрзших башмаках.

— Рано отдыхать. Если мы сейчас перестанем двигаться, то потом уже пошевелиться не сможем. Замерзнем!

Голос, невыразимо усталый и несчастный, принадлежал Вандиену. Ки только мотнула больной головой. Он был прав.

— Я знаю, — выговорила она. — Можешь не напоминать. Мне случалось так же точно выматываться и замерзнуть... — сообщила она ему.

Она сознавала, что поступает с ним несправедливо. Сознавала она и то, что для этого была какая-то причина, но Ки слишком устала, чтобы копаться в памяти. Спасибо и на том, что раздражение быстрее погнало по жилам кровь. Вандиен, похоже, понял, в каком расположении духа она пребывала, и пререкаться не стал. Он молча раскрыл посудный ящик, вынул котелок и стал набивать его снегом. Он неуклюже действовал одними ладонями, так, словно пальцев у него вовсе не было. Жёлтая кожа туго обтянула его щёки и лоб, в бороде было полно инея.

И тут в сознании Ки словно распахнулось давно заколоченное окно, и сердце болезненно толкнулось в груди. Что ж это за дела, укорила её совесть. Готова носиться со своим горем, а человек от холода помирай!.. Дальше Ки действовала быстро, не оставляя себе времени на воспоминания и скорбные раздумья. Она не без труда влезла по колесу наверх. Дверца кабинки, примёрзнув, едва ходила в своих желобках, но Ки отодвинула её и принялась шарить во мраке. И вот повеяло родным запахом, а руки ощутили знакомое прикосновение одежд, тысячу раз стиранных и латанных ими. Нет, сказала себе Ки. Не буду ничего вспоминать. Не стану слушать этот голосок, твердящий мне об измене...

Вандиен всё ещё возился с котелком, действуя пальцами так, словно это были безжизненные деревяшки. Его руки казались белыми даже в рыжем свете костра. Прозрачная кожа плотно облегла кости и сухожилия, выделялись только синие вены.

— А ну встань, — ворчливо приказала ему Ки.

Он медленно поднялся, причём каждое движение с равной вероятностью могло говорить то ли о запредельной усталости, то ли об отчаянной наглости. А может, подумала Ки, тут хватало разом и того и другого. Она расправила складки толстого шерстяного плаща, стащила с Вандиена жалкий платок и закутала его в плащ. Торопливо сбросив рукавицы, она принялась затягивать кожаные завязки, с которыми нипочём не совладали бы его застывшие пальцы. Плащ, конечно, оказался ему безобразно велик. Когда она водрузила ему на голову капюшон, край съехал ему на глаза. Ки подвернула его, поудобнее устраивая вокруг лица тёплую ткань. Вандиен с удивительной кротостью отдавался её заботам. Она чувствовала колотившую его дрожь и слышала, как стучали его зубы. Ки всунула его безжизненные кисти в огромные рукавицы, сшитые из волчьей шкуры, с овчинными отворотами. Его руки ушли в них чуть не до локтей.

— Там где-то ещё должны быть его меховые штаны... — вслух припомнила Ки, посмотрев на те тонкие кожаные, в которые был облачён Вандиен.

— Погоди... это всё лежало у тебя в сундуках, а я околевал целый день?.. — изумлённо и с оттенком возмущения спросил Вандиен.

Ки медленно кивнула и посмотрела ему прямо в глаза. Знакомые рукавицы, родной плащ... и выглядывающее из него лицо чужака. Тёмные глаза из-под Свенова капюшона. Сердитые глаза... Невозможность происходившего была сродни удару, и Ки рывком отвернулась. Как выглядел в этой одежде её Свен?.. Да, он был больше, и ещё... Что «ещё», так и не явилось ей на ум. Образ Свена неудержимо расплывался перед умственным взором...

Ки в отчаянии повернулась спиной к Вандиену и уставилась в морозную тьму, но всё осталось по-прежнему. Свена не было. Ки осела наземь и скорчилась, пытаясь оградить себя от того, что выворачивало наизнанку её душу. Тщетно пыталась она вспомнить, вызвать из глубин памяти нетронутый временем образ... Всё, всё расплывалось. Тщетно Ки искала в себе какие-то чувства: любовь, скорбь... Ничего, кроме гнева. Вот Свен, тот нипочём не забыл бы о дровах. И уж точно расспросил бы насчёт без-

опасных мест для ночёвки. Почему его нет здесь, почему он не может обо всём этом позаботиться?.. Но его не было, и она, Ки, не могла даже толком вспомнить его лицо... Ки обхватила руками колени. Её трясло, но не от холода.

Рука в пушистой меховой рукавице легла на её плечо:

— Вставай, пока не замёрзла. Этим ты всё равно никому уже не поможешь. Вода для чая скоро согреется... Ки...

Он не стал спрашивать у неё каких-либо объяснений, не попытался поднять её на ноги и утешить. Вот проскрипели по снегу, удаляясь, его башмаки: Вандиен вернулся к костру. Ки медленно поднялась, чувствуя себя так, словно глубоко внутри неё что-то укладывалось по местам, только во рту был горький привкус. Она залезла в кабинку и ненадолго затеплила свечу, вытаскивая вяленое мясо и сушёные корни для супа. Потом открыла ящик с пожитками Свена и разыскала его зимние меховые штаны.

Вандиен уже заварил чай. Он перенял у Ки её поклажу и сунул ей в руки горячую, дымящуюся кружку. Потом накрошил мясо и корни — мельче, чем это обычно делала Ки. Она не сводила с него глаз, он почувствовал это и церемонно убрал хозяйственный ножик обратно в ящик для посуды. При этом он усмехнулся, но усмешка — или свет костра был тому виной? — вышла похоронная. Ки не нашла в себе сил улыбнуться в ответ. Она глотала обжигающий чай, и холод постепенно покидал тело, подобно тому как покидает безумие прояснившийся разум. Ки принялась размешивать суп, и это помогло ей не смотреть на Вандиена, натягивавшего меховые штаны. Когда суп сварился, они стали есть, обваривая себе рты.

Горячий бульон прогнал наконец вкус мерзкой горечи. Ки перестала дрожать и ощутила, как жаркий огонь согревает ей ноги и сушит кожаные башмаки. Вандиен сложил в кучку остаток дров и постелил сверху платок. Ки благодарно опустилась рядом с ним на жёсткое ухабистое сиденье. Глядя на Вандиена, она по-прежнему старалась смотреть только ему в лицо, но никак не на одежду. Это было всё так же невыносимо. Вандиен молча сидел подле неё, не слишком далеко и не слишком близко, совершенно по-дружески, и спустя некоторое время Ки заметила, что он потихоньку наблюдает за ней. Взгляд у него был

до того замученный и усталый, что Ки сделалось стыдно. Кое-как поднявшись, она принесла из кабинки краюху чёрствого хлеба и разломилась её надвое — Вандиену и себе. И, неторопливо жуя, стала смотреть в затухающее пламя. Прах бы побрал этого парня! Ещё и смотрит на неё мученическими глазами. Чего ему от неё надо?..

— Сёстры... — тихо проговорил Вандиен.

— Ах да! Ты же мне обещал сказку на ночь, а я чуть не забыла.

Ки постаралась изобразить лёгкомыслие, но вышло неудачно. Вандиен не поддержал её тона.

— Красота редко бывает добра, — сказал он, точно повторяя некогда затверженное, — и чем она совершенней, тем бóльшая жестокость может за нею стоять. Ты сама видела потрясающую красоту Сестёр. Создать подобное не по силам ни одной из разумных рас. Такое могла изваять только природа. Чем же тогда объяснить их удивительную симметрию и правильность очертаний? Это при том, что их невозможно даже поцарапать... если вообще допустить, что кому-то придёт в голову попытаться. Они стоят прямо над тропой, но довольно высоко, так что летом, когда нет снега, до них невозможно дотянуться. Даже с седла, и даже если встать на него ногами. Однако зимой дорогу заваливает снегом, и, если его достаточно много и наст плотный, можно подойти и коснуться рукой их красоты. Легенды, впрочем, утверждают, будто они не терпят чужих прикосновений — только друг друга...

Взгляд Вандиена сделался далёким, словно бы он мысленно снова шёл через перевал. Он смотрел в огонь, и Ки видела его профиль, благо во время еды он откинул капюшон. Профиль этот, по мнению Ки, говорил о большой силе. Да, если он вымоется, побреется и как следует отъестся, он будет далеко не уродом. Он повернулся к Ки, и она увидела, что взгляд его ожил — в нём как будто задержался огонь, в который Вандиен только что смотрел.

Мужчину несколько озадачило её молчаливое внимание. Он пожал плечами и заговорил снова:

— Сам я никогда к Сёстрам не прикасался. Я слышал, как иные хвастались подобным, но всё это были не те

люди, которым я хотел бы уподобиться. Поцелуй, которым вечно обмениваются Сёстры, предназначен только им двоим. Мне вообще кажется, что это довольно ревнивая пара. Зимой перевал небезопасен. Нет, нет, никаких следов насилия, битвы или измены. Просто находят людей, фургоны и животных... раздавленными. Прямо на дороге, как раз в тени целующихся Сестёр. Обычно их обнаруживают весной, когда сходят снега, и тела выглядят так, точно их в ступе пестом истолкли. Причём чем глубже снег, тем больше вероятность несчастья. А таких снегов, как нынче, на перевале не было уже много зим...

— Лавины, — сонно буркнула Ки. Монотонный голос Вандиена едва не усыпил её. — Бедняги! Погибнуть задавленными снегом и льдом... да ещё и лежать без погребения до весны. Бр-р! Хотя, с другой стороны, они хоть умирают все вместе...

Вандиен покачал головой:

— Ни на самих Сёстрах, ни на крутом склоне над ними никогда не задерживается снег. Не липнет, и всё тут. Из года в год та стена стоит голая, точно лезвие ножа. Весь снег, который там выпадает, скапливается внизу... чем, кстати, всюю пользуются снежные змеи, так что дорога там — не приведи Боги: сплошь ледяные желоба и горбы. Не только люди и дины пользуются перевалом, и мы с тобой там, я думаю, ещё попляшем.

— По крайней мере, они умирают все вместе... — повторила Ки. Она смотрела на огонь так, как будто это был выход из нескончаемо длинного тёмного коридора, по которому она так долго брела. Это сравнение пробуждало смутные, беспокоящие воспоминания.

Морозный воздух по-прежнему холодил ноздри, но всему остальному телу было просто чудесно. Ноги, живот, лицо, пальцы — всё отогрелось, всё нежилось в блаженном тепле. Вандиен опустил подбородок на грудь, обширный капюшон съехал вперёд, закрыв половину лица. Странного лица. Состоящего из одних костей да тёмных глаз... Странное лицо, странный человек...

Смола на одном из поленьев вздулась пузырьём, потом лопнула с громким хлопком. Ки вздрогнула и вскинула голову:

— Вандиен! Проснись!.. Ещё не хватало дремать в мороз у гаснущего костра... Пошли-ка спать, утром дальше двигаться надо!

Вандиен медленно выпрямился, потирая руками лицо. Нагнувшись к огню, он подложил в него ещё два брёвнышка, чтобы костёр понемногу тлел до утра.

— Надо будет погрузить в фургон остаток дров и взять с собой... давай сделаем это завтра.

— Завтра так завтра, — согласилась Ки. Поднялась на негнущиеся ноги и убрала на место котелок и посуду.

Дверцу кабинки снова прихватило к желобкам — она жалобно закрипела, когда Ки откатила её в сторону. Внутри было тихо и холодно. Ки подождала, пока глаза привыкнут к темноте. Сквозь единственное окошечко смутно пробивались красноватые отсветы костра, но Ки хватило и этого. На соломенном тюфяке лежало оленьё меховое одеяло; двумя ткаными Ки закутала лошадей. Ки высунулась наружу. Вандиен сидел на корточках, обустраивая костёр. Он был совершенно измождён холодом и длительной голодовкой. Непосильный труд нескольких последних часов тяжело сказался на нём; Ки, только что явившаяся из куда более приветливых краёв, перенесла схватку со снегами намного легче.

Некоторое время Ки молча смотрела на Вандиена, зная, что он всё равно не увидит её в потёмках кабинки, даже если поднимет голову.

— Вандиен! — окликнула она затем. Он вскинул глаза, и Ки махнула ему рукой — залезай, мол. Сама же отступила вовнутрь и расстелила меховое одеяло, покрыв им всю постель. Фургон скрипнул и едва заметно накренился: это Вандиен взобрался на сиденье и недоумённо заглянул внутрь.

— Прежде чем входить, хорошенько оботри ноги, — предупредила его Ки. — Кабинка хорошо держит тепло, так что незачем снегу здесь таять и разводить сырость...

Он помедлил в явном смущении. Потом забрался внутрь — до того осторожно, как будто пол должен был вот-вот под ним провалиться. Попытавшись выпрямиться, он стукнулся головой в потолок и поспешно пригнулся. Он стоял неподвижно и молча, только озираялся кругом.

Внутренность кабинки ещё хранила следы пребывания мужчины и детей, тем более что Ки тщательно сохраняла эти следы. Что-то переменялось в лице Вандиена, когда он увидел куколку Ларса и пару крохотных, мягоньких кожаных башмачков, свисавших с деревянного гвоздя.

Потом он медленно попятился назад к двери:

— Знаешь... я вообще-то прекрасно переночую и под фургоном... у меня там костёр...

— Не глупи, — отрезала Ки. — Если ляжешь там — не проснёшься. Уже никогда. Так что давай-ка отряхни от снега плащ и штаны и повесь их вон на те гвозди...

Она не стала смотреть, послушается ли он её. Сняв верхнюю одежду, она отчистила её от инея и повесила на место. Потом обошла Вандиена и закрыла дверцу. Мужчина молча следил за тем, как она отрезала ему путь к отступлению. Свет гаснувшего костра ещё проникал в окошко, рисуя на потолке светлый прямоугольник. Вандиен так и стоял посередине кабинки, не двигаясь с места.

— Может, нам и покажется на лавке тесновато вдвоём, но тепло, по-моему, того стоит, — сказала Ки. На самом деле, как ей было отлично известно, двое помещались на лавке с полным удобством. Она ждала, что Вандиен отпустит по этому поводу какое-нибудь ядовитое замечание, но услышала совершенно иное.

— Может, я на полу лягу?.. — смущённо предложил он. — Завернусь в плащ и...

Ки прошмыгнула мимо него и, не удостоив ответом, нырнула в меховые недра постели. Она повозилась там, устраиваясь на толще соломы. Тюфяк оказался холодней, чем она ожидала.

— Знаешь что,хвати-ка сюда с собой оба плаща, — сказала она невозмутимо. — Пожалуй, пригодятся, не то продрогнем.

Она видела в полутьме, как он снимал плащи с гвоздей. Встряхнув их, он расправил толстую ткань поверх меховых одеял Ки. Потом очень осторожно присел на краешек постели и наконец забрался в тепло. Он лёг на спину, слегка отвернувшись от Ки. Между его плечом и её собственным едва пролезла бы рука. Эта постель была предназначена вовсе не для того, чтобы на ней, стараясь не

коснуться друг друга, спали два совсем чужих человека. Ки явственно ощущала тепло его тела, и это было разом противно ей и приятно, — так, как будто в лице незнакомца вдруг проявились какие-то родные черты. Она слышала, как Вандиен с хрустом выпрямил простуженные колени, потом негромко кашлянул и слегка зашуршал соломой, устраиваясь поудобнее. Ки слушала, затаившись в темноте.

— Спокойной ночи, — сказал вдруг Вандиен, и его голос, неожиданно прозвучавший возле самого уха, заставил её вздрогнуть всем телом. Она поспешно сделала вид, что попросту решила повернуться на другой бок.

— Надо будет выехать пораньше, — сказала она. Ещё не хватало, чтобы его пожелание спокойной ночи так и осталось висеть в воздухе.

— Ага, — отозвался Вандиен.

Некоторое время оба молча таращили глаза: Ки — в темноту, Вандиен — на стену кабинки. Ни тому ни другому не хотелось засыпать первым. Ки слышала, как снаружи едва различимо потрескивали в костре поленья, как переступали с ноги на ногу Сигурд и Сигмунд. В постели понемногу скапливалось тепло. Почти достаточное для того, чтобы спать. Ки вытянула под одеялами ноги и наконец-то позволила себе расслабиться. Ей надоела темнота, и она закрыла глаза, чтобы не видеть её.

Несколько позже она очнулась и поняла, что спала. Она не сразу сообразила, что же её разбудило. Она лежала неподвижно, слушая тишину и пытаясь вновь уловить потревоживший её звук. Она не шевелилась. Пока она лежала неподвижно, ей было тепло, но Ки знала: стоит переменить положение, и холод сейчас же найдёт лазейку, снова добираясь до тела.

Постепенно она вспомнила о присутствии рядом Вандиена. Оказывается, оба они передвинулись во сне в поисках тепла. Вандиен лежал теперь к ней лицом, голова перекатилась к её плечу, густые тёмные волосы щекотали ей шею. Это-то прикосновение и разбудило её. Ки чувствовала его запах: от тела пахло потом, зато от волос — дикими травами. Совсем не так, как от её Свена, пропахшего кожей и маслом.

Тяжело прильнувший к ней Вандиен был реальным, живым человеком, существом из плоти и крови. В отличие от тех теней, с которыми она так сжилась. Его нечаянное прикосновение словно бы нарушило замкнутый, наглухо запертый мирок, который она столь ревниво оберегала. Её мир начал меняться. Медленно, мучительно, но меняться. Реальностью всё-таки был спавший подле неё Вандиен. А Свен всё более превращался в туманную тень, обитавшую в другой вселенной.

Разум Ки отказывался с этим смириться. Она снова зажмурилась, мысленно отгораживая себя от Вандиена. Нет. Свен принадлежал ей. Она никогда не забудет ни о нём, ни о своих детях. Она никогда их не отпустит. Ки попыталась снова вызвать их образы, но перед нею неожиданно предстал Ларс. Ларс, брат Свена. Он смотрел на Ки, сидевшую на ветвях старой скрюченной яблони...

— Я так и думал, что отыщу тебя тут, — сказал Ларс.

— Уйди, пожалуйста, — негромко попросила Ки.

Обряд, совершившийся накануне вечером, полностью лишил её сил. Она проспала допоздна, а когда наконец встала, то принялась натягивать свои старые, пропылённые одежонки. Ки была зла и чувствовала себя не на месте. Сколько народу кругом! Ни тебе вымыться потихоньку в ручье, ни чаю себе на завтрак сварить, не спрашиваясь ни у кого. Хочешь не хочешь — натягивай нестираную одежду и выходи, не умывшись толком, в комнату, полную людей. Вдобавок ко всему у Ки невыносимо разболелась голова, а в ушах так и стоял все тот же звон.

Гнев придал Ки решимости. Она вышла в общую комнату, но там никого не было. Корин длинный деревянный стол, на котором не было и следа вчерашнего кошмарного пиршества, стоял на своём обычном месте возле стены. Холодный очаг зиял пустотой. Ни дать ни взять вчерашнего вечера вовсе и не было.

Никто не помешал Ки наведаться в фургон и переодеться в чистое. Потом она провела своих коней и обнаружила их на пастбище, вполне довольных жизнью и собою. Ки пересекла пастбище и подошла к окаймлявшей его узкой полоске деревьев. За яблонями расстился луг, выходивший к дороге. Она взобралась на знакомые ветви

и стала смотреть вдаль, стараясь, чтобы голова была так же пуста, как тянувшаяся вдаль дорога. И вот явился Ларс и всё испортил.

— Я не могу просто так уйти, Ки. И хотел бы, да не могу. Надо же поговорить наконец...

— О чём? — зло спросила Ки. — Все винят меня в том, что произошло вчера вечером, а я об этом и понятия не имею! Может, хоть ты объяснишь?..

— Может быть, — устало согласился Ларс и сложил на груди руки.

Ки прыгнула с дерева. Ларс присел на траву, и Ки неохотно присоединилась к нему.

— В том, что произошло вчера, — начал он, — твоей вины нет. Если уж на то пошло, ты вообще ни в чём не виновата. Ты нам чужая... пойми меня правильно, я это не в упрёк, просто к тому, что там, где ты росла, другие порядки, а нашими ты так и не поинтересовалась. Вот, например, Обряд Отпущения... неужели тебе Свен совсем о нём не рассказывал?

Ки покачала головой:

— У нас всегда была на уме жизнь, а не смерть. Думать о Свене как о мёртвом, это... это было непристойно!

— Было, — кивнул Ларс. — И вот эту-то непристойность ты нам и показала. Во всех подробностях.

— А что, интересно, я должна была вам показать? — спросила Ки с горечью. — Ты мне сам все уши прожужжал насчёт «разделения ноши»...

— Ты не понимаешь... — Ларс потёр ладонями виски, потом с видимым усилием заставил руки снова спокойно лечь на колени. — Женщина из наших показала бы всем, как её дети и муж уносятся прочь на огромном вороном жеребце. Она, как и ты, дала бы нам полюбоваться их дикой красотой... вьющимися волосами, звонким смехом... Но вот они исчезли за горой, и она просто поведала бы нам, что назад они так и не вернулись. Так у нас всегда поступают в случае насильственной смерти. Незачем показывать другим весь её ужас. И ещё она приберегла бы одну чашечку на самый конец — целительный, отпускающий глоток. И с нею подарила бы нам какой-нибудь особенно дорогой для неё образ ушедших. Скажем, дитя, спя-

щее у костра... Например, когда умер мой отец, мама напоследок показала его нам в юности — обнажённый по пояс, он таскает брёвна, строя наш нынешний дом, все мускулы так и играют под кожей... Этот подарок я бережно храню и по сей день: таким видела отца только мама, а я — никогда. Вот почему, Ки, мы называем этот обряд Обрядом Отпущения. Мы отпускаем наших умерших. Мы освобождаем их, а вместо скорби делимся с друзьями мгновениями счастья, которые ушедшие нам когда-то дарили...

Ларс умолк. Ки тоже молчала некоторое время, пристыженно глядя в землю. Потом сипло выговорила:

— Наверное, он мог быть прекрасен, этот ваш... Обряд Отпущения... Вот только мне-то никто не растолковал за годя, что к чему. Ты мне сообщил только, что вы, мол, собираетесь разделить со мной его смерть... Вы, кажется, недоумевали, почему я не навестила вас сразу. Так вот, скажу тебе откровенно: если бы не моя свадебная клятва Свену, я бы вообще нипочём сюда к вам не поехала!

— Я знаю, — негромко ответил Ларс. — И если бы дело тем лишь и ограничивалось, Ки, мы с радостью простили бы тебя.

Он сорвал длинный стебель травы и принялся задумчиво мять его пальцами. Ветерок ласково трогал его волосы, разглаживал на груди рубаху.

— Мать сильнее всех это чувствует, — продолжал он. — Она во всей семье самая благочестивая, крепче всех держится за обычаи старины. Омовения и молитвы, которые большинство из нас то забудет, то пропустит, она блюдёт свято. То, что стало для многих из нас суеверием, для неё по-прежнему глас Богов. Вот почему ей пришлось хуже всех, Ки. Ты показала ей её веру в кривом зеркале, и это было жестокое зеркало. Ты оказалась очень сильна духом, сильнее её. И когда она попыталась вернуть тебя обратно с того холма смерти, отвлечь твой разум, ты воспротивилась и удержала там всех нас. Кое-кто теперь говорит, будто ты совершила это намеренно, желая, чтобы мы увидели гарпий такими, какими видишь их ты, — сквозь призму ненависти, отвращения и страха. Ибо, разделив обрядовый напиток, мы чувствовали всё то же, что и ты. Ты обрушила на нас ужасающий сумбур, выпячивая одно и

скрывая другое, да ещё густо замешав всё это на своих собственных чувствах. Кора отдала все силы, чтобы вернуть нас назад. Все без остатка! Она ещё очень слаба и не встаёт с постели. А Руфус... — Ларс не поднимал глаз от земли. — Руфус воспринимает случившееся не как святотатство, но как страшнейший позор, пятно на чести семьи. Словом, этим двоим пришлось всего большее. Но и остальным, я думаю, до конца дней как следует не оправиться...

Сказав это, он пошевелился и хотел встать, но Ки удержала его за руку. Ларс озадаченно повернулся к ней.

— Но я как раз и не хотела, чтобы вы всё видели! — сказала ему Ки. — Помнишь, когда мы ехали с тобой на фургоне, я соврала, будто они разбились из-за коня. Откуда мне было знать про обрядовый напиток и общность чувств! Будь моя воля, никто из вас не узнал бы, что это гарпии их растерзали...

Ларс покачал головой.

— Если бы ты с самого начала сказала нам правду, мы сумели бы это пережить. Мы даже не попросили бы тебя показать, дабы лишний раз не бередить твои раны. Вся беда, Ки, в твоей гордыне. Ты не желаешь ни на кого опереться и поверить, что другие сумеют тебя понять. Можно подумать, ты сомневаешься в том, что здесь тебя любят...

Ки выслушала его упрёки, склонив голову. Да и что она могла ему возразить?.. Она влюбилась в Свена и пожелала его. И, чтобы завоевать его, она употребила все средства, которым научили её семнадцать лет жизни в кочевой кибитке. Будь жив её отец, Аэтан, не исключено, что он сумел бы отговорить дочь. Но Аэтана не было, и Ки мечтала заполучить Свена. Однако это значило заполучить вместе с ним и его семью с её сложными и непонятными (с точки зрения Ки) воззрениями на родство. Вдвойне непонятна для Ки была культура этих людей. Она никогда не знала семьи, кроме Аэтана, и обычаев, кроме обычаев ромни, о которых отец время от времени вспоминал. А когда Свен стал её мужем, они стали жить отдельно. Она увела Свена прочь от семьи, в свою жизнь. И вот результат. Её невежество и заносчивость больно ранили их всех...

Ларс истолковал её молчание и опущенный взгляд как разрешение удалиться. Он снова начал вставать, но Ки схватила его за рукав и заставила посмотреть себе прямо в глаза. Она сама рада была бы всё это прекратить, тем более что в голове у неё как будто натянули струну от одного виска до другого и эта струна становилась всё ту же и беспрестанно звенела.

— Ты ещё не всё мне объяснил, — сказала она. — Я поняла только, что вчера испакостила вам Обряд. Я очень сожалею о том, что причинила вам боль, хотя бы и ненамеренно. Но скажи, каким образом я могла осквернить вашу веру? Совершить святотатство?.. Ты сам говорил, вы всё знаете про гарпий. Как они убивают... чем питаются... Я повторяю — я изо всех сил старалась вам этого НЕ ПОКАЗЫВАТЬ! Поверь, отсюда и путаница в картинах, которые вы видели. Я только и делала, что пыталась отвлечь себя и вас от этого воспоминания. Неужели ты думаешь, что я по своей воле стала бы переживать всё это заново, обряд там или не обряд?..

Ларс немного подумал и медленно покачал головой.

— Наверное, нет, — проговорил он. — И я могу поверить, что ты действительно ничего не знала. Свен и сам до такой степени пренебрегал нашими верованиями, что был в семье едва ли не чужаком. А когда он уехал с тобой, то, видно, и вовсе от них отказался. Они и дома-то для него мало что значили. Он и гарпиям ни разу жертвы не приносил, даже тогда, когда умер отец. Маму это так огорчало...

При упоминании о жертве в зелёных глазах Ки вспыхнули искры. Тем не менее она упрямо покачала головой:

— Давай, Ларс. Представь, что рассказываешь о своей вере ребёнку. Пойми же: я ощущаю какие-то подводные течения, о которых раньше и не подозревала. И недоброе чувство подсказывает мне, что вчера я совершила нечто неопишное. Говори же, Ларс! Так, будто имеешь дело с человеком, который вообще обо всём первый раз слышит! Тем более что это недалеко от истины...

— Боги! — простонал Ларс. — Чем дальше, тем хуже. Не удивляюсь, что многим померещился злой умысел: кто мог поверить, что бывает на свете подобное незнание!.. Если бы можно было исправить...

— Нельзя, — перебила Ки. — Ничего исправить нельзя. Так помоги хоть мне в полной мере представить, что я такого натворила!

Ларс поскрёб широкой пятернёй щёку... Когда он поднял голову, солнце высветило юношеский пушок, которым понемногу обрастало его лицо. Борода у него будет как у Свена — такая же поздняя... и такая же шелковистая на ощупь.

Ларс между тем посмотрел Ки в глаза и начал:

— В давно прошедшие времена это место звалось вовсе не Арфистовым Бродом, как ныне. Годы исказили его настоящее имя: Гарпийский Брод. Тогда ещё не строили мостов, и на много миль в обе стороны другой переправы через реку не существовало. Гарпии, как и люди, отлично знали об этом и облегчали себе охоту. Ты видела возвышения, устроенные на каменных насыпях прямо в реке, возле перевоза? Люди, желавшие благополучно пересечь реку, оставляли там приношения — убитых животных — и тем откупались от гарпий. Они мирно переправлялись вместе с семьями, пока гарпии кормились. Им не надо было бояться, что внезапно просвистят крылья и детский крик заглушит шум переката... — Голос Ларса дрогнул, юноша поспешно провёл рукой по глазам. — Вот видишь, Ки, как действовали на меня твои видения? До вчерашнего вечера мне и в голову не пришло бы подобным образом говорить о гарпиях... Как бы то ни было, именно так всё начиналось. По крайней мере, так говорят... Время, однако, шло своим чередом, и простые обычаи усложнялись. Случалось, что гарпии слетали на возвышения, поджидая там несущих жертву людей. Они начали разговаривать друг с другом. Постепенно мой народ познакомился с гарпиями поближе и открыл для себя их удивительные способности. Так зародилась религия... Я знаю, Ки, ты по-прежнему в это не веришь, но гарпии... они выше нас. Ты скажешь, что высшие существа не могут быть настолько жестоки. Но для гарпии разорвать человека — всё равно что для человека зарезать телёнка. Это не жестокость. Это простой порядок вещей...

Ки рывком вскочила на ноги, но ещё быстрее рука Ларса метнулась вперёд и сомкнулась у неё на запястье.

Его хватка, впрочем, не причинила ей боли. С мягкой настойчивостью Ларс усадил её обратно рядом с собой. Она не могла найти слов, но он всё видел и так по её участвовавшемуся дыханию, по мучительной дрожи губ.

— Не сердись, Ки, — сказал он. — Я знаю, ты рада была бы вклеить мне затрещину за эти слова, а то и вовсе удрать. Послушай меня. Тебе Свен был мужем, а мне — братом. И тем не менее я сказал то, что сказал. И мы не просто приносим гарпиям жертвы, но и очень многое получаем от них взамен. Между прочим, вчерашний напиток доставили нам они: это выделения каких-то желёз. Он устанавливает связь между людьми и заново связывает их с гарпиями...

Ки отвернувшись прочь — желудок скрутила судорога отвращения. Она пошевелила рукой, и Ларс разжал пальцы, не пытаясь её удержать.

— Когда кто-нибудь умирает, — продолжал он, — особенно если Обряд Отпущения прошёл хорошо, они позволяют нам... понимаешь, это очень трудно объяснить, если не испытал сам. Ну... например, если я приведу на жертвенное возвышение барашка и перережу ему горло, обязательно прилетит гарпия. И, пока она кормится, я смогу повидаться с умершим отцом. Мы поговорим с ним, я спрошу совета... мы вспомним что-нибудь из того, что вместе пережили... Гарпия откроет ради меня двери между мирами. Так оно и было... до вчерашнего вечера.

Смутное предчувствие шевельнулось в душе Ки.

— Так вот, вчера ты отгородила нас от гарпий, — сказал Ларс. — Всех, начиная от того старца, моего двоюродного прадеда, и кончая маленькой девочкой, дальней моей племянницей. Ты так и не подарила нам подходящего воспоминания о Свене и детях. Мы не сможем вспомнить о них, когда пойдём к гарпиям в следующий раз. То есть теперь Свен потерян для нас... умер по-настоящему, навсегда. Мать никогда больше не увидит своего среднего сына, а я — старшего брата. Умерли!.. Теперь мы понимаем, что разумеют под этим другие люди. Только лучше было бы нам этого не знать...

— Ну и?.. — спустя некоторое время подтолкнула его Ки, нарушая затянувшееся молчание.

Ларс поднял на неё полные муки глаза:

— Мне очень тяжело говорить об этом... Руфус хотел пойти к тебе сам, но я его удержал. Уж если наказывать тебя таким образом, будет лучше, если это сделаю я. Я не хочу быть жестоким с тобой, но вчера ты нанесла нам страшный удар, и я должен показать тебе рану. Как я уже сказал, ты отгородила нас от гарпий. Это значит, что по твоей вине нам предстоит полоса одиночества. Никто из нас не сможет видаться с мёртвыми до тех пор, пока размышление и покаяние не очистят наши души от чувств, которыми ты их осквернила. Кое для кого из нас это, верно, растянется надолго. Другие, как та девчушка, будем надеяться, скоро позабудут и исцелятся. Понимаешь, пока я полностью не уверился, что очистил свой дух от твоих воспоминаний, я не смогу посетить гарпий и повидаться ни с отцом, ни с бабушкой, ни с дедушкой. Тот ужас, отвращение и гнев, которые ты питаешь к гарпиям за их деяния, — всё это воздвигает между мною и гарпиями непреодолимую стену. Я-то, может, без этого как-нибудь проживу. И Руфус проживёт, и другие. Но моя мать — совсем другое дело. Мы и сами не знаем, как часто она приносит жертвы, чтобы ещё раз свидеться с отцом. Это, конечно, сказывается на овечьих отарах, и время от времени я вижу в глазах Руфуса ярость, когда он недосчитывается то лучшей овцы, то пухленького ягнёнка. Но мы не говорим ей ни слова. Мама стара, а для старых людей обычаи значат особенно много. Теперь ты сама видишь, что ты наделала. Мой отец умер много лет назад, но только теперь он для неё **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** умер. Стал недосыгаемым. Она не может вызвать его, не может на него опереться. Те чувства к гарпиям, которые ты нам внушила, отняли у нас право на их волшебство. Вчера в пылу гнева кое-кто договорился до того, что ты заново убила для нас всех наших мёртвых. Оттого, что Свен и дети мертвы для тебя, ты сделала то же и с нашими усопшими...

Ки устало и медленно подняла голову. Она не плакала, но в глазах её было столько горя, что Ларсу невольно подумалось — этого не смыть никакими потоками слёз.

— Теперь всё? — бесцветным голосом спросила она. — Или потом выяснится, что я сотворила что-то ещё?

— Есть ещё одна причина, по которой мама так носится с Обрядом Отпущения, — медленно и неохотно, так, будто слова липли к языку, проговорил Ларс. — Души, освобождённые Обрядом, вольны отправиться в рай... в лучший мир. Те же, что не извели Отпущения, обречены скитаться по этому миру. Бездомные, одинокие, они вечно бредут сквозь холод и тьму. Вчера она долго плакала по Свену и малышам...

— Этого уже не поправить, — сказала Ки.

— Это будет заживать очень долго и медленно, — ответил Ларс. — Ты причинила нам величайшее зло.

Он взял её за руку, пытаясь облегчить боль, которую благодаря ему она испытывала.

— Уже не поправить, — повторила Ки. — Такие раны, даже зажив, оставляют страшные шрамы... — Она потихоньку высвободила руку. — Знаешь, мне, наверное, лучше уехать. Я не хочу, чтобы ты считал это трусостью, Ларс. Если хоть кому-нибудь полегчает оттого, что я останусь и буду приносить извинения, — я останусь. Но моё пребывание здесь обернётся постоянным стыдом для Руфуса и мучением для твоей матери. Лучше будет, если я уеду и не буду мешать вам... исцеляться.

Ларс потупился. Зачем-то поднял руку ко рту и только тогда сказал:

— Я так и знал, что ты захочешь уехать. Вот только ни матери, ни Руфусу это не понравится. Их очень заботит, как всё выглядит со стороны. Я — другого мнения. И по гораздо более серьёзной причине. Дело в том, Ки, что мой народ... он не привык сносить обиды от чужаков. Вчера им нанесли великий ущерб, и они захотят поквитаться. Им нужен будет кто-то, на ком можно сорвать зло и на кого возложить вину за недовольство гарпий. А рассердятся гарпии непременно, ведь всё то время, что нам придется воздерживаться от жертв, они станут хуже питаться. Мы ведь не только одно из самых многочисленных семейств долины, но мы поколениями ещё и жертвовали крылатому народу куда щедрее прочих. Им будет не хватать наших подношений... Хотел бы я, чтобы ты осталась, Ки. Чтобы ты мирно жила здесь, среди нас. Но подумай сама, кто поручится теперь за твою безопасность? Мой

разум говорит одно, а сердце — другое. Оно мне подсказывает, Ки, что тебе необходимо уехать. Причём как можно скорее. Сегодня же ночью. И — тайно. Не говори о своём намерении никому. Гони изо всех сил и лучше всего направься в Карроин. Туда ведёт отличный большак, широкий и ровный, как раз то, что надо для быстрой езды. Не останавливайся ни в коем случае. Я позабочусь о том, чтобы как следует снарядить твой фургон. Я потихоньку сделаю это в течение дня... Почему я? Потому, что за тобой будет следить слишком много глаз. Повторяю, не говори никому! И Коре с Руфусом в особенности!

С этими словами Ларс поднялся. Ки осталась сидеть. Её сердце билось медленными, болезненными толчками. Голова шла кругом. Меньше всего ей хотелось уезжать тайно, удирать, подобно нашкодившему ребёнку. Ей так нужно было обелить себя в их глазах. Заставить понять, что она вовсе не желала им зла...

— Не говори никому! — ещё раз предостерёг её Ларс. — Кора сделает всё, чтобы уговорить тебя остаться, не думая, чем это грозит ей самой. Жена Свена должна чувствовать себя в её доме как родная дочь, а остальное — дело десятое. В том числе и её собственная опасность. А сколько народу было против вашего брака со Свеном!.. Каждый из них теперь всю языком болтает...

И Ларс зашагал прочь, оставив Ки наедине с захлестнувшим её чувством грядущей беды.

ябкий холодок прополз по спине Ки и постепенно охватил всё её тело. Как ни натягивала она одеяло, как ни закапывалась в пухлый тюфяк, спастись от него не удавалось. Тогда она кое-как продрала глаза и увидела, что Вандиен уже стоит около лавки и скребёт пальцами жёсткую бороду.

— Светает, — негромко сказал он, видя, что Ки зашевелилась. — Пора в путь.

Ки потянулась, разминая так и не отошедшее после вчерашнего тело, и боязливо высунулась из-под мохнатого одеяла. Даже внутри кабинки чувствовалось, как окреп снаружи мороз. Казалось, гигантская рука медленно сжимала фургон в ледяном кулаке. Ки торопливо натянула тёплый плащ. Вандиен потянулся мимо неё к постели, забрал свой и накинул на плечи.

Ночь принесла не только мороз, но и ветер; было слышно, как он шумел и посвистывал в устье каньона. Колею, проложенную с вечера, почти совсем занесло. Серые жаллись друг к дружке, забившись между фургоном и скальной стеной. Оба стояли с опущенными головами, лишь ветер шевелил подрезанные хвосты. Вандиен поглубже надвинул на лицо капюшон и плюнул на снег.

— Вот незадача! Только ветра нам для полного счастья и не хватало!..

Ки обвела небеса намётанным взглядом.

— А может, ветер нам как раз и поможет переправить фургон...

Она таинственно улыбнулась Вандиену и легко соскочила с подножки.

Сигурд приветствовал её тонким, пронзительным ржанием. Кони отнюдь не пришли в восторг оттого, что с них стащили тёплые попоны и одеяла. Ки утешила их небольшой порцией зерна и стала помогать Вандиену грузить

оставшиеся дрова. Их оказалось не так-то и много. Вандиен выделил всего одно полено на то, чтобы оживить вчерашние угли и вскипятить котелок. Люди позавтракали одним пустым чаем; холодный воздух студил кружки прямо в руках. Они без промедления свернули лагерь: Вандиен подносил вещи, Ки упаковывала. Кожаная упряжь одеревенела от мороза так, что ремни с трудом вправлялись в обледенелые пряжки. Сигурд долго упрямылся и мотал головой, не желая брать в рот замороженное грыз-ло, потом всё-таки сдался и мрачно притих.

— Поехали! — скомандовала Ки и почувствовала, что губы успели пересохнуть и потрескаться от мороза. Фургон закрипел, с треском обломал колёсами ледяную корку и покатился вперёд.

Внутри каньона снег был неглубок, но, стоило им выбраться наружу, как его сразу стало больше. Коням пришлось развернуться мордами против ветра и ломиться сквозь сплошную толщу сугробов. Ветер нёс тонкую ледяную пыль, которая то опадала, то взвивалась вихрями, заставляя тяжеловозов пригибать головы и покрывая лицо Ки морозными поцелуями. Вандиен как можно ниже опустил капюшон плаща и отвернулся в сторону. Ки себе позволить такой роскоши не могла. Кто-то же должен был присматривать за дорогой и конями, хотя лицо и застывало на жалящем ветру, который задувал в рукава и под капюшон, холодя шею. Руки Ки, державшие вожжи, стали неметь.

Одно утешение — серые покамест доблестно вспахивали снежную целину и шутя одолевали сугробы, несмотря на то что колёса фургона то и дело застревали и, не вращаясь, скользили вперёд по снегу. Ки напрягала зрение, пытаясь разглядеть дорогу сквозь клубящуюся позёмку. Сугробы по всему склону выглядели решительно одинаковыми. Делать нечего, Ки ткнула Вандиена локтем и прокричала, преодолевая шум ветра:

— Ты уверен, что не собьёшься с дороги даже в метель?..

Он кивнул капюшоном. Потом вытянул закутанную руку, указывая, что надо принять немного правее. Ки повиновалась. Весь предыдущий день они путешествовали из-

вилистыми каньонами и между холмами предгорий, постепенно подбираясь к Сёстрам, нависшим над узкой тропой. Теперь дорога перестала петлять и взбиралась всё выше и выше. Когда Ки взяла направление, указанное ей Вандиеном, ветер перестал забивать коням глаза снегом, зато подъём стал ещё круче прежнего. Сменяли шило на мыло, подумала Ки. К тому же и ветер никуда не делся, просто теперь они были к нему боком. Да и сугробы казались мельче, ведь теперь ветер относил снег в сторону, а не бросал его прямо навстречу...

По правую руку мало-помалу вырастал крутой и голый утёс, а по левую — открывался такой же обрыв. Если утром упряжка взбиралась на склон, то к полудню фургон катился практически поперёк него, вдоль совершенно отвесной стены, на которой едва задерживался снег. Не залёживались сугробы и на дороге; опушённые копыта тяжело-ловозов лязгали по обнажённым камням, а колёса фургона, недавно увязавшие в снегу, с хрустом подминали мелкую гальку. Время от времени ветер воздвигал перед ними очередную сугроб, но только для того, чтобы мгновением позже разрушить его и унести прочь. И надо ли говорить, что теперь Ки не сбилась бы с пути и без указаний Вандиена.

Между тем перед их взорами разворачивалась панорама горной страны, исполненная разительных контрастов. Сколько хватало глаз, расстилались серовато-белые льды и снега; но вот дорога делала поворот, и открывались столь же необозримые пространства голого чёрного камня. Других цветов здесь не было и в помине, и на этом фоне яркий расписной фургон выглядел попросту неприлично. Кроме него да несомого ветром снега, в застывшем горном мире не двигалось более ничто. Дорога, однако, скоро сделалась такова, что Ки поняла: если навстречу попадётся фургон, едущий с той стороны, разминуться при всём желании не удастся. Ки, впрочем, не особенно опасалась, что это вправду случится.

Трудно было даже представить, что в этих местах бывает весна и мёртвый снег лежит здесь не вечно. Но кое-где нависшие скалы украшали тяжёлые голубые сосульки — немое свидетельство того, что оттепель на перевале всё же случалась. Потом Ки показалось, будто эти

сосульки блестели в мутном солнечном свете несколько ярче, чем следовало. Наконец они проехали мимо одной, свисавшей достаточно низко, чтобы как следует её рассмотреть. По мере приближения лёд не только не утрачивал голубого оттенка, но, наоборот, делался ярче. Приблизившись вплотную, Ки разглядела в прозрачной толще крохотные копошащиеся создания...

— Ледяные личинки! — перекрывая шум ветра, прокричал Вандиен.

Фургон осторожно объехал застывший водопад, перекрывший половину дороги. Вандиен ничего больше не стал говорить о личинках, лишь безразлично пожал плечами, но на Ки странные существа произвели двойственное впечатление. Они завораживали её и одновременно отталкивали. При этом у неё и мысли не возникало, что от них могла исходить какая-либо опасность, — до тех пор, пока непосредственно позади фургона не обрушилась огромная ледяная глыба. Она с треском разбилась о камни дороги, осыпав осколками корму фургона. Ки оглянулась: дорога была завалена крупными кусками синеватого льда. Еще чуть-чуть, и глыба в щепы разнесла бы фургон. Или ещё хуже — убила бы коней.

— Это те маленькие создания отъели её, — без ненависти заметил Вандиен. — Если бы не личинки, постоянно подгрызающие лёд, перевал был бы намного безопасней. Нет, останавливаться незачем. Да и вверх смотреть — тоже. Если покатится ещё глыба, нам всё равно некуда будет уворачиваться...

Ветер неумолчно посвистывал среди скал и шуршал снегом на разные голоса. Он казался живым существом, совавшим холодный нос в любую щель одеяний. Он то и дело менял направление и бросался навстречу из-за поворотов, ударяя в лицо.

— Ты, может быть, в кабинку бы лучше пошёл? — сказала Ки скукожившемуся на сиденье Вандиену. — Какой смысл обоим здесь мучиться? Тем более что и дорогу указывать больше не надо...

Вандиен не ответил, только молча покачал обмотанной плащом головой, и Ки втайне порадовалась, что по крайней мере не придётся сидеть одной на ледящем ветру.

Её удивляло только, зачем ему понадобилось торчать с нею снаружи.

Когда солнце подобралось к полудню, ветер начал стихать. Снежные вихри ещё завивались вокруг копыт тяжелых повозок, но уже не с такой силой, как прежде. Дорога, и та перестала ползти вверх; насколько было видно впереди, она горизонтально тянулась по склону, ни дать ни взять из жалости к притомившимся коням. Ки остановила фургон, давая им передышку. Она не стала распрягать их, только укрыла обоих попонами. Ширина дороги едва-едва позволила ей протиснуться к громадным животным, чтобы обтереть иней с мохнатых морд и скормить любимцам по пол-яблока. Грызла мешали им жевать, железные удила звенели. Ветер ощутимо подталкивал Ки, когда она залезла обратно на сиденье. Она обратила внимание, что к его шуршанию снова добавился посвист. Неужели усиливается, подумалось ей. Она хотела дать серым как следует собраться с силами, но долгая стоянка на подобном ветру могла кончиться плохо. Ки забралась в кабинку и затворила за собой дверь.

Вандиен уже сидел внутри. Здесь было не теплее, чем снаружи, но хоть не дуло, и он откинул с лица капюшон. Всклопоченные волосы стояли дыбом над обожжённым морозным ветром лицом, тёмные глаза казались совсем чёрными и блестели больше обычного. Он улыбнулся Ки, и она улыбнулась в ответ, тоже стаскивая капюшон. Оба чувствовали себя победителями: забраться в подобную погоду так высоко — это вам не шутка. Это победа над горами и ветром, пусть маленькая и временная, но настоящая и оттого немного хмельная.

Ки вытянула одну колбаску из связки, подвешенной на стене, вынула поясной нож и нарезала её на деревянном откидном столике. От промёрзшего мяса сразу заныли зубы. Путники принялись жевать, чувствуя, как тихонько подрагивает фургон под напором свистящего ветра...

Неожиданно поднявшись, Вандиен приоткрыл дверцу кабинки, высунулся наружу и указал на крохотную точку в небесах:

— То-то я и слушаю — слишком уж чистый звук для простого ветра! Ага, вот опять!.. С ума сойти! Чтобы гарпии

летали в такую погоду!.. Этот самец, правда, не как все. Это изгнанник, да я тебе, кажется, уже говорил. Интересно, справится ли он с ветром?..

Живот Ки так и перевернулся вверх дном. Она подошла к Вандиену и посмотрела, куда он показывал. Гарпия была слишком далеко, чтобы как следует рассмотреть цвет. Он коричневый, твёрдо сказала она себе. Ну, может, тёмно-фиолетовый...

...ИЛИ БИРЮЗОВЫЙ, хмыкнул из тёмного уголка сознания насмешливый голос...

Самец-гарпия парил очень высоко в небе, как бы сторожа какое-то место дальше на дороге. Время от времени он пошевеливал крыльями, описывал круг и, легко справляясь с яростным ветром, возвращался на то же место. Его ясный свист был отчётливо слышен даже сквозь шум ветра.

— Ты только посмотри на него, Ки! Какой летун! И как упрямо держится над одним и тем же местом! По-моему, он даже понимает, что его относит порывами вон из-за той скалы...

Ки не ответила. Мысленно она вслушивалась совсем в другой голос. Хафтор снова стоял рядом с нею, облитый звёздным светом, высокий и грозный. *Кора не сможет сохранить это в тайне*, — крепко держа её за руку, говорил Хафтор. — *С теми гарпиями расправилась ты, а такие долги оплачивают только кровью. Ни время, ни расстояние тут не помогут. Долга крови гарпии не прощают. Как и люди, которые гарпиям служат...*

Вандиен с любопытством оглянулся на Ки, удивляясь, почему она не разделяет его интереса к странной гарпии. Съёжившись по-кошачьи, женщина смотрела в дверь из-за его плеча. Её взгляд так и прикипел к далёкой точке, посвистывавшей и кружившейся, кружившейся в небесах...

— Ки! — Она почему-то вздрогнула, когда он назвал её по имени. — Нам пора двигаться, — продолжал Вандиен. — Между этим местом и собственно Сёстрами есть только одно укрытие. Если мы сумеем добраться туда до темноты, возможно, завтра нам удастся миновать Сестёр. Потом ещё два дня, и мы спустимся с перевала на ту сторону. С фургоном и со всем прочим, как ты и хотела.

Ки затравленно оглянулась на него... Почём было знать Вандиену, какое усилие духа потребовалось ей для того, чтобы вылезти из кабинки под открытое небо навстречу зависшей там смерти. Ки почти надеялась, что гарпия тут же спикирует на неё и ветер переломает ей крылья о скалы. Но самец такой попытки не сделал. Для этого он был слишком умён. Он висел в небе, чуть покачиваясь в воздушных потоках, только свист сделался продолжительней и громче. Он торжествовал и смеялся над Ки.

Ставив с коней попоны, Ки вскарабкалась на сиденье. Она двигалась как деревянная. Фургон тронулся в путь. Уклон теперь был невелик, да и со снегом и ветром сражаться больше не приходилось. Ветер снова переменял направление и поддувал сзади. Кони охотно взяли с места. Они не обращали внимания на крылатую тварь, оглашавшую горы свистом и криком. Оба родились у Арфистова Брода и выросли на пастбищах, по которым то и дело скользили тени гарпий. Как же хотелось Ки, чтобы разразилась метель и укрыла её от этих золотых глаз, чтобы обезумевший ветер унёс гарпию подальше, а лучше всего — вовсе расшиб, сбросив с небес. Но небо знай себе прояснялось, а ветер еле шептал. Даже скрип фургона не мог заглушить посвиста, производимого вовсе не ветром в камнях...

Ки ссутулила плечи и поглубже натянула на лицо капюшон. Был ужасный момент, когда она зажмурилась и почувствовала, как приливает к лицу кровь, а к глазам — слёзы. Неужели, спросила уцелевшая часть её разума, неужели я сейчас разревусь и начну громко жаловаться на судьбу, столь жестоко и несправедливо загнавшую меня в угол?... Всклипнув, Ки втянула в себя порцию морозного воздуха, и это отрезвило её.

— Слышала ли ты когда-нибудь песнь об охотнице Сидрис? — громко и совершенно не к месту спросил сидевший подле неё Вандиен. — О том, как она отправилась добывать чёрного оленя с алыми рогами?

Ки изумлённо обернулась к нему, и Вандиен, не дожидаясь ответа, открыл рот и запел. Голос у него оказался довольно низкий; пел он не ахти как здорово, но зато громко. Ки рада была простить ему и фальшивые ноты, и «пам-

пам-пам» в тех местах, где он забывал слова. Пока он пел, она не слышала свиста гарпии, — и на том спасибо.

Песня была балладой, по-видимому, сочинённой его народом на мотив, бытовавший у тех, кто пользовался Общим языком. В самом начале шёл длинный припев из лишённых всякого смысла слогов, на протяжении песни Вандиен повторил его несколько раз. Баллада была длинная и душераздирающе романтическая. Повествовалось в ней об охотнице, пустившейся за таинственным оленем и в поединке с ним принявшей благородную гибель. В другое время Ки, вероятно, немало поиздевалась бы над всеми этими ахами и охами по поводу двух бессмысленных смертей. Теперь же, как ни странно, они её по-настоящему захватили. А когда наконец отзвучал последний куплет и Вандиен немного смущённо умолк — видно, сам понимал, что петь не мастак, — Ки, к своему немалому удивлению, обнаружила, что свист гарпии стих.

Она поспешно взглянула на небо. Самца нигде не было видно. Ки, впрочем, знала, что он без труда разыщет её, когда только захочет. Она не сможет ни свернуть с дороги, ни укрыться в лесу. Прятаться негде. Ки задумалась, не стоило ли предупредить Вандиена. Что, если и его постигнет предназначенная ей участь?.. Нет, сказала она себе. Гарпия — она как те глыбы подточенного личинками синего льда, повисшие над дорогой и над нашими головами. Никакого смысла паяться вверх, бояться и переживать. Если уж ей суждено упасть на тебя, она упадёт. Она тебя отыщет. Так же, как Руфус в тот день отыскал Ки.

Он вышел к яблоне под вечер; Ки по-прежнему сидела там в одиночестве, обдумывая содеянное...

— Кора хочет видеть тебя, — чопорно проговорил он.

Ки посмотрела на круги под его глазами и поняла, что он почти не спал ночью. Неохотно поднявшись, она последовала за ним. Подобное приглашение ничего хорошего ей не сулило. Ки понуро вошла следом за Руфусом в дом, постаравшись не обращать внимания на многозначительные взгляды, которыми наградили её Лидия и Холланд. Руфус провёл её по узкому коридору...

Кора лежала с закрытыми глазами, и Ки показалось, что в волосах у неё прибавилось седины. А впрочем, накануне она не обратила внимания — было не до того. Ки невольно припомнила, какой была Кора во времена их со Свенном свадьбы. В ней и теперь ещё сохранились остатки бывшей стати и красоты, вот только налитые щёки превратились в два сморщенных яблока. Небольшое окошко, единственное в комнате, пропускало внутрь малую толику послеполуденного солнца, а свежего воздуха — и того меньше. После целого дня на лугу Ки ощутила удушье. Голова сразу заболела сильнее, и даже звон в ушах как будто сделался громче.

Лидия, вошедшая вместе с ними, принялась подтыкать и разглаживать пуховое одеяло, которым была укрытая старая женщина. Она метнула на Руфуса и Ки предостерегающий взгляд. Руфус сейчас же выпроводил Ки из комнаты и потихоньку прикрыл за собой дверь.

— Некоторое время назад она плакала и призывала тебя, — сказал он. — По-моему, в тот момент она бодрствовала. Сознание то возвращается к ней, то вновь покидает... Её смертная оболочка не выдерживает той ноши, которую ты на неё взвалила вчера... — Ки мрачно сдвинула брови, и он добавил сквозь зубы: — ...не желая того.

Он провёл её через зал к себе. В его комнате окон не было совсем. В углу виднелось узкое ложе, покрытое одним-единственным коричневым тканым одеялом. Ки обвела комнату взглядом, безуспешно ища какие-нибудь знаки присутствия Холланд. Ничего. Ни женских одежд, развешанных по стенам, ни занавесей её работы. Итак, с некоторых пор они жили врозь.

Руфус прошёл в тот угол, где стоял заваленный всяким хламом стол. Он подтащил к нему низенький стул и уселся, в то время как Ки обозревала стены, оставшись стоять. Некоторое время он рассеянно перебирал бумажки и деревянные бирки, валявшиеся на столе. Потом развернул стул и сел лицом к Ки.

— Придётся мне говорить с тобой вместо Кору, — произнёс он. — Я ведь знаю, что она сказала бы тебе. Ты небось уже подумываешь об отъезде... — Он бросил это как обвинение. — Только не вздумай отнекиваться. Так

вот, я тебе запрещаю. Я, глава семьи, с которой ты связана клятвой... Я не собираюсь притворяться, будто понял, что именно произошло вчера вечером. Ларс взял вину на себя, но я выслушаю его вдохновенную исповедь как-нибудь попозже. Касаемо же твоего отъезда... Знаешь что, мы и так уже достаточно опозорились. Ты, верно, хочешь, чтобы мы окончательно грязью умылись? Ну да, насчёт тебя тут вчера много чего говорили. Вот Ларсу и втемяшилось, будто тебе что-то грозит. Он, кажется, позабыл, что люди, собравшиеся здесь вчера, — твои родственники. Именно поэтому, кстати, они невесть что и болтали. Все же свои — сама знаешь, в семейном кругу чего только не наговорят! Зато сделать что-нибудь — никогда. Теперь подумай, что будет, если ты смоешься. Им ведь всем больно. И получается: приехала, всех обидела — и тью-тью. Ни тебе раскаяния, ни сожаления. Не очень-то вежливо, а? И потом, есть ещё кое-какие обстоятельства, возникшие с гибелью Свена, и твой отъезд их опять-таки не прояснит. Дело в том, что Свен наследовал свою долю земли, которая должна была достаться его детям. Ты не находишь, что это налагает на тебя кое-какую ответственность?

— Моя ответственность исчерпывается дорогой, фургоном и грузом, который я должна перевезти, — ровным голосом ответила Ки. — Другой я не признаю.

Руфус вздохнул. Потом облизал губы и задумался. И наконец заговорил снова, но так, словно речь шла о вещах настолько основополагающих, что их как-то странно даже и объяснять.

— Моя мать нынче не вполне в себе, Ки. Откровенно говоря, это мало-помалу началось уже несколько месяцев назад, ещё до вести о гибели Свена... задолго до твоего неподобающего выступления на Обряде. Вчерашнее, однако, стало последней каплей. Разум оставляет её, и вчера семья это поняла. Стало быть, я беру вожжи в свои руки — так, кажется, у вас говорят. И если рассуждать об ответственности... Все, кто сидел вчера за столом, — за них, за всех без исключения, я отвечаю. За их жизнь и благополучие. Мой братец Свен от этого отвертелся: женился на тебе и укатил вдаль по дороге, стал зарабатывать себе на жизнь как простой возчик. Земля, которая ему причиталась, так

и осталась незасеянной, а могла и должна была плодоносить!.. Короче, всё так и осталось на мне. Я за него сберегал овец и коров, вспахивал и засеивал поле, я раздавал людям то, в чём они нуждались, и с каждого спрашивал работу, которую он должен был сделать. Возделывать землю, кормить семью — это тебе не колёсами пылить по дороге. Это скорее похоже на то, что выделывают на ярмарках жонглёры, — разом крутят тарелки и подкидывают шарики. Всё время начеку, где-то подправить, где-то подпереть... ни тебе отдыха, ни покоя! Должен же кто-то договариваться с Заклинательницами Ветров о хорошей погоде и покупать у динов и т'черья всё то, что мы сами не производим! Опять же земля, а то ещё приводить в порядок дом, ухаживать за скотом, резать его... Свен предпочёл повесить всё это на меня и на Ларса, да и то Ларс в ту пору ещё щенком был. Вот и пришлось матери тянуть воз, хотя в её годы уже тогда сидеть бы ей за вышивкой или младшенькому внуку колыбельную петь! Это-то из неё все соки и вытянуло, да и меня не пощадило... Почему, думаешь, Холланд покинула моё ложе — видел я, как ты присматривалась! — а сыновья стали для меня всего лишь подмастерьями, и не больше?.. Да, мне тоже несладко пришлось. Я не жалею, тем более что всё это в прошлом. А что теперь? Ты — молодая женщина, крепкая и разумная. Послушай меня. Свена нет, но есть Ларс. Я понимаю, что мои слова сейчас не ко времени, но тем не менее. Залечи рану в семье, Ки. Стань одной из нас!

Произнеся эту речь, Руфус умолк, хмуро наблюдая за ней.

Ки беспокойно теребила пальцы: душевное смятение не оставило места негодованию. Она медленно подошла к Руфусовой холостяцкой кровати и присела на край.

— Ты требуешь от меня невозможного, — выговорила она. — Не вижу, кому и какой прок будет оттого, что я останусь. Но я не могу остаться. И не хочу. Не хочу я и наносить лишние обиды поспешным отъездом. Ты присвоил себе какую-то власть надо мной, но я столько перенесла, что даже и не сержусь. Я как-то переросла такие обиды. Я вообще устала что-либо чувствовать. После гибели Свена я была как струна дерева-арфы, готовой звучать от

малейшего ветерка. А теперь ничего не осталось: ни гнева, ни гордости, ни радости. Поэтому я просто говорю тебе — я не останусь. Я не могу вынуть из себя душу и заменить её другой. И уж ни в коем случае не стану жить среди людей, которые меня презирают. Я пробуду у вас ещё три дня, потому что, повторяю, не хочу никого обижать поспешным отъездом. Но больше ты ничего от меня не добьёшься.

Ки встала и направилась к двери.

— Но как же с землёй-то будет?.. — спросил Руфус, и в голосе его прозвучал такой испуг, что Ки обернулась. — К тебе по праву переходит шестая часть наших угодий. А у меня денег нет... — Руфус кивнул на деревянные бирки, — ...чтобы выкупить у тебя долю Свена. Если я выпрошу семейную мошну, чем я заплачу Заклинательницам за ласковые ветры и хорошую погоду?.. Какой прок от земель, с которых весь плодородный слой унесли суховеи?.. Равно как и от добрых дождей, льющихся на землю, уже нам не принадлежащую?.. Видишь теперь, что за задачку ты мне задала?

— Я не земледелец, — сказала Ки. — Я не претендую на землю. Мне нужно не больше, чем умещается под моим фургоном.

Руфус упрямо покачал головой:

— Так дело не делается. Нельзя просто повернуться и уйти прочь. За землю должно быть заплачено: таков наш обычай...

— Да подите вы с вашими обычаями!.. — утратив самообладание, выкрикнула Ки. — Они уже вон до чего меня довели!.. И не только меня, всех довели!..

— Без обычаев мы ничто, — прозвучал чей-то голос. — Без обычаев мы — не народ.

Руфус и Ки с одинаковым недоумением обернулись к двери. Там, прислонившись к косяку и силясь отдышаться, стояла Кора. Взгляд у неё был предельно измученный, но вполне осмысленный и разумный. Она заметила изумление Руфуса, и бледные губы тронула улыбка.

— Я просила тебя привести Ки ко мне, а не затаскивать её в тёмный угол и наседать на бедняжку, пока она не уступит твоей воле, — сказала Кора. Она медленно пересека-

ла комнату и опустилась в ноги Руфусовой кровати. Она тяжело, с хрипом дышала. Некоторое время все молчали. Ки больно было смотреть, каких усилий требовал от Кору каждый вздох. — Мальчишки остаются мальчишками, даже когда вырастают во взрослых мужчин, — коротко усмехнулась Кора. — Помнится, как-то раз я вручила всем троим сыновьям по прутику и велела загнать кур во двор. Свен принялся хлопать своим по земле, пугая кур и гоня их куда велено. Ларс размахивал своим над головой и так увлёкся, что позабыл, за чем его посылали. Зато Руфус своим прутом поободрал хвосты двум самым драчливым моим петухам... — Кора вновь улыбнулась. — Он и до сих пор такой же. Кого хочешь в угол загонит. — Руфус сердито открыл рот, но Кора только отмахнулась: — Помолчи! Я слишком устала, чтобы с тобой пререкаться. И вообще, это Я послала за Ки. Пусть она отведёт меня назад в мою комнату. У меня уже все кости разболелись от сиденья на этом бульжнике, который ты именуешь постелью...

Ки поспешно поднялась, растерянно и смущённо поглядывая на неожиданную спасительницу. Кора оперлась на её плечо, вернее, сделала вид, что оперлась, и Ки медленно повела её обратно по коридору в спальню. Повелительный взмах руки Кору — и Холланд исчезла за дверью. Старая женщина с тяжёлым вздохом села на кровать, потом откинулась на подушки.

Воцарилось молчание, весьма тягостное для Ки. Все силы Кору, казалось, уходили на то, чтобы дышать. Ки смотрела по сторонам, разглядывая тяжелые занавеси, вышитые шпалеры, массивную деревянную мебель. Кора набросила себе на ноги плотное покрывало, и Ки сказала ей:

— По-моему, тебе лучше было бы на улице. Где-нибудь в тенёчке на одеяле, на охапке свежего сена. Сразу полегчало бы на свежем воздухе...

Кора невесело улыбнулась:

— Да ты только представь себе, что с ними будет от подобного зрелища!.. Ещё пуще пойдут языками чесать. И уж окончательно убедятся, что у меня с головой не в порядке. Нет, Ки, не надо смущаться. Я-то знаю, Руфус именно так и считает. Слишком подолгу я сижу молча и сама себе улыбаюсь. И слишком часто навещаю стада и отары,

чтобы лишний раз посетить гарпий и сделать вид, будто не такая уж я старая развалина. Ну что ж, мои набегі на скот теперь на некоторое время прекратятся... Пускай он радуется и говорит, что нет худа без добра. Я о том несчастье, которое случилось вчера... — Кора помолчала некоторое время, потом заговорила уже о другом: — Вчера вечером, Ки, я поняла одну важную вещь. Ты очень сильная женщина. Сильнее, чем я когда-либо подозревала. Теперь я знаю, как надёжно ты оберегала Свена и малышей... Нам здесь очень нужна твоя сила, Ки.

Ки склонила голову, благодаря на добром слове и одновременно внутренне поёживаясь от того, что должно было за этим последовать.

— Моя так называемая «сила» натворила вчера немало беды, — сказала она. — Я хочу, чтобы ты знала: я...

Кора остановила её взмахом руки. На иссохших пальцах можно было разглядеть каждую жилку: возраст неумолимо обглаживал плоть.

— Я вчера в полной мере почувствовала твоё смятение и твою борьбу, — выговорила она. — Двое, связанные между собою так, как мы вчера на Обряде, — не забывай, мы вели его, — мало что могут утаить друг от друга. И я чувствовала, как отчаянно ты любила моего сына и ваших детей. Это немалое утешение для меня — знать, что он был так любим... Но я чувствовала гораздо больше этого. Ты неповинна в их гибели, Ки. Даже если бы ты поспешила за ними на ту сторону холма, это не изменило бы ничего. Тебе нечего стыдиться и не за что себя грызть. Оставь свою ненависть, оставь гнев. Если ты сделаешь это, я смогу поверить, что Свен и дети познали Отпущение и отошли к лучшей жизни. Это было бы для меня самым большим утешением...

Ки опустила глаза. Неизвестно откуда в памяти всплыло видение уничтоженных птенцов и их матери, превращённой в смятую тряпку. Звон в ушах сразу стал громче. У Ки помутилось перед глазами. Усилием воли она отрезилась от ужасного воспоминания. Что ещё она «не сумела утаить» вчера от Кору?.. Были это одни лишь догадки или мать Свена действительно имела что-то в виду?..

Вслух она сказала:

— Те чувства, что ты во мне обнаружила... я всячески пыталась удержать их при себе и не допустить, чтобы они на вас повлияли. И ты сама понимаешь, что я не могу так просто взять и истребить их в себе. Это не тот случай, когда пообещал — и готово. Время и дорога стали бы для меня лучшим лекарством... Одним словом, для того чтобы исполнить твоё желание, я должна осуществить своё.

Вот так-то. Ки почувствовала себя так, словно счастливо избежала капкана. Она стала ждать, что предпримет дальше её собеседница. Может, Кора и вправду состарилась, но что у неё мозги не в порядке — это уж дудки. Её твёрдая рука и ясный разум правили семьёй столь же уверенно, как Ки — своей упряжкой. То-то она с самого начала так не хотела уступать ей Свена. Ки была для неё сущей занозой в боку. Подумать только, приезжала и уезжала, не спрашивая её, Кору, позволения. Непредсказуемая и неуправляемая. И нежеланная. Тем не менее Ки хотелось распрощаться с нею по-доброму. Зачем напоследок устраивать сшибку характеров? Тем более что Свена, умевшего сгладить углы, с ними более не было...

— Я всё понимаю, но зачем уж так торопиться? — продолжала Кора. — Разве, по-твоему, Руфус не был кое в чём прав? Конечно, он порядочный грубиян, но ведь смысл от этого не меняется. Если ты уедешь прямо сейчас, то этим окончательно восстановишь против себя и без того глубоко обиженный народ. Почему, спрашивается, тебе не пожить у нас, пока мы не сможем честь по чести расплатиться за землю, доставшуюся тебе после Свена? Останься хотя бы пока не придет Мастер Обрядов и не поможет нам заново примириться с гарпиями. Это так много значило бы для меня... да и для Руфуса это вопрос чести. Ну так как? Останешься?..

— М-может быть... — осторожно ответила Ки.

Кора всё-таки расставила хитроумные капканы, вызывая то к здравому смыслу, то к человечности, то к чувству вины. Ты нужна нам. Ты нас обидела. КАК ТЫ МОЖЕШЬ НАС БРОСИТЬ?.. Наверное, Кора не зря говорила, что ей претит грубость Руфуса, привыкшего решать все вопросы, грохая по столу кулаком. Уж не решила ли она показать сыну, как добиваться того же самого, только гораздо тонь-

ше, действуя хитростью и умом?.. Зелёные глаза глубоко заглянули в тёмные, пытаясь что-нибудь в них высмотреть. Нет, ничего. Просто два блестящих птичьих глаза на морщинистом лице, которое улыбалось Ки. Улыбалось почти умоляюще.

Ки потупилась снова, на сей раз в полной растерянности.

— Зачем тебе надо, чтобы я осталась? — спросила она напрямик.

Кора вздохнула и пошевелилась на кровати.

— Надо ли открывать тебе всё до конца прямо сейчас?.. Что ж... Я стара, Ки. В тебе я вижу силу, счастливо облаго-роженную добротой и умом. А у нас что? Руфус — слишком груб, Ларс — чрезмерно мягкосердечен. Обоим необходима твёрдая рука и крепкие вожжи. Я мечтала о том, что вам со Свеном однажды наскучат странствия и вы надумаете вернуться. Но так вышло, что Свен покинул нас навсегда. Поэтому я прошу тебя о том же, чего хотел потребовать Руфус. Останься, Ки. Пожалуйста. Нам нужен твой несгибаемый дух. И в особенности после того, что было вчера.

Ки про себя уподобила эти слова обоюдоострому лезвию. С одной стороны — лесть, с другой — напоминание о том ущербе, который она им нанесла. Гнев снова шевельнулся в её душе. Она что им — дитя, чтобы подобным образом пытаться ею управлять?.. Ки принялась подбирать какие-то почтительные и вежливые слова, чтобы завершить беседу достойным прощанием. Ничего не получилось. Ум её внезапно как будто завяз в топком болоте. В висках застучало. Нет, не годилось так вести себя по отношению к Коре. И так она уже вольно или невольно отняла у неё сына. В ушах снова поднялся гул, а перед глазами стало темнеть. Бороться ещё и с этим у Ки попросту не было сил. Она подумала о том, что ехать ей, в общем, некуда. Да и незачем. Она ощутила внутри себя какую-то странную пустоту и едва расслышала собственный голос:

— Я останусь, Кора. Я останусь здесь и дождусь, пока вы не примиритесь с гарпиями.

По дороге змеились снежные вихри. Озябший Вандиен скорчился рядом с Ки на сиденье. Он был похож на бесформенную кучу тряпья. Тяжеловозы упорно шагали впе-

рѣд. Ки следила взглядом за тем, как кружился летучий снег, то замечая, то вновь оголяя дорогу, как он вычерчивал стремительные, никогда не повторяющиеся узоры, белые на белом. Беспреданно меняясь, снежное кружево оставалось всё же неизменным. Как и те дни, что она провела в Арфистовом Броде.

Вереница похожих друг на друга дней затянула её, мало-помалу отнимая волю. Ки попыталась вновь заглянуть в то время, выудить какое-нибудь яркое воспоминание.

...Она стояла на коленях на деревянном понтоне посреди соляного болота на дальнем конце семейных владений. В жаркие летние дни над болотом поднимались удушливые, зловонные испарения. От них щипало глаза, текло из носа. К тому же на болоте почему-то усиливались головные боли, постоянно мучившие Ки. Над вонючей жижей туда и сюда сновали пёстрые насекомые, и от их жужжания в ушах снова начинало звенеть. Мало кто рвался работать в таком отвратительном месте, но Ки шла на это охотно, не пытаясь, как другие, под любыми предложениями избежать посылки на болото.

Здесь ей удавалось побыть в одиночестве.

Она тащила по понтону увесистое деревянное ведёрко, перебираясь от колышка к колышку. Они торчали над водой, и к каждому была привязана тонкая верёвка. Ки отвязывала её и осторожно вытягивала наверх. На конце обнаруживался оранжевый кристалл, и Ки всякий раз давала ему повисеть, любуясь игрой солнечных лучей на его гранях. Потом бережно укладывала его в ведёрко на кучку других таких же. Хрупкие кристаллы требовали самого осторожного обращения: т'черья не заплатят за битые настоящей цены. Устроив кристалл, Ки заменяла использованную верёвочку чистой из сумки, висевшей у неё на плече. Один конец она опускала в мерзкую жижу, другой подвизывала к колышку, торчавшему из края понтона...

— Она даже одевается не как мы!..

Звук незнакомого голоса заставил Ки резко вскинуть глаза. На некотором расстоянии от неё на таком же понтоне трудился Ларс, и рядом с ним стояла та самая Кэти. Видимо, она полагала, что находится от Ки достаточно

далеко для того, чтобы безбоязненно говорить о ней во весь голос. Звук, однако, распространялся над болотом не так, как в других местах. Временами голоса бывали слышны здесь издалека.

Ки поспешно опустила голову и снова занялась делом. Кое-где из соляной топи торчали мёртвые деревья, густо обросшие склизким розовым мхом. Они частью закрывали юношу с девушкой. Но вот Ларс откинул с лица длинные волосы и, стоя на коленях, снизу вверх прищурился на Кэти, и от Ки не укрылась досада, промелькнувшая у него на лице.

— Я не заметил, как ты подошла, — сказал он вместо приветствия.

— По-моему, Ларс, ты вообще меня последнее время не замечаешь. Нет, ты только погляди на неё! Неужели нельзя хоть рубаху со штанами надеть на работу, как у всех?

Ларс посмотрел, куда ему было указано. Он увидел, как Ки бережно извлекала из трясины очередной кристалл. Всё её внимание явно было сосредоточено на работе. На ней были коричневые штаны из грубой ткани и коричневая же кожаная курточка. Ларс и Кэти были облачены в просторные белые рубахи и холщовые штаны, какие носили в долине.

Ларс нахмурился.

— Сомневаюсь, что она вообще задумывается о том, что бы такое надеть, — сказал он и ловко сменил тему, прикрывшись вежливостью: — Что-то ты давно не заглядывала к нам, Кэти.

— Сперва я хотела выждать, пока вы придёте в себя после того ужаса на Обряде, — ответила Кэти. — А теперь, когда бы я ни заглянула, ты вечно работаешь где-нибудь в другом месте. Причём, как правило, вдвоём с Ки. Кстати, ты знаешь, что вся округа уже прослышала о том, что у вас тут стряслось? Кое-кто говорит, что вы пострадали из-за собственной глупости, но я так не считаю. Я просто сочувствую вашей беде, Ларс. Лично я даже и представить себе не могу, как это — вот так вдруг лишиться общества Крылатых...

Кэти тронула его за плечо, как бы для того, чтобы задержать его руку и полюбоваться свежим кристаллом,

только что вытащенным из воды. Ларс аккуратно уложил его в ведёрко и поднялся, направляясь к следующему колышку, но Кэти встала у него на пути. Ки следила за ними краешком глаза. Густые, медового цвета волосы Кэти были заплетены в косу, уложенную короной. Она скрестила руки на груди, тем самым ещё больше подчеркнув её нежную пышность. Она устремила на Ларса трепетный взгляд, но юноша отвёл глаза и обошёл её, не остановившись.

У следующего колышка Кэти опустилась рядом с ним на колени.

— Ты выглядишь вконец измотанным, Ларс. Слушай, никто в долине не может понять, почему вы не велите этой Ки собирать манатки и не заживёте хоть немного спокойнее. По мне, так лучше бы вам как можно скорее забыть всё случившееся и тем самым исцелиться. Вряд ли вы этого добьётесь, пока будете держать при себе живое напоминание. Я-то вижу, как это отражается на твоей матери. Подумать только, с того самого дня Кора ни разу не посылала за мной. Неужели она решила, что я стану хуже думать о ней из-за случившегося несчастья?

Ларс медленно поднял из воды верёвочку с прилипшим кристаллом.

— У неё последнее время слишком много дел, — сказал он. — Причём таких, которые она одна и может исполнить. Она уже известила Мастера Обрядов, что нам необходимо особое священнодействие. Кроме того, она много беседует с Ки. Я уверен, ей очень не хватает твоего общества. Но она полагает, что в первую очередь обязана помочь Ки. Если бы ты, Кэти, была с нами на том Обряде Отпущения и сама почувствовала, какую душевную бурю носит в себе Ки, ты поняла бы, почему мама так поступает. Ки необходимо от многого в себе избавиться, не то это её просто убьёт.

Ки почувствовала, как запыхали у неё уши. Неужели они действительно так о ней судят?.. Она притворилась, будто затягивает и без того накрепко затянутый узел, и попыталась не слушать снисходительного хмыканья Кэти.

— Ну ты прямо как Кора! Вечно она жалеет всех маленьких, бедненьких и обиженных. Да, она не тот человек, чтобы на кого-то держать зло. Вспомнить хотя бы, как

она приняла в дом Хафтора и Марну. Все сходились на том, что она ничуть не обязана заботиться о детях своего брата. Он-то небось в своё время и не подумал помочь ей с семейным хозяйством!

— Мама была другого мнения, — коротко ответил Ларс. — Это дети её брата. И имеют такое же право на семейный надел, как и все остальные.

Ларс поднялся и быстро перешёл к следующему колышку. Он даже не оглянулся посмотреть, последовала ли за ним Кэти. Между тем девушка покосилась на Ки: та не поднимала головы от работы. Кэти поспешно подошла к Ларсу, склонившемуся над бечёвкой.

— А что слышно про земли Свена? — деловым тоном спросила она. — Намерена ли эта Ки оставить их за собой? Или, может, продаст?

Теперь уже Ки не могла оторвать взгляда от покрасневшего лица Ларса. В его светлых глазах вспыхнули сердитые искры:

— Она ни разу не заговаривала об этом со мной. Мы этого не обсуждали. Слишком много всяких обстоятельств, и все болезненные. Земли, деньги! Неужели говорить больше не о чем?

— А ведь отличное владение может получиться, а? — гнула своё Кэти. — Вам, детям Коры, досталась половина земель деда и бабки, значит, целая шестая часть семейного надела, бывшая Свена, попала в весьма сомнительные руки! Когда Марна достигнет совершеннолетия и вступит в права, вдвоём с Хафтором они завладеют аж половиной первоначального владения, а у вас с Руфусом будут на двоих всего две шестых...

— Это семейное дело, — перебил Ларс, — и мы с ним уж как-нибудь разберёмся. И я, в отличие от Руфуса, никаких затруднений тут не усматриваю. Нам не впервой управлять всем сообща, выслушивать всех и решать соответственно величине надела!

Подобный ответ был, в общем, вежливым предложением не лезть не в своё дело. Он больше не притворялся, что очень занят работой.

Ки видела, как его тон заставил Кэти вздёрнуть подбородок. Она подбоченилась, стоя над Ларсом, согнувшимся

ся возле колышка и ведёрка. Дыхание колебало высокую полную грудь.

— Всякой женщине, — произнесла она, — хочется выяснить некоторые вещи прежде, чем вступать в семью жениха. Ей ведь небезразлично, как будут жить её дети. Может, в конце концов она сочтёт более выгодным подыскать себе такого мужа, который сам перейдёт в её семью и даст ей возможность сохранить за собой наследную долю земли!

— Вполне согласен, — ровным голосом отвечал Ларс. — Воистину глупо с её стороны было бы пренебречь другими возможностями. И другими женихами.

Он поднялся и, только что не отпихнув её, направился к очередному колышку. Кэти осталась стоять на месте и некоторое время молча смотрела, как он работал. Ки подняла своё ведёрко и бросила на девушку быстрый взгляд. Кэти, казалось, сожалела о вырвавшихся словах.

Вот она подошла к Ларсу и хотела снова присесть на колени подле него, но не успела: он быстро встал и направился дальше. Кэти, нимало не смущаясь, последовала за ним. Ки тоже передвинулась, хотя и очень неохотно: каждый колышек неумолимо приближал её к тому месту, где смыкались понтоны.

— Я, между прочим, только что от гарпий, — с ребячливым раскаянием в голосе говорила между тем Кэти. Ларс молча перешёл к следующему колышку, но Кэти не отставала. — Я отнесла им барашка и посетила отца. Он спрашивал о тебе. Ты же знаешь, он всегда в первую очередь спрашивает о тебе. Я рассказала, и он за тебя очень порадовался. Он говорил, что ты стал настоящим мужчиной...

— Кэти!.. — предостерегающе простонал Ларс.

— Он ничуть не переменялся с тех пор, как ушёл от нас, — неостановимо продолжала она. — Пока жив был, только и говорил что о своих ценнейших гарпиях, и теперь то же. Кто с кем гнездо свил, кто у кого родился, кто с кем поссорился, кто помер...

Ларс поднял ведёрко и перешёл дальше. Ки задержалась на месте, притворившись, что никак не может совладать с узлом на верёвке. Голос Кэти доносился до неё по-прежнему отчётливо.

— Так вот, у них случилась ужасная трагедия!

Она произнесла это почти умоляюще, и Ларс сдался. Выпрямившись, он обернулся к ней и с мученическим видом приготовился слушать.

— Рада сразу тебя успокоить — это произошло не у Брода. Беда постигла одно уединённое гнездо далеко на юге: для нас, людей, до туда добрая неделя пути, и даже для гарпий — несколько дней лёту. Там жила пара изгнанников, пара Крылатых, решивших жить и растить потомство отдельно от всех. Батюшка сказал мне, они не больно-то ладили со своим племенем, и другие гарпии их осуждали, в том числе и наши. Некоторые из наших вообще говорят, что они, мол, сами во всём виноваты. Тем не менее все мы им сочувствуем и пообещали всемерно помочь с поисками и мстью...

— С мстью?.. — медленно, обеспокоенным голосом переспросил Ларс.

Звон в ушах, постоянно досаждавший Ки, мгновенно усилился. Жуткое предчувствие облило её холодом...

— Конечно! — с воодушевлением рассказывала Кэти. — Ты только представь себе: гнездо, разорённое за несколько дней до вылупления птенчиков, и по всем приметам — дело рук человека. Кто-то влез на отвесный утёс и поджёг жилище. Мать-гарпия была самым жестоким и бессердечным образом зарезана, а тело её сброшено к подножию скалы. Отец же получил ужасные ожоги, безуспешно пытаясь вытащить детей из огня. Все беспокоятся, сможет ли он снова летать. На нём столько шрамов, что он с трудом двигает крыльями. И то хорошо, что хоть выжил...

Бечёвка выскользнула из обмякших пальцев Ки и утонула в зловонной соляной жиже. Внезапный приступ головокружения заставил её осесть на доски понтонa. Ей не хватало воздуха...

— Действительно кошмар, — немного сдавленным голосом проговорил Ларс. — Чего доброго, ещё ночью приснится. Когда хоть это случилось? Должно быть, несколько месяцев назад, под конец поры размножения? Или это был какой-нибудь поздний выводок?..

— Батюшка не говорил, — ответила Кэти, польщённая явным вниманием Ларса. — Я так его поняла, что самца нашли только через несколько дней — он ведь не мог сам

полететь за помощью. Он был при смерти, когда его отыскали. Говорят также, он наполовину ослеп. Наши гарпии очень переживали за него и носили ему еду, пока он болел. Но он всю жизнь был отшельником и забиякой, и они не собираются брать на себя его мечь. Хотя, конечно, они очень разгневаны преступлением и где только могут разузнают о злодее. Право же, мне поневоле стыдно оттого, что я — человек...

— Не только тебе, — сказал Ларс.

Они перешли к следующему кольшку, причём тяжёлое ведро несло Кэти. Ки охватил ужас, но она должна была узнать всё до конца. Она передвинулась и снова отчётливо слышала их голоса.

— Батюшка ещё спрашивал, правда ли то, о чём все говорят? Что, мол, Хафтор всю добывается благоволения Ки?

Ларс обжёг Кэти рассерженным взглядом.

— Не рано ли ты переняла увлечение своего папаша? — спросил он с угрозой.

Кэти вспыхнула:

— Если хочешь знать, Ларс, я расспрашиваю не для собственного удовольствия, а ради отца. Ты же сам знаешь, как он жаден до новостей. Он сказал, что слышал это от других... по ту сторону. Ну, что Хафтор непременно попробует завоевать Ки и получить за ней земли Свена. Владение-то не маленькое! Естественно, всем любопытно, а кое-кто даже тревожится, видя, что львиная доля земель вот-вот перейдёт в другие руки...

Ки захлестнула тупая, тошнотворная боль и вместе с ней — гнев. Стало быть, они и её уже превратили в платёжную бирку, в пешку в сложной игре интересов, которая тут велась. Она, Ки, в первую голову означала для них кусок земли, входящий в чью-то там долю. Она не вскопала на ноги и не произнесла ни слова. Она осторожно вытащила из воды оранжевый кристалл, определила его в ведро и повязала на кольшек свежую верёвочку.

— А я так не вижу никаких оснований для беспокойства, Кэти, — сказал Ларс. — Ты, между прочим, рассуждаешь прямо как Руфус. Тот тоже вечно всех во всём подзревает. Хафтор мне двоюродный брат, и нам незачем

опасаться предательства с его стороны. Из него, кстати, со временем мог бы получиться очень даже неплохой землеправитель. Вот только сомневаюсь, что до этого в самом деле дойдёт. Я тоже живу с Ки в одном доме и могу заверить тебя, что во всяком случае она никаких нежных чувств к Хафтору не питает. Так что его намерения и амбиции, если таковые вообще есть, останутся скорее всего при нём. У нас с Хафтором не всё всегда шло так уж гладко, но мужик он что надо. И если он решит с кем-то соединить свою жизнь, так это будет женщина, которая действительно придётся ему по сердцу. И меньше всего он станет думать о том, какое у неё имущество за душой. Или у него самого. Запомни эти мои слова: сама потом убедишься, правду ли я говорил.

— А кое-кто даже полагает... — Кэти помедлила, не договорив, но в глазах её не было никакого смущения: они скорее казались по-кошачьи расчётливыми. — Кое-кто даже полагает, — повторила она, — будто Ларсу было бы выгоднее взять в жёны Ки... а не Кэти.

— Ларс!.. — окликнула Ки. Крик получился этак вдвое громче необходимого. — У меня ведёрко уже полное! Я иду в сушильный сарай.

И она тепло улыбнулась Кэти, только глаза остались холодными. Ларс не отозвался и даже не посмотрел на неё. Ки встала, подняв увесистое ведро, и протопала по плавающему настилу к ступенькам, выводившим на берег болота. Утоптанную тропинку обрамляла жёсткая волнующаяся трава. Солнце нещадно пекло больную голову, измученный мозг не ведал успокоения. Значит, голубой самец выжил. Выжил, чтобы отомстить. И, уж конечно, соплеменники не оставят его без помощи. А досужие языки тем временем вертелись вовсю, обсуждая, какого быка подпустить к корове по имени Ки.

Она нахмурилась ещё угрюмее и прибавила шаг.

— Будешь вот так бегать, перебеешь все кристаллы ещё до сарая, — предостерёг голос, раздавшийся за спиной.

Ки приостановилась, оглядываясь. Следом за нею, держа в каждой руке по ведру, шёл Хафтор. Он смотрел на неё из-под лохматых тёмных бровей и улыбался, смягчая резковатое замечание.

— Ты хоть знаешь, что они только и делают, что болтают про нас с тобой? — неожиданно для себя с сердцем спросила его Ки. Прорвавшийся гнев подхватил и понёс её. Она и не пыталась сохранить видимость спокойствия. Всё лучше, чем без конца думать о кружащихся гарпиях, об их острых когтях, о...

Хафтор передёрнул плечами, насколько позволял ему тяжёлый груз, и негромко рассмеялся.

— А что, Ки, — спросил он, — тебе так сильно не нравится, что кому-то вздумалось поставить твоё имя рядом с моим? Ты никогда раньше об этом не заговаривала, я думал, ты и не знаешь. А будь я немножко тщеславнее, я вообще решил бы, будто эти слухи тебе льстят... Ты только учти, с этим ведь очень просто покончить. Дождись, когда вокруг будет побольше народу, и тресни меня как следует по безобразной физиономии. Ни одна женщина, поверь, тебя за это не осудит. Опять же и пищи для разговоров прибавится...

Ки смотрела на него, не очень веря собственным ушам.

— Неужели, — сказала она, — тебя, Хафтор, совсем не колышет, что все, кому нечего делать, ворошат твою личную жизнь, точно навозную кучу вилами?.. Неужели тебе совсем всё равно?..

Хафтор остановился и поставил наземь ведёрки, чтобы поудобнее перехватить груз. Потом зашагал дальше. Ки двинулась следом.

— Мою личную жизнь, — сказал он, — люди, как ты выразилась, неустанно ворошат с тех самых пор, как нас с Марной привезли сюда маленькими ребятишками. Большинство сочло, что Кора взяла нас по своему добросердечию. Вот только сама она никогда так не считала. Так что гуляй со мной или подбей мне глаз — большой разницы нет. В любом случае о нас будут болтать, разве что тон болтовни немного изменится... И в самом деле!.. — Его тон изменился, стал как бы легкомысленнее, он с улыбкой повернулся к молодой женщине. — Почему бы, собственно, и не подбросить им немножко пищи для разговоров? И вообще, когда наконец ты наведишь дом моей сестры и полюбуешься на изделия её рук? Её горн и наковаленка порождают изделия из металла, равных кото-

рым эта семья ещё не видала. Кто-то, а она ни разу не давала им повода пожалеть о добросердечии Кору...

— Я полагаю, вы оба не давали такого повода, — поспешно заверила его Ки. Хафтор впервые открыто заговорил с ней об этом. Ки не могла взять в толк, почему эта тема была вроде как запретной. Как бы то ни было, она почувствовала себя не слишком уверенно.

Они приблизились к сушильному сараю. Дверь его была приоткрыта, и Ки рассмотрела внутри длинные шесты, тянувшиеся от одной стены до другой. С шестов свешивались на шнурках поблёскивавшие кристаллы.

— Как только Руфус даст мне немножко свободного времени, я непременно приду к вам с Марной в гости, — пообещала Ки. — Быть может, Марна кое-что сделает для меня? Мне, правда, особо платить нечем, разве что кусочком самого металла. Это серебро, и притом очень хорошее. Но из него сделана кружка, а кружка мне ни к чему. Питиё в ней остывает, а руку, наоборот, жжёт...

— Я уверен, Марна и задаром для тебя постарается, — сказал Хафтор. — Тем более что хороший металл не часто ей попадается, а она страсть любит работать с благородными материалами. Что бы ты хотела сделать из своей кружки?

Они подошли к самому порогу сарая. Ки опустила на землю ведро и задумчиво поджала губы.

— Право же, Хафтор, с тобой я то и дело забываю, кто я такая и который год на дворе. Эта кружка у меня уже очень давно... Я, помнится, часто мечтала: вот бы сделать из неё себе гребешок, а Свену — браслет на руку. А теперь мне ни то, ни другое не нужно. Волосы у меня связаны во вдовью причёску, и браслета у Свена на руке мне никогда уже не видать. Порою ты заставляешь меня забывать... почти...

К её изумлению, Хафтор густо покраснел при этих словах. Безобразное лицо смягчила и украсила улыбка.

— Знаешь что, — сказал он, — бери-ка свою кружку и тащи её к нам прямо сегодня вечером. Будет тебе гребешок. И браслет... сама наденешь, тоже неплохо. Ведь не до конца же дней своих ты будешь ходить с вдовой причёской?

Ки молча посмотрела на него. Потом вынула за верёвочный хвостик кристалл из ведёрка. Нашла свободное место на шесте и привязала верёвочку, подвесив кристалл.

— Я попрошу твою сестру сделать мне гребень. А брат-слет пускай достанется ей. Или её брату, если ему нравятся украшения.

Хафтор посмотрел ей в глаза. Взгляд был внимательным и глубоким. Его лицо дышало пониманием и заботой.

— Ки, — сказал он. — Почему ты не хочешь рассказать мне, что тебя гложет? Все эти сплетни, конечно, пакоость порядочная, но не из-за них же на тебе лица нет?..

Она крепко сжала губы. Нагнулась к ведёрку за очередным кристаллом и не торопясь подвязала его к шесту. Похоже, сегодня она совсем утратила бдительность, если по её лицу оказалось возможно прочесть её истинные чувства. Будь прокляты гарпии и всё, что с ними связано!..

Она кое-как вымучила усталую улыбку.

— Знаешь, Хафтор, я, видно, просто устала. На других работах со мной так не бывает. От болотных испарений у меня глаза слезятся и из носу сопли текут. И в висках кровь стучит... так и кажется, что в голове пчёлы гудят. Честное слово, моему телу, похоже, совсем не нравится здешняя жизнь! Скорее бы уж приехал Мастер Обрядов и исполнил эту вашу церемонию. Тогда я со спокойной совестью уеду своей дорогой...

Хафтор неожиданно оглянулся на тропинку. Там никого не было. Он шагнул через порог и оказался внутри сарайчика, совсем рядом с Ки. Под крышей было темновато, и его глаза показались ей почти чёрными. Негромкий голос прозвучал с настойчивой силой:

— Уезжай, Ки! Уезжай прямо теперь!

Она даже попятилась, удивлённая и несколько напуганная таким неожиданным напором. Губы, сжатые в одну черту, странно горящие глаза... кажется, парень был слегка не в себе!.. У неё внезапно пересохло во рту.

— Я не могу так поступить, Хафтор. Это дело моей чести. Я дала Коре слово... я пообещала остаться. Ты хочешь, чтобы я нарушила своё слово?

— Да, — сказал он. — Хочу. Боюсь только, ты этого так и не сделаешь... — Он опустил глаза и покачал головой.

Его яростная энергия испарилась так же внезапно, как и возникла. Он продолжал: — Я боюсь за тебя... и надеюсь, что Мастер Обрядов прибудет как можно скорее. Однако он человек уже старый и не станет торопиться с делами. Он ездит по долине из города в город, наставляя детей в нашей вере и представляя их гарпиям... Я сам когда-то через это прошёл... — Его голос постепенно затих, ни дать ни взять нахлынувшие воспоминания захватили его. Потом он сказал: — Должно быть, Мастер прибудет не более чем через месяц.

Ки спросила себя, какие картины могли всплыть перед его внутренним оком. Быть может, его одолевали воспоминания о прошлом? Такие же, как и то, в которое сам он превратился для теперешней Ки...

...Тычок в рёбра вернул молодую женщину к настоящему. Это Вандиен пошевелился под своими одеждками и толкнул её в бок. Первым долгом Ки посмотрела вверх, в небо.

Никаких гарпий.

А солнце пока стояло достаточно высоко — можно ещё покрыть какое-то расстояние, прежде чем устраиваться на ночлег.

— В чём дело? — спросила она.

— Место для сегодняшней ночёвки! — Вандиен жался спиной к дверце кабинки, но рука в перчатке указывала вперёд.

Ки посмотрела, куда он указывал. Её глазам предстало всего лишь небольшое расширение дороги. Скала здесь, правда, слегка нависала, и синего льда не было видно. Но со стороны открытых небес — никакого прикрытия. Скверное место, если придётся отбиваться.

— А если проехать немного вперёд? — перекрывая шум ветра, спросила она. — У нас ещё есть в запасе светлое время!

Вандиен даже не потрудился выпрямиться на сиденье, лишь медленно покачал головой.

— Там дальше дорога становится ещё уже и опасней. По такой лучше ехать, когда света побольше. И заночевать вовсе уж негде, разве что ты решишь разводить костёр прямо перед фургоном. Или за ним. А тут хоть можно

по-людски выпрячь коней и дать им укрыться между скалой и фургоном. Дальше таких мест не будет.

Делать нечего, Ки с неохотой придержала упряжку и остановила фургон на расширении дороги. Ей очень хотелось без оглядки удрать подальше от мстительной гарпии, но на это никаких надежд не было. Даже на всём скаку и даже по самой лучшей дороге её упряжка всё равно не смогла бы обогнать крылатую смерть. Горькая улыбка тронула её губы... Неужто она в самом деле думала, будто Кива услышит молитвы той, что оставила обычай ромни?..

Потом ей волей-неволей пришлось занять свой ум обыденными хлопотами устройства ночлега. Обтереть и закусать обоих коней. Выдать им по двойной порции зерна... Она ненадолго прижалась к Сигурду, ощутив и услышав размеренный ритм движения его челюстей: тупые зубы мерина перемалывали корм. Неотвратимость собственной гибели опустилась ей на плечи, как плащ. Даже ветер не так резал лицо, и колючие шупальца холода не так настырно добивались до тела... Постоянный страх, терзавший её рассудок, и тот вроде бы притупился. Скоро за нею придёт смерть. Она давно знала, что рано или поздно это случится. Теперь осталось недолго. Скоро кончится проклятое ожидание. Ки поняла, что даже обрадуется, когда муки неопределённости наконец завершатся. У неё не было никакого оружия. Она ждала нагишом на голом карнизе бесприютного горного склона. Пусть бы ещё смерть оказалась быстрой и милосердной...

Она спросила себя, будет ли она вообще бороться, когда придёт её час...

Душу Ки окончательно затопил мрак. Хафтор когда-то сказал ей: именно горечь жизни заставляет нас ощутить, что эта жизнь — настоящая. Эта горечь заставляет полнее ощутить и прочувствовать то светлое и хорошее, что нам ещё остаётся...

Ки прижалась к необъятному плечу Сигурда и порывисто обняла коня. Тяжеловоз изумлённо шарахнулся от неё прочь...

Вандиен между тем успел разжечь костерок между фургоном и обрывом. В сгущавшихся сумерках маленькое пламя подмигивало Ки, как живой глаз. Вандиен теперь обращался с пожитками Ки заметно увереннее: знал, где искать котелок, где — травы для заварки, где — кружки. Ки сунулась было в кабинку за припасами для супа, но оказалось, что суп уже булькал на огне. Ки испытала смешанное чувство. С одной стороны, не слишком большое удовольствие, когда в твоих вещах вот так по-свойски роется кто-то малознакомый. С другой стороны, прямо сейчас можно будет поесть горячего. Какая благодать! Неожиданно для себя самой Ки оставила своё первоначальное намерение и приблизилась к нему сзади, как можно тише ступая по снегу. Вандиен как раз наливал в кружку дымящийся чай; когда она подошла, он преспокойно обернулся и протянул ей кружку.

— Отличный у тебя слух, — сказала ему Ки.

Он только пожал плечами и налил себе. Ки стала пить, пристально наблюдая за ним. Кто он такой, прах его поberi?.. Какая нелёгкая внесла его в её жизнь? Можно подумать, ей не мало было странноватого Ризусова поручения, не говоря уже о мстительной гарпии над головой. Только Вандиена этого ей для полного счастья и не хватало. Ки с удвоенным вниманием присмотрелась к своему спутнику и впервые обратила внимание на удивительно точные движения его рук. Да, этот парень действительно не совершал ни единого лишнего движения, чем бы он ни занимался. И даже сквозь вынужденно неряшливый вид упрямо сквозила врождённая чистоплотность.

Вот он снял суп с огня и поставил его на сиденье фургона, потом внёс внутрь кабинки. Ки последовала за ним.

Там на откидном столике были уже приготовлены две миски.

— Я подумал, что за радость обедать там на ветру, — объяснил Вандиен, аккуратно разливая содержимое котелка на две равные порции.

Ки вытащила из шкафчика краюху сухого дорожного хлеба. Ели молча, причём Ки старалась не смотреть на Вандиена. Доев, она отодвинула опустевшую миску. Жар котелка, двух человеческих тел и свечи немного разогрел воздух в тесной кабине.

Вандиен сбросил на плечи капюшон. Упорный взгляд Ки заметно смущал его. Под этим взглядом он, казалось, всё более замыкался в себе, как если бы молчание и неподвижная поза могли сделать его невидимым. В свою очередь и Ки старалась смотреть на что-нибудь другое. На игрушечную лошадку, покоившуюся на своей полочке, на дверцу шкафчика с одеждой Свена... Всё напрасно. Её глаза словно бы не хотели задерживаться на реликвиях прошлого и сами собой вновь и вновь устремлялись на невысокого темноволосого мужчину, сидевшего напротив неё.

Поёрзав, Вандиен сунул руку под Свенов плащ, в нагрудный кармашек кожаной куртки, и вытащил наружу тонкий шнурок. Шнурок был сливочно-белого цвета и казался в его руках шелковистым. Вандиен связал его концы маленьким, странного вида узелком, растянул получившуюся петлю и принялся так и этак продевать в неё пальцы, сооружая хитрое кружево. Ки наконец-то отвлеклась от его лица и стала разглядывать шнурок, извивавшийся меж пальцев. Ловкие руки Вандиена ткали замысловатые паутины. Каждое мгновение возникал новый узор, чтобы сейчас же исчезнуть, плавно перетечь в следующий. Потом Вандиен искоса посмотрел на неё из-под пушистых ресниц, и Ки увидела, как подрагивают, готовые улыбнуться, уголки его губ.

— Это шнурок рассказчика, — ответил он на так и не прозвучавший вопрос. — Ты что, никогда таких не видала?

Ки покачала головой, наблюдая за умелой и безошибочной игрой его пальцев. Вот он скинул петельку с большого пальца — возникло сложное переплетение ромбиков. Неожиданный поворот узкой, изящной кисти — и в руках

оказался всего лишь мягкий шелковистый шнурок, связанный кольцом. Вандиен развязал узел и протянул шнурок Ки — рассмотреть поближе.

— Совсем обычный, — сказала Ки, погладив его пальцами. Потом осторожно натянула, ощутив его податливость и вместе с тем прочность.

— В моих родных местах... — сказал Вандиен, снова завладевая шнурком, — в моих родных местах... я имею в виду, по ту сторону гор и ещё проехать на север... этому учат всех ребятишек. В своё время этот шнурок поведал мне историю моего народа, происхождение моей семьи и всех тех, кто состоит с нами в родстве. Не говоря уже о деяниях многих и многих героев...

— Шнурок? Поведал?.. — спросила Ки, наполовину изумлённо, наполовину недоверчиво — хватит, мол, заливать-то!

— Смотри, вот дерево, — сказал Вандиен. Неуловимое движение пальцев, и перед Ки оказался длинный прямоугольник ствола, увенчанный кроной-треугольником. Ещё движение, и «дерево» исчезло. — А вот звезда! — Замелькали петли, и Вандиен поднял перед ней пятиконечную звезду, растянутую меж пальцами одной руки. — А это Ястреб! — Возникло нечто довольно отвлечённое, но очень красивое и даже содержавшее намёк на распростёртые крылья. — А это — моё имя, — сказал Вандиен. Глазам Ки предстали два отдельных, мало что для неё значивших узора, вытканых бок о бок, но каждый на своей руке. Вандиен поднял их так, чтобы Ки было удобней разглядывать.

— Эти твои фигуры складываются в слова? — спросила она. — Ну, как буквы на бумаге?

Вандиен покачал головой.

— Такой вид письменности у нас тоже есть, — сказал он. — Мы им пользуемся, когда надо что-то записывать: документы о продаже земли, родословную бычка или там какие-нибудь публичные объявления... Но то, что я тебе показал, — это намного старше всяких там букв. Вот это, — он кивнул на свою левую руку, — значит Ван. А на правой — Диен. Всё вместе — Вандиен, сиречь твой покорный слуга.

— А что значит твоё имя? — спросила Ки.

Он пожал плечами, и тёмные брови озадаченно сдвинулись.

— Ну... просто имя, как все другие. Мне его дали мои родители. Никакого смысла в нём нет.

— А мой отец назвал меня так, как это делают ромни, — с неожиданной откровенностью призналась она. — Ромни дают имена, которые каким-то образом напоминают об обстоятельствах рождения. В то утро, когда я родилась, мой отец услышал крик птицы: «ки-ки-ки!». Вот он и назвал меня Ки.

Вандиена заметно покоробил её рассказ:

— У нас таким образом могли поименовать лошадь или собаку, но уж никоим образом не человека! Имя должно обязательно говорить о родителях и о том, которым ребёнком в семье ты была. Помнишь, сегодня я пропел... вернее сказать, проквашал тебе песнь о Сидрис? Так вот, отца её звали Рисри, а мать — Сидлин. Она была их первенцем, а значит — Сид-Рис. Поняла?

— Не особенно, — покачала головой Ки.

— Это очень просто. Будь она первенцем, и притом мальчишкой, её назвали бы Риссидом. Вторая дочь была бы Линри, второй сын — Рилин... и так далее.

— А если не две дочки, а больше? — любопытствовала Ки. — Как у вас поступают, если имени на всех не хватает?

— Имени человека не может не хватить... если только мы не доберёмся до того времени, раньше которого он не проследживает своих предков. Видишь ли, ради удобства мы просто пользуемся двумя первыми слогами своего имени. Лично я знаю своё до тридцать шестого колена. Их, конечно, намного больше, но этим уж занимаются хранители родословной. Понимаешь, у нас принято, чтобы мальчик к своему собственному имени целиком прибавлял имя отца. А девочка — имя матери.

— Это ж какую память надо иметь, — сказала Ки. — И охота вам голову забивать?..

Она позволила себе лишь малую толику насмешки, но Вандиен так и потемнел при этих словах.

— Кое для кого это очень много значит, — сказал он. — Это и для меня было очень важно... когда-то. Когда-

то, но не теперь. Так что ты совершенно права: всё это глупости.

Резким движением сдёрнув с пальцев шнурок, он сунул его обратно в карман. Потом сгрёб со стола миски и котелок и выбрался из кабинки наружу. Ки не могла взять в толк, что его так обидело. Как бы то ни было, доброе расположение духа враз улетучилось, оставив в сердце лишь неизбывную черноту. Ки внезапно поразилась собственному легкомыслию. Ну надо же, рассиживать за столом, болтая о пустяках, когда с небес на неё всякий миг могла обрушиться смерть!..

Ки сидела молча, прислушиваясь к завываниям ветра. И молча упрасивала его: ну, пожалуйста, дуй долго, дуй сильно...

Она слышала, как снаружи ходил туда-сюда Вандиен. Вот он сказал что-то коням, вот стукнула крышка посудного ящика... Ки вяло пожелала себе провести надвигающуюся ночь в одиночестве. Она наконец разобралась бы в воспоминаниях. Уложила по полочкам добрые и счастливые, чтобы ничто не мешало лишний раз насладиться ими. А горестные и злые запрятала бы куда-нибудь подальше. Оглянулась бы на пережитое... Так нет же — попробуй денься куда-нибудь от странного темноволосого парня, никак не укладывавшегося в мало-мальски привычные ей рамки. С ума сойти. Он УЖЕ заставил Ки думать о своей особе, отодвинув Свена куда-то в тень и темноту. Ей вовсе не нравилось его бесцеремонное посягательство на её одиночество, не нравилось, что он то и дело вынуждает её удивляться и задавать вопросы. Ей не нравилось, что глаза её уже начали подмечать движения его тела, а разум — пытаться угадать мысли, менявшие выражение его лица. Нет уж. Ей куда более по душе было привычное одиночество. Устоявшийся ритм жизни, в которой была только она сама. И никого кроме.

Тем временем её руки бездумно потянулись к волосам. Повинуясь долговременной привычке, она распустила их и пальцами расчёсывала густые тёмно-русые пряди, пока они не легли ей на спину гладкой волной. Потом, опять-таки по привычке, быстро связала волосы вдовьими узлами и косицами. Сняв плащ, Ки расправила его поверх оде-

яла. Она уже стаскивала сапоги, когда наконец вернулся Вандиен. Ки поспешно захлопнула за ним дверь, не допуская в кабинку ворвавшийся было ветер. Не говоря ни слова, Вандиен вытряс свой плащ и расстелил его на постели. И тоже начал стаскивать сапоги.

И тут Ки УВИДЕЛА Вандиен был без плаща и стоял нагнувшись, склонив голову, так что видна была шея, обычно закрытая длинными волосами. И Ки рассмотрела маленькую, почти незаметную метку. На шее у Вандиена были выколоты РАСКИНУТЫЕ СИНИЕ КРЫЛЬЯ...

Сердце Ки превратилось в комок холодного льда. Вандиен же, выпрямившись, удивился её окаменевшему взгляду. Приписав его совершенно иным причинам, он опустил глаза и смущённо переступил по полу босыми ногами.

— Со мной всегда так, когда устану, — проговорил он тихо. — Начинаю вспоминать всякое разное... такое, что меня мучит. А если ещё и другие заговаривают о том же, начинаю рычать на людей. Начинаю в каждом слове выискивать какие-то обиды и забываю, что за гостеприимство платят добром... по крайней мере, вежливым обхождением...

Он стоял перед ней и, казалось, чего-то ждал. Ки смотрела на него в полной растерянности. Спросить, что означает татуировка у него на загривке?.. Или?.. Мало ли что могло ей примерещиться в неверном свете мерцающего огарка. Может, это вовсе и не татуировка, а вообще родинка. Из-за родинки подозревать человека и обвинять его неведомо в чём?.. Здравый смысл боролся в ней с опасениями и страхом. Но Вандиен по-прежнему стоял перед ней, ожидая. И в конце концов верх взяла та самая вежливость.

— Оба мы устали, — буркнула Ки.

Этих слов хватило вполне. Вандиен вздохнул, а Ки задула свечу. Оба опять испытали неловкость, заползая под одно одеяло. На сей раз, правда, неловкость Ки была щедро разбавлена тревогой и страхом, но если Вандиен что и заметил, то вида не подал. Он растянулся рядом с Ки во всю длину, постаравшись, впрочем, избежать случайного прикосновения. И лежал неподвижно и молча, если не считать единственного приступа кашля. Ки, однако, по-прежнему

не отпускала тревога. Она со страхом прислушивалась к каждому шороху тюфяка. А потом разозлилась. Ей до тошноты надоели одолевавшие её страхи. Мало того, что она целый день следила за небом и ждала смерти. Ей что, предстояло следить по ночам за лежавшим подле неё мужчиной — а вдруг он окажется прислужником гарпий, орудием их мести?.. Поживём — увидим, твёрдо осадил себя Ки. Ещё не хватало, чтобы из-за её поспешности пострадал ни в чём не повинный человек. Во второй раз она подобного не допустит...

...Но чего только она не отдала бы за то, чтобы ЗНАТЬ. Чтобы кончилось ожидание, чтобы поскорее сойтись лицом к лицу с гарпией, кружащейся в вышине. Узнать, что же он такое, этот человек подле неё. Так нет же. Надо ждать. Ожидание всю жизнь было для неё самым тяжёлым испытанием. Взять хоть те последние несколько дней в Арфистовом Броде. Несколько дней длиной в целую жизнь. Право же, они состарили её куда больше, чем несколько лет странствий со Свеном...

...Короткий нож медленно вгрызался в жилистый стебель. Похоже, его снова пора было точить. Плохонькое орудие, едва подходившее даже для подобной работы... Уф-ф! Наконец-то. Ки присела на корточки и обхватила руками крупный оранжевый фрукт. Подняв его и бережно обходя растения, на которых ещё зрели плоды, Ки потащила тяжёлую сочную шишку к разбитой дороге, извивавшейся по полю. И там положила на кучу других таких же. Ки постояла некоторое время, упираясь руками в поясницу и выгибая натруженную спину. Зелёные горбы окрестных холмов мало-помалу желтели. На листьях берёз одна за другой возникали жёлтые прожилки. Совсем уже скоро нальётся багрянцем ольха... Лето отгорало, и в песне деревьев-арф всё отчётливей слышались печальные ноты. А может, причиной всему был постоянный звон в ушах, от которого Ки по-прежнему не могла избавиться?..

Ки возвратилась на грядку и, нагнувшись, принялась отпиливать от стебля очередной вызревший фрукт. Так вот, стало быть, какова оседлая жизнь, с горечью думалось ей. Теперь она знала цену всем этим словам насчёт кров-

ной связи с землёй. С некоторым отчаянием Ки подумала о своём фургоне, зараставшем пылью в сарае. Всё её существо так и рвалось в дорогу. Скоро, уже совсем скоро, пообещала она себе и тут же подумала, не очередная ли это отговорка. Скоро...

Новый поход к дороге. Ещё один фрукт поверх кучи других. Ки работала в одиночку. Время, прошедшее со дня Обряда, так и не сделало её членом семьи. Как и прежде, полным-полно было таких, кто не желал верить, что виной несчастья было лишь её невежество, но отнюдь не злой умысел. Сколько бы ни говорила ей Кора, что всё, мол, образуется, что всё совсем не так скверно, как им показалось вначале, — Ки знала: она непоправимо разрушила их идеалы, сбросила с пьедестала их божков, их кумиров, и кое-кто до гробовой доски не сможет этого ей простить.

А что было на уме у самой Кору?.. Ещё одна загадка.

Почему она стремилась любыми способами удержать Ки и из кожи вон лезла, стараясь облегчить ей жизнь?.. Что ж, Ки без ложной скромности понимала, что работница она, каких мало. В одиночку заканчивала убирать целое поле, а ведь поначалу Руфус собирался поставить сюда аж троих. Ки справилась с ним одна, причём всего за день. Нет, дело было не в работе. Напрашивался другой ответ, попроще: Кора не лгала, говоря, что любит её. И только поэтому хотела, чтобы она осталась. Ки крикнула от натуги, поднимая очередную спелую шишку. Будем надеяться, дело не в привязанности Кору. А то, если дело так и дальше пойдёт, она меня вообще никогда не отпустит. А я так хочу в дорогу. Скорее в дорогу. Здесь, в этих полях, даже и не вспомнишь как следует Свена и малышей, не обманешь себя, не притворишься, будто они по-прежнему здесь, рядом. Они — там, где её фургон, они — у её костра на исходе долгого дня. И Ки горевала оттого, что ей мешали о них горевать. И Кора отлично это понимала. Она то и дело подходила к Ки, молча склонявшейся над какой-нибудь работой, и подталкивала её локтем, а то легонько встряхивала за плечо.

— Отпусти их, — говорила она умоляющим тоном, и глаза глядели печально. — У нас тут не принято даже

упоминать вслух об ушедших, чтобы не призывать их души назад из лучших миров. А то, что делаешь ты, — ещё хуже упоминания. Ты их попросту держишь подле себя и нипочём не хочешь отпустить. Обряд не освободил их, Ки, и ты должна сделать это сама. Отпусти их, девочка, отпусти! И живи, как живому человеку положено...

После чего Кора всегда поспешно удалялась, как обычно, разрываясь между тысячей одновременных дел. Ки про себя завидовала её вечной занятости и хлопотам. Кора казалась ей такой целеустремлённой, такой преисполненной важности совершаемых дел. Это, однако, не мешало ей замечать, что последнее время Кора поглядывала на неё этак оценивающе, словно бы примериваясь, соответствует ли она некоей цели. Ки до смерти боялась того момента, когда её должны были просветить относительно этой самой цели. Её вовсе не устраивало такое положение дел, когда кто-то порывается за неё думать и без неё принимать решения, могущие повлиять на её жизнь. Ей вообще нужно было на самом деле только одно.

Дорога.

Ки посмотрела на свои руки, терпеливо пилившие ножиком очередной стебель. Руки, пожалуй, стали несколько костлявее прежнего, но не ослабели ничуть. Вот только мозоли выросли в таких местах, где их никогда прежде не было. Ки вообще казалось, будто она усыхает всем своим существом, и те её стороны, где присутствовала раньше какая-то мягкость, обрастают роговой коркой. Честно говоря, ей было всё равно. Только бы поскорее всё кончилось. Может, когда она совсем уже высохнет и одеревенеет, она и сживётся-таки с этой новой жизнью, которую ей навязывали. По крайней мере хотя бы перестанет беспомощно спрашивать себя, почему она никак не соберётся с духом уехать отсюда...

Она ещё смотрела на свои руки, когда на них легла чья-то тень. Ларс наклонился к ней и сам поднял тяжёлую оранжевую шишку.

— Чистая погибель с тобой, — сказал он ей со слабым смешком. — Ты так усердно работаешь, что и мне, на тебя глядя, сачковать совестно.

Ки разогнула спину и кое-как скроила улыбку в ответ:

— Я даже и не слышала, как подъехала тележка. На это поле, пожалуй, придётся съездить ещё разок. Урожай здесь заметно больше, чем на других...

— Я пришёл не с тележкой, — сказал Ларс, и тут-то Ки впервые обратила внимание на то, как он выглядел. Его светлые волосы были ещё влажными после мытья и завивались по концам. Жёлтая рубашка была из тонкой ткани, нарядней обычного. Ларс был облачён в праздничные штаны, а на ногах у него вместо грубых рабочих башмаков красовались праздничные сапожки. Ки невольно улыбнулась: от него даже пахло душистой водой, которую его мать настаивала на травах.

— Что это ты так расфуфырился, Ларс? — спросила она не без насмешки. — Прямо жених на свадьбе ромни, да нет, куда там!.. Не иначе тебе Кэти нынче вечером собралась волосы связывать?..

Он ответил ей страдальческим взглядом, потом покачал головой:

— Сегодня поздно вечером к нам приезжает важный гость. Ума не приложу, как вышло, что ты ничего не слышала?.. Кора послала меня за тобой. Оставь шишки, пускай полежат. Ночка-другая под открытым небом им нисколько не повредит... Кора сказала, что ты наверняка захочешь умыться и переодеться перед общим собранием...

Ларс подхватил фрукт и понёс его к дорожке, чтобы водрузить на грудку таких же оранжевых шаров. Ки шла следом за ним по грядке, потом — рядом с ним по полевой дорожке до самого дома. Его руки покачивались в такт шагам, и один раз он легонько задел руку Ки.

— Что хоть за гость? — спросила она. — Что за такая важная птица, чтобы всех нас ради него песком отчищать?

— Неужели тебе Кора так-таки ничего и не сказала?.. — вопросом на вопрос ответил Ларс и искоса посмотрел на неё. — Не устаю удивляться... Наш нынешний гость, Ки, я надеюсь, принесёт тебе толику успокоения. Помнишь, как я первым подросел ругать тебя за ошибки? Я очень рад, что и добрую весть мне тоже выпало первому сообщить тебе. Ты ведь так близко к сердцу всё приняла, когда я тебе объяснил, чего нас лишила твоя нена... твои чувства в отношении гарпий. Я потом сам себя последни-

ми словами ругал. Наговорил тебе всякого, а что толку? А уж когда мама узнала про тот наш разговор!.. Честное слово, в последний раз мне так попадало, кажется, лет в девять. И тоже за глупость. Я ведь такой груз на твои плечи взвалил!.. Мама так и сказала — меня, мол, это вовсе не украшает. Но теперь оба мы — и я, и ты — освободимся от ощущения гнетущей вины...

— Да о чём ты? — требовательно спросила Ки. — Ларс, говори толком!

Она ощутила, как сердце в груди по непонятной причине заколотилось быстрее. На неё и в самом деле тяжким грузом давила мысль о том, что она отняла у всей семьи утешение, которое дарила им их вера. Какими бы непотребными и неестественными ни казались ей их обряды, она не имела ни малейшего права отнимать их у людей. Она нередко бичевала себя подобными мыслями — в особенности когда над полями скользили тени гарпий и с новой силой нападала тоска по родному фургону и вольной дороге. Тогда-то она и напоминала себе о беде, которую причинила этим людям. Да, она была перед ними в долгу. Так неужели Ларс намекал ей, что долг был уже почти уплачен?..

— Приехал Мастер Обрядов, — сообщил он ей. — Он далеко уклонился от своего обычного пути в это время года, чтобы нам помочь. Он готовится совершить Обряд Очищения. Совсем скоро мы восстановим нашу связь с гарпиями!.. И не смотри на меня так, Ки. У меня и в мыслях не было скрывать от тебя новости. Я действительно только что обо всём от мамы узнал! Ты и сама давно прослышала бы обо всём, если бы побольше общалась с людьми, вместо того чтобы мрачно вкалывать в поле. Теперь нам предстоит три дня каяться и размышлять. А на четвёртый день Мастер совершит для нас Обряд, дабы очистить наш разум от ядовитой скверны, отделившей нас от гарпий и от наших... наших мёртвых.

Ларс запнулся на последних словах. Как будто коснулся ещё кровоточившей, болезненной раны. Ки слушала его, не меняя выражения лица.

Дальше они шли молча. Было слышно, как топали по плотно укатанной дороге твёрдые каблуки Ларсовых сапог.

Мягкие кожаные башмачки Ки, наоборот, ступали бесшумно. На теле, взмокшем за время работы, постепенно высыхал пот, и Ки начинала ощущать прохладу осеннего дня. Лёгкий ветерок делал холод заметнее. Она вдруг с новой силой почувствовала некое томление, охоту к перемене мест, всегда одолевавшую её по осени. Осень действовала на неё так же, как на перелётных птиц и некоторых зверей, откочёвывающих на юг. Ей безумно захотелось поскорей пуститься в дорогу, оставить позади все эти знакомые, слишком знакомые поля и небо, в котором постоянно реяли гарпии. Всё её существо рвалось прочь и жаждало новых странствий. Что ж, скоро она получит назад свою вольность и вновь покатит по привычным большакам, сквозь города, где конюхи в постоялых дворах помнили её упряжку и называли Ки по имени... Но стоило Ки с облегчением подумать об этом, как на лицо её набежала внезапная тень. Гарпия пронеслась над ней и над Ларсом, на мгновение заслонив солнце. И Ки неожиданно усомнилась в том, что её мечта готова была и в самом деле исполниться. Она постаралась стряхнуть сомнения, отбросить их прочь. Эта вечная нерешительность!..

Она посмотрела вниз, на свои ноги. Лодыжки были в густой пыли, расчерченной дорожками пота. Можно вообразить, какими грязными окажутся ступни, когда она скинет с них башмаки. Вот и под ногтями засела грязь, въевшаяся в кожу и оттого несмываемая. Земля спешила наложить на неё лапу. Поставить клеймо. И никогда уже не отпустить...

Ки знала, что не сможет сказать «нет».

Ларс крепкой рукой взял её под локоть.

— Сразу видно, как обрадовали тебя мои вести, — сказал он и легонько встряхнул её. — Да посмотри же ты вокруг, Ки! Ты, похоже, слишком долго трудилась одна. Ты разучилась смотреть вокруг — только внутрь себя самой!

Ки высвободила руку. И улыбнулась, не желая его обижать.

— Когда ваш старик сделает своё дело и совершит Обряд, вы исцелитесь от того зла, которое я вам причинила. Боюсь, однако, самой мне требуется совсем иное лекарство...

— Может быть, для этого нам стоило бы подыскать другого человека. И совершить совсем другой обряд, — сказал Ларс.

На всякий случай Ки улыбнулась, но смысл шутки до неё так и не дошёл. Ларс посмотрел ей в лицо, заглянул в глаза, словно надеясь отыскать ответ на некий невысказанный вопрос. Они продолжали идти, но Ларс постепенно замедлял шаг и наконец остановился совсем. Ки оглянулась и хотела спросить его, в чём дело, но странное выражение его лица заставило её прикусить язык. И она увидела по глазам: он собирался о чём-то спросить её. Задать какой-то очень трудный вопрос. Ки напряглась всем телом...

И Ларс спросил:

— Неужели ты откажешься принять с нами участие в Обряде, Ки? Ты пойми одно: никто не мешает тебе быть полноправным членом семьи. Никто, кроме тебя самой. Вот и сейчас... Из того, как ты со мной сейчас говорила, следует только одно — ты и в мыслях не держишь принять с нами участие в покаянии и очищении. А ведь все будут только рады тебе!

Ки медленно покачала головой. Взгляд её был твёрд.

— Я не сделала ничего зазорного, такого, что требовало бы очищения. И я не совершила грехов, в которых мне следовало бы каяться.

— Нет, ну конечно же нет! Я совсем не это имел в виду!.. Просто... если ты примешь участие, это, наверное, поможет тебе освоиться и спокойно жить среди нас. А то ты каждый день облюбовываешь себе какую-нибудь работу, обязательно в одиночестве, и трудишься до заката дня. Это нехорошо!

— Я так привыкла, — перебила Ки. Ей не хотелось выслушивать дальнейшие доводы Ларса. И она выплеснула ему в лицо истину, выплеснула с силой, которую сама в себе более не подозревала: — Да не хочу я осваиваться!.. Не хочу быть членом вашей семьи!.. Полноправным или ещё каким! И не смотри на меня, пожалуйста, как будто я тебе боль причинила. Хватит, не собираюсь я никому тут больше ничего причинять. Я согласилась задержаться по просьбе Кору и ещё потому, что глупости хватило дать ей слово. Я жила некоторое время по вашим законам и

честно старалась привыкнуть. Но так и не смогла. Я по-
лола огород, собирала кристаллы, солила рыбу и дубила
кожи. Я вывозила на своей упряжке навоз в поле. Мои
кони таскали из лесу стволы, которые Хафтор обтёсывает
у себя во дворе. Я делала всё, что мне поручали! Вот толь-
ко радости мне ваши труды не доставляли. Никакой. Каж-
дый день моя жизнь ещё теснее переплетается с жизнями
доброй дюжины других людей. Если я не сделаю то-то и
то-то, другой не сможет приступить к тому-то и тому-то.
Если я не приволоку брёвна, не из чего будет напилить
досок для нового амбара и так далее. И это не по душе
мне, Ларс! Я да мой фургон — вот и всё, чего я хочу. В
любом случае я не подведу никого, кроме себя самой!

— А Свен? — Ларс смело ответил на её прямоту такой
же прямотой. — Ты ведь связала свою жизнь с его жиз-
нью. А потом и с детьми, когда они родились. Они ведь
всё время зависели от тебя!

— И лежат теперь в одной общей могиле, потому что
зависели не от того, от кого следовало бы! — яростно
прошипела Ки. — А теперь я должна подставить своё пле-
чо вам? Чтобы и вам плохо пришлось?..

Ларс не опускал перед нею глаз:

— Никто вовсе не требует, чтобы ты подставляла пле-
чо. Никто не собирается на тебя опираться. Я всего только
приглашаю тебя принять участие в нашем Обряде. И опе-
реться на меня, если понадобится.

Ки подняла руки к лицу: непослушные пряди норовили
выбиться из её вдовьей причёски и упрямо лезли в глаза.
Руки пахли землёй и фруктами, с которыми она только
что возилась. Она убрала с глаз волосы, оставив на влаж-
ной коже грязные полосы. Её голос прозвучал жёстко и
холодно:

— Я тоже не собираюсь ни на кого опираться. И в
Обряде вашем участие принимать. Я не желаю миловаться
с гарпиями и умолять их, чтобы они мне показали лица
тех, кого сами же у меня и отняли... отняли кроваво и
страшно. Ты не смеешь требовать этого от меня, Ларс!

Она пристально вглядывалась в его лицо. Голубизна его
глаз была ещё нежнее неба над их головами. Ки видела,
как на его шее пульсировала жилка.

— Ты права, Ки, — сказал он. — Я не смею ничего от тебя требовать. Но уж лучше я обращусь к тебе со своей просьбой, чем Кора — со своей. Меня тошнит от ярости, когда я думаю о том, что тебе, возможно, сегодня вечером предстоит. Мне стыдно сознавать такую жестокую необходимость. Я боюсь, что знаю заранее, какой выбор ты сделаешь. И потому-то у меня духу не хватает тебя о чём-то просить... Что ж, пускай Кора... а я... я не могу. Правду сказать, для этого я слишком к тебе привязан...

И Ларс пошёл прочь. Какое-то время Ки смотрела ему в спину, потом пошла следом, впрочем, не пытаясь догнать. Ей было холодно и страшно. Она старалась не думать. Довольно с неё и собственной боли. Ещё не хватало догонять его и расспрашивать, что за новую боль она ему причинила...

Когда она вошла в общую комнату, Ларса нигде не было видно. Зато вид комнаты вновь пробудил в ней мучительные воспоминания. Длинный стол был опять выдвинут на середину, пустые скамьи ожидали, чтобы на них расселись участники действия. На столе красовалась великолепная чаша кованого серебра, и в ней, точно в сверкающем озере, плавали поздние водяные лилии. Обоняния Ки коснулся чудесный запах только что вынутого жаркого; на кухне вовсю шумели и сутились. Знать, немало народу усядется нынче за стол... Ки торопливо пересекла комнату и прошла по коридору к себе.

Комната, в которой она теперь ночевала, была поменьше и поскромнее той первой. Кора переселила туда Ки, надеясь, что ей так будет легче прижиться в доме. Ки попыталась убрать и обставить комнату по своему вкусу. И то, что получилось, вовсе не приводило её в восторг. Её немногочисленные одежки были развешаны на деревянных гвоздях. Единственное небольшое окошко было не только лишено каких-либо занавесок, но и постоянно распахнуто, чтобы внутрь могло проникнуть хоть сколько-нибудь свежего воздуха и солнечного света. На полу раскинулся коврик из мохнатой шкуры оленя, а узенькое ложе было застелено покрывалами, принадлежавшими самой Ки. Кора усматривала в подобном убранстве некую попытку повторить обстановку фургонной кабинки. Сама Ки так

не считала. Просто она не знала иных способов обставлять жильё.

На голом деревянном подоконнике стоял простой глиняный кувшин и такая же голубая чаша. Когда Ки вошла, Лидия как раз наливала в кувшин тёплую ароматную воду для омовения.

Ки нахмурилась было, но тут же спохватилась. Право же, ей так и не суждено было привыкнуть к подобному. Они-то — Лидия и Курт — воспринимали это как обычные домашние обязанности: налить каждому воду в кувшин, вытряхнуть и проветрить постель каждого члена семьи, сообща выстирать всю одежду... Ки постоянно приходилось напоминать себе, что для них это вовсе не означало посягательства на её личную жизнь. Лидия просто делала своё дело. Исполняла свои обязанности. Точно так же, как сама Ки только что исполняла свои на фруктовом поле.

— Спасибо, — только и сказала она. — Как славно пахнет...

— Я тебе ещё кувшинчик оставлю, — ответила Лидия и поставила упомянутый кувшин на подоконник. — Кора сказала, тебе, верно, понадобится сегодня много воды, ведь у нас такой гость!.. Да, вот ещё... Когда я стирала твою коричневую рубашку, я увидела, что там один шов вот-вот распорется. У меня не нашлось подходящих ниток, так я его зашила чёрными. Это ничего?..

— Конечно, ничего, и спасибо тебе. Только ты могла бы не возиться: это ведь моя рубашка, я бы сама с удовольствием зашила...

— Я знаю, — сказала Лидия. — Так ведь я тоже сама собрала бы свои фрукты. Только оно лучше будет, если каждый станет заниматься каким-нибудь одним делом. Не бери в голову, Ки! А то хочешь тебе чем-нибудь услужить и боишься, кабы ты не обиделась...

Лидия улыбнулась, шутливо покачала головой и торопливо покинула комнату. Да, подумала Ки, сегодня дел у Лидии будет более чем достаточно. Готовить дом к нашему приезду целой орды!.. Не позавидуешь.

Когда за Лидией затворилась дверь, Ки стащила с себя одежду и наконец-то разулась, стряхнув невысокие мягкие

башмачки. Она наполнила чашу водой и смочила в ней тряпочку. Первым долгом она умыла лицо, сплюшь покрытое ссохшейся коркой пыли и пота. Затем занялась телом. Обтёрла маленькую крепкую грудь, никому уже не доставлявшую радости, и плоский мускулистый живот, на котором оставили свои отметины дважды пережитые роды. Воду в чаше пришлось дважды сменить, так быстро мутнела она от пыли и грязи. Ступни едва удалось оттереть, так вьелась во все поры земля, целый день сыпавшаяся в башмаки. Ки скребла свои ноги, отмачивала в воде и снова скребла, пока маленькие ступни не стали чистыми и розовыми, как у младенца.

Прохладный ветер, задувавший в окно, обсушил её кожу без полотенца. Ки уселась на кровать и принялась расплетать сложные узлы своей вдовьей причёски. Наконец русая грива легла ей на спину и скрыла её чуть не до поясницы. Ки тщательно расчесалась, прислушиваясь к лёгкому потрескиванию щётки, гладившей и чистившей её волосы. Когда спутанная грива превратилась в гладкую, блестящую волну, Ки вновь заплела её и связала, как это приличествовало вдове.

Поднявшись, Ки прошла к одежде, развешанной на гвоздях. Волосы, стянутые в тяжёлый ком, мягко били её сзади по шее. Выбор одежд был невелик. Вот та самая коричневая рубашка, совсем не стыдно было бы в ней показаться. Тем более что Лидия зашила её очень искусно: не зная о починке, и не заметишь. Рядом висели синие, свободного покроя штаны и красочно расшитая безрукавка. В горах и по ту сторону хребта подобная одежда вполне бы сошла, но здесь, в Арфистовом Броде, пожалуй, вызвала бы лёгкое потрясение.

Взгляд Ки остановился на зелёном платье, отделанном мелкими жёлтенькими цветочками, том самом, что Кора дала ей для Обряда Отпущения. С того самого вечера Ки его не то что не надевала — даже и не прикасалась. Не хотела лишний раз никому напоминать, в том числе и себе. А вот теперь пальцы сами потянулись погладить мягкую, тонкую ткань. Ки сняла платье с крючка. Что бы она нынче ни надела, они всё равно станут думать об этом платье. Так почему бы и нет?.. Ки сунула голову в ворот

платья. Потом надела на ноги сандалии на толстой подметке. Несмотря на это, платье всё равно так и осталось ей длинновато.

В общей комнате начал уже собираться народ. Большинство, здороваясь с Ки, обнаруживало мало доброжелательства. Да, кое у кого со времени их последней встречи ещё не прошли, так сказать, душевные синяки. Ки увидела Холланд: та тихой скороговоркой внушала что-то женщине, нянчившей маленького ребёнка. Ки безошибочно угадала, о чём они говорили. Она не торопясь подошла к ним и тронула пальцем крохотную нежно-розовую ножку младенца.

— Ишь, здоровенький... Прямо что твой поросёночек! — Ки как можно шире улыбнулась обеим женщинам сразу. Женщина торопливо кивнула и поспешно отвернулась, внимательно рассматривая что-то на дальней стене. Холланд наградила Ки яростным взглядом и даже не попыталась скрыть злобы.

— Какой стыд, — произнёс кто-то вполголоса над самым ухом Ки. Она быстро подняла голову и увидела рядом с собой Хафтора. Хафтор ухмылялся, прикрыв рот ладонью. — Стыд и срам, что ты так долго ждала, Ки. Следовало бы тебе начать дразнить их давно, очень давно...

— Чего ради? — спросила Ки с любопытством.

Веселье смягчило жёсткие черты Хафтора, придав безобразному лицу некое обаяние. Огоньки светильников подчёркивали высокие скулы, играли на прядях блестящих чёрных волос. Тёмно-синие глаза были полны озорства.

— А чтобы заставить их считаться с тобой, — ответил он Ки. — Покуда они всюду шепчутся о тебе по углам, а ты шествуешь мимо всех невозмутимо, точно кошка на охоте, у них нет повода питать к тебе уважение. Или изменять своё мнение о тебе. Им вовсе не мешало бы время от времени ощущать на своей шкуре твоё остроумие. Тогда они либо станут побаиваться тебя и отвязнутся наконец, либо оценят тебя по достоинству и позволят на равных влиться в семью...

Ки улыбнулась помимо собственной воли:

— Вы с Ларсом что, сговорились, что ли?

Тёмные брови Хафтора сошлись у переносицы:

— Ларс?.. Нет, он не затевает со мной долгих разговоров. Я так полагаю, копит красноречие для тебя...

— Что ты имеешь в виду? — прямо спросила Ки.

— Я ничего не имею в виду. Разве только то, что Ларс, кажется, освоился с тобой гораздо успешнее, чем кто-либо другой из нас.

— За что, по всей видимости, следует благодарить Руфуса, — сказала Ки, гадая про себя, куда заведёт их столь неожиданный поворот разговора. — Он велел Ларсу объяснить мне, каким образом я могу быть здесь полезна. Ларс так и сделал и соответственно несколько раз водил меня с собой на разные работы. А что, ты находишь в этом что-то странное?

— Отнюдь, Ки, отнюдь. Ничего странного, скорее наоборот. Всё ясно насквозь, прямо до боли в глазах. Руфус был бы полным ослом, если бы не устроил всё именно таким образом...

Ки задумалась было над смыслом его слов, но тут кто-то тихонько тронул её за рукав. Рядом стоял Ларс и улыбался им обоим.

— Стоит упомянуть Ларса, — проговорил Хафтор, — как он тут как тут и утаскивает тебя прочь, без сомнения, по какому-то очень важному делу...

— Дело действительно безотлагательное, — вежливо ответил Ларс, пропуская словесный яд мимо ушей. И почему у них у всех такое похоронное настроение сегодня, недоумённо подумала Ки. — Моя мать Кора просит, — продолжал Ларс, — чтобы Ки подошла к ней и поприветствовала нашего гостя. Надеюсь, Хафтор, ты не возражаешь, что это важное дело?

— Ну конечно, Ларс, — ответил тот. — Ну конечно. Даже более того: это дело не только важное, но и очень срочное, так что лучше я сам отведу Ки к твоей маме...

И он собрался взять её под локоток, но Ки гибким движением выскользнула из его рук:

— Спасибо, только я и сама уж как-нибудь доберусь. У вас двоих, я смотрю, намечается какая-то щенячья возня, ну так я в неё впутываться не желаю...

И Ки стремительно удалилась, оставив мужчин смотреть друг на друга.

Кора сидела у очага в деревянном кресле, похожем больше на трон. По другую сторону очага стояло второе такое же кресло, пока пустовавшее. Ки с улыбкой подошла к Коре:

— Ты за мной посылала?

От её взгляда не укрылось ни серебро в волосах Коры, переливавшееся при свете огня, ни натруженные руки, в кои веки раз бездельно сложенные на коленях... Воистину странно было видеть эти руки не занятыми никакой работой. И Ки всем сердцем потянулась к старой женщине, прикикая к её спокойной, несуетной силе. У Ки никогда не было матери, но если бы это стало возможно, она хотела бы, чтобы её мать была похожа на Кору. Чтобы за внешним обликом хлопотливой говоруньи скрывалось такое же глубокое внутреннее спокойствие, такая же готовность поделиться своей силой с каждым, кому это может понадобиться. Да, именно Кора принудила Ки остаться, что было той весьма не по праву. Но саму Кору Ки разлюбить из-за этого не могла. В присутствии Коры она могла, так сказать, на время ослабить вожжи, чувствуя, что кто-то столь же сильный и знающий, как и она сама, в случае чего сейчас же их подхватит. С Корой Ки чувствовала себя в безопасности.

По крайней мере, до тех пор, пока им было по пути.

...Кора улыбнулась в ответ, дотянулась и легонько потрепала Ки по руке.

— Да, я хотела, чтобы ты поздоровалась с нашим гостем. Беда в том, что ему как раз понадобилось кой-куда заглянуть: он совсем старенький, так что живот у него, сама понимаешь... Его зовут Нильс, он приехал издалека, чтобы помочь нам. Тебе Ларс обо всём уже рассказал?..

Ки кивнула и собралась с духом:

— А он передал тебе, что я не намерена принимать участие в вашем Обряде? Спорю на что угодно, что мысль об этом пришла тебе, а не ему!

— Да, он мне передал, — безмятежно ответствовала Кора. — На что я сказала ему, что он, видать, недостаточно хорошо уговаривал. У моего мальчика отлично подвешен язык, и он умеет им пользоваться, когда захочет. Жаль только, весь его дар куда-то девается, когда я его

об этом прошу... Ну что ж, придётся мне упрашивать тебя самой. Нет, правда, Ки, почему бы тебе не поучаствовать в Обряде вместе со всеми? Заодно и убедила бы всех, что отныне твой дом — здесь, наши обычаи — твои обычаи, а наша семья — твоя семья...

— И тем самым обманула бы их, — произнесла Ки тихо, но твёрдо.

Разговаривая таким образом, они с Корой обводили взглядами комнату, улыбаясь всякому, кто, как им казалось, обращал внимание на их беседу. Вот Лидия, встретившись глазами с Корой, вопросительным движением подняла стакан вина, и Кора с улыбкой кивнула. Лидия сейчас же подошла и налила обеим женщинам красного вина в два старинных бокала. Кора похвалила Лидию за то, что та додумалась украсить стол цветами. Ки тоже не забыла улыбнуться и благодарно кивнуть, принимая из рук Лидии винный бокал. Когда же та отошла, Ки так и осталась держать его в руке, а к губам не поднесла.

Кора отпила вина. Тёмные блестящие глаза пристально смотрели на Ки.

— Значит, ты не хочешь быть одной из нас? Так?

— Так, — ответила Ки. — Спасибо тебе за то, что хотела принять меня, но... Кора, ты просила меня остаться, и я осталась. Я честно попробовала жить той жизнью, которую ты мне предлагаешь. И окончательно убедилась, что эта жизнь не по мне.

— Время исцеления ещё не истекло, — напомнила ей Кора.

— Да, и я буду здесь до конца, — сказала Ки. — Но потом я сразу уеду. И я не хочу, чтобы ты держала на меня зло. Время истечёт, Кора, и ты самапустишь меня.

Настал черед Кору склониться перед волей Ки. Ки увидела, как обмякли её обычно расправленные плечи, и ощутила острый укол совести.

— Что ж... я тебя отпущу, — сказала ей Кора. — Если тебя по-прежнему ничто не будет удерживать здесь — я тебя отпущу. И зла никакого на тебя не буду держать. А вот сожалеть буду, Ки, очень сожалеть. Ты знаешь, когда я была девочкой, я однажды подобрала раненого ястреба. Совсем молоденького, почти птенца. Я лечила его и уха-

живала за ним, пока он не поправился. Я стала носить его на запястье, он добывал для меня дичь... Но я-то видела, что такая жизнь была ему не по сердцу. И в один прекрасный день я отпустила его — к великому негодованию моего батюшки. Вот видишь, я умею отпускать, Ки... А ты?

Ки слегка нахмурилась, гадая об истинном смысле вопроса. Ответить она так и не успела: Кора уже раскланивалась со стариком, усаживавшимся в кресло напротив.

Ки поразила его внешность. Гладкие, совершенно белые волосы были по-старинному связаны сзади на шее. Глаза под тонкими белыми бровями напоминали зимнее небо. Другие черты лица были выточены с тем же изяществом: тонкий прямой нос, небольшой рот. Он показался Ки похожим на тщательно сбережённую статую какой-то более ранней разновидности человеческого существа. Существа, для которого разум был несравненно важнее физической силы. Старик был хрупкого телосложения, а ростом — едва по плечо Ки. К тому же и возраст изрядно ссутулил его, согнув и без того узкие плечи вперёд, к груди. И тем не менее от этого почти заморыша исходила ошутимая властность. Как-то само собой вышло так, что Ки поклонилась ему...

— Позволь, Нильс, представить тебе Ки, мою дочь по замужеству за Свенном, — сказала Кора.

Старец спокойно кивнул.

— Я приехал, Ки, расхлёбывать кашу, которую ты тут заварила. Сама-то ты что хоть думаешь по этому поводу?

Он говорил с нею так, словно ей было десять лет от роду. Ки подумала и не стала на него обижаться. Она сказала:

— Никто здесь не радуется тебе больше, чем я. Я вижу в тебе ключ к своей свободе, старец.

Кора нахмурилась: обращение «старец» показалось ей недостаточно почтительным. Сам же старец, однако, только откинул голову и расхохотался. Зубы у него оказались ровные и мелкие, а смех — оглушительный. Все в комнате моментально притихли и повернулись к Нильсу и Ки. Ки почувствовала, как жарко вспыхнули её уши.

— А я-то боялся, что встречу в ней противницу! — обращаясь к Коре, громко сказал Нильс. — Помнится, ты предупреждала меня о духе столь значительном, что даже

тебе оказалось не под силу совладать с ним во время Обряда. Я и вообразил, что встречу горечь, злобу и хитрость. И нате вам, выходит маленькая девочка и велит старому дедуле как следует постараться, наводя в душах порядок: она, мол, только скажет спасибо. Нет, Ки, с тобой любая развалина заново помолодеет...

Притихшая было комната вновь наполнилась гулом голосов. Ки смотрела на Нильса, гадая про себя, что в действительности было у него на уме. Его маленькие голубые глаза блестели, как у хорька. Их взгляд цепко удерживал Ки. Нильс едва заметно кивнул и громко сказал:

— Пусть твоя дочь, Кора, подаст мне руку и проводит за стол!

Ки послушно подошла к нему и встала сбоку. Ей было несколько не по себе. По её мнению, следовало поискать старца, менее нуждавшегося в чьей-либо помощи, чем этот Нильс. Как бы то ни было, он крепко ухватил её руку powyше локтя и опёрся на неё довольно-таки тяжело, так что Ки даже качнулась в его сторону. Нильс, заметно уступавший ей ростом, двигался маленькими, медленными шажками так, словно это отнимало все его силы.

— А ты ничего, умненькая, — шепнул он Ки, пока та усаживала его за стол. — Посему скрывать от тебя цель моего пребывания здесь не только бессмысленно, но даже и вредно. Кора права: я должен всё тебе рассказать. Так вот, сегодня вечером тебе предстоит изрядная трёпка. Видишь ли, детка, ты насмерть перепугала всю эту публику. Стало быть, для того чтобы воссоединить их с их драгоценными гарпиями, я должен развеять их страх. Я должен сделать так, чтобы они перестали тебя бояться. Чтобы начали видеть в тебе не мощный противостоящий дух, а этакую маленькую девочку, не ведающую, что творит. Ты, конечно, можешь испортить мне всё дело. Ты можешь воспользоваться своей молодостью, силой и твёрдостью и отлично высмеять их веру. Ткнуть всех нас носом в некоторые гадкие и безобразные стороны этой расы, подарившей нам свою дружбу... Но можешь ты поступить и по-другому: дать мне высмеять ТЕБЯ. Развенчать грозный призрак, превратив его в простую тень под кроватью. Что ты выбираешь?

Ки лихорадочно соображала, между тем как рука её пододвигала старику стул.

— Не лучше ли будет, — сказала она, — если я предпochту попросту удалиться? Я уже говорила Коре, что не собираюсь участвовать в новом Обряде. Может, мне просто уйти к себе и не показываться?

— В этом случае все те страхи, которые эти люди сами вокруг себя нагромодили, так с ними и пребудут. И до гробовой доски не перестанут их мучить. Обряд, который я проведу, не сможет ни на что повлиять. Никто из них никогда уже не увидится со своими мёртвыми. И Обрядов Отпущения совершать больше не будет. Ещё один обычай уйдёт из их жизни, и жизнь обеднеет.

Ки держалась рукой за спинку стула, смиряя гордость, готовую взбунтоваться. Она обещала, что постарается загладить свою вину. Значит, придётся ради этого потерпеть.

— Воображаю, что ты мне устроишь, старик, — сказала она.

Нильс хихикнул и наградил её пронзительным взглядом:

— Что ж, не забывай о своей решимости, детка. Она тебе ох как понадобится!..

Ки отступила прочь от стола, не будучи вполне уверена, куда следовало сесть ей самой. Она оглянулась на Кору... Кора ответила ей умоляющим взглядом. О чём молил этот взгляд?..

Появившийся Ларс молча повёл Ки в самый низ стола. Подальше от важных персон да и вообще от всех взрослых людей. Ки поняла: Нильс загодя поведал Коре о том, что он собирался предпринять. И та сделала все необходимые приготовления. Сделала с безжалостностью волчицы, чьим щенкам угрожает опасность...

Все прочие уже рассаживались за столом. Подле Ки устроился Курт, старший сын Руфуса. Он покосился в её сторону, немало сконфуженный её присутствием рядом, и поспешно отвёл глаза. По другую руку от Ки сел Эдвард, потом по одному подошли остальные дети и живо заполнили свободные места. Ки хмуро сидела среди ребятни, физически ощущая, как выделяется среди них, и только поглядывала на верхний конец стола, туда, где рассаживались Хафтор, Ларс, Лидия и другие. Вот Хафтор повер-

нулся в её сторону. Ки видела, как он с силой сжал зубы, а потом что-то коротко, резко бросил сидевшей рядом с ним сестре. Мара поднесла палец к губам: ей было неловко за брата. Тёмно-синий взгляд Хафтора внятно пообещал Ки заступничество. Она чуть заметно покачала головой и понадеялась, что он её понял.

Что до Ларса, Руфуса и Кору, то они в её сторону даже и не глядели. Всё их внимание — как и внимание всех окружающих — было отдано Нильсу.

Маленькая девочка, сидевшая напротив Ки, испустила нервный смешок. Молодая женщина в самом полном смысле слова сидела не на своём месте, причём настолько, что это было вполне очевидно даже маленькому ребёнку. Ки медленно, глубоко вздохнула и повернулась к Нильсу, как все.

Тому не было нужды прилагать какие-то усилия, чтобы привлечь внимание слушателей. Он просто открыл рот и стал говорить.

— Я приехал сюда, дабы по просьбе Кору залечить некую трещину, пролётшую между вами и гарпиями Арфистова Брода. Нет, нет, сегодня мы не будем обсуждать чью-то неосведомлённость или, попросту говоря, узколобость...

Ки почувствовала, что краснеет. Хафтор так стиснул пальцами край стола, что побелели суставы.

— Я не собираюсь внушать вам то, что вы и без меня знаете, — продолжал Нильс. — Обрисуем лишь вкратце картину случившегося. Итак. Все вы воспитаны в духе уважения к некоторым идеалам. Вы привыкли наслаждаться добрым расположением существ, лучших, чем мы сами, существ, более приближенных к Вышнему. Случилось так, что ваши чувства по отношению к ним оказались замараны. Некий ум, испытавший ярость и горечь утраты, как бы забросал грязью их мысленный образ. Далее вы поступили мудро. Вы временно отказали себе в общении с гарпиями, чтобы ненароком не осквернить их дары неподобающими вам чувствами, помимо вашего желания внедрившимися в ваши души. Вы избрали путь ожидания, покаяния и примирения. И потому вы вернётесь к гарпиям столь же чистыми душой, как когда-то в детстве, когда вас впервые с ними

познакомили. Сегодня мы сделаем первый шаг по этому пути...

Нильс сделал паузу. Как показалось Ки — исключительно затем, чтобы каждый человек за длинным столом успел хоть раз оглянуться в её сторону. Во взглядах этих читалось всё мыслимое разнообразие чувств. Кора без слов молила её понять. Руфус смотрел холодно, Нильс — всезнающе. Холланд источала вражду и жажду отмщения. Марна смотрела изумлённо. В глазах Хафтора было мрачное сострадание и обещание непонятно чего. Ларс смотрел из-под ресниц, тщательно скрывая какие-либо чувства. Он только поджал губы, как дитя, получившее подзатыльник.

— Сегодня мы собрались на совместную трапезу, — вновь подал голос Нильс и мгновенно завладел всеобщим вниманием. — Мы будем есть, пить и разговаривать, но ни словом не упомянем ни о печали, ни о несчастьях. И ещё: возле каждой тарелки Кора положила кусочек сушёного фрукта киша, завернутого в листья тои. Унесите его с собой, когда встанете из-за стола. Медленно разжуйте его перед сном, думая о тех счастливых мгновениях, которые когда-либо дарили вам гарпии. Киша поможет вам вспомнить каждую мелочь, и особенно чувства умиротворения и целостности, которые встречи с гарпиями вам приносили. А теперь за еду! И давайте вести себя так, как будто с нами ничего не случилось!

Нильс умолк. В верхней части стола начали передавать из рук в руки тарелки и блюда, долетели обрывки вежливых разговоров. Дети кругом Ки сидели молча, с нетерпением ожидая, когда же блюда с яствами доберутся и до них. Как и им, Ки предстояло доедать то, что останется после пиршества взрослых. Дети вели себя очень тихо: без сомнения, их заранее предупредили насчёт хороших манер за столом.

Ки растерялась окончательно. Она не могла заставить себя обсуждать достоинства еды на детском языке. А присматривать за ними, как вроде бы должна была она, взрослая, ей явно не полагалось. Вот маленький Эдвард уронил на пол кусочек мяса. Мальчуган невозмутимо подобрал упавший кусочек и отправил его в рот. Ки украдкой бро-

сила взгляд на противоположный конец стола, но тут же поспешно снова уткнулась в свою тарелку.

Что ж, покамест план Нильса работал блестяще. Он уже добился того, что впервые со времени Обряда Отпущения люди смотрели на неё и не прятали глаз. Посадив Ки в самом низу стола, старик предоставил им отличный повод для разговоров. И тут же велел им обсуждать что угодно, только не тот несчастный Обряд. Надо полагать, они нашли иные темы для болтовни...

Ки ела медленно, понемногу, опустив голову и стараясь не поднимать глаз от еды. И старательно делала вид, будто её вовсе даже и не заботило, что это делало её похожей на наказанного ребёнка, не смеющего поднять глаз, покуда «старшие» обсуждают его поведение. Она заметила только, что низкого голоса Хафтора совсем не слышно было в общем разговоре. Другие голоса она различала и узнавала, но слов разобрать почти не могла. Лишь немного, и это немногое больно жалило.

— Эти ромни... — донеслось до неё несколько раз подряд.

И ещё:

— Свен был слишком юн...

Ки попыталась отвлечься, и из глубин прошлого сама собой выплыла зримая картина. Руфус, стоящий посреди двора на коленях. Из носа у него ручьём течёт кровь, а над ним стоит Свен, такой рослый, полный ярости и... плачущий от бессилия и досады. А Ларс выглядывает из-за двери: маленький мальчик, побледневший от испуга. Ки было тогда шестнадцать, а со дня смерти Аэтана миновал год. И больше всего ей хотелось убежать со всех ног, сигануть в фургон и хлестать неповоротливых старых коней, пока они не унесут её навсегда из Арфистова Брода... И тут подошла Кора. Солнце ярко освещало её. Она отрянула с рук землю и потребовала доложить ей о том, что тут произошло. И Свен, не мудрствуя лукаво, выпалил со всей откровенностью:

— Я сказал ему, что Ки со своим фургоном может оставаться на наших землях столько, сколько ей заблагорассудится!.. На землях, которые перейдут ко мне, когда я стану взрослым мужчиной! Я сказал это, потому что

решил: мы с ней поженимся. А он говорит, будто я позволял ей остаться, потому что она, дескать, платит мне так, как это принято у девушек ромни. Вот я ему и вмазал. А если он посмеет подняться, не извинившись перед ней для начала, я ему врежу ещё!..

И Кора не только со всей строгостью велела Руфусу извиниться, но и заставила Ки в тот день отобедать с ними за домашним столом. Ки тогда здорово обозлилась на неё за этот поступок, ибо не понимала, почему Кора так сделала. Между прочим, тот обед здорово напоминал нынешний — тогда, наверное, kloкотали не менее острые чувства и так же, как сегодня, им не давали вырваться наружу словами. Вот только Свена с нею рядом теперь не было. Свена, который тайком пожимал под столом её руку и знай подкладывал ей на тарелку кусочки получше... Через семь месяцев после того дня Свен отпраздновал своё совершеннолетие, сделался собственником части земель — и мужем Ки. С точки зрения местных нравов он был неприлично юн для женитьбы. А уж Ки и подавно. Все только и говорили, что о ни в какие ворота не лезущих свадебных подарках, которые он сделал невесте. Сигурд и Сигмунд были тогда едва объезженными трёхлетками. Как пугливо они шарахались и косились, когда Свен гордо вложил новенькие поводья в руку девчонки-невесты!.. А ещё он подарил ей фургон, собственноручно построенный им из самых лучших материалов, которые он смог раздобыть. Он выкрасил его голубой краской, а по двери и вокруг окошка нарисовал яблоневые цветы...

Кора пыталась отговорить Свена от совершения полного свадебного обряда, Руфус над ним насмехался, а Ларс, тот был попросту заворожён дерзостью старшего брата, посмеявшегося привести в их дом дикую кочевницу с большака. Но стоило Коре понять, что решение сына непоколебимо, что он собрался уехать с Ки навсегда — и она уступила, не теряя достоинства. Признала его брак и принесла гарпиям жертву в честь новой семьи...

Ну что ж, пусть ещё раз перемоют нам косточки, думала Ки, продолжая неторопливо жевать. Пусть вспоминают то да сё и соболезнают Коре по поводу самозванки,

ворвавшейся в её дом и в результате погубившей чудесного сына. Который, обернись иначе его женитьба, мог бы, наоборот, обогатить семью пахотными или лесными угождениями...

Сама Ки ничего не ощущала по этому поводу, только усталость. Но потом в её душе зазвучал и стал набирать силу такой вопль одиночества, что она сама удивилась, как это ей удалось не закричать вслух. Свен, Свен, её могучий и нежный Свен!.. Как много он давал ей, давал прежде, чем она успевала не то что попросить — даже и пожелать. Он всегда думал о ней, всегда торил перед нею дорогу... Она помнила кровь на его широких ладонях, когда он принимал у неё роды. А вот он едет рядом с фургоном, и солнце светит ему прямо в лицо, заставляя жмуриться. А вот по его плечам и спине бродят огненные блики; они любят друг друга подле костра, а внутри фургона спят их дети...

И молчаливую муку сменила ярость. Свен никогда бы не допустил, чтобы с ней сделали ЭТО. Да с какой стати она должна смиренно сидеть на этом идиотском пиру? Что за нужда ей сочувствовать этой их неестественной надобности тешиться образами умерших, которые возрождает для них колдовство гарпий?.. Свирепея, Ки напряглась всем телом. Ей хотелось вскочить на ноги. Отшвырнуть стул так, чтобы он отлетел и покатился. Сдёрнуть со стола скатерть вместе с блюдами и едой... Но тут её яростный взгляд натолкнулся на взгляд Кору, исполненный муки и молчаливой мольбы. Кора прекрасно видела бурю, бушевавшую у неё в душе. Видела и страшилась. Ки вдруг почувствовала в себе необыкновенную силу. Да, от неё зависело здесь всё. Всё!..

Сильные руки тяжело легли ей на плечи.

— Я наелся так, что больше не могу впихнуть в себя ни кусочка. Да и ты, я смотрю, давно перестала жевать. Может, возмёмшь кусочек фрукта на загладочку и пойдёшь прогуляешься со мной по холодку?..

Такой нежности в голосе Хафтора Ки не слыхала ещё ни разу. Снизу вверх она заглянула ему в глаза и увидела, что он переживал унижение, выпавшее ей на долю, едва ли не острее её самой.

Она сделала было движение подняться, но спохватилась и оглянулась на Нильса. Раздражение вновь нахлынуло на неё: она понимала, что остальные истолкуют её взгляд так, как будто она испрашивала у старика разрешения. Кора тоже посмотрела на Нильса. Тот пробормотал что-то в ответ, и Кора едва заметно кивнула Ки. Ки поднялась, успев подивиться страдальческому взгляду, который устремил на неё Ларс. Хафтор между тем нагнулся и выудил из большой чаши на столе две аппетитные груши. Одну он вручил Ки и повёл молодую женщину прочь из-за стола.

Снаружи стояла туманная осенняя ночь. Запахи, реявшие в воздухе, подсказывали Ки, что листья всё слабее держались на ветках. Скоро они усыпят всю землю долины золотом, облетевшим с тополей и берёз, и на это золото там и сям прольётся багрянец ольхи. Земля затвердеет от заморозков; как славно будет рано утром катить по дороге, ещё не успевшей размякнуть от дневного тепла. Ки оставалось только гадать, как скоро она сможет двинуться в путь по этим дорогам. Кора ведь пообещала отпустить её, как только завершится это самое «исцеление». Надо будет переговорить с нею наедине. Когда ей наконец скажут, что всё в порядке и можно уезжать? Через три дня, когда справят Обряд Покаяния? Или придётся ещё ждать, пока каждый из них не нанесёт своим гарпиям по визиту и не вернётся удовлетворённым?.. Ки вонзила зубы в свою грушу...

— Горько, — тихо проговорил подле неё Хафтор. Ки, успевшая почти позабыть о его присутствии, отрицательно замотала головой.

— Моя сладкая, — возразила она и протянула ему свою грушу, предлагая попробовать.

— Да я не про грушу, — сказал Хафтор. — Ки, почему ты решилась вытерпеть сегодняшнее застолье?

Ки откусила ещё кусок груши и медленно прожевала. Она не знала, как следовало ответить ему. Если она правдиво расскажет о том, что ею руководило, не пойдёт ли для него насмарку грядущий Обряд?.. А значит, и ей помешает отвоевать своё право уехать?..

— Кора попросила меня, — сказала она осторожно.

— Кора попросила!.. — фыркнул Хафтор и запустил огрызком через весь двор. — Неужто они в самом деле решили укротить тебя и приручить для блага семьи? Чего доброго, скоро оленя попробуют в плуг запрягать...

— Всё... всё обстоит не совсем так, как кажется со стороны, Хафтор.

— А когда всё на самом деле было так, как кажется со стороны? С моей или с твоей, всё равно. Слушай, Ки, уезжай прямо сегодня. Я помогу тебе запрячь коней и дам тебе сколько надо припасов из своей кладовки. Уезжай, пока они там чешут про тебя языками. Я ни полслова никому не скажу о том, куда ты уехала. Я и дорожку знаю, о которой никому из них не догадаться. Уезжай, пока это ещё возможно... Так сделал мой отец. А потом — Свен. Это место — не для тебя...

— А ты?.. — озадаченно спросила Ки. Хафтор уже во второй раз заговаривал о чём-то подобном, и, наверное, неспроста.

Хафтор угрюмо, коротко рассмеялся.

— Я?.. Я, Ки, просто трус. Твой Свен, тот с самого начала наотрез отказался посещать гарпий и так ни разу к ним и не ходил. Кора тебе говорила об этом? Полагаю, что нет. Ещё бы. Для неё это была настоящая душевная рана: как же, сыночек не ходит с ней повидать дедушку и бабушку, умерших ещё до его рождения, а с ними и покойного батюшку. Да, у Свена даже в детстве была завидная воля. Мне бы хоть частичку его мужества... Ты знаешь, никого ведь нельзя вынудить ходить к гарпиям силой. Вот Свен и не ходил. И был по-настоящему жив. Точно так же, как теперь он по-настоящему мёртв...

Это были жестокие слова, и Ки отвернулась. Хафтор попросту взял её за плечи и поставил к себе лицом.

— Знаешь, Ки, это похоже на яд... Нет, наверное, не на яд. Это... просто ты точно знаешь, что сразу помрёшь, если у тебя это отнимут. Я сам это понял только после того, как твой бунт во время Обряда принудил всех к воздержанию, меня в том числе. И готов спорить, что многие согласились бы со мной, правда, хотел бы я посмотреть на того, кто отважился бы высказать это Коре в лицо. Ты думаешь, они все прямо так и побегут назад к гарпиям,

Обряд там или не Обряд?.. Ой нет, Ки. За эти несколько недель они, скажем так, начали просыпаться. Оживать. И поняли, что в этом что-то есть. Руфус, например, обнаружил, что очень даже неплохо управляется по хозяйству. Хотя теперь его покойный папаша уже не советует ему, что делать с таким-то полем и какого бычка резать, а какого оставить. А посмотри на Лидию! Наконец-то девчара распрямилась. Её мать уже семь лет как в могиле, а её дочку пилила, совсем затюкала бедняжку. А Ларс?.. П. р. нишка вдруг обнаружил, что брак объединяет не только плоть и наследные земли, но и сердца. Ты вернула в наши жизни горечь и остроту переживания, а значит, мы заново обрели способность видеть светлые стороны. Меня, например, ты пробудила ото сна, длившегося целых шестнадцать лет. С тех самых пор, как меня сюда привезли и Кора, желая утешить сиротку, повела меня к гарпиям на встречу с отцом. И с того первого раза надела мне на шею ошейник. Я и помыслить не мог о том, чтобы покинуть единственное на всей земле место, где мой отец для меня был по-прежнему жив. И всё же... — Хафтор молчал некоторое время, борясь с собой. Потом заговорил снова: — Она так и не поняла, что со мной сделала. Она думает, я был слишком мал и не помню, как было до этого. А я помню. Нет, Ки, я не возненавидел её. Но и уважать себя, как когда-то, больше не могу. То, что я делал по её требованию... то, с чем я примирялся по её указке... — Хафтор снова замолчал и только тряхнул головой, не договорив. Потом кашлянул, прочищая горло. — Ки, — сказал он, — Кора просила тебя поучаствовать в Обряде, ведь так? Значит, она хочет приучить тебя к гарпиям. А теперь ответь мне, Ки, на один вопрос. Если бы тебе представился случай ещё раз обнять Свена... прижать к себе тёплое тельце маленькой Риссы... дёрнуть за нос малыша Ларса, чтобы не нёс чепухи... решила бы ты после этого уехать из Арфистова Брода?..

Сумерки делали глаза Хафтора двумя тёмными дырами в белом пятне лица, застывшего в каких-то дюймах от лица Ки. А вокруг было холодно и темно. Вопль одиночества, уже звучавший сегодня в её душе, вновь отдался эхом в мозгу. Вернуть их. Обнять. Ощутить их

объятия. Чтобы тёплое дыхание Свена опять коснулось щеки...

— Кости, — сказал Хафтор. — Кости и плоть, источенная червями. Гарпии придают им видимость жизни, продают их нам за кусок мяса, да ещё и управляют нами к своей выгоде. «Да, да, Руфус, разводи побольше скота», — говорит ему его мёртвый отец. Гарпии ненасытны. Отведи побольше земли под пастбище. Прикупи коров. Зачем возиться с овцами? Телёнок больше барашка. Как раз то, что голодной гарпии надо...

Сердце Ки бешено заколотилось. Она рывком сбросила руки Хафтора со своих плеч и отступила на шаг.

— Если бы это было правдой, Кора не стала бы...

— Верно, Кора никогда не совершила бы такого злодеяния, — кивнул Хафтор. — Я имею в виду, сознательного злодеяния. Но она стара и к тому же вообще не знает, что можно жить как-нибудь по-другому. Ну так что, велим старухе отказаться от её веры и признать, что через несколько лет, когда придёт её срок, она умрёт по-настоящему, навсегда? — У Хафтора перехватило горло, Ки показалось, что он готов был всхлипнуть. — Она же думает, что и сама будет вновь приходить. Да кто сумеет устоять перед подобным искушением? Сам-то я в это не верю... Но не верю, Ки, и в то, что ты, раз попробовав, сумеешь себя одолеть. И поэтому я говорю тебе: уезжай! Уезжай, как уехал бы и я, будь я хоть немного сильней...

— Я дала Коре слово, — ответила Ки, выталкивая из себя каждое слово, словно обледенелый булыжник. — Я не могу. Пока не могу.

— Значит, никогда не уедешь, — упавшим голосом подвёл итог Хафтор. — Значит, зря я тут распинался и собирался с духом, чтобы посоветовать тебе уехать. Понимаешь... если бы я сбежал из Арфистова Брода, мне пришлось бы самому нести ответственность за свою жизнь и за те решения, которые я принимаю. Я не мог бы больше кивать, мол, дух отца мне так нашептал. Пришлось бы самому держать ответ за всё, что я сделал... и за всё, что не сделал. Итак, ты остаёшься... Честно говоря, это меня отнюдь не печалит. Если бы ты решила уехать, я сам под-

гонял бы твоих коней в темноту... но мне очень не хватало бы тебя, Ки.

Он потёр обеими ладонями лицо, словно пробуждаясь от долгого сна. Потом потянулся... и вдруг схватился за поясной кошель:

— Ох, я же совсем забыл! Марна ужасно стесняется, так что велела мне... — Он повозился, с трудом нащупывая впотьмах завязки кошель. Что-то смутно блеснуло при свете луны. — Вот, — сказал Хафтор. — Серебряный гребень для твоих волос. И браслет на руку.

Ки взяла с его ладони чудесные серебряные вещицы. Они были тёплыми — нагрелись от тела. Спинка гребня была сделана в виде ветвистой, симметрично вьющейся лозы. Ки повернула гребень так, чтобы падал свет, проникавший из-за двери. Серебро так и заиграло в её руках. Браслет был массивней и чем-то напоминал молнию, свёрнутую в кольцо. Ки взвесила на руке то и другое.

— Я никогда не ошибаюсь, угадывая вес, — сказала она Хафтору. — Здесь всё серебро, что было в той моей кружке. Почему Марна ничего себе не взяла?

— Не захотела, и всё, — ответил Хафтор. — Наградой ей была сама работа. Ей так редко выдаётся случай дать волю фантазии и всё сделать по своему усмотрению...

— И всё-таки немалая радость творцу видеть своё творение всегда, каждый день, — сказала Ки. Нагнув голову, она поцеловала браслет. Потом крепко ухватила широкое запястье Хафтора и мигом заключила его в серебряное кольцо. Хафтор покачал головой и попытался стащить браслет, но Ки со всей твёрдостью накрыла его руку ладонью. — Старая уловка ромни, — сообщила она мужчине. — И притом замечательная. Если ты вернёшь мой подарок, значит, откажешься и от моей любви, которая, стало быть, тоже тебе ни к чему!

— Поэтому ты и поцеловала?..

Она кивнула. Как славно было опять улыбаться и с лёгким сердцем кому-то что-то дарить. Ки только подивилась про себя тому, как долго, оказывается, она не испытывала подобного.

— Попался, значит. Придётся принять, — сдался наконец Хафтор.

— Вот так-то лучше. Надеюсь, этот браслет будет вам с Марной напоминать обо мне, когда я уеду. Потому что я уеду, Хафтор. Вот посмотришь, уеду.

В вечерней темноте возник прямоугольник света. Юный Эдвард с топотом выбежал на крыльцо.

— Ки!.. — закричал он тоном, не терпящим возражений. — Нильс велит тебе зайти в дом, он хочет спокойной ночи тебе пожелать!..

— Иду, — отозвалась Ки, но Эдвард так и не ушёл с крыльца — остался стоять, глядя в её сторону. Повернувшись к Хафтору, Ки обречённо мотнула головой и последовала за мальчиком вовнутрь. Хафтор пошёл следом — она слышала его шаги.

Свет в комнате ослепил её привыкшие к полумраку глаза, а гул голосов после тишины двора больно резанул уши. Даже звон в ушах, всё время донимавший Ки, словно бы сделался громче. Эдвард стал протискиваться между занятыми беседой людьми, пробираясь туда, где во главе стола в одиночестве сидел Нильс. Жестом отпустив мальчика, старец кивнул Ки, приглашая её занять место рядом с собой. Ки села и, отпихнув в сторону грязные тарелки и вилки, опустила локти на скатерть.

— Ну так что, старец?.. — спросила она без обиняков. Нильс хмыкнул.

— А неплохо у тебя получилось... Нет, не улыбайся мне. Опусти глаза и смотри на стол, как будто я тебя поучаю. Кстати, поздравляю: у тебя и вправду отменно сильная воля. Кора, например, не сомневалась, что гордость пересилит и ты удерёшь из-за стола, чтобы не сидеть с детьми. Да, и ещё ты весьма вовремя удалилась с тем молодым человеком. Ты их заставила заново увидеть в тебе женщину. Женщину, которая может ошибаться, о которой можно посплетничать, за которой можно приударить... и которая даже может вполне безрассудно покинуть семейное застолье, чтобы потолковать с мужчиной наедине.

Ки зашипела, ибо от неё не укрылся оскорбительный подтекст этих слов, но Нильс рассмеялся, и никто ничего не услышал.

— Значит, ты на это не рассчитывала? — продолжал старик. — Впрочем, всё равно. Так или иначе, это окон-

чательно развязало все языки и здорово облегчило мой труд. Я уж вовсе молчу о чудесном гребешке, который ты с собой принесла: вот уж что надолго даст им отличную пищу для пересудов...

И он вновь рассмеялся, видя её смущение.

Ки подняла опущенные глаза и с холодным презрением посмотрела на старика. Нильс фыркнул и покачал головой, причём с неменьшим презрением.

— Иди-ка ты спать, Ки. Я вижу, ты безнадёжна. Ты из тех, кто ценит свободу и честь одного превыше общего блага. Ничему-то жизнь тебя не научила. Не могу только понять, почему Кора так стремится удержать тебя здесь. Ты дышишь таким ядом, что способна, чего доброго, всех здесь свратить с пути истинного. Как кусок тухлого мяса, брошенный в чистый родник...

И он махнул морщинистой старческой рукой, отсылая её прочь. Жест был такой, словно он отмахивался от надоевшего насекомого. Ки уже отодвигала свой стул, когда та же рука вдруг перехватила её запястье. Хватка была железной.

— И что же ты теперь будешь делать, Ки? Попробуешь свести на нет всё то, чего мы нынче добились?

Ки быстрым движением высвободила руку.

— Ты сам ответил на свой вопрос, старец. Да, я действительно ценю свою честь превыше общего блага. Именно поэтому я и не отступлю от данного слова. Проводи свой обряд, я не стану тебе мешать. Только не думаю, чтобы он оказался таким действенным, как ты надеешься.

И Ки ринулась прочь, ища уединения в своей спальне. Все оборачивались ей вслед, но остановить её никто не пытался. Только Руфус, стоявший у очага, быстро посмотрел на неё, а потом наклонился к Ларсу и грубо пихнул его локтем. Ларс, погружённый в какие-то мрачные раздумья, поднял голову и зло уставился на брата. Ки не слышала, что они сказали друг другу, только видела, что Ларс насутился и покраснел. Дверь спальни затворилась за ней...

Ки хмуро смотрела в темноту, царившую в кабинке фургона. В тот раз её отослали прочь, словно капризного ребёнка, да ещё и унизили перед этим. Ярость и непокорство снова воскресли в душе, вспыхнув даже с большей

силой, чем в ту далёкую ночь. Её вдруг охватила лютая ненависть к Нильсу и ко всему, что он отстаивал. Надо ей было тогда же восстать против него и в клочья порвать паутину, которую он так старательно ткал!.. Ки приподнялась и медленно села, не обращая внимания ни на сползшие одеяла, ни на беспощадное прикосновение холода.

Опираясь на локоть, Ки всматривалась в лицо Вандиена... Оно показалось ей непроницаемой маской. Закрытые глаза были двумя провалами тьмы, а тело — бесформенной выпуклостью на постели. Тогда, много лет назад, Ки из-за своей нерешительности стала пешкой в руках безжалостного игрока. Теперь этот номер с ней не пройдёт. Решения теперь принимает она. Она больше не плывёт по течению обстоятельств, а сама направляет их так, как ей угодно. Если Вандиен в самом деле заодно с гарпиями... Ки оскалила зубы и беззвучно зарычала во тьме. Она могла убить его прямо сейчас и разом отделаться от снедавших её подозрений. Легче лёгкого было бы перерезать ему, спящему, горло, а потом вытащить его мёртвое тело наружу и оставить его коченеть на обледенелой тропе. Если он действительно бродяга, за которого себя выдаёт, никто его и не хватится. А если он прислужник гарпий, значит, она просто нанесла первый удар и тем самым хоть как-то уменьшила чудовищное неравенство сил...

Между тем его грудь равномерно, заволакивающе приподнималась и опадала под меховым одеялом. Ки так и не протянула руку к ножу. Вместо этого она потихоньку заползла обратно в тепло, в их общее тепло. Вандиен хрипловато дышал и время от времени чуть слышно покашливал. Ки крепко зажмурилась: внезапные слёзы обожгли ей глаза. Ей вспомнились яйца гарпий, беззащитные в своём уютном гнезде. И вот опять то же самое!.. Какое бы зло ни готовился причинить ей в будущем этот мужчина, убить его таким образом она была попросту неспособна. Она будет спать вполглаза и держать ухо востро. Но никаких поспешных поступков. Поспешных и непоправимых.

Ки попробовала рассуждать разумно и здраво и принялась перебирать все свои подозрения. Что за случай привёл его в тот вечер к её костру и заставил напасть?..

Каков на самом деле был шанс встретить в столь безлюдном месте человека, да ещё помеченного знаком простёртых крыльев?.. Как ни крути, слишком немного в нём располагало к доверию. И всё же... всё же...

Ки забралась глубже под одеяло и в потёмках стала рассматривать его профиль. Она представила себе, как улыбаются под усами его губы, всегда готовые кольнуть её каким-нибудь насмешливым замечанием. И, прах победы, ей нравилось, как держали кружку его изящные пальцы, как они заставляли сплетаться узором этот его говорящий шнурок. Ей нравилось, как он шагал с ней в ногу, торя тропу лошадям. И та ненавязчивая лёгкость, с которой он, незванный, непрошенный, вписался в её одинокую жизнь. И некое чувство зашевелилось в её душе, чувство, которого она не испытывала так давно, что поначалу его и не признала. Когда же признала, то с омерзением подумала о собственном непостоянстве.

Она поспешно погнала прочь лишние мысли и перевернулась на другой бок, спиной к Вандиену. Потом закрыла глаза и более не шевелилась.

Вандиен молча лежал рядом с ней, глядя в потолок кабинки и гадая про себя, что бы всё это значило...

и проснулась при первом проблеске серого утреннего света. Трезвый, холодный воздух заставил её припомнить всю ту бессмыслицу, что вспоминалась и мерещилась ей накануне, и ужаснуться, до какой степени, оказывается, ею руководили сиюминутные чувства. Она откинула тёплое одеяло. Холод немедленно охватил всё тело. Бесшумно соскользнув с лавки, Ки принялась поспешно натягивать верхнюю одежду. Вандиен продолжал спать; во сне он закинул руку, прикрывая лицо. Ки потянула дверцу кабинки, и та неохотно отползла в сторону.

За ночь ветер утих. Снег лежал сугробами у фургонных колёс, белой подушкой покрывал сиденье возчика. Всё было тихо и неподвижно, только мороз весьма заметно окреп. Высокое и чистое небо отливало далёкой бледной голубизной. В небе ничего не было видно. Ки внимательно осмотрела ту его часть, которая открывалась взору с сиденья, потом встала на мёрзлые доски и обозрела всё небо целиком. Ничего. Ни облачка, ни зловещего крылатого силуэта.

Ки облегчённо вздохнула... И тут на глаза ей попались два серых холмика в снегу, две неподвижно лежавшие туши.

— Проклятье!.. — заорала она и, соскочив вниз, со всех ног бросилась к ним. Оба коня сейчас же вскочили на ноги, зафыркали и шарахнулись прочь, напуганные её неожиданным криком. Ки с облегчением расхохоталась. Они попросту спали, улёгшись ради тепла. Ки ласково заговорила с ними, подманивая горсткой зерна. Тяжеловозы подошли сперва осторожно, потом осмелели и радостно захрустели зерном, подбирая его губами прямо с ладоней. Она стащила с них попоны, подвела обоих к передку фургона и стала сноровисто запрягать.

Этой ночью Ки неожиданно для себя самой обрела железную решимость. Она поедет вперёд. Она одолеет проклятый перевал и доставит свой груз в целости и сохранности. И пусть пеняет на себя та гарпия, которая попробует встать у неё на пути. Та гарпия... и тот человек. Ки свалила конские попоны на сиденье и закуталась в них, прикидывая, может ли мороз усилиться ещё.

Ветер успел стереть позади фургона все намёки на колею. Дорога тянулась вперёд и вперёд по горному склону, и крохотные сугробы, усеивавшие её, не представляли никакого затруднения для могучих коней. Ки потянулась, хрустнув плечами, и тронула упряжку. Колёса покатались почти бесшумно, продавливая тонкий слой снега. Управлять конями почти не было необходимости. С одной стороны дороги зияла почти отвесная пропасть. С другой — вздымался голый откос...

Ки слышала, как позади неё отворилась дверца кабинки. Она обернулась: Вандиен вылез наружу, щурясь на яркую снежную белизну и потирая ладонями лицо.

— Чего доброго, к полудню сегодня минуем Сестёр, — сказал он удовлетворённо. И тотчас же закашлялся, мучительно согнувшись пополам. Когда приступ отпустил, Вандиен поспешно перелез через сиденье и уселся рядом с Ки, заворачиваясь в свободную попону. Устроившись в необъятной попоне, точно в гнезде, и немного отдышавшись, он указал вперёд, туда, где дорога, казалось, обрывалась прямо в пустоту: — Вон за тем поворотом мы снова увидим Сестёр. Правда, в такой близости они выглядят просто как два здоровенных каменных пальца... После Сестёр дорога какое-то время ещё тянется поперёк склона, потом уходит за плечо горы и оттуда уже вниз. Ох, до чего охота поскорее увидеть тот склон... — Вандиен умолк, а потом начал посвистывать — просто так, безо всякой мелодии. — Есть хочешь? — неожиданно обратился он к Ки.

Та кивнула, и он нырнул обратно в кабинку. Ки слышала, как он открывал шкафчики и шарил по ящикам.

— Там, над окошком, на полке, лежит сыр в тряпочке! — окликнула его Ки.

Вандиен вернулся, держа впереди себя деревянное блюдо с кусками сыра, нарезанной колбасой и двумя большими

ломтями чёрствого хлеба. Вся еда была, конечно, холодной, и оттого её было трудно разжёвывать. Ки ела рассеянно, следя одним глазом за конями, а другим — за дорогой. Крутой поворот, на который указывал ей Вандиен, при ближайшем рассмотрении оказался не таким уж и крутым. Дорога плавно огибала выступ горы. Однако по мере того, как она заворачивала, снег становился глубже. Его слой делался всё толще буквально с каждым оборотом колёс. Как видно, в этом месте ветер не сдувал снег с дороги, а, наоборот, усиленно забивал им узкий карниз. Покамест серые одолевали его без большого труда, но у Ки в душе росло беспокойство. Всё утро она дивилась благосклонности судьбы, даровавшей ей почти бесснежную дорогу под небом, в котором не было гарпий. Теперь же ей казалось: самец-гарпия знал, что делается на перевале, и нарочно ждал, пока она как следует завязнет в снегу, чтобы тогда-то ударить уже наверняка. Ки стиснула зубы и прищурилась — снег блестел ослепительно ярко. Лицо у неё совсем замёрзло, нос то и дело немел, а ресницы смерзались каждый раз, когда ей случалось моргнуть. Приехали, стало быть. Жестокий мороз, снег выше крыши... и гарпия над головой. Оставалось только надеяться, что отчаяние придаст сил...

В настоящий момент самым скверным был глубокий снег. Громадным тяжеловозам едва удавалось поднять ногу достаточно высоко, чтобы сделать следующий шаг. И снег этот с каждым шагом делался всё глубже. Колёса опять начали проскальзывать, фургон двигался рывками, и Ки слышала, как он то и дело задевал днищем макушки сугробов. Вскоре колёса больше скользили, чем катились вперёд. Кони спотыкались и грудью ломились через сугробы. Дёргал то один, то другой, так что от прежнего слаженного хода упряжки остались одни воспоминания. Когда Ки остановила их, над серыми спинами за клубились струйки тёплого пара.

— Вот они, Сёстры!.. — глухо прозвучал голос Вандиена. Он до предела натянул на голову капюшон и старался прикрыть им нижнюю часть лица. Ки подняла глаза...

Они высились впереди, нависая над дорогой. Скоро фургон пройдёт прямо под ними. Как и предсказывал Вандиен, они более ничем не напоминали двух обнявшихся

женщин, представших их взорам с дороги несколькими днями ранее. Теперь это были всего лишь два выступа блестяще-чёрного камня, вздымавшиеся высоко над головой Ки. Глубокий снег почти достигал их подножия... Ки смотрела на них снизу вверх, и по спине у неё гулял холодок. Сёстры возвышались над ней, совершенные и непреклонные в своём вечном бдении. Они охраняли дорогу, и единственным чувством, которое Ки могла бы теперь им приписать, была настороженная бдительность. Ни красоты, ни любви, от которых замирало её сердце там, далеко внизу. Ей было страшно ехать мимо них... у них на виду. Она поняла, как прав был Вандиен в своём нетерпении скорее миновать их и оказаться уже на спуске с перевала, по ту сторону.

Ки снова тронула коней с места, однако всего через несколько шагов кони разом споткнулись, едва не упав. Они быстро выправились, с трудом задирая копыта на какой-то порожек, скрытый под снегом. Ки с некоторым удивлением следила за тем, как серые выбирались на ровное место, — там, повыше, снег был не так глубок, как внизу. Сбруя заскрипела, приноравливаясь к необычному напряжению: до сих пор коням редко случалось быть выше фургона. Потом передние колёса с треском ударились о невидимую ступеньку. Серые осели на задние ноги, едва не разорвав упряжь. Вандиен, не ожидавший толчка, с испуганным вскриком схватился одной рукой за сиденье, другой — за плечо Ки.

— Что ж ты заранее не сказал, что тут такие кочки?.. — успокоив растерявшихся тяжеловозов, зарычала на него Ки.

— Летом дорога здесь гладкая, точно деревянный настил, — ответил он смущённо. — Понятия не имею, на что мы налетели!

Они устали друг на друга, потом осторожно спустились с сиденья и принялись разгребать перед колёсами снег. Под снегом обнаружился невесть откуда взявшийся ледяной горб. Ки задрала голову, разглядывая над собою обрыв: может быть, там протекал какой-то ручей? Ручья не было видно, зато с другой стороны фургона послышалась ругань Вандиена.

— Снежная змея!.. — сказал он и мрачно плюнул под ноги. — Похоже, она приползла с той стороны перевала, а потом передумала и решила вернуться. Наверное, нарочно затем, чтобы подсунуть нам свой след. Поистине, Богам наплевать на нашу жизнь...

Ки не ответила, разглядывая препятствие. Даже под скрывшим его слоем снега выглядело оно устрашающе. «Порог», который пришлось одолеть коням, доходил Ки до колена. Тяжеловозы беспокойно переминались: упряжь тянула их вниз и назад.

— Нужно прорубить... — сказала Ки. — Тогда кони втянут фургон наверх...

— И — кувыркком с той стороны! — обозлился Вандиен. — Это след большой змеи, Ки! Надо думать, она всю дорогу впереди испоганила. Этот порожек здесь — всего лишь начало. Если тварь так и ползала туда-сюда по дороге, готовься к тому, чтобы топора из рук не выпускать до того склона. А если она ползла прямо, значит, этот горб так и будет тянуться слева либо справа. Неужели тебя прельщает перспектива ехать двумя колёсами по льду, в то время как два других будут вихляться и застревать в глубоком снегу?..

Ки промолчала. Уминая снег, она вернулась к фургону за попонами для коней и своим дроворубным топориком. При всём своём упрямстве она сознавала, как ужасающе мал был её топорик для того дела, которое ей предстояло. Сколько же времени это займёт?..

Она не стала распрягать коней, лишь отстегнула упряжь от фургона. Потом укрыла тяжеловозов попонами, добавив к ним свои собственные старые одеяла. Лучше не давать им остывать после целого утра тяжёлой работы, особенно на подобном морозе. Ки отмерила им зерна, чтобы серые не скучали... Вандиен смотрел на неё, явно не веря в серьёзность её намерений. Вот Ки прошла несколько шагов вперёд от того места, где стояли её кони... и неожиданно по самые бёдра провалилась в глубокий снег. Серые с любопытством наблюдали за хозяйкой — та барахталась в сугробе, выбираясь обратно наверх.

— Спуск тоже прорубим, — поднимаясь на ноги, сказала она невозмутимо.

— Да ты с ума сошла, женщина! — вырвалось у Вандиена. — Неужели ты до сих пор думаешь, что сумеешь проташить фургон через перевал?.. Она кивает! Боги, будьте свидетелями: она мне кивает!..

Ки не обратила никакого внимания на его возмущение. С топориком в руках она вернулась к фургону и принялась утаптывать рыхлый снег перед колёсами. Сидя на сиденье, Вандиен что-то негромко говорил на языке, которого она не понимала. Ясно было только, что он цветисто ругался. Ки немного послушала, отдавая должное его красноречию, и взялась за работу.

Топорик раскалывал лёд, но не входил глубоко. Величина отлетающих осколков заставила Ки сперва впасть в отчаяние, потом — ускорить работу. Она слышала, как Вандиен слез с фургона. Она покосилась на него. Он ответил ей кровожадным взглядом и принялся отгребать в сторону снег и колотый лёд. Они не стали ничего обсуждать, просто как-то само собой вышло, что топориком орудовал то один, то другой. Ки рубила некоторое время, потом передавала топор Вандиену и начинала оттаскивать лёд. А когда выдавалась хоть маленькая передышка, оглядывала синие морозные небеса...

Солнце стояло уже высоко над головой, когда Ки снова пристегнула конскую упряжь к передку фургона. Спуск и подъём, которые они с Вандиеном прорубили во льду, оказались довольно крутыми: беднякам тяжеловозам потребовалось выложиться без остатка. Ки тянула под уздцы едва не падавших на колени могучих коней, уговаривая подналечь ещё чуть-чуть. Вандиен обошёл фургон сзади и упёрся в его корму, пытаясь хоть как-то помочь. Кони тянули что было силы, раздувая ноздри и вращая глазами... Ничего не вышло. Ки остановила их и долго успокаивала, ласково глядя. Потом велела им попробовать ещё раз...

Она уже потеряла счёт бесплодным попыткам, когда колёса неожиданно закрипели и фургон — невероятно! — двинулся на подъём. Ки сразу потащила коней вперёд, не позволяя им передышки, с тем чтобы фургон успел набрать хоть какую-то скорость. И это ей удалось: задние колёса застряли лишь на мгновение и тоже вкатились, проворачиваясь и скользя, на ледяной горб.

Ки остановила тяжело отдувавшуюся упряжку...

— Готово! — крикнула она Вандиену. И побежала к корме фургона, желая удостовериться, всё ли в порядке. И... остолбенела.

Вандиен, сложив на груди руки, стоял в глубоком снегу, из которого они только что с таким трудом выдрались. На физиономии парня читался вызов — и торжество. За его спиной в сугробах виднелись три мешка соли и оставшиеся мешки с зерном. Не веря собственным глазам, Ки крутанулась на месте: задняя часть фургона была и вправду почти пуста. Только тут до неё дошло, почему после стольких неудач кони ни с того ни с сего вдруг взяли и всё-таки вкатили фургон.

— Мой груз... — прошипела она, наступая на Вандиена.

— ...прекрасно доедет и у тебя в кармане, — перебил он. — Не понимаю, зачем рисковать жизнью ради глупого притворства?.. Я оставил два мешка с зерном и все дрова. Этого хватит, чтобы одолеть перевал. Одолеть живыми!

Тёмные глаза Вандиена смело встретили её испепеляющий взгляд, и к вызову бесстыдно примешивалось веселье. Ки еле удержалась, чтобы не покоситься на кабину фургона. Вандиен заметил это и ухмыльнулся, сдаваясь:

— Да там он, там, твой мешочек. Если бы я хотел его стащить, я бы давным-давно это сделал. И уж точно не стал бы тебе сознаваться. Кажется, я уже говорил тебе однажды: я не вор по натуре. А впрочем, проверь, если хочешь. Я не обижусь.

Ки продолжала всё так же смотреть на него. Прах бы побрал этого парня!..

— Я, в общем, не возражаю против притворства, — продолжал Вандиен. — Но только до тех пор, пока оно ничьей жизни не угрожает. А если угрожает, да притом моей собственной, — тут уж я перехожу к действиям!

Он склонил голову к плечу и слегка поднял брови — ну, мол, разве же я не прав?..

Ки так и не улыбнулась.

— Погрузи обратно ещё мешок зерна, — велела она. — Когда речь заходит о моей упряжке, я, знаешь ли, предпочитаю перестраховаться. И потом, держать их впро-

голодь — значит опять-таки подвергать опасности твою жизнь...

И она повернулась на каблуке.

Когда Вандиен прошёл к передку фургона, она уже вовсю трудилась, прорубая спуск. Заново укрытые попонами тяжеловозы искоса наблюдали за двоими людьми, рубившими лёд, а люди то и дело встревоженно поглядывали на небо. Вандиен хмурился: солнце слишком быстро двигалось по небосводу, унося с собой свет. Ки, наоборот, была скорее довольна — ведь синева над головой по-прежнему оставалась пустынной...

Когда наконец спуск был готов, Ки осторожно повела по нему упряжку, и коням потребовалось всего несколько шагов. Предварительно она поставила фургон на тормоз, и Вандиен, сидя на качающемся и прыгающем сиденье, изо всех сил держал готовую соскочить рукоятку. Кони опять оказались почти по брюхо в снегу и принялись отчаянно проламываться вперёд, чтобы фургон не наехал на них сзади. У Ки ёкало сердце: и серым, и фургону приходилось несладко. Когда спуск благополучно остался позади, Ки остановила упряжку, чтобы наскоро проверить колёса и особенно оси. Снег почти достигал днища фургона, и ей не удалось почти ничего рассмотреть.

Ки стащила с коней попоны, и они с Вандиеном забрались обратно на сиденье. Ки тряхнула вожжами. Тени коней синели на белом снегу. Серые налегли, хотя и без большой охоты, и фургон двинулся дальше. Ки ощутила ветерок, тянувший прямо в лицо, и на сердце у неё немного полегчало. Оставалось только молиться, чтобы ветер снова разошёлся как следует. По ней, лучше уж громоздящиеся сугробы, чем гарпия, падающая с небес...

Какое-то время всё шло хорошо. Фургон катился вперёд, прижимаясь к скале, где снегу было поменьше. Чем ближе к обрыву, тем толще делался его слой; на самом краю вздымалась настоящая стена из снега и льда. Она скрывала пропасть от глаз Ки и, по счастью, — саму Ки от порывов ветра, разгулявшегося уже не на шутку.

Они всё ближе подбирались к Сёстрам, и вот уже фургон пробирался прямо под ними. Ки изо всех сил выворачивала шею, разглядывая Сестёр, однако утёсы были

слишком отвесны, и к тому же солнце било прямо в глаза. Ей никак не удавалось рассмотреть даже макушки Сестёр, не говоря уже о верхней части утёса. Пришлось довольствоваться изучением камня, из которого они состояли. Скала была блестяще-чёрной, но, как ни странно, не отражала никаких бликов от лежащего кругом снега. Её тёмный блеск больше напоминал Ки гладкое полированное дерево. Когда рассматриваешь такое дерево, тоже кажется, что заглядываешь в его глубину.

Тут вожжи в её руках дёрнулись, и мысли Ки разом вернулись к дороге и лошадям. Оказывается, Сигурд присел на задние ноги, чуть ли не упираясь крупом в передок фургона. Что-то мешало ему продвигаться вперёд. Пришлось остановиться и Сигмунду. Ки покосилась на Вандиена: мужчина сидел крепко сжав губы и явно прилагал усилия к тому, чтобы промолчать. Ки в который раз соскочила наземь с фургона, собираясь брести по снегу вперёд, — надо же посмотреть, что там произошло. К её изумлению, снег легко выдержал её вес. Вместо того чтобы провалиться по колено, она осталась стоять почти вровень с подножкой. И Ки поняла: то, что казалось ей высоким сугробом, тянувшимся вдоль внешнего края дороги, в действительности представляло собой ледяной горб, слегка припорошенный снегом. Ки прошла по нему до того места, где он неожиданно изгибался в сторону, загораживая Сигурду путь. Ки посмотрела вперёд. Дальше этот горб тянулся как раз посередине дороги. Между ним и стеной ещё оставалось какое-то место, но фургон там проехать уже не мог.

— Змея, — принялся объяснять Вандиен, — как видно, доползла досюда вдоль внешнего края дороги. А в этом месте, руководствуясь какой-то причиной, нам неизвестной, предпочла середину. Если встать во весь рост на сиденье... — что он и сделал незамедлительно, — ...можно убедиться, что горб так и тянется ровно посередине, докуда хватает глаз. А впрочем, начинает темнеть, так что глаз хватает не особенно далеко. Заметно, однако, что ни по ту, ни по другую сторону горба фургону не поместиться. Таким образом, делается ясно, что в фургоне перевала не одолеть. Тем не менее для мужчины или женщины верхом

наконец это не составит большого труда. Как уже и доказывал один из нас другому несколькими днями ранее...

— Заткнись! — оборвала его Ки с такой бешеной яростью, что даже кони дёрнулись в сбруе. Повернувшись спиной к Вандиену и серым, она молча разглядывала безнадежно испорченную дорогу. Всё правильно: она стояла на гигантском ледяном валу, который — тут Вандиен был прав — так и тянулся вдаль, извиваясь посредине дороги. Ветер летел ей в лицо, шевеля одежду. Усилятся ли он настолько, чтобы обезопасить её от гарпии?..

— Поднимается ветер, — словно прочитав её мысли, проговорил Вандиен. — Как бы нас тут совсем снегом не замело. Небо, может, и ясное, но наверху, в горах, снега более чем достаточно, чтобы засыпать нас с головой...

— Я сказала, заткнись, — повторила Ки, хотя уже и не так резко. Застарелая усталость навалилась на неё, мешая соображать. Тени скал вдруг показались ей ещё темней прежнего, а Сёстры — ещё величественней и угрюмей. Она посмотрела на тяжеловозов, устало свесивших головы. Новых подвигов от них требовать сегодня нельзя.

— Заночуем здесь, — наконец сдавшись, сказала она.

Ночью она обязательно что-нибудь придумает, но сейчас им всем нужен был отдых. Тяжело ступая, Ки вернулась к фургону и потянула к себе сложенные попоны. Но Вандиен, сидевший на них, не пошевелился. Он хмуро посмотрел на неё, и лицо у него было белое.

— Ки, — выговорил он почти умоляюще. — Мы не должны устраиваться здесь на ночлег. Сюда как раз падает тень Сестёр. Даже те, кто просто проезжает мимо, навлекают на себя их немилость. Любой сказитель по ту сторону гор рассказал бы тебе про них такое!.. Помнишь, я как-то упоминал эти легенды? Так вот, я клянусь тебе, что это не выдумки, а сущая правда. Остаться здесь на ночь — это верная смерть!

— Ну да, смерть, если замёрзнуть. Или вовремя не закусать коня попоной, чтобы он простудился и стал кашлять. Не удивлюсь, кстати, если окажется, что другие люди помирали здесь от болтовни...

— Ки... — Вандиена так и трясло, наполовину от холода, наполовину оттого, что он сам чувствовал тщету

своих уговоров. Он крепко прижимал локти к бокам: сдерживал то ли дрожь, то ли желание огреть её по лицу. — Ещё раз прошу тебя...

— Мы поедem дальше В ФУРГОНЕ,— резко перебила Ки.

Она видела, как округлились его глаза, а по углам рта напряглись мышцы. Вконец обозлившись на него, она изо всех сил рванула попоны, но выдернуть их не удалось, она свирепо вскинула глаза... и увидела сжатый кулак Вандиена, падавший ей на темя. Синяя молния взорвалась у неё в голове. Некоторое время она ещё слышала затихающий голос Вандиена, доносившийся откуда-то издалека:

— Что случается с часовым, когда больше нет нужды охранять? Что бывает со сторожевым псом, чьи хозяева переехали в другой дом, а его так и позабыли на цепи? Кто-то умрёт от одиночества, кто-то разорвёт цепь и станет жить сам по себе. Но тот, кто знает только одно: сторожить, чьи предки бессчётными поколениями только ради этого и существовали, тот, чьё сознание исчерпывается единственной мыслью — защищать проход... такое существо останется на своём посту и будет стеречь, столетие за столетием, хотя бы в веках истёрлась даже и память о народе, который он когда-то охранял. Такой страж будет караулить и караулить, сам не зная кого и от чего... или два таких стража...

Голос Вандиена перешёл в неразборчивое извиняющееся бормотание, а потом и вовсе умолк. Глубокие воды сомкнулись над головой Ки. Она утонула в них. Глубокие, тёмные воды, населённые знакомыми ужасами, бурлили кругом. Она хорошо знала каждое жуткое воспоминание, проплывавшее перед нею. В некотором смысле она словно бы попала домой, но это был дом с привидениями. Ки плыла по течению. Она знала, что все эти сны уже снились ей раньше. Когда-то, в другое время, в другом месте ей уже случалось застревать здесь. Только на сей раз она знала, как выбраться. Нужно было просто открыть глаза. Просто открыть глаза. Но голова болела и кружилась, вдобавок Ки упорно казалось, что глаза у неё и так открыты. Она всё глубже уходила во тьму, во мрак и безвременье. И там-то наконец она открыла глаза...

Ки проснулась, когда вокруг было ещё совершенно темно. Слишком рано, чтобы вставать. Она прислушалась: все в доме до сих пор спали. Некоторое время Ки неподвижно лежала в постели, с большим облегчением разглядывая клочок звёздного неба, видимый в распахнутое окно её комнаты. Шевельнувшись, она поняла, что простыни совсем отсырели, и стала нехотя вспоминать сны, вогнавшие её в пот.

Она сумела припомнить лишь какие-то бессвязные обрывки, пронизанные ужасом и виной. И ещё: за ней всё время наблюдал Нильс. Нет, она не могла его видеть, но чувствовала его взгляд, его руки, силившиеся её удержать. Помнится, она отшвырнула его и удрала, пробежав мимо каких-то развевавшихся занавесей. Она мчалась по длинному тёмному коридору, с треском захлопывая за собой многочисленные двери. Когда же за ней затворилась последняя дверь, она увидела, что снова стоит у подножия утёса, того самого, где гнездились бирюзовые гарпии.

И вновь она упорно карабкалась вверх по скале, несмотря на то что откуда-то появилась Кора и стала хватать её за ноги, рыдая и умоляя не делать ЭТОГО. Ки лягнула её, и Кора покатилась вниз, расшибаясь о камни. Ки расхохоталась, но вместо смеха из горла вырвался свист гарпии. Она добралась до гнезда, и снова был огонь и яйца, лопающиеся в пламени. Но вместо нерождённых птенцов гарпии из-под скорлупы вывалились Свен, Рисса и Ларс — скорченные зародыши, омытые влагой и кровью. Поражённая ужасом, Ки так и не прикоснулась к холодным, мокрым тельцам, которые сперва корчились перед ней в тёмных лужах среди ошмётков скорлупы, а потом умерли один за другим, задыхаясь и тихо крича. Это она, Ки, убила их всех. Прилетела мать-гарпия, уселась на карнизе повыше Ки и стала голосом Ки оплакивать их смерть. Ки хотела крикнуть ей, что сожалеет, так сожалеет... и вновь издала всё тот же свистящий хохот, хохочущий свист. И сквозь весь этот ужас она явственно слышала шаги и тяжёлое дыхание Нильса, разыскивавшего её в темноте коридора. Он, впрочем, так её и не отыскал. Когда Ки почувствовала его приближение, когда начала открываться последняя дверь, она заставила

себя пробудиться. Она всё-таки победила. Одержала горькую маленькую победу...

Поднявшись с постели, Ки кое-как натянула на себя одежду и сунула ноги в поношенные башмаки. В сознании разгоралось свирепое пламя. Предчувствие тяготило её, предчувствие, с которым нельзя было не считаться. Старик таил в себе угрозу, смертельную угрозу для Ки. Чем скорее она окажется как можно дальше от него, тем лучше. Она заходила по комнате, собирая одежду и те мелочи, которые ей здесь принадлежали. Побросав вещи на смятую постель, она завязала их в узел. Хафтор был прав: пора уносить ноги. Прямо теперь. Она не взялась бы объяснять, что её гнало, не взялась бы назвать разумную причину для своего беспокойства. Просто готовилась к бегству, и всё.

Тише мыши пересекла она общую комнату; там было темно. Ки миновала ритуальную спальню, где ей пришлось спать в ночь Обряда... Оттуда доносилось бормотание старика, разговаривавшего во сне. Ки только ощерила зубы. Она добралась до наружной двери и тихо прикрыла её за собой.

В сарае тоже царила крошечная тьма. Ки ободрала голени о деревянный угол, споткнулась, но продолжала двигаться дальше. Ощупью она нашла свой фургон, забралась в кабинку. Разыскала на знакомой полочке трутницу и огарок свечи. Она бросила на спальную лавку свой узел и стала высекать огонь. Потом принялась приводить в походный порядок кабинку, и её движения были точны, хотя и проникнуты лихорадочной спешкой. Она вытирала пыль, встряхивала одеяла и шарила по сусекам, определяя, какая часть припасов ещё не успела испортиться. В муке ещё не завелись долгоносики, но травы для заварки пересохли, превратившись в безвкусную труху. Ки безжалостно выбросила их. У неё не было ни вяленого мяса, ни корешков, ни солёной рыбы, ни мёда, ни сала, ни сыра... У Ки ёкнуло сердце, когда она мысленно составила список всего, чего ей не хватало в дорогу. Сразу разболелась голова, в ушах зашумело. Ей потребовалось почти физическое усилие, чтобы отбросить страхи и сомнения. Она уезжает, это решено. Ничего. Уж как-нибудь она выкрутится...

Кое-как обиходив кабинку, Ки занялась другими делами. Конская сбруя, которой не пользовались несколько месяцев, казалось, окостенела. Ки щедро сдобрила её маслом, потом как следует смазала каждое колесо. Проверила оси и колёсные чеки. И с какой-то яростной радостью подумала о том, как быстро сумела справиться с каждым делом, так хорошо ей знакомым. Потом она попробовала придумать слова, которые она скажет Коре на прощание. Она любила старую женщину, несмотря ни на что. Но и прощать ей, что та изо всех сил поддерживала культ гарпий, более не могла. Она очень надеялась, что Кора поймёт. И ещё, что Хафтор сдержит данное слово и в самом деле снабдит её свежей провизией...

Когда Ки возвратилась в дом, серые рассветные сумерки наливались осенней синевой. Она успела провести своих коней: за несколько месяцев отдыха тяжеловозы нагуляли жирок и, как видно, соскучились по дальним дорогам ничуть не меньше хозяйки. Оба с охотой подбежали к ней, как только она их позвала.

Из входной двери навстречу Ки шагнул Руфус и остановился, загораживая ей дорогу. Взгляды, которыми они обменялись, были одинаково холодны. Руфус оскорбительно обозрел её с ног до головы. Потом посмотрел на дорожку, по которой она пришла, так, словно предполагал увидеть кого-то идущего прочь.

— У тебя вдовьи узлы в волосах растрепались, — заметил он двусмысленно.

Ки невольно потянулась рукой к голове:

— Я с утра их ещё не заплетала...

И она шагнула вперёд, желая войти в дом, но Руфус не отошёл в сторону.

— Тебе, похоже, поднадоело вдовство, — сказал он обличающе. — Я слышал, ромни обычно недолго горюют...

— Может, так оно и выглядит. Со стороны, — ответила Ки. — У НИХ... — она специально употребила это слово, — у НИХ нет установленного срока для траура. Они знают, что горе измеряется иначе.

Руфус с глубокомысленным видом сплюнул:

— Ты не находишь, что они удивительным образом обходятся без многих обычаев? Не устанавливают срока для

траура, не соблюдают никаких церемоний при уходе за ним, не совершают обрядов перед тем, как улечься вместе с постелью...

Глаза Ки нехорошо сузились.

— А у твоего народа вообще никакого траура нет. Обряд Отпущения — и всё!

Руфус отвечал ровным голосом:

— Зато, благодаря ему, нет и смерти, а значит, и горевать не о чем. Как правило...

Эти последние слова показались Ки двумя кривыми ножами. Руфус отступил наконец в сторону, сошёл с крыльца и протопал прочь по двору. Ки осталась смотреть ему вслед. Её распирала лютая злоба на этого человека, но ссориться было некогда. Сознание близкой опасности продолжало подстёгивать её...

Она вернулась в свою опустошённую комнату, чтобы расчесать и заново уложить причёску, заслужившую столь ядовитое замечание Руфуса. Ки хмурилась, затягивая узлы. Стало быть, Руфус вообразил, что она провела ночь в обществе Хафтора. И перешёл от ледяной вежливости к презрению. Ки передёрнула плечами. Да пусть его думает всё, что заблагорассудится. Скоро ей до всего этого уже не будет дела, а значит, и голову ломать не о чем. Лучше собраться с духом для предстоящего сражения с Корой. Да, думала Ки, это воистину будет сражение. Её решимость окрепла, и сразу улучшилось настроение. Она порвёт с ними, но сделает это честно и благородно. Да и Кора, надобно думать, не хотела бы другого прощания.

Извне между тем долетал шум просыпавшегося дома. Руфус оказался самой ранней пташкой, остальные же члены семьи поднимались только теперь. Ничего не скажешь, нынче они долго валялись — на улице уже рассвело. Ки набрала в грудь побольше воздуха и пошла в общую комнату.

Кора в одиночестве сидела за столом перед дымящейся кружкой, прихлёбывая из неё то ли густой суп, то ли жидкую кашу. Вот уж что вовсе не вызывало у Ки слюнотечения. Ничего. Скоро она раздобудет себе добрых трав для котелка и каждое утро будет заваривать себе на костре душистый, обжигающий чай... Предвкушение придало ей сил. Ки уселась напротив Кору за стол.

— Хорошо ли спалось? — вежливо осведомилась Кора и снова приложила к кружке, сделав несколько глотков. Лицо у неё было ещё совсем сонное.

— Не особенно, — напрямик ответила Ки. Хватит уже с неё пустой, ничего не значащей вежливости: настала пора вскрыть нарыв безо всякой пощады. Кора, однако, вроде бы и не заметила её тона.

— Мне тоже, — сказала она. — Какие сны нынче бродили по этому дому! Им следовало бы быть ласковыми и спокойными, как поучал Нильс. И вот, поди ж ты, — ворвался какой-то тёмный поток и увлёк своими мутными водами все мои сновидения, все мысли. Мне так не по себе, Ки! Рассудок подсказывает мне, что я не позаботилась о чём-то жизненно важном. Упустила какую-то решающую деталь... Вспоминаю, вспоминаю — и ничего. Только чувствую себя совсем старой развалиной...

— Быть может, я помогу тебе вспомнить, — безжалостно проговорила Ки. — Благо я-то день и ночь только об этом и думаю. Кора, твоё примирение уже совсем близко, и я хочу, чтобы ты меня отпустила.

Кора отставила кружку. Казалось, она только тут обратила внимание, что против неё за столом сидела именно Ки.

— Близко, но ещё не свершилось, — сказала она. — Ты помнишь, о чём мы договаривались?

— Помню. К большому сожалению, помню. Я сегодня с самого утра готовила свой фургон. Я хочу уехать.

— Вот как... и куда же ты поедешь?

— Своей дорогой.

Произнося это, Ки пристально всматривалась в лицо старой женщины. Его выражение не изменилось, лишь чёрные птичьи глаза так и впились в зелёные глаза Ки, словно надеясь выведать какую-то тайну.

— И кто же поедет с тобой? — спросила она.

— Никто! — взорвалась Ки. — И вообще, сколько можно ходить вокруг да около? Что ты подразумеваешь своими вопросами? Я хочу уехать, Кора! Я хочу в дорогу!..

— Я просто надеялась, — ответила Кора невозмутимо, — что ты найдёшь что-нибудь... или кого-нибудь, кто убедил бы тебя остаться у нас. Значит, этого всё-таки не случилось?

— Нет. Ничего. И никого! — Ки даже не пыталась скрыть своего отвращения к подобным материям.

Черты лица старой женщины обрели твёрдость.

— Вот что, Ки. Тебе не понравится то, что я тебе сейчас скажу, но я вынуждена сделать это для твоего же блага. Словом, которое ты мне дала, я обязываю тебя остаться здесь до тех пор, пока я не решу, что мы примирились с гарпиями. Всё-таки здесь для тебя есть кое-что, только ты в своём упрямстве никак не желаешь открыть глаза и увидеть. Я говорю о работе, Ки, о работе на земле, которую ты так хорошо делаешь. Я знаю, что тебе самой судьбой предназначено стать одной из нас. Я чувствую это. Свен сделал тебя моей дочерью, и я хочу, чтобы ты таковой и оставалась. Я не так уж много и требую от тебя, Ки. Всего лишь капельку терпения...

Ки поднялась. Лицо её было бледно, взгляд — страшен. Ей казалось, будто стены комнаты завертелись перед глазами, пододвигаясь всё ближе. Ей не хватало дыхания, чтобы заговорить, она чувствовала, как рассеивается, подобно туману, вся её решимость противостоять Коре, как распыляются все доводы разума, требовавшие немедленного отъезда...

— Пусть едет! — прозвучал неожиданный голос. — Эта женщина — смертельный яд для всех вас! Хотя нет, «пусть едет» — это слишком мягко сказано. Выгоните её! Швыряйте в неё камни, пока она не уберётся вон из долины! У неё не душа, а жуткий чёрный провал, полный тайн, которые она нипочём не желает раскрыть даже во сне! И ты хочешь бросить в эту прорву ещё одного из своих сыновей?..

Обе женщины рывком повернулись на голос и увидели Нильса. В то утро его внешний вид и походка вполне соответствовали возрасту — не то что накануне. Он выглядел очень утомлённым — ни дать ни взять, вовсе не спал. Он подошёл к столу и остановился, тяжело опираясь на сжатые кулаки. Обличающий взгляд устремлялся то на Ки, то на Кору.

— Она не хочет быть членом вашей семьи, неужели это не ясно? Она оставила свой киш нетронутым на столе, презрев дань нашей общности! По счастью, она уже вкуси-

ла напитка Обряда Отпущения и оттого не сумела полностью закрыть от меня своё сознание. Так вот, её сознание — это сущее логово ужаса, скопище непотребных деяний и чудовищных притязаний! На её совести такое, о чём мне и подумать-то даже грешно! И что самое страшное, она успела распространить свой яд и среди вас. Подумай, Кора, я не смог достучаться до твоих собственных сыновей!.. Увы, лишь немногие в этой семье поспешили прибегнуть к моим целительным снам. Холланд, умница, была как обиженное дитя, жаждущее утешения. Зато Лидия сражалась, как сущая дикарка, и ускользнула-таки, когда я уже думал, что она моя. А темноволосый парень и его мрачная...

— Хафтор и Марна, — пробормотала Кора.

— Ну да. Так вот, Марна послушалась меня, хотя и неохотно, словно животное, которое впрягают в ярмо. А вот Хафтор перехватил у меня сон и принялся его искажать. Знаешь, так выворачивают наизнанку одежду, выпячивая уродливые швы. Кора, в нём таится сильный и неприрученный дух! Я-то полагал, мы давно очистили его память от некоторых вещей, которые ему лучше бы позабыть, но он, оказывается, помнит!.. Ещё одна паршивая овца, которую следовало бы изгнать из доброго стада...

Кора поднесла руку ко рту и отчаянно затрясла головой. В глазах её застыло страдание.

— Не смей перечить мне, Кора! — продолжал Нильс. — Ты ведь сама призвала меня, чтобы я навёл здесь порядок, не так ли? Знай же, что и для тебя не прошло даром общение с этой растленной!.. Та пародия на обряд и тебе в душу пролила вполне достаточно яда. Я и до тебя не смог добраться во сне! Да, да, и не вздумай отрицать! В твоём сознании появился тёмный чулан, в который ты и сама не заглядываешь и мне так и не дала заглянуть. Этой запертой дверью ты тоже обязана Ки!..

...Возможно, Кора сказала бы что-нибудь в ответ. Очень возможно, что Ки утратила бы власть над собой и вцепилась ему оплеуху. Но ничего этого не произошло, потому что снаружи донеслись хриплые вопли Руфуса. Слов было не разобрать, но кричал он так, что Ки и Кора разом сорвались с мест. Ки первой подлетела к двери и распахнула её настежь. За ней подоспела Кора, за Корой — Нильс.

Отовсюду уже сбегался народ. Люди выскакивали из домов и амбаров, покидали поля — и спешили в дальний угол выгона. Ки помчалась во всю прыть. Холланд торопливо поставила наземь ведёрко молока и корзиночку с яйцами и тоже припустила бегом. Кора и та поспешала за ними гораздо быстрее, чем, казалось бы, способны были её старые ноги. Нильс не отставал от старухи.

Ки протолкалась через собравшуюся толпу туда, где стоял багровый от ярости Руфус. У его ног лежала бесформенная куча костей, обрывков шкуры и кровавого мяса.

— Да будь они прокляты, эти гарпии! — снова и снова выкрикивал он во всё горло. Кора поспешно схватила его за локоть, но он продолжал кричать: — Десять лет я улучшал породу, чтобы вывести этого бычка!.. И вот что от него осталось!.. Будь они прокляты!.. Прокляты!..

Он тяжело дышал, и на левом виске ходуном ходила толстая жила. Руфус бешено сжимал кулаки, растрёпанные волосы в беспорядке торчали из-под повязки.

Холланд в ужасе смотрела на мужа, делаясь всё белее с каждым новым святотатством, которое тот извергал. Ки стояла молча, только в зелёных глазах отражались ярость и ненависть, стоявшие бешенства Руфуса. Потом их взгляды встретились поверх трупa растерзанного бычка. В этот миг они как нельзя лучше понимали друг друга.

И тут Кора с размаху вкатила сыну пощёчину. Её морщинистая ладонь с громким шлепком хлестнула его по щеке и губам. Воцарилась потрясённая тишина. Ларс, как раз подоспевший с поля, болезненно вздрогнул. А Нильс только кивнул головой, и вид у него был такой, как будто он сам был бы рад сделать то же самое с Ки.

Только на самого Руфуса пощёчина не произвела особого впечатления. Его голова на могучей жилистой шее даже не шелохнулась. На коже отпечаталась белая пятёрка, но лицо осталось бесстрастным. Лишь кое-где на губах, разбитых о зубы, выступила кровь. Он посмотрел на мать и медленно покачал головой. Глаза ещё пылали яростью, но голос был холоден:

— Неужели ты думаешь, мама, что я раскаюсь в том, что сейчас говорил?.. — Он ткнул носком башмака кровавые останки и выразил вслух то, что неминуемо пришло

на ум каждому по отдельности: — Надо полагать, от Свена и ребятишек осталось примерно столько же, сколько и от моего бычка!..

И вновь они с Ки посмотрели друг другу в глаза. Кора схватила его за плечо и попыталась встряхнуть. Ничего не вышло.

Между тем вокруг собиралось всё больше народу. Подбежал юный Курт, за которым, как новорожденный жеребёнок, вприпрыжку мчался малыш Эдвард. Потом подошла Лидия — её руки были по локоть в муке, на фартуке белело пятно. Вся семья в сборе.

— Вы сами накликали это на себя! — прозвенел голос Нильса. Как ни мал ростом был старец, он удивительным образом господствовал над всеми, поучая здоровенных крестьян тоном патриарха: — Кошунство, совершённое вами, отсекло вас от гарпий, оставив их без подношений, которые вы были недостойны им предлагать! Ничего удивительного, если прошлой ночью Крылатые ощутили запах ваших дурных мыслей, ощутили развратные, нечестивые видения, которыми вы тешились, вместо того чтобы радоваться общности и вместе благодарить гарпий! Откуда в тебе такая злоба, Руфус? Уж не ложная ли гордость ододела тебя? Ты собирался оставить лучшего бычка себе, хотя по праву должен был бы предложить его гарпиям! Нет, сердиться тебе не на что. Крылатые всего лишь взяли то, что принадлежало им по всей справедливости. Загляните же в глубь своих сердец — и устыдитесь! Вы полны себялюбия! Вы позабыли о своих мёртвых, позабыли о своём долге перед предками и перед теми, кто лучше вас! О, как же далеко вам до примирения, которого вы будто бы алкаете! Ваши мысли полны чёрной злобы, ваши души отравлены ядом, который расточает Ки! Да, Ки, я говорю о тебе. Посмотри вокруг! Ты, наверное, радуешься тому, сколько зла натворила, сколько горя принесла здешнему народу?..

Ки невольно огляделась по сторонам. Холланд стояла опустив голову, из-под опущенных век так и катились слёзы. Курт с Эдвардом держались позади остальных. Сбитые с толку разладом между родителями, они не смели подойти ни к матери, ни к отцу. Лидия не посмела встретиться с Ки глазами. Ларс, тот вовсе отвернулся, не желая видеть

происходившего. Многие смотрели на Ки, несомненно считая её источником всех зол и бед. В глазах Кору мешались любовь, боль и порицание; этот взгляд пронзил Ки подобно мечу. Но хуже всего, пожалуй, было то, что Руфус смотрел Ки прямо в глаза и с полным сочувствием. Вот он напрягся всем телом и заговорил, намеренно разрушая чары старого Нильса:

— Принеси-ка мне лопату, Ки. И себе одну захвати. Давай похороним этого бычка, который так и не породил нам на радость теляток. Крепких теляток, таких, что и не подумали бы помирать от весенней простуды. Нет, они вырастали бы в славных коров, сами каждый год приносили бы приплод и много-много лет доились бы жирным, густым молоком. Давай, Ки, вместе похороним мою мечту. Зароем её так же глубоко, как ты когда-то зарыла свою...

— Руфус отрёкся от наших обычаев! — закричал Нильс. — Он стал среди нас изгоем! Отверженным! Единственным, кто решил удовольствоваться своей человеческой природой, навсегда отрезав себе тот путь к возвышению духа, что открывают нам наши крылатые братья...

Ки спросила себя, слышал ли кто-нибудь, кроме неё, нотку беспокойства в голосе старика. Его ораторское искусство, его облик величественного патриарха, его жесты, то повелительные, то обличающие, — всё меркло перед простыми, но такими полными чувства и всем понятными словами Руфуса. Иные поворачивались и брели прочь. Они предпочитали повернуться спиной к неприятностям и держаться подальше от осложнений. Но и к старику примыкать не спешили.

— Во имя ваших умерших!..

Все замерли и опять повернулись к Нильсу. Его глаза, казалось, готовы были выскочить из орбит. Воздетые руки сотрясала дрожь. Все молчали. Нильс обводил взором собравшихся людей, не пропуская ни единого лица. Кое-кто тоскливо переминался под его взглядом. Холланд смотрела на него алчущими глазами. Марна опустила голову. Хафтор смотрел прямо и с вызовом. Старец оглядел всю толпу, избегая только Руфуса и Ки. И наконец уставился в глаза Коре. Та прямо-таки усохла и съёжилась под его взглядом.

— Я прошёл сквозь ваши сны и увидел, что вы нездоровы, — сказал Нильс. — Увы, яд вошёл в вас глубже, чем я дерзал предполагать. Скажите же мне — если руку поражает гниение, не лучше ли сразу отсечь её от тела? И разве не выдёргиваете вы из земли и не сжигаете больное растение, пока оно не погубило весь урожай? Разве вы не убиваете и не сжигаете больное животное, пока оно не заразило всё стадо?.. Мне предстоит совершить то же самое среди вас. И пусть те из вас, кто ещё сохраняет здоровье, наберётся мужества и укрепит свой дух, дабы выдержать удар целительного ножа, отсекающего сочащуюся гноем плоть, и прикосновение калёного железа, очищающего воспалённую рану... Лидия!

Его взгляд стал подобен кинжалу. Девушка вздрогнула, чуть слышно всхлипнув. Тонкие руки метнулись к горлу, словно два испуганных зверька в поисках убежища.

— Покинь наш круг, — продолжал Нильс. — Твоя гордыня и самовлюблённая независимость вынесли тебе приговор. Оставайся же в одиночестве! Ибо твои сны поведали мне, что именно одиночества ты жаждешь. Не советуйся более с родителями: они потеряны для тебя, потеряны навеки. Иди к себе домой и хорошенько подумай об этом!

Потрясённая, уничтоженная, Лидия побрела прочь, спотыкаясь на каждом шагу. Ки в ярости смотрела на Нильса. Старик, точно волк, первым делом отбил от стада самого слабенького. Лидия шла прочь, всё так же прижимая руки к горлу, путаясь ногами в луговой траве...

— Хафтор!

Марна ахнула, но её брат только поднял голову повыше. И быстро, ласково сжал плечо сестры. Странная полуулыбка была у него на лице.

— Улыбаешься? — сдвинул брови Нильс. — Улыбаешься отраве, растлившей твою душу? Ну конечно, тебя менее всего волнуют страдания твоей сестры, вынужденной мучиться в разлуке. Ты ничем не лучше животного — тоже привык следовать только собственным прихотям. Ступай! Прочь!..

Хафтор бережно отстранил Марну, цеплявшуюся за его руку. И с высоко поднятой головой зашагал прочь. Догнав Лидию, он по-братски обнял её. Внезапно обмякнув, она

уронила голову ему на плечо. Хафтор поддержал девушку. Он не стал оглядываться назад.

— Курт!

Кора мучительно ахнула. У Холланд вырвался крик. Но мальчик стоял прямо, расправив плечи, словно бы подражая примеру Хафтора. Руфус изумлённо взирал на своего мальчика, державшегося как мужчина.

— Сопливый юнец! — фыркнул Нильс, раздосадованный его гордой повадкой. — Я видел зло в твоих снах. Хотя, глядя на твою невинную мордочку, кто бы мог заподозрить?.. Нет, видно, яблоко от яблоньки недалеко падает. Ты весь в отца: тоже любишь свои стада мерзостной и жадной любовью, так, словно они суть твои дети, а не простое зверьё. Стоило тебе посмотреть на убитого бычка, как зло в твоей душе расцвело пышным цветом. Итак, ты любишь своего отца, зато ненавидишь гарпий. Ступай же прочь!

Курт храбро повернулся и пошёл прочь. Он одолел всего какой-то десяток шагов. Потом его плечи задрожали. Руфус, с руками, перемазанными кровью бычка, смотрел ему в спину так, словно у него сердце разрывалось от боли за сына. Курт обернулся: по его щекам пролегли две мокрые дорожки.

— Прости, мама, — сказал он. — Я не хотел, чтобы тебе было больно...

Он говорил тихо, но услышали все. Руфус перешагнул через кости бычка и подошёл к сыну:

— Пошли, сынок. Сегодня мы с тобой вместе похороним нашу мечту.

Холланд, рыдая, осела наземь, но не последовала за ними. Малыш Эдвард испуганно жался к ней. Кора открыла рот, но вместо слов сумела издать лишь какое-то хриплое карканье. Её старческие руки, дрожа, тянулись вслед уходящим. Вот она, спотыкаясь, шагнула за ними... Нильс схватил её за руки:

— Не позволяй себе неуместной слабости, Кора! Ибо гарпии желают воссоединения с вами. Разве не по своей доброй воле явились они принять дар от вашего изобилия? Их сокрытого слуха достигает ваш неслышимый вопль, им известно ваше горе, причинённое вынужденной разлукой. Очисти же свой разум, Кора! Отринь всё то, что удержи-

вает тебя. Открой мне своё сознание, дабы я вскрыл ядовитый нарыв, к которому ты почему-то не желаешь меня подпустить...

Никто не двигался с места. Нильс же так и впился взглядом в зрачки измученной женщины. Кора смотрела на него с ужасом, точно птица на змею. Ки почувствовала, как у неё шевелятся волосы. Опасность, опасность! Смутный ужас начал обретать почти зримые очертания. «Нет!!!» — молча закричала она и, сама не зная каким образом, устремила всю свою духовную силу Коре на помощь. Теперь они вместе заслоняли собой чёрную дверь, которую силился распахнуть Нильс. Ки физически чувствовала, как впивается в неё его взгляд, как нечто пытается сломить её волю. Звон в ушах поглотил все прочие звуки. Воля Кору начала ускользать, истаявая подобно туману на солнце. Ки зарычала, как зверь, пальцы скрючились, точно когти. Она решительно шагнула вперёд...

И тут воля Кору исчезла. Совсем. И вместе с ней — чёрная дверь, которую она стерегла. Ки отшатнулась, как будто с размаху налетев на твёрдую стену. Она открыла глаза — оказывается, она успела зажмуриться — и обнаружила, что стоит на своём прежнем месте. А Кора бесформенным комком лежит у ног Нильса.

Только тут Нильс выпустил руки женщины, и они упали, как две безжизненные деревяшки.

— Глубоко же проник в неё яд! — произнёс он торжественно. — Она готова спрятаться в смерть, только бы не дать очистить себя. Итак, Кора от нас тоже отделена...

И Нильс зашагал прочь. Толпа заколебалась в нерешительности, потом устремилась за ним, обтекая Кору и Ки. Ки бросилась на колени подле старухи. Больше всего в этот миг ей хотелось оторвать Нильсу голову, но заниматься этим прямо теперь было некогда: губы Кору посинели, она еле дышала. Ки схватила сморщенную похолодевшую руку, прижала её к щеке. Окостеневшие пальцы почти не сгибались. Перед Ки лежала пустая оболочка, душа же... Ки беззвучно закричала — и ринулась следом.

Она не знала, что делает. И каким образом. Жуткое предчувствие подсказало ей, где искать Кору. За той самой дверью, последней дверью в тёмном коридоре, снив-

шемся Ки. Кора всё-таки нашла разгромленное гнездо и мёртвых гарпий. Ки схватила её и потащила прочь.

...Она снова плыла сквозь глубокие тёплые воды, увлекая за собой Кору. Та безвольно висела у неё на руках, неподвижная, как мёртворожденный котёнок. Ки с мрачным упорством пробивалась наверх, мимо отвратительных колеблющихся видений, мимо дохлых гарпий, представавших снова и снова, и с каждым разом всё уродливее и страшнее. Ки отпихнула в сторону растерзанный труп Свена, оттолкнула смятое, изломанное тело гарпии, застрявшее у основания утёса. Потом мимо проплыли её, Ки, дети — пустые глазницы над вырванными щеками. Ки плыла и плыла, но воды были слишком глубоки и безбрежны. Поверхности не было. Не было выхода...

...Кто-то крепко ущипнул её, а потом вlepил затрещину, от которой мотнулась её голова. Ки вскрикнула от боли и ярости, вскочила на ноги... и увидела Ларса. Она кинулась было на него, но Ларс отшвырнул её прочь, опрокинув на влажную траву. И поднял на руки слабо шевелившуюся Кору.

— Иногда только боль может вернуть назад, — сказал он коротко.

Пошатываясь, он поднялся. Кора бессильно висела у него на руках. Ки растерянно огляделась. Кроме них, в поле никого больше не было. Ки затрясло: ей было холодно и... одиноко, до чего же одиноко! Потом она обратила внимание, насколько ясно достигал её слуха любой звук. Вот, звякнув, упала брошенная лопата... Ки обернулась: со стороны амбара к ним бегом мчались Руфус и Курт, а на земле позади них валялись брошенные инструменты.

— У вас, наверное, удивительное сродство душ, — сказал Ларс. — Такие деяния без напитка гарпий обычно не удаются... — Ки поднялась на ноги и побрела следом за Ларсом, который говорил на ходу: — Вы с ней, похоже, так и не утратили связи после Обряда.

— Все ушли... — тупо выговорила Ки.

— Ты тоже, хм, ушла, и как следует. Я уж боялся, кабы не навеки... и ты, и она. Всех остальных Нильс увёл размышлять, поститься и очищаться. Остались только мы, изгой.

— Мы... — Ки осторожно примерилась к этому слову.

Ларс сперва скривил губы, но потом получилась улыбка — усталая, тусклая, но всё же улыбка. Подоспевший Руфус забрал у него мать, и они поспешили в дом. Ки медленно шла следом: до неё никому больше не было дела. Она чувствовала себя совершенно обессиленной; она готова была рухнуть прямо в росистую траву и уснуть, желательно навсегда. Однако неожиданно внутри вспыхнула некая искра, и Ки разом проснулась. Ей вдруг захотелось исследовать каждый закоулок своего сознания — так человек, свалившийся с высоты, ощупывает своё тело, проверяя, не сломал ли чего-нибудь. Впервые за долгое, долгое время Ки снова была сама себе хозяйкой. Ничья воля, кроме её собственной, не пыталась её направлять. Нерешительности, одолевавшей её последние несколько месяцев, не было и в помине. Кора!.. Ки одними губами произнесла это имя. Всё это время она, Ки, не осознавала, что с нею происходило. А Кора? Знала ли она? Пыталась ли этим пользоваться?.. В любом случае теперь было поздно гадать. Шатаясь, она добралась до сарая, до своего фургона, до родной кабинки... заползла в постель. И уснула как убитая.

Курт, явившийся её будить, не посмел раскрыть дверцу, зато лупил в неё так, что стало очевидно: случилось нечто особенное. Скатившись с лавки, Ки распахнула дверцу. Курт принёс с собой свечку, и было видно, что лицо у парнишки совсем белое.

— Бабушка хочет тебя видеть... Она велит, чтобы ты скорей приходила.

Если бы Ки не схватила его за плечо, он удрал бы всю прыть вместе со свечкой. Её прикосновение заставило его съёжиться, и Ки с горечью поняла, какой чужой и грозной она ему, наверное, кажется. Мальчишка не желал иметь с ней ничего общего даже теперь, когда оба они стали изгоями. Ки не убрала руки. Нет уж. Она не допустит, чтобы её тут кто-то боялся.

— Помедленнее, — хрипло шепнула она. — А то я, чего доброго, ещё завалюсь в темноте.

Он молча вытаращил на неё глаза. Потом помог ей выбраться из сарая и провёл через тёмный двор к дому

Ки была почти уже у двери, когда до неё внезапно дошло, что стоял уже глубокий вечер, если не ночь. Она умудрилась проспять целый день!

В большом доме было на удивление тихо. Ки вошла в общую комнату, где, как и повсюду, было полутемно. Дрова в огромном камине совсем прогорели.

— Они так и не вернулись, — заметив её удивление, пробормотал Курт. Ки легонько сжала его плечо, пытаясь утешить и приободрить его. Курт едва не выронил огарок.

В комнате Кору горели высокие тонкие белые свечи. Похоронные свечи, невольно подумалось Ки. Измождённые руки Кору казались коготками, стиснувшими край одеяла. Волосы её были всклокочены, губы по-прежнему слишком темны. Но глаза открылись, как только Ки переступила порог. Всё те же ясные чёрные птичьи глаза. Тело может отказаться, обессилеть, но дух... Кора слабо махнула рукой сыновьям, стоявшим по сторонам постели:

— Руфус... живо в поле, приведёшь Ки её коней... — Она не говорила, а шептала, но даже и этот надтреснутый шёпот сохранял былую властность. — Ларс... Вы с Куртом откроете сарай и приготовите фургон. Не зажигайте огня! Да присмотрите за Сигурдом: он всё ещё жеребёнок... не выдурится никак... И чтобы тихо мне, тихо!..

Руфус ушёл сразу, Ларс же помедлил. Глаза его были полны беспокойства.

— Мама... ты совсем больна, ты ослабела... Может, пождём с этим? Не выгонять же Ки посреди ночи? Она была нам сестрой, а тебе — дочерью...

— Не глупи!.. — перебила Кора. Она задыхалась, лицо её стало серым. — У меня и так-то едва хватает сил сделать то, что следует, а ты ещё мешаешь мне своей болтовнёй... Дурачок, я оценила и полюбила Ки, когда вы все понятия не имели, чего она стоит. Может, сама она и не согласится со мной, но и в эти дни никто не любил её вернее, чем я... Ступай, Ларс, и Курта с собой захвати. То, что я собираюсь сказать, — не для твоих ушей...

Ларс и Курт нехотя вышли. Ки и Кора молча слушали, как затихают их шаги в коридоре. Кора собиралась с силами, и Ки, понимая это, придвинулась к постели и взяла её руку. Холодную, неподвижную руку...

— Времени нет, — вздохнула Кора, высвобождаясь. — Ты должна уехать. Прямо сейчас. Скачи как можно быстрее. За горы... Я слышала, гарпии туда не летают. Скоро они узнают, кто убил самку и бросил факел в гнездо. И тогда самец потребует мести. Ни одна гарпия, ни один человек в нашей долине не станет оспаривать его право. За тобой станут охотиться, Ки. Беги же, пока ещё есть время...

— Но как они узнают?.. — допытывалась Ки.

— Так же, как в конце концов узнала и я... — Кора бессильно закашлялась. — Они тоже способны узнавать... ниоткуда. Потому-то мне так и не удалось заставить их принять тебя, девочка. Я и от себя самой прятала то, что ты мне показала. Я отказывалась это видеть и внушала себе: это то, что она может сотворить, если я отпущу её отсюда. Но на самом деле я ЗНАЛА, и это отрезало меня от гарпий. Теперь я никогда с ними не примирюсь... А если примирюсь, значит, выдам тебя с головой. Потому что от них невозможно ничего скрыть. Их сознание могуче, Ки, намного сильнее, чем у Нильса. От гарпий не держат секретов... И ведь не только я одна знаю, Ки! Той ночью я была к тебе ближе других. Я воспринимала самые яркие образы. Но и Марна тоже была там, и Холланд, и даже маленький Эдвард... Они выдадут тебя при первом же поклонении гарпиям — по неведению, но выдадут... И нет способа им помешать...

Кора помолчала, давая Ки время хоть как-то разобраться в услышанном. Она тяжело, шумно дышала.

Ки медленно выговорила:

— Но что же будет здесь, когда я уеду?..

— Ты говоришь про нас и про гарпий? — спросила Кора. — О, я не думаю, чтобы они были с нами слишком суровы. Ну, может, потребуют больших приношений. Но никаких гонений, думается, не будет. Они не тронут ни Ларса, ни Руфуса, ни меня... потому что иначе кто же будет ухаживать за пастбищами и растить скот? Вся их ярость обрушивается на тех, кто желает уехать. И на тех, кто открыто поднимает против них голос. Вот как Свен. Или мой брат...

Эти слова были подобны удару: Ки пошатнулась.

— И Хафтор знает?... — не веря себе, спросила она.

— Он... был там, — с усилием выговорила Кора. — Он был тогда совсем ещё малышом. Это воздействовало на его ум... сколько видела детей, он начал говорить позже всех... Мне тогда удалось его вылечить, хотя он так и остался... несколько странным. Детская память в нём дремлет... и теперь, когда здесь побывала ты... рассказала нам... эта память пытается пробудиться. Я надеюсь, этого всё-таки не произойдёт...

— Я тоже надеюсь, — выдохнула Ки. Нагнувшись, она обняла Кору.

— Мне будет не хватать той силы, которую я заимствовал у тебя, — тихо призналась Кора. И легонько оттолкнула Ки. — Там... в шкафчике... — проговорила она смущённо.

— Что там?

— Деньги. Выкуп за земли Свена... Ты должна их принять...

Ки выпрямилась и задумчиво посмотрела на Кору. Потом подошла к шкафчику и открыла его. Увесистый, позвякивающий мешочек из шкуры жеребёнка... Ки повернулась к Коре:

— Я принимаю твои деньги за землю. Ты расплатилась со мной как должно. И вот ещё что... Раньше я отказывалась от той любви, которой ты готова была меня одарить. Теперь я её с благодарностью принимаю. Прими же и ты мою...

Ки подняла мешочек и церемонно поцеловала его. А потом уронила на постель, к ногам Кору. И улыбнулась полувившейся глупости. В ясных птичьих глазах Кору стояли слёзы. Ки молча поклонилась ей и вышла из комнаты.

Её прощание с Ларсом и Руфусом вышло коротким и скомканным. Им слишком много надо было сказать друг другу. И чувства, которые следовало бы выразить, никак не умещались в тесное ложе слов. Так что говорили только глаза. Руфус застенчиво обнял её. Зато Ларс — прямо-таки яростно. И никак не хотел выпускать. Наконец Ки забралась на сиденье фургона. Ларс плакал, но она запретила себе смотреть на его слёзы. Она с силой шлёпнула вожжами по серым спинам тяжеловозов. Ночь приняла Ки

и сомкнулась у неё за спиной. Когда она оглянулась, в доме, бывшем для неё домом Свена, не было видно ни огонька...

Вокруг стояла тишина. Меньшие домики, мимо которых проезжала Ки, были так же темны, как и большой. Но как только её упряжка поравнялась с домиком Марны, прямо под ноги коням бросилась маленькая фигурка с мерцающей, как светлячок, свечкой в руке. Ки немедленно осадила серых.

— Хафтор! — тихо позвал Курт, и дверь дома немедленно отворилась. — Она здесь! — сказал Курт. Прижал пальцами фитилёк свечи и убежал в темноту.

Хафтор чуть помедлил на пороге сестриного дома — тёмный силуэт, освещённый сзади слабеньким огоньком. Ки молча смотрела на него с фургона. Вот за спиной Хафтора прошелестели лёгкие шаги: Лидия, бледная, как привидение, подошла к нему, неся порядочный мешок. Хафтор забрал у неё мешок и тихо сказал что-то, но Ки не расслышала, что именно. Потом он подтолкнул девушку обратно в дом и закрыл за ней дверь. Сам он быстро подошёл к Ки и вручил ей свёрток со съестным. Она приняла его без лишних благодарностей. Просто отодвинула дверцу кабинки и положила мешок внутрь.

Да и какие слова тут можно было бы подобрать?.. Сколько всего осталось недоделанным, недоговорённым... Ки медленно спустилась с сиденья и встала против него.

— Жалко, что у нас с тобой всё так кончилось... — выговорила она, запинаясь.

Глаза Хафтора были как два камня со дна реки. Такие же тёмные и холодные. Он взял её руки в свои и стиснул крепко, до боли.

— Это не конец, Ки. От этого так просто не убежишь. Кора не сумеет сохранить тайну, которую ей довелось узнать. Это ведь ты убила тех гарпий, а подобные долги оплачивают только кровью. И ни время, ни расстояние тут не помогут. Долга крови гарпии не прощают. Равно как и люди, которые им служат. Они не успокоятся, пока не возьмут чью-то жизнь...

В полутьме глаза Хафтора казались бездонными. И сумасшедшими. Ки попыталась отступить прочь. Очень уж

зловещи были его слова. И то, как он их сказал. Не проговорил, а прорычал. Ки знала: если он попробует убить её, она не найдёт в себе силы сопротивляться. Итак, он, оказывается, всё знал. Как и Кора...

Он увидел её страх и понял, почему она от него отшатнулась. Он сразу выпустил её руки:

— Нет, Ки, они ни о чём ещё не догадались. Они не могут понять, что к чему, как понял я. Убить гарпию из мести?.. Да им и в голову подобное не придёт. Вот они и видят только кусочки мозаики, а вместе никак не сложат. Но Нильс — этот догадается. Не позже чем к утру, и тогда его уже не остановить. Он сам будет жаждать твоей крови. И если гарпии тебя вдруг не найдут, то Нильс или кто-нибудь вроде него — обязательно. Так что не медли!

Он шагнул к фургону и, немало удивив Ки, вперёд неё залез наверх по колесу. Подняв вожжи, он шлёпнул ими по спинам коней. Тяжеловозы, изумлённые и несколько испуганные прикосновением незнакомой руки, взяли с места настолько резво, насколько они, могучие, неторопливые, вообще были на это способны.

— На дорогах наверняка будут соглядатаи, — продолжал Хафтор. — Люди на деревьях, гарпии в воздухе... В общем, давай-ка я покажу тебе одну забытую тропку. Деревья над ней смыкаются кронами, и, потом, она такая изрытая и запущенная, что все уверены, будто фургон по ней ни в коем случае проехать не может. Дорога эта, в общем, изрядно кружная. Зато там никто тебя не выследит...

И Хафтор знай поторапливал медлительных коней. Он сурово приказал Ки помалкивать — он, дескать, будет слушать, что происходит вокруг. И Ки промолчала, только встревоженно раскрыла рот, когда он вдруг свернул с дороги и фургон угодил, казалось, прямо в трясины. Под ногами коней сразу зачмокало: серые с трудом выдирали копыта. Грязь и водоросли, в которых путались кони, прикрывал сверху неглубокий слой текучей воды. Когда вслед за упряжкой туда же скатился и фургон, колёса немедленно застряли. Хафтор энергично наподдал тяжеловозам вожжами. Кони приседали, налегая изо всех сил. Колёса увязали всё глубже, и у Ки постепенно падало сердце.

— Проклятье! Да тяните же вы!..

Свистящий шёпот Хафтора действовал не хуже кнута. Кони разом опустили головы, подогнув передние ноги и уйдя в грязь почти до колен... Однако фургон всё-таки сдвинулся. Ещё несколько отчаянных рывков — и он выкатился из трясины. Под колёсами захрустела галька, потом зашелестел сухой мох и какие-то кусты. Небольшой подъём, ещё один спуск, и перед Ки открылось нечто вроде тёмного тоннеля. Рослые деревья сплетались ветвями над заброшенной дорогой, отгораживая её от ночного неба.

— Проехать будет непросто, — останавливая коней, предупредил её Хафтор. — Там, подальше, могут попасться брёвна поперёк дороги. Руби их, а лошади пускай оттаскивают. Ещё я знаю, что в одном месте дорогу пересекает ручей. Надеюсь, он тебе больших трудностей не создаст...

И Хафтор с отчаянной нежностью обнял Ки, а потом грубовато поцеловал в щёку. Серебряный браслет на его запястье на миг запутался в её волосах. Ки ещё не успела прийти в себя от неожиданности, но Хафтор уже высвободил руку и соскочил с сиденья наземь. От души шлёпнув Сигурда по могучему крупу, он отступил в сторону, а испуганные кони резво устремились вперёд...

Дорога, как и предупреждал Хафтор, оказалась из рук вон скверной. Съестное, которым он снабдил Ки, кончилось прежде, чем ей удалось выбраться на настоящий большак. Но всё-таки она выбралась — Ки отлично помнила, как выехала из леса на широкую, залитую солнцем дорогу. Отчего же теперь вокруг было так темно? С какой стати тряска и бесконечные рывки взад-вперёд?..

Мир вокруг безостановочно качался, и Ки слегка затошнило. Она открыла глаза... и увидела какую-то белизну, пронесившуюся на некотором расстоянии перед её лицом. Она почему-то висела вниз головой, ей было холодно и до крайности неудобно. Ки никак не могла сообразить, куда же подевались её руки и что случилось с пальцами. И ей не удавалось припомнить, где это она. И что она вообще здесь делает. То белое, что мелькало перед её глазами, внезапно приблизилось, и в лицо дохнуло морозом.

Снег!.. Ну конечно же, снег. Ки вывернула голову, как только могла, и издала придушенный вопль. Через некоторое время мучительная качка прекратилась, и Ки смогла ощутить своё тело. Её бёдра, грудь и живот покоились на чём-то плотном, тёплом и живом. Голова свисала всего ниже, и, видимо, поэтому к лицу так прилила кровь.

Ничего более определённого о происходившем Ки сказать при всём желании не могла...

Она услышала, как рядом захрустел снег. Кто-то крепко взял её за пояс и потянул назад, пока её ноги не коснулись земли. Её руки были не туго, но надёжно связаны за спиной. Оказавшись на ногах, Ки почувствовала, как кружится у неё голова. Она не смогла удержать равновесия и зашаталась. Сильные руки подхватили её и удержали. Её щека прижалась к грубому сукну чьей-то одежды...

— Свен?.. — окончательно заблудившись во времени и пространстве, неуверенно окликнула она.

— Нет, это Вандиен, — ответил мужской голос. — Прости меня, Ки, но это было необходимо. Мне не хотелось этого делать, но ты не оставила мне выбора... Как голова?

Голова болела. Неизвестно почему, но болела. Ки попыталась поднять руку и потрогать пульсирующую шишку, но руки были по-прежнему связаны за спиной.

— Развяжи меня!

Она почувствовала, как Вандиен покачал головой. Ки всё ещё прижималась щекой к его плащу, так что говорить приходилось куда-то ему в грудь. Это было довольно унижительно, но Ки знала, что сейчас же упадёт, если высьвободится.

— Сначала поговорим, потом развяжу, — сказал Вандиен. — Я хочу быть уверен, что ты поймёшь, что к чему, и не бросишься меня убивать.

— Чем это ты меня приложил?..

— А тебе важно? Ну хорошо, камнем. Он, видишь ли, попался мне под руку ещё в тот вечер, когда ты сидела у меня на груди и всем своим видом показывала, как тебе не терпится отправить меня в мир иной. С тех пор я его в кармане и таскал. Честно, Ки, я очень надеялся, что он мне так и не пригодится. К сожалению, ты очень упрямая. Самая упрямая из всех, кого я встречал...

— Ну и что дальше? Что ты со мной сделал?..

— Когда ты упала, я погрузил тебя на Сигурда. Он, кажется, меня здорово недолгобливает. Он всячески старался меня затоптать, пока не смекнул, что вместе со мной затопчет и тебя. Спасибо ледяному горбу: я был выше, и он до меня не дотянулся. К тому же и упряжь обоим мешала, а то бы... Сигмунд, впрочем, оказался зверем покладистым. Я погрузил припасы, отрезал упряжь от фургона, и мы поскакали. И довольно-таки неплохо продвинулись... — Вандиен выжидательно помолчал, но Ки ничего не сказала, и он продолжал: — Между прочим, я ведь вполне мог бы тебя там бросить. Так мне было бы даже и легче. Но я тебя, как видишь, не бросил. И вообще, я намерен вытащить тебя отсюда живую. Надеюсь таким образом отдать тебе должок, который с меня причитается. И даже если я это сделаю против твоей воли. Ладно, давай сюда руки...

Ки смутно почувствовала его пальцы на своих запястьях. Тонкая верёвка упала на снег. Вандиен нагнулся и подобрал её: это был его говорящий шнурок. Ки подняла руки и стала их растирать, чувствуя под кожей непривычное покалывание. Руки до самых плеч казались чужими.

Почувствовав, что, пожалуй, сумеет сама устоять на ногах, Ки отстранилась от Вандиена и выпрямилась во весь рост. Потом, обиженно глядя на мужчину, осторожно пощупала голову. Крови не было, но над ухом действительно красовалась изрядная шишка. Стоило коснуться её, и голова опять закружилась, а к горлу подступила тошнота. Вандиен протянул руку поддержать пошатнувшуюся Ки, но она отпихнула его и схватилась за гриву могучего Сигурда. Тяжеловоз любопытно изогнул шею и с некоторой укоризной посмотрел на Ки. Она ободряюще погладила его тёплую морду.

— Занятные у тебя скакуны, — сказал Вандиен. — Послушные, но до чего же здоровы! Я думал, пополам тресну, на Сигмунде сидя. Да и залезть на него, не свалившись на ту сторону, — ещё то удовольствие. Даже с ледяного горба...

— Я возвращаюсь к своему фургону, — сказала Ки.

— Не сходи с ума! — рассердился Вандиен. — Скоро стемнеет, а до фургона несколько часов езды, к тому же

это наихудший кусок дороги! И потом, фургон стоит как раз в тени Сестёр... Слушай, ну я же не делал глупостей, когда ты сидела на мне верхом и нож у горла держала! Тебя посадить?..

— Без груза, — сказала Ки, — мне на той стороне перевала делать нечего.

— Ах да, твой груз. Сейчас, сейчас... — несмотря на зверский холод, Вандиен распахнул плащ, порывлся за пазухой, вытащил кожаный мешочек и вложил его в ладонь Ки: — Вот он, целёхонек. Проверь, если хочешь. Я хотел его тебе в карман положить, но подумал, вдруг вывалится, пропадёт. Ты же ехала, хм, не вполне так, как положено...

Ки крепко сжала мешочек и уткнулась носом в тёплую шерсть Сигурда. Конь озадаченно переступил с ноги на ногу, но не отодвинулся. Ки стояла молча. Вандиен неловко переминался у неё за спиной. Ки искоса, украдкой посмотрела на него из-под руки. Он попробовал улыбнуться, но улыбка не получилась. Вид у него был слегка виноватый, но больше усталый. Прошлой ночью она подумывала о том, не убить ли его. А сегодня он шарахнул её по башке, бросил фургон и ещё пытался неуклюже отшучиваться. Пожалуй, ей надо было бы пожалеть о том, что она его всё-таки не убила. Ки с удивлением обнаружила, что ей хотелось только одного: заставить его понять.

— Огромного вороного, на котором ездил Свен, звали Рам, — сказала она. — Рам едва доставал Сигурду до плеча, но он был жеребцом и бессовестно задирали моих серых. По ночам мы со Свеном смеялись над ними возле костра...

Она говорила вполголоса, и Вандиен пододвинулся ближе, но притронуться к ней не пытался.

— Свен подарил мне серых, — продолжала она, — а фургон выстроил своими руками. Там, в фургоне, я впервые познала Свена как мужа. Там я родила двоих детей, родила их на руки Свену. Мы жили так, как живут ромни, но сами не принадлежали к их числу. Иногда он ехал на Раме рядом с фургоном... Ехал и пел, и голос его был как шум ветра... Порой он сажал перед собой на седло маленькую дочь, а сынишка устраивался сзади. Все вместе они принимались дразнить меня за то, что мои кони нетороп-

дивы. Они уносились далеко вперёд и надолго пропадали из виду, а потом вихрем летели навстречу, смеясь и крича, чтобы я поторапливалась, — дескать, прямо за поворотом открываются такие края!.. «Поосторожней с фургоном, старушка улитка!» — крикнул он мне, мчась галопом мимо меня по дороге на Каддам, что за Сбродом. Все трое смеялись, и у всех троих развевались за плечами светлые волосы, развевались и трепетали на ветру...

Она замолчала. Молчание длилось. Холод и тишина...

Вандиен осторожно кашлянул:

— Они... так и не вернулись?

— Я увидела... куски их тел, когда одолела подъём. Только куски. Обыкновенное мясо под солнцем, Вандиен. Просто мясо под солнцем. Это сделала пара гарпий... — Ки посмотрела на него с дурнотным предчувствием, ожидая, что он переменится в лице. Но нет: он стоял неподвижно, закрыв глаза. Ки проглотила застрявший в горле ком и продолжала: — Я выследила их, Вандиен. Я забралась по скале туда, где было их гнездо. Одну гарпию я убила сама, своей рукой. А гнездо, не имея к тому намерения... — тут голос Ки стал громче, — не имея к тому намерения, подожгла, так что яйца с птенцами погибли, а самец получил шрамы на всю жизнь. Вот так я отомстила, но кому стало легче? Мои-то так и остались... мясом на солнце... — Она задыхнулась, и Вандиен поймал себя на мысли: наверное, она никогда уже не сможет смеяться. А Ки продолжала: — Вандиен, я похоронила огромного вороного коня, мужчину и двоих детей в могиле не больше ящика под фургонным сиденьем. Гарпии не много оставляют, когда кормятся... «Поосторожней с фургоном, старушка улитка!» — говорил мне мой муж. Вот я, как улитка, и таскаю свой дом повсюду с собой. Я возвращаюсь к фургону...

Она схватила за гриву Сигурда и попыталась взобраться ему на спину, но тело отказывалось повиноваться. Вандиен взял её за плечи и бережно повернул к себе лицом.

— Ну хорошо, — сказал он. — Давай вернёмся завтра, когда будет светло. Смотри, опять поднимается ветер, да и кони устали. Постой здесь, а я утопчу площадку между

скалой и этим проклятым змеиным следом. Всё будет в порядке...

У Ки не было сил спорить; она даже не смотрела на него. Она оглядывалась вокруг, но в сгущавшейся темноте рассмотреть удалось немного. Её фургон остался где-то вдали, скрытый поворотом дороги или какой-то морщиной на каменном лице горы. Не видны были и Сёстры. По одну сторону вздымался неизменный обрыв — Ки и лошади стояли на ледяном горбу, — по другую — гора обрывалась вниз. Далеко внизу, в долине, виднелись тёмные точки, — наверное, макушки кустов, торчавшие из-под снега. Было почти темно, и окружающий мир утрачивал краски.

Ки медленно повернула большую голову. Шишка ещё пульсировала, и любое резкое движение отзывалось точно удар молотка. Вандиен тем временем разгружал коней. Кроткий Сигмунд покорно дал ему снять со своей спины мешок зерна и ещё какие-то угловатые свёртки, сооружённые Вандиеном из старых одеял. Сигурд же злился. Оскалив жёлтые зубы, он стиснул ими сукно Свенова плаща, — хорошо ещё, что не тело.

— Сигурд! — по привычке одёрнула его Ки.

Конь виновато опустил голову и более не противился прикосновению Вандиена. А тот, казалось, и не заметил вмешательства Ки. Он что-то говорил, но очень тихо, и шуршание ветра почти заглушало слова.

— ...Пришлось бросить дрова, чтобы захватить зерно, — с трудом разобрала Ки. — Поэтому не будет ни костра, ни чая; вот я и не взял котелок. Зато забрал солонину и кое-какие вещи, которые, как мне кажется, ты ценишь: серебряный гребешок, ожерелье из синих камней... чистую рубашку... Всё не так, наверное. Что ж, остальное заберём завтра. Или умрём, пытаюсь забрать...

Эти последние слова он выговорил до того тихо, что Ки была не вполне уверена, действительно ли она их услышала, или ей померещилось. Он уже вытоптал площадку в снегу. Потом отсыпал зерна коням — раза в два больше, чем обычно давала им Ки — и расстелил мохнатое оленьё одеяло на снегу рядом с отвесным боком скалы. И подошёл к Ки, чтобы отвести её туда. Она послушно уселась. Его, похоже, тревожило её безразличие. Ки могла бы сказать

ему, что всему причиной была лишь боль и усталость, но для объяснений требовались силы, а их-то у неё и не было. Вандиен мог быть прислужником гарпий. Он сам мог быть гарпией. Какая разница. Ки уже не способна была ни бояться, ни переживать...

Она отказалась от еды, которую Вандиен ей протянул. Она видела, что это его расстроило: он винил себя за это, и Ки смутно посочувствовала ему. Ей было хорошо знакомо чувство вины. Плохо с ним жить. Ки легла на меховое одеяло и свернулась калачиком. Ледяной горб кое-как прикрывал от ветра, и кони, успевшие это сообразить, отошли туда, где дуло поменьше. Прямо над Ки вздымался отвесный обрыв. Он ни от чего не защищал, зато создавал иллюзию убежища. Ки закрыла глаза. Она слышала и почувствовала, как Вандиен прикрывал её вторым одеялом — оно было побольше и потеплей. Потом сам залез под него и обнял Ки, притянув к своей груди её спину.

— Для тепла, — шепнул он ей в ухо. Ей было всё равно.

Ветер быстро замёл их снегом. Ки с головой спряталась под одеяло. Она чувствовала, как рос и тяжелел сверху слой снега; от этого под одеялом постепенно становилось теплее. Ки искала сна, как слепой щенок, ошупывая ищущий молока...

Потом что-то случилось. Ки поняла, что проснулась; это значило, что она всё-таки спала. Откуда-то издалека её звал Свен. Она сразу узнала любимый голос, несмотря даже на странное жужжание в ушах. Свен, Свен!.. Все сомнения, родившиеся было в мозгу, смело могучей волной. Этот голос... Ки встрепенулась, окончательно стряхивая с себя сон. Её озадачила тёплая тьма, окружавшая её. Ки нетерпеливо отпихнула тяжёлое одеяло, и холодные снежинки начали садиться на щёки и шею. Ки села, выплёвывая попавший в рот снег. Покрытые попонами кони, насторожив уши, удивлённо смотрели на хозяйку, внезапно выросшую из сугроба. Ки улыбнулась им и поднялась на ноги.

— Ки!.. — приближавшийся голос звучал всё яснее. Свен шёл ей навстречу, и снег перед ним рассыпался, не задерживая его. Малышка Рисса весело подскакивала, сидя у него на руке. За другую руку крепко держался Ларсик.

Мальчик никак не мог угнаться за широким шагом отца и время от времени попросту повисал на его руке, как на качелях, отталкиваясь и пролетая вперёд. Только синяя рубашонка пузырилась на ветру...

Ки вскинула руки к щекам в счастливом негодовании:

— Свен! Почему они без плащей? Кругом снег, а дети раздеты...

Утопая в рыхлом снегу, она попыталась броситься им навстречу, но сейчас же увязла, провалившись выше колен. Сугроб, казалось, хватал её, пытаясь удержать. Насколько проще было стоять неподвижно, ожидая, пока они подойдут.

— Нашла за кого бояться! — фыркнул Свен. — Разве такие, как они, закалённые маленькие ромни когда-нибудь простужаются?

Он слегка подбросил дочурку, и та завизжала от восторга.

Ки всем своим существом впитывала их присутствие, наслаждаясь знакомым смехом маленькой дочки. И почему она так долго по ним тосковала?.. Они всё время были здесь и поджидали её. Как просто. Как всё просто. Она стояла и глуповато улыбалась им. Вот Свен ссадил Риссу наземь и протянул Ки руки. Она шагнула навстречу...

...И какая-то сила отшвырнула её в сторону, прямо в снег, так что больную шишку на голове обожгло ледяным холодом. Ки задохнулась, подавившись снежной пылью. Потом кое-как приподнялась, гадая про себя, что это ещё за новые штучки. Мог бы Свен быть с нею и поосторожнее. Давно пора бы понять, насколько он громаден и силен, особенно по сравнению с ней. Пошатываясь, Ки встала.

— Свен! — ласково укорила она мужа. Дети покатывались со смеху. Свен покаянно мотнул головой и опять фыркнул, потом рассмеялся. Право же, он не рассчитал. Он просто хотел поиграть, поваляться в снегу. Ну да, конечно же... Ки улыбнулась, с радостью прощая его, и снова двинулась навстречу.

— Ки!.. — отчаянно завопил кто-то, но она не оглянулась. Перед нею был её Свен, какое дело ей до всех остальных?.. Но в следующий миг настал её черёд надрывать

горло нечеловеческим криком, потому что Вандиен отбросил её плечом и, промчавшись мимо, ударил Свена ножом в грудь. Её, Ки, маленьким поясным ножом.

Свен оттолкнул его прочь, почти не заметив удара, но из лица Вандиена — там, где его коснулись пальцы Свена — хлынула кровь. Ки не могла понять, что происходит. Свен по-прежнему улыбался ей, маня к себе. Ки затрясла головой, пытаясь избавиться от звона в ушах, но от этого только пуще разболелось ушибленное место. Ей стало холодно: когда Свен уронил её в снег, её плащ разорвался снизу доверху. Ничего. В его объятиях ей сразу станет тепло...

— Как же долго мы ждали тебя, мама!.. — крикнул ей Ларс.

Дотянувшись ручонкой, он ухватился за её плащ. Улыбаясь, он дёрнул плащ на себя, и Ки рухнула на колени, а крепкий плащ затрещал, точно гнилая дерюга. Ки непонимающе смотрела на них: да что с ними такое, в самом-то деле?.. Но они улыбались ей, улыбались не переставая...

Потом Свен и дети неожиданно качнулись вперёд: это Вандиен прыгнул сзади Свену на спину. Половина его лица была залита кровью.

— Гарпия!.. — не своим голосом заорал он. И вонзил пальцы Свену в глаза. Ки закричала, вскакивая и бросаясь вперёд, чтобы помочь мужу отбиться от сумасшедшего.

Но Свен и так сбросил его с себя без большого усилия. Вандиен упал на снег и покатился, вспахивая сугробы. Свен с презрением вытащил из своей груди маленький нож и небрежно уронил его в снег. На его рубахе не было ни следа крови. Ки счастливо смотрела в его лицо, низко склонившееся к ней для поцелуя. На миг она уловила где-то поблизости жуткую вонь, исчезнувшую сразу, как только Ки её заметила. Свен был так близко, совсем рядом с ней, — до запахов ли тут?.. Хотя бы эти запахи и напомнили ей о...

— Он мёртв, Ки!.. Свен мёртв! Не сходи с ума, не называй гарпию его именем! Гарпия!.. Во имя Ястреба, это гарпия, Ки!..

Это из сугроба вновь поднялся Вандиен. Он с трудом держался на ногах, но, не останавливаясь, хлестал Свена

и детей сбруйным ремнём с пряжкой. Он кричал что-то ещё, плача от ярости и ужаса. Вот пряжка попала Свену прямо по губам, но так и не стёрла с них улыбки. Вот — по виску, но он по-прежнему улыбался и протягивал к Ки могучие руки, чтобы прижать её к...

...к груди, покрытой бирюзовыми перьями, поближе к разинутому черепашему клюву, готовому одним ударом снести ей полчерепа...

Ки дико завизжала. И, упав на четвереньки, поползла прочь.

— Мама, мама! — звала её Рисса.

Но голосок был слишком тонок, слишком обманчиво сладок. И голубая рубашонка Ларсика, в которой она закопала его у дороги, была тогда лишь кровавой, изорванной тряпкой, укрывшей бесформенный кусок мяса. И от Свена никогда, никогда не пахло стервятником, провонявшим тухлятиной... обрывками гнилого мяса на истлевших жёлтых костях. Хафтор говорил ей — они не отступятся, пока не разыщут её. За Ки, пошатываясь, хромал бирюзовый самец — ослепший на один глаз, с крыльями, которые из-за полученных увечий он не мог полностью сложить, с жуткими отболевшими ожогами на груди и ногах, — выглядел он так, словно его поджаривали на жаровне. Маленькая, когтистая передняя лапа дотянулась и схватила Ки за волосы, но в это время ей под руку попался нож, потонувший в снегу. Ки вырвалась. Вдовьи узлы растрепались у неё на голове.

— Свен!.. — закричала она... и на какой-то миг снова увидела его, и было непереносимой мукой бить ножом в его обнажённую грудь... которая вдруг снова сморщилась, на глазах обрастая бирюзовыми перьями.

Вандиен, как безумный, осыпал ударами чудовищную птичью голову, крича что-то бессвязное, а тяжёлая пряжка знай рассекала синюю кожу, расшвыривая по сугробам ошмётки плоти, куски костей и брызги крови, красной, как человеческая...

Гарпия постепенно оседала в снег, точно охваченное пламенем судно, поглощаемое морскими волнами. Вот затрещал под ударами птичий череп самца... Вандиен продолжал с криком хлестать его... потом остановился и за-

молчал. Ремень с окровавленной пряжкой упал на снег. Вандиен смотрел на него круглыми от ужаса глазами, точно ремень был змеей. Его грудь ходила ходуном, он тяжело дышал, с хрипом вбирая морозный воздух. При каждом движении из раны на лице брызгала кровь.

Ки попятилась прочь... Гарпия не шевелилась. Двигался только Вандиен. Он плакал, содрогаясь всем телом, и бесцельно топтался по снегу. Кровь ручьём текла по его лицу. Когти гарпии оставили глубокий рваный след, который начинался у него между глаз, рассекал переносицу и щёку и пропадал в бороде у самого угла челюсти. Лицо было изуродовано непоправимо.

— Ки... — прозвучал чей-то голос, и она увидела Хафтора, умиравшего на снегу. В его тёмных глазах стояло безумие; он умоляюще протягивал к ней руки, но она так и не отважилась подойти. Облик Хафтора расплылся, а звон в ушах сделался невыносимым. Оказывается, она обозналась: в снегу лежал вовсе не Хафтор, а Рисса, ищарапанная, но живая. Каким-то образом она уцелела — и теперь, и тогда...

— Рисса! — прошептала Ки, падая подле дочери на колени.

— Ты убила меня, мама, — жалобно всхлипнула Рисса.

— Нет!.. — простонала Ки и потянулась к мягонькой детской щёчке... но лицо её ребёнка вдруг стало бирюзовым. Золотой глаз гарпии замерцал в последний раз... и погас. Передние лапы, так никого и не схватившие, упали на грудь.

Громадные когтистые ноги гарпии судорожно дёрнулись, и звон в ушах Ки прекратился навсегда. Словно впервые, увидела она огромное тело, распростёртое в кровавом снегу, перепуганных лошадей, убежавших далеко по дороге, и Вандиена, медленно никнущего на колени. От боли и пережитого ужаса он казался ослепшим...

ое-как поднявшись, Ки подошла к Вандиену, при-слонила к своему плечу его голову и попыталась сложить вместе клочья кожи на его растерзанном лице. Рана была рваная — её края никак не желали ровно сходиться. Ки взяла руку Вандиена, заставила разжать кулак и придерживать разъезжающуюся плоть. Оставив его сидеть в снегу и смотреть на труп гарпии, Ки отправилась к сугробу, под которым покоились их припасы. Разыскав коричневую рубашку, которую Вандиен заботливо припас для неё, Ки порвала её на полосы. Повязка выйдет скверной, но поди-ка забинтуй как следует подобную рану. И на том спасибо, если удастся остановить кровь... Когда Ки кончила возиться, один глаз у Вандиена оказался закрыт наглухо и он едва мог раскрыть рот. Это последнее, впрочем, было не так важно. Говорить было не о чем.

Знакомый свист Ки и, паче того, её ругань заставили серых вернуться. Кроткий Сигмунд покорно стоял, не мешая Ки заталкивать ему на спину Вандиена. Оказавшись наверху, Вандиен с трудом приподнялся, путаясь пальцами в густой гриве коня. Ки не стала мучиться, навьючивая на тяжеловозов припасы. Они подберут их, когда вернутся с фургоном.

Напоследок она подошла взглянуть на убитую гарпию и постояла над ней, вжигая в свою память видение смятого бирюзового тела. Не было больше гарпии, охотящейся за ней...

Равно как и Свена с детьми, — нащёптывал в потёмках сознания какой-то голос. Ки не стала к нему прислушиваться.

Потом её внимание привлёк слабый отблеск серебра, и Ки, приглядываясь, опустилась на корточки. Наклонилась вперёд... и тихо ахнула.

Он оказался великоват для тощего запястья самца, этот высверк молнии, свитый в кольцо. Ки осторожно стянула его с костенеющей синей лапы. Искусно выкованный браслет был гладок и холоден на ощупь. Узнать его не составляло труда.

Значит, жители Арфистова Брода нашли-таки себе козла отпущения...

Серебряное кольцо вспыхнуло на солнце, взлетев над долиной. Потом ещё раз ярко сверкнуло, кружась в бесконечном полёте вниз, вниз... и растаяло, затерявшись в снежной белизне.

Прощай, Хафтор. Прощай навсегда...

Сгорбившись, Ки поплелась туда, где, не видя и не слыша ничего вокруг, сидел на лошади Вандиен.

— Мы возвращаемся к фургону, — негромко сказала она ему. — Там есть из чего сделать тебе повязку получше.

Вандиен едва заметно кивнул.

— Я никогда прежде не убивал разумное существо... — пробормотал он. Ки кивнула.

Она взобралась на Сигурда, и Сигмунд послушно двинулся следом. Мало-помалу Ки стала замечать трескучий мороз. От него перехватывало дыхание и ощутимо стягивало кожу на лице. Гарпия разорвала тёплый плащ, и Ки было холодно. Странно, но ей было почти безразлично. Холод, думала она, это, в конце концов, всего лишь холод. Он мог всего лишь убить. Бывает, оказывается, и так, что не видишь особенной разницы, жить или умереть.

За ночь ветер успел замести следы коней, но удержать Сигурда с Сигмундом на ледяном горбу оказалось нетрудно, благо тот проходил как раз посредине дороги. Ки старалась думать только о том, как добраться по нему до фургона. Вот когда он превратится в препятствие для её повозки, тогда и будем страдать по этому поводу. Покамест ей надо было позаботиться о Вандиене. Ещё Ки старательно гнала прочь образы, которыми утром искушала её гарпия. Все они мертвы, напоминала она себе. Давным-давно мертвы. И дети, и Свен. И даже Хафтор, безобразный, полубезумный Хафтор. И ничего с этим поделать было нельзя. Ки посмотрела на Вандиена. Кровь насквозь промочила повязку и лениво капала с угла челюсти. Па-

рень был смертельно бледен, глаза ввалились. Чтоб ему!.. И понадобилось же ему красть лошадей именно у неё...

Могучие тяжеловозы попросту не воспринимали Вандиена и Ки как какой-то груз и охотно трусили вперёд по снегу. При каждом резком движении голова Ки всё ещё отзывалась резкой, дёргающей болью. Она сдерживала коней, заставляя их идти шагом, — и ради Вандиена, и ради себя самой. Они и так продвигались неплохо, тут Вандиен не ошибся. Ки с горечью улыбнулась. Всадник на лошади в самом деле легко одолел бы перевал...

Ещё один поворот дороги — и Ки увидела свой фургон. Пожалуй, ещё никогда она не смотрела на него с такого расстояния. Голубая обшивка кабинки переливалась, покрытая инеем. Ночной ветер намёл слой пушистого снега куда только возможно, — казалось, фургон бросили уже много столетий назад. Приблизившись, однако, Ки разглядела, что снег возле фургона был кем-то потревожен, причём совсем недавно. Грозное предчувствие снова шевельнулось в душе, Ки стала обдумывать, как бы подобраться к фургону незаметно. Спрятаться было решительно негде: ни от Сестёр, угрюмо маячивших в вышине, ни от того, что могло таиться за дверцей. Ки ещё раз посмотрела на Вандиена и поняла, что хорошо бы поспешить. Он качался, с трудом удерживаясь у Сигмунда на спине. Ки хотела подстегнуть коней, но заставила себя сдержаться. Это могло только навредить ему.

Вандиен, казалось, ощутил её взгляд и покосился на неё единственным глазом.

— Это всё боль, — сказал он ей. — И ещё страх. Рана сама по себе не так уж и опасна...

Ки посмотрела на длинное кровавое пятно, которое начиналось у Сигурда на холке и тянулось по его телу, перечёркивая атласно-серые яблоки. Вот упала очередная капля, и пятно стало ещё чуточку больше и чуточку ярче.

Неподалёку от фургона Ки остановила коней и съехала с Сигурдовой спины в снег.

— Постой здесь, — без большой в том нужды велела она коню. — Пойду взгляну сначала, что там...

— Он долго простоял в тени Сестёр... — мрачно изрёк Вандиен.

— Ну не они же, в самом деле, вокруг него наследили, — фыркнула Ки. И побрела вперёд.

После тёплой, живой конской спины ветер казался особенно пронизывающим и стылым. Больше ничто не грело ей ноги и зад, а с ними и всё тело. С Ки будто сдёрнули ещё один плащ. Она поспешно закуталась в свой рваный, стягивая руками дыру.

Густо обросший инеем фургон был безжизнен. Снег лежал на деревянном дышле и на тяжёлых ремнях сбруи, тянувшихся вдоль него. Даже на обращённых вверх ободах колёс лежали маленькие сугробы. Снег набился повсюду. Нет, подумала Ки, ничто живое меня там не ждёт. Что же касается следов... Ки присмотрелась и с большим облегчением обозвала себя дурой. Ну конечно, гарпия сперва посетила фургон и обнаружила, что дичь убежала. При мысли о том, что, если бы не кони, гарпия легко могла бы миновать, ничего не заметив, их с Вандиеном сугробов, у Ки дрогнуло что-то внутри. Ну и что, сказала она себе. Ну и что...

И улыбнулась. Улыбнулась безо всякой надежды.

Дверца кабинки примёрзла насмерть. Ки долго лупила в неё кулаком, и наконец она подалась, а затем отворилась полностью. Ки свистнула, подзывая коней. Они подошли своим обычным размеренным шагом, а заодно доставили к фургону и Вандиена.

Ки уже вовсю шарила по шкафчикам, когда фургон дрогнул и в дверце показалось обмотанное лицо Вандиена.

— Я уж думала, ты не взберёшься один, — сказала ему Ки.

Он ответил:

— Выглядит живописно, но на самом деле всё не так уж и плохо.

Он пролез внутрь, и Ки, подхватив под руку, усадила его на соломенный тюфяк. Вандиен опустил на него с явным облегчением и некоторое время молча смотрел, как она рвёт на повязки тонкое зелёное платье.

— Посиди тут, отдохни немножко, — сказала Ки и направилась к двери. — Я хочу разжечь костёр и растопить немного воды. Мазей и лекарств на такую рану у меня никаких нет, так хоть промыть. Когти гарпии... на них

вечно какая-нибудь дрянь. Даже если рана не смертельна, она может загнить...

И она коснулась рукой скулы, с благодарностью вспоминая ласковые руки старой Риффы и её бальзамы, облегчавшие боль. Да и её тогдашние раны, правду сказать, были простыми царапинами по сравнению с растерзанным лицом Вандиена.

Как же давно это было... Целую жизнь назад!

Высунувшись наружу, Ки невольно нахмурилась: день уже угасал. Небо оставалось по-прежнему ясным, но заснеженная дорога почему-то показалась Ки темней, чем ей полагалось бы быть. Наверное, всему виной были блестяще-чёрные скалы, нависавшие над фургоном и так резко контрастировавшие со снегом. А может, глаза слишком привыкли к потёмкам внутри кабинки...

Разжечь костёр оказалось немыслимо сложным делом. Всякий раз, когда огонёк готов был заняться, снег начинал таять и упорно гасил его. Дрова же, казалось, насквозь проросли ледяными кристаллами и никак не желали разгораться. Но вот наконец оранжевое пламя весело заплясало, и Ки, набив снегом свой закопчённый котелок, повесила его над огнём.

Вандиен лежал неподвижно, точно брошенная кукла. Ки наклонилась над ним. Его голова, обмотанная промокшими бурыми тряпками, казалась слишком маленькой, а лицо — перекошенным.

— Надо будет снять повязку, — сказала ему Ки.

Он кивнул. Единственный открытый глаз смотрел словно издалека, но был ясен. Ки занялась повязкой. Грубые узлы запеклись кровью и к тому же замёрзли, да и саму повязку покрывала плотная корка кровавого льда. Вандиен только вздрагивал, пока Ки осторожно просовывала острое лезвие между слоями и отделяла их один за другим, неровно разрезая залубеневшую ткань.

Обнажившейся кожи не видеть было под стучками крови. Края раны, которые Ки так старательно складывала, разошлись вновь, открыв жутко зияющую дыру. Мысль о том, что сейчас придётся коснуться её, заставила Ки стиснуть зубы, а в душе вновь родился отголосок той боли, которую она испытала, стоя над останками Свена и малышей.

Кровь натекла в один глаз Вандиена и там свернулась, плотно склеив ресницы. Но и одним глазом Вандиен безо всякого зеркала увидел по выражению лица Ки, во что превратилось его собственное лицо. Он побледнел и поспешно закрыл глаз...

Маленький костерок продолжал отважно гореть. Вода в котелке ещё не кипела, но Ки осторожно попробовала её пальцем и обнаружила, что она уже достаточно нагрелась. Сняв котелок с огня, она осторожно отнесла его внутрь. Непроглядная тень Сестёр окутывала дорогу преждевременной мглой. Ки с беспокойством отметила про себя, что кони отошли от фургона — дальше, чем, по её понятию, следовало бы... Впрочем, не страшно. Свистнуть им, сыпануть зерна на снег — прибегут как миленькие. Но не сейчас. Надо обходить Вандиена... К тому же она страшно устала. Каждый шаг требовал усилия. На ногах висели гири, тело требовало сна. Да и Вандиену, после того как она его перевяжет, небось потребуется отлежаться... Ки задумалась, не приготовить ли чаю, а лучше — горячего супа. Нет. Сон, только сон. Сладостное, благословенное забытьё...

Она смочила тёплой водой зелёную тряпочку и стала осторожно промокать кровь. Вот обнажился глаз, сомкнутый, зато уцелевший... Чем больше кровавых сгустков смывала Ки, тем страшней на вид делалась разверстая рана. Тяжело вздохнув, Ки бережно пролила в неё немного воды. Вандиен нахмурился и попытался оторвать голову от промокшего тюфяка. Приподняв веки, он увидел кровавую лужу и сейчас же снова зажмурился.

— Тут больше воды, чем крови, — поспешно утешила его Ки. Ей оставалось только надеяться, что он поверит. Сама она была вовсе не так уверена. — И потом, — продолжала она, — рана, из которой течёт, сама себя очищает. Так говорят ромни...

Вандиен мрачно отозвался:

— Ещё они говорят, что луна присматривает за грешниками.

Ки тщательно свела края раны, почти восстановив их первоначальную форму. Из тонких тряпочек, бывших когда-то её зелёным платьем, легче было соорудить плотно облегающую повязку. Легче было затягивать и узлы.

— Ромни ещё сбрили бы бороду вокруг раны, — сказала Ки. — Мне, к сожалению, нечем...

— Ну и хорошо. У меня всё равно духу бы не хватило... — Вандиен попытался сесть, но голова беспомощно запрокинулась. — Какая тяжесть в голове... И всё тело такое тяжёлое...

— Ты просто потерял порядочно крови, вот и ослаб. А ещё ты убил разумное существо, и от этого страдает твоя душа. Уж я-то знаю... Вот что: ты пока отдыхай, а я приготовлю горяченького поесть.

Ки вновь вышла наружу и затворила за собой дверцу кабинки. Тень Сестёр, окутавшая дорогу, сделалась ещё гуще. Ки посмотрела вверх, в нависшую черноту, и неожиданно захотела ещё раз, как тогда, прикоснуться к красоте Сестёр. Но не смогла. Теперь от Сестёр исходила только неусыпная бдительность...

Костёр успел погаснуть, оставив после себя лишь чёрную лужу талой воды. С трудом волоча свинцовые ноги, Ки отправилась к корме фургона за последними остатками дров. Костёр, конечно, пришёлся бы очень кстати, когда стемнеет. Однако горячая еда, восстанавливающая силы, была нужнее. Ибо ледяной горб никуда не делся, и надо будет что-то придумывать.

Рядом с жалкой кучкой дров в кузове фургона лежал последний мешок зерна. Ну что ж... заодно... Ки понадобилось невероятное усилие, чтобы подтащить к себе тяжёлый мешок, развязать его и высыпать на снег порцию корма. Подняв голову, Ки посвистела коням. К её удивлению, их нигде не было видно. Только следы на снегу. Тяжеловозам зачем-то понадобилось убраться прочь, в ту сторону, где они ночевали в снегу и где осталась мёртвая гарпия. Ки выругалась, возмущённая их неожиданной прихотью, и отправилась следом. Двое паршивцев всё равно не услышат из-за поворота её свист. А стоит им добраться до двух мешков зерна, брошенных там, их и вовсе ничем назад не заманишь...

Ки кое-как заставила себя припустить трусцой. Кони уходили шагом, вот только шаг у них был гораздо шире, чем у неё. Ки задыхалась. В голове тяжело и болезненно стучало, мороз хватал её за бок сквозь дыру в плаще. Чтоб

он сдох, этот Ризус, вздумавший таким способом доставлять домой свои вонючие камешки. Чтoб она провалилась, эта больная башка, норовящая отвалиться на каждом шагу, эти тяжёлые ноги, облипшие снегом... Будь они прокляты, эти Сёстры, способные своей тенью превратить ясный день в сумерки...

К тому времени когда Ки добралась до поворота, каждое обстоятельство её несчастной жизни было ею последовательно вспомнyто и с большим чувством проклято. Невелико удовлетворение, — зато Ки от злости даже немного согрелась. А серые безобразники, казавшиеся на белом фоне чуть ли не воронами, по какой-то странной причуде остановились, оказывается, сразу за горбом скалы. Они прижали уши, когда она от души их обложила. И поначалу наотрез отказывались идти обратно к фургону. Она пыталась тащить Сигурда за уздечку, шлёпать по необъятному крупу — всё тщетно. Только когда она влезла на кроткого Сигмунда и повернула его назад, таща Сигурда за собой, — мятежный конь волей-неволей поплёлся следом, волоча копыта и возмущённо пофыркивая. И то только потому, что Сигмунд был больше и сильнее его.

Но стоило им завернуть за поворот, как и Сигмунд замер на месте, только с интересом смотрел вперёд, насторожив уши. Ки заплакала от ярости, чувствуя себя бессильной мартышкой в него на спине. Слёзы замерзали у неё на ресницах. Она посмотрела на свой фургон, думая о дровах, лежавших в его кузове...

...Фургон! Его кузов покрывала такая глубокая тень, что даже белый снег казался чёрным, как спёкшаяся кровь... как чёрный камень Сестёр. Ки подняла голову к ясному небу, и в глаза ей ударило солнце. Тень Сестёр была вовсе не той тенью, которую отбрасывают солнечные лучи. Она жила и двигалась сама по себе...

Ки что было силы заколотила пятками в круглые, как у доброй бочки, бока Сигмунда, но конь только затряс головой — и не двинулся с места. Тогда Ки скатилась с его спины и ринулась дальше пешком.

И вот прямо перед нею была граница чистого белого снега и чернильной тени. Причём тень эта больше всего напоминала плотный язык чёрной жидкости, который Ки

предстояло пересекать вброд. Ки ещё раз посмотрела на солнце, с ужасом покачала головой — и ступила во тьму.

Жуть! Её нога стояла на блестяще-чёрной поверхности, наводившей на мысли о вечном, ничего не отражающем мраке. Ки смотрела на свою медленно погружавшуюся ступню. Чернота плотно охватила её и крепко сжала. Как вязкая грязь. Но через подобную грязь ей ещё не приходилось перебираться. Ки испугалась и попробовала выдернуть ногу. Нога подалась очень медленно и с величайшим трудом, но вышла наружу как ни в чём не бывало. И даже не вынесла с собой ни капельки прилипшей чёрной смолы.

Ки вновь стояла на самом обыкновенном льду, припорошенном снегом.

Она посмотрела на фургон... Чернота уже засосала большую часть колёс и касалась днища кузова. Костерок был погашен и погребён тьмой. Как и сбруя, оставшаяся лежать на снегу. Тьма медленно и неотвратно поднималась всё выше...

— Вандиен!.. — заорала Ки во всю силу лёгких. Ей показалось, будто чернота поглотила звук, превращая крик в шёпот. Ки задыхалась. Сзади донёсся шорох шагов: мудрые кони ретировались за поворот. Ей оставалось только гадать, что они знали о происходившем. И откуда.

— Вандиен!..

Снова бессильный шёпот в ночи. Ки явственно предстала, как он спит там, внутри, уронив на тюфяк отяжелевшую голову, вытянувшись бессильным, обескровленным телом. Он умрёт там, задавленный тенью Сестёр, убитый той самой легендой, от которой он пытался её предостеречь. И она не могла спасти его. Она никого не сумела спасти. Ни Свена с детьми, ни безобразного Хафтора... ни Вандиена. Соваться в эту чёрную дрянь было глупым геройством, бессмысленным и безнадёжным. Она умрёт, а толку будет — что мёртвому припарки. Никому это не нужно, в том числе и Вандиену... Ки смотрела во мрак, вздымавшийся всё выше. Да, лезть туда — словно натягивать шерстяные носки на мёртвые от холода ноги...

Или бросаться на гарпию с ремнём от сбруи...

...Ки хотела бежать, но бежать не удавалось. Стоило ей опустить ногу, как чернота начинала её засасывать. Всё

тело необъяснимым образом отяжелело, руки стали двумя гирями, чугунная голова беспомощно болталась на шее. Даже воздух, который она втягивала в лёгкие, казалось, сгустился и почему-то отдавал затхлостью. В нём не чувствовалось ни малейшего дуновения ветра. И чёрное вещество даже не чмокало, неохотно выпуская схваченные было ступни. Звуки как будто перестали существовать. И оно по-прежнему поднималось, поднималось прямо на глазах, ползло и ползло вверх. Вот оно поглотило еще одну спицу раскрашенного колеса... Оно засасывало ноги Ки, на каждом шагу грозя свалить её вниз лицом. Двигаться становилось всё тяжелее, голова никла, подбородок прижимался к груди. Ну, давай поползём, молило измученное тело. Давай встанем на четвереньки... Но Ки вообразила, как падает и остаётся лежать, не в силах больше подняться, — и с невероятным упорством продолжала шагать.

И вот наконец её ногти царапнули по боку фургона. Она хваталась за дерево, как едва не утонувший пловец, пытающийся выкарабкаться на крутой берег.

— Вандиен!.. — трудно дыша, позвала она, но слова канули в бездонную черноту, едва успев достигнуть её собственных ушей.

Ки упала коленями на сиденье возчика и потянулась к дверце... Невероятно! Густая тьма просочилась внутрь фургона и поднималась одновременно с той, что затопляла его снаружи. В кабинке уже невозможно было бы выпрямиться. Чёрная жижа стояла уже почти вровень с дверным порошком. И продолжала неотвратимо ползти вверх. Вот сейчас она зальёт спальную лавку...

— Вандиен!.. — дико завизжала Ки. Он услышал её и слабо пошевелился, но не сумел даже приподнять обмотанную повязками голову.

— Я просто устал, — пробормотал он жалобно. — Ослаб...

И глаз, открывшийся было, снова сомкнулся.

Ки потянулась внутрь и невольно оперлась ладонью о чёрное вещество. Мрак сейчас же принял её руку и сжал её, словно добрый друг после долгой разлуки. Всклипнув, Ки высвободила кисть, едва не вырвав руку из плеча. Она отрывисто, судорожно дышала. Она вдруг поняла, что ей

следовало делать. Надо было как можно быстрее скользить по поверхности, не давая ей расступиться под тяжестью тела...

И делать это надо было сейчас. Вот прямо сейчас. Без размышлений. Чернота поднялась ещё немного и стала заплёскивать на край дощатого сиденья. Ки едва не закричала, но крик замер у неё в горле...

«Скользнуть» по поверхности мрака оказалось не так-то легко. Руки немедленно увязли по самые запястья, Ки еле их вытащила. У неё не было опоры, чтобы высвободить колени. Взыв от отчаяния, Ки всем телом рванулась вперёд и сумела-таки дотянуться до края тюфяка. Её пальцы крепко стиснули матерчатый чехол, набитый соломой.

И всё.

Она не могла подтянуться к нему. И его к себе подтащить не могла. Мрак держал мёртвой хваткой. Оставалось только тонуть в нём.

В кабинке внезапно стало темнее. Ки встревоженно оглянулась на крохотное оконце, потом на дверь. Оказалось, чернота покрыла сиденье. С каждым мгновением просвет в двери становился всё ниже. Тьма охватывала голени Ки, словно тесные, такие тесные кожаные сапоги...

— Вандиен!.. — отчаянно завопила она, и на сей раз до него начало доходить. Он кое-как приоткрыл глаз. Хребет Ки готов был затрещать. Ещё чуть-чуть, и она рухнет животом прямо в черноту. К тому же тело тяжелело всё больше и больше.

— Тень Сестёр, Вандиен!.. Надо выбираться отсюда!.. Ты не ослаб, это всё тень!.. Давай же, шевелись, парень, прах тебя побери!!!!..

Упоминание о Сёстрах заставило его оживиться. Тёмный глаз, видимый сквозь повязки, начал озираться кругом, и в нём вспыхнула искра ужаса:

— Надо скорее бежать отсюда...

Он почти кричал, но Ки едва его расслышала. Идиотский смешок вырвался у неё. Поразительно новая мысль!..

Вандиен перевернулся на живот, и было похоже, что самое простое движение требовало от него предельных усилий. Он с ужасом уставился на узенькую лазейку, в

которую превратилась дверь. Ки между тем погрузилась почти до бёдер.

— Прости меня, Ки... — сказал Вандиен. Или ей послышалось, что сказал. С трудом привстав на колени, он... рухнул прямо на неё. Ки ахнула и ткнулась лицом в черноту. Там не было ни света, ни воздуха... ни каких-либо ощущений. Страх захлестнул шейные мышцы, и Ки высвободила голову. Вандиен полз по её спине, используя её тело как гать, по которой можно было добраться до сиденья. Нога в сапоге ободрала Ки лопатку. Тяжело оттолкнувшись от неё, он высвободился. Он стоял там, упираясь коленями в доски сиденья. Доски были скрыты чернотой, но не давали ему погрузиться глубже.

Ки не видела его: ей никак не удавалось вывернуть шею. Ужас, ярость, а пуще всего — лютая обида на подлого предателя добавили ей силы. Она ведь ещё держалась за набитый соломой тюфяк! Она стала подтягиваться к нему с силой, которую может породить только страх смерти. Но только-только ей удалось по грудь выбраться из черноты, как сильный рывок стащил её обратно. Её руки разжались от неожиданности. Она потеряла опору...

— Да не отбивайся ты!.. — послышалось из невероятной дали, словно бы из другого мира. Потом до неё дошло, что уже не чёрное вещество, а чьи-то руки стискивают её лодыжки. Ещё немного, и пальцы ног ощутили родную шершавую жёсткость досок сиденья. Она хотела помочь Вандиену, но тело было неподъёмно тяжёлым. Чернота казалась плотной, но сколько ни пыталась Ки отталкиваться руками, у неё мало что получалось. Она почувствовала, как Вандиен всем весом тела навалился на её голени, покоившиеся на сиденье, потом обхватил руками под бёдра и рванул вверх. Соответственно, подбородок Ки снова ткнулся в засасывающую тьму. Ужас, вызванный прикосновением, заставил судорожно напрячься мышцы живота... Грудь и плечи неожиданно высвободились. Вандиен обхватил Ки поперёк тела, помогая вытянуть руки. Ки стукнулась затылком о притолоку — и оказалась снаружи.

У них не было времени ни для взаимных благодарностей, ни для отдыха, ни даже для того, чтобы попросту

отдышаться. Оба стояли коленями на уже погрузившихся досках, и тьма доходила им до бёдер. Лицо Вандиена было белым от напряжения в тех местах, где его не закрывала испятнанная кровью повязка. Не говоря ни слова, он потянулся вверх и встал на сиденье, потом перебрался на крышу. Ки влезла следом и растянулась подле него ещё прежде, чем он успел предложить ей помощь. Сидя бок о бок, они тяжело дышали, как два умотавшихся пса, и тупо смотрели на чёрный прилив, медленно вздымавшийся кругом. Оба отчаянно нуждались в отдыхе, но отдыхать было некогда.

Казалось, чернота теперь поднималась быстрее прежнего. Ки слышала, как стонали и тяжело трещали в её объятиях деревянные части фургона. А где-то там, за краем чёрного океана, осталась белая заснеженная дорога. Ки знала, что туда им уже не добраться. Тьма утопит их, раздавит и поглотит. Тень Сестёр. Так вот что это, оказывается, такое...

Ки невольно подняла глаза, чтобы ещё раз посмотреть на двух каменных великанш. Вандиен заметил её движение и тоже посмотрел вверх.

Они уже утратили способность восхищаться и благоговеть. У них не было душевных сил изумиться красоте представших им серебряных ликов. Между тем перед ними было зрелище, увидеть которое доводилось немногим. Сурово-прекрасные, бескомпромиссно глядящие Сёстры... и чёрный покров, стекающий на дорогу. Серебряные лица были слишком чисты, чтобы выглядеть человеческими; им были неведомы чувства — достояние низших существ. Вандиен умоляюще простёр к ним руки... Громадные глаза великанш отразили его мольбу, но и только. Ничто не переменялось. Мрак по-прежнему полз вверх. И далеко, невероятно далеко, манил к себе белый снег. Сёстры высились, застыв в поцелуе, и серебряные волосы двумя водопадами струились по каменным спинам...

— Умереть, созерцая подобную красоту! — вырвалось у Ки.

Вандиен взял её за руку, и она обернулась. Он указывал ей глазами на край обрыва, вернее, туда, где этот край когда-то был. И Ки поняла. Уж лучше быстрая смерть!

Край был довольно-таки близко, — если повезёт, они сумеют добраться. А если не-повезёт — что ж, какая разница, утонуть на крыше фургона или по дороге к самоубийству!..

Ки хотела встать на ноги, но Вандиен вновь усадил её. А потом соскользнул с крыши на поверхность черноты, от которой их отделяла всего-то ладонь. Ки заворожённо следила за ним, ожидая, что вот сейчас он завязнет и начнёт беспомощно погружаться... Ничуть не бывало. Его руки и ноги безостановочно двигались, а всё тело изгибалось, словно в припадке. Как плывущая змея, мелькнуло у неё в голове. А потом на ум явилось нечто ещё более подходящее.

Водомерка.

Ки знала, что непременно должна попробовать, но тело отказывалось повиноваться: измочаленные мышцы кричали от боли, в голове стучало. Вандиен извивался и корчился, медленно продвигаясь к краю дороги. Ки провожала его глазами и невнятно радовалась за него.

Фургон под ней заскрипел, потом затрещал и начал заваливаться набок. Как хотела бы Ки последовать за Вандиеном, но сама понимала, что ни воли, ни сил у неё на это уже не хватит. Вандиен не оглядывался. Чернота устремилась к ней, мягко тронула её ногу...

И Ки отчаянно задвигалась. Какая там воля, какие силы! — панический ужас бросил её вперёд, заставляя ползти. И весьма вовремя. Не успела она покинуть крышу фургона, как эта крыша исчезла. Ки не смотрела вниз, в вязкий мрак перед самым лицом. Просто билась и дёргалась, точно рыба, вынутая из воды. Тьма хватала и отпускала её, хватала и отпускала — то руку, то ступню, то колено, но с каждым разом всё неохотнее. Воздух и тот отказывался проникать в лёгкие. Ки никак не могла вздохнуть полной грудью. Ни единого звука не достигало её ушей — всё поглощал мрак. Край утёса был невероятно, непредставимо далёк. И Вандиен — почти так же. Потом Ки почувствовала, что понемногу слепнет. Разум подсказывал ей, что тело достигло крайнего предела, — это меркло сознание. Но тут же заговорил животный, нутряной ужас, не имевший ничего общего с разумом: что-то внутри Ки

знало, что это всё та же овеществлённая тьма пыталась её захлестнуть.

И Ки принудила своё тело к невозможному.

Вандиен между тем перевалился через край: просто достиг его и, не раздумывая, сполз с него вниз головой. Может быть, он и кричал, но Ки ничего не услышала. Сперва он валился вниз медленно, удерживаемый чёрным веществом; казалось, прошла вечность, прежде чем он скрылся за кромкой. Но вот наконец заскользили вниз его ноги... Ки предприняла последний рывок, чтобы догнать его и сорваться в бездну с ним вместе.

Ки видела, как исчезли его сапоги. Она осталась одна. Она продолжала ползти сквозь черноту, борясь не за то, чтобы выжить, — лишь за право умереть той смертью, которую сама себе избрала. Если уж её телу суждено быть сплюснутым, так пусть оно сплющится о камни внизу, где его разорвут жадные птицы. Всё лучше, чем быть раздавленной бессмысленным чёрным киселём!.. Ноги Ки шевелились всё медленнее, не подчиняясь иступлённым приказам мозга. С каждым движением она только увязала всё глубже, совсем не продвигаясь вперёд. Она больше не видела края. Голова была слишком тяжёлой, Ки просто не могла её больше поднять. Волей-неволей приходилось смотреть вниз, в слепящую тьму, которая по-прежнему не отражала её, только силилась поглотить. Из носу потекла кровь. Густые красные капли падали на чёрную поверхность и сразу же тонули. Ки яростно отфыркивалась... и ползла вперёд.

...Край? Не может быть... Нет, действительно край! Ки смотрела вниз с отвесного обреза мрака, неожиданно сменявшегося заснеженной каменной стеной. Ки что-то прокричала и сунулась вперёд головой. Потом выпростала плечи. Потом освободила руки... и протянула их к манящему снегу. До белого, белого дна долины, усеянного тёмными крапинами кустов, было не ближе, чем до небес. Тьма стала засасывать её живот, вобрала ступни и лодыжки... Снова пришлось вырываться, трепыхаясь, надсаживая возмущённые мышцы...

Ки перевалилась через край... и повисла вниз головой, потому что чёрное вещество крепко держало её тело. Это

было странное, замедленное падение: Ки попросту съезжала на животе, соскальзывая вверх ногами по отвесной чёрной стене. Окутанное белым саваном дно долины было до ужаса далеко. Ки медленно сползала всё ниже. Кровь, скопившаяся в ноздрях, душила её. Ки вырвало...

Потом на запястье сомкнулись железные клещи. Ки изумлённо обернулась и увидела перед собой белое, как снег, лицо Вандиена. Оказывается, он кричал ей, но чернота поглотила все звуки.

— Перевернись!.. — завопил он ей прямо в ухо, и только тогда она сумела расслышать. — Перевернись, пока эта штука тебя ещё держит! Опусть ноги вниз...

Сам он уже полностью высвободился и теперь неведомо каким образом удерживался на обледенелой скале за краем дороги. Ки едва заставила выжатые мышцы напрячься ещё раз, изгибая и переворачивая немыслимо тяжёлое тело. Вандиен перехватил её руку, помогая ухватиться за крохотный выступ утёса. Ки вцепилась в мёрзлый камень, горько жалея о рукавицах, которые чёрная трясина давным-давно стащила у неё с рук.

Вес тела постепенно сделал своё дело. Ноги Ки сползли всё ниже. Какое-то время она висела почти горизонтально, потом чернота с беззвучным хлопаньем выпустила её сапоги. Тело Ки описало дугу над пустотой, — ещё чуть-чуть, и она бы неминуемо сорвалась. Однако минуло мгновение, и Ки повисла рядом с Вандиеном, как он распластавшись и держась лишь кончиками пальцев рук и ног.

...Но до чего всё-таки славно было вжаться лицом в замороженный камень, укутанный снегом. **ТВЕРДЫЙ КАМЕНЬ. НАСТОЯЩИЙ СНЕГ. БЕЛЫЙ СНЕГ.** Ки слизывала талую сырость, щедро приправленную её собственной кровью. Холодный, разреженный воздух ласкал измученные лёгкие. Долгое, долгое время это было для Ки сущим блаженством. Висеть. Дышать. Слизовать подтаявший снег...

— Ки!..

Наверное, это был крик, но прозвучал он как шёпот. Ки устало повернула голову и посмотрела на Вандиена. Что он ещё собирался ей говорить?.. Лучше бы помолчал. У неё не было никакой охоты не то что разговаривать —

даже и думать. И тем более шевелиться. Просто висеть здесь, пока не кончатся силы. А потом... То, что произойдёт потом, произойдёт быстро.

— Смотри!..

И Ки стала смотреть. У неё лишь чуть-чуть округлились глаза, когда Вандиен покинул свой уступ и... начал карабкаться вверх. Потом вытянул над головой свободную руку и воткнул её в чёрный срез мрака чуть-чуть повыше того места, где кончались камень и снег. Неведомое вещество цепко охватило его руки. Повиснув таким образом, Вандиен разжал вторую руку, ещё державшуюся за камень, и воткнул её рядом с первой. Потом несильно упёрся ногами в утёс. Ки следила за этим представлением с праздным любопытством... доколе он не выпростал одну руку и не переставил её подальше — так далеко, как только сумел дотянуться. А потом выволок наружу вторую руку и перенёс её следом за первой... Его тело ползло следом за руками, соскребая со скалы снег.

— Давай за мной!.. — Это был крик, но Ки разобрала его только по движению губ. Он снова сделал это: высвободил руку, переместил как можно дальше, перенёс вторую... смёл грудью и животом ещё немного снега с камней. Он не оглядывался.

Ки почти безразлично следила за своей кистью, покинувшей каменный выступ и погрузившейся в чёрный кисель, который сейчас же сомкнул на ней упругие беззубые челюсти. Невольный озноб прошёл у неё по спине. Ки пришлось висеть какое-то время, доверяя чёрной дряни свою жизнь. Плечо готово было затрещать, но тут она сунула вторую руку внутрь. Пальцы ног заскребли по скале.

Так. Вытаскиваем первую руку. Раскачиваемся в поисках новой опоры... Рука, на которой Ки висела, под весом тела начала уже выскальзывать, когда ищущие пальцы снова воткнулись во тьму. Да, это был гораздо более опасный способ перемещаться, чем ей показалось вначале. Когда было не надо, материализовавшийся мрак так и цеплял её, порываясь убить. Зато теперь, когда только он и удерживал над пропастью её тело, елозившее по отвесной скале, руки так и выскальзывали. Это была сущая пытка. Тянись, втыкай, виси, подтягивайся, тянись, втыкай... и так без конца.

Дышать было нечем: руки, вытянутые над головой, не давали лёгким расправиться. Суставы плеч грозили вот-вот разорваться. Ки с тошнотворным страхом припомнила, как одно плечо некогда уже отказало. Ну пожалуйста, умоляла она собственное тело. Ну пожалуйста, тянись, втыкай, виси, подтягивайся, тянись, втыкай... Чёрное вещество между тем постепенно становилось всё более плотным. Сначала Ки этому только обрадовалась — оно стало надёжней удерживать её выскальзывающие руки, — но потом заметила, насколько труднее стало втыкать руки и выдирать их на свободу. К тому же чернота так сжимала тело, что кисти совершенно побелели: с каждым новым пожатием мрак всё сильнее выжимал из них кровь. Ки только стиснула зубы и с утрюмым упорством продолжала двигаться дальше. Ко всему прочему руки у неё отчаянно мёрзли. Гораздо больше, чем тело, ёрзавшее и извивавшееся по камням. Пальцы совсем онемели, а чёрная дрянь сгустилась настолько, что руку в неё приходилось уже не втыкать, а вколачивать. А потом отчаянно выдёргивать, замурованную. Ки явственно ощущала, как рвутся у неё в плечах, у локтей, внутри запястий какие-то тоненькие нити. Рвутся одна за другой...

...В очередной раз высвободив руку, Ки протянула её, насколько было возможно, вперёд и с маху ударила во что-то совсем уже твёрдое. Рука не желала проникать внутрь. Ки размахнулась сильнее и ударила кулаком. Всё тщетно. Ки висела на одной руке, и сдавленная кисть посылала в мозг неслышные вопли боли: чернота сплющивала её, сплющивала медленно, но верно. Ки крепко зажмурилась и ударила в третий раз, уже изо всех оставшихся сил...

— С камнем этот номер, пожалуй, не пройдёт, — сказал Вандиен, перехватив её сжатый кулак и крепко потянув на себя. Ки слышала, как он с шуршанием переползал по снегу. С ума сойти, она вдруг обрела способность слышать и дышать по-человечески. Оказывается, она достигла края чёрной стены и пыталась вогнать кулак в неподатливый камень. Кое-как она вырвала исстрадавшуюся руку из тьмы и бездумно повисла, удерживаемая лишь хваткой Вандиена, вцепившегося в её предплечье. Мужчина застоялся от натуги, последовал рывок, и внезапно её плечи и

голова снова оказались по сю сторону края мира, на поверхности дороги. Ки принялась отчаянно барахтаться, цепляясь за что только можно и брыкаясь. Ещё один рывок, и она очутилась целиком наверху. Пережитый ужас заставил её сейчас же откатиться подальше от края. При этом она даже не пыталась подняться — катилась, ползла, плоховато соображая, что делает. Вандиену некогда было над ней посмеяться, — собственно, он и сам был занят точно тем же.

Потом они долго лежали бок о бок на благословенном снегу, лежали неподвижно, уронив головы на руки. Ки слушала тяжёлое дыхание Вандиена... а может быть, и своё собственное. Воздух безо всякого труда наполнял лёгкие, а снег был восхитительно холодный. Ки так устала, что ей не хотелось даже поднимать голову; впрочем, она знала, что сумеет её поднять, если очень захочет. Она была жива. Она была жива... Она приподняла голову и набрала полный рот снега. Зубы сейчас же заныли, но Ки набрала в рот ещё пригоршню. Потом повернула голову набок и посмотрела в лицо Вандиену.

Они лежали нос к носу, и Вандиен тоже разглядывал её сквозь полуопущенные ресницы. Его лицо, вернее, та часть, что виднелась из-под повязки, выглядела бескровной и осунувшейся от изнеможения. Большая часть зелёных тряпочек пропиталась красной влагой. По снегу под его щекой тоже расплзлось кровавое пятно.

— Видок у тебя как у актёра в гриме, — пропыхтела Ки. — Белая рожа, чёрная борода и повязка — зелёная с красным. Прямо покойник для трагической пьесы...

— Только не для этих подмостков, — простонал в ответ Вандиен. Оба оглянулись и посмотрели на непроницаемую чёрную стену, воздвигшуюся поперёк дороги всего в нескольких шагах от них. Когда что-то неожиданно коснулось ноги, Ки в ужасе шарахнулась прочь... и услышала оскорблённое фырканье Сигмунда. Сигурд стоял немного поодаль и лениво почёсывал нос о чёрную мохнатую бабку. Вандиен и Ки, распростёртые на снегу, вызывали у них лёгкое любопытство. Но не более.

— Верные друзья, называется... — разбиделась Ки.

— Зато у них хватило ума убраться подальше, — сказал Вандиен. — Не то что у некоторых.

Они не поднимались с земли, переводя дух и отдыхая. У Ки болело всё тело, абсолютно всё — до последнего ногтя, в голове мучительно стучало... словом, чувствовала она себя великолепно.

Через некоторое время, однако, дал себя знать холод. Ки осталась без рукавиц, поглощённых чёрным приливом. Да и дыра в плаще осталась на своём месте. Эта мысль вызвала у неё слабую улыбку. Утреннее происшествие с гарпией успело отодвинуться далеко-далеко и начисто утратить былую значительность. Ки устало дотянулась до капюшона и поглубже надвинула его на голову. Она знала, что скоро надо будет встать и что-то такое сделать. Она задумалась, лёжа на снегу, что же такое она должна была сделать...

— Ки!..

Она неохотно приоткрыла глаза. Оказывается, она успела их закрыть. Солнце далеко ушло по небу, сползая к закату. Половина тела крепко замёрзла. Ки поправила одеяло, и глаза снова стали смыкаться. Потом до неё дошло, что одеяла были вовсе не одеялами, а плащами — её собственным и Вандиена, которым он укрыл их обоих. Стало быть, тому её боку, которого касался бок Вандиена, было относительно тепло, зато другой мёрз. И в пальцах ног ошутимо покалывало. Что ж, надо двигаться. Ки пошевелилась...

— Замри! — прошипел Вандиен.

Ки замерла. Тёмный глаз пронизывающе смотрел из-под повязки, обросшей инеем поверх кровавого пятна. Смотрел так, что все возможные вопросы замерли у Ки на языке. Она только повела глазами и увидела то же, что увидел и он.

Серебряные Сёстры сделались серыми. Мрак возносился обратно к ним, на своё место, возносился волнами и клубящимися вихрями, переливаясь всеми оттенками от бледно-серого до чёрного. И ложился тончайшими шёлковыми слоями, пряча красоту, не предназначенную для созерцания низшими существами. Ещё немного, и бессердечные, величественно-прекрасные лики вновь облеклись чернотой и стали обыкновенным камнем. Почти обыкновенным...

— Значит, когда-то они были стражами, — выдохнула Ки.

— Ш-ш-ш! — предостерёг Вандиен. Однако кивнул.

— И как я могла заснуть так близко от них?.. — шёпотом удивилась Ки.

Чёрный покров, окутавший Сестёр, сгущался с каждым мгновением. Стена, перегородившая дорогу, становилась всё ниже, превращаясь в чёрный туман и возносясь наверх, к Сёстрам.

— Мы же были вне их тени, — пробормотал Вандиен, когда счёл, что разговаривать уже можно. — В чём, в чём, а в этом они чудовищно справедливы. То место полностью принадлежит им, но только оно, и всё. Вот почему подъездная дорога с обеих сторон до последнего всячески прячется от их взгляда. Видимо, они устроены так, чтобы реагировать медленно. Может быть, их поставили здесь от существ более медлительных, чем теперешние, а может, им было приказано только перекрывать дорогу, не уничтожая?.. Откуда нам знать. Не удивлюсь, если они вообще делали здесь какое-то непредставимое для нас дело, а опасность, которую они теперь представляют для путников, — чистое совпадение. Этот мир стар, Ки, очень стар, мы в нём молоды...

— Мой фургон!.. — прозвучало в ответ. Она приподнялась и встала, слыша, как копошится позади Вандиен. Последние ключья чёрного тумана улетали с дороги, возвращаясь на своё место. Ки, не раздумывая, шагнула туда, где не так давно громоздилась стена тьмы. Ей пришлось соступить вниз с довольно заметного порожка: мрак уничтожил весь снег и лёд на дороге, оставив голый камень, гладкий и плоский.

...Ки довелось однажды видеть фургон ромни, загремевший вниз с горной дороги, размоченной предательской оттепелью. В тот раз она немало дивилась толстым деревянным брусам, переломанным, словно лучинки, и громадным коням, которых раскидало в разные стороны, словно котят. Кузов же их фургона превратился в пригоршни яркого мусора, высыпанные на горный склон, точно обрывки разноцветной бумаги... Но и там она не видела дерева, сплющенного до такой степени, что, как только она взяла

его в руки, волокно стало отделяться от волокна. Её фургон был раздавлен и размазан по камню дороги, словно пёстрое насекомое, прихлопнутое на оконном стекле.

Тут и там попадались обломки, которые её разум не желал признавать: жалкая головка деревянной лошадки, почему-то сохранившаяся, в отличие от тела, нетронутой; тряпочка, бывшая некогда занавеской; плоский медный кружок, судя во всему её походный котелок; солома, превратившаяся в труху; яркий цветочек, нарисованный на непонятно как уцелевшей доске...

Ки не закричала. Она вообще не произнесла ни слова. Вандиен подошёл к ней, шаркая сапогами по камню. Он взял её за плечо и хотел увести прочь, но Ки стряхнула его руку. На её лице жили только глаза, обшаривавшие обломки фургона, обломки всей её жизни. Потом её стало трясти и трясло всё сильнее, Вандиен испугался, как бы с ней не случился припадок. Он смотрел, как она, содрогаясь, медленно ходила туда и сюда и время от времени нагибалась, подбирая очередной бесценный кусочек. Прижимала его к груди и бережно несла несколько шагов, потом роняла и наклонялась за следующим. Предметы выглядели случайными: обрывок кожи, ручка от кружки, яркая тряпочка... Она поднимала и выбрасывала одно за другим. Она бесцельно бродила среди руин, не замечая холода, от которого на руках уже расцветали красные и белые пятна... Наконец у неё из рук выпал крохотный меховой сапожок. Ки посмотрела на него, и её перестало трясти.

— Скоро станет темно. Хватит попусту разбазаривать время, — произнесла она таким тоном, как будто это Вандиен задерживал её здесь. Решительным шагом пересекла она каменную площадку и вошла на снежно-ледяной порожек. — Скоро стемнеет!.. — окликнула она Вандиена.

Она попыталась схватить Сигурда под уздцы, но конь игриво увернулся. Ки строго огрела его по плечу и сделала ещё одну попытку, на сей раз удачную. Могучая, в серых яблоках спина возвышалась над ней, как гора.

— Подсадить? — подойдя сзади, спросил Вандиен.

— И как, интересно, ты сам после этого полезешь на Сигмунда? — ворчливо осведомилась Ки. — Судя по твоему виду, досталось тебе покрепче, чем мне...

— Ки, — сказал он. — Знаешь, Ки... Я сожалею о том, что произошло.

— В самом деле? — отозвалась она. — Что ж, завидую. Хотела бы я тоже чувствовать по этому поводу... хоть что-нибудь...

Тут Вандиен попросту взял её за ногу и забросил Сигурду на спину. Оказавшись наверху, Ки изловила Сигмунда и подвела кроткого мерина к краю ледяного горба, на котором уже стоял Вандиен. Вандиен попытался перебраться на коня, едва не свалился вниз головой по ту сторону, но всё-таки удержался и сел. Вместе они направили тяжеловозов обратно за поворот и потом вниз по дороге, туда, где осталась их стоянка. Ветер дул им в лицо, жала ледяными кристаллами. Ки засунула окованные руки под себя, в конскую шерсть, и предоставила Сигурду идти, куда поведёт его чутьё.

Темнота между тем сгущалась, и они скорее всего так и не разыскали бы занесённых снегом пожитков, если бы не труп гарпии. Он ещё торчал наружу из сугроба, поскольку был слишком угловат и велик, чтобы его успело замести так скоро. Ки придержала Сигурда, без капли жалости разглядывая изуродованные шрамами черты, крылатое тело калеки. Другое дело, что до неё впервые как следует дошло, насколько сильно изувечил его огонь. Вся грудь была одним сплошным рубцом, а кисти передних лап навеки скрючились в кулаки.

— Что вообще поддерживало его?.. — подумала она вслух.

— Ненависть, — отозвался из темноты Вандиен. — Ну а тебя что будет поддерживать? Теперь, когда его больше нет?..

Ки довольно долго молчала, прислушиваясь к тишине ночи, которую нарушал только шорох ветра, пофыркивание переминавшегося коня да ещё дыхание Вандиена. Действительно, что ей осталось?.. У неё не было мужа и детей, о которых следовало бы заботиться. Не было гарпии над головой, которой надо было бояться. Не было ни друзей, чтобы к ним вернуться, ни фургона — молчаливого святыща её горя. Ки почувствовала себя пустой, абсолютно пустой. Вся её жизнь, в одночасье обернувшаяся прахом, как

будто заново утекла между пальцев. Мусор, раскиданный по дороге...

Она поднесла руку к маленькому бугорку, по-прежнему топорщившемуся под рубашкой, и сказала:

— Мне нужно ещё доставить мой груз.

Вандиен тихо и невесело засмеялся:

— Я-то всё гадал, когда же наконец тебя осенит!.. Воображаю, как изумится заказчик, когда получит его. Собразишь запасться оружием, когда пойдёшь к нему?

Ки изумлённо уставилась на него:

— Оружием?..

Вандиен покачал головой:

— О, святая доверчивость!.. Да неужели ты всё ещё думаешь, будто судьба сама по себе, без чьей-либо помощи, догадалась дать гарпии ещё один шанс с тобою разделаться?.. Вот прямо так взяла и отправила тебя через Богами забытый и людьми заброшенный перевал с пригоршней побрякушек в качестве груза?.. Прямо гарпии в лапы...

Глаза Ки блеснули в сумерках так, что Вандиен слегка отшатнулся.

— Поосторожней, когда говоришь со мной о Ризусе! — предупредила она. — Я много лет с ним сотрудничаю. Я знаю его как облупленного!

— Пусть так. Зато я знаю толк в драгоценных камнях, — с полным спокойствием возразил Вандиен. — Одно время мне приходилось с ними возиться, так что действительно дорогой от никчёмного я уж как-нибудь отличу. Те, что лежат в твоём мешочке, гроша ломаного не стоят. Два из них — с изъяном, один — из рук вон скверно огранён, а остальные два — просто дешёвка. Ради которой ни в коем случае не стоило гнать возчика и фургон мимо Сестёр!

Ки упёрлась:

— Он заплатил мне очень щедрый аванс...

— ...И уж верно, мог себе это позволить, если ему самому кто-нибудь очень хорошо заплатил. И так ли уж велика растрата, если предположить, что он вовсе не предполагал выплачивать оставшуюся половину? А?..

И червячок сомнения зашевелился в душе Ки. Быстро перебрав в уме все свои прежние сделки с Ризусом, она

без труда припомнила множество разногласий и мелких обид. Ну да, жульничества в этих сделках не бывало. С её точки зрения. Цена, о которой они договаривались, всегда бывала уплачена. Теперь она видела, что представляли собой их отношения с точки зрения Ризуса. Ему ни разу не удалось обмануть её и нажиться с её помощью, — а именно такие сделки он и любил заключать больше всего! Уж верно, эта мысль мешала спать человеку вроде него!.. Ки так и поникла в седле. Остался ли в этом мире хоть кто-то, от кого не надо было ждать предательства и подвоха?..

Уже в темноте они с Вандиеном поужинали солониной, потом закутались в плащи и прижались друг к другу, забравшись между оленьими одеялами. Ки сразу закрыла глаза, притворяясь, что спит. Вандиена, однако, обмануть не удалось. Он сказал:

— В Еловой Гряде живёт отменный мастер, делающий фургоны...

— Мне туда не по пути, — отозвалась Ки. — Мне надо доставить груз в Диблун.

Вандиен вздохнул:

— Так я и знал, что ты заупрямишься. Ки, да неужели ты польстишься на такую заурядную месть и посвятишь ей свою жизнь?.. Ну хорошо, а дальше-то что? После купца?.. Будешь разыскивать того, кто его подкупил, чтобы отомстить и ему?.. Послушай лучше меня. Нечего тебе вообще там делать, в этом Диблуно. Не езди туда. Пусть его! Наплюй и забудь. Ты ему ничем не обязана, слышишь, ничем. Пусть бы лучше кто-нибудь продал для тебя камешки, хоть какую-то выгоду от всего этого получишь...

— Я обещала их доставить, и я доставлю, — сказала Ки. — Пусть даже он меня предал, но это не основание, чтобы ещё и я его предавала. И потом, мне надо кое о чём его расспросить. Знаешь, как-то сомнительно, чтобы к нему средь бела дня явилась гарпия, сияя ожогами и бирюзовыми перьями, и попросила его устроить мне маленькую прогулку по горам. Гарпиям, ко всему прочему, такая хитрость вряд ли доступна. По-моему, тут всё-таки здорово отдаёт человеком...

— Которого ты собираешься выследить. И примерно наказать, — проворчал Вандиен. Ки не ответила, и он продолжал: — Ну а потом? Когда ты и с ним разберёшься?.. — На сей раз он сам не дал ей времени ответить: — Слушай, Ки, а не приходило тебе в голову *просто пожить?*..

Довольно долго она молча лежала с ним рядом, и Вандиен знал, что она не спала. Наконец он сдался.

— У меня лицо пульсирует, — сказал он. — Вот так: тук... тук... тук... тук... — Он потянулся рукой к обмотанному лицу, но притронуться не решился и вместо этого спросил: — У нас ведь больше нет чистых тряпок, да?..

— Утром поищу, — отозвалась Ки. И добавила: — Вандиен, я никогда не выбирала смерть вместо жизни...

— Значит, остаётся предположить, что ты всё время гуляешь с ней под ручку чисто развлечения ради. Ну да, пикирующие гарпии и безнадёжно застрявшие фургоны, без сомнения, придают жизни некоторый вкус. Признаться, я с тобой не скучал... И всё-таки... Неужели тебя никогда, никогда больше ничто не обрадует?

— Не знаю, — сказала она. Рядом тяжело пыхтел, укладываясь на лёжку, Сигмунд. — Не знаю, — повторила Ки. — Может быть. Не думаю, что мне этого особенно хочется. Захочешь тут, пожалуй...

— Однажды я видел маленького ребёнка, — проговорил Вандиен. — Он купил себе на ярмарке булочку с сахаром. Кто-то нечаянно толкнул его под руку, и весь сахар осыпался. «Испортили мою булочку!» — закричал малыш. И кинул её наземь, под ноги толпы...

— У меня погиб муж! — Голос Ки зазвенел от обиды. — И двое детей!.. Булочка... с каким-то там паршивым сахаром...

— Правильно! — рассердился и Вандиен. — Так что давай, бросай псу под хвост и всю остальную свою жизнь!

— А ты что предлагаешь?..

Ки всё-таки оставила за собой последнее слово, потому что на этот вопрос ответить Вандиену было нечего. Они забрались поглубже под одеяла и плотнее притиснулись друг к другу. В эту ночь ветер не заносил их снегом: похоже, он переменил направление. Тёмное небо, усеянное ледяными иглами звёзд, нависало над ними,

заставляя как можно плотнее сворачиваться клубком. Ки закрыла глаза...

— Вообще-то я мог бы тебе кое-что предложить, — осторожно проговорил Вандиен. Он говорил так тихо, словно наполовину хотел, чтобы Ки его не расслышала. И сама ночь затаила дыхание, прислушиваясь. — Я мог бы пообещать, что стану давать тебе только то, что можно дать с лёгким сердцем и по доброй воле, безо всякой мысли об ответной награде, без тени какого-либо сожаления...

Ки молчала. Может быть, она спала. Может быть, она не услышала. Или не захотела отвечать. Или ей просто было всё равно...

— А чего ты потребуешь взамен, Вандиен? Ты, костлявая, никчёмная, подобранная на дороге обуза?.. — отвечая сам себе, пискляво передразнил её Вандиен. — Как «чего»? Точно того же самого и от тебя, Ки... — продолжал он своим собственным голосом.

Опять последовало молчание. Морозные звёзды склонились чуточку ниже. Сигурд со вздохом последовал примеру напарника и улёгся подле Сигмунда, грузно привалившись к его тёплому боку.

— С ума сойти, Вандиен, какое роскошное предложение, — снова раздался писклявый голос. — Прямо сердце тает. И правда, почему бы, скажем, не отправиться с тобой в Фесис? Вообрази только, как переполошатся твои почтенные родичи! Небось тут же отсыпят тебе денег вдвое против обычного, только чтобы ты поскорее убрался и подольше глаз к ним не казал. .. — Вот и замечательно, Ки, — обычным голосом сказал Вандиен. — Я-то боялся, что придётся переться в такую даль пешком. Итак, значит, на рассвете быстренько отправляемся в Фесис...

— Спи, дурень, — проворчала Ки.

— Ладно, хоть в этом у нас нет разногласий... — вздохнул Вандиен.

альнейшие несколько дней прошли для них под знаком солонины и холода. Серые отощали, причём лишения сделали Сигурда ещё более злым и кусачим, а Сигмунду только добавили кротости. Время от времени Ки меняла на лице Вандиена повязку, используя последние сохранившиеся клочки платя. Рана, алая на смуглой коже, выглядела по-прежнему устрашающе, но по крайней мере не кровоточила, не гноилась и не распухала.

Мешки с кормом пустели на глазах; впрочем, кони за один день теперь преодолевали большее расстояние, чем прежде, с фургоном, — за два. Покачиваясь на широкой спине Сигмунда, Вандиен целыми днями рассказывал Ки разные истории, помогая себе своим говорящим шнурком. Временами она вспоминала, что в смешных местах следовало улыбаться, но зачастую самым внимательным слушателем Вандиена был Сигмунд, заинтересованно стригущий ушами, а Ки думала о своём. Не менее десятка раз она во всех подробностях представляла себе свой будущий разговор с Ризусом. Уж будьте покойны, она выпустит пар из надутого маленького индюка. А потом вытрясет из него, кто заплатил ему за гнусный обман. Сама-то она была уверена, что это Нильс. Больше никому. Ладно, она и до него доберётся. И спросит ответа не только за нынешнее покушение на свою жизнь, но и за смерть Хафтора... В этом последнем отношении планы Ки, правда, быстро теряли чёткость. Что, собственно, могла она потребовать со старика в уплату этого долга?.. Что такого, что уменьшило бы недавнее её, грызущее чувство вины?.. Прежняя Ки, пожалуй, отказала бы ему в праве на жизнь. Да, но та, совсем недавняя Ки теперь исходила бы лютой злобой. А сегодняшняя, что ехала впереди Вандиена, вместе злобы ощущала лишь — что-то в жизни было недоде-

лано. И хотелось ей только подобрать все тянущиеся куда-то концы, поставить точку на сегодняшних обидах и отмещениях... и оставить их в прошлом.

Дорога по эту сторону гор оказалась гораздо менее извилистой. Спустившись до границы лесов, Вандиен и Ки разложили костёр, хотя готовить на костре было совсем нечего. Судя по всему, леса здесь изобиловали дичью, но Ки ни за что не желала позволить Вандиену поохотиться. Она ни на миг не забывала о своей цели и всё время пересчитывала дни, по истечении которых будет считаться, что она опаздывает с доставкой груза.

И вот наступило утро, когда Вандиен разглядел далеко впереди дымок, поднимавшийся из трубы. У него вырвался дикарский вопль, перепугавший обоих коней.

— Гостиница! Человеческая гостиница!.. — ликующе заявил он, подметив злой взгляд, которым наградила его Ки. — Она называется «У Трёх Фазанов». Только подумай, Ки! Сегодня мы будем сидеть у камина, есть горячую еду и пить холодное пиво, а потом завалимся спать в настоящие кровати! Под крышей!!!!.. А Миккет — это хозяин гостиницы — с ума сойдёт, когда я расскажу ему о наших приключениях....

Ки слегка придержала Сигурда и посмотрела вниз по склону, поверх заиндевевших деревьев. Она без труда различила белое пятно просеки и дорогу, ведущую к гостинице. Дым, поднимавшийся из трубы дома, серым пятнышком рассеивался в бледно-голубом небе. Ки вновь толкнула Сигурда коленками и заметила:

— Вероятно, мы доберёмся туда после полудня, но за светло...

— А значит, — мечтательно подхватил Вандиен, — у нас будет полно времени, чтобы заказать по ванне с горячей водой и хорошенько отмокнуть, прежде чем мы сойдём вниз, в общую комнату, и станем есть, пить и рассказывать. А у твоих серых бедолаг будет вдосталь свежей соломы и душистого сена, которое они по праву заработали...

Его разнеженный тон заставил Ки недовольно поморщиться.

— Я не больно-то привыкла ночевать по гостиницам, — сказала она. — И я потеряла на перевале гораздо больше

времени, чем предполагала. Я должна ехать дальше, Вандиен.

Он отрешённо вздохнул:

— Ладно... по крайней мере запасёмся свежими припасами и новым котелком. Слушай, Ки, ну зачем всё же так гнать в Диблун, а? Говорю же тебе, тот малый тебе не слишком обрадуется...

— Я *должна*, — с нажимом выговорила Ки и посмотрела на Вандиена. — И кстати, тебе не хуже меня известно, что наши дороги вскорости разойдутся. Мне в Диблун, а твой Еловый Кряж, насколько я знаю, в противоположном направлении. Я там даже никогда не была...

— Мне не требуется быть там в какой-то строго определённый день, — с наигранным легкомыслием отмахнулся Вандиен. — Мы можем для начала разобраться с твоим делом, а уж потом...

— Нет.

Вандиен стащил с пальцев свой говорящий шнурок и сунул его в карман. Ки попыталась заглянуть ему в лицо, но он отвернулся. Тогда она заговорила, старательно подбирая слова и чувствуя, что ногти судорожно впиваются в ладони:

— Ты меня ни разу не попрекнул... Ни разу не сказал, что я тебе стольким обязана... что твоё лицо... у тебя ведь теперь будет шрам...

Вандиен так и не обернулся.

— Это было частью моего предложения, — проворчал он. — Не припоминаешь? Не давать тебе ничего, что не шло бы от чистого сердца...

— Прах тебя побери! — прошипела Ки. — Вандиен, неужели ты не понимаешь?.. Что, по-твоему, у нас с тобой может быть? Я.. не готова к тому, чтобы со мной рядом был мужчина. Все желания во мне умерли... А притворяться я и не хочу и не буду...

— Насколько я помню, я тебе своей мужской любви и не предлагал, — негромко проговорил Вандиен. — Речь шла только о дружбе и более ни о чём...

Он смотрел прямо перед собой, на дорогу. Ки почувствовала, как заливают щёки жаркая краска. Смущение и злость боролись в её душе.

— Вполне естественное предположение!.. — вырвалось у неё наконец.

— Только если это уже было у тебя на уме ещё прежде, чем я о чём-то заговорил, — высокомерно возразил Вандиен.

Он был прав, и Ки замолчала. А чтоб ему провалиться, этому парню! Вечно он наступал ей на любимую мозоль, заговаривая о вещах, наиболее для неё неприятных. Хорошо хоть, он по-прежнему смотрел прямо вперёд, на дорогу, а значит, не надо было встречаться с ним глазами. Вот он поднёс ко рту бледную руку и закашлялся в кулак... Ки тоже смотрела прямо вперёд — до тех пор, пока не сделалось ясно, что приступ его вот-вот задушит. Тогда Ки сурово обернулась к спутнику... и обнаружила, что Вандиен с трудом удерживается в седле, но не от слабости, а от едва сдерживаемого смеха.

— Ах ты!.. — в ярости завопила она и замахнулась с такой силой, что начала съезжать с широченной спины тяжеловоза. Вандиен подхватил её под руку и водворил на место, но это её не больно-то утешило. Ки принялась колотить Сигурда пятками и не успокоилась, пока он не обогнал Сигмунда и не побежал впереди. Ки ехала на нём прямая, как стрела, и радовалась, что капюшон прикрывает её пылающие уши.

— Опять же, если припоминаешь... — судя по голосу, Вандиен и не думал раскисать, — моё предложение подразумевало, что я не намерен давать тебе ничего, что навевало бы некую мысль об отдаче или каком-то там долге. И от тебя взамен рассчитывал примерно на то же. Только то, что ты можешь дать с лёгким сердцем и со спокойной душой...

— Ну да, пока ты не устроишь мне брюхо в три объёма, а я тебе — младенца, и вот тогда-то мы и начнём обвинять друг друга в нарушении договора!.. — не оглядываясь, бросила Ки.

Вандиен щёлкнул языком:

— Значит, упорно рассматриваешь меня в этом качестве, а?.. Нет, Ки, что касается младенцев... Если бы я был способен устроить то, о чём ты сейчас говорила, какой-либо женщине, я бы не бродил тут по дорогам. Я унасле-

довал бы земли моих родителей... которые вместо меня отошли моему двоюродному брату. А если бы мне всё же вздумалось побродить, то по возвращении домой я был бы желанным гостем... а вовсе не пугалом для своего собственного дяди.

Ки стало не по себе от ядовитой вежливости его тона. Она придержала Сигурда, и серые кони снова пошли рядом, грудь в грудь. Ки попыталась заглянуть Вандиену в глаза, но ей не удалось — он упорно отворачивался. Зато шнурок рассказчика выскочил из кармана и связался узелком, словно по волшебству.

— А теперь, — провозгласил он, точно настоящий мистрелль, — я поведаю вам истинную историю сына Вандета и Диенли...

Шнурок, точно живой, устроился у него на руках, и Вандиен показал его Ки — по значку на каждой растопыренной пятерне:

— Вот так он получил своё имя, ибо был первенцем: Ван-Диен...

Сама не желая того, Ки засмотрелась на шнурок, завожжённая стремительно меняющимся узором,

— Рождение сына вселило в них гордость, — продолжал Вандиен, приподнимая для обозрения сложную звезду, которая у его народа обозначала рождение. — К тому же он от рождения носил знак Ястреба, и они сочли это хорошей приметой... — Шнурок в его руках то вился змеей, то скользил, то застывал. Если бы не застывшее лицо и каменные глаза, Ки могла бы счесть, что он рассказывал ей ещё одну историю из тех, что она успела послушаться за эти дни. Рассказывал, помогая себе ключами-узорами. — Итак, Вандет и Диенли праздновали наступление зрелости, свою свадьбу и рождение сына. Много дней длилось веселье. Увы, Диенли суждено было умереть прежде, чем дитя успело хотя бы запомнить цвет её глаз... Я лишь по рассказам знаю, Ки, что они были так же темны, как мои собственные. А Вандет погиб на охоте, упав с коня на скаку, когда сын его ещё не умел натягивать лук. Забота о ребёнке перешла к его дяде, и так должно было продолжаться до тех пор, пока мальчик не проявит себя как мужчина... А теперь позволь мне отвлечься, дабы поведать тебе обы-

чай моего народа: мальчика начинают считать мужчиной с того дня, когда он сам станет отцом, а девочку женщиной — со дня первых родов. До тех пор пока не родится дитя, тяга друг к другу считается обычной игрой здоровых детей. Свадьба происходит только тогда, когда появляется ребёнок, признаваемый обеими сторонами. Опять-таки и ребёнок не имеет права наследовать, пока сам не обзаведётся наследником... Но вернёмся же к нашему повествованию. Владение, которое предстояло унаследовать нашему герою, было обширно, и родня хотела, чтобы он вступил в права как можно скорее. Казалось бы, чего проще — посеять своё семя во чреве... Дядя мальчика, впрочем, не хотел допустить ни малейшей случайности. Он не позволил ему сойтись с какой-нибудь девочкой, которая могла бы оказаться слишком молодой для полноценного материнства. Он подобрал ему подходящих, с его точки зрения, женщин: женщин старше его, вдов, чьи мужья умерли или погибли, женщин, уже доказавших свою способность к зачатию. У некоторых уже были дети почти его возраста. Мальчишку сводили с ними по очереди, как... как племенного бычка с породистыми коровами. Поначалу, надо сказать, всё обставлялось с достоинством. Парень встречался с женщиной, разговаривал с ней... в общем, знакомился в течение нескольких дней, и только потом это совершалось. Он испытывал понятную неловкость, ложась с женщинами старше себя. Они напоминали ему о матери, которой он не знал. Он знал зато, что первая же, которой выпадет от него зачать, станет его спутницей на всю жизнь. Это весьма затрудняло то, что он должен был совершать. Однако проходили месяцы... сменялись женщины, причём всё быстрее и быстрее, и дядя без конца твердил юноше о том стыде, который ждал семью, если станет известно о его повторяющихся неудачах. Дело в том, что за спиной паренька была длинная череда имени, и он непременно должен был достойно передать его по наследству. Почтить предков. Мальчишка вконец утратил уверенность. А женщины, которых поставлял ему дядя, проявляли всё меньше терпения и знай насмешничали. В конце концов одна из них явилась к дяде и заявила ему, что не желает больше попусту тратить время, отдаваясь всяким там молодым меринам...

— Хватит, — тихо сказала Ки.

Вандиен повернулся к ней — пустые, безразличные глаза над улыбающимся ртом.

— Не прерывай рассказа, Ки... Скажи лучше, понравился ли тебе последний знак, который я тебе показал? Он обозначает мерина. Вроде того, на котором ты сейчас восседаешь... Слушай же внимательно, ибо конец уже недалёк. Так вот, скоро поползли неизбежные слухи, и ради того, чтобы сохранить как можно большую часть имени, наследником сделали двоюродного брата нашего героя, благо означенный брат годом ранее обзавёлся чудесным пухленьким младенчиком от милой маленькой дикарки из соседней деревни, причём, кажется, без малейших затруднений как с той, так и с другой стороны. Паренёк же, оказавшийся столь постыдно несостоятельным, втихомолку перебрался в иные края. С тех пор, когда ему случается заехать домой — а случается это нечасто, — ему вручают некоторую сумму денег, достаточную, чтобы он снова исчез на некоторый срок, желательно подольше. Верно ведь, ни к чему, чтобы позор семьи ошивался около дома?.. В общем, история со счастливым концом.

И Вандиен двумя руками растянул свой шнурок в простую петлю, а потом спрятал его обратно в карман.

— Прости, Вандиен, — начала Ки. — Я не хотела...

— Обзывать меня меринком? Ну так я и не мерин. Ни в коем случае. Просто... меня обкормили чрезмерно сладким, и притом слишком рано. Я рассказал тебе свою историю просто затем, чтобы доказать: я не намерен требовать от тебя ничего такого, чего ты не могла бы мне дать со спокойной душой. Да и не только от тебя — вообще ни от кого...

— Хватит, говорю!.. — вскипела Ки. Потом продолжила, остывая: — Я хотела сказать, что прошу прощения, но не только это. То, о чём ты говорил, — это величайшая жестокость. Мне жаль...

— Оставь при себе свою жалость. Я не просил, чтобы меня жалели.

— Я не о том. Я не могу никого принять в свою жизнь. В ней просто ни для кого больше нет места. И я не хочу предлагать того, чего не смогу дать. Дела же, которые

мне предстоят, — они только мои и ничьи больше. У меня нет жизни, которую я могла бы с кем-нибудь разделить...

— А ты выбери жизнь, Ки. Выбери её ещё раз.

Вскорости показался гостиничный двор. Смёрзшаяся земля здесь была присыпана лёгким снежком; там и сям виднелись следы колёс и подкованных копыт, и юный конюх, совсем мальчик, как раз открывал ворота двора. Всё выглядело обшарпанным и каким-то милым, куда милее той диновской гостиницы за перевалом. Юный конюх во все глаза смотрел на двоих всадников, подъехавших на громадных медлительных тяжеловозах. Ки без лишних церемоний съехала вниз с крутого плеча Сигурда. Вандиен попытался было спешиться с достоинством и в результате попросту свалился.

— Войдём? — сказал он Ки.

— Нет. У меня есть ещё недоделанные дела... — Ки вдруг шагнула вперёд и быстро, неуклюже обняла Вандиена. Потом вернулась к Сигурду и спросила каким-то странноватым голосом: — Ты сумеешь отсюда добраться домой?

Вандиен молча уставился на неё... На сей раз он не стал её подсаживать, так что ей пришлось хвататься за Сигурдову жёсткую гриву и самым некрасивым образом лезть вверх.

— Сумею. — Вандиен говорил негромко, и слова, казалось, мягко падали в снег. — Здесь окрест полно людей, которые, может, теперь меня и не узнают в лицо, но имя вспомнят наверняка. Со мной всё будет в порядке.

— Что ж, хорошо. Счастливо тебе...

Ки больше не оборачивалась. Вандиен долго стоял посреди усыпанного снегом гостиничного двора, глядя ей вслед. Сигмунд послушно трусил следом за Сигурдом, не нуждаясь в уздечке, и Вандиен едва заметно улыбнулся. Он знал Ки лучше, чем она сама себя знала. Ещё мгновение, и она остановит коней, а потом повернёт обратно — за ним. Он подождёт. Вандиен снова улыбнулся и на всякий случай поспешно стёр улыбку с лица. Пара серых всё ещё удалялась, делаясь всё меньше и меньше. То, что Ки ему тут наговорила, было совершенно недвусмысленно, но он-то знал, что творилось в её сердце. Она сидела очень прямо, непропорционально маленькая на спине гиганта-

коня. Пушистые хвосты серых, коротко остриженные хвосты упряжных коней, смешно виляли на ходу.

...Вандиен ещё долго разглядывал пустую дорогу, ожидая, когда же они покажутся вновь, возвращаясь из-за поворота. Он почувствовал, что зябнет. Он поглубже надвинул на лицо капюшон, потом засунул замёрзшие руки в карманы... и сейчас же с изумлением выпростал одну руку. На ладони у него лежали три серебряные монеты, и тут-то он понял, почему объятие Ки показалось ему таким неуклюжим. С обидой и болью взглянул он на дорогу и размахнулся, чтобы зашвырнуть монеты подальше в сугробы. Но в последний момент всё-таки передумал и опустил руку, нехотя признавая своё поражение. И бросил деньги изумлённому до глубины души мальчишке-конюху. Ссутулившись, неверными шагами направился он к двери гостиницы...

Незаконченные дела, так их и разэтак!..

Ризусов слуга в величайшем недоумении разглядывал неведомо откуда взявшуюся оборванку, стоявшую на пороге. На улице за её спиной маячили два громадных костлявых серых коня. Плащ женщины был изорван, точно у какой-нибудь нищенки. Длинные русые волосы, сваливавшиеся в сплошной колтун, неопрятно торчали из-под капюшона по обе стороны лица. Осунувшееся лицо было вконец измождено, но зелёные глаза горели огнём.

— Хозяин не предупреждал меня, что кто-то должен приехать с товарами, — подозрительно проговорил слуга. Тяжёлая деревянная дверь начала медленно поворачиваться на хорошо смазанных петлях, закрываясь. — Подожди здесь. Пойду спрошу его, действительно ли он тебя ждёт...

— Я как раз собираюсь сама его об этом спросить, — возразила Ки. И, воспользовавшись тем, что слуга отшатнулся, не желая соприкасаться с её перемазанной одеждой, проворно юркнула ему под руку и проникла внутрь. Словно кошка на охоте, пересекла она обширную прихожую, заглядывая то в одну дверь, то в другую. Слуга, ошарашенно наблюдавший за нею, удостоился лишь злобного взгляда. Ки даже и не пыталась изображать какую-то цивилизованную вежливость. Её терпение и так было на пределе. По-

кинув гостиницу и Вандиена, она почти не делала привалов и знай гнала серых вперёд, заставляя их обходиться тем немногим, что они успевали отыскать в запорошенных снегом лугах. Она старалась всё время действовать, ибо это помогало ей не думать. Ки была вся в грязи, но не удосужилась вымыться. Она должна была встретиться с Ризусом, и как можно скорее. Она никому не позволит отнять у неё это право. Ни под каким видом!

— Р-р-ризу-у-ус!.. — во всё горло заорала она наконец, и её голос породил странное эхо. Слуга, торчавший где-то позади, удрал в боковой коридорчик, словно не желая отвечать перед хозяином за буйную сумасшедшую, разгуливавшую по дому. Ки шагала вперёд. За одной из дверей ей послышалось шуршание одежды и женский голос, что-то встревоженно шептавший. Ки сейчас же направилась к этой двери, но тут она отворилась, и перед Ки неожиданно появился Ризус собственной персоной. Его пухлые ручки нервно порхали, перебирая распахнутую на груди рубашку. Тощие ноги, казалось, с трудом поддерживали жирное паучье тело.

— Ки!..

Его лицо посерело так, что Ки разом получила ответы на все мучившие её вопросы. Она улыбнулась ему, глядя, как оплывают от ужаса его дряблые щёки. Она извлекла из-за пазухи маленький кожаный мешочек и высыпала самоцветы себе на ладонь. И, не сводя взгляда с его лица, протянула ладонь ему для обозрения:

— Они все здесь, Ризус. Пересчитай их. Столь же прекрасны и столь же бесценны, как и тогда, когда я увозила их из Сброда...

— О да, — нервно закивал купец, не торопясь, впрочем, протягивать за драгоценностями жадную руку.

Ки легонько встряхнула ладонью — так, что разноцветные камешки весело запрыгали:

— Не стану утомлять тебя рассказами о тех опасностях, которые я преодолела, добираясь сюда. Ты отлично знаешь, что я никогда не набивала цену из-за того, что дорога оказалась опаснее или труднее, нежели я предполагала при заключении сделки. Таково ремесло возчика — он должен знать дороги достаточно хорошо и не прогадывать,

договариваясь заранее. А дело купца — знать, сколько платить за ту или иную работу...

— Конечно, конечно... — Ризус всё-таки обернулся внутрь комнаты, из которой только что вышел, и, шагнув в сторону, жестом пригласил Ки в другую дверь. Ки наблюдала за тем, как быстро он овладевал ситуацией, а заодно и собою самим, как он вновь набирался самоуверенности, убеждая себя в том, что она так ничего и не заподозрила. — Может быть, не откажешься перекусить, Ки? Как насчёт капельки вина?.. Мне тут как раз привезли спелые фрукты из...

— Нет, — перебила Ки. — Я пришла только за деньгами. И ещё — немного поговорить. Больше, Ризус, я ни в чём не нуждаюсь.

Он торопливо кивнул, и владевшая им нервозность вновь выдала себя дрожью брыльев. Он трусцой преодолел несколько шагов к той двери, на которую ей только что указывал. Ки не двинулась с места. Её не слишком заботила близость его гнёздышка, равно как и то, что он по этому поводу думал. Небрежным движением она взяла двумя пальцами один из камней и принялась его критически разглядывать.

— Я очень плохо разбираюсь в драгоценных камнях, о чём ты, Ризус, вне всякого сомнения, отлично знаешь, — сказала она. — И правда, откуда бы человеку с моим-то происхождением?.. Но вот в том, что касается красоты, глаз у меня есть. Посмотри на этот камешек, Ризус. Он синий, как небо... Нет, не так. Он синее. Он цвета гарпии, пикирующей на добычу. Как мы с тобой оценим такой камешек, Ризус? Стоит он жизни женщины? Или, скажем, жизни мужчины?..

Земля ушла у Ризуса из-под ног, и ноги, жалкие, тощие ноги толстяка, подгибались, готовые вот-вот ему отказать. А лицо, и без того бледное, стало зелёным, и это было особенно заметно на фоне безвкусно-яркой одежды. Ки спокойно смотрела ему в глаза, и её лицо было безмятежно, точно весенний день, а губы обольстительно улыбались. Теперь она читала на его пухлой ряске словно в открытой книге. Да, он был насмерть перепуган, но от блефа не откажется до последнего.

— Сюда, Ки. Давай завершим наши расчёты...

Он повёл её по широкому коридору, торопливо, насколько позволяли ему шаткие ножки. Наконец они вошли в комнату, обставленную очень просто, как бы затем, чтобы посетитель не догадался об истинной роскоши этого дома. Пол был выложен красивым тёмно-коричневым камнем, а стены — сплошь покрыты шпалерами, затканными сценами пиров и охот. В комнате не было окон, сквозь которые мог бы проникнуть дневной свет или чей-нибудь не в меру любопытный взгляд. В углу высился монументальный шкаф со множеством ящичков, чьё тёмное дерево гармонировало с поверхностью стола, стоявшего посередине комнаты. У стола стояло одно-единственное кресло, украшенное богатой резьбой, а напротив, в некотором отдалении, — голая низенькая скамья. Ки было не впервой встречаться здесь с Ризусом. И всегда он сидел в кресле, отгороженный от неё массивным столом, перебирая платёжные фишки и жалуясь на всё возрастающие затраты, а Ки молча ютилась на скамеечке — в неудобной позе, вытянув ноги, — покуда её упорное молчание не заставляло его отсчитать загодя оговорённую сумму...

Однако сегодня, воспользовавшись тем, что Ризус пропустил её, как гостью, вперёд, Ки уверенным шагом пересекла помещение, вытянула из-за стола кресло и уселась в него. И с удовлетворением наблюдала за тем, как исчезают с рожи Ризуса последние проблески сомнения и надежды. Он кое-как устроился на низкой скамье, и над верхней губой выступили крохотные, блестящие капельки пота.

— Как ты совершенно справедливо заметила, — начал он, — я купец...

— Я только не знала, что ты торгуешь жизнями и кровью, — прервала Ки поток его извинений. — А не то я бы с тебя повыше заламывала. Впрочем, истина, хотя и с запозданием, установлена, так что будем договариваться прямо сейчас. Во-первых, остаток того, что ты мне ещё должен за эти, хм, «бесценные камни»... — И Ки смело взяла кучку фишек, чтобы аккуратно отсчитать причитавшееся ей. — Как, правильно?

Ризус едва посмотрел на фишки и пробормотал:

— Да вроде как...

— И впрямь «вроде как». Однако внешнее сходство бывает и обманчиво, Ризус. Давай-ка обсудим с тобой философский вопрос: за любой товар, как мы оба знаем, можно расплатиться деньгами. А чем оплачивают кровь? А?..

Дряблые брылья вновь затряслись, потом вдруг перестали. Ризус, как мог, выпрямился на неудобной скамейке. Ки, наблюдавшей за ним, тут же пришла на ум жаба, надувающаяся перед тем, как заквакать. Но даже и жаба вызвала бы у Ки больше доверия, чем этот человек, смотревший на неё круглыми поросычьими глазками.

— Да никак ты угрожаешь мне, Ки? Позволь спросить, чем? Хочешь убить меня?.. Знай, что в этом городе тебе от правосудия не уйти. Меня ценят здесь. Я известный и уважаемый торговец... А может быть, ты хочешь выдвинуть против меня какие-то обвинения?.. Да кто послушает тебя, бродячую ромни? И потом, какие у тебя могут быть свидетельства? Ты не убита и, насколько я вижу, даже не ранена...

Он сложил пухлые ручки на коленях и уставился на Ки так, словно объявил ей шах.

— Интересные рассуждения, — сказала Ки, поудобнее устраиваясь в кресле и задирая ноги в пыльных сапогах на сияющую крышку стола. При этом она слегка упёрлась в неё каблуком и отметила про себя, как вздрогнул Ризус, словно грубый каблук оцарапал не вощёное дерево, а его самого. — Знаешь, Ризус, если я тебя прикончу, тебе ведь уже не будет особенной разницы, накажут меня за твоё убийство или не накажут. Зато тебе будет очень даже небезразлично, если некий возчик-ромни перестанет тайно возить для тебя в Коритро ароматные самоцветы. Ну да, они там запрещены, но я-то знаю, что ты имеешь с них неплохой бакшиш. Возможно также, у тебя будут немалые трудности, если вообще все ромни вдруг возьмут да и откажутся иметь с тобой дело. Но я не угрожаю тебе, Ризус. Отнюдь, отнюдь. Я просто пытаюсь показать тебе, что знаю, каким образом следовало бы тебя запугивать, возмей я такое желание. И жизнь твоя мне тоже без надобности. Твоя кровь — слишком мелкая плата за ту, что уже пролита. И деньги мне твои не нужны. Кроме тех, что ты должен мне за доставку.

Сузившимися глазами наблюдала она за тем, как ёрзал на скамейке маленький толстячок. Его жирные пальцы были унизаны кольцами, которые перетягивали пухлую плоть, делая пальцы похожими на розовые, в перевязках, колбаски. Эти колбаски беспокойно сплетались и расплетались. Круглые маленькие глаза так и бегали по комнате. Они смотрели куда угодно, только не прямо в глаза Ки. Та продолжала молча смотреть на него. Ризус то выпячивал, то поджимал губы.

— Ну так чего тебе от меня надо? — сказал он наконец. — Ладно, я сполна заплачу тебе. И ступай по-хорошему...

Он поднялся и торопливо прошёл к шкафу. Выудив из кармана маленький ключ, он отомкнул один из ящичков. Ки слышала, как звенели монеты, как шуршал ящичек, вдвигаясь обратно. Пospешно вернувшись к столу, Ризус выложил перед Ки стопку серебряных монет. Ровно столько, сколько был должен. Не больше и не меньше. Ки кивнула и подгрестила их к себе. Потом ссыпала самоцветы с ладони на стол, и они простучали, словно речная галька.

— А теперь ступай, — сказал Ризус. Он следил нетерпеливо поблёскивавшими глазами за тем, как она неспешно пересыпает монеты со стола в свой поясной кошель. А потом выпятил нижнюю губу, глядя на россыпь чуть ли не простых стекляшек, которые к нему за эти деньги вернулись.

— Зря огорчаешься, — негромко сказала ему Ки. — Не кукуйся. По-моему, ты вовсе не в проигрыше.

— А вот это уж моё дело, — отрезал Ризус.

— Правильно. Дело купца, торгующего чужой кровью. Видишь ли, Ризус, у меня нет никакого опыта в сделках подобного рода. Так что просвети, будь любезен. Во сколько оценили мою жизнь, а? И кто её оценил?

Его снова отнесло к скамейке перед столом, и он уселся, напряжённый словно собака, вымаливающая подачку. Даже почти так же высунул розовый язык и облизал губы.

— Значит, вот чего ты от меня хочешь?.. Хорошо, но за это потребуется заплатить...

И на круглой ряшке появилось удовлетворение: наконец-то он снова овладел ситуацией.

А Ки не чувствовала даже злобы, необходимой, чтобы с ним разобраться. Её переполняло лишь усталое отвлечение. Она не стала перебивать, предоставив ему чесать языком дальше.

— Тебе следует знать, Ки, что твоя жизнь или смерть ни в коем случае не упоминалась. Я получил... скажем так, комиссионные. За то, что направляю тебя с твоим фургоном через некий перевал. Мне не устанавливали никаких сроков и вполне удовлетворились моим словом, что я тебя когда-нибудь отправлю. И всё. Всё, Ки! Откуда мне было знать, что там тебя подстерегает какая-то опасность? Вот видишь, совсем даже незачем на меня сердиться. Мы ведь по-прежнему можем иметь с тобой дело, не правда ли? Я и ты... — Он приумолк, задумчиво грызя ноготь большого пальца. Потом сказал: — Я думаю, справедливая цена за только что сообщённые сведения как раз равняется сумме, которую я опять-таки только что...

Дальше Ки слушать не стала. Спуская со стола ноги в поношенных дорожных сапогах, она не чувствовала даже гнева. Она вообще ничего не чувствовала, широким размахом сметая на пол писчие перья, счётные фишки и вороха каких-то свитков. Ризус тонко, отчаянно завизжал, но Ки, не меняя выражения лица, опрокинула стол. Полированное дерево врезалось в каменный пол, веером полетели щепки. Жилистыми, натруженными работой руками она как пушинку оторвала от пола резное кресло, и оно пролетело через всю комнату, чтобы с треском проломить весь перед полированного шкафчика. Ризус с воплями ринулся из комнаты наружу. Ки последовала за ним, и её шаг был грозным, стремительным шагом пантеры. Ризус удирал безо всякого достоинства или цели, оглядываясь и затравленно вереща. Ки следовала за ним молча, беспощадно. Вот Ризус нырнул в ту самую комнатку, из которой он появился в самом начале, и оттуда послышался женский голос. Женщина о чём-то спрашивала его...

Ки вошла следом за ним.

Комната оказалась сплошь бело-жёлтая, с полами сливочного цвета и белоснежными коврами, завешанная шпалерами, изображавшими цветущие луга. Посредине красовался широченный диван, а вокруг — изящные столики,

сплошь заставленные невероятным количеством сладостей и фруктов. Когда они вошли — причём Ризус пошатывался и трясся всем телом, — с дивана вскочила девушка. Она ахнула при виде безжалостной преследовательницы — грязной, запылённой женщины с ничего не выражавшим лицом.

При виде её Ки застыла на месте. Но не исключительная юность девушки её потрясла, хотя представить себе этого полурёбенка в объятиях Ризуса само по себе было сродни святотатству. И не обнажённое девичье тело, искусно раскрашенное для любовных утех, её изумило. Нет. Она просто увидела на нежном горлышке серебряное ожерелье, составленное из крохотных фигурок кружащихся гарпий. А с мочек обоих розовых ушек свисали серёжки, опять-таки в виде гарпий. Тёмно-синих и голубых.

«Она ведь у нас золотых и серебряных дел мастер, да такой, каких семья ещё не видала...» — когда-то сказал ей Хафтор. И тут он был прав. Всякий, кто хоть раз видел ювелирные произведения Марны, сумеет потом узнать их из тысячи. Ки сама не заметила, как подошла к девчонке вплотную, и осознала, что делает, лишь ощутив в своих руках прохладное серебро ожерелья. Девушка кинулась наутёк, проворно меряя босыми пятками сливочный пол, а на белой шее краснела отметина от грубо сорванного ожерелья.

Ризус продолжал отчаянно вопить, изо всех сил дергая шнур звонка, призывавшего слуг, но всё это проходило мимо сознания Ки. Она стояла с ожерельем в руках и пыталась вспомнить лицо Марны, но оно не вспоминалось ей. Перед глазами стоял только Хафтор. Хафтор, сражающийся с безумием... жаждущий отмщения... Этой жажды ему так и не суждено было утолить. О, Хафтор слишком хорошо научился ненавидеть. Что ж, и Марну теперь этому обучать?.. Ки отшвырнула прочь серебряных гарпий. Ожерелье со звоном скользнуло по полу и обвилось кругом ноги Ризуса. Он на какой-то миг прекратил вопить, нагнулся и подобрал своё сокровище.

— Отдай ей вот это, — воспользовавшись внезапной тишиной, сказала ему Ки. — Скажи ей, что она преуспела.

Скажи ей, что это сняли с моего мёртвого тела. Скажи ей, пусть пребывает в мире: всё кончено.

Ки пошарила в поясном кошелье, и серебряный гребень сам лёг ей в ладонь. Ки занесла руку, собираясь запустить им в Ризуса, но сделать этого так и не смогла. Она подошла к купцу и вложила гребень в его потную руку. И сама удивилась, ощутив мимолётный укол сожаления. Нет. Не поддаваться... Повернувшись на каблуке, она вышла вон из комнаты, протиснувшись между двумя ничего не понимающими слугами, как раз подоспевшими на зов хозяина.

И ушла...

ловый Кряж оказался пыльным, насквозь выстуженным городишком, зажатым между двух лесистых гор. Единственной гостиницей, сыскавшейся в городке, на пару заправляли человек и т'черья. К большому сожалению Ки, кухней и вообще всем, что касалось еды, ведал именно т'черья. Соответственно, в общей комнате не было ни столов, ни скамей, лишь подносы, поднятые на низенькие ножки и засыпанные ровным слоем песка. Так уж было заведено у т'черья. Посетителям предоставлялось устраиваться на соломенных циновках. Высота подносов плохо соответствовала росту Ки: если она садилась прямо на пол, они оказывались высоковаты, а долго высидеть на корточках она не могла. Делать нечего, она притащила из мастерской тележника одно из своих одеял и, в нарушение всех традиций, свернула его в качестве подушечки. Юный т'черья, принадлежавший к третьему полу, разгладил песок на её подносе и принёс ей горячей еды и золотистого вина. Ки принялась: хлеб был только что выпечен. Хорошо. Кушочки сероватого мяса и какие-то зелёные стебли, плававшие в жирной похлёбке, вызвали у неё гораздо меньше доверия. Она невольно нахмурилась при мысли о двух медных дрю, которые только что выложила за этот обед.

Тележник содрал с неё чуть ли не все деньги, причём авансом, ещё не приступая к работе. Кое-что ей удавалось заработать с помощью своих тяжеловозов, таская брёвна с лесоповала в горах. Не особенно много, но хватит, чтобы расплатиться за постройку фургона. Подумав об этом, Ки подавила нетерпение, охватившее её при мысли о нескончаемых днях однообразной работы и ожидания, которые ей предстояли. Она напомнила себе, что определённой цели и каких-то сроков у неё больше не было. Нет уж, в который раз сказала она себе. Ни в какой Фезус

сломя голову она не помчится. Хватит и того, что она заехала в «Три Фазана» и, как дура, расспрашивала там насчёт парня с повязками на лице. Миккет, хозяин гостиницы, немало подивился подобным расспросам. Ки совсем не понравилось, как он на неё смотрел: ни дать ни взять уже что-то прикидывал и рассчитывал. Но всего удивительнее было то, что и в Еловом Бору она остановила свой выбор именно на том тележнике, которому что-то говорило имя Вандиена. Да уж. Всё это было достаточно скверно и само по себе. Предпринимать же ещё какие-то шаги значило признать, что двигало ею нечто большее, чем простая забота. Ки отпила золотистого вина и опять нахмурилась, на сей раз из-за его необычного букета.

Ко всему прочему, сказала она себе, Вандиен, вне всякого сомнения, давным-давно уже уехал из Фезуса. А не уехал, так уедет, пока строится проклятуший фургон.

Фургон... Ки глотнула ещё вина, словно желая утопить в нём непрошеную мысль. Сколько бы ни объясняла она все детали взмокшему от усердия мастеру, сколько бы ни перепроверяла до последнего вершка каждый размер — фургон будет уже не тот. Вандиенов тележник был преисполнен собственных соображений о том, как строить фургоны. Он, в частности, собирался изменить подвеску колёс, чтобы в случае глубокого снега можно было их заменить. Ещё он хотел увеличить кабинку и устроить вторую дверь, открывавшуюся сбоку фургона. Он настаивал, что ей жизненно необходимы более широкие окна, равно как и более просторное ложе. Каждый Божий день Ки во всех подробностях объясняла мастеру, что следовало делать. И каждый Божий день, когда доходило до осмотра сделанного, выяснялось, что он упрямо воплощал своё. Сегодня Ки вышла из себя и пригрозила, что не станет платить. «Ну так и строй сама, как твоей душеньке угодно», — отвечивал мастер. Ну что за невозможный мужик!.. Ки в который уже раз спросила себя и какая нелёгкая её дёрнула с ним связаться. Он был настолько же невозможен, как и сам Вандиен.

Ки отпила ещё вина, чувствуя, что понемногу привыкает к его странноватому вкусу. Тем более что другого предложить здесь и не могли...

...Какой-то посетитель, идя мимо, легонько задел её плечо, и Ки рассерженно обернулась. Сперва она увидела только мягкие кожаные сапоги: подколенные застёжки были прямо у неё перед глазами. Потом она подняла глаза. И некоторое время смотрела молча, не в состоянии выговорить ни слова.

Поначалу она признала только глаза. Тем более что он сбрил бороду, оставив только усы над не улыбающимися губами. Волосы были подстрижены до плеч и аккуратно причёсаны. Шрам был бледной полосой на продублённом непогодами лице. Он касался уголка глаза, слегка скашивая его. Ки заметила, что стоявший перед нею мужчина немного отъелся и больше не выглядел таким заморённым, как прежде. Мягкая льняная рубашка, распахнутая у шеи, была чисто выстирана, и он придерживал на плече седельную сумку, сшитую из хорошей кожи. Ещё на нём была непривычного покроя безрукавка с синим узором, а на руке — незатейливый перстень с камешком. На бедре же висела тонкая рапира в видавших виды ножнах.

Он смотрел на Ки сверху вниз молча, без улыбки.

Потом седельная сумка шлёпнулась на пол по другую сторону подноса, за которым сидела Ки. Мужчина сел на сумку и поправил мешавшую ему рапиру, отодвинув её за спину. Он поставил перед собой пустой стакан, а рядом с ним — шарообразную бутылочку золотистого вина. И многоопытной рукой устроил в песке её круглое донце. Оперся на песок локтями и опустил на руки подбородок.

— У всей посуды, которой пользуются т'черья, круглые донца, — сказал он Ки. — Понимаешь теперь, зачем им эти подносы с песком? Чтобы ничто не переворачивалось.

— С ума сойти, — ответила Ки. Её несколько обескуражил его мрачно-торжественный тон.

Он спросил:

— Так ты доделала своё дело в Диблуне?

— Да, — кивнула она и подумала: прах поберей эту мрачную рожу! — Я отвезла груз, — сказала она вслух.

Он очень серьёзно кивнул, наливая себе вина. А потом неторопливо пригубил, чего-то ожидая. Ки молча смот-

рела в свою миску. Длинные волосы спадали вдоль щеки, отчасти скрывая лицо. Ей почему-то казалось, что она упускает, навсегда упускает какую-то возможность...

— Я приберёг для тебя те вещи Свена, — сказал он. — Я решил, что они тебе понадобятся.

— Не понадобятся, — сказала она. — Выкинь их, Ван.

Он почему-то напрягся всем телом, а лицо побелело. Резким движением он поднялся на ноги, чуть не перевернув стол-поднос со всем, что на нём стояло. Ки по глазам увидела, что он был жестоко обижен, непонятно только чем. И люди, и т'черья обернулись любопытствовать. Вандиен наклонился за своей сумкой и проворчал:

— Я ведь не напрашивался, Ки. Могла бы просто выгнать меня вон. Я просто хотел как лучше...

Ки изумлённо вскочила, больно стукнувшись коленками о край подноса. Она заставила себя протянуть руку и крепко взять его за плечо, а потом — развернуть к себе лицом. Она увидела, что он сжал губы в одну черту, а шрам казался белым швом на побледневшем лице. Ки не сняла руки с его плеча и ладонью чувствовала переполнявшую его обиду и ярость.

— Так ведь и я хотела как лучше, — попробовала она объясниться. — Скажи хоть, на что ты обозлился?

Он посмотрел на её руку, лежавшую на его плече. Постепенно его дыхание начало успокаиваться, а напряжённые плечи мало-помалу обмякли. Вандиен огляделся кругом, обежав свирепым взглядом любопытный народ. И как-то само собой вышло так, что люди и т'черья снова взялись за стаканы и ложки, возобновив прерванные было разговоры. Вандиен снова бросил на пол свою седельную сумку, на сей раз — подле свёрнутого одеяла Ки. Ки неуверенно опустила на свою импровизированную подушечку. Вандиен осторожно уселся с нею рядом.

— У моего народа... — начал он, но в голосе прозвучало столь отчётливое сожаление, что он счёл за благо начать заново: — У тех, с кем мне в эти дни пришлось иметь дело, сократить чьё-либо имя считается тягчайшим, несмываемым оскорблением. Оно принижает того, чьё имя сокращено. Оно подразумевает, что он — позор для неназванного родителя. Или не был им признан...

— А у моего народа, — сказала Ки, — это знак душевного расположения. И вот ещё что: мы, ромни, не очень-то носимся с имуществом наших умерших.

— Я и не знал, что ты — ромни...

— Я сама не задумывалась об этом. Но это так.

Вандиен налил вина и ей, и себе.

— По эту сторону гор живёт не так много ромни, — сказал он. И добавил с осторожной улыбкой: — Я слышал, это весьма жизнелюбивый народ...

— Да, — сказала Ки. — Мы таковы.

Вандиен долго и задумчиво вглядывался в её лицо.

— Ты распустила волосы, — сказал он затем. — Я и не думал, что они такие длинные.

Он бережно погладил её волосы тыльной стороной ладони. От его кожи по-прежнему пахло какой-то травой... папоротником. И Ки улыбнулась.

ЗАКЛИНАТЕЛЬНИЦЫ ВЕТРОВ

Перевод с английского Г. А. Трубицыной

ростите?..

Многопалые руки керуги напоминали Ки бахромому шали. Существо с самым серьёзным видом смотрело на неё серовато-белыми точками глаз. Оло, симбиот керуги, по обыкновению лежавший у того на плечах, приподнял голову на гибкой шее. Подвижные губы шевельнулись, обезьяний ротик выговорил:

— Чем можем служить?..

— Я... — Ки слегка замялась, соображая, кому из двоих смотреть в глаза во время разговора. — Я ищу гостиницу керуги, выстроенную возле ткацкого улья...

Коренастый керуги стоял столбом. Маленький оло сосредоточенно морщил лобик.

— Твоя гостиница, — наконец перевёл он мысль керуги, — может быть на любой улице Дайяла. Мы всегда строим их рядом с ульями. Это весьма удобно.

— Да уж я вижу, — сказала Ки. — Понимаешь ли, я ищу человека... человеческого мужчину со шрамом на лице, темноволосого и темноглазого. Он назначил мне встречу здесь, в Дайяле, в керугийской гостинице, стоящей у ткацкого улья.

Вновь последовало долгое молчание. Обезьянья рожица оло морщилась и гримасничала, по пушистым кольцам змееподобного тела пробегало напряжение: передав керуги слова Ки, он ждал ответа.

— Увы, — раздалось затем, — боюсь, мы ничем не сможем тебе помочь. В Дайяле множество ульев и почти столько же гостиниц. Твой человеческий мужчина должен был снабдить тебя более подробными указаниями.

— Вот уж что верно, то верно, — отозвалась Ки. — Спасибо, что потратили время и говорили со мной.

Ки вежливо дождалась, пока её слова будут переданы керуги и оло в свою очередь приветливо с нею попроща-

ется. Потом керуги зашагал прочь вместе со своим симбиотом, а Ки с тоской оглядела улицу.

Она успела потерять счёт гостиницам, в которых побывала; делать нечего — на некотором расстоянии от неё виднелось ещё высокое строение под остроконечной крышей и при нём керугийская гостиница. Следовало заглянуть и туда. Усталым шагом Ки двинулась вперёд, стараясь поменьше вдыхать тонкую пыль, которая висела над городскими улицами подобно туману. Летняя жара властно накрывала всю Дайяльскую долину; казалось, здесь никогда и не бывает зимы. Однако Ки хорошо знала: не успеет смениться луна, как пыльные улицы затопит непролазная грязь, а удушающую жару сдует холодный, режущий ветер.

В этот предвечерний час городские улицы были запружены пёстрой толпой. Преобладали в ней, понятно, керуги, но там и сям виднелись спешащие по своим делам т'черья, а то и размашисто шагавшие люди. Вот мимо Ки, словно морской корабль среди лодок, прошагал здоровенный брориан в обмундировании стражника. Ки непроизвольно напряглась, ощутив на себе его тень. Что ж, по городу, где нанимают в стражники брорианов, действительно можно гулять всю ночь напролёт, ничего не опасаясь. Насколько было известно Ки, ни одно живое существо не стало бы по своей воле связываться с брорианом. Стражник не мог ничего иметь против неё, но тем не менее Ки довольно-таки торопливо взбежала на дощатую веранду перед гостиницей. Пригнув голову, она отвела в сторону планки складной двери и заглянула внутрь. Прах поberi этого Вандиена! И здесь его нет!..

Запахи, доносившиеся из общей комнаты, заставили её брезгливо сморщить нос. Единственными человеческими существами там, внутри, были в стельку пьяный медник и его собутыльники. Керуги сидели кучками у низких, наподобие корыт, подносов с едой, и оло, обвивавшие их плечи, щебетали, переговариваясь на своём языке. Ки испытала некоторую брезгливость, когда один из керуги подошел к свободному подносу и, хрюкнув, выпустил из щелеобразного отверстия в теле питательные щупальца. Сейчас же подросел слуга-т'черья и вывалил в корытце полный кувшин чего-то вроде густой коричневой каши.

Запах, распространявшийся от этой каши, вовсе не предназначался для человеческого носа.

Ки вздохнула и всё-таки вошла внутрь, и дверные планки с негромким треском сомкнулись у неё за спиной. Надо же всё-таки перекусить и выпить чего-нибудь освежающего, прежде чем идти обследовать оставшуюся часть дайяльских гостиниц. Да, если бы заранее знать, до какой степени разросся Дайял с тех пор, как она последний раз доставляла сюда груз, она бы точно потребовала с Вандиена более подробных указаний. Может, в прежние времена слова «та керугийская гостиница в Дайяле» и прозвучали бы вполне однозначно, но только не теперь. С другой стороны, откуда было знать, что бесчисленные орды тонкопалого народа ткачей вздумают всем скопом переселиться в Дайял?..

— А я говорю, стервятницы они! Вороньё!.. Старые ведьмы, чтоб им ни дна ни покрышки!.. — взревел вдруг медник. Ки вскинула глаза. Вид мужика особого доверия не внушал. Он был загорелый, светлоглазый и насквозь пропылённый, словно только-только доставил в город целый воз кастрюль и сковородок. Он навалился на стол жирным колышащимся брюхом, яростно размахивая руками, и эти грязные руки, судя по всему, были сильными и умелыми. Когда-то он, верно, был отменно хорош собой, но возраст и неумеренная склонность к выпивке сделали своё дело: физиономия обрюзгла и обмякла, глаза помутнели.

Тусклый взор медника внезапно обратился на Ки. Возчица немедленно отвела глаза. Ей стало стыдно, она почувствовала себя испорченным ребёнком, которого застукали взрослые. Она торопливо пересекла комнату, метя пыльными юбками по грязным голенищам дорожных сапог. И нервно огляделась, высматривая себе стол как можно дальше и от пьяниц, и от керуги с их щебечущими симбиотами. Подходящий столик так и не попался ей на глаза. Зато она разглядела неподалёку низкую дверь и, нагнувшись, заглянула в скудно освещённую комнату.

Деревянный пол был устлан камышом и приятно пахнувшими травами. Там и сям виднелись невысокие столы-подносы, засыпанные подогретым песком. За столами, сидя на корточках, обедали т'черья. Глаза у них помеща-

лись на стебельках; несколько этих глаз обратилось в её сторону, потом вежливо отвернулись. Пальцы-клешнии на многосуставчатых конечностях вновь потянулись к еде, поднося кусочки ко ртам, где двигались челюсти, напоминавшие жвала-мандибулы насекомых.

Ки нырнула в низенькую дверь и вновь выпрямилась, наслаждаясь приглушённым светом, чистотой и относительным спокойствием, царившим в этой комнате. Сзади, из общего зальчика, вновь донеслось «Проклятые кровопийцы!» медника, сопровождаемое неразборчивой бранью по адресу Заклинательниц Ветров, чем-то не угодивших ему. Здесь, по счастью, слышно было только постукивание хитиновых пальцев о круглые донца сосудов с едой, установленных в рыхлом песке.

Единственный человек, присутствовавший в помещении, сидел прислонившись спиной к стене и вытянув ноги под столом, причём одна нога в дорожном сапоге уютно покоилась на другой. Закинув голову и глядя вверх, он обшаривал одной рукой полочку на стене. Вот, дотянувшись кончиками пальцев, он пододвинул к краю бутылку и ловко поймал её, когда она уже собиралась упасть. На голову ему при этом просыпался тонкий ручеек песка. Умелым движением кисти мужчина ввинтил круглое донышко в песок на подносе. Там уже стояли наготове два полусферических стакана: один чистый, другой — со следами вина.

Парень засучил до локтей рукава сливочного цвета рубашки, обнажив изящные мускулистые руки, и занялся пробкой. Прядь выющихся тёмных волос упала ему на лоб, частично скрыв шрам, располосовавший лицо.

Ки прошла через всю комнату, ступая так осторожно, что сидевший заметил её, только когда она оказалась прямо перед ним. Он поднял голову, и его тёмные глаза встретились с её зелёными.

— Вообще-то я могла бы и догадаться, — проворчала она, легонько пиная его сапог. — Надо было с самого начала высматривать керутийскую гостиницу с т'черийской кухней!..

И Ки опустилась на пол, устраиваясь рядом с ним и закидывая, удобства ради, ноги в сапогах поверх его ног.

— Я-то думал, это настолько само собой разумеется, что и упоминать незачем, — охотно согласился Вандиен. — Ну и как прошла поездка?

Ки откинулась спиной к стене и расслабилась, наслаждаясь покоем.

— Отвратительные дороги, ужасающая жара, негостеприимные города... и неблагодарные клиенты на этом конце. Заявили мне, что-де верхние мешки с бобами испортились из-за непогоды, хотя они с самого начала вполне соответственно пахли. Пришлось чуть-чуть поспорить и самую малость уступить при окончательном расчёте... а так расстались друзьями. По крайней мере, оло того керуги при расставании вёл себя более-менее дружелюбно. Что же до керуги... кто их знает, что они на самом деле думают. Мы общаемся с ними через оло, и опять же никто не знает, в какую сторону они подправляют их ответы...

— М-м-м-да, — пробурчал Вандиен. Он вновь занялся бутылочкой и отскрёб зеленоватый воск, обнажая волокнистую затычку. Сунув руку под стол, он извлёк из поясных ножен небольшой нож и принялся её выковыривать. — Надеюсь, ты не *слишком* устала, — произнёс он нарочито небрежно. Он забавлялся — Ки заметила, как дрогнули уголки губ. Он попытался спрятать это движение, разглаживая усы, но опоздал.

— Хорошенько отоспаться — и порядок, — сказала она.

— Значит, думаешь, сумеем добраться в Обманную Гавань через десяток ночей?

— В Обманную Гавань? А это где?

— День верхом от Горькух. В фургоне, может, два: дорога, говорят, узкая и ухабистая.

— А за каким шутом я попрусь в эту самую Гавань?

Вандиен посмотрел на т'черийскую служанку, пробиравшуюся к их столику с двумя дымящимися мисками. Донца мисок примяли в песок, и Вандиен ответил, разливая по бокалам тёмно-фиолетовую жидкость из бутылки:

— Я там застолбил для нас кое-какую работёнку.

Двойное потрясение на какое-то время попросту лишило Ки дара речи. Во-первых, с каких это пор Вандиен стал подыскивать себе заработок? И во-вторых, как посмел этот наглец распоряжаться лошадьми и фургоном без её на то

разрешения?... Между тем наглец и мерзавец кончил разливать вино и в открытую расхохотался при виде её отвисшей челюсти и округлившихся глаз. Ки зловеще прищурилась и набрала полную грудь воздуха для уничтожающей отповеди, но Вандиен уже вскинул обе руки, моля о пощаде:

— Прежде чем ты во всех деталях выскажешь, что ты в данное время думаешь о своём вернейшем товарище, позволь ознакомить тебя с подробностями сделки. Мне почему-то кажется, что она вполне может заинтересовать даже некоторых известных своей твердолобостью возчиков-ромни...

Ки взяла свой бокал и снова прислонилась к стене, с большим сомнением поглядывая на своего спутника. Потом не спеша попробовала вино. Вандиен заговорщицки ухмыльнулся и придвинулся поближе, касаясь её плечом и бедром. Ну до чего самоуверенный тип!

— Три дня назад, — начал он, — я сидел здесь, за этим самым столиком, и тут вдруг входит женщина, удивительней которой я в жизни своей не видал...

Стоило завязаться рассказу, как из поясного кошелька словно по волшебству появился белевский шнурок. Ловкие пальцы сейчас же свили его кольцом: по обычаю своего народа Вандиен сопровождал историю «говорящими» символами и фигурами. Ки только и успевала перебегать взглядом от его рук к лицу и обратно.

— Она стояла в дверях и обводила комнату медленным взглядом. На ней были штаны и коричневая рубашка из грубой ткани, какую земледельцы надевают в поле. Судя по лицу и фигуре, она могла бы быть бабушкой доброй дюжины внуков. Глаза наши встретились... Она улыбнулась. Она держала в руке бутылку, а в её волосы — чёрные-пречёрные волосы — были вплетены жёлтые цветы. В общем, очень странное зрелище, но никто почему-то не обратил на неё внимания, кроме меня. Женщина подошла прямоком к моему столику и устроила свою бутылку в песке. И уселась напротив меня, словно мы с ней уже сто лет как знаем друг друга. И, удивительное дело, именно так ведь мне и показалось...

Вандиен сделал паузу, чтобы отпить из бокала, и дерзнул посмотреть на Ки. Он знал, как нравилось ей слушать

всяческие истории, особенно когда *он* их рассказывал. Однако на сей раз он ещё не завоевал её. Пока. Он кашлянул, прочищая горло, и продолжал:

— Ну так вот. Сидит она напротив меня, молча улыбается и знай себе откупоривает бутылочку. Потом вытаскивает из рукава стакан, за ним другой и ставит их между нами в песок, как будто так тому и следует быть. Когда же она налила в стаканы вино... вообрази, Ки, это было элисское! Я-то в тот самый день обошёл целых четыре таверны, но элисского так и не нашёл. Никто во всём Дайяле о нём слыхом не слыхивал, не говоря уж про то, чтобы держать его в погребке. И вдруг приходит эта особа и ни с того ни с сего наливает мне элисского! А сама по-прежнему ни слова. Я уж чуть щипать сам себя не начал, — а вдруг, думаю, мне всё это просто приснилось? Ну ладно. Наконец она поднимает стакан и провозглашает звонким и сладостным голосом, что твоя певчая птичка: «Пью за крепость твоей руки и за этот шрам между глаз!» — и залпом осушает стакан...

— И пришлось тебе волей-неволей ответить ей тем же, — пробормотала Ки. Повествование захватило её полностью; она наслаждалась, слушая, не меньше, чем Вандиен — рассказывая.

Он отпил ещё глоток тёмного вина. И провёл кончиком пальца по шраму, который начинался возле внутреннего уголка глаза, рассекал переносицу и тянулся через всю щеку, достигая угла челюсти. Кивнув головой, Вандиен продолжал:

— Когда мы выпили, она сказала мне, что её зовут Зролан. Я тоже представился, и она перешла прямо к делу. Она заявила, что ищет крепкого человека с надёжной упряжкой для одного не вполне обычного дела. При этом наотрез отказалась пояснить, кто вообще её направил ко мне. Ну, я ответил, что, мол, знаю одну очень, очень надёжную упряжку, да только она не моя, чтобы ею распоряжаться...

Ки приподнялась, собираясь что-то сказать, но Вандиен опередил её:

— Она рассказала мне, что там требовалось сделать, и работа не показалась мне особенно сложной, скорее занятой. Но я повторил ей, что не могу поручиться насчёт

упряжки, поскольку она не моя. Женщина истолковала мои слова как намёк, что не вредно бы повесить плату. Она повысила. Я опять повторил, что должен сначала обсудить всё с тобой. Что ты думаешь, она опять повысила ставку! Причём настолько, что меня оторопь взяла. Тем не менее я ещё раз ей объяснил, что лучше пусть она подождёт тебя и переговорит с тобой лично. Тут Зролан прямо обмякла, даже глаза блеснуть перестали, и сделалось видно, какая она на самом деле старая...

Вандиен изобразил свою давешнюю собеседницу, на какое-то время став удивительно похожим на удручённую старую женщину. И умоляюще простёр руку к Ки:

— Увы, она не могла задерживаться в Дайяле. У неё дочка в Горькухах, так этой дочке скоро рожать, и мать собиралась там быть, потому что больше никому, мол, не справиться: было уже трое неудачных родов, ни один ребёнок не выжил. Вот Зролан и собралась принимать роды сама, не доверяя больше никакой дуре-повитухе. Даже меня убедила, что одно её прикосновение и дочке поможет, и младенцу жизнь сохранит.

— Ну и что ты издеваешься? Дело-то действительно безотлагательное! И важное! — буркнула Ки. От Вандиена не укрылась весёлая нотка в её голосе, и он разыграл оскорблённую невинность:

— Твоя правда, Ки. Особенно если учесть, какую безумную плату она под конец предлагала за плёвую, в общем-то, работёнку. Одними деньгами, не говоря уж про всё остальное, знаешь сколько сулила? За работу, которая отнимет-то самое большее день? Правда, её и надо завершить за один день... Шесть штук серебра! Каково, а? Шесть штук! — повторил он гордо.

Ки пропустила умопомрачительную сумму мимо ушей.

— Ну и ты?.. — спросила она, с широкой ухмылкой поворачиваясь к Вандиену. — И ты не?..

Он передёрнул плечами, слегка озадаченный переменной её настроения.

— Я согласился, — заявил он. — Я решил, что в этот один-единственный раз ты мне, может, простишь, что я без тебя тебя женил. Уж больно цена заманчивая, ты не находишь? А кроме денег она ещё...

— Вандиен!.. — Ки душил смех, она тщетно пыталась стереть улыбку с лица. — Дай-ка я попробую угадать, что это за работа и каковы условия. Эта Зролан, она собиралась уплатить тебе только после успешного окончания работы, ведь так? Что-то такое сделать в один день, причём в этой их Обманной Гавани... — В ответ на каждую фразу Вандиен осторожно кивал, и всякий раз Ки так и прыскала. — Вандиен, — сказала она наконец, — не иначе ты подрядился проникнуть с упряжкой в затопленный храм Заклинательниц Ветров и выудить оттуда давным-давно пропавший сундук?..

У Вандиена вытянулось лицо, зато Ки, поникнув к нему на плечо, хохотала самозабвенно, до полной потери сил. Глаза-стебельки т'черья стали негодуяще поворачиваться в их сторону. Грубые, громогласные человеческие существа профанировали священнодействие принятия пищи и самым бессовестным образом предавались пустой болтовне, между тем как добрая еда безвозвратно остывала перед ними на песке.

— Не вижу ничего смешного! — решительно заявил Вандиен, из последних сил пытаясь устоять и не присоединиться к заразительному хохоту Ки. — Значит, ты уже слышала то, о чём рассказала мне Зролан? Ну, про то, как опустилась земля и храм затонул, только громадный бронзовый колокол продолжает звучать из-под морских волн, когда его раскачивает приливом? Говорят, во время штормов поднимается такой набат, что даже скотина в стойлах мечется от ужаса...

— А глубоко, глубоко в залитых водой храмовых подземельях, — подхватила Ки, стараясь придать таинственность своему чуть хрипловатому голосу, — глубоко, глубоко в залитых водой храмовых подземельях стоит огромный металлический сундук, в котором хранится одна из двенадцати величайших тайн Заклинательниц. Если этот сундук однажды выйдет на свет и будет отдан в руки честных людей, тем самым будет добыто свидетельство, что Заклинательницы преступили священную клятву, данную ими когда-то, и из бескорыстных служанок мира превратились в корыстолюбивых стяжателей и тиранов. Великая честь будет воздана герою, который добудет это

свидетельство. Долгие века бесчисленные уста будут торжественно повторять имя отважного возчика. Поколение за поколением будут славить его, называя своим избави...

— Ну ладно, ладно, — сконфуженно улыбаясь, перебил Вандиен. Потёр ладонью губы и подбородок, потом вновь расправил усы. — Похоже, я влип в какую-то игру. Хорошо, но она-то что собирается с этого иметь? Или это просто сумасшедшая бабка, которую посылают подговаривать легковых чужаков?..

— Отнюдь нет. — Ки глотнула ещё вина, протянула руку и потрогала пальцем край миски, стоявшей перед нею в песке. Палец пришлось немедленно отдернуть: — Ну и кипяток! Всё равно ждать, пока остынет, так что лучше я тебе расскажу всё, что сама знаю... Вообще-то говоря, изначально шутками тут и не пахло. Там *в самом деле* был древний храм Заклинательниц, и когда во время землетрясения часть суши ушла под воду, вместе с нею погрузился и храм. Одна Луна знает, сколько лет назад всё это было. Не исключено, что в храме вправду был колокол, и кое-кто до сих пор божится, что слышал, как он звонит во время шторма. Может, там и сундук железный стоит, откуда я знаю. Жители Обманной Гавани, кажется, искренне верят, будто это не враки. Так вот, каждые четыре-пять лет выпадает месяц, когда случается исключительно низкий прилив. Местные жители умеют предсказывать его наступление и каждый раз из кожи вон лезут, чтобы нанять возчика с упряжкой. И вот наступает ночь, когда храм частично показывается из-под воды. Во всяком случае, то, что от него к настоящему времени сохранилось. И каждый раз какой-нибудь идиот-возчик копошится впотьмах, в холодной воде, пытаясь выудить сундук... — Ки вновь приложилась к бокалу. Сладкое вино хранило аромат виноградных гроздьев, от него приятно покалывало в носу. — Может, скажешь заодно, что хоть мы пьём?

— Бергун. — Вандиен потянулся вперёд и плеснул себе ещё. — За точность не ручаюсь, но т'черийка, которая мне его подавала, произнесла какое-то похожее слово. Она всё порывалась вскипятить его, но я сказал, что предпочитаю холодное. С той минуты я окончательно превратился для неё в варвара...

— Хотела бы я знать, как должно быть нагрето питьё, чтобы т'черья обжёгся!

— А я хотел бы знать, почему никто до сих пор не вытащил этот сундук! — неожиданно заявил Вандиен.

— Чтоб мне провалиться, если я знаю, — пожала плечами Ки. — Тут, насколько мне известно, мнения расходятся. Кое-кто говорит, что никакого сундука там вовсе нет. Другие утверждают, что он есть, но хорошо запрятан. Третьи — что он, дескать, страшно тяжёлый, если и найдёшь, так никакой упряжкой не вытянешь. А четвёртые — и лично мне это кажется наиболее вероятным, — что сами Заклинательницы не больно-то хотят, чтобы его разыскали и вытащили. Каждый раз, когда приходит время отлива, поднимается ужасный шторм с ледяным ветром, так что тому, кто лезет в храм, жизнь малиной вовсе не кажется. Тем не менее очередной дурак неизменно находится. И делает попытку. Я даже так понимаю, что жители Обманной Гавани всякий раз устраивают вокруг этого события некое празднество. То есть сам возчик, понятно, ни гроша не получает, но, если он честно пытается что-то предпринять, деревня принимает его на славу. Ну, там, хорошая комната, бесплатный стол...

Вандиен тоже потрогал пальцем край миски:

— Ну что ж, в любом случае не совсем даром время потратим. А? Пару-то деньков за стол и ночлег?..

Ки только фыркнула:

— Делать мне больше нечего, переться ради этого с фургоном в Обманную Гавань. Кроме того, я отнюдь не намерена выставять себя на посмешище, неизвестно зачем бродя во время шторма по пояс в холодной солёной воде. Кстати, никак не возьму в толк, почему им понадобилось прицепиться со своим предложением именно к тебе? Хотя... Ты ведь не сегодня приехал, верно? Не видел тут никого больше из ромни?

— А как же. Рифу и этого дрессированного медведя, которого она держит вместо мужа... Слушай, Ки, — сказал он совсем другим голосом. — Я ведь не из-за денег на это дело пошёл. Она мне ещё кое-что...

— Рифа! Ну конечно. Воображаю, как это её насмешило. Они, наверное, подъехали сперва к ней, а она, не

будь дура, отказалась, зато ради смеха направила их к тебе. Смекнула небось, что ты ничегошеньки про Обманную Гавань не знаешь!

— Говорю тебе, не в деньгах тут дело, — проворчал Вандиен и, покосившись на Ки, убедился, что она по-прежнему не обращает на его слова никакого внимания. Зато пьяный медник, бушевавший в соседней комнате, похоже, пересел за другой столик: непристойности неслись уже непосредственно из-за двери. Ки недовольно покосилась в ту сторону. Она ведь перешла в эту комнату ради того, чтобы удалиться и от него самого, и от того фонтана обличений, перемешанных с бранью, который он неистощимо изрыгал в адрес Заклинательниц. У неё не было ни малейшего желания всё это слушать, тем более что жалобы медника особой оригинальностью не отличались. Он костерил налоги на дождь, непосильные для мелкого торговца, каковым он являлся, не говоря уже о земледельцах, которых они попросту разоряли. Бедные, бедные земледельцы, у которых злобные ведьмы отнимали чуть ли не весь с таким трудом собранный урожай. Одним словом, старая, тысячу раз пережёванная история. Куда бы ни приводила Ки дорога, жалобы раздавались всё те же. Другое дело, обычно у людей хватало ума сообщать о своих претензиях лишь ближайшим друзьям, да и то шёпотом. А не орать о них во всё горло, притом в людных местах.

Она оглянулась на примолкшего Вандиена. Тот задумчиво ковырял поясным ножом в миске. Т'черья не пользовались столовыми приборами и не считали нужным предлагать их посетителям своих заведений. Ки тоже вытащила короткий ножик и подцепила им нечто лежавшее у неё в миске. Зеленоватый кубик источал пар. Ки осторожно подула на него, пытаясь остудить, и положила в рот. И немедленно пожалела об этом. Они с Вандиеном только что рассуждали об отливах; Ки хорошо знала, как пахнет во время низкой воды, а теперь ей довелось узнать, каков отлив на вкус. Она торопливо проглотила взятый кусок, чтобы хоть таким образом избавиться от него. Но даже глоток бергуна не перебил этот привкус. Ки повернулась к Вандиену, намереваясь ядовито прокомментировать за-

казанную им еду... Вандиен по-прежнему молча смотрел в свою миску, помешивая в ней ножом.

— Не мешай ножом, беду намешаешь, — предостерегла его Ки.

— Уж эти мне ромни, — фыркнул он. — Все в суевериях!

— Так что всё-таки она тебе предлагала помимо денег, а, Вандиен?

Он едва заметно покраснел, но румянец скоро пропал. Он рассеянно поскрёб пальцем шрам:

— Да так, ничего особенного.

Наколов ножом зелёный кубик, Вандиен отправил его в рот. Ки выжидающе смотрела на него, но Вандиен разжевал еду и проглотил, не переменившись в лице и ничего не сказав.

— Ну а всё-таки? — настаивала Ки. Похоже, глуповатая шутка Рифы ему не очень понравилась. Обычно Вандиен не обижался, когда его вышучивали, — даже тогда, когда ему не удавалось поднять на смех самого зачинщика. Ки не могла взять в толк, что это такое на него нынче накатило. Она уставилась на него зелёными глазами, решившись не отводить взгляда, пока он не расколется. Он прожевал ещё три куска и наконец заговорил:

— Вообще-то я дал ей слово. Мы пожали друг другу руки...

— Ну и?.. — подтолкнула его Ки, уверенная, что парень темнит.

— Слушай, тебе что, мало? А то я не видел, как ты рисковала жизнью налево и направо, только чтобы не нарушать данного слова?

— Но ведь Рифа просто пошутила, Вандиен. Просто пошутила, понимаешь?

— Может, и так. Но предложение, которое сделала мне та женщина, было вовсе не шуточным. И я давал слово тоже совсем не в шутку. Знаешь, Ки, по-моему, у нас всё-таки ничего не отвалится, если мы за это возьмёмся. Даже если мы потерпим неудачу, как и все прочие до нас, мы...

— ...будем выглядеть законченными идиотами, — договорила за него Ки. — Знаешь, моих коней надо кормить,

а фургон — чинить время от времени. Если я буду хвататься за какую ни попадя работу, за которую расплачиваются кормёжкой и ночлегом, я без штанов скоро останусь... И потом, — добавила она, помолчав, — я с подобными делами вообще связываться не желаю. Я грузы вожу. Ну, там, иногда покупаю, отвожу и продаю в другом месте. Но всякие затопленные сокровища, Вандиен, это не по моей части. Особенно когда не вполне ясно, кому эти самые сокровища принадлежат. Как по-твоему, придут ли Заклинательницы в особый восторг, если сундук будет извлечен и принародно вскрыт? Как по-твоему, понравится ли им даже попытка это предпринять?.. Нашему брату возчику надо стремиться если не к благосклонности властей предержащих, то хоть к тому, чтобы пореже попадаться им на глаза. Вот это у меня как раз здорово получается: не высываться, и всё. На что мне это надо — выуживать из воды какие-то реликвии Заклинательниц, и зачем — чтобы чокнутая бабка могла доказать, что Заклинательницы — надругательство над природой! Во имя Луны, Ван!.. Я же ромни, в конце-то концов. Тебе этого мало? И так мы, ромни, все шишки собираем...

Ки остановилась перевести дух. Вандиен не смотрел на неё. Он слегка хмурился, отчего из углов тёмных глаз разбегались морщинки. Ки знала: когда его лицо разгладится, вместо морщинок на коже будут видны белые полосы, избегнувшие загара. Ещё она видела, что в ближайшем будущем на эти полосы можно не рассчитывать. Ко всему прочему Вандиен слушал не её, а пьяные проклятия, доносившиеся из-за двери.

Ки не очень-то нравилось, как обернулся их разговор, но позволить себе пойти на уступки она не могла. Ещё не хватало, чтобы он повадился втравливать её в какие-то дела, не заручившись её предварительным согласием. В конце концов, она возница, ей и оценивать, за что следует браться, а за что нет. Вандиен устроен совсем по-другому и привык всё делать по первому побуждению. Ки всегда стремилась до мелочей распланировать каждый день, а его это выводило из себя. Дай ему волю, он бы всякий раз двигался вперёд допоздна, надеясь, что вот-вот подвернётся ещё лучшее место для ночёвки. Не перечсть случаев, ког-

да он подговаривал Ки свернуть на какую-нибудь никому не ведомую «короткую дорогу», но все его увещевания и подначки натывались на её непоколебимый отказ. Ладно, пусть его сколько угодно возмущается её неумеренной осторожностью и тем, что ему угодно именовать в лучшем случае детскими страхами. Ему ведь не довелось вырасти среди ромни, вечно кочующих с места на место и привыкших полагаться не на удачу, а на трезвый расчёт.

— Вандиен, друг мой, — тихо проговорила она. — Если мы вызовем недовольство Заклинательниц, их злая воля настигнет нас повсюду, где бы мы ни пытались укрыться. От них ведь не отделаешься простым «извините» и поспешным отъездом. Их влияние не ограничивается тем или иным краем или страной. Они повсюду. И если они рассердятся, нам с тобой до конца наших дней не видать ни единого дня с приличной погодой. Я уж молчу про то, что никто меня не наймёт и не станет покупать у меня товары...

Вандиен наконец повернулся к ней лицом и посмотрел ей в глаза. Но медник, прах его побери, уже так расшумелся, что Ки приходилось чуть ли не кричать, чтобы быть услышанной. Т'черья, обедавшие за соседними столами, поспешно покидали помещение. Они считали за оскорбление, когда их беспокоили во время еды. Ки было наплевать, что там они думали. Она хотела только, чтобы Вандиен её понял. К тому же она видела, что он одним ухом прислушивался к болтовне медника, и это её раздражало. Она взяла Вандиена за руки и снова попыталась что-то сказать, но пьяный рёв заглушил её слова:

— ...А я говорю — сжечь! Спалите урожай прямо в поле, развеите по ветру состриженную овечью шерсть! И пусть посвистят, зарабатывая свою долю! А то, как требовать лучшее из того, что мы зарабатываем потом и кровью, — это пожалуйста, а что взамен? Ласковые ветры и дожди, которые и так по праву принадлежат всем тварям, живущим на этой земле?.. Не-ет, сжечь поля, шерсть, и пусть нюхают дым и прядут пепел! Вот их доля!.. Оставляйте себе только то, в чём нуждаются ваши семьи. Пусть-ка хоть раз переживут голодную зиму, каких нам перепадало в избытке! И может, тогда...

Было похоже, что эти истерические выкрики производят на Вандиена определённое впечатление. Ки сжала его запястья и даже привстала, крича ему в ухо:

— Да послушай же!.. Только глупец встаёт им поперёк дороги! А я, чтобы ты знал, не дура. Пускай другие лезут в герои! Я хочу, чтобы мы просто шли своей дорогой и ни во что не впутывались. Надо жить тихо! Вандиен, на свете есть ты, я и кони, а всё остальное я, в общем, в гробу видела. Но вот за то, что мне дорого, я кого угодно живьём съем. Понимаешь?.. Оставь Заклинательниц в покое, и они нас трогать не будут...

Тут она с удивлением заметила, что вокруг воцарилась подозрительная тишина. Т'черья куда-то подевались из комнаты, зато в раскрытой двери виднелось сразу несколько физиономий — человеческих, керуги и оло, — и они смотрели на неё напряжённо и зло. Оказывается, её горячая отповедь привлекла внимание не только Вандиена, но и чуть ли не всех находившихся в гостинице. Был тут и медник, зловеще созерцавший её сквозь пряди сальных волос, упавших на бесцветные глаза. Мокрые губы судорожно дёргались: он подыскивал слова, но пока только неразборчиво булькал. Ки, признаться, струхнула. Как и все прочие, медник, похоже, решил, что она грудью встала против него на защиту Заклинательниц.

Один из оло, оббивавший плечи своего керуги, что-то пропищал в тишине. Т'черийская служанка выронила поднос и поспешно шмыгнула в низенькую дверь, что вела на кухню. Ки проводила её глазами, не понимая, в чём дело. Между тем Вандиен, сидевший рядом, рывком вскочил на ноги и, бесцеремонно оттолкнув Ки, нагнулся и ухватил край низенького стола-подноса. Ещё миг — и стол встал на ребро, разметав по полу песок и еду. Сильные пальцы Вандиена сомкнулись на плече Ки и дёрнули её на пол так, что затрещала рубашка. В этот же миг в столешницу с треском врезался первый брошенный предмет. Разлетелись черепки, хлынули брызги горячего соуса...

Рука Вандиена метнулась к бедру, но схватила пустоту. Его рапира осталась висеть на гвозде в фургоне Ки, но, даже будь она здесь, она мало кого защитила бы от летящей посуды. Что же до поясных ножей, они годились для

того, чтобы резать хлеб и сыр, но не для драки. В столешницу грохнули сразу три кружки и большой поднос. Ки и Вандиен одновременно нырнули вниз, стукнувшись головами.

— Проклятье!.. — Ки присела на пятки, ожидая, пока перед глазами прекратят плясать искры. Из двери слышались торжествующие крики. Метатели кружек праздновали удачу. Ки осторожно высунулась посмотреть. В т'черийскую комнату противники пока не совались, ограничиваясь «стрельбой» из безопасных укрытий. Ки заметила, как в её сторону полетел металлический кувшин, и поспешно убрала голову. Стол содрогнулся, раздался звон. Ки оглянулась на Вандиена. Он ухмылялся, и это обозлило её ещё больше. — Ну и что мы теперь собираемся делать? — закричала она. — Они там с ума посходили!..

Вандиен веселился. Вполне в его духе — веселиться в подобный момент.

— Не знаю! — сказал он. — В любом случае обещаю никогда-никогда больше не мешать в миске ножом. Слушай, а с какой целью ты так здорово их раздразила?

— Я? Раздразнила? Да я с тобой разговаривала!.. — Ки почувствовала, как губы расползаются сами собой, складываясь в такую же, как у него, кривую ухмылку. — Если бы ты слушал, что тебе говорят, мне не пришлось бы орать...

— Извини, отвлёкся... — Вандиен быстрым движением высунул руку из-за стола, подобрал свою миску и запулил её в нападавших. Вращаясь, миска пронеслась через комнату и вдребезги разлетелась о дверной косяк. Их противники сейчас же попрятались. — Видишь ли, — как ни в чём не бывало продолжал Вандиен, — мне показалось, что то, что он говорил, относилось не только к земледельцам и ткачам, но до некоторой степени и к нам тоже. Но... — Ки мрачно нахмурилась, и он быстро закончил: — Но теперь в любом случае не время для обсуждений.

Ки пошарила возле своей стороны стола и подобрала с пола стакан. Быстро прицелившись, она метнула его. В соседней комнате топотали, бегая туда и сюда и запасаясь «боеприпасами».

— Твои слова пришлись как нельзя более кстати, — преспокойно продолжал Вандиен. — Никто из них не спе-

шил вслух поддерживать нашего друга медника, ибо в глубине души все понимают, как это глупо — пытаться противостоять Заклинательницам. Он, однако, заставил их всех почувствовать себя малодушными трусами. И вот, как раз когда они оказались перед окончательным выбором — либо вслух согласиться с медником, либо поджать хвост и ползти прочь, — является Ки и во весь голос высказывает те трусливые опасения, которые они держали при себе. Какая возможность вылить на нас всё то, что им иначе пришлось бы либо втихомолку проглотить, либо выплеснуть на Заклинательниц!

Говоря таким образом, Вандиен пытался раскатать хоть одну из четырёх ножек стола. Всё напрасно. Короткие крепкие ножки были приделаны на совесть. Может, как раз в предвидении подобного случая.

— Я не считаю своё мнение «трусливыми опасениями», — прошипела Ки. — Это здравый смысл, а вовсе не трусость!

— Какая разница? — пожал плечами Вандиен, ныряя в укрытие. Тяжёлая кружка задела верхний край столешницы, отлетела, ударила в стену и свалилась на пол подле него. Вандиен без промедления вернул её нападавшим. — Мы можем обсудить это сейчас, — сказал он. — А можем после того, как они наберутся храбрости и пойдут штурмовать...

— Любая дорога начинается с того места, где ты сейчас стоишь, — ответила Ки старинной пословицей ромни. Быстро вскочив, она схватила два кувшина с полочки над их головами и вновь поспешно присела.

— Вероятно, имеется в виду, что ответы надо находить самому, а не искать козлов отпущения, — сказал Вандиен, запасаясь по её примеру предметами для метания. — Погоди, Ки, в этих кувшинах — отличное вино, что довольно редко встречается здесь в Дайяле. Можешь мне поверить — я походил здесь кругом. Неужели ты собираешься швыряться полными...

— А вот смотри! — ответила Ки и, осмелев, вскочила, размахиваясь. К её полному удовлетворению, кувшин грянул в притолоку, окатив с головы до ног самое меньшее двух противников и разметав по всей комнате глиняные

осколки. Ки расхохоталась, видя, как нападавшие шарахнулись прочь, загораживаясь руками. Остро запахло разлившимся бергуном.

Вандиен дёрнул её за руку, заставляя сесть, и весьма вовремя: о стену, где только что стояла Ки, разлетелась чашка. Во все стороны полетела бурая слизь, которую получали из перебродивших кесслеровых бобов. Вонь была такая, что у обоих перехватило дыхание. Нежелание Вандиена губить полные кувшины растаяло как дым. Схватив сразу два, он завертел руками, как мельница, и запустил их во врагов. Ки немедленно воспользовалась прикрытием и стащила с полочки ещё пару. Как раз когда они с Вандиеном ныряли под стол, из соседней комнаты послышались жалобные крики.

— Попали!.. — кровожадно оскалилась Ки. Вандиен оглянулся, их взгляды встретились... И у неё и у него глаза искрились одинаковым азартом. Да, это было опасно и безрассудно, да и доброго питья было жаль... но, проклятье, разве это было не настоящее веселье! Вся напряжённость, возникшая было между ними, исчезла без следа. Кувшин, пущенный недрогнувшей рукой Вандиена, попал меднику прямо в пузо и унёс его из дверного проёма. Вандиен захотел так, что шрам на лице собрался мелкими складками.

В той комнате уже не кричали, а попросту завывали от злобы. В низенькую дверцу, что вела на кухню, заглядывали т'черийские глаза на стебельках. Вопли делались то громче, то тише. Вот появилось ещё несколько глаз... Хозяйка гостиницы. Ки запустила в кухонную дверь бутылкой, и хозяйка поспешно исчезла. Пусть видит, что тут не просто кидаются мисками, — речь идёт о сохранности её имущества и припасов. Может, додумается стражу позвать...

Ки рассчитала правильно. В то время когда Вандиен отправил в полёт последний кувшин, до которого они могли дотянуться, не выскакивая из-за своего стола, снаружи послышались предостерегающие окрики городских стражников. Весь шум и гам утих столь же внезапно, как и начался. Ки услышала удаляющийся топот сапог и шуршание удирающих керуги. Стало совсем тихо. Ки победно улыбнулась Вандиену и принялась с брезгливым смешком отряхивать с одежды вонючую бобовую слизь. Она увидела, как

неожиданно одеревенело лицо Вандиена, и проследила его взгляд. В дверном проёме стояла хозяйка гостиницы, а по бокам её — двое здоровенных брорианов. На обоих было обмундирование и шейные цепочки городских стражников. Широкие рожи расплывались в нехороших усмешках, а хозяйка указывала пальцем и, шепелявя, лопотала на Общем:

— Эти два!.. Их начали свалка, их пускай платят вся-вся уцерб!

Было уже совсем темно, когда Ки с Вандиеном выбрались наконец на пыльную улицу.

— Где хоть ты оставила фургон?..

— На поляне за городом. Там вроде был когда-то дом, но он сгорел, и владелец, видимо, бросил участок. Лужайка хорошая, трава...

Они широко и быстро зашагали по улице. Холодная, зябкая ночь быстро сменяла дневную жару. Серая дорожная пыль фонтанчиками взлетала из-под сапог.

— Сколько у нас денег-то осталось?

— Пять дрю,— с глубоким отвращением ответила Ки.— После того как ты расплатился за еду и постой...

— Цены были божеские, — вставил Вандиен.

— Ну да. Когда ты забрал свои вещи, хозяйка подсчитала убытки, включив не только то, что порушили мы с тобой, но и всё, что перебили те недоноски. Она заявила стражникам, дескать, если бы я не встряла, тот медник выпил бы ещё немножко и убрался по-тихому. Как тебе это нравится? И ещё она утверждала, будто в тех кувшинах, которыми мы швырялись, был не бергун, а шеффиш-бренди...

— Что?! — Вандиен остановился как вкопанный и уставился на неё.

— Что слышал, — мрачно заявила Ки. — Туда-то и ушла большая часть наших денежек. Каким образом я должна была доказывать, что это был бергун?.. А спорить с брорианами мне как-то не захотелось...

— Да в этом занюханном городишке и капельки шеффиша не найдётся, куда там кувшины!..

— Правильно, — кивнула она. — Просто, когда заставляешь кого-то раскошелиться за пролитое и впитавшееся

в половицы, прямая выгода сделать вид, будто пролил он не дешёвый бергун, а самый лучший и дорогой шеффиш. Брориан, понятно, встал на её сторону...

Вандиен только плюнул:

— Во имя Луны!..

Они зашагали дальше. На улицах почти никого не было, между закрытыми ставнями редко где пробивались лучики света. Кожаные дверные занавески были спущены и крепко завязаны на ночь. Туда и сюда бегали бездомные псы, вынюхивая съестное. Спящий город казался тихим и мирным.

— Ну так что, двинемся завтра в Горькухи? — кинул пробный камешек Вандиен.

Ки оглянулась через плечо:

— Куда? В Горькухи? Ну нет, я собираюсь отправиться с конями на рынок и взяться за любой извоз, какой мне только предложат. С пятью дрю в кармане насчёт кормового зерна не очень-то разбежишься, да мне и самой есть-пить тоже надо! Ехать в Горькухи искать работу, чтобы прибыть туда вовсе уж без гроша? Спасибо!

— Но ведь прямо за Горькухами — Обманная Гавань, и там нас всяко приютят на несколько дней. А потом, может, и работа какая найдётся...

Ки закатила глаза:

— Слушай, ну какая муха тебя укусила? По-моему, мы с этими делами и так уже неплохо влипли...

— Меня не муха укусила, я слово дал. И собираюсь его сдержать.

— Не вижу, при чём здесь моя упряжка, — заявила она тоном окончательного отказа.

— А я на неё не особо и рассчитывал, дорогая моя. Не твоя, значит, другая. А стало быть, лучше мне двинуться в Обманную Гавань прямо сейчас, чтобы хватило времени нанять упряжку в Горькухах...

— Нанять?.. — не веря своим ушам, переспросила Ки.

— Я договорюсь, чтобы плата за упряжку зависела от того, заплатят ли мне самому.

— Да. Если уж кому и удастся подбить какого-нибудь возчика на подобную сделку, так только тебе...

— Не всякого. Тебя, например, мне убедить не удалось.

Ки сморщилась, как от зубной боли:

— Неужели ты вправду сердисься, Вандиен?

Он неожиданно рассмеялся:

— Да ни в коем разе! — Крепкая жилистая рука обхватила Ки за талию. Так они и шли рядом, задевая друг друга бедрами. — Просто как-то боязно браться за такое дело одному, без тебя, — продолжал Вандиен. — Не бери в голову, ты совершенно права. Если бы мы явились туда с оголодавшей упряжкой, наши шансы совершить невозможное вообще свелись бы к нулю. Нет, Ки, дело в том, что... просто некоторые вещи мне лучше удаются, когда я с тобой. Особенно по части выставить себя идиотом...

— По-моему, тут мы оба талантливы, — согласилась она со смешком. Потом вздохнула: — Вот что, Вандиен. Сейчас я поищу какую-нибудь работу, но, когда я её сделаю и в кармане что-нибудь забренчит, я заеду за тобой в Обманную Гавань. Может, ещё подоспею к этому их отливу и посмотрю, как ты будешь там корячиться. Но откуси я собственную голову, если я хоть палец о палец ударю, чтобы тебе помочь. Уж мне эта Рифа!..

— Она, кстати, так и не смирилась с тем, что тебя угораздило спутаться с бродячим псом вроде меня. И в особенности оттого, что я не могу дать тебе детей...

— Дети у меня уже были, — коротко отозвалась Ки. Вандиен подумал и переменял тему:

— Ну так я, стало быть, потащился в Горькухи. Пока!

Вместо ответа Ки крепко обхватила его поперёк тела, как раз по поясному ремню. Движение вышло сильным и порывистым — Вандиен сбился с шага и едва не споткнулся. От него пахло папоротником; так пахнет в сумерках свежескошенный луг, отдающий тепло нагретой солнцем земли. На какой-то миг во всём мире для неё существовали только его тёмные, искрящиеся глаза, тугие непокорные завитки волос на затылке и твёрдые губы под мягкими, шёлковыми усами.

— Я тебе дам «пока», — ворчливо пригрозила она. — Завтра утром куда ещё ни шло...

Скоро перед ними зачернела глыба фургона, и Сигурд, приподняв голову от сочной травы, приветливо заржал из темноты.

мальчишка проталкивался сквозь базарную суету, вздымая босыми ногами горячую пыль. Казалось, вопли лоточников и приглушённые споры торгующихся только усиливают жару. И как вообще люди могут торговать в такую погоду?..

Всё же каким-то образом они умудрялись. Делал своё маленькое дело и мальчик: разносил послания из конца в конец запруженного народом, изнемогающего от зноя города. Он знал, что совсем скоро начнутся внезапные, непредсказуемые осенние бури. И он ещё успеет соскучиться по нынешней жаре, шлёпая по колено в грязи, под холодным дождём. Мальчик облизал пересохшие губы и принялся проталкиваться между плотно сгрудившимися фермерами.

Перед ним был как раз тот угол площади, куда приходили ищущие работы и заработка. В сторонке стояли сезонные рабочие, вооружённые косами и лопатами: вдруг понадобятся какому-нибудь земледельцу, припозднившемуся убрать урожай? Увы, год выдался засушливый: Заклинательницы Ветров пустыми угрозами не ограничились. Урожай был скудный, так что большинство хозяев справилось с ним без посторонней подмоги. Впрочем, до сезонных рабочих мальчику не было никакого дела.

В другом углу стояли со своими упряжками наёмные возчики. Здесь не было ни клочка тени; зелёные мухи одолевали беспокойных, мучимых жаждой животных. Возчики едва поспевали их отгонять. Мальчик опасливо обежал бычью упряжку и едва успел увернуться от какой-то клячи, оскалившей на него жёлтые зубы. Хозяин клячи расхохотался, показывая зубы — такие же длинные и жёлтые, как и у его лошади. Но мальчик уже заметил то, что он разыскивал.

Высокий расписной фургон заметно возвышался над тележками и повозками, сгрудившимися на площадке. Задняя часть фургона представляла собой открытую платформу, предназначенную для грузов. Пара серых тяжеловозов не потела в упряжи, стоя на солнцепёке: кони были выпряжены и привязаны в убогой полоске тени, отбрасываемой фургоном. Что касается самой возчицы, она клевала носом на сиденье. Мальчишка немедленно потерял к ней всякое уважение. Надо быть окончательной дурой, чтобы дрыхнуть таким образом посреди шумного торга, где каждый второй уж точно был нечист на руку. Мальчик остановился посреди улицы, снизу вверх глядя на женщину. На ней была широченная синяя юбка, из-за которой она выглядела ещё более миниатюрной и хрупкой. На расшитой блузке проступали тёмные пятна пота. Русые волосы спадали на плечи, липли ко лбу...

Мальчик подошёл, беззвучно ступая по пыли босыми ногами. И протянул руку, собираясь дёрнуть возчицу за юбку. Но прикоснуться не успел: зелёные глаза мгновенно раскрылись и пристально уставились на него.

— Как у кошки!.. — выдохнул мальчик, поспешно отдёргивая руку.

— Чего надо? — осведомилась Ки, не обращая внимания на столь странное приветствие.

— Мне-то ничего, — ответил мальчик. — Меня просто прислали сказать тебе: «Если хочешь поработать на приличного заказчика и за хорошую плату, подгони фургон к чёрному каменному дому в конце улицы, ведущей мимо мастерских кузнецов и бондарей». Вопросы есть, возчица?

— А кто в том чёрном доме живёт?

Мальчик ответил, помявшись:

— Откуда я знаю...

— А что они хотят, чтобы я перевезла?

— Откуда я знаю.

Ки смотрела на него с высокого сиденья. Загорелая мордочка и обтрёпанная рубашка, безнадёжно короткая растущему, как на дрожжах, пареньку.

— Если ты ничего не знаешь, зачем спрашиваешь, нет ли у меня вопросов?

Мальчишка пожал плечами:

— Положено так спрашивать, когда мы передаём сообщение. Ну, на тот случай, если ты не поймёшь, что тебе сказано.

— Ясенько...

Ки порылась в тощем кошельке, висевшем у неё на поясе, и вытащила один из медяков, полученных на сдачу с её последнего дрю. Этот дрю она потратила нынче утром на хлеб для себя и на зерно для своих коней. Скорее всего здесь было принято давать на чай больше, но у неё просто ничего больше не было. Монетка взлетела в воздух. Мальчик ловко поймал её и уже раскрыл было кошель, но всё-таки нехотя остановил руку.

— Та, что меня послала, всё оплатила вперёд, даже те чаевые, что должен заплатить получатель. Она сказала, у тебя вряд ли вообще что-то найдётся...

Медяк вновь описал дугу в воздухе, возвращаясь к Ки, но она отбила её ладонью:

— Оставь себе, парень. Я тоже страдаю избытком честности и знаю, как редко это вознаграждается...

Мальчик удивлённо и благодарно улыбнулся ей, показывая два ряда белых зубов. И засверкал пятками, пока странная возчица не передумала.

Ки потянулась, потом провела рукой по лицу, стерева слой пыли и пота. Спустившись с сиденья, она занялась серыми, уговаривая их встать на места и дать себя запрячь. Как бы ей хотелось разузнать побольше о таинственной заказчице. Например, откуда она узнала, что Ки столь основательно издержалась. Да уж, тут не покапризничаешь, выбирая, на кого стоит работать, на кого нет. Но когда все кому не лень знают, что ты на мели, — это последнее дело. Того гляди обсчитают... Или вынудят заниматься чем-нибудь не слишком законным...

Ки принялась запрягать тяжеловозов. Кроткий Сигмунд стоял терпеливо и неподвижно, не мешая ей затягивать ремни и застёгивать многочисленные пряжки. Сигурд переминался, вскидывал голову и фыркал. Избытком терпения и покладистости он не отличался никогда, и три дня, что они провели на жаре в ожидании возможного нанимателя, отнюдь не улучшили его нрав.

Резким движением Ки застегнула на нём последнюю пряжку.

— К вечеру, милый мой, ты у меня так умотаешься, что станет не до штучек, — предупредила она серого гиганта коня. Сигурд фыркнул с явным сомнением.

Ки вскарабкалась на сиденье и легонько хлопнула вожжами. Фургон сдвинулся с места. Ки аккуратно вывела его с торговой площади на улицу и встала на сиденье во весь рост, крича что было мочи:

— Дорогу! Дорогу!..

Торговцы и разносчики неохотно раздавались в стороны. Ругань, которую вызывала поднимаемая фургоном пыль, заглушала негромкий рокот колёс. Решившись не обращать внимания, Ки встряхнула вожжами. Кони зашагали проворней; на серых шкурах начали проступать тёмные пятна пота.

Отыскать улицу кузнецов оказалось проще простого. Лязг молотков, усердно плющивших раскалённый металл, далеко разносился в жарком воздухе. Ки поневоле стало жалко учеников, которые качали меха, добела раздувая угли в горнах. Волны жара выкатывались из раскрытых дверей кузниц, обдавая и возницу, и мерно шагавших коней. Ки вздохнула с облегчением, когда черед кузниц уступила место мастерским бондарей. Но вот фургон миновал и их, а чёрное каменное здание, о котором говорил мальчик, всё не показывалось. Фургон, поскрипывая, катился мимо скособоченных деревянных развалюх, давным-давно брошенных и дошедших до такого состояния, что даже бездомные нищие не желали в них жить. То, что целые кварталы большого и шумного города оказались заброшенными и безлюдными, внушило Ки беспокойство и смутные опасения; дело прояснилось, только когда она увидела площадь с пересохшим колодцем. Доведись Ки жить в городе с таким резким климатом, как здесь, она тоже предпочла бы поселиться вблизи надёжного источника воды.

Деревянные части опустелых домов скукожились от времени и рассохлись, топорщась серебристо-серыми щепками. Наверное, решила Ки, эта часть Дайяла была одной из древнейших. Вместо вошедших нынче в моду складных

висячих дверей повсюду виднелись двери со сплошными створками, висевшие сикось-накось или вовсе лежавшие на растрескавшихся порогах. Эти двери, а также высота по-старомодному прямоугольных оконных проёмов навели Ки на мысль, что эту часть городка строила человеческая колония. Определённо, только люди могли проложить такие улицы, широкие и одновременно извилистые. Керуги предпочитали прямые и узкие проходы, по которым они и сновали, точно насекомые, кишасшие в улье.

Остался позади ещё один поворот, и Ки наконец разглядела дом, который искала. Чёрные стены высоко возносились над серыми развалюхами, — настоящая крепость, владеец которой, не иначе, боялся, что кто-нибудь вломится внутрь или станет подглядывать. Умелые каменотёсы придали чёрным валунам, из которых были сложены эти стены, идеальную кубическую форму. Из-за этого они безо всякой извёстки прилегали один к другому невероятно плотно, не давая ни малейшей зацепки даже ползучему мху, куда уж там ночному воришке. Несмотря на сухую жару, камень блестел, как мокрый. Ки обратила внимание на большое засохшее дерево, стоявшее возле стены. Его ветви застыли в изгибе, сторонясь чёрного камня. Похоже, дерево зародилось, выросло и засохло в сени этих стен. Перерасти их дерево не успело: молния обуглила его ствол.

Двустворчатые деревянные ворота, своим цветом ничуть не отличавшиеся от стены, стояли распахнутыми настежь. Коня не особенно рвались въезжать внутрь. Сигурд фыркнул, катая грызло во рту. Ки решительно пришлёпнула вожжами по необъятным серым спинам. Сигурд фыркнул в последний раз, и фургон, скрипя, вкатился во двор.

Изнутри двор казался таким же покинутым, как те дома, мимо которых Ки только что проезжала. По углам виднелись скелеты засохших кустов, которые закатил туда ветер. Давно умершие деревья возвышались, словно руины когда-то ухоженного сада. Чёрный дом, стоявший посредине безжизненного двора, равнодушно взирал вокруг глазами окон. Ки остановила упряжку, всматриваясь в эти окна. Они зияли высоко над её головой. Прямоугольные окна, как было принято у людей. Зато в нижнем этаже

не было ни окон, ни каких-либо иных отверстий, если не считать единственной двери — деревянной и очень крепкой с виду. А выше уровня окон опять простиралась гладкая, без малейших продушин, стена. Если там, наверху, и были какие-то помещения, то, верно, солнечный свет в них не проникал.

— Весёленькое местечко... — протянула Ки, обращаясь к коням.

— Эи! — Неожиданно раздавшийся голос заставил её вздрогнуть. — Мне что, так и стоять весь день в дверях, ожидая, пока ты сообразишь обернуться, и напуская внутрь тучи мух и слепней?..

Оказывается, чёрная дверь приоткрылась. Её придерживала пожилая матрона, одетая опять-таки в чёрное. Взгляд у этой особы был не намного приветливее только что прозвучавших слов. Тощая морщинистая шея и часто моргающие глаза вызвали у Ки мысль о чёрной птице, сидящей на перекладине виселицы.

— За возчиком не посылали?.. — спросила Ки, надеясь про себя, что тут какая-нибудь ошибка.

— Да, посылали, и ты, пожалуй, сойдёшь. Ну так что, может, отклеишь свой зад от досок? Или вашему брату привычней торговаться, жарясь на солнцепёке?

Ки молча поставила фургон на тормоз. Хмуρο велела лошадям стоять смирно и слезла с сиденья наземь. Вот это называется влипла. Что ж, без гроша в кармане проглотишь и не такое...

Ки подошла к двери. Хозяйка, или кем там она была, дожидаться её не стала и сразу двинулась по коридору вперёд. Ки прикрыла за собой дверь, и дверь хлопнула, пожалуй, громче, чем следовало. Чёрные юбки проворно шуршали впереди, удаляясь по коридору. Ки пришлось поторопиться. Солнечный свет сюда уже не достигал; вдоль стен стояли зажжённые канделябры, но их было маловато, да и свечек в каждом могло бы быть и побольше. Тень Ки то пряталась у неё под ногами, то вновь протягивалась вперёд. Дорожные сапоги гулко топали по полу. Женщина, шедшая впереди, вдруг куда-то свернула, и Ки трусцой пробежала несколько шагов, чтобы не отстать и не потерять её из виду.

За поворотом совершенно неожиданно открылось гигантское помещение. Нигде не было видно ни слуг, ни каких-либо иных домочадцев; потолок возносился на неправдоподобную высоту; эхо шагов отдавалось со всех сторон, точно в пещере. Серые солнечные лучи вливались внутрь сквозь одно из окон, замеченных ею снаружи. Столбы света, в которых плавала пыль, позволяли рассмотреть посредине комнаты небольшой резной столик. Больше в пустой комнате не было вообще ничего. Женщина стояла подле столика в пыльном луче.

Ки помедлила, неуверенно оглядываясь кругом. Как прикажете торговаться и заключать сделки в подобном местечке? Ни тебе кресла, в котором можно было бы развалиться со скучающим и безразличным видом, ни тебе пива или вина, прихлёбывая которое при необходимости можно скрыть миг раздумья и расчёта... Если бы они взялись действительно договариваться на солнцепёке у её фургона, Ки и то чувствовала бы себя более в своей тарелке. Однако женщина с птичьими глазами-бусинками не дала ей ни мгновения на размышления.

— Ты должна перевезти груз из Дайяла в Горькухи. Семь сундуков. Они должны быть доставлены в течение четырёх дней, начиная с завтрашнего. Любая задержка приведёт к вычетам. Четыре дня назначены, чтобы дать время слугам приготовить дом для размещения перевозимых вещей. Но после этого срока никаких задержек мы не потерпим!

— Кажется, я ещё не говорила, что согласна на вас работать, — спокойно заметила Ки.

— А я, кажется, не говорила, что собираюсь тебя нанять. И, будь моя воля, нипочём бы не наняла. К сожалению, Хозяин выбрал именно тебя, а его попробуй переубеди!

Только тут, с порядочным опозданием, до Ки дошло, что властно державшаяся старуха была здесь отнюдь не хозяйкой — в лучшем случае старшей служанкой. Её манера держаться бесконечно раздражала Ки, но, видимо, это следовало списать на её возраст и должность. Такие, как она, вечно подозревают младших слуг в праздности. Тем не менее вовсе ни к чему было заговаривать

с Ки подобным тоном. Да ещё и высказывать всякие там мнения.

— Повторяю: я ещё не говорила, что согласна на вас работать, — сказала Ки, движимая духом противоречия. — К тому же я веду дела немного не так, как другие возчики, с которыми ты, наверное, сталкивалась. Во-первых, я жёстко ограничиваю вес, который предстоит тащить моим коням, а во-вторых, всегда прошу половину вперёд.

Она говорила холодно и спокойно, но про себя уже обдумывала дорогу через холмы, по которой можно было добраться в Горькухи в три дня, если не быстрее.

— Да знаю я все твои выверты, девка! — отрезала Глазки-Бусинки. — Я тебе что, какая-нибудь глупенькая молоденькая служаночка, которая нанимает первого попавшегося возчика, в глаза его не выдав и понятия никакого не имея ни о правилах, ни о расценках? Нет, возчица Ки, тебя выбирали долго и тщательно, хотя чтоб мне провалиться, если я понимаю за что!.. Груз, чтобы ты знала, будет несколько не тяжелее, чем ты возишь обычно, и будет загодя упакован и размещён. Семья только настаивает, чтобы ты обращалась с ним со всей мыслимой осторожностью и ни в коем случае ничего не повредила. Мы будем в Горькухах прежде тебя, и там хозяева примут от тебя груз и самостоятельно проверят все печати, не сломана ли какая!

Ки подняла бровь:

— Что хоть я такого повезу, чтобы разводить подобные предосторожности? Если что-нибудь незаконное — предупреждаю, за это я беру дороже...

— Да уж, вы, возчики, такие. Вы такие. Вообще-то не твоё это дело, сорока, но я тебе скажу: ты повезёшь некоторые домашние вещи, старинные семейные реликвии, не представляющие особой ценности ни для кого, кроме кровной родни. Так что живи спокойно. Всё будет упаковано, как я уже сказала. Городская стража тебя не побеспокоит, это я обещаю. Всё, что ты должна сделать, — это отвезти вещи по назначению и там получить оставшуюся часть платы. Так сколько, говоришь, ты просишь за поездку в Горькухи?

— В это время года — тридцать дрю, — ответила Ки. — Зимой было бы уже две штуки. Но пока погода ещё дер-

жится, дороги не развезло... В общем, тридцать дрю, и, по моему, это довольно-таки дёшево.

И Ки сложила руки на груди, готовясь спокойно выслушать встречное предложение.

— Ха!.. Ну ничего себе дёшево!.. Ох, предупреждала же я Хозяина, да разве ж он меня слушает! Присоветовал ему, видите ли, тот его дружок-нищий, и всё тут. Откуда он взялся, чтобы его в подобном обществе принимали, хотела бы я знать?.. В общем, велели мне его милость заплатить тебе, сколько назначишь. Вот тебе твои тридцать дрю задатка, но учти, если хоть одну самую маленькую печать поцарапаешь — в Горькухах не получишь ни единого медяка...

— Я приеду за грузом завтра на рассвете, — перебила Ки. Говоря о тридцати дрю, она вообще-то имела в виду пятнадцать сейчас и ещё пятнадцать потом. Если Глазкам-Бусинкам было угодно истолковать её слова как тридцать сейчас и тридцать в Горькухах и ответить согласием — Ки разубеждать её не собиралась. Если у них денег куры не клюют — их дело. С точки зрения Ки, сделка была такова, что можно было не обращать внимания на воркотню.

— Погоди, — сказала тут Глазки-Бусинки. Точно таким же тоном Ки приказывала своим коням стоять смирно, дожидаясь её возвращения. Взмахнув шуршащими юбками, матрона стремительно развернулась и исчезла за дверью прежде, чем Ки успела вставить хотя бы словечко. Она насторожила уши, предполагая услышать удаляющиеся шаги, но ниоткуда не доносилось ни звука. Ки испытала немалое искушение подойти к двери и выглянуть, но справилась с собой и не стала подсматривать. Она неторопливо обошла комнату, но не обнаружила ничего, что ускользнуло бы от первого взгляда. Окна, расположенные необъяснимо высоко, оставались неразрешимой загадкой.

Перезвон монет, раздавшийся за спиной, заставил её резко обернуться. Старая служанка как ни в чём не было стояла возле стола. На столе же красовался прямоугольник кремового пергамента и на нём — два столбика монет, по пятнадцати в каждом. Глазки-Бусинки постучала желтоватым ногтем по краю стола и жестом указала Ки на лежавшие там предметы.

— Вот твой задаток, — сказала она. — И контракт, который его милость честь честью подписали ещё четыре дня назад. Я его прочту тебе, а ты поставь крестик в знак того, что выслушала и поняла.

Ки подошла, цокая подковками сапог по чёрному каменному полу. И молча накрыла ладонью пергаментный лист, припечатав его к столу. Свободной рукой она сгребла выложенные монеты и ссыпала их в потёртый кожаный кошель, висевший на поясе. А потом наклонилась над контрактом, держа руку так, чтобы можно было читать, не давая забрать лист со стола.

Серый свет, лившийся в окно, показался ей каким-то неверным. Контракт был начертан твёрдым и энергичным почерком, чёткими т'черийскими письменами по гладкой поверхности пергамента. Текст был кратким и не содержал ни единого лишнего слова. Возчица Ки возлагала на себя обязанность доставить порученный ей груз к порогу Карн-Холла, что в Горькухах, не позднее чем через четверо суток. Груз должен прибыть туда в идеальной целостности, в полном количестве и с нетронутыми печатями. Возчица Ки обязалась предпринять всё от неё зависевшее, чтобы это исполнить. В случае если она не справится с поручением, она теряет остаток платы, а кроме того, с неё ещё будет высчитано шесть дрю из задатка. Ки нахмурилась. Случись какое-нибудь невезение, и останется она всего-то с двадцатью четырьмя дрю. Не густо. А впрочем, сказала она себе, невезение, конечно, возможно, но не обязательно же что-то случится. И уж в любом случае двадцать четыре дрю — это вам не единственный медяк, перекатывавшийся сегодня утром у неё в кошеле.

Ки решительно пододвинула к себе пергамент и пошарила глазами в поисках письменного прибора. Женщина в чёрном перехватила её взгляд и невозмутимо достала из обширного кармана маленький футлярчик. Внутри него были кисточки для письма и скляночка чернил. Ки столь же невозмутимо взяла кисточку, обмакнула её в чернила и теми же т'черийскими буквами начертала свою подпись. Покосилась на служанку и торопливо добавила ещё два значка: один обозначал «свободнорожденная», другой — «не состоящая в вассальной зависимости». Если Глазки-

Бусинки и удивилась, она ничем этого не показала. Разве что стала говорить с Ки ещё более высокомерно, чем прежде.

— Итак, отправляйся в путь, — сказала она.

— Я бы сперва пополнила припасы, — ответила Ки.

— Как тебе будет угодно. Помни только, на все дела у тебя ровно четыре дня!

— Вот что, голубушка, — сказала ей Ки. — Ты своё дело сделала, а мне моим предоставь заниматься самой. Как я уже говорила, на рассвете я приеду за грузом, но прежде хотела бы взглянуть на него и прикинуть, каков вес. Где то, что я должна перевезти?

— Погружено в твой фургон, — ответствовала служанка. Круто повернувшись на каблуке, она проследовала вон из комнаты, не потрудившись хотя бы раз оглянуться. Шагала она, как и прежде, совершенно бесшумно. Ки только фыркнула в том направлении, куда она скрылась. Какое-то время она стояла у столика, потом дважды обошла комнату. И наконец поняла, что женщина вовсе не собиралась возвращаться, чтобы проводить её вон. Ки обозлилась. Она-то было решила, что Глазки-Бусинки отправилась за пивом, которым по традиции скрепляли контракт. Нет, с подобной наглостью ей точно никогда ещё сталкиваться не приходилось!

Кое-как разыскав без посторонней подмоги дорогу наружу, Ки прошла зябкими голыми коридорами и, моргая и щурясь, выбралась на яркий солнечный свет. И с изумлением убедилась, что Глазки-Бусинки говорила правду. На грузовой платформе фургона действительно красовалось семь ящиков. На всякий случай Ки пересчитала их. Все они были различных размеров, все — сколочены из неоструганных жёлтых досок. Что же до печатей, о которых столько говорилось, то они представляли собой всего лишь свинцовые блямбы, соединявшие завязанные узлами концы грубых верёвок, охватывавших каждый ящик. Ки невольно подумала о том, что так пристало паковать солёную рыбу, а не фамильные редкости. Ки окинула двор довольно-таки злым взглядом, но никого, в том числе грузчиков, по-прежнему не было видно. Лишь чёрные стены, с которых свисали стебли и плети давным-давно засохшего плюща.

Ки взобралась на платформу и полезла на ящики, стараясь найти изъян в том, как они были погружены и закреплены. Тщетно. Груз был распределён по платформе равномерно и с умом, нигде ничего не ёрзало и не шаталось. Что же до верёвок, крепивших ящики к фургону, — Ки могла бы поклясться, что узлы были завязаны словно её собственными руками. Ну дела. Да ещё то малоприятное обстоятельство, что кто-то распоряжался её фургоном как хотел, а бесстыжие кони не издали ни звука, чтобы предупредить хозяйку. Безобразие. Ки постояла на самом верхнем ящике, хмуро глядя себе под ноги. Потом пожалала плечами, слезла вниз и уселась на передок. В конце концов, у неё было тридцать дрю — и время, чтобы их потратить.

...К вечеру из тридцати монет осталось всего две. Зато все рундучки в кабинке фургона счастливо наполнились. Ки глубоко и с удовольствием вздохнула, вбирая запахи изобилия. С потолочной балки свисали целые связки сушёных корней кара и пряных колбасок. В деревянных ларях покоились розовые глыбки соли, буровато-жёлтая мука и целые россыпи коричневых бобов. На полочке, завёрнутые в чистую мешковину, красовались полоски вяленого мяса и рыбы. Глиняный горшочек с мёдом и оплетённая бутылочка розового цинмесского вина были, конечно, уже роскошью, но Ки успокоила саднившую совесть, купив себе вместо новых башмаков два куска кожи и, соответственно, сэкономив: башмаки она уж как-нибудь стакает сама.

Но вот чему уже совершенно не было оправдания, так это крохотному пузырьку с ароматическим маслом. Ки вернула его в тряпочку и убрала в выдвижной ящик.

Выпрямившись, она оглядела кабину. Кабинка была невелика, но очень опрятна, и надо ли говорить, что ни ноготка свободного места даром здесь не пропадало. Под спальной лавкой и то были устроены шкафчики. Повсюду были полки, ящички, лари и крючки; единственное окошко было забрано ставнями, чтобы спастись от пыли. Поверх одеял на постели лежало покрывало из мохнатой шкуры оленя... Из угла, точно подмигивая, мерцала потёртая рукоять Вандиеновой рапиры.

Наверное, Вандиен уже добрался в Горькухи. Интересно, подумала Ки, удалось ли ему нанять там упряжку. И если да, то сколько с него за это слупили. Вообще-то она не особенно сомневалась, что упряжку он раздобыл. Язык у него без костей: он, пожалуй, и дина уговорит мясо есть. А не сумеет обольстить и улестить, тоже ничего: продаст какие-нибудь из своих побрякушек, и дело в шляпе. Если же и это не поможет... Ки решительно направила свои мысли в иное русло. Уж Вандиен как-нибудь о себе позаботится. Он появлялся в её жизни и вновь исчезал с удивительным постоянством, но всякий раз как бы случайно. И не то чтобы он боялся накрепко связывать с нею свою судьбу: просто не видел в том необходимости. Он был бесстрашен и безрассуден, сумасброден и невероятно верен в дружбе. Еще не хватало беспокоиться о нём. Никуда не денется, рано или поздно явится снова. И снова учинит кавардак в её размеренной, обустроенной жизни. Проклятье, до чего все понятней и проще, когда этот тип не ошибается поблизости. И самое скверное, что она ко всему этому безобразию успела привыкнуть.

Ки выбралась из кабинки наружу и плотно задвинула за собой скользящую дверь. Усевшись на сиденье, она взяла в руки вожжи и пинком ноги сняла фургон с тормоза. Тряхнула вожжами — и кони тронулись с места. Сгущались сумерки, принося с собой некое подобие прохлады. Луна всё ярче разгоралась в небесах, когда Ки миновала городские ворота и стражников, проявивших поразительное безразличие к её грузу. Сегодня ночью она наконец-то будет спать на зелёной траве подле фургона, а кони смогут как следует попасться на свободе. За то время, что она провела в Дайяле, ей успели до смерти надоесть ночёвки в тесной духоте кабинки, под тяжкие вздохи переминающихся снаружи коней. То ли дело опять катить вдаль по дороге!

орг в Горькухах мало чем отличался от дайяльского. Кажется, единственная разница заключалась в неистребимом запахе рыбы. Вандиену трудно было поверить, что рыба, выловленная в Обманной Гавани, после двухдневного путешествия на возах ещё годна в пищу, — однако народ её так и расхватывал. Да ещё и улыбался торговцу, который заворачивал осклизлые вонючие тушки в мешковину и передавал покупателям. Из чистого любопытства Вандиен просунулся вперёд какого-то покупателя и ткнул жёстким пальцем серебристую рыбину. На тушке осталось ясно видимое углубление. Вандиен натянуто улыбнулся торговцу и выбрался из толчеи у прилавка, вытирая палец о штаны.

Запах свежей выпечки, внезапно достигший его ноздрей, перебил рыбную вонь. Сглотнув, Вандиен начал протискиваться к лотку, с которого какой-то ко всему безразличный дин торговал хлебом и пирожками. Пышные поджаристые ковриги соседствовали с глянцевито поблескивавшими зеленоватыми плюшками, которые особенно нравились т'черья. Рука Вандиена сама собой потянулась к плоскому кошелю на ремне. Там лежали две мелкие монетки и несколько небольших самоцветов. Сюда, в Горькухи, Вандиен добрался на телеге какого-то кожемяки; кожевник не только вёз его и кормил, но и деньги заплатил за то, что Вандиен помогал ему разгружать привезенные кожи. Плата была не ахти какая, но ведь и Вандиен, в общем, не перетрутился. Он серьёзно подозревал, что заплатили ему не столько за работу, сколько за неистощимые рассказы, которыми он с помощью своего шнурка помогал коротать поездку.

Всё-таки он решительно миновал лоток булочника. Ему хотелось есть, но с этим можно было и обождать. Сперва — дело. Вандиен миновал ряды, где торговали курами,

поросятами и верещащими глибами, миновал т'черийские лавочки, украшенные кисточками и флажками всех оттенков блестяще-зелёного цвета. Чуть в сторонке грозно на-супленный брориан распоряжался палаткой, где подавали «горячее мясо». Подавалось и поедалось это самое мясо в особой пристройке. Внезапно оборванный предсмертный визг глиба, донёсшийся из пристройки, поведал Вандиену, что там как раз кто-то обедал. «Горячим мясом» брорианы называли плоть только что убитого животного, ещё не растратившую жизненный жар.

Достигнув лавочек ремесленников, Вандиен невольно замедлил шаги. Чего только здесь не было! Бусы и дорожные сапоги, латы, оружие и приворотные снадобья — всё лежало одно подле другого и всё притягивало взгляд. Спустя некоторое время т'черийский купец, хозяин лавочки, вежливо поинтересовался, не может ли он быть чем-то полезен уважаемому человеку, столь долго рассматривающему его товары. Вандиен с улыбкой указал ему на бледно-жёлтый кристалл.

— Две штуки, — прошепелявил купец на Общем. Вандиен выразительно похлопал свой кошелёк и отрицательно покачал головой. И отошёл прочь, не переставая, однако, улыбаться. Новая идея осенила его; он зашагал в возничий угол площади, более не оглядываясь по сторонам.

Здесь поджидали возможного нанимателя всего три упряжки. Покрытый шрамами брориан держал под уздцы двух чудовищного роста коней. Беспокойно переступавшие копыта были окрашены алым. Упряжь сплошь покрывали тяжёлые шипы и нашлапки. Гривы подстрижены ёжиком, хвосты коротко обрезаны... Эти кони были предназначены не для крестьянской сохи, а для охотничьей колесницы, несущейся сквозь заросшие кустарником заливные луга. Им не нужен даже возница — они приучены сами следовать, не отставая, за гончими псами. Вандиен обошёл их стороной, опасаясь страшных копыт: помимо прочего, эти кони умели добивать опасных зверей, помогая охотнику.

Неподалёку сидел и подрёмывал в тенике человек — владелец здорового коня, привычного к плуту. На этого коня Вандиен посмотрел всего один раз и потерял к нему

всякий интерес. Поседелая морда и поредевший хвост без слов говорили о том, что конь стар. Шерсть его давно утратила блеск, а одна нога распухла возле копыта...

Следующими были два мула в упряжи. Возле них стоял молодой человек, почти мальчишка. Он смазал маслом копыта мулов и заплёл им гривы, точно на праздник. Глуповатые животные потряхивали головами, с любопытством настораживая длинные уши на каждый выкрик, доносившийся с площади. Вандиен с сожалением посмотрел в старательно умытую мордочку мальчишки, с надеждой взиравшего на него снизу вверх.

— Прости, малыш, — сказал он. — Они просто недостаточно велики для того, что мне нужно сделать.

— Да они ради меня из шкур вылезут! — настаивал мальчик, умоляюще глядя на Вандиена.

— Не сомневаюсь, — с самым серьёзным видом ответил Вандиен. — В другой раз, договорились? Отличная у тебя упряжка, честное слово.

Вот уж не везёт так не везёт. Возчиков, ищущих нанимателя, на площади больше не было. Вандиен прошёл чуть подальше, обдумывая, в каком положении оказался. Ему непременно надо было раздобыть здесь упряжку, да ещё и привести её в Обманную Гавань, а там выдать за свою собственную, лично выращенную и выученную. От того, какое впечатление он там произведёт, зависело очень многое. В Обманной Гавани ждут умелого и настырного возчика. Они не потерпят, если он поведёт себя как шут, явившийся попользоваться дармовым гостеприимством и посмеяться над их обычаями. То есть, как и говорила Ки, дело ему предстояло практически невозможное. Стоит ему дать им повод усомниться в себе — и он проиграет уже наверняка.

Проигрывать Вандиен ни под каким видом не собирался.

Эге!.. Оказывается, на площади была-таки ещё одна упряжка, которую он поначалу не заметил, потому что животные лежали растянувшись на брюхе и зарывшись плоскими лапами в нагретую солнцем пыль. Хвосты их были туго свёрнуты на крупах, словно толстые серые змеи, приготовившиеся к броску. Маленькие глазки над пороссячьими рыльцами были закрыты. От дыхания возле ноздрей

поднимались фонтанчики пыли. Тварей в упряжке было четыре, все толстокожие, пёстрые, в серо-чёрную крапинку. Тело у каждой было в длину примерно с лошадиное, но тем сходство и исчерпывалось.

— Кто ж вы такие? Свинки или ящерицы? — обратился к животным Вандиен. Они ему не ответили. Лапы у них были короткие, но толстые, налитые бугрящимися мышцами. От железного кольца, надетого на вколоченный в землю колышек, к сбруям, надетым на каждого зверя, веером расходились четыре ремня. Вандиен огляделся, разыскивая взглядом владельца, и обнаружил его рядом с упряжкой.

Это был т'черья, и по примеру своих упряжных тварей он лежал на земле. Суставчатые конечности почти полностью втянулись под панцирь. Какая-то проехавшая мимо повозка погребла т'черья под толстым слоем пыли, и, если бы не сонно никнувшие глаза на стебельках, возчик вполне сошёл бы за камень. Вандиен прокашлялся, и стебельки зашевелились. Упряжка была не вполне похожа на то, что он подыскивал, зато хозяин — как раз таков, какого он мечтал встретить.

Некоторое время т'черья молча осматривал Вандиена тёмно-красными глазами на ножках. Потом, в знак уважения к человеческим обычаям, приподнялся на суставчатых ногах так, что его лицо — или то, что у т'черья могло сойти за таковое — оказалось вровень с лицом Вандиена. Глазные же стебельки, наоборот, опустились почти на уровень жвал. Вандиен торжественно поклонился: манеры т'черья произвели на него впечатление. Он не знал ни одной другой расы, способной на подобную предупредительность. Т'черья отчаянно торговались и в деловом отношении были нестигаемы, как брорианы, но жёсткость эту прикрывал бархат вежливости.

— Я хочу нанять упряжку для перевозки тяжёлого груза, — сказал Вандиен.

— Значит, моя упряжка — это именно то, что тебе требуется, — отвечивал т'черья. — Вы, люди, редко используете скилий. Ты, верно, тоже привык к этим вашим длинноногим коням и, без сомнения, считаешь моих зверей безобразными...

Шепелявый т'черья помедлил, давая Вандиену время возразить. Вандиен знал: многие люди отказывались иметь дело с т'черья, утверждая, будто их речь на Общем невозможно понять из-за чудовищного акцента. Вандиен, однако, давно наловчился разбирать их своеобразный говор и не испытывал никаких затруднений. И он ответил учтивостью на учтивость:

— Я не одобрил бы того, кто станет судить упряжное животное по его внешности. Если ты говоришь, что они здорово тянут, у меня нет причин не верить тебе, хотя бы, на мой взгляд, они и выглядели странновато. Позволь спросить тебя, как ими правят: так же, как лошадьми, или требуется какое-то особенное искусство?

— Особое искусство, чтобы управлять скильями?.. Ты оказываешь слишком большую честь бедному земледельцу вроде меня. Нет, скильи — это кроткие и безропотные звери, с которыми играючи справится и только что выплывшийся младенец. Когда же ими правит возчик столь опытный, как, например, я, для нас поистине нет ничего невозможного. Наше упорство и сила способны передвинуть тягчайший из грузов. Вероятно, тебе требуется очистить поле от валунов? Или, может быть, притащить с холмов поваленный лес? Мои скильи справятся. Самый скупой работодатель не прогадает, наняв таких, как мы с ними. Они кормились три дня назад и не проголодаются ранее, чем ещё через два срока...

Вандиен быстренько подсчитал в уме: вот это да, оказывается, скилий кормили один раз в девятнадцать дней. Свойство, весьма ему подходившее в его нынешнем положении. Очень, очень осторожно приступил он к деликатной части переговоров:

— Без сомнения, именно твоя сноровка и опыт сделали эту упряжку лучшей из лучших. Но в деле, которое мне предстоит, вожжи держать должен буду я, и я должен знать, послушаются ли они чужака? Я хотел бы, чтобы на десять дней ты поручил их моему присмотру и заботе. Устроит ли тебя подобная сделка?

Глазные стебельки т'черья закачались из стороны в сторону. Таким образом это племя подражало человеческому жесту, означавшему «нет».

— Увы, — сказал т'черья, — я вынужден тебе отказать. Моя упряжка для меня дороже детей. И единственное средство добыть себе пропитание — особенно при нынешней засухе, вызванной немилостью Заклинательниц Ветров. Твоё лицо говорит об искренности, чужестранец, а панцирь — о благородстве, но доверить упряжку незнакомцу я не могу. Хотя и буду счастлив сопровождать тебя в любом предприятии, которое ты задумал. И ты, я уверен, возрадуешься, видя, как легко справятся с самой тяжёлой работой мои скильи, направляемые столь умелой рукой, как моя. Любой зверь работает лучше, если знает хозяина и доверяет ему. Может быть, на том и договоримся?..

Вандиен глубоко и шумно вздохнул. Поднял руки до уровня плеч, а потом уронил их, в свою очередь подражая тому, как никнут глазные стебельки у опечаленных т'черья.

— Увы, я должен с уважением отнестись к твоим опасениям. Я глубоко чту тех, кто понимает, сколь высокую ответственность накладывает звание хозяина. Всяческой похвалы достоин возчик, проявляющий заботу о своих упряжных животных. Более того, я уверен, что твою решимость не способна поколебать никакая сумма денег. О да, ни за какие деньги не поручишь ты благородных скилий первому встречному...

— Моя честь не продаётся ни за какие деньги, — подтвердил т'черья. И он, и Вандиен понимали, что фигуры для совершения сделки расставлены, пора приступать к делу. Т'черья ждал...

— Со своей стороны, — сказал Вандиен, — я никогда не стал бы оскорблять твои чувства, предлагая тебе презренные монеты. В самом деле, что ты обо мне знаешь? Кто я такой, чтобы рассчитывать на твоё доверие, а с ним и на ту услугу, которая мне от тебя требуется? Об этом и ещё о многом я себя спрашивал, пока мы стояли здесь, среди многоручной суеты торжища, пытаюсь разговаривать и торговаться, как положено цивилизованным существам... насколько это возможно посреди сутолоки и звуков праздной болтовни. Что могу я о себе рассказать, как могу завоевать твоё уважение, когда вокруг блеют и ревут животные, поднимая пыль, садящуюся на наши лица, а прохожие, понятия не имея о вежливости и манерах, проходят столь

непочтительно близко от нас, что обдают нас запахами своих тел... Как могу я доказать тебе, что и мы, люди, существа, не наделённые высшей чувствительностью — наследным достоянием т'черья, — уж не вовсе подобны бесчувственным камням?

Медленно и со вкусом перечисляя неудобства, которые, как он знал, доставали т'черья гораздо крепче, нежели его самого, Вандиен прямо-таки видел, как под впечатлением его слов тот понемногу прятался обратно в панцирь. Т'черья предпочитали прохладу, приглушённый свет и негромкие звуки. Т'черья, добывающий себе пропитание в городе, населённом по преимуществу людьми и брорианами, обрекал себя на колоссальные трудности.

— Ни за какие деньги?.. — прошепелявил т'черья. У этого племени не было голосовых связок: они не выговаривали, а скорее выдыхали слова. Вандиен, однако, отлично разобрал сказанное и понял, что удобный момент наступил.

Его короткую куртку перетягивал коричневый матерчатый пояс, на котором висел кошелёк. Рука Вандиена поползла к поясу, но кошелёк миновала. То, что он собирался достать, ни в коем случае не следовало таскать среди монет. Он осторожно развернул складки пояса, и в ладонь ему выскользнул некий предмет, завёрнутый в мягкую серую тряпочку. Т'черья пристально следил за каждым его движением. Поначалу он даже выпустил было глазные стебельки, дабы ничего не упустить из виду, но потом вспомнил о принятом среди людей и торопливо втянул их. Вандиен, впрочем, заметил его интерес и приложил все усилия, чтобы разжечь его как только возможно.

Он неторопливо поправил пояс, в котором хранил хрупкое сокровище, потом, опять-таки без лишней спешки, одёрнул куртку и по очереди обтёр каждую ладонь о штаны. И только тогда начал медленно, медленно разворачивать тонкий, мягкий серый клочок, действуя двумя руками, словно бы из страха, что лежавшее внутри может выпасть и затеряться. И вот наконец его ловкие пальцы отвернули последний слой ткани. Т'черья неожиданно застрекотал своими мандибулами. Какое-то время ни тот ни другой не произносили ни слова.

На ладони Вандиена лежал оранжевый кристалл, длинной и толщиной примерно с его безымянный палец. С бесконечными предосторожностями Вандиен повернул его к свету, словно кристалл мог рассыпаться от малейшего прикосновения. Солнечные лучи заиграли на множестве граней: то, что казалось единым целым, было в действительности разросшейся друзой.

Движением опытного актёра Вандиен поднёс кристалл к своему носу и почтительно понюхал. Его обоняние не могло уловить почти никакого запаха. Т'черья взирал на него с молчаливым отчаянием, выдавая владевшее им возбуждение лишь чуть заметным подрагиванием клешней-пальцев передних лап. Торг кругом них продолжал шуметь, но Вандиен знал, что т'черья ничего более не слышит и не замечает.

— Да, — сказал, вернее, прошептал он наконец. — Ни за какие деньги...

— Что ты предлагаешь? — прошипел т'черья. И нерешительно добавил: — Это очень маленький кристалл...

Сбить Вандиена с толку подобным замечанием было невозможно.

— Верно, — сказал он. — Ты прав. Обрати внимание на его роскошный, глубокий цвет. Такой кристалл составит гордость и сокровище богатейшей из королев. Он достаточно мал, чтобы носить его всё время с собой и иметь возможность насладиться им всякий раз, когда суতোлка заполненного работой дня станет грозить внутреннему покою, столь ценному для всякого цивилизованного существа. О, я бывал в жилых пещерах состоятельных т'черья и видел гирлянды кристаллов, украшавшие стены их жилищ и решётки для приготовления пищи... но почти не встречал таких, которые могли бы сравниться с этим кристаллом по цвету и запаху. Сколь долго утешал он меня в пути! Любуясь, как дробится в нём свет, вдыхая его аромат, навевающий сонный покой, пережил я многие горести и неудачи. И мне кажется, этот кристалл сможет убедить тебя в том, что я — существо, как и ты сам, цивилизованное. Я достоин доверия, хотя бы я и пришёл нанимать твою упряжку и даже намереваюсь на некоторое время забрать её у тебя, и к тому же, обитая, как и все

мы, среди корыстолюбцев, поневоле вынужден предлагать тебе за это презренные деньги...

Карие глаза Вандиена прямо смотрели в т'черийские глаза на ножках, излучая самую убедительную искренность. Пальцы его между тем помаленьку заворачивали кристалл обратно в тряпочку, словно бы для того, чтобы спрятать на место. Т'черья выдал себя, затрепетав одним из своих глазных стебельков. Он не отрывал взора от кристалла, уже исчезавшего в складках ткани. Его мандибулы снова застрекотали. Спohхвaтившись, он перешёл на Общий:

— Твоё доказательство впечатлило меня, человек. Никогда прежде не видел я, чтобы твой соплеменник носил с собой сонный кристалл, — разве что на продажу. Меня зовут... — тут он что-то прострекотал, — по-вашему — Паутинный Панцирь, из-за узора на моей броне...

— А я — Вандиен, — прозвучало в ответ. Они торжественно поклонились друг другу; можно было приступить к серьёзной, деловой части беседы. Всё, что говорилось до этого, было всего лишь прелюдией, расстановкой сил и разведкой. — Итак, Паутинный Панцирь, — продолжал Вандиен, — сегодня ты обнаружил, что не все люди — варвары и дикари. Кое-кто из нас дорожит своим покоем не меньше, чем вы...

— Что же это за дело, для которого тебе понадобились мои скильи? — спросил т'черья.

— Да есть кое-какая работёнка в Обманной Гавани.

— Обманная Гавань?.. Её жители грубы и шумливы, и ничего хорошего там, говорят, нет. Т'черья там совсем не живут, а обитатели из числа людей — сплошь злодеи. Могу ли я быть уверен, что моей бесценной упряжке там ничто не грозит? Как я удостоверюсь, что их там не украдут, не отравят или не покалечат ради забавы?..

Вандиен медленно поводил рукой с кристаллом перед своим лицом — человеческий эквивалент т'черийского жеста, изображавшего крайнее расстройство.

— Да оградит нас Луна от подобного непотребства!.. — Рука Вандиена медленно поползла к поясному кошельку. Т'черья по-прежнему не отрывал глаз от его ладони, в которой лежал кристалл. Вандиен похлопал по кошельку так,

что две мелкие монетки звякнули одна о другую. — Задал ты мне, друг мой, задачу, — сказал он т'черья. — Если я тебя правильно понял, ты готов предоставить мне свою упряжку, если я сумею уверить тебя в её безопасности. Или, может быть, скудость Общего языка некоторым образом извратила мысли, которые ты облакал в слова?

— Предположим, ты понял меня верно, — уклончиво ответил т'черья. — И если бы я в самом деле собрался предоставить тебе на некоторый срок этих несравненных скилий... скорее, друзей, нежели рабочих животных... что послужило бы залогом их безопасности на то время, что они пробудут с тобой?

Вандиен снова звякнул содержимым тощего кошелька:

— И правда, что?.. Когда я вернусь, твои тревоги будут оплачены деньгами, но сейчас речь не о них. Какой-нибудь грубый невежда начал бы предлагать тебе деньги прямо сейчас, не понимая, что звон монет отнюдь не всегда равноценен добрым намерениям. Я же полагаю, что наша с тобой сделка заслуживает чего-то особенного... личного. Можно даже назвать это заложничеством... — Вандиен помедлил, возведя глаза к небу. Постояв так и помолчав некоторое время, он якобы с неохотой засунул кристалл в складки своего пояса. Мандибулы т'черья еле слышно застрекотали, но Вандиен притворился, будто не слышал. Крепко сжав губы и придав своему лицу отрешённое выражение, он принялся стаскивать с левой руки перстень. Перстень медленно сдвинулся, открыв полоску незагорелой кожи. С тяжёлым вздохом Вандиен протянул его т'черья.

Глазные стебельки ненадолго склонились над перстнем. Тот ничего особенного собой не представлял: квадратная вставочка из чёрного камня не сверкала, лишь тускло поблёскивала гранями, металл же был простым серебром. Вандиен взвесил его на ладони:

— Вот, возьми... Давно, очень давно не снимал я его со своей левой руки. Но если тебе нужно свидетельство моего благородства — вот, прими... Он перешёл ко мне от бабушки отца моей матери... — Он вновь помолчал и вздохнул поглубже, словно бы для того, чтобы очистить голос от горестной хрипотцы: — Немногое, увы, слишком

немногое напоминает теперь о тех высотах знатности и богатства, с которых выпало низвергнуться моему роду... Лишь этот перстень я сохранил как символ славного прошлого, которое я намерен, не жалея сил, возродить к жизни. Ничто и ни при каких обстоятельствах не заставит меня расстаться навсегда с этим перстнем! Нет, никогда!.. Либо я верну тебе твоих скилий в целости и добром здравии, либо погибну...

Его ладонь сжалась в кулак, судорожно стискивая перстень. Жилы и мускулы вздулись, обрисовавшись под кожей. Он сморгнул, якобы пряча непрошеную скупую слезу. И с угрюмой решимостью протянул перстень Паутиному Панцирю на ладони. Было видно, как дрожала его рука.

— Верни свой перстень на его законное место, — проговорил т'черья. — Мой народ не носит на панцирях металлических украшений, но мы знаем, сколь высоко цените их вы, люди. Я не могу заставить тебя расстаться с предметом, столь для тебя драгоценным, ради простой сделки, заключаемой на торжище, где властвует корысть...

Вандиен не спешил убирать протянутую руку:

— И всё-таки я непременно должен нанять твою упряжку. Я убеждён, что они, и только они способны выполнить задуманную мною работу. Прошу тебя! Длющийся разговор лишь усиливает моё беспокойство и муку...

Т'черья громко застучал жвалами. Вандиен стиснул челюсти и отвёл глаза. Он намеренно употребил выражение «беспокойство и мука», отлично зная, что именно этими словами обычно переводили т'черийское выражение, означавшее высшую степень умственного и эмоционального напряжения, могущую повлечь за собой серьёзную телесную болезнь.

— Нет! — вскричал т'черья, и Вандиен ощутил на руке прикосновение его клешни. — Скорее спрячь сокровище своего рода, о человек! Мне достаточно и твоей готовности с ним разлучиться. Я не в силах требовать от тебя таких жертв, скорее уж я соглашусь на время расстаться со своими скильями. Зрелище твоей честности и нравственной чистоты покорило меня. Я не стану испрашивать у тебя задатка...

Вандиен смотрел на т'черья, торопливо надевая перстень обратно на палец. Потом переменял позу: руки, скрещённые на груди, до некоторой степени уподобили его т'черья, изображающего смирение.

— У меня нет слов, государь мой, — сказал он. — Я не осмеливаюсь воспользоваться подобным великодушием. Похоже, тем, кто имеет с тобой дело, приходится ограждать тебя от последствий твоей же учтивости! Увы, я мало что могу тебе предложить, но потребуй же у меня в залог хоть что-нибудь! Хоть что-нибудь! Любую вещь, какую изберёшь...

— Любую? — словно бы в замешательстве переспросил т'черья.

Вандиен только рад был сунуть голову в петлю.

— Любую! Я доверю тебе в залог всё, что только ты пожелаешь...

— Осмелюсь ли выговорить...

— Прощу тебя, назови!

— Твой кристалл, человек. Доверь его мне, как я доверяю тебе свою упряжку.

На лице Вандиена отразились ужас и осознание неправимости содеянного. Его плечи поникли, руки безвольно опустились.

— Я предложил тебе выбирать... — проговорил он так тихо, что т'черья был вынужден наклониться вперёд, чтобы расслышать. Вандиен покачал головой, негромко посмеиваясь над собственным скудоумием: — Я совсем забыл поговорку, гласящую: «С вежливостью т'черья можно сравнить только их хитрость». Что ж, я велел тебе выбирать, и ты выбрал. Откуда же мне было знать, что ты потребуешь именно такого залога!.. Мой душевный покой, моя защита от суеты и безумия этого мира... И всё-таки... — Вандиен сунул руку в складки матерчатого пояса и извлёк серую тряпочку с завёрнутым в неё кристаллом, — моё слово свято.

Он протянул кристалл т'черья, и тот немедленно сомкнул на нём свои клешни. Паутиновый Панцирь принялся разворачивать тряпочку, да так быстро и ловко, что Вандиену только и осталось, что удивляться про себя. Вот подрагивающие от нетерпения жвала охватили кристалл.

Выдвинулись нежные реснички и начали гладить блестящие грани, оценивая их качество. Глазные стебельки т'черья начали медленно никнуть. Это был отличный кристалл. Странствующий торговец, встреченный около Келсо, отдал его Вандиену за три меры соли, благо т'черья в Келсо не жили, а кроме них, сонные кристаллы ни для кого ценности не представляли. Другое дело, ни один т'черья никогда не поверил бы, что разумное существо может как-то без них обходиться.

Не теряя времени, Вандиен принялся расспрашивать, каких команд слушаются скильи. Потом договорился, когда и куда он должен их вернуть. Т'черья отвечал ему всё более сонно. Когда Вандиен поднял гибкое стрекало и повёл зверей прочь, т'черья уже легонько покачивался в такт неслышимой музыке видений, в которые погрузился. Реснички, дрожа, прикасались к кристаллу, зажатому в жвалах...

Проходя мимо лотка пирожника, Вандиен употребил один из своих медяков, приобретя большую тёмную ковригу. Вообще-то он предпочёл бы зеленоватую т'черийскую плюшку, но знал, что зернового хлеба ему хватит дольше. Широкие плоские лапы упряжных скилий вздымали невероятные тучи уличной пыли. Вандиен предпринял несколько попыток побудить их пойти хотя бы трусцой, но потерпел неудачу и был вынужден смириться с неспешным прогулочным шагом. Оставив бесплодную борьбу со скильями, он обратился мыслью к Обманной Гавани и к тому, что его там ожидало. Даже таким ходом они туда уж за четыре-то дня доберутся. Хватит времени и оглядеться вокруг, и сундук выудить попытаться...

А что если он вдруг выиграет? От ужаса и восторга перехватило дыхание. Рассердившись на себя самого, Вандиен раздражённо поскрёб шрам на лице. Шрам был жёстким на ощупь и мало что чувствовал. И что за бредовая идея — избавиться от него?.. Может, он сделал глупость, поверив обещанию Зролан?.. Да, да, именно так! — подсказывал страх. Вот потому-то ты и не сказал Ки, что тебе посулили помимо денег. Ты сам постыдился сознаться, какую надежду в тебе пробудили... Вандиен содрогнулся, представив себе, как приняла бы эту новость Ки... спа-

сая которую он и заработал этот рубец. Вандиен погрузился в мрачные размышления, шагая следом за неспешно бредущими скильями.

И всё же... всё же не таков был Вандиен, чтобы надежда, пусть несбыточная и отчаянная, надолго уступила место сомнениям. Только вообразить, как он вдруг предстанет перед Ки с чистым, гладким лицом, как она изумится и обрадуется! Он был совершенно уверен: если бы он упомянул ей об этом, она обязательно отправилась бы с ним в Обманную Гавань. Бросила бы все дела, чтобы помочь ему вытащить на свет сундук с реликвией Заклинательниц. Вот потому-то, с непостижимой логикой сказал себе Вандиен, я от неё и скрыл. Ещё не хватало, переламывать её волю с помощью столь низких уловок. Нет, он не потерпел бы, чтобы она жалела его или чувствовала себя виноватой. То, что существовало между ними, могло существовать лишь на свободе. Вот если Ки придёт сама, по своей доброй воле, — он встретит её с радостью. В одиночку справиться с успехом не легче, чем с поражением. Всегда хорошо, если друг рядом!

осые лучи неяркого осеннего солнца золотили просёлок.

— Это у них называется дорогой!.. — фыркнула Ки себе под нос, разглядывая две неглубокие колеи, тянувшиеся вдаль через лес. Между колеями успели вырасти кустики, царапавшие днище фургона. Вдоль так называемой дороги росли белоствольные берёзы, медленно ронявшие наземь жёлтые листья. Берёзы перемежались тополями и кучками ив. Попадавшиеся изредка деревья-арфы молча и неподвижно стояли в послеполуденном тепле безветренного осеннего дня. Расслабленно откинувшись к дверце кабинки, Ки вдыхала запахи леса. Пахло мхом и палой листвой. Ки чувствовала себя боготой и к тому же никуда не спешила.

И всё же, когда она поглядывала на неспешно шагавших тяжеловозов, совесть чуть-чуть её беспокоила. И доставка груза к сроку была здесь ни при чём. Даже если нынче она пораньше остановится на ночёвку, завтра ей с запасом хватит времени на все дела.

Вандиен. Он ни на чём не настаивал, но она знала, как он обрадуется, если она поспеет к нему в Обманную Гавань. Что ж, она с радостью приехала бы его выручать, приехала бы со всей возможной быстротой... если бы предприятие, в которое его угораздило ввязаться, не было таким беспросветно дурацким. Ки прикусила губу, глядя, как размеренно перекачиваются мышцы на двух необъятных серых спинах, двигавшихся перед ней. Ум её между тем озабоченно подсчитывал дни: вот уже шесть суток, как Вандиен отбыл в Обманную Гавань. Наверное, он уже там, если только удача не изменила ему окончательно. Что до самой Ки, то даже черепашьям шагом она всяко поспевала в Горькухи к вечеру следующего дня, как раз четвёртого в её путешествии.

Была, впрочем, и другая возможность. Немножко пошевелить коней и прикатить в Горькухи ещё до полуночи. Благо, Горькухи не какая-нибудь крепость со стеной и воротами, а разросшееся земледельческое поселение. Ни тебе ворот, ни стражи при них, останавливать некому. Да, она вполне могла именно так и сделать. А потом рвануть в Обманную Гавань. Полтора дня — и она там. Успеет к его сроку, да ещё и время останется. Другое дело, на кой хрен всё это ей нужно?.. Сам влип в историю, сам пускай и выпутывается. Чего это ради она сидит тут и взвешивает всякие возможности, словно кто её обязал его выручать?.. На кого, интересно, он рассчитывал все эти годы, пока с нею не познакомился? Только на себя самого. Вот и пускай сам разбирается. Небось не будет в следующий раз так вольничать с её упряжкой и фургоном. Попотеет немножко, только на пользу пойдёт...

Озабоченное выражение на лице Ки сменила кривая усмешка. Да, пускай попыхтит. Она подъедет туда к нему денёк этак на одиннадцатый, когда он ей на шею готов будет прыгнуть. Такому, как он, задиристому петушку не помешает разок вымочить пёрышки.

Ки потянула носом, принюхиваясь. Потом поднялась на сиденье во весь рост. Стройное, худенькое тело покачивалось в такт движениям фургона, переваливавшегося на ухабах: Ки потягивалась, разминая онемевшие от долгого сиденья мышцы. Зелёные глаза щурились, пытаясь рассмотреть сквозь чашу, что там, впереди. Дорога состояла из сплошных поворотов, не больно присмотришься. Река ещё не показалась, но Ки чувствовала её близость по влажному запаху в воздухе. И ещё по тому, как оживились и насторожили уши серые кони. Ки привычно посмотрела на солнце, потом безразлично пожала плечами. Решено: она выедет к реке и там заночует. Горькухи никуда от неё не убегут. Она остановится пораньше и пустит лошадей попасться, а сама как следует вымоется. И Ки вновь устроилась на сиденье, подумав о том, как славно будет опять ощутить себя чистой.

По мере приближения к реке деревья стали редеть, уступая место широкому заливному лугу, окаймлённому кустарником. Сухие сучья и мусор, запутавшийся в траве,

указывали границы весенних разливов реки. Осень раскрасила луговую траву во все оттенки жёлтых и бурых цветов. Ки свернула с просёлка и поехала вдоль реки. Высокие колёса хрустели подсохшими стоячими стеблями. Тяжеловозы мотали огромными головами: тянуть стало труднее, и им это не нравилось. Ки, однако, не давала им поблажки, пока не обнаружила то, что искала: уютную, ограждённую кустами полянку прямо на берегу. Здесь были и трава для коней, и обширная мелководная заводь, в которой можно выкупаться.

Послеполуденное солнце ещё пригревало косыми лучами, когда она кончила распрягать серых и пустила пастись. Степенный, уравновешенный Сигмунд принялся щипать и пережёвывать жёсткую пищу, Сигурд же для начала опрокинулся на спину и начал валяться, блаженно почёсываясь о колючие кочки. Ки невольно улыбнулась. Ей не приходилось бояться, что серые куда-нибудь денутся. Они не ведают другого дома, кроме своего фургона, и даже без привязи далеко не уйдут.

Устройство стоянки не отняло много времени. Для начала Ки проверила груз, подёргав крепёжные верёвки: не ослабли ли они и не перетёрлись ли после целого дня тряски? Нет, всё было в порядке. Остаток дня и весь вечер принадлежали ей безраздельно.

Вновь забравшись на фургонное сиденье, Ки отодвинула в сторону дверцу кабинки. Глаза не сразу привыкли к относительным потёмкам там, внутри. Маленькое окошко была забрано ставнями, так что внутрь проникали лишь слабые лучики света. Ки отвернула четыре задвижки, запиравшие ставню, и откинула деревянную створку. В открытый проём сейчас же ворвался речной ветерок. Зима была не за горами; Ки подумала о том, что надо будет купить кусочек промасленной кожи и затянуть им окно. Такая кожа худо-бедно пропускает свет, а от сквозняков всё-таки защищает. Можно было бы вставить и стекло, но стекло стоило слишком дорого и к тому же могло не выдержать напряжения, ведь во время движения каждая доска и планка фургона ходила ходуном... Ладно, сказала себе Ки. Беспокоиться об этом будем потом.

Ки сняла с гвоздика чистую рубашку и кожаный пояс. Немного помедлила — и достала из ящичка флакон с душистым маслом. То, что она купила это масло, само по себе было глупостью, а уж раскупоривать его прямо здесь, где и нюхать-то было некому, кроме неё самой, — глупостью вдвойне. Ну и что. Мелкие глупости тоже надо было иногда совершать.

Выйдя на бережок, Ки сбросила с ног сапоги, стянула через голову блузу, потом расстегнула юбку, и широкая юбка свалилась к ногам. Ки перешагнула через ворох и положила сверху чистую рубашку и пузырёк с маслом. Потом расплела две толстые косы — такова была её дорожная причёска, иначе волосы мигом превратились бы в колтун, — и густая русая волна рассыпалась по спине и плечам. Пахли волосы пылью и потом.

С реки веяло прохладой, и тело покрылось гусиной кожей. Ки пробрала было дрожь, но она решительно укрепила свой дух и, разбежавшись по береговой гальке, плашмя бухнулась в воду. Холодная вода оглушила её. Ки вынырнула, отплёвываясь и отдуваясь. Хватая ртом воздух, она подцепила с близкого дна пригоршню чёрного песка и принялась драить им свою кожу. Очень скоро всё её тело порозовело и прямо-таки засветилось от холода и чистоты.

На всякий случай Ки нашла глазами пасшихся лошадей, потом зашла в реку поглубже. Тут она несколько раз погрузилась в воду с головой, так что с промокших волос побежали ручейки. Ки полоскала волосы, пока стекавшая с них вода не стала совсем чистой, без всякой там пыли и песка. Ки покончила с мытьём и принялась плескаться в воде просто для удовольствия, поднимая брызги, ныряя и наслаждаясь бесподобным ощущением воды, омывающей тело.

Нырнув последний раз, она направилась к берегу. И тут с безоблачного послеполуденного неба послышался удивительный звук. Он был ясен и чист, словно крик птицы, но некоторым образом чувствовалось, что птичье горло не в состоянии издать ничего подобного. Источник звука определить было невозможно; казалось, он исходил непосредственно из небесной синевы. Ки застыла на месте,

напряжённо вслушиваясь; речные волны плескались вокруг её бёдер. Она не делала ничёмных попыток прикрыть свою наготу. Но как бы ей хотелось, чтобы Вандинова рапира оказалась здесь, рядом, на берегу... а не на своём обычном месте в фургоне. Неведомое лучше встречать во всеоружии...

Странный звук постепенно затих. Ки оставалось только надеяться, что это был-таки крик какой-нибудь особо голосистой речной птицы. Сколько она ни оглядывалась, ей так и не удалось разглядеть на берегу никакого движения. Замерли даже кони — головы подняты, ушки на макушке. Шевелилась только трава, которую ерошил неизвестно откуда взявшийся ветер. Ки опять взял озноб. Она поспешила к берегу...

Ветер между тем стремительно набирал силу, хлеща её по лицу прядями мокрых волос. Ки выскочила наконец на сушу и обнаружила, что с трудом удерживает равновесие. Ветер обдавал мокрое тело ледяным холодом. Ки начала было вытираться пыльной юбкой, но ветер продолжал усиливаться. Она услышала испуганное ржание Сигурда и поспешно натянула чистую рубашку прямо на мокрые плечи.

Скрутив мокрые волосы, Ки попыталась их выжать, но ветер ударил её с новой силой и к тому же осыпал с головы до ног листьями, сорванными с ветвей. Коченеющими пальцами Ки как раз застёгивала пряжку ремня, когда налетел уже настоящий шквал и попросту сшиб её с ног. Ки кое-как приподнялась, одной рукой убирая с глаз налипшие волосы. Второй рукой она сгребла сапоги и одежду, не забыв и скляночку с маслом. Прижав к себе вещи и низко пригибаясь под напором сумасшедшего ветра, она неуклюже побежала к фургону. Фургон покачивался, высокие жёлтые колёса ходили туда-сюда. Ки была уже совсем рядом, когда послышался хлопок оборванной верёвки, и одна из коробок с грузом, сброшенная ветром, обрушилась вниз. От удара о землю грубо сколоченные планки лопнули, ящик рассыпался.

Волна неожиданной вонии оглушила Ки, словно удар по голове. Она задохнулась и прижала ко рту и носу мокрую одежду, очумело озираясь в поисках источника смрада.

Ничего! А запах, мерзкий запах протухшей, разложившейся крови, становился всё гуще. Как и этот ветер, он шёл ниоткуда. Предчувствие подняло дыбом все волоски на коже Ки, и без того пупырчатой от холода и испуга. Воинища забивала глотку, как кляп, Ки чувствовала, что вот-вот задохнётся. Сигмунд заржал, Сигурд поднялся на дыбы, метя страшными передними копытами неизвестно во что. Ключья пены пятали его серую кожу. Вновь опустившись на все четыре ноги, он повернулся и кинулся наутёк. Тяжеловесный скок сотрясал землю: Сигурд вломился в заросли и исчез в пригибаемом ветром лесу. Вместе с ним исчезла и вонь. Проклятье!..

Швырнув узел с одеждой внутрь фургона, Ки торопливо натянула на ноги сапоги и бросилась вырывать груз. Свалившийся ящик оказался невелик. Ки подобрала его с земли. Сквозь трещины виднелась чёрная глазурь, усеянная мелкими самоцветами. Ки осторожно поставила коробку внутрь и закрыла деревянную дверцу.

Остальные верёвки, похоже, не пострадали. Да и уцелевшие сундуки были потяжелее, не больно-то сбросишь. Ветер по-прежнему свистел в ушах и награждал Ки, лазившую по фургону, полновесными оплеухами. Небо, однако, оставалось таким же голубым и чистым, как прежде.

Ки некогда было предаваться размышлениям о странностях погоды. Она посвистела Сигмунду. Обычно кроткий и послушный, он так и плясал и дважды вывёртывался из рук, прежде чем ей удалось твёрдо сгрести его за гриву и вскарабкаться на широченную спину. О, Луна, до чего же она не любила ездить на этих тварях верхом!.. Хоть как-то обхватить здоровенного тяжеловоза ногами было попросту невозможно. Никаких ног не хватало. Ки вцепилась обеими руками в густую гриву и заколотила пятками. Сигмунд тряхнул головой: носить на себе всадника ему нравилось не больше, чем Ки — этим всадником быть. Делать нечего, он смирился с судьбой и двинулся вперёд. Ки сидела у него на хребте, вцепившись по-обезьяньи. Выследить Сигурда оказалось нетрудно. Его могучие копыта вывернули в стремительной скачке целые пласты лесной земли, а широкая грудь проложила в кустах настоящую дорогу. Дело стало за малым: надо было не только его

выследить, но и поймать. Ки знай подгоняла Сигмунда, низко пригибаясь к его шее, чтобы нависшие ветки не разодрали лицо.

Стояла уже глубокая ночь, когда измученная и ошипанная Ки вернулась по следу Сигурда в свой собственный лагерь. Перед этим беглый конь от души попетлял по лесу и дважды пересёк реку. Всё сходилось на том, что его что-то гоняло туда и сюда. Однако нигде не было никаких следов, кроме принадлежавших ему. Ки не могла уразуметь, что же происходило. Ясно было одно: за всем этим крылась какая-то тайна. Какая-то откровенно сволочная тайна, порядком испортившая ей жизнь.

Впрочем, сейчас ей некогда было предаваться раздумьям о природе странного происшествия. Она была сплошь исцарапана цепкими ветками и с головы до ног облеплена грязью: в довершение всех бед её угораздило свалиться со спины Сигмунда в какое-то болотце. Сигмунд выглядел не многим лучше её самой — такой же ободранный и грязный. Никто не ждал их у фургона с ужином и костром. День, начавшийся как праздник, кончился невезением, здорово смахивавшим на издевательство. Ки устало сползла со спины Сигмунда наземь.

Сигурд, свесив голову, стоял у передка фургона, словно ища утешения в близости знакомых предметов. Вся его шкура была заляпана успевшей высохнуть пеной. Когда Ки подошла поближе, он медленно изогнул шею и почесал голову о колено. Он выглядел сконфуженным, если вообще можно представить себе сконфуженного коня. Ки провела ладонью по его жёсткой, мокрой, взъерошенной шерсти. Да, сегодня обоим коням требовалась хорошая чистка. Ки запустила пальцы в собственную спутанную гриву и подумала: и мне тоже.

По счастью, ветер наконец прекратился. Настала тихая осенняя ночь, выплыл месяц, правда, он не столько светил, сколько сбивал с толку. Сундук, в котором хранилось всё необходимое для стоянки, угловатой тенью маячил в потёмках. Ки подобралась к нему, едва таща ноги и мысленно распределяя: сперва — костёр; потом вымыться; потом привести в порядок коней; потом — поесть. И только тог-

да можно будет позволить себе задуматься о разбитой коробке и, соответственно, о нарушенной печати.

Знакомая защёлка сундука привычно откинулась. Ки вытащила мешочек с кремнём и кресалом. Пучок сухой травы с готовностью разгорелся. Ки сунула его в кучку загодя собранных веток. Славный маленький огонёк живо разогнал тьму, внушая надежду, что к завтраму всё как-нибудь образуется. По крайней мере, можно было притвориться, будто веришь, что всё наладится. Запалив костёр, Ки встала, потягиваясь — у неё болела каждая косточка, — и вернулась к фургону.

И тут же выругалась. Да так, что исторгаемые ею проклятия заставили Сигурда опасливо прижать уши. Когда же запас ругательств иссяк, Ки сжала губы в одну прямую черту и, обойдя фургон, приблизилась к грузу, полностью сброшенному с платформы, переломанному и раскиданному по земле. Схватив из костра горящую головню, она нагнулась рассмотреть поподробнее. Так и есть. Из семи сундуков осталось четыре, да и те были раскрошены в щепы. Содержимое было вывернуто наружу. Земля и камни. Ничего себе фамильные древности. Ещё два ящика были разбиты уже так, что сложить их вместе не представлялось возможным. Как и установить, что же в них находилось. И при этом чувствовалось, что потрошил сундуки отнюдь не ветер: расщеплённое дерево сохранило следы какого-то острого орудия. Ки смотрела на раскуроченный груз, задыхаясь от бессильной ярости и отчаяния. Здесь ничего уже невозможно было спасти. Совсем ничего.

Семейные реликвии!.. Ки только фыркнула: для того чтобы ощутить удивление, тоже требовались силы, а их у неё не было совершенно. Четыре сундука земли и камней. Странно, с какой стороны ни погляди. Вдвойне странно, что кто-то не поленился наворожить ветер, чтобы раскидать подобную поклажу. Заклинание ветра считалось трудным и дорогостоящим делом. Кто-то не поскупился на затраты — почему?.. Ки осторожно попятилась прочь от развалившихся ящиков, стараясь как можно меньше топтать по земле. Чего доброго, утром, при солнечном свете, удастся разглядеть какие-нибудь следы. Смирившись с неизбежным, Ки взялась чистить коней. А потом —

к их изрядному неудовольствию — обоих привязала, используя уцелевшие верёвки от груза. На тот случай, если опять налетит ветер и принесёт с собой ещё какой-нибудь смрад...

Скоро выяснилось, что с запахами было отнюдь не покончено. Когда она вскарабкалась наверх по колесу и отворила дверцу кабинки, в лицо ей хлынула удушающая волна аромата. Душистое масло!.. Ну конечно же, стеклянный пузырёк, брошенный внутрь вместе с одеждой, неизбежно разбился. Вот это и называется — пришла беда, отворяй ворота. Ки набрала в грудь побольше воздуха и, стараясь не дышать, полезла в кабинку, чтобы снять с крючка последнюю оставшуюся рубашку.

Потом она, во второй раз за один вечер, отмывалась в реке и полоскала грязные волосы. Вода была темна и холодна до судорог. Колотясь всем телом и ругаясь сквозь зубы, Ки встала на колени на мелком месте и принялась отстирывать перепачканную одежду. Следовало свыкнуться с мыслью, что запах благовоний не выветрится из синей блузы и юбки до конца дней. Оттирая и полоща, Ки пыталась прикидывать варианты дальнейших действий. Вариантов не было. Ей оставалось только ехать в Горькухи. Ко всему прочему, выплачивать оговоренные шесть дрю из задатка ей было попросту нечем. То есть забавная сцена с владельцами груза ей была обеспечена. И откладывать эту сцену было бессмысленно.

Ступни у неё были сбиты и к тому же замёрзли до потери чувствительности. Она вернулась к костру, ощущая, как жалуется каждая косточка, каждая жилка. Внутри фургона было по-прежнему не продохнуть. Ки вновь задержала дыхание и нырнула внутрь, чтобы добыть себе ужин: жёсткий дорожный хлебец, колбаску и сухую заварку для чая. Собрав необходимое, она поспешно выскочила наружу. Выбравшись на сиденье, она откусила конец колбаски и задумчиво его прожевала. Она постояла так некоторое время, жуя и раздумывая. Потом вновь потянулась внутрь кабинки и — чего уж там! — выволокла последнюю коробку с грузом наружу.

Присев у костра и ожидая, пока закипит котелок, Ки откусывала попеременно то от хлеба, то от колбаски, рас-

смаatrивая ящичек, стоявший в ногах. Камешки, вделанные в чёрную глазурь, заговорщицки подмигивали ей сквозь трещину в доске. Ки бросила в кипяток пригоршню заварки и отодвинула котелок от огня. Вытаскивая из сундука глиняную кружку, Ки чувствовала, что голова у неё идёт кругом. Она уселась на сундук, налила себе чаю и осторожно отпила из кружки. Потом пожала плечами и вытащила нож. И весьма по-деловому принялась отдирать уцелевшие планки, высвобождая внутреннюю, покрытую чёрным лаком коробку. Завтра ей предстояло расплачиваться за несчастье, в котором она не была виновата. Терять ей было нечего, так почему бы, в самом деле, и не доставить себе маленькое удовольствие, удовлетворив своё любопытство и узнав хотя бы, из-за чего городился огород?..

И вот на землю упала последняя расщеплённая планка жёлтого дерева, и на коленях у Ки осталась чёрная лакированная коробка. Повертев её, Ки обнаружила одну грань, на которой отсутствовали украшения, и решила, что это, по всей вероятности, дно. Она поставила коробку дном вниз и задумалась, как же она открывается. Не было видно ни петель, ни чего-либо хоть отдалённо напоминающего замок. Может быть, ящичек отпирался потайной пружиной, спрятанной под одним из вделанных камешков? Ки осторожно ощупала их, выискивая, не пошевелится ли какой. Всё было напрасно.

Ки поставила коробку рядом с собой на сундук и задумалась, неторопливо прихлёбывая обжигающий чай. Разумно ли было вообще стараться заглянуть внутрь?.. Может, и нет, но тут уж на Ки накатил приступ упрямства. Она решила выяснить, что там, внутри, и она это выяснит. И наплевать. Ки снова взяла ящичек на колени и вынула нож...

Но тут в пальцах правой руки началось какое-то странное покалывание, и пальцы безвольно разжались, выпустив нож. Покалывание распространилось по всей руке до плеча, и рука плетью повисла вдоль тела. Ки обдало холодом, сердце ёкнуло. Яд, подумала она и сама удивилась бесстрастной логике собственных рассуждений. Яд на одном из камней. Сейчас онемение охватит всё тело и...

Против её ожидания, пальцы вдруг ожили и задвигались, но задвигались сами, по своей собственной воле.

Рука поднялась, ладонь легла на боковую стенку коробки. Один из пальцев коснулся красного камешка, но Ки не ощутила не то что нажатия — даже и прикосновения. Рядом с красным самоцветом неожиданно замерцал белый, и другой палец сейчас же накрыл его. За белым камешком последовал синий, и к нему потянулся большой палец. Со стороны казалось, будто камни притянули к себе кончики пальцев и накрепко к ним пристали. Потом рука сдвинулась в сторону, и вместе с ней отошла пятигранная крышка коробки. По-прежнему подчиняясь чужой воле, рука Ки аккуратно положила крышку на сундук и вернулась, чтобы освободить от льняного покрывала то, что покоилось на небольшом постаменте, который Ки первоначально и приняла за дно коробки. Сняв покрывало, рука Ки засунула его в опустевшую крышку. Потом снова легла ей на колени. На какое-то время вернулось покалывание, но вскорости прекратилось, и Ки обнаружила, что её рука вновь полностью ей принадлежит. Ки ошарашенно устояла на свои пальцы, сомкнула кулак и вновь разомкнула. Всё в порядке.

Ки судорожно вздохнула, ей было жутко. Ночная тьма зловеще нависала над крохотным, слабеньким пламенем её костерка. Она облизала пересохшие губы и только тогда решилась рассмотреть то, что хранилось в лакированной коробке. Это была голова статуи. Мужская голова. Ки осторожно опустила её на крышку сундука и слегка наклонила, чтобы как следует рассмотреть при свете огня.

Голова покоилась на низенькой подставке из пористого чёрного камня с кроваво-красными прожилками, и Ки смутно подивилась тому, какой грубый булыжник пошёл на подножие для шедевра. Ибо голова была настоящим шедевром, из тех, что хранят в золотых ларцах и водружают на хрустальные постаменты. Она казалась совершенно живой: неведомый мастер с удивительным искусством передал не только скульптурные формы, но даже и цвет.

Из какого камня, обладавшего фактурой живой человеческой кожи, была изваяна эта плоть? Какой художник покрыл его сероватым налётом, изображавшим, должно быть, смертную бледность?.. Прямые черные волосы были

изображены прилизанными, но лишь для того, чтобы подчеркнуть аристократическую лепку черепа. Бледно-серые глаза под тонкими дугами чёрных бровей были слегка приоткрыты, словно бы в полусне. Нос был тонкий и прямой, а губы — полные, чувственные. Губы вдруг шевельнулись, раздвигаясь в улыбке, и Ки увидела мелкие ровные зубы.

— Что за бардак ты устроила, Ки, из самого простого дела! — заявила голова и повернулась туда-сюда на своей подставке, ни дать ни взять разминая сведённые от долгой неподвижности мышцы. — Я, в общем, ждал, что возникнут кое-какие трудности, но такое!.. Подобной катастрофы мне и в страшном сне... Э, погоди, куда ты?..

Когда прозвучали первые слова, Ки застыла в столбняке. Когда же выяснилось, что ей не примерещилось, — сползла с сундука и стала пятиться прочь, за пределы освещённого круга.

— Ты куда, Ки? — продолжала голова. — Неужели ты бросишь меня, своих коней и фургон и убежишь в лес? Ну убежишь, только отчёт перед теми, кто снарядил тебя в эту поездку, держать всё равно придётся. Что же касается меня... Даже и в этом состоянии у меня ещё есть кое-какие способности, но я всё же чувствовал бы себя гораздо уютнее, будь при мне моё собственное тело. Руки и ноги, понимаешь? Заметим, те самые руки и ноги, которые ты столь безответственно потеряла...

Ки стояла у самого края освещённого круга, и волосы у неё слегка шевелились. И в то же время незатронутая ужасом часть сознания понимала: ей знакомо это лицо и этот голос, вот бы ещё вспомнить, кому они принадлежали. И, ко всему прочему, голова говорила здравые и разумные вещи, от которых даже в столь удивительных и жутких обстоятельствах отмахнуться было невозможно. А может, не «даже», а «в особенности»... Ки молча смотрела на незнакомца, не решаясь ни удрать, ни вернуться.

— Да ладно тебе бояться! — продолжала голова снисходительным тоном. — Имей, в конце концов, вежливость. Я был бы весьма благодарен тебе, если бы ты дала мне хлебнуть своего чаю. В моём нынешнем состоянии телесные потребности не столь велики, но горло пересохло —

сил нет. Неужели я по твоей милости ещё и просижу тут всю ночь один?..

Ки расправила плечи и вернулась к нему, всем своим видом изображая храбрую решимость, которой на самом деле не было и в помине. Взяла свою кружку... Когда она поднесла её к губам головы, её руки дрожали, но лишь чуть-чуть. Незнакомец отпил. Ки поставила кружку и ретировалась на другую сторону костра.

— Вот так-то лучше, — вздохнула голова, и Ки показалось, что серый оттенок начал покидать её кожу. — Но я, кажется, тоже начинаю забывать, как надо себя вести. Я — Дреш, до недавнего времени — одно из влиятельных лиц Дайяла, а в будущем, надеюсь, — одно из влиятельных лиц Горькух. Это, впрочем, зависит от того, сколь успешно ты выполнишь обязательства, оговоренные подписанным тобою контрактом. Покамест ты, хм-хм... Надеюсь, это-то ты понимаешь?

— Покамест я понимаю, что мне всучили груз, который я нипочём не повезла бы, если бы знала заранее, что он в действительности собой представляет! — отрезала Ки. Подхлынувшая ярость смыла страх. — И рожу твою я, кстати, узнала! Это ты изображал пьяного медника и мутил народ в той дайяльской таверне, толкая дурацкую речь против Заклинательниц. Это ты подбивал земледельцев и ткачей к открытому неповиновению, призывал сжигать шерсть и зерно, только чтобы дань Заклинательницам не платить! А когда началась заварушка, ты сбежал и предоставил мне возмещать все убытки...

Пока Ки говорила, лицо Дреша начало неувлимо меняться. Его веки пьяно отяжелели, щёки обрюзгли и отвисли, мокрый рот приоткрылся... Ещё мгновение, и пьяного медника как не бывало. Перед Ки снова было красивое, утончённое мужское лицо. И оно ей улыбалось. Будь оно при соответствующем теле, да в несколько иных обстоятельствах, и Ки, вполне возможно, улыбнулась бы в ответ. Но теперь его усмешка только обозлила её.

— Кто-то хочет намять тебе холку, Дреш, — сказала она. — Ой как хочет! Так хочет, что расстегнулся и аж заплатил золотом за заклинание ветра. Это магия не из дешёвых! Тот, кто охотится за тобой, видно, достаточно

богат, чтобы удовлетворять любую свою прихоть. И мне почему-то кажется, что моё вмешательство его вряд ли обрадует. Ты же, Дреш, нанял меня в качестве возницы, а не телохранителя...

— «Обязуюсь предпринять всё от меня зависящее, дабы груз прибыл к месту своего назначения в целостности и сохранности», — процитировал Дреш. — Сие было подписано, причём не просто твоим именем, но ещё и знаком свободнорожденной, с пометкой об отсутствии вассальной зависимости. Так что твоё собственное тщеславие, Ки, привязало тебя ко мне куда крепче, чем даже я сам мог бы подстроить. И, — тут Дреш поднял бровь, предупреждая новую вспышку со стороны Ки, — подумай вот ещё о чём. Ты боишься, что навлекла на себя гнев некоторых богатых и влиятельных персон, которые, допустим, хотят до меня добраться. Так вот, это действительно так. Только Заклинательниц никто не нанимал, Ки. Они сами действуют против меня. И если ты меня здесь бросишь, любовью к тебе из-за этого они всё равно не проникнутся. Ты прекрасно знаешь, что ромни их особым расположением не пользовались никогда. Уже то, что ты довезла меня сюда из Дайяла, они расценят как дерзкий акт прямого неповиновения и чуть ли не бунт. Так что вставай-ка лучше на мою сторону и помоги собрать моё тело воедино. По крайней мере хоть будешь под моим покровительством. И защитой, ибо я не так уж бессилен.

Ки зло смотрела на него сузившимися кошачьими глазами, взвешивая про себя возможности, о которых он не упомянул. Во-первых, она могла попросту засунуть его голову в свой фургон и отвезти её в Горькухи. Да, но там придётся иметь дело с союзниками Дреша, или кто там его ещё ждёт. Во-вторых, она могла сама разыскать Заклинательниц, изъявить им нижайшую покорность и по доброй воле вручить им эту треклятую башку, если... Слишком много «если». Если они ей поверят. Если они вообще пожелают её выслушать. Если она разыщет их прежде, чем они разыщут её. И, самое главное, если БЫ она уже не дала своего слова. Не подписалась в том, что обязуется в целостности и сохранности доставить этот, прах его подери, груз. Боги, ну и дела!.. Этот тип держал её на тройном

поводке: имя, рождение, вассальная верность. И врагов она по его милости себе нажила, каких врагу не пожелаешь: Заклинательниц Ветров!.. Ки чувствовала себя так, словно ввязалась в игру, где даже и начальные ставки были ей не по карману. Что остаётся делать? Разве только помереть...

Она коротко кивнула голове, которая, словно читая её мысли, следила за нею с самодовольной усмешкой.

— Ну хорошо, — отпив из кружки, сказала Ки. — Если ты хочешь, чтобы я тебе помогала в этом сумасшествии, я должна по крайней мере знать, что происходит. Почему?..

— Что «почему»?

— Во-первых, почему ты расчленён? Каким образом — этого я вообще знать не хочу. Во-вторых, с какой стати тебя понесло в таком виде путешествовать? В-третьих, почему мне предложили бешеные деньги за перевозку земли и камней? В-четвёртых, зачем ты затеял ту свалку в таверне? В-пятых, почему они, захватив остальные твои части, не добрались до головы? И в-шестых, на что ты им нужен-то?..

— А в головке этой возницы-ромни, оказывается, прячется недюжинный и любопытный умишко, — заметил Дреш. — Слушай, Ки, почему бы тебе просто не довериться мне и не делать то, что я скажу? Видишь ли, если я приоткрою тебе кое-какие истины, они могут смутить неподготовленный разум и вызвать страх, вовсе не соответствующий действительности. Ты же возница и сама знаешь, что упряжка в шорах иногда идёт надёжнее, чем...

— Я не лошадь, — мрачно заявила Ки.

— Конечно нет. Я вовсе не имел в виду ничего подобного. Просто, как говорится, меньше знаешь — лучше спишь. Если...

— Дреш, я не намерена пускаться тёмной ночью по незнакомой тропе, и...

— О, эти причудливые иносказания ромни! Этот язык, так похожий на некий диалект Общего... Ты упряма, и у меня нет времени на пустые споры с тобой. Знай же... и сожалею о том, что тебе довелось это узнать! Да, объяснить тебе — это, пожалуй, будет короче, чем отговаривать. Так вот, уже некоторое время Заклинательницы видят во мне определённую помеху. Ну хотя бы то, что я

слишком много знаю о них. Знаю — и потому страшусь их совершенно иначе, чем какой-нибудь невежественный обыватель. Удовольствуйся этим, ибо дальнейшие подробности — сугубо личного свойства. Зачем я себя расчленил? Видишь ли, мне стало известно, что Заклинательницы решили-таки освободить мой дух от его земной оболочки и отправить скитаться в глубинах Вселенной. А это меня не слишком устраивает. Те же охранные заклęcia, которыми я окружил себя в Дайяле, с течением времени начали утрачивать силу. Слишком часто приходилось мне их обновлять. Мне нужен новый дом, который я смог бы окружить новыми берегами. В Горькухах подвернулось нечто подходящее, но как туда добраться? Ехать в моём обычном телесном обличье — слишком опасно. Я бы сразу угодил к ним в лапы, едва шагнув за ворота. Сменить внешность? Это не провело бы их, разве что сделало бы игру немного занятнее. Дело в том, что я — маг. Это значит, что в тонких мирах я имею вполне определённый облик, свою собственную ауру. И этот облик они знают не хуже, чем ты — шрам на физиономии Вандиена...

Дреш помолчал, улыбаясь, давая Ки время почувствовать этот укол. Потом продолжал:

— Есть несколько — хотя и не особенно много — способов исказить свою ауру. Я мог бы, например, пригласить поприсутствовать вместе со мной в моём теле какой-нибудь менее значительный дух. Но я не хочу. Я мог бы также... впрочем, не будем отвлекаться, перечисляя, что я мог бы ещё сделать, но не захотел. Я предпочёл расчленить своё тело. Таким образом, моё отражение в тонких мирах будет также расчленено и изменится до неузнаваемости. И на некоторое время это в самом деле сбило их с толку. На какое-то время... Увы, они раскусили мою хитрость раньше, чем я предполагал. — Голова со вздохом умолкла. Дреш облизнул губы и задумчиво уставился на огонь.

Ки вздохнула в ответ и, не дожидаясь просьбы, обошла костёр, подлила в кружку горячего чая и поднесла к его губам. Он отпил немного и стал наблюдать за тем, как пьёт она.

— Ящики, которые ты везла, должны были пустить их по ложному следу. Этой же цели служил и чёрный дом,

в котором ты подписывала контракт. Они должны были счесть, что твой груз слишком велик, чтобы являть собой всего-навсего брненное тело Дреша. Увы, и это отвлекло их ненадолго. А что касается того, почему они до меня не добрались... — Мелкие белые зубы раздумчиво прикусили полную нижнюю губу. — Вероятно, следует назвать это везением. Они не знали, на сколько частей я расчлещён. Посланное ими существо стоит на низшей ступени разума — оно вдвое примитивней, чем даже возчица-ромни. Возможно, ему было велено забрать и принести эмалевые коробки: эмаль, понимаешь ли, немаловажная часть магии, которую я применил. Так вот, коробка с моей головой, находившаяся внутри фургона, не привлекла его внимания. К счастью для нас обоих, они не сразу поймут, что произошло. В отличие от... некоторых дур, они относятся к моим ящикам с должным почтением и не станут ковырять их ножом. Они догадаются, что секрет замка — в камнях. Камней же на каждой коробке много, возможных сочетаний — не перечесать. Однако при достаточном терпении и упорстве их можно открыть, ну а упорства и решимости им не занимать. К тому же самого главного — времени — у них в избытке, и они это знают. Я не могу бесконечно долго существовать в своём нынешнем состоянии. Драгоценное время уходит, причём прямо сейчас, пока мы с тобой разговариваем. Я отсюда чувствую, как некто наделённый Силой трудится над коробкой, в которой лежат мои руки. Ещё одна Сила, помельче первой, бдит над ящиком с моим телом. Мы должны отбить у них мои разрозненные части, и чем скорее, тем лучше. Если они сумеют открыть коробки, они опустошат меня, и я умру. Мы должны действовать быстро, но не безоглядно, чтобы не оказаться полностью в их власти. И потом, сообразить, у кого находится моя брненная плоть, это полдела. Надо ещё угадать где...

На какое-то время голова замерла в неподвижности. Потом, странновато улыбнувшись, Дреш кивнул в сторону кружки с чаем. Ки наклонилась и поднесла кружку к его губам. Он отпил, а когда она отняла кружку, прошептал:

— Поцелуй меня, Ки.

И... Ки обнаружила, что послушно наклоняется к нему, а её губы ищут его губы. Они показались ей совсем холодными. Поцелуй оказался долгим, но наконец Дреш отпустил её. Ки отшатнулась, а потом взвилась на ноги, тыльной стороной ладони утирая рот и глядя на Дреша как на змею. Потом, медленно, она опустила руку и плюнула наземь. И спросила, вернее, почти прорычала:

— Как... как ты это сделал?

— Надеюсь, ты меня простишь, — отвечал он невозмутимо. — Как я уже говорил, я волшебник, а большая часть нашей силы сосредоточена в голове и руках. Я просто решил устроить маленькое испытание, дабы доподлинно выяснить, какую часть своего могущества я ещё сохраняю. Сознаюсь, кстати, — подобный эксперимент занимал мои мысли с той самой минуты, когда я впервые увидел тебя в таверне. И осмелюсь предположить, всё это показалось бы тебе куда менее отвратительным, если бы моя голова сидела, как ей положено, на шее и руки были бы при мне, а не неизвестно где. Я знаю, вы, ромни, страшаетесь колдовства и не доверяете ему. С другой стороны, голова, оставшаяся без тела, должна уж как-нибудь расстараться...

И Дреш весело рассмеялся. Ки не разделила его веселья.

— Это верно, у меня есть перед тобой некоторые обязательства, — негромко проговорила она. — Но если ты и впредь намерен поступать со мной как с игрушкой... смотри, не пришлось бы пожалеть. Не вздумала бы я купить расположение Заклинательниц, выдав им твою башку...

— Ты этого не сделаешь, — спокойно заявил Дреш. — Ты ко мне привязана, причём трижды.

— Может, и так. Но что помешает мне отвезти твою голову в Горькухи, разобраться с задатком и убраться на все четыре стороны?

— Помешает, дорогая моя, помешает. Во-первых, твоя гордость. А во-вторых, отсутствие денег. Спешу, однако, заверить тебя, что подобных шуток я с тобой шутить больше не собираюсь. Увы, поддался первому побуждению. Помимо прочего, теперь я знаю всё, что мне хотелось, так что и времени на милые пустяки у нас больше нет. Оставим забавы до того времени, когда моё тело снова будет

при мне. Уверен, что тогда ты согласишься на вещи несколько иначе, нежели теперь. Ты увидишь, что, составленный вместе, я отнюдь не дурён собой. У меня маленькие, но весьма ловкие руки, причём гораздо мягче твоих. Кроме того, у меня узкие бёдра, а в плечах я пошире этого твоего бродяги Вандиена, так что...

— Что тебе известно о Вандиене? — перебила Ки.

— Всё, что вообще можно о нём разузнать. Когда я нанимаю возчика для перевозки моих бранных членов, не следует покупать кота в мешке, а? Однако мы отвлеклись. Помимо прочего, у меня маленькие ноги и плоский живот. С левой стороны на груди есть небольшой шрам, но он меня отнюдь не портит, наоборот, многие женщины уверяли меня, что он лишь подчёркивает... Стой, Ки, ты куда?

— Спать, — отрезала она. — Может, мне и придётся помочь тебе отвоёвывать твои руки-ноги, но выслушивать их подробное описание я уж точно не занималась!

— Какое же ты примитивное маленькое создание, Ки. Когда у тебя нет чёткого плана дальнейших действий, а живот полон, тебя тянет только ко сну. Надеюсь, однако, ты не собираешься спать внутри фургона?..

— А почему бы и нет?

— Там царит кошмарная вонь! — сказал Дреш. — Твоё ароматическое масло сегодня едва не добило меня вернее всех, вместе взятых, ветровых заклинаний. Может, вынесешь свои одеяла наружу? Ты будешь спать, а я — караулить твой сон...

— Не сомневаюсь, — буркнула Ки и полезла в кабину.

К её молчаливому негодованию, выяснилось, что Дреш был совершенно прав. Запах душистого масла был до того густ, что вызывал тошноту. Ки сгребла одеяла и на всякий случай сунула под мышку вдетую в ножны рапиру. В кои веки раз ей потребовалось, чтобы за эту рукоять взялась умелая рука Вандиена, — и нате вам пожалуйста, этому типу потребовалось устроить себе отдых на морском берегу. Сама она тоже пыталась фехтовать, но получалось весьма неуклюже. Так или иначе, другого оружия в фургоне не было. Ки забралась на сиденье и задвинула за собой дверцу.

И впервые поразились странности представшего ей зрелища. Какое-то время она просто сидела на сиденье, сооб-

ражая, действительно ли всё это реально или просто при-
снилось. Перед ней догорал маленький костерок, казав-
шийся ещё меньше под непомерно громадным куполом
ночного чёрного неба. Немногочисленные звёзды не дава-
ли почти никакого света, скорее, они казались бесстраст-
ными глазами, наблюдавшими из немыслимой дали. Река
за гранью светового круга казалась колышущимся омутом
тьмы. А совсем рядом, чёрным силуэтом на фоне мечуще-
гося пламени, виднелась воздвигнутая на походный сундук
живая голова.

По спине у Ки пробежали мурашки, но холод был тут
ни при чём. Как бы она хотела оказаться как можно дальше
отсюда... от всех этих дел. Насколько ей было известно,
магия никого ещё до добра не доводила. Что же касалось
магии Заклинательниц... Более грозной мощи невозможно
было себе вообразить, и против этой-то мощи она, слабо-
сильная, собиралась ополчиться. Причём не по своей воле.
Заклинательницы славились потрясающим бессердечием и
какой-то небрежной жестокостью по отношению к смерт-
ным, в частности к людям. И это при том, что довольно
большая часть Заклинательниц воспитывалась из обычных
человеческих девочек. То, что впоследствии они поступа-
ли таким образом со своей собственной плотью и кровью,
лишь увеличивало отвращение и страх, терзавшие Ки.

Она бросила свои одеяла наземь, поближе к огню. И,
против обыкновения, улеглась полностью одетой, даже не
стряхнув с ног сапоги. Что-то подсказывало ей, что, воз-
можно, придётся двигаться и действовать быстро. Дреш
молчал, вперив гипнотический взгляд в пляшущие языки
огня. Ки проследила за ним и сонно подивилась вздымав-
шимся башням, сотканным из пламени, и углям, рушив-
шимся, как разгромленные города. Когда она сомкнула ве-
ки и погрузилась в сон, огненные видения ещё некоторое
время плыли у неё перед глазами...

— Ки!.. Просыпайся скорее, нужны твои руки!..

Выдернутая из весьма странного сна, Ки пробудилась
к ещё более странной действительности. Голос Дреша зву-
чал требовательно и напряжённо, тёмные брови сдвину-
лись к переносице.

— Что случилось?.. — Ки выпуталась из одеял и встревоженно вскочила на ноги, подхватывая ножны с рапирой. Огонь почти совсем погас, и Ки тщетно вглядывалась во тьму. Ничего не было видно; тяжеловозы мирно пощипывали траву. — Что такое?.. Где?..

— Да уж не на телесном плане, дурёха!.. Заклинательницы вызвали обладающую Силой... колоссальной Силой! Я слышал их зов. Перед ней все мои коробки — что паутина, она видит их насквозь. Но, воззвав к ней, они тем самым выдали её местонахождение. Я должен действовать немедленно — либо распроститься с надеждой. Для этого мне нужны руки, а рук у меня нет. Я воспользуюсь твоими, ведь, как-никак, это ты виновата в том, что мои не при мне. Сейчас ты будешь делать то, что я прикажу. Положи левую руку мне на голову. Правую вытяни прямо вверх...

Ки не двинулась с места, только нахмурилась.

— Поторопись, женщина!..

— Сперва объясни мне, что ты собираешься сделать, и я решу, стоит мне в это впутываться или нет.

— Мы вызовем существо, которое поможет нам перенестись. Я засёк место, где они держат моё тело, и мы полетим его отбивать. Живо клади левую руку на...

— Нет, а с какой стати я с тобой полечу? Брошу коней и фургон на милость любого мимохожего вора?..

— Я уже окружил их, по мере моих нынешних сил, защитным кругом. Заклинательницу он, конечно, не удержит, но для какого-нибудь воришки его более чем достаточно. Я ведь, в отличие от тебя, не спал. Давай клади левую руку...

— Что за существо ты собираешься вызвать?

— Одно из тех, что странствуют между планами бытия, соединяя миры. Ну что, так и будем терять время? Может, ты ещё потребуешь, чтобы я слепому от рождения объяснил, что такое цвета? Объяснять тебе, скудоумной, что это за существо, — примерно то же самое. Ну, положи левую руку мне на голову! Пожалуйста!..

— Пожалуйста, — прошептала Ки с ядовитым удовлетворением и медленно выполнила то, о чём он просил.

— Подними правую руку вверх, перпендикулярно земле. Растопырь пальцы так широко, как только можешь.

Очисти своё сознание от посторонних мыслей... насколько ты вообще на это способна. Ещё не хватало, чтобы твои мыслишки помешали воззванию... Ну же!

Опустив левую руку на тёмные кудрявые волосы колдуна, Ки испытала странное ощущение. Тугие, тёплые, шелковистые завитки. Неведомо почему, Ки вдруг захотелось погладить их, как гладят по головке случайно встреченного ребёнка. Конечно, она этого не сделала, но, глядя сверху вниз в серые глаза Дреша, поняла, что он, вполне возможно, перехватил её мимолётный порыв. Ки попыталась очистить сознание, но волосы Дреша под её ладонью по-прежнему не давали ей покоя.

— Сперва изводишь вопросами, потом принимаешься льстить! — немедленноотреагировал он. — Воистину, с чем только не приходится сталкиваться... Но всё, хватит! Воздень правую руку прямо над головой и коснись средним пальцем ладони, не складывая всех остальных...

Ки попробовала, но удержать подобное положение пальцев оказалось очень непросто. Она попыталась выпрямить другие пальцы, и кисть сразу свело судорогой.

— Выпрямляй! — рявкнул Дреш. — Живо!..

А в следующий миг Ки показалось, будто её руку, державшую его мягкие волосы, приморозило к ним насмерть. Холод истекал из черепа Дреша и поднимался по внутренней стороне её руки. Кости Ки превратились в трубки, по которым медленно полз вверх ледяной студень. Пальцы онемели и отнялись, а за ними и вся рука. Локоть, потом плечо, потом... Незримые щупальца холода оплели её плечи и двинулись дальше по воздетой правой руке. Всё существо Ки колотилось от ужаса, решаясь вырваться и бежать прочь от этого отвратительного внутреннего прикосновения. Тело, однако, двигаться не желало. Ки оставалось лишь бессильно наблюдать за собственным ужасом. Её тело стало послушным орудием Дреша; её воля была здесь больше не властна. Холодные, противные слизи вползли в кости её правой руки, наполнили пальцы, и пальцы выпрямились сами собой, заняв требуемое положение. Ки успела подумать, что, верно, перенапряжённые сухожилия сейчас начнут отрываться от костей, — но нет, они как будто даже расслабились, словно вспомнив некие давние

навыки, которыми, как казалось Ки, её тело никогда не обладало.

Знак был составлен.

И тут же из черепа Дреша ринулась вверх раскалённая струя жгучей кислоты. Ки испытала миг запредельной муки, которую не смог бы выразить никакой вопль, никакой крик. Кипящая кислота пронеслась из левой руки в правую, выжигая в костях мозг. Ки задохнулась, рот сам собой раскрылся, но не вырвалось ни звука. Боль вырвалась из четырёх воздетых вверх пальцев и четырьмя вспышками унеслась в небо. Вспышки были невидимы и беззвучны, но Ки поняла, что это и был зов. А значит, где-то в далёких мирах было создание, готовое на него ответить. Ки с неожиданной яркостью представила себе стервятника, который кружится над облюбованной добычей... садится...

— Теперь отдохни. — Ки узнала голос Дреша, но не взялась бы утверждать, как именно он к ней обратился — просто вслух или как-то ещё. От перенесённой боли и душевного смущения в голове у неё помутилось. Она ещё почувствовала, как её тело наполнила сила, ей не принадлежавшая. Эта сила помогла ей совершить три коротких шажка, а потом оставила её, и Ки рухнула на свои одеяла, как кукла-марионетка с обрезанными нитками. Некая весьма отдалённая часть её сознания люто ненавидела Дреша и была полна решимости задушить его, как только... как только она чуть-чуть оправится. Всё правильно, но у Ки уже не было сил прислушиваться. Она закрыла глаза и погрузилась в забытьё более глубокое, чем сон.

Гриелия заглянула вовнутрь и помедлила на пороге, впиваясь чёрными глазами в ту, что сидела в пустой комнате. Всем своим существом она чувствовала напряжение женственного тела, укрытого изящными складками одеяний. Гриелия знала, что напряжение плоти объяснялось напряжением духа. Душу Рибеке, сидевшей в комнате, отягощали прегрешения и тайны. Более слабое существо неминуемо сломалось бы под их тяжестью, как тонкое деревце под снеговой шапкой. Но только не Рибеке, нет. Удел слабых созданий — не для неё. Гриелия бесшумно отступила назад, опустила очи долу и негромко, почтительно зашипела. Рибеке медленно подняла глаза, оторвав взгляд от бледно-голубой пирамидки, которую держала на коленях. Потом со вздохом отложила пирамидку на подушечку, лежавшую подле неё на полу.

— Что тебе, ученица? — спросила она.

Голос её прозвучал вполне бодро, но Гриелия расслышала в нём и усталость, и плохо скрытое беспокойство.

— Прибыла Меди, Мастерница Ветров, и просит у тебя разрешения войти.

— Веди её сюда немедленно, дитя, — сказала Рибеке. — Её никогда не следует заставлять ждать.

Гриелия кивнула, поклонилась и исчезла из комнаты. Рибеке поднялась на ноги, нервно расправляя длинное одеяние. По замыслу, складки мягкой небесно-синей ткани должны были излучать ледяное достоинство. Одежду венчал высокий капюшон с прорезью для лица. Лицо Рибеке — лицо человеческой женщины — казалось непропорционально маленьким из-за того, что под капюшоном прятался лоб высотой в две ладони. Однако, если не считать изменившегося черепа, её тело всё ещё сильно напоминало человеческое. Вернее, оно ещё не до конца позабыло, каким родилось на свет.

— Входи, сделай милость, Мастерца Ветров... — Голос Гриелии звучал подчёркнуто безлично, она не поднимала глаз, словно бы робея перед столь значительным существом.

Меди вошла и с удивлением обежала глазами пустую, голую комнату. Её кобальтово-синие одеяния мели ничем не прикрытый каменный пол. Гриелия, раболепно согнувшись, осталась стоять у дверей, но чёрные глаза, зорко устремлённые в спину рослой Мастерце, подметили некоторую неуверенность её походки.

— Добро пожаловать, Мастерца Меди.— Рибекке предпочла встретить её официальным приветствием.— Благословен будь ветер, принёсший тебя к нам...

— От века благословен ветер, несущий меня на встречу с тобой, — также ритуальной фразой ответила Меди.

Рибекке покосилась на ученицу:

— Ступай, Гриелия. Я хотела бы, чтобы вы с Лизет заменили наблюдательниц, стоящих на страже. Отправьте тех, что бдят там сейчас, отдыхать, а по дороге велите ждущим у прудов созерцания удвоить внимание, ибо существо, которого они ждут, весьма необычно.

— Слушаюсь, Мастерца Ветров, — отозвалась Гриелия.— Я всё сделаю, как ты велишь.

Она скользнула прочь, и Рибекке не осталось ничего, как только обратить взгляд на свою посетительницу. Меди казалась высокой, не в последнюю очередь из-за стоячего капюшона. У неё было смуглое, с тонкими чертами лицо; кожу покрывали чешуйки с тёмными ободками по краю, отчего лицо выглядело рябым. Синий цвет её одеяний был глубже, что говорило о более высоком ранге.

Руки Рибекке нервно затрепетали. Она поспешно воспользовалась тем, что церемониал встречи ещё не был окончен, и двинулась навстречу Меди, чтобы приветствовать её поцелуем и подобающими словами:

— Да слетаются на твой зов послушные ветры, да целуют тебя небеса с той же любовью, что и я сейчас.

Меди с протокольной вежливостью ответила на поцелуй. Рибекке отступила на шаг, решая, как быть дальше. Меди, казалось, не обращала на неё внимания, медленно поворачиваясь кругом и озирая аскетически обставленную

комнату. Её глаза обшарили голые чёрные стены, холодный каменный пол, потом снова вернулись к Рибекке и перехватили её взгляд. Чешуйчатые губы сошлись в одну прямую линию.

— Ты выяснила, что Дреш отбыл из своей резиденции в Дайяле самое меньшее три дня назад, — безо всяких предисловий начала Меди. Она больше не изъяснялась обиняками и не играла в вежливость. — И, зная это, ты почему-то до последнего момента воздерживалась от каких-либо действий. Да и меня вызвала чуть ли не задним числом. Если бы тебе удалось собрать все части, на которые расчленил себя чародей, я сомневаюсь, что ты вообще ко мне обратилась бы. Ты превысила, и намного, ту меру ответственности, которую на тебя возложили, приставив за ним наблюдать. И притом действовала весьма неуклюже. Я думаю, ты заранее знаешь, что скажет Высший Совет. Они заявят, что давно уже ожидали от тебя чего-то подобного; что знали — ты никогда не принадлежала нам безраздельно, тебя всё ещё колеблют неподобающие чувства и страсти — наследие беспризорного детства. Да, не зря Заклинательницы Ветров столь редко принимают к себе девочек старше пятнадцати лет!.. Тебя мы всё-таки взяли, но ты, похоже, не оправдала надежд, которые на тебя возлагали, и доверия, которое тебе оказывали. Вот, значит, какова твоя благодарность?.. Зачем, почему ты сделала это? Хочешь таким образом привлечь к себе внимание Высшего Совета?..

Лицо Рибекке тоже было покрыто чешуйками, но всё-таки было видно, как она побледнела. Взгляд её синих с белизной глаз заметался по комнате, но так и не нашёл, на чём бы остановиться. Она сделала было шаг к Меди, но передумала и откачнулась назад.

— Нет, Меди, я не ишу внимания Высшего Совета, — сказала она. — Слишком долго они не принимали во внимание сделанное мною и рассуждали лишь о том, что ещё я должна совершить... — По мере того как Рибекке говорила, её голос крепнул и делался громче. — Я знаю, что они обо мне говорят. Я знаю, что они предпочитают мне своих, воспитанных в храмах. Я знаю, они думают: я слаба и страдаю от неуверенности, мне нельзя доверять. Иначе

почему среди всех Заклинательниц присматривать за Дрешем назначили именно меня? Они только и ждут, чтобы я оплошала, и собираются с мудрым видом кивнуть и сказать: «Ну вот, мы же говорили». Да, я не торопилась действовать, и со стороны это вправду может быть истолковано как неуклюжесть. На самом же деле это всего лишь уважение к той Силе, которая есть Дреш. Добавим к этому, что я хорошо знаю образ его мыслей... Согласна, я не во всём преуспела. Но даже если бы мне удалось одним махом захватить все его части, я и тогда пригласила бы тебя, Меди, дабы разделить с тобой свой успех. Ибо не раз видела я, как слава и заслуженные почести обходили тебя стороной, доставаясь более молодым и сговорчивым Заклинательницам. А теперь я спрошу: почему они так поступают с тобой, Меди? Может быть, они нас с тобой боятся? Может быть, Высший Совет не желает вручать нам слишком большую власть, опасаясь, что мы слишком умело ею воспользуемся?

Рибеке умолкла, облизывая пересохшие губы. Собственно, её чешуйчатые губы пересохнуть попросту не могли и в смачивании не нуждались, — сработало человеческое, не до конца ещё вытравленное в Заклинательнице.

Меди молчала, не торопясь соглашаться; однако не выказала она и потрясения, хотя услышанное ею было прямым подстрекательством. Что было в её молчании? Тайное сочувствие? Или она ожидала, чтобы Рибеке уже все выдала себя с головой?.. Да какая разница. Время опасений и подозрений прошло. Если Меди не пойдёт вместе с ней, Рибеке пойдёт дальше одна. Власть была рядом, только протяни руку. У неё были тело и руки колдуна, — немало, даже и в отсутствие головы. Если бы она послала за ними более осмысленное существо... С другой стороны, кому из разумных она могла доверять? Трезво рассудив, она послала за ящиками безмозглого крылатого зверя, благо он забудет о поручении сразу, как только оно будет исполнено. Вот и не досталась ей голова. Зато у неё были тело и руки. Тот, кто знает, как подступиться, сумеет извлечь из них великую силу. И ещё большую — если удастся завладеть головой. Вот в этом-то ей и могла помочь Меди. Но если она откажется...

Рибеке вновь облизнула губы. Меди молчала по-прежнему, разглядывая пирамидку расслабления, лежавшую на подушке. Рибеке заговорила вновь — на сей раз тише и почти умоляюще:

— Будь же свидетельницей тому, что я сделала, Меди. Я совершила то, от чего отступился весь Высший Совет, — отступился и поручил мне, чтобы полюбоваться, как я осрамлюсь. Верно, я допустила недосмотр и, захватив тело, опустила голову. Но и то, чего я достигла, — подвиг немалый, не каждой из нас по плечу. Обе мы с тобой хорошо знаем Дреша... Он не станет бездейственно дожидаться, чтобы мы явились и забрали остальное. И уж ни в коем случае не примирится с тем, что некоторые части его тела оказались у нас. Нет, он попытается найти какую-нибудь лазейку, предпримет решительные действия и тем себя обнаружит. Не забудем: в его распоряжении лишь голова. Он упадёт нам в руки, как спелый плод с дерева, колеблемого ветром! Мы захватим его всего, полностью, и заберём его Силу. И тогда... Станем ли мы собирать Высший Совет? Который немедленно заберёт у нас по праву принадлежащее нам, да ещё станет брюзжать, почему мы не выдали его раньше?.. А, Меди?

Меди не улыбнулась. Лишь чопорность ушла из её осанки, отчего Заклинательница стала как будто ещё выше, ещё грациозней; её глаза смотрели куда-то вдаль и, казалось, были полны летящего ветра. Она заговорила не сразу, и, пока она молчала, неведомо откуда возник лёгонький ветерок, любовно тронувший складки её одеяния.

— Жила-была когда-то юная ученица, — тихо и задумчиво проговорила она. — Мы подвергли её испытанию. Её оставили одну на вершине обледенелой горы, и она стала петь. Сперва она убаюкала обитавший там ледяной вихрь, вихрь с тысячей отточенных жал. Никому не удавалось его успокоить и усыпить, но ей удалось. Не удовольствовавшись этим, ученица запела вновь, на сей раз — вызывая с далёкого юга ласковый ветер. Долго она пела, — мало у кого хватило бы терпения, да и сил. Но наконец ветер пришёл, тёплый, ещё хранящий ароматы южных цветов. Он растопил снега на вершине горы и понёс воды вниз, туда, где отчаявшиеся земледельцы оплакивали свои поля,

иссушённые, не способные родить. И тогда я подумала: вот та, которую никогда не подчинит себе Высший Совет, вот та, чьей силой он никогда не будет распоряжаться...

Глаза Рибеке засияли и даже чуть увлажнились.

— Долго я наблюдала за тобой, Меди, — дрогнувшим голосом выговорила она. — Всё пыталась понять, станешь ли ты моей союзницей, согласишься ли разделить мой нынешний замысел? Скажи, не было ли и с твоей стороны чего-то подобного?

Меди наконец улыбнулась:

— Я ощущала твоё внимание, Рибеке. К тому же я не слепа и видела, как с тобой обращались. Я видела, как ты трудилась, когда тебя послали в Даульскую долину. Ты не давала себе поблажки и возвышала свой голос в песнях и заклинаниях, совершая дела, которые, по мнению остальных, требовали слишком много усилий, а видимого результата не приносили. Ты облагодетельствовала тамошних пахарей великолепнейшей погодой: когда их земли жаждали напитаться, шёл дождь, нежное дыхание лета разносило пыльцу во время цветения полей. Бури, способные смять вызревающий урожай, не смели даже приблизиться, а тучи, полные града, стремглав уносились прочь. Как процвела и возрадовалась вверенная твоим заботам долина!.. Но вспомним, какой награды ты удостоилась за подобное чудо? Дань, которую выплатили тебе пахари, втрое превосходила ту, что угрозами и гибельными смерчами выбила из них твоя предшественница. И что же? Лично тебе досталось меньше, чем ей. Когда же ты стала ратовать за то, чтобы в награду за прилежный труд оставить излишки крестьянам, дабы дети их не чахли в колыбелях от голода, а вырастали в крепких пахарей, хозяев земли, — над тобой попросту посмеялись! Совет не оценил твоей прозорливости. Нежное Сердце, Крестьянская Печальница, — как только тебя ни называли! И у тебя отобрали Даульскую долину и передали её другой...

В глазах Рибеке пробудились искры давнего гнева, потом её плечи снова обмякли. У неё дрожали руки, и она сплела пальцы, чтобы скрыть дрожь.

— Не знаю даже, как и ответить тебе, Меди. Я-то думала, мои труды, равно как и мои доводы, пропали вту-

не, — никем не понятые, а большинством и вовсе не замеченные. Но вот пришла ты, и мне кажется, будто внезапно распахнулась дверь, в которую я так долго ломилась...

Меди пересекла комнату, подошла к Рибекке и взяла её руки в свои — прохладные, длиннопалые.

— Итак, — сказала она, — отныне мы с тобой заодно. Мы возьмём себе то, что и так наше по праву замысла и труда. Мы сами будем принимать решения, которые, будучи приняты другими, столь долго нас утесняли. Сила Дреша должна перейти в нас! И только тогда мы дадим знать Высшему Совету о нашем успехе!

При этих словах по лицу Рибекке пробежала лёгкая тень. Она чуть не отвела глаза, избегая пронизывающего взгляда Меди. Потом словно бы вновь обрётённая решимость выпрямила её спину. Она вскинула подбородок и согласно кивнула, и скрытое волнение затлело в глубине её глаз.

ак появился эфирный зверь, Ки не видела. Однако присутствие его ощутила даже сквозь дрему: ей показалось, что по поверхности привычного ей мира побежали словно бы какие-то волны. То есть на телесном плане не было ни звука, ни запаха, ни дуновения ветерка. Просто на какой-то миг неуловимо изменилось ощущение от прикосновения воздуха и земли к её плоти. Забеспокоились и тяжеловозы. Сигурд принялся рыть землю копытом, причём с каким-то упрямым остервенением. Сигмунд высоко поднял тяжёлую голову, топорща уши и раздувая чуткие ноздри...

— Давай, Ки. Вставай. Задержимся — сами себе жизнь усложним. Ну же, Ки!

Тихий голос колдуна звучал ободряюще. В его тоне ей послышалось нечто знакомое, она призадумалась, потом поняла. Должно быть, примерно так она увещевала свою упряжку перед тем, как пустить коней через какой-нибудь особенно опасный и трудный брод на реке. М-да. Тем не менее Ки поднялась, подхватила голову чародея вместе с её подставкой из чёрного камня и прижала к своей груди, словно талисман, защищающий от неведомого...

— Ки! — поторопил её Дреш. — Зверь ждёт, но терпение его иссякает. Мы должны войти в него...

— Да где он хоть?.. — ничего не понимая, отозвалась она. В голове у неё плавал туман, так и не рассеявшийся с того самого времени, когда Дреш использовал её в качестве маяка. Дреш хмыкнул, и этот смешок словно окатил Ки холодной водой, заставляя окончательно пробудиться и вступить в мир, внезапно наполнившийся чудесами. Она сама почувствовала, как прояснился её разум, как воспрянул непокорный боевой дух.

— «Ласточка, королева небес, попав в воду, превращается всего лишь в клубочек тонущих перьев», — насмеш-

ливо процитировал Дреш. — На какую глупость я, оказывается, способен. Ну конечно же, ты его видеть не можешь. И у меня, увы, нет времени настроить твой разум на понимание всего того, что, не сознавая, доносят ему глаза. Что ж, я буду смотреть вместо тебя. Держи-ка меня крепче...

Ки послушалась и почувствовала, как меркнет боковое зрение. Серая мгла быстро смыкалась перед глазами, и наконец Ки словно бы вглядывалась в нескончаемую трубу, на другом конце которой горела светлая точка. Потом пропала и она. Остался сплошной серый туман. Он начал расходиться, и окружающий мир появился снова, правда, в несколько изменённом виде. Деревья и трава сделались выше, а кони — ещё крупнее и массивней обычного... Внезапное понимание ошарашило Ки: она видела всё окружающее глазами Дреша, чью голову по-прежнему прижимала к груди. Дреш почувствовал, что до неё дошло, и вновь захихикал.

— Итак, — сказал он, — ты видишь свой мир моими глазами. А теперь позволь пригласить тебя в один из МОИХ миров. Смотри же!

Дреш моргнул — за себя и за неё, и глаза, ставшие общими, раскрылись в мир, в котором не было ночи. Царивший здесь свет, однако, ничего не освещал, ибо исходил не от солнца или луны, а от существ, его населявших. Там, где стояли привязанными Сигурд и Сигмунд, лучились буровато-зелёным сиянием две живые громады. Её собственное тело, увиденное глазами Дреша, мерцало жёлтым.

— Если бы ты только видела, каким опаловым сиянием кажусь я! — без ложной скромности похвастался Дреш. — А вот и наш зверь. Видишь его?

Общим глазам предстало нечто, устроившееся среди буроватого тумана, которым стал лес. Ки пошла к нему сквозь смутное коричневое мерцание травы.

Существо было не то чтобы белым, — свет, исходивший от него, можно было назвать скорее прозрачным. Ки чувствовала в нём жизнь, но ничего похожего на тело признать не могла. Не то пустотелая башня, не то вертикальный тоннель, уводивший с надёжной земли куда-то

во тьму. Добравшись наконец к подножию существа, Ки сумела заглянуть вовнутрь и вверх. Там, как и снаружи, лился всё тот же прозрачный свет. Здравый смысл Ки был положительно поколеблен.

— Входи! — В голосе Дреша отчётливо слышалось нетерпение.

— Как входить?.. — не поняла Ки. Он что, собирался загнать её в пасть, или в ноздрю, или, может, в какое другое телесное отверстие неведомого существа?..

Двигаться, однако, ей не пришлось. Дреш издал некий звук — он напоминал слово, которое могло бы произнести создание, не наделённое ртом, — и Ки почувствовала, как у неё зашевелились волосы, а потом они с Дрешем не то провалились в бездну, не то воспарили куда-то ввысь...

Они стремительно мчались сквозь лучезарную внутренность твари. Ки не чувствовала прикосновения ветра к одежде, только волосы раздувались и падали на лицо. Она не могла понять, двигались ли они сами, или, может, сам эфирный зверь двигался мимо них? Любая попытка осмыслить происходившее оказывалась насилием над рассудком, вызывавшим смутную тошноту. Потом до сознания начал доходить шёпот Дреша:

— ...Ну, ну, Ки. Всё в порядке, не бойся. Скоро всё кончится. Я тут, с тобой. Ничего страшного не случится. Ещё немножко, и всё кончится. Не бойся...

— Я не дитя, чтобы меня успокаивать!..

Ки казалось, что она выкрикнула эти слова. На самом деле они были выдернуты у неё изо рта и заметались внутри существа-трубы, отскакивая и возвращаясь обратно к ней. Совершенно бессмысленные слова. Более того, она ощущала их телом, словно удары камней. Постепенно они распались и багровыми ошмётками осыпались вниз.

— Ки, Ки, Ки!.. — Она чувствовала, что маг обращался к ней, старался утешить, но ни звука по-прежнему слышно не было. — Мы не говорим с помощью рта. По крайней мере внутри этого создания. А тебе вообще лучше помалкивать, только слушать. Нет, нет, держи свой разум в узде, не давай ему гадать о том, что он всё равно не в силах постичь. Просто слушай меня. Ещё настанет время, когда ты услышишь... когда ты ощутишь звук. Слух тут тоже

будет ни при чём, ну да ты сама сразу всё поймёшь. Та боль, которую мы использовали, чтобы воззвать к этому зверю, та мука, которую ты не могла высказать... она вернётся к тебе. Я заставил тебя метнуть её в пространство, но физически она принадлежит только тебе. Большого я не в силах тебе объяснить. Будем доверять твоей интуиции... — Дреш помолчал, выжидая, пока уляжется паника, охватившая Ки, потом продолжал: — Ты её узнаешь, не бойся. Ты сразу признаешь её как часть себя, как нечто столь же знакомое, как твоя собственная рука. И как только узнаешь — хватай её! Только смотри, меня не вырони. Обхвати меня левой рукой. Вот так, а правую держи наготове. Да смотри, когда ухватишь свой крик — держи крепко, не выпускай!

И Ки поняла, что послушается, несмотря на яростный гнев, клекотавший в её душе. Время шло — не то стремительно мчалось, не то ползло черепахой. Немыслимый полёт продолжался. Ки заметила, что мимо них начали проплывать иные сущности, находившиеся внутри эфирного зверя. Ки УВИДЕЛА раскаты похоронного колокола и дрожащий плач ребёнка, свалившегося в колодец. Она не понимала, откуда она, собственно, знает, что именно представляют собой эти бесформенные комки света или колючих теней. Она знала — и всё. Вот мелькнул крохотный, внезапно лопнувший пузырь: последний вздох короля, убитого из-за предательства друга. Потом Ки пронесло сквозь осязаемо жуткий оранжевый туман. Какого-то человека забили дубиной во сне — он так и не проснулся, только и успел, что страшно закричать перед смертью.

...Ки едва не промахнулась. Она заметила и узнала свой собственный вопль в самый последний момент. Он был бело-жёлто-чёрный, местами угловатый, местами вспученный. Его невозможно было ухватить горстью. Он был слишком велик. Ки отчаянно попыталась сцапать его, но не сумела, он заскользил мимо, но всё-таки ей удалось сгрести его одной рукой в охапку и крепко прижать к себе.

Ей показалось, что её рука попала внутрь быстро вращавшегося колеса. Её бешено завертело, причём центром вращения служило правое плечо. Закружилась голова. Ки

что было мочи прижимала к себе Дреша и свою боль и тщетно пыталась зажмуриться, чтобы только избавиться от видений проносившихся мимо миров.

Она почувствовала, как пойманная боль начала втекать обратно в её тело. Сперва она была несоразмерно велика, потом, проникая глубже, к самому средоточию её существа, сделалась меньше, но вместе с тем и острее. Когда же она достигла каких-то окончательных глубин, о которых Ки дотоле и не подозревала, неведомо откуда возник твёрдый пол, больно ударивший Ки снизу в подошвы, так, что отдалось в позвоночнике, а сверху стремительно обрушился серый потолок. Объяснений Дреша не понадобилось: Ки и без него поняла, что их вышвырнуло в какую-то реальность.

Ки опрокинуло навзничь, и она осталась лежать неподвижно: от удара дыхание на миг прервалось. Хуже всего пришлось спине и затылку; тем не менее Ки чувствовала себя куда лучше, чем во время путешествия. Здесь, по крайней мере вокруг, было что-то твёрдое, осязаемое. Соответственно, прекратилось и ощущение туманной неопределённости, нерешительности и неполноты, мучившее Ки с того самого момента, когда Дреш вызвал через неё эфирную тварь. То — что бы оно там ни было, — с чем Ки воссоединилась внутри зверя, выжгло туман, и к молодой женщине вернулась способность самостоятельно рассуждать. А вместе с нею — и ярость.

Обретя вновь способность дышать, Ки осторожно прислушалась к своему телу, глядя при этом на потолок, изукрашенный серыми завитками. Потом приподняла голову, ещё гудевшую после падения. Точка, с которой она созерцала комнату, при этом не изменилась, и так было до тех пор, пока она не села как следует, подняв с собой и голову Дреша. Ки ведь по-прежнему пользовалась его глазами. Она ощутила под своей рукой шевеление мышц: Дреш силился открыть рот. Только тут до Ки дошло, что она держала его не за каменную подставку, а прямо за лицо и хватки не ослабляла. Поняв это, она поспешно переменяла положение руки.

— Вот спасибо, — ядовито пробурчал Дреш. — Я уж думал, так и помру парализованным в твоих тисках!

— По-моему, ты вполне заслужил ещё чего похуже, — сказала Ки. — Я хочу пользоваться своими собственными глазами!

— Пожалуйста, — с полным безразличием откликнулся Дреш. Ледяная ярость в голосе Ки ничуть его не смутила.

Перед глазами Ки вновь за клубился, а потом рассеялся туман, и Ки заморгала, пытаясь сфокусировать зрение. То, что для Дреша было матово-чёрными стенами, превратилось в колышущиеся непрозрачные занавеси. Ки не могла разглядеть, что там находилось за ними, но не могла и убедить себя в их вещественной твёрдости.

— Понравилось? — заботливо поинтересовался Дреш. — Может, просто поставишь меня где-нибудь в уголке — и айда вперёд, вся такая из себя самостоятельная?

Ки помедлила с ответом. Она всё ещё попыталась сосредоточить взгляд на стене, но от её обычного глазомера здесь было весьма мало толку. Стена казалась расположенной прямо у неё перед носом; проходил миг — и Ки не взялась бы дотянуться до неё рукой; ещё чуть-чуть — и до неё надо было шагать через всю комнату. Гордость не позволила-таки ей сдаться без боя, и Ки попробовала найти компромисс.

— Честное слово, уж до чего я рада была бы бросить тебя здесь, Дреш, — сказала она, — но, увы, не отваживаюсь.

Он ответил:

— Тебе кажется, что я всё время этак походя обижаю тебя, Ки, но на самом деле мною движут лишь спешка и жестокая необходимость. Так что, если ты не прекратишь всё принимать близко к сердцу, мы с тобой никогда отсюда не выберемся.

Ки закрыла глаза и почувствовала, что он вновь подчиняет себе её зрение.

— Придётся уж нам с тобой ещё попользоваться моими глазами, — сказал Дреш. — Похоже, ты считаешь это себе помехой, и немаленькой. Что до меня, я уже сомневаюсь в благоразумии затеянного предприятия. Полагаю, нам следовало бы отправиться в Горькухи, а там я без труда захватил бы какое-нибудь подходящее тело. Другое дело, мало что может сравниться с блаженным ощущением своего

собственного тела. К тому же вместе с телом я лишился бы немалой доли своей силы, не говоря уже о секретах, которые в этом случае вывели бы Заклинательницы. Да что толку рассуждать! Нам теперь отступать некуда, можем идти только вперёд. Так что вставай и дай-ка мне оглядеться...

Ки поднялась молча и послушно, хотя властная речь Дреша больно ранила её гордость. Вероятно, она с гораздо большей охотой приняла бы участие в навязанном ей приключении, если бы Дреш обращался с нею, как с равной. Но колдун явно видел в ней всего лишь руки и ноги, которые можно использовать, — она была для него чем-то вроде ездового животного или смирной упряжки. Подобное сравнение немало потрясло её. *Когда-нибудь же я вернусь к своему ремеслу возницы*, подумалось ей. *Смогу ли я смотреть на вещи совершенно так же, как прежде?..*

Дреш между тем обозревал комнату, и Ки оглядывала её вместе с ним. Комната производила странное впечатление: можно ли представить себе аскетическую роскошь? Матово-чёрные стены были голыми, как в тюремной камере, воздух был прохладен до холода, так что у Ки встали дыбом все волоски на коже. Однако в углу виднелось низкое ложе, так вот, оно было застелено самыми пышными оленьими шкурами, которые Ки когда-либо видела, притом бурый мех отливал фиолетовым — оттенок, свидетельствовавший о высшем качестве и немалой цене меха. В ногах постели лежали аккуратно сложенные одеяла, похожие на те, что керуги ткали из шерсти своих горных овец, но даже и тончайшие пальчики керуги никогда не сумели бы выпрясть такие нитки и выткать такую нежную ткань. В другом углу находился деревянный стол и при нём табурет самого незамысловатого вида. Породу дерева Ки так и не признала, тем более что оно вроде как мягко мерцало изнутри. А вот высокий хрустальный сосуд, стоявший посередине стола и наполненный бледно-лиловой жидкостью.

— О-о, — удовлетворённо выдохнул Дреш. — А ведь не потерял я. Ки, бывшего искусства, не потерял. Ни в малейшей степени. Мы попали не только в её царство, но даже прямо в её спальню! Если только комната может

говорить о том, кто в ней живёт, то эта говорит о ней, о Рибекке. То она себя во всём ограничивает и урезает, а мгновение спустя любой своей прихоти потакает...

— Рибекке?.. — удивилась Ки.

— Заклинательница, которая стащила мои члены, — пояснил Дреш. — Самая жадная до власти ведьма, какую свет видел...

Однако, пока он так говорил, перед глазами Ки промелькнул странный двоящийся образ. То есть внешне в комнате ничего не произошло, но впечатление было, как будто смотришь на каменистое дно пруда сквозь своё собственное отражение. Ки увидела женщину. Высокую женщину, и бледно-зелёная мантия, спадавшая с широких плеч до ступней босых ног, только подчёркивала её рост. Белые цветки ветреницы выглядывали из травы у её ног, пышно ниспадающие волосы так и блестели на солнце. «Рибекке...» — шептал ветерок, шевеля траву и заставляя кивать головки цветов. Но это была не Заклинательница, а женщина, человеческая женщина, вроде самой Ки. Ки успела задуматься об этом, но образ расплылся и померк, и перед глазами вновь была всего лишь пустая комната. Дреш продолжал о чём-то говорить, и Ки усомнилась, что он преднамеренно разделил с нею это видение.

— ...и самая опасная среди них. Ибо она владеет собой настолько, что нет такого деяния, к которому она не смогла бы принудить себя, если сочтёт, что оно доставит ей выгоду. Любое деяние, вне зависимости от того, какую боль оно ей доставит, вплоть до гибели. Вот если бы не она, а кто-то другой стащил мои сундуки!.. С другой стороны, ни у кого, кроме неё, и не вышло бы...

— А сундуки-то где? — поинтересовалась Ки. Спина у неё и так уже трещала от постоянного напряжения, и потом, поди вот так потаскай с собой чью-то голову, да с каменным постаментом. Опять же, удовольствие намного ниже среднего — торчать в спальне Дрешевой первейшей врагини. Чего доброго, ещё войдёт в самый неподходящий момент... Одним словом, чем быстрее она, Ки, заберёт доверенный ей груз и Дреш поможет им обоим убраться отсюда восвояси, тем и лучше. Стало быть, не место и не время предаваться пустой болтовне.

— Терпение, — хладнокровно осадил её Дреш. — Ты что же, полагаешь, Заклинательницы прямо так и позволили нам войти, забрать коробки и удалиться? Как же, как же. Начнём с того, что они их охраняют. Или ты думаешь, что моё тело — безделица, которой будет позволено валяться как попало? Может, ты думаешь, будто мы отыщем меня где-нибудь в пыли под кроватью?.. О нет, игры тут будут весьма тонкие. И ход теперь за нами. В этой их кажущейся утрате бдительности я усматриваю наблюдение даже более пристальное, чем ожидал. Уж не стоим ли мы одной ногой в западне?.. Надо подумать...

Ки, однако, размышляла совсем о другом.

— Рапира!.. — вырвалось у неё. Она подхватила голову Дреша сгибом локтя, отчего комната перед глазами одуряюще метнулась, и схватилась за свой пояс, а в животе стало пусто и холодно: она заранее знала, что ножен с оружием при ней не окажется. Растерянность и отчаяние заставили её перейти на шёпот: — Я так сглупила, Дреш... Я позабыла рапиру!..

— И котелок, и пузырёк с душистым маслом... — передразнивая её тревогу, добавил Дреш.

— Они-то нам на что?.. — буркнула Ки. Паясничанье чародея бесконечно раздражало её. — Говорю тебе: мы безоружны!

— А ещё у некоторых из нас нет ног, — фыркнул Дреш. — От твоей рапиры здесь толку, как от масла или котелка. Или, может, ты предполагала ворваться в покой, полный Заклинательниц, рубя направо и налево, и отвоевать моё тело, лишив жизни сотню колдуний? Нет, что за ребячество!.. Или я похож на дикаря, готового убивать? К тому же ты и так уже держишь в руках единственное оружие, которое может нам здесь пригодиться, — мою голову. Так что помолчи-ка лучше и дай мне подумать о том, что нам следует предпринять.

— Рапирой не рубят, — мрачно поправила его Ки. Давно уже ей не приходилось чувствовать себя до такой степени душой. Дреш присвоил себе власть над ней, словно так оно и разумелось, и гордый дух Ки жестоко страдал. И самое скверное, что при данных обстоятельствах он, несомненно, был прав. Ки до смерти хотелось грохнуть его

башку Рибекe на стол и оставить там подле того сосуда с бледно-лиловой жидкостью, и пусть этот гад выпутывается сам, как умеет. Может, язык без костей и наглость — второе счастье — и помогут ему выбраться сухим из воды. Ки дала себе как следует понаслаждаться этой картиной, но после холодный разум снова взял верх. Дреш был ей нужен хотя бы затем, чтобы снова вернуться в свой мир. Опять же, она была привязана к нему узами своего слова, притом письменного, и, наконец, кто же откажется натянуть нос Заклинательницам в ими же затеянной игре?.. Они, значит, делают что хотят с её грузом, а она слова в ответ не скажи?.. Это притом, что на Заклинательниц у неё был личный зуб, причём корни его уходили в прошлое дальше, чем простиралась её память, — её отец по какой-то причине люто ненавидел их, хотя вслух об этом не говорил никогда, а у самой Ки с младенчества жило в душе смутное ощущение, что Заклинательницы были некоторым образом причастны к ранней смерти её матери — матери, которую ей не довелось запомнить. До сих пор Ки ничем внешне не проявляла своей нелюбви, лишь тщательно их избегала. А теперь ей думалось, что Вандиен, может, был не так уж и не прав и действительно пришло время воздать им за все оскорбления и обиды. Во всяком случае, судьба, похоже, недвусмысленно подталкивала её именно в этом направлении. Ки набрала полную грудь воздуха, шумно выдохнула, усмиряя свои чувства, и стала ждать распоряжений колдуна.

любопытные изящные пальчики порхали по мерцающим самоцветам, вделанным в чёрные эмалевые стенки коробки. Пальцы босых ног нетерпеливо подворачивались и вновь выпрямлялись, переступая по пышным перьям шкуры дикидика. Гибкое молодое тело так и ёрзало, укутанное белыми одеяниями Заклинательницы самого низшего Посвящения. Гриелия явственно ощущала, что разгадка тайны ящика где-то здесь, рядом, ещё чуть-чуть напрячь разум — и всплывёт таинственная формула, основанная на численном законе, до достижения которого ей не хватало всего чуть-чуть. Гриелия на миг прикрыла глаза, как если бы предельное сосредоточение в самом деле могло приблизить её к ощущению ауры колдовских самоцветов, услышать их неслышимый шёпот, подсказку, как именно следовало расположить пальцы...

— Рибеке ведь предупреждала нас, чтобы мы не трогали ящики, правда?..

В шепелявом голосе звучал изумлённый вопрос: Гриелия в самом деле проявляла немалую дерзость, нарушая волю Мастерницы Ветров. Гриелия мигом раскрыла глаза и раздражённо уставилась на Лизет. Взгляд её метал тёмные искры, и Лизет поспешно отвела бледные глаза. Паучье т'черийское тело съёжилось под белыми одеяниями. Гриелия сморщила покрытый чешуйками нос, всем своим видом изображая презрение: будут ещё тут всякие высказывать своё мнение!.. Мандибулы Лизет вновь шевельнулись:

— Если мы хотим достичь полного Посвящения в Заклинательницы, Гриелия, мы должны приучать себя к строжайшему повиновению и самодисциплине. Прежде нежели править другими, нам следует научиться управлять собой...

Даже трескучий, шепелявый т'черийский акцент не мог скрыть благочестия, звучавшего в голосе Лизет.

— Следи за своим ящиком! — отгрызулась Гриелия. — А за своим я уж как-нибудь сама присмотрю!

Лизет только изумлённо щёлкнула жвалами, но тут же совладала с собой. Как бы она хотела, чтобы её телесное преобразование в Заклинательницу происходило хоть немного быстрее. Она стыдилась тех произвольных движений, к которым было предрасположено её т'черийское тело, тех звуков, которые оно издавало. Ах, если бы только её панцирь начал покрываться чешуйками!.. Она не сомневалась, что именно по этой причине Гриелия так грубо с ней разговаривала. Больше никакой причины к тому не могло быть. Обе они стояли на одной и той же ступени Посвящения. К тому же её ушей не минули слухи о Гриелии, о том, что её отсылка к Рибекке была последней надеждой, ибо Рибекке славилась как наиболее строгая и требовательная из Мастерниц. Гриелия же, как все знали, отличалась своеволием и упрямством. Подумать только, она пребывала на данной ступени уже второй срок!.. Лизет расправила все складочки на своём капюшоне и вновь обратилась к прямоугольной коробке. Пусть Гриелия играет с порученной ей коробкой, как ей заблагорассудится. И сама пожнёт все последствия. Что до Лизет, она собиралась до последней мелочи исполнить полученные наставления. Её совсем не привлекала холодная келья, куда забирали непослушных, и остывшая каша, которой их там кормили.

Когда глаза-стебельки Лизет отвернулись прочь, по губам Гриелии скользнула тонкая улыбка удовлетворения. Она вновь склонилась над ящиком, стоявшим перед нею на низком столе, и пальцы заплесали над самоцветами... Ничего! Она помедлила и попробовала ещё раз. Выждала — и попробовала очередную комбинацию...

...Не было никакого щёлканья замка, которое могло бы выдать её. Коробка под её рукой лишь молча вздохнула. Гриелия покосилась через плечо. К ней был обращён укрытый белой одеждой спинной панцирь Лизет. Застывшая поза склонённого тела, увенчанного приземистым капюшом, ясно говорила о том, что никакого участия в безум-

ных выходах Гриелии Лизет принимать не желала. Гриелия насмешливо улыбнулась ей в спину и вновь повернулась к своему сокровищу.

И в это время крышка коробки бесшумно заскользила по основанию. Гриелия взяла крышку и положила к себе на колени и нагнулась над долгожданной добычей. Ловкие пальцы проворно развернули длинное льняное покрывало...

Основание коробки оказалось плитой белого камня, пронизанного чёрными и красными жилками. Оттуда, уходя в камень запястьями, как бы росли две руки, изящные, точно лилии-каллы. Они были мирно сложены вместе и ни дать ни взять ожидали, пока в них вложат погребальный цветок. Однако принадлежали они явно не мертвецу: под оливково-смуглой кожей чувствовалось биение жизни, и ожидали они не цветка, а воссоединения с хозяином. На одном из длинных, тонких пальцев сидел перстень. Кто-нибудь менее сведущий не обратил бы внимания на это дешёвое с виду, ничем не украшенное кольцо из чёрного металла, но для Гриелии оно прямо-таки кричало о том, КТО его обладатель... Тут что-то встревожило её, заставило напрячься всем телом: что там, уж не шорох ли лёгких шагов?.. Она кое-как набросила снятое покрывало обратно на эти руки. И улыбнулась рысёй улыбкой, задвигая на место послушную крышку. Невесомое прикосновение к волшебным камням вновь заперло хранимый ими замок. Так вот, значит, КТО был ставкой в той игре, которую здесь затеяли!.. Гриелия чуть наморщила поросший чешуйками лоб, добавляя эту новость в свой мысленный тайник тщательно отобранных сведений...

— Оставьте бдение, — прозвучал голос, — и ступайте в свои комнаты отдыхать, а мы вас заменим.

Этот голос, неожиданно раздавшийся за спиной, заставил Лизет испуганно подскочить. Зато Гриелия медленно подняла подбородок, одновременно опуская глаза. И улыбнулась, этак безропотно:

— Да, Мастерца Ветров.

— Да, Мастерца Ветров, — эхом откликнулась Лизет. Обе поспешили вон, метя по полу белыми подолами одеяний. Но отдыхать в свою комнату, как было предписано, отправилась только одна.

Меди медленно вошла в оставленный ими покой. Восторг, с которым она созерцала две стоявшие там эмалевые коробки, скрыть было невозможно. Меньший из ящиков покоился на низком столе, к которому был придвинут табурет, тот, что побольше, стоял прямо на полу. Вообще эта комната была куда лучше обставлена, чем гостиная Рибекке. Там и сям были раскиданы шкуры редкостных зверей и птиц, защищавшие босые ноги от холода отполированного каменного пола. На стенах виднелись «несущие окна»: прекрасной работы живые картины разных местностей и миров. Другое дело, единственными сидищами здесь были жёсткие деревянные табуреты, с которых только что встали Гриелия и Лизет. Меди пренебрежительно покосилась на них и задумчиво провела длинным пальцем по крышке большего из ящиков:

— Ну и как, по-твоему, лучше подступиться?..

Помедлив, Рибекке уселась на табурет, где раньше сидела Гриелия.

— Чтобы вскрыть ящики, потребуется и терпение, и мастерство, — медленно проговорила она. — Дреш ведь сообразит, что мы с ними справимся, дай только время. Я думаю, он со всей возможной скоростью поспешит сюда, лелея надежду всё-таки отбить своё тело. Конечно, мы могли бы прямо сейчас разделаться с ящиками и выпедить его силу. Но тем самым можно, с позволения сказать, вспугнуть дичь...

— И ты веришь, что он пожелает сюда и попытается сам выручить своё тело?..

— Верю, — со спокойной убеждённой ответственностью ответствовала Рибекке.

— Да и кому лучше тебя знать, как он поступит? — Меди вроде безо всякого умысла обронила эти слова, но тишина в комнате вдруг стала мёртвой.

— Уж не попрекаешь ли ты меня моим прошлым? — тихо осведомилась Рибекке.

— Отнюдь. Я не попрекаю тебя прошлым, я просто поражаюсь ему, как, впрочем, и многие до меня. Ты, должно быть, сама догадалась, почему Высший Совет нынче назначил хранительницей именно тебя. Тем самым они подвергают окончательному испытанию твою верность. Что,

мол, изберёт Рибекe, если предоставить ей выбор: Заклинательниц — или всё-таки Дреша?

— Рибекe выбирает Рибекe, — ответила та, и босые лодыжки обеих овеял чуть заметный ледяной сквознячок.

— И никаких сожалений? — подтолкнула Меди. В её голосе не было яда — просто естественный интерес старшей сестры. Карие с белым глаза смотрели заботливо, не более.

— С сожалениями давным-давно покончено, Меди, — сказала Рибекe. — Давай для полной ясности воспользуемся метафорой. Допустим, у тебя была любимая собачка, и вдруг её потянуло в дикую жизнь. Ты ведь отпустишь её со всей любовью, не правда ли, и предоставишь ей жить так, как ей самой больше хочется? Предположим далее, что она не просто дичает, но и делается злобной, начинает тревожить стада твоих соседей. Как, ощутишь ты некоторую ответственность за происходящее? Не попытаешься своими силами что-то исправить?..

— Значит ли это, — спросила Меди, — что Дреш для тебя теперь не более чем беглый одичалый пёс?

— Я же сказала: «Воспользуемся метафорой», — с некоторой резкостью отозвалась Рибекe. Поднявшись, она проследовала к одному из небесных окошек. Перед нею была лесистая лощина; сквозь пышный мох пробивались белые ветреницы. Высокие стройные ели отгораживали их от синего неба. Рибекe подошла вплотную к окошку и глубоко вдохнула их аромат. В том мире только что прошёл дождь, воздух был прохладным, чистым и свежим.

— Понятно, — сказала Меди с другого конца комнаты. — Значит, ничего не предпринимаем и ждём, надеясь его заманить. Нам ни к чему отнимать у него надежду вернуть своё тело, не то он откажется от попытки его выручить и попросту захватит другое.

— Вот именно, — едва слышным шёпотом откликнулась Рибекe, не отрывая взгляда от лазурных небес мира за окном. Её руки, одетые тончайшей чешуёй, покоились на деревянном подоконнике. — И я думаю, что моё ожидание не затянется надолго.

— Надеюсь, ты распорядилась, чтобы нас немедленно известили, как только его аура будет замечена на нашем плане?

— Конечно. — Рибекe повернулась к ней и с деловым видом кивнула. — Я только не сказала своим ученицам, кого именно мы ожидаем. В его нынешнем состоянии его аура ущербна и весьма сильно отличается от целостной, так что не думаю, чтобы они заподозрили. С другой стороны, я достаточно подробно описала, что именно они должны увидеть. Навряд ли они ошибутся или пропустят...

— Стало быть, ты не настолько им доверяешь, чтобы прямо сообщить, что у нас тут? — Длинные пальцы Меди легонько простучали по крышке коробки.

Рибекe вновь пересекла комнату и опустилась на табурет.

— Дело не в доверии, Меди, — сказала она. — Просто они все слишком юны и преисполнены идеальных воззрений на Заклинательниц. Вот я и сочла, что ни к чему смущать их, внушая излишние мысли и заставляя решать, кому в большей степени принадлежит их верность, кому в меньшей. В их возрасте слишком уж любят, чтобы всё было ясно. День и ночь, мрак и свет, никаких полутонов. В результате кто-нибудь не так поймёт то, что мы делаем, истолкует наши деяния как предательство. По-моему, нам с тобой ни к чему тревожить их понапрасну...

— Мудро, — согласилась Меди. — Если мы преуспеем, они будут под нашей защитой. Если же нет... Я ещё не настолько стара и не настолько цинична, чтобы с радостью заставлять этих невинных расплачиваться за наше дерзновение. Уберегая их умы от лишних сведений о нашем предприятии, ты тем самым ограждаешь их и от того, что некоторые, возможно, назовут нашей виной. Воистину, ты правильно поступила, сестра.

В комнате воцарилась несколько неловкая тишина. Спустя время Меди заёрзала на табурете:

— Я предпочла бы несколько более удобное сиденье...

— И я, — сказала Рибекe. — Неудобство, однако, способствует бдительности и вниманию. Не пристало нам

дремать на бархатных подушках или услаждать себя вином, когда наконец появится Дреш. Сила его далеко не так велика, как полагает он сам, но ловкости и хитрости ему определённо не занимать. Я бы не стала его недооценивать, ибо такая оплошность может стать роковой. Терпение, Меди! Придёт время — и мы отдохнём за едой, питьём и беседой, — думается мне, у нас с тобой есть о чём поведать друг дружке. Хотя бы о том, что Высший Совет не желает высказать Рибекке прямо в лицо, но зато, возможно, шепнул на ушко Меди. Или я не права?

Меди едва заметно, но с явной горечью улыбнулась...

Первый же день, проведенный Вандиеном за перегонкой упряжки, оказался сплошной пыткой, способной поколебать даже долготерпение диана. Он без конца укорачивал и замедлял шаг, пока не почувствовал себя жертвенным животным, ведомым в кандалах на закляние. Тем не менее, как он с самого начала наступал на пятки своим скильям, так и продолжал наступать. Они вразвалочку передвигались по улице, щурясь и моргая от пыли. Вандиен начал было экспериментировать со стрекалом, но выяснил лишь, что стоило ему прикоснуться им к какому-нибудь зверю, как тот плюхался на брюхо и немедленно засыпал. Из этого он заключил, что стрекало на самом деле служило для того, чтобы останавливать скилий, не подвергая опасности руки и ноги, — челюсти-то у милых зверюшек были что надо.

Тащась следом за ними, он на ходу сжевал кусок купленной на рынке ковриги, а остальное сунул под мышку. Растягивать единственный хлеб на всю дорогу до Обманной Гавани ему вовсе не улыбалось, но другой возможности он покамест не видел. Что ж: оставалось только напомнить себе, что ему случалось одолевать и больший путь, причём на тощий живот.

Итак, Вандиен двигался вперёд ленивым прогулочным шагом, предаваясь досужим размышлениям об однообразии открывавшегося перед ним пейзажа. Дорога вилась между невысокими холмиками, спускаясь в низины, то тут, то там на ней виднелся овечий помёт. Время от времени он видел в стороне от дороги отары. Скильи не проявляли к овцам никакого интереса, но Вандиен заметил, что овцы сбивались в кучу и принимались беспокойно вертеться всякий раз, когда ветер доносил до них запах его упряжки. Пастухи-люди с руганью принимались сновать туда-сюда, разгоняя по пастбищу сопротивляющихся

животных. Чувствовалось, что овцы старались держаться от скилий как можно дальше. Одна отара при их приближении разбежалась в стороны, усеяв живыми точками склоны холмов. К большому облегчению Вандиена, пастухи обвиняли и поносили всё-таки не его, а своих безмозглых подопечных. Овец было много: отару за отарой гнали через дорогу на зимние пастбища, и Вандиену ничего не оставалось, кроме как мрачно плестись по густо унавоженному большаку.

Вечер застал его на вершине небольшого холма. Он порядком устал, но не столько от ходьбы, сколько от её неусветно медленного темпа. Со своего взгорка он видел перед собой появлявшуюся и пропадавшую дорогу, похожую на серую ленту, кем-то настриженную и разбросанную по холмам, заросшим кустарником. Ни дерева, ни хижины пастуха — не на чем остановить взгляд. Кусты же и трава были сплошь тусклыми, от пыльно-лилового до утрюмо-зелёного. Скильи, размеренно переваливаясь и приплюсываясь неизвестно к чему, заковыляли вниз по склону. Вандиен только вздохнул.

Неожиданно одна из пастей выбросила длинный серый язык и тотчас же его вобрала. Тварь взвизгнула, и в тот же миг повод вылетел из руки Вандиена. Шлёпая плоскими лапами, упряжка ринулась наутёк. Приземистые крапчато-серые спины извивались туда-сюда: скильи точно текли вниз под уклон, чем-то напоминая струю воды, пролитой из ведёрка. Плетёный кожаный повод волочился следом по грязи.

Раздумывать было некогда. Вандиен во всю прыть бросился следом, прыгнул, как кот, и успел ухватить вожжи. Его изрядно протащило по навозу и колючим кустам, и связанный узлом конец повода снова вырвало из ладони. Со сдавленным проклятием он вскочил на ноги, на бегу вытирая о куртку исполосованные и грязные руки. Он то скользил в овечьем дерьме, то перепрыгивал цепкие жилистые кусты. При этом он умудрялся не отставать от скилий и во всё горло орал «Стоять!!!» поочерёдно на всех известных ему языках. Языков он в своих странствиях хватался немало, но зловерные скильи не обращали на него ни малейшего внимания.

Как же он костерил себя за то, что слишком скоро вручил Паутинному Панцирю заветный кристалл. Он знал, какие части тела скильям следовало почёсывать для их полного удовольствия; знал, какие водоросли давать им от поноса; знал, наконец, как выводить у них паразитов... в общем, всё, кроме того, как остановить сбегавшую упряжку. Он только и добился от осоловевшего т'черя, что, мол, скильями легче было управлять, нежели объяснять в деталях, как это делается.

Потом впереди показалась какая-то речка, и Вандиен принялся с жаром молиться, чтобы она их остановила. Может, здесь когда-то и был мостик, но теперь от него и следов не осталось. Борозды от колёс свидетельствовали, что телеги и экипажи пересекали речку вброд, но его-то ящерице-подобным глотателям пыли, любителям дрыхнуть на солнышке такой подвиг был, конечно же, не под силу. Уткнувшись рыльцами в берег, они несомненно свернут вправо или влево. Если повезёт. Тут-то он их и перехватит...

...Они влетели прямёхонько в реку и исчезли в ней, точно камбалы, зарывшиеся в морской ил. Вандиен видел только, как дёргалась сбруя: твари пластались по дну, стремясь полностью погрузиться. Длинные змеиные хвосты распрямились и начали ожесточённо хлестать, попадая когда по воде, когда по бокам соседей. Вода кругом так и кипела. Туча мути, поднятой со дна шестнадцатью широкими лапами, взвилась и уплыла вниз по течению. Упряжь дёргалась и путалась: вся четвёрка лезла друг под друга, в самую глубину. Где чей хвост, где чья щёлкающая зубами морда — поди разбери. Чешуйчатые плечи и крупы остервенело толкались и пихались...

А потом всё кончилось — так же внезапно, как и началось. Скильи замерли, скрывшись в воде и грязи. Над поверхностью не стало видно даже носов. Закрылись вытаращенные глаза, обмякли хвосты, и лишь течение продолжало их шевелить. Вандиен опасно приблизился, борясь с подступающим ужасом. Скильи не подавали признаков жизни! Он осторожно подобрал плетёный повод и нерешительно потянул... Никакого ответа.

Он явственно видел под водой ноздри скилий и то, что из них не поднималось ни пузырька. Ни единый мускул

не напрягался под шкурами. Вандиен дёрнул ещё раз, по-сильнее, но безвольные туши лишь чуть пошевелились от его рывка. Он вспомнил про стрекало, которое обронил, когда упряжка понесла. Быть может, если подобрать его и несколько раз хорошенько им вмазать... Нет. Он не осмеливался оставить скилий без присмотра. Он вошёл в воду и что было сил пнул в круп ближайшего зверя. Как в стенку!..

Вандиен предпринимал ещё и ещё усилия, столь же мучительные, сколь и неблагодарные. Он вымок насквозь, пытаясь вытащить скилий из реки. Сколько он ни тянул то за хвост, то за лапу — сдвинуть с места хотя бы одну тварь ему так и не удалось. Четвёрка как будто стремилась слиться в единое целое. Здоровенные плоские лапы были надёжно погребены под слоем грязи и речной гальки. Мёртвый якорь. Животы плотно прижимались ко дну. Вода перекачивалась через хребты...

К тому времени, когда закатилось солнце, Вандиен был мокр до нитки, несчастен и зол. Выбравшись на бережок, он молча созерцал скилий, окаменевших на дне, начиная понимать, что выпереть их оттуда силой — занятие безнадежное. Оставалось одно: взять их измором. Дождаться, покуда вылезут сами. В конце концов, весь день он гнал их по вполне сухопутной дороге. Должен же им когда-то понадобится воздух?.. То и дело оглядываясь через плечо, он устало зашагал обратно на холм, чтобы забрать там стрекало и хлеб, потерянные во время погони. Вернувшись к реке, он обнаружил, что скильи не сдвинулись ни на волосок.

Усевшись на мшистом берегу, Вандиен положил наземь стрекало и вытащил поясной нож. Кусок краяхи пришлось не отрезать, а скорее отпиливать. Хлеб вконец зачерствел, Вандиен не жевал его, а грыз, как сухарь. Отойдя чуть выше по течению — впрочем, так, чтобы не терять из виду утопившуюся упряжку, — он опустился на колени и запил хлеб речной водой. Водяная трава с плоскими зелеными листьями показалась ему знакомой; вновь вытащив нож, он принялся откапывать корни. Вытащив корневище, он соскрёб с него землю и хорошенько промыл. В отчищенном виде оно напоминало плотно сросшиеся бе-

лые зёрна. Ему с детства не приходилось есть корни лилии-вонючки, но он помнил, что и тогда предпочитал их разваренными до мягкости, но никак не сырыми. Сырыми они были почти безвкусны, только отдавали крахмалом. Ладно, не до жиру, быть бы живу, безрадостно напомнил сам себе Вандиен. Надо же что-то сунуть в живот. При таких темпах путешествия ему свою краяху до Обманной Гавани, хоть тресни, не растянуть.

Отправляя в рот последний кусочек корневища, он услышал чавкающий звук, потом плеск, как бывает, когда свинья вскакивает из грязи. Вандиен сразу подхватил хлеб и стрекало, и весьма вовремя: скильи начали шевелиться.

Одна из тварей как раз вытянула шею и шумно вбирала в лёгкие порцию воздуха. Ее хвост вновь покоился на крупе, свёрнутый в тугую баранку. Ещё одна верещала и пускала пузыри, высвобождая голову, угодившую между лапами товарки. Они выбрались из воды, переваливаясь и неуклюже подскакивая в мокрой перепутавшейся упряжи. Ил и грязь стекали с пятнистых боков. Вода смыла со спин налипшую пыль, и чешуйчатые шкуры радужно переливались в неверном свете луны. Бока скилий после пребывания в реке положительно округлились, звери выглядели довольными. Влажно клацали зубастые пасти, мокрые змеиные тела весело извивались. Вандиен смотрел, как они пытались выпутаться из перекрученной сбруи, и с некоторым запозданием понял, что при этом скильи боком-боком двигались от него прочь.

Со сдавленным воплем он ринулся наперехват и на сей раз вспомнил, что стрекало вроде как подавало им команду стоять. Ткнув сперва одного, потом другого, третьего и четвёртого зверя, он добился-таки, что вся упряжка плюхнулась на живот и замерла в неподвижности. Вандиен принялся шарить среди распростёртых тел, отыскивая запропастившийся повод. Одна из тварей начала подниматься. Вандиен решительно ткнул её стрекалом, и она вновь улеглась.

Он стоял над умиротворёнными скильями, непроизвольно сжав кулаки. Потом усилием воли принудил себя успокоиться. Сунув стрекало под мышку на тот случай, если кто-нибудь опять зашевелится, он принялся расправлять

сбрую. Т'черя пряжек не признавали; сложное сооружение держалось исключительно на узлах. Вскоре Вандиен убедился, что развязать их в потёмках было совершенно невозможно, тем более что долгое вымачивание в воде превратило каждый узел в монолитный кожаный шарик. Пришлось тянуть, толкать и этим довольствоваться. Стрекалом Вандиен пользовался безо всякого стеснения, и скильки вели себя смиренно.

Лишь один раз ему пришлось по-настоящему туго. Хвост одной из бестий переплёлся с упряжкой, точно выходящая лоза: зверю никак не удавалось уложить его у себя на крупе. Было уже совсем темно, и Вандиен ощупью кое-как отыскал кончик хвоста. Он стиснул его пальцами, чтобы передвинуть и высвободить. Владелец хвоста отчаянно завизжал, пришлось успокаивать его с помощью стркала. Напряжённый хвост был жёстким, точно одеревенелый стебель лозы. Вандиен долго возился с ним, высвобождая из ременных петель, но едва ему это удалось, как хвост упруго выхлестнул у него из руки и жёсткий кончик весьма чувствительно ударил по плечу, а хвост мгновенно свернулся тугой пружиной на крупе.

Вандиен выронил и стрекало, и повод и схватился за плечо: его жгло, словно от удара кнутом. Из глаз сами собой брызнули слёзы. Закатав широкий рукав куртки, Вандиен ощупал рубец, вспухший на коже. И то хорошо, что не до крови. Окунуть в холодную воду, и жжение успокоится... Вандиен нагнулся за стрекалом и обнаружил, что упряжка удрала. Беззвучно и бесследно.

Он ошалело завертел головой. Исчезли!.. Вандиен заставил себя глубоко вздохнуть и молча замереть на месте. Вряд ли удастся расслышать, как они бегут через мшистые взгорки... Хотя...

Из кустов донёсся вполне отчётливый шорох, и тут же его глаз подметил движение и смутный отблеск радужной чешуи. Вандиен бросился в погоню, но беглецы одолели подъём раньше его и, конечно, не остановились подождать, так что он снова потерял их из виду. Задышавшись, он взлетел наверх и разглядел удаляющиеся силуэты. Вандиен выкрикнул проклятие и помчался следом. А что ему оставалось?

Ноги у него были всё-таки длинней, чем у них, и на спуске это дало ему преимущество. Задняя пара получила по душевному пинку и по хорошему удару стрекала, бросившему их на брюхо. Они притормозили передних, и ещё два удара успокоили всю упряжку. Вандиен подхватил волочившийся повод и дважды обернул им запястье, а оконечный узел зажал в кулаке. Он с трудом переводил дух и знай тыкал стрекалом каждую тварь, которой не лежало на месте. До него постепенно добирался холод осенней ночи, столь же безжалостный, какой была дневная жара. Он промок, перемазался и устал как собака. Да ещё и потерял где-то свою многострадальную ковригу. Ко всему прочему, дорога скрылась за холмами, и он не был абсолютно уверен, в какой стороне её искать. Ему до смерти хотелось спать, но можно было с хорошей вероятностью предположить, что утром он уже точно не найдёт ни упряжки, ни большака. Что до скилий, то они отнюдь не выглядели сонливыми. Наоборот: если днём у них только что не цеплялась лапа за лапу, то ночью они, казалось, только рады были резвиться и играть...

Когда скильи зашевелились в очередной раз, Вандиен позволил им подняться. Крепко держа повод, он зашёл сбоку упряжки. Скильи шарахнулись в сторону, и таким образом ему удалось направить их, куда он счёл нужным. К тому времени, когда впереди замерцала серая лента дороги, серебрившаяся при луне, Вандиен ощутил, что у него получается. Он дал скильям выбраться на большак. Они трусили вперёд немного быстрее, чем бегущая рысью собака, а он мотался позади них из стороны в сторону.

— Ну прямо пастуший пёс за отарой... — угрюмо буркнул он сквозь зубы. Скильи двигались вперёд с завидным проворством, и он уже понял, что о спокойном сне до утра придётся забыть. Завтра, когда они устроятся подремать на солнышке, он рад будет к ним присоединиться.

Несколько раз в течение ночи он укладывал скилий наземь с помощью стрекала, останавливаясь перевести дух и отхлебнуть водички из небольшой фляги. Он горько сожалел о безвозвратно потерянном хлебе, но тут уж поделаться ничем было нельзя, оставалось только смириться. То, что теперь он, по-видимому, к сроку поспеет в Обманную

Гавань, было важней. Завязав фляжку, он неторопливо потёр пальцем шрам, тянувшийся между глаз. И постарался припомнить, как же, прах побери, выглядела его рожа без этого украшения. Он никогда не был большим любителем созерцать себя в зеркале, но, как он себя чувствовал без шрама, помнил отлично.

Раньше было так: люди замечали сперва его взгляд, потом — белозубую улыбку. Он отлично знал чары своей улыбки и умел ими пользоваться. Теперь все обращали внимание в первую очередь на его шрам и знай пилились на него, пока он пытался что-то сказать. Улыбка же, бывшая когда-то обворожительной, превратилась в гримасу, от которой лицо перекашивало ещё больше. Ко всему прочему, люди поспешно и несправедливо судили о нём по этому шраму. Одни почему-то воображали, что перед ними человек кроткий и безответный. Другие, наоборот, делали вывод, что парень он донельзя крутой, а значит, опасный. Словом, несчастный рубец оказывался чем-то вроде кривой и мутной стекляшки, самым обидным образом искажавшей то, что видел в нём окружающий мир. Немногие теперь удосуживались приглядеться собственно к лицу, предпочитая разглядывать перечеркнувшую его отметину.

Ки была одной из немногих, кто видел лицо. Видела она и то, как он этот шрам приобрёл. Он ведь затем и бросился в когти жуткого и безжалостного создания, чтобы выручить Ки. Он хорошо помнил её ужас. И то, как она складывала вместе его растерзанную плоть, стягивая края раны повязкой. С тех-то пор они перестали казаться друг другу чужаками. И ни разу доселе он, Вандиен, не воздвигал преград между нею и собой... Но не сказал, не сказал же, что ещё, кроме денег, пообещала ему Зролан. Может, он ошибся в Ки, убоявшись, что она не поймёт?.. Чего боялся, недоумок?.. Что она воспримет его желание избавиться от уродливого рубца за позднее раскаяние в своей собственной храбрости на перевале Две Сестры?.. Нет, он ни в коем случае не сожалел о том давнем поступке, накрепко связавшем его с Ки. Он с радостью повторил бы его хоть сейчас. И всё-таки... при всём том зримый знак их связи мог бы, право же, быть немного менее ЗРИМЫМ.

Скильи снова начали шевелиться, и Вандиен только рад был поводу отвлечься от безрадостных мыслей, благо управление доблестной четвёркой поглощало всё внимание без остатка. К рассвету скильи утомились и жаждали сна не меньше него самого. Он увёл их в сторону от дороги, под сень чахлого ивняка. Скильи сбились в плотный клубок и улеглись. Вандиен, прежде чем ложиться, привязал повод к запястью. Опустившись наземь, он посмотрел в рассветное небо и сразу уснул. Ему приснились пикирующие бирюзовые гарпии, но потом блеснули чёрные глаза Зролан, и гарпий унесло прочь.

и переминалась с ноги на ногу. Ей до смерти надоело стоять молча и неподвижно, ожидая очередного распоряжения Дреша. Её одновременно терзали скука и беспокойство. Тем более что взгляд Дреша — а с ним, хочешь не хочешь, и её взгляд — был неподвижно устремлён в одну и ту же точку стены. Сколько Ки её не разглядывала, ничего примечательного в этой точке так и не нашла. И всякий раз, когда она пыталась заговорить, Дреш на неё шикал.

Ки шумно вздохнула...

— Да чтоб тебя!.. — тотчас свирепо рявкнул на неё Дреш. — Каким образом, спрашивается, могу я ощутить чьё-то присутствие, когда ты всё время меня отвлекаешь? Ты не только не способна стоять неподвижно, ты ещё и гоняешь свой жалкий разум по крохотному замкнутому кругу, да ещё и вынуждаешь меня приглядываться к его бессмысленному бегу!.. Неужели ты не способна даже очистить сознание?..

Ки язвительно отозвалась:

— Я как-то упустила из виду, что наше вынужденное сотрудничество тяготит не только меня, но и тебя, о мой властелин.

Дреш фыркнул:

— Ты ещё издеваешься, именуя меня «властелином», ты, которая над собой-то как следует властвовать не научилась. Ладно, хватит об этом! Я не собираюсь попусту тратить силы, объясняя кроту, что такое небо. Можешь не держать меня более, только стой смирно, пока не влипла в какую-нибудь неприятность...

— Повинуюсь с величайшим удовольствием, — сквозь зубы ответила Ки. С хорошим пристуком она водрузила голову колдуна вместе с её каменной подставкой на стол Рибекке и сложила руки на груди.

Дальнейшее ожидание происходило во тьме. Прекращение чувственного восприятия поначалу озадачило её, но потом по лицу медленно, но верно начала расплзаться краска смущения: она обнаружила, что стояла закрыв глаза. Как же быстро, оказывается, она приспособилась к тому, что Дреш смотрел и видел за них обоих. Она подняла веки, и глазам её открылся невероятный мир. Ки не двигалась с места и помнила, где что было расположено в комнате. Однако то, что глазами Дреша она воспринимала как застеленную кровать, теперь предстало в виде какого-то бледно светящегося студня, напоминавшего скопище полусгнивших грибов.

Что до стола, то по размерам и форме он был худобедно похож на то, что показывал ей Дреш. Только теперь он казался сделанным не из дерева, а из стекловидного камня. Посредине столешницы проросла волокнистая трубка, а возле трубки стояло НИЧТО. Просто куб непроницаемой тьмы. В центре куба горела светлая точка, невероятно крохотная и столь же невероятно яркая: Ки попыталась присмотреться к ней, и у неё сразу зазлезились глаза. Смешавшись, она повернулась в другую сторону.

Смутные стены комнаты всё так же волновались перед глазами, переливаясь бледными цветами, словно освещённый солнцем опал. От их постоянного движения подкапывала дурнота. Спасаясь от неприятного ощущения, Ки опустила взгляд, но только для того, чтобы обнаружить: пол, как и стены, вздымался и ходил ходуном у неё под ногами. Однако тело Ки никакого движения не ощущало. Зато желудок внятно дал ей понять, что ему всё это вовсе не нравилось.

Она вновь повела взглядом по стенам, ища среди сплошного мерцания и колебания хоть что-то устойчивое. И наконец нашла. В комнате было окно. Оно, одно-единственное, никуда не двигалось и не плыло. От деревянной рамы веяло чем-то простым, близким и понятным, словно от крестьянского дома. Снаружи сиял солнечный свет, и это вдруг успокоило Ки. Её чувство времени впервые подверглось подобному испытанию. Её тело утверждало, что сейчас стояла глубокая ночь. А за окошком день был

в разгаре! Окно выходило во дворик, и там скреблось в пыли несколько кур. Подальше виднелся лес — березняки пополам с ольхой. Их отделял от дворика цветник, засаженный белыми и лиловыми ветреницами. Лёгкий ветер шевелил клонящиеся головки цветов. Ки поймала себя на том, что тянется к окошку, чтобы ощутить на лице свежее дыхание ветерка, чтобы с облегчением вдохнуть запах земли и цветов... С одной стороны виднелся краешек огорода и корявые деревянные подпорки, на которые взбирались длинные плети гороха. Ки почувствовала, как уходит, улетучивается владевшее ею мучительное напряжение. Она улыбнулась собственным недавним страхам и попробовала припомнить, куда это её, как ей казалось, занесло. Дреш, конечно, устроил целый цирк со своей магией, но, судя по виду пейзажа за окном, они были совсем недалеко от Горькух. Не удивительно, что он не давал ей увидеть это окно собственными глазами. Ещё бы, зачем ей было знать, что она может в любой миг просто уйти пешком от него и от всех его головоломок!

Ки прислушалась к ласковому шороху ветра, колебавшему цветы. Её слуха коснулось негромкое отдалённое жужжание: так гудят в улье пчёлы, потревоженные среди ночи. Зато в комнате позади неё царила полная тишина. Ей стало несколько не по себе, когда она поняла, что не было слышно даже постороннего дыхания — только её собственное. Ки сглотнула, стараясь взять себя в руки. Дреш, ничего не скажешь, странен и жутковат, но другого союзника у неё здесь нет. Бояться ещё и его — этим дела уж точно не поправишь!

И всё же она была искренне рада, что обнаружила окошко.

Она снова посмотрела в сторону стола. Внутри кубатмы вокруг алой искры вились светлые точки. Ну прямо мухи, жужжащие над дерьмом, подумала Ки. Их сияние было мягче, чем у той, первой, оно больше напоминало свечение гнилушек на болоте. Ки исполнилась отвращения. Она весьма смутно представляла себе, что именно видит, но не имела никаких причин не доверять своим инстинктам. А потому она предпочла закрыть глаза и не

смотреть. Тем более что по-прежнему не могла справиться с дурнотой, которую вызывали у неё колеблющиеся стены и пол.

Зрение определённо подводило её в этом чертоге, и она решила исследовать, что донесут ей иные органы чувств. Ки раздула ноздри и глубоко вдохнула, пригнувшись. К её немалому удивлению, запахи залитого солнцем двора за окном её обоняния не достигали. Она ощущала лишь запах душистого масла из злополучной бутылочки. В его мощную волну вплетался едва заметный запах мускуса. Ки предположила, что он исходил от головы Дреша. Быть может, в комнате пахло ещё чем-нибудь, но аромат масла забивал решительно всё.

Ки обратилась к осязанию и пошевелила пальцами ног, изучая пол сквозь мягкие подошвы кожаных башмаков. Пол был определённо твёрдый. Ки слегка поёрзала ногой по полу и почему-то страшно обрадовалась, когда раздался едва слышный шорох. Очень осторожно, опасаясь побеспокоить Дреша и заработать от него ещё одну выволочку, Ки протянула руку и потрогала краешек стола. И, едва прикоснувшись, отдёрнула пальцы. Поверхность столешницы оказалась податливой и липковатой, словно кусок свиного жира в прохладный день... Ки даже потёрла одну руку о другую, но обнаружила, что на них ничего вещественного не налипло.

— Подними меня! — прервало её исследование приказание Дреша. Ки осторожно открыла глаза и уставилась на куб тьмы, красовавшийся на столе. Потом опасливо, словно к раскалённым углям, потянулась к этой тьме, которая, как она понимала, вообще-то была Дрешем. Она ещё не успела коснуться его, как комната вокруг дёрнулась и снова приобрела тот вид, который воспринимало зрение Дреша. Прямо перед своим лицом Ки увидела чью-то руку, шарахнулась прочь, и рука исчезла.

— Это твоя рука, дурёха!.. — засмеялся колдун.

Ки снова потянулась к нему и увидела, как её рука приближается к лицу Дреша. Ей понадобилась предельная собранность, чтобы, пользуясь глазами стоявшей на столе головы, должным образом направить руки и снять голову со стола. В конце концов у неё получилось, но желудок

снова приготовился к бунту, а в середине лба, над переносицей, зародилась головная боль.

— Итак, в путь, — сказал Дреш. — Хотя, может, ты ещё не все углы здесь обнюхала...

Ки спросила:

— Так ты выяснил, где находится твоё тело?

Дреш слегка надул губы, потом отрешённо вздохнул:

— Естественно, я знаю, где моё тело. Ты ведь знаешь, где твоё, не так ли? Нет, бывает же на свете такая наивность!.. Ки, Ки, если бы только я мог предвидеть... Но довольно об этом! Нет времени скорбеть о том, чего у меня здесь нет. Обратимся лучше к тому, что у меня есть, а именно к тебе. Придётся удовлетвориться, сколь бы ограниченным я ни находил...

Она так резко брякнула его обратно на стол и отступила в сторону, что перед его — её — глазами всё так и замелькало. Ки сложила руки на груди и уставилась на куб тьмы каменным взглядом. Искра, сиявшая посередине, вспыхнула ужасающе ярко, вдвое увеличившись в размерах и отливая багрянцем. Ки не двигалась с места, стискивая ладонями локти, чтобы не выдать себя дрожью рук. Прошло несколько невыносимо долгих мгновений, прежде чем Дреш заговорил вновь.

— Полагаю, я это заслужил... — Искра съежилась, багровый отблеск пропал. — Ты тоже не в восторге от такого спутника, как я, и это лишь естественно. Ладно, Ки, давай помиримся и в дальнейшем будем считаться друг с другом. Мне в нынешнем предприятии без твоей помощи не обойтись, так что помоги мне, а я обязуюсь придерживать язык...

Ки не двинулась с места, но выдержка её всё-таки подвела: по губам молодой женщины промелькнула тень улыбки.

— Пожалуйста! — Дреш то ли выдохнул, то ли прошипел заветное слово. Ки шагнула вперёд и подобрала его голову. Комната снова стала такой, какой видел её Дреш.

Он кашлянул, прочищая горло. Когда же заговорил, чувствовалось, что он держит себя в узде.

— За моим телом наблюдают две Заклинательницы. Тем не менее та, встречи с которой я более всего опасал-

ся, уже не кажется мне наиболее опасной. Здесь присутствует ещё некто... или нечто, не знаю даже, как и назвать... и это меня беспокоит. Я чую ловушку внутри ловушки! Они как будто бы не подозревают о нашем присутствии, но это может быть и отвлекающим ходом. Слишком много неизвестных, чтобы решиться на открытое столкновение. С другой стороны, выждать — значит утратить преимущество внезапности... которого, вполне вероятно, у нас и так уже нет. И время, которое я без ущерба для себя могу провести в этом состоянии, всё сокращается... — Голос Дреша упал до шёпота, он со вздохом умолк, но тут же вновь встрепенулся: — Что скажешь, Ки?

Она пожала плечами:

— По мне, так нападай прямо сейчас. Если нас не ждут, воспользуемся этим. А если ждут — что мы теряем?

— Всего лишь моё тело и твою жизнь, моя дорогая. — В голосе Дреша звучала засахаренная желчь. — Впрочем, всего лишь это и будет нам наградой в случае успеха. Что ж, решено, вперёд!.. Ки, ты в детстве играла когда-нибудь в попрыгайки?

Ки слегка нахмурилась. Подобно дальнему эху, всплыла из глубин памяти поляна возле реки и на ней — здоровенный древесный пенёк. Вокруг него плясали темноглазые ромнийские дети, а на самом пне, пригнувшись, затаился гибкий юнец. Внезапный прыжок — и, когда прыгун достигал высшей точки, кто-нибудь из детей кричал: «Запад!..» Неуловимое движение гибкого тела, и парнишка, извернувшись в воздухе, аккуратно приземлялся в квадрате, вычерченном на земле к западу от пенёка. Ухмыляясь, запрыгивал он снова на свой пенёк, только развевались тёмные волосы. Вновь он пригибался там, наверху, и вновь дети возобновляли свой танец вокруг пня. Новый прыжок... «Юг!..»

— Я помню эту игру, колдун, — ответила Ки. — Правда, последний раз я играла в неё лет двадцать назад. Причём, насколько я помню, вечно проигрывала. По-моему, дети ромни таким образом учатся прыгать и кувыркаться, благо на ярмарках таким ловкачам могут бросить монетку. А что?

Взгляд Дреша, а вместе с ним и Ки заново obeжал сплюшные чёрные стены.

— Так учат своих детей не только ромни, — пробормотал он как бы про себя. — Где они впервые подсмотрели это упражнение — тайна сия велика есть. То, во что нам с тобой предстоит сыграть здесь, Ки, — не что иное, как попрыгайки, хотя и несколько на другом уровне. Как по-твоему, где тут соседняя комната? Мы этого не узнаем, пока не покинем ту, в которой сейчас находимся. И если ты не сумеешь отреагировать достаточно быстро и мы не попадём в неё, нас ждёт падение во тьму и холод межмирового пространства...

— И оттуда прямо в середину куриного стада, — фыкнула Ки. Театральные эффекты, которыми он окружал своё колдовство, изрядно ей надоели.

— Что?.. — не понял Дреш.

— Окно, — коротко пояснила Ки. — Если мы, к примеру, вылезем в окно, то вывалимся сквозь твою бесконечную пустоту прямёхонько в куриное стадо.

— Окно!.. — Его голос осел от испуга. Картина, сообщаемая его зрением, мигнула и сменилась той, которую видела сама Ки. Взгляд Дреша нащупал окно и прикипел к нему. — Невероятно... Не могу поверить! — произнёс он сдавленным полушёпотом. — Ближе, Ки, поднеси меня ближе... Неужели то самое?..

Ки послушно направилась к окну. Ещё раньше, осматривая комнату вместе с Дрешем, она заметила одно любопытное обстоятельство. В комнате не было двери. Единственным возможным выходом служило окно.

Она почувствовала, как её рука сама собой поднялась и тихонько погладила подоконник. Кто-то, используя её пальцы, попробовал шершавое дерево ногтем...

— А ну прекрати! — зашипела она на Дреша.

— Сейчас, — пробормотал он, не обращая никакого внимания на её ярость. Рука Ки протянулась вперёд, миновала окно и... погрузилась в холодную субстанцию, напоминавшую патоку. Дреш предоставил её самой себе, и Ки поспешно отдернула руку. Больше всего ей почему-то хотелось пойти и хорошенько вымыться.

— Рама та же самая, — задумчиво проговорил волшебник. — И вид она тот же самый воссоздала... Ну кто бы мог заподозрить Рибекке в столь мелочной чувствительности! Интересно. И с ума сойти, до чего трогательно. Не устаю удивляться... Нет, Ки, никакой это не выход. Пытаться вылезти в это так называемое окно — всё равно что спрашивать у портрета, как пройти. Это зримый образ, не более.

— Значит, двери совсем нет? — Ки всё-таки вытерла ладонь о рубашку и вновь сунула её под основание головы. Голова была тяжёлая и, казалось, тяжелела с каждым мгновением. Ки подперла её бедром, стараясь не обращать внимания на тошнотворное искажение перспективы. По крайней мере, не так ломило натруженные плечи.

Глаза Дреша моргнули, и комната вновь предстала такой, какой он её увидел первоначально. Стол и кровать вернулись на свои места, зато окно исчезло бесследно. Дреш уловил невольный испуг Ки и пояснил:

— Рибекке явно не хочет, чтобы случайные посетители его замечали. Вообще говоря, для того, чтобы сделать что-либо зримым на этом плане, но для непосвящённых невидимым, усилия требуются немалые. Очень даже немалые! Должно быть, она страшно дорожит им, раз уж ни сил, ни времени не пожалела... Ах, как трогательно!.. — Он повторил это слово несколько раз, потом, ни дать ни взять со страхом, переменял направление разговора: — Так вот, о дверях. Нет, Ки, дело не в том, что выхода нет, — наоборот, их как раз даже слишком много. Мы можем покинуть эту комнату любым способом: через стены, через пол, через потолок. Предположим, в некоторой точке, даже в нескольких точках, эта комната непосредственно примыкает к другим. В других местах расстояние может оказаться достаточно малым, и мы сумеем перескочить. Во всех остальных направлениях — бездонное ничто...

— Ну и почём нам знать, где что?

Ки почувствовала толчок: голова Дреша попыталась передёрнуть отсутствующими плечами.

— Выбери какую-нибудь стену, Ки. В данном случае твоя догадка вполне равноценна моей...

У Ки мгновенно пересохло во рту.

— Тоже мне чародей! — проворчала она. — Да любой подзаборный колдун-самоучка и тот божится, что видит сквозь стены!

Дреш не снизошёл до ответа. Вместо этого он принялся медленно обводить стены их общим взглядом.

— Если бы эта комната принадлежала тебе, Ки, и если бы ты именно так расположила в ней мебель — где ты устроила бы дверь?

Изобретательности Дрешу было не занимать. Ки в задумчивости пожевала губами:

— Ну... Только не возле кровати. Я бы поместила дверь на другом конце комнаты, на тот случай, если кто войдёт, чтобы не сразу врасплах меня застал, а прошёл хоть какое-то расстояние. А сама я, войдя, пожалуй, подходила бы сперва к столу, а потом уж к постели. Давай попробуем вон то место в стене, противоположной кровати, напротив стола...

— А что, почему бы и нет, — хмыкнул Дреш. — В конце концов, вы с Рибекке одного пола, а значит, не исключено, что тебе видней. Что ж, к стене!.. Подойди к стене, Ки, — повторил Дреш мгновением позже, и Ки, вздрогнув, осознала, что безотчётно ждала водительства Дреша. Досадливо мотнув головой, она прошла к ему же облюбованному месту.

— Теперь я на краткое время оставлю твоё зрение, Ки, — сказал Дреш. — Мне потребуется полное сосредоточение. Итак, если позволишь...

На месте чёрных каменных стен вновь возникли шевелящиеся полупрозрачные занавеси. Вот по ним, словно по поверхности пруда, прокатилась волна. Ки проследила её взглядом. За первой волной накатилась и миновала вторая. Ки и её проводила глазами. Она вдруг вообразила себя запертой внутри полый стекляшки, и голова закружилась. Ещё волна... Ки подавила искушение протянуть руку и проверить, ощутимы ли они. Близилась очередная волна, когда в её сознание ворвался приказ Дреша: «Выходим!» Это было не слово, сказанное вслух, даже не разделённая мысль. Просто необоримый позыв прыгнуть вперёд. И Ки прыгнула.

Они миновали стену, словно завесу тёплой воды. Взылись искры света, мерцавшие, словно капли росы на иглах рассерженного дикобраза. Ки ахнула от ужаса, но её лёгкие не вобрали воздуха. Она ощутила, что зависает в ледяной тьме. Голова волшебника в её руках казалась безжизненным камнем. Искры света роились перед глазами, каждая притягивала внимание, но стоило попытаться сосредоточить взгляд, и световые точки исчезали вдали. Волосы Ки шевелил и развеивал неосязаемый ветер...

Она летела... она падала... она тонула как камень. Потом всё прекратилось. Не стало ни мыслей, ни дыхания, ни сознания, ни даже страха. Покой глубже смерти, и наступил он легче, чем смерть. Ки не гадала о его природе. Ки вообще ничего не делала, но даже и этого не осознавала.

амма красок окружающего мира постепенно делалась ярче: среди сплошного чёрного и тёмно-синего начинали, хотя и робко, пробиваться другие цвета. Вандиен протёр глаза тыльной стороной свободной руки: под веками, казалось, было полно песка. Другая рука крепко держала плетёный ремень, тянувшийся к прочному металлическому кольцу, от которого веером расходились ремни к сбруям всех четырёх скилий. Двигаясь позади упряжки, Вандиен выписывал на дороге замысловатую кривую, пресекая постоянные попытки животных удрать в скалы или в кустарник. Скильи хотели спать, но Вандиен знай гнал их вперёд.

У самого у него во рту было сухо и полно пыли. Скильи с силой натягивали ремень, шаг получался тряским, и Вандиену начало казаться, будто позвоночник вот-вот проткнёт мозг и упрётся изнутри в череп. Он скрипел зубами — и продолжал идти.

Ночной ветер доносил запахи моря. Вандиен одолел последний подъём и понял причину. Впереди открылся длинный и довольно крутой спуск, изрытый дождями. Больше не было мягко очерченных холмов и распадков, которыми он пробирался накануне. Из земной плоти, точно голые кости, торчали серые валуны. Немногочисленные деревья, жестоко перекрученные ветром, робко высовывали из-за камней нагие тощие ветви. Можно было представить себе, с какими трудами прокладывали когда-то дорогу, ведущую вниз: её пришлось пробивать в скале. Зато внизу, прямо перед собой, Вандиен увидел зелёную равнину и на ней крохотные домики — Обманная Гавань. За древней простиралось море.

У причалов не было видно ни одного рыбацкого судна. Чёрный берег был пуст. Сквозь толщу прибрежной воды Вандиен явственно разглядел сглаженные волнами остат-

ки домов и построек: их унесло в пучину то же великое землетрясение, которое раскололо утёс и затопило храм Заклинательниц. Теперь от них остались только каменные фундаменты, обросшие ракушками и покрытые зелёным ковром водорослей. Сам храм, вероятно, размещался по-дальше, там, где дно внезапно проваливалось в глубину и цвет воды изменялся на тёмно-синий. Должно быть, отлив обнажал остатки деревенских домов чуть не каждый месяц; для того чтобы показались развалины храма, требовалось исключительное стечение обстоятельств. Лишь раз в несколько лет вода опускалась достаточно низко, чтобы какой-нибудь дерзкий смельчак мог попытаться достичь храма. Именно такого отлива и ожидали назавтра.

Сколько лет назад произошла катастрофа, обрушившая в море половину горы? По словам Зролан, старики утверждали, будто всё произошло в один день. Живых свидетелей, однако, уже не осталось. Деда передавали внукам страшную сказку, услышанную когда-то от прадедов, — о том, как однажды угрюмым вечером вздыбилась и заколебалась земля и море взяло себе ломоть суши, а с ним деревню и храм. Спаслись только те, кто был вдали от берега, на рыбной ловле. Вернувшись, они заново отстроили свою деревню на клочке суши, который был когда-то вершиной утёса, а теперь лишь едва возвышался над полосой прилива. Безвозвратно пропала удобная гавань, надёжно укрывавшая рыбацкие лодки. Теперь вдоль берега тянулось опасное мелководье, усеянное скалами и затопленными корягами. Потому-то вновь отстроенной деревне и дали её нынешнее имя — Обманная Гавань. А в старую деревню теперь ходили рыбачить. Там, где когда-то рылись в пыли куры, а люди чинили сети, растянутые на солнце, теперь проплывали плоскодонные шаланды, с которых промышляли крабов, угрей и осьминогов...

Одна из скилий шлёпнулась на брюхо, обмякла и замерла. Вандиен тотчас прыгнул вперёд и крепко уцепился за хвост. Животное вскочило с таким визгом, что вся упряжка сорвалась с места и пробежала несколько шагов. Внизу, в деревне, не было заметно никакого движения, только плоскодонки сновали по отмелям. Вандиен вновь затрусил следом за скилями, на ходу приглаживая

пятернёй непослушную шевелюру. Потом, действуя свободной рукой, попытался хоть как-то выбить дорожную пыль из штанов и кожаной куртки. Оставалось только надеяться, что голод, терзавший его нутро, был не слишком отчётливо написан у него на лице.

Добравшись до деревни, он увидел расписную вывеску, колеблемую океанским бризом, и направился прямо туда. Вывеска изображала рыбу, перепрыгивающую через вершину горы. Естественно было предположить, что гостиница находилась именно здесь: по крайней мере, двухэтажных строений в деревне больше не наблюдалось. Белёная штукатурка местами отвалилась от каменных стен, обнажая кладку, скреплённую раствором. У входной двери стояла на привязи одна-единственная лошадь, а в переулке — два стреноженных мула. Следуя примеру, Вандиен завёл туда же своих скилий. Вся четвёрка тут же попадала на землю, и вскоре раздалось мерное похрапывание. Вандиен знал, что они так и проспят весь день до вечера, если только он их не разбудит. Тем не менее он накрепко привязал повод к толстому железному пруту коновязи. И со стоном наклонился вперёд, пытаясь привести в порядок измученный позвоночник. Когда же он выпрямился, перед ним стоял высокий мужчина. Стоял и смотрел на него оценивающим взглядом.

Море наложило неизгладимую печать на его внешность. Цвет его глаз был где-то на неуловимой грани между серым и голубым. Смотрели же эти глаза как бы сквозь Вандиена, словно их обладатель столько раз в своей жизни взирал на далёкий горизонт, что близких предметов для него попросту не существовало. Закатанные рукава грубой рабочей куртки открывали крупные руки, покрытые дублённой непогодами кожей. Узловатые запястья были под стать мускулистым предплечьям, одного мизинца на руке не доставало. Стоял же мужчина так, словно не вполне доверял одной ноге. Редеющие волосы были зачёсаны ото лба назад. Рыбак, выброшенный морем на берег, — сообразил Вандиен. Рыбак, не способный более стоять вахту и ставший содержанием гостиницы.

— Судя по шраму на роже, ты и есть возчик, прибывший к нам на Храмовый Отлив, — сказал человек. Он

ронял слова скупой, точно монеты, с которыми ему совсем не хотелось расставаться.

Вандиена не смутило подобное обращение. Он давно привык к тому, что его узнавали по шраму.

— Ага, — сказал он. — А ты, надобно полагать, хозяин гостиницы?

— Так точно. И притом распорядитель праздника, — в нынешнем году будет третий раз, как я этим занимаюсь. Когда народ вернётся с уловом, начнём развешивать флаги в честь Храмового Отлива. Ты будешь жить в гостинице и есть здесь же. Наверху тебя ждёт славная комнатка. И еда, когда пожелаешь.

— А как насчёт мытья? — спросил Вандиен.

— Можно и ванну... — Мужчина нахмурился, как будто Вандиен выпрашивал себе невесту какие блага. — У нас тут принято, чтобы до Отлива возчик получал всё, что душе угодно. А если выступит как следует — ещё и будь здоров какую отвальную. Честно говоря, — тут он снова смерил Вандиена взглядом с головы до ног, — того парня, что приезжал в прошлый раз, пожалуй, уже не затмишь. Весь разодетый в кожу с цепями, а в упряжке у него было шесть самых здоровенных мулов, каких я когда-либо видел. И умных к тому же. Пока не пришло время Отлива, мулы показывали фокусы: они умели считать! И сам возчик был не промах. Голыми руками гнул железные полосы, вот оно как! Минул Отлив, а деревня его ещё три дня не отпускала. Он даже знал пару-тройку заковыристых песенок, которых мы тут не слыхивали. А уж мулов, как у него, мы, верно, больше и не увидим. За одну ту неделю гостиница доход получила, как в обычное время за месяц... — Он помолчал, хмуро глядя на Вандиена, потом спросил: — Ты хоть жонглировать-то умеешь? Или как?

На этот счёт Ки его предупреждала. На кончике его языка повисла дюжина ядовитых ответов, но он их все проглотил и ответил просто:

— Нет, не умею. Я, видишь ли, не знал, что это требование к претенденту. Насколько мне известно, деревня нанимает возчика с упряжкой, чтобы выволочь что-то там такое из затопленного храма...

В его голосе всё-таки прозвучала насмешка, но мужчина не обратил на неё внимания.

— Ты называешь ЭТО упряжкой? — спросил он с откровенным сомнением.

— Называю, — ровным голосом отвечал Вандиен. И наклонился погладить чешуйчатое плечо ближайшей скильи. Животное дёрнулось в своей сбруе, беззубые челюсти влажно клацнули. Вандиен мысленно возблагодарил небеса, что при дневном свете скильи были полуслепы. — Этот из них самый привязчивый, — заметил он, любовно похлопывая стрекалом по задранной морде. Скилья гибко двинула крапчатой шеей и убрала голову.

— Раньше к нам сюда всегда приходили с лошадьми, ну, там, с мулами. Тоже что-то вроде традиции... — Хозяин гостиницы поскрёб пальцами серебристую щетину на подбородке. Он явно продолжал сомневаться.

— Чего вы вообще тут хотите — блюсти традиции или всё-таки вытащить из подводного тайника хренов сундук? — негромко поинтересовался Вандиен. — Когда я скреплял договор рукобитием, не было никакого разговора ни насчёт породы, которая будет у меня в упряжке, ни о том, чтобы я непременно жонглировал куриными яйцами или извлекал платки из рукавов. Я полагал, меня нанимают для того, чтобы я совершил некоторое дело. А вовсе не затем, чтобы я ещё раз повторил прошлые неудачи. Впрочем, вы заказчики, вы и смотрите...

— Э, постой! — Мужчина вскинул широкие ладони, не то защищаясь, не то упрямивая. — Я же не говорил, чтобы мне не нравились скильи. Верно, т'черья всё время ими пользуются, и в плуг запрягают, и в повозки. Я просто не возьму в толк, как такие коротконогие звери ходят в упряжке да ещё что-то возят!

Вандиен посмотрел на разлёгшихся скилий и коротко пояснил:

— Так устойчивее.

Вообще-то, он и сам был полон сомнений. Самый рослый зверь в упряжке был ему едва до бедра, другое дело, Паутинный Панциль, отчаянно шепелявя, с жаром настаивал на их выносливости и исключительной силе. Но вот к чему Вандиен уже отчаялся привыкнуть, так это к не-

вероятной гибкости скилий. Они чем-то напоминали ему акул: тоже сплошные мышцы и сухожилия, обшитые толстой кожей. Тот удар хвоста заставил его задуматься о том, как же эти твари были устроены. Не могло же, в самом деле, так гнуться что-то с костями внутри?.. Так или иначе, не время было предаваться размышлениям и пестовать невольную брезгливость. Он с беззаботным видом пожал плечами:

— Просто они поближе к земле, и, по-моему, это не недостаток. Фургон может до ступиц уйти в грязь, и даже тогда мои красавцы легко его выдернут. Хвосты напрягутся, всеми четырьмя ногами упрутся, спины как-то выгнут, — не знаю уж, какой должен быть груз, чтобы их удержать! А лапы! Ты посмотри только на эти лапы! Разве они завязнут в грязи, как лошадиные копыта? Вишь, какие они широкие, — и вес лучше распределят, и упираться удобней...

— А в воду ты их заводишь не боишься? — не сдавался старый рыбак. — Там, в храме, даже в Отлив бывает не больно-то сухо. Чего доброго, вброд придётся...

— Они у меня обучены что надо, — отделался Вандиен несколько расплывчатой фразой. Этот вопрос он собирался как-нибудь решить на ходу.

Хозяин гостиницы внимательно смотрел на него, словно оценивая весомость его слов. Потом присел на корточки подле упряжки и долго созерцал её, не произнося ни слова. Вандиен, оставшийся стоять, вдруг показался себе непозволительно рослым рядом с лежащими скильями и сидящим на корточках человеком. Он едва подавил в себе желание опуститься наземь вместе с ними. Он опёрся на коновязь и стал ждать, надеясь про себя, что ожидание не затянется. Его желудок был пустым сморщенным мешочком, подвязанным к концу пищевода.

— Та женщина, с которой мы договаривались, — вырвалось у него, — Зролан. Она где-нибудь здесь?

— В гостинице, — ответил бывший рыбак. Резко выпрямившись, он протянул Вандиену широченную ладонь: — Я — Хелти.

— Вандиен.

Их руки соприкоснулись. Вандиену пришлось задрать голову, чтобы посмотреть новому знакомому в лицо.

Сперва они очень серьёзно смотрели друг другу в глаза, потом хозяин гостиницы расплылся в улыбке, и Вандиен улыбнулся в ответ.

— Я смотрю, — сказал Хелти, — ты парень крепкий и на язык острый, хотя и ростом не вышел, чистый юнец. Пошли, поешь да передохнёшь. Народ скоро соберётся, все захотят тебя видеть. Да и Зролан, верно, пожелает с тобой перемолвиться. И ещё тебе надо познакомиться с Заклинательницей, которая будет колдовать против тебя.

Вандиен не сразу сообразил, что челюсть у него отвисла; когда же понял — поспешно захлопнул рот. Старый рыбак рассмеялся:

— Так я и знал: об этом она тебе и не подумала рассказать... Даже если она вообще вдавалась в какие-либо подробности насчёт сундука, в чём я не уверен. Зролан любит сделать вид, будто и ныне всё как в старые времена: мы против Заклинательниц... и всё такое прочее. Она стара, так что не суди её строго... Ладно, парень, я вижу, у тебя совсем подвело брюхо, да и по какой следует кровати, верно, соскучился. Пошли!

Вандиен пошёл следом за Хелти. Голова у него от всего услышанного шла кругом, он тщетно пытался привести свои мысли в порядок. Ещё он предчувствовал, что весьма скоро ему уже полностью объяснят все обстоятельства, и они, эти обстоятельства, ему навряд ли понравятся.

Крылечко гостиницы было снабжено аж перильцами, а деревянная дверь была устроена так, как принято у людей. Два больших прямоугольных окна пропускали внутрь солнечный свет сквозь молочно-мутные стёкла. Исцарапанный деревянный пол был сколочен из выброшенных морем старых корабельных досок. Общая комната заставлена столами, водружёнными на козлы, и скамьями при них. На столах виднелись оплывшие свечи, утонувшие в лужичках собственного воска. Огромный камин в дальнем конце помещения зиял, точно пещера, стылая и чёрная. Какой-то подросток, склонившись, выгребал из камина золу. По людским меркам место вполне чистенькое. За широкой боковой дверью клубился пар и слышался лязг: там помещалась кухня. На верхний этаж вела лестница без перил, и там, наверну, было темновато.

— Присядь, — сказал хозяин гостиницы и добродушно огрел Вандиена по плечу, благополучно уронив его тем самым на указанную скамью. — Сейчас вернусь, еды принесу, тогда и поговорим.

До чего приятно было снова соприкоснуться с мебелью, вытесанной по человеческой мерке. Вандиен осмотрелся и был поражён: комната вообще выглядела так, словно её предназначали исключительно для людей. Вообще-то, он был наслышан о замкнутых общинах, допускавших в свои ряды лишь одну какую-либо разумную расу, но сам до сих пор не бывал ни в одной. В столь ранний час гостиница была почти безлюдна — если не считать парнишки, чистившего камин. Потом появилась хмурая маленькая девушка-служанка. Она зло посмотрела на Вандиена, словно это по его вине её послали с ведёрком и тряпкой натирать маслом столешницы...

Больше в комнате никого не было. Вандиен вытянул шею и наклонился, пытаясь рассмотреть маленький столик, ютившийся в тени под лестницей. Там сидела женщина, облачённая в просторные одеяния. Однако это была не Зролан, — та, насколько он запомнил её, вроде бы ростом пониже. Он почти придумал благовидный предлог подняться и пойти рассмотреть женщину повнимательнее, когда возвратился Хелти с подносом в руках.

— Всё по выбору повара! — объявил он, со стуком разгружая поднос.

Состав блюд можно было предвидеть заранее. Пирожки с рыбной начинкой, приправленной водорослями, густая похлёбка-чоудер из рыбы и моллюсков с мясом и овощами (в которую явно попало всякой твари по паре из выловленных накануне) и хорошая кружка горьковатого эля. Пока Вандиен расставлял перед собой миски, Хелти выложил на стол свежее выпеченные хлебцы, завернутые в чистую тряпочку. От запаха съестного изголодавшегося Вандиена слегка замутило. Хелти, видимо, понял это по его лицу. Он звонко расхохотался:

— Ты давай ешь, а говорить предоставь мне, — сказал он. Дальнейших приглашений Вандиену не понадобилось. От горячих рыбных пирожков валил пар, они жгли пальцы, но ему было всё равно. Откусив пирожок, Вандиен

принялся жевать, свободной рукой размешивая и слегка остужая похлёбку. В ней плавали кубики корней кара, моллюски-блюдечки, вышелушенные из раковин, мидии и ещё не пойми что. На дне миски его ложка звякнула о ракушки. — Что касается Зролан... — Хелти покачал головой. — Наверное, ушла наверх. Страсть не любит даже сидеть в одной комнате с ЭТИМИ. — Он мотнул головой в сторону закутанной фигуры за столиком под лестницей. Нет, и зачем только я отпустил Зролан? Бродить по дорогам в поисках возчика — это всё же занятие для молодых. Она, однако, настаивала, ну а у меня кишка оказалась тонка сказать ей «нет». Она приходится бабушкой половине деревни, а остальным — тёткой. Поди скажи ей, чтобы не смела уходить. Вот она и отправилась. Я, в общем, знал, что она смотрит на Храмовый Отлив не так, как все мы, остальные, но кто ж предполагал, что она тебе до такой степени голову заморочит? Пойми, парень, ей много лет. Больше, чем ты, верно, думаешь. Надеюсь, ты не заставишь на неё зла?..

Вандиен проглотил очередную порцию еды и вздохнул, чувствуя приятное тепло, разливавшееся по всему телу со стороны желудка. Он неторопливо разломил горячий хлебец. Пористый мякиш пахнул домом, уютом, довольством.

— Сперва объясни мне, — сказал он, — за что я мог бы держать на неё зло, и тогда уж я решу, сердиться или нет.

Хелти явно смутился. Он показался Вандиену похожим на рыбу, которая мечется в луже, оставленной отливом, в напрасных поисках выхода.

— Храмовый Отлив... он... ну... в общем, я помню его с детства, и всегда это был весёлый праздник... пряники там, лучшие овощи горькухинских земледельцев... Рыбакам на какое-то время удавалось забыть, что скоро наступит лютая зима и до весны им придётся натерпеться всякого в море. Мы отрешались от нашей суровой повседневной жизни и с головой окунались в праздник... смотрели на мулов, обученных счёту, на голубей, вылетающих изпод перевёрнутой миски... И самое главное, гвоздь всего празднества, — мы всласть любовались тем, как кто-то другой полной чашей хлебает сырость, холод, тяжёлую работу... всё то, что нам предстоит в течение зимы...

Хелти умолк. Вандиен кивнул, продолжая жевать и наблюдать за тем, как ёрзает на скамейке рослый рыбак. Молча прихлёбывая холодный эль, он ждал, что Хелти скажет ещё.

— Попробую пояснить тебе, как мы тут смотрим на вещи, — продолжал тот. — Верно, есть такая легенда о сундуке Заклинательниц, погребённом под слоем тины и ила, который нанесло в храм. Но насчёт того, что кто-то должен прийти и выудить его из-под воды, это... ну... вроде сахара с пряностями на макушке сдобной булочки. На самом деле всё совершается ради зрелища. Представь себе: возчик со своей упряжкой влезает до подмышек в холодную воду, волны хлещут его по роже, он пытается что-то там такое нашарить, а на берегу, на вершине утёса, стоит Заклинательница, и вихрь, который она сама накликала, раздувает её синие одеяния, пока она всячески старается возчику помешать. Как выразился однажды забредший к нам рифмоплёт: древнейшая, мол, битва человека со стихиями ветров и воды. Ужас сколько стихов он по этому поводу сочинил. Он-то, между прочим, и объяснил нам, что во всём этом деле с сундуком мы, здешние, всего пуще ценим именно показуху. Зрелище, вот оно что! Да что пересказывать: надеюсь, Колли уже починил свою арфу, так что ты сам эту песню услышишь, здесь, в этой самой комнате, и не далее как нынче же вечером!

Вандиен поймал себя на том, что снова кивает. Он порадовался, что здесь не было Ки, которая уселась бы по другую сторону стола, и стала бы насмешливо ухмыляться, и была бы, прах побери, совершенно права. Он продолжал есть, но еда неожиданно утратила всякий вкус. Значит, показуха! А он, Вандиен, — наёмный шут! Всё-таки он тихо сказал:

— Зролан предложила мне немалую плату. Причём не только деньгами.

— Конечно, конечно! — озабоченно подхватил Хелти. — Не сомневайся, тут всё без вранья. Но плату ты получишь только в том случае, если вытащишь-таки сундук. Нет, Зролан никогда не посулит больше, чем она в состоянии заплатить. Опять же, деревенский совет никогда не жмётся с кубышкой, приготовленной к празднику для возчика. Может, потому, что награду ещё не приходилось вы-

плачивать... — Хелти помедлил и пояснил: — Из этих денег они мне возмещают за стол и ночлег нанятого возчика. Остальное тратят во время праздника Середины Зимы. У нас тут не жадничают, когда речь идёт о нашем же удовольствии, — заверил он Вандиена.

— Ясенько... — Вандиен задумчиво помешал ложкой похлёбку. До сытости было ещё далеко, но сам процесс еды вдруг показался ему слишком утомительным. Так, значит, не было реальной возможности не то что убрать с лица шрам — даже и подзаработать. Человек, не придающий особого значения рукобитью, на его месте встал бы и ушёл прямо сейчас, даже не попытавшись ничего предпринять. Но только не Вандиен. Что думали о нём другие, ему было, в общем, наплевать, но вот ронять себя в своих собственных глазах он ни в коем случае не собирался. Итак, он, оказывается, дал слово прилюдно выставить себя дураком. И значит, быть посему. Он сделает всё, что в его силах, а там будь что будет.

Хелти изумился и даже отчасти встревожился, когда погрустневшую физиономию возчика неожиданно искривила усмешка. Ну и типа добыла Зролан, — а впрочем, чего ещё от неё ждать?..

Вандиен поднял кружку, осушил её и с приступком поставил на стол. Хелти сразу подхватил её и помахал рукой подростку, который кончил отскребать шлак и золу и пошёл за новой порцией эля.

— Не желаешь осчастливить меня ещё какими-нибудь милыми маленькими откровениями насчёт дела, которое мне предстоит? — почти весело спросил Вандиен.

— Нет, нет, что ты... Вот разве что... может, захочешь познакомиться с Заклинательницей, которая будет колдовать против тебя? Я к тому, что бороться — это, конечно, да, но враждовать-то зачем? Тем более что оба вы — гости нашей деревни, приглашённые на праздник Храмового Отлива. И не то чтобы она выбрала лично тебя, м-м-м, в жертву, просто в этом году подвернулся именно ты...

— Вот именно, — сказал Вандиен. — Так что всё правильно, никаких обид, все друзья, все друг друга любят. Пью за тебя, моя соперница!

Мальчик поднёс кружку, и Вандиен высоко поднял её.

— Вот именно...— В голосе Хелти не слышалось абсолютной уверенности. Слова Вандиена звучали обнадеживающе, но за лёгкостью тона ощущались несгибаемые углы. С другой стороны, как ни крути, а искать другого возчика времени уже не оставалось. Про себя Хелти твёрдо решил, что следующий раз отрядит подыскивать возчика кого угодно, только не Зролан. С этим парнем, похоже, каши не сваришь и веселья, какого следует, не дождёшься. И, что ещё хуже, брюхо на еду и выпивку у него, похоже, бездонное. С какой стороны ни посмотри — паршивая сделка. И ничего уже не поделаешь. Хелти попытался рассеять мрачное настроение возчика и сказал: — В этом году нам прислали на редкость славную Заклинательницу. Сейчас совсем не то, что в прежние времена, когда Заклинательницы очень гневались на нас за наш праздник и потом неделями подряд насылали на деревню шторма. Теперь, по счастью, они поняли, что он на самом деле для нас означает: ничего особо серьёзного, просто немножко притворства, веселья и отвлечения от больно уж непростых рыбацких будней. Ну так вот, нынче прислали нам весёлую славненькую малышку. Вообрази, она хочет пожить прямо здесь, с нами, в гостинице, как будто она такая же, как все! Похоже, она недавняя ученица — это судя по цвету её одежд и ещё по тому, что чешуйки на ней такие тоненькие-тоненькие, не очень присмотришься, так и не заметишь. Другое дело, ветер раздуть умеет что надо. Нет, честно, такой милой да приветливой у нас ещё не бывало. Чем, ты думаешь, она вчера вечером занималась? Наколдовывала ветерок детишкам для змеев, чтобы каждый смог запустить, даже мелюзга. По нашим меркам, чтобы ты знал, это что-то новенькое: обычно они держатся со всей вежливостью, но так, словно едва переносят наше веселье. А нынешняя, кажется, решила сама повеселиться не меньше нас. Нет, ты только представь себе: собираемся мы все прошлым вечером вот тут, у огня, и готовимся спеть несколько песен. Празднество наше очень старое, песен поётся много, надо же, сам понимаешь, освежить кое-что в памяти. Ну а певцы из нас, рыбаков, ещё те: редко всё же приходится этим заниматься. Получалось у нас не столько мелодично, или как там это называется,

сколько громко и от души. И вот, только мы как следует вошли в раж и начали в такт грохотать кружками по столам, как вдруг, слышим, вливается в нашу капеллу голосок совсем другого разлива. Такой высокий, чистый да ясный, точно птичка надумала заговорить на человеческом языке. Все мигом замолкли, давай оглядываться по сторонам, и точненько: вот она, стоит на лестнице. Вот когда во рту у нас у всех пересохло и все подумали одно и то же: сколько, значит, она там простояла, сколько всего успела услышать? Песенки-то у нас тут всякие водятся, и в старых, ясное дело, о Заклинательницах поётся не шибко почитительно. Ну и как по-твоему, что она дальше сделала? Ничём не догадаешься. А сделала она вот что: допела песню одна за весь хор, улыбнулась нам и сошла вниз. «Дай же мне кружечку вашего самого лучшего пива, — говорит она, — а я вам спою старую-престарую песню, какой вы никогда не слышали, хоть и сложена она об этой самой вашей деревне. Мы её так и называем: „Деревня пахарей моря“... И вот так прямо и заводит песню, и вправду на старый-престарый мотив, только забирает до того высоко, что ни одному из нас, хоть тресни, ни одной ноты не взять. И, поди же ты, песня таки оказалась про Обманную Гавань, и как мы собираем морской урожай, и ещё там было полно шуточек насчёт того, как усердно мы пашем волны во время Храмового Отлива, разыскивая то, чего на самом деле там отродясь не бывало.

— Туго доходят до меня такие шуточки, — медленно проговорил Вандиен. Его низкий, негромкий голос прозвучал разительным контрастом весёлому изумлению, которым так и захлёбывался Хелти.

— Нет, там вправду очень смешно, — продолжал старый рыбак. — Мы, мол, высылаем мужика с упряжкой, и он вспарывает волны, поворачивая туда и сюда, совсем как пахарь, взрезающий борозды, чтобы бросить в них зерно, только весь наш урожай — рыба из моря... Нет, я, конечно, всё не так рассказываю, надо тебе послушать, как это звучит на самом деле, всё в рифму, и слова всё время играют, всякие там двойные значения и...

— Я не про то. — Вандиен говорил по-прежнему тихо, но словесный поток, извергаемый Хелти, сразу же прекра-

тился. — Это-то даже и я понимаю. Я к тому... что там насчёт поисков того, чего отродясь не бывало?

— Зролан!.. — Хелти буквально прошипел это имя, выдохнув его тоном бессильного попрека. — Слушай, парень, мне из-за тебя плохо сейчас станет. Неужели она тебе не сказала, — Заклинательницы испокон веков отрицали, что там, в храме, вообще что-то есть? Сами они говорят, что насылают свои шторма больше из-за того, что совать любопытные носы в разрушенный храм — в любом случае святотатство...

— Так существует или не существует сундук, который я припёрся вытаскивать? — каменным голосом осведомился Вандиен.

— Не существует, — неожиданно послышалось сзади.

Голос, прозвучавший из-за его плеча, дышал шелковистой мягкостью, но вместе с тем чувствовались в нём чистота и мощь, которую могли породить только годы постоянных упражнений. Вандиен повернулся не спеша, запретив себе выказывать удивление. Мало кому удавалось подобраться к нему незамеченным. Ей вот удалось.

— Заклинательница Киллиан... — с почтительным придыханием обратился к ней Хелти. — Наш разговор был весьма откровенным, надеюсь, он не прогневал тебя? Этот парень нанялся, толком не зная наших обычаев и не ведая, чего от него на самом деле хотят. Я просто...

— Успокойся, добрый хозяин. Как же можно обижаться на правду?.. Твоё имя, возчик?

Какое-то время Вандиен смотрел на неё снизу вверх, не торопясь отвечать. Росточка она была не слишком впечатляющего. Пожалуй, она была этак на полголовы выше его самого, но в основном за счёт стоячего капюшона. Если бы её лоб остался таким же, как тогда, когда она ещё была человеком, её и Вандиена брови оказались бы на одном уровне. Стройное худенькое тело с головы до пят окутывали бледно-голубые одежды, оставлявшие открытыми лишь лицо и руки до запястий. Быстрый глаз Вандиена сейчас же подметил тонкую чешую, едва начинавшую голубеть по краям. И чешую, и голубой оттенок можно было принять за безукоризненно выполненный рисунок на коже, но это был не рисунок. Её ногти поне-

многу превращались в такие же роговые чешуи, только более плотные. Бровей и ресниц на лице не было уже давно, чешуи покрывали даже губы, только на них они были слегка розоватыми. Настоящая Заклинательница Ветров. Вандиена всю жизнь строго предупреждали: ни в коем случае не открывай им своего имени. И он молчал, словно немой.

— Его зовут Вандиен, — нарушил неловко затянувшееся молчание Хелти. — Прошу тебя, присаживайся, Заклинательница Киллиан. Может, принести тебе чего-нибудь перекусить?

Потупившийся было Вандиен взял свою кружку, поднёс её ко рту и смело уставился на Заклинательницу поверх неё, одним глотком влив в себя добрую половину содержимого. Он видел, как заметался Хелти, но ему не было до этого дела. Ему не слишком понравилось, как тот без спросу обошёлся с его именем. Пускай теперь покрутится. Может, подавится...

Но Киллиан как ни в чём не бывало опустила на скамью рядом с Хелти. Казалось, она не ощущала никакой неловкости. Её капюшон удивительно изящно покачивался в такт каждому её движению, точно мягкий хохолок птицы, бредущей по мелководью. Если бы не этот капюшон, она вполне сошла бы за обычную молодую женщину, намотавшую на себя несусветное количество ткани. Серые, совсем человеческие глаза с подкупающей девической искренностью смотрели на Вандиена. Нет уж, строго напомнил он сам себе. Нет в ней ничего человеческого и тем более невинного. Может, было когда-то, но теперь — нет.

— Он разговаривать-то умеет, этот твой возчик? — поддразнила его Киллиан.

— Когда ему есть что сказать, — парировал Вандиен.

— Неужели тебе нечего сказать той, что станет бороться с тобою завтра? — Её серые глаза улыбались Вандиену и в то же время словно бы не ему, так, будто он был непослушным ребёнком, а Хелти — не в меру любвеобильным родителем.

— Да вроде как нечего, — сквозь зубы выдавил Вандиен.

— Как жалко. А я-то ждала встречи с моим супротивником, думала оценить, довольно ли он хорош, чтобы про-

тивостоять моему искусству. Неужели ты так молчишь оттого, что загодя оробел? Уж не задумал ли ты удрать под покровом ночи, Вандиен, неужто мы с тобой так и не померяемся силами?

— Сама-то не удерёшь?

— Вот как? Ты думаешь, это облегчило бы твой труд? Значит, не будь ветра, свищущего в лицо, ты плескался бы в воде до полного удовольствия и в самом деле нашёл что-нибудь в затопленном храме? Да, если бы наши храмы, древние и новые, не строились только для нас и не посвящались лишь нам, я бы испытала искушение позволить тебе сделать попытку.

— Ну, уж так-то зачем, уж так-то зачем, — поснешил вмешаться обеспокоенный Хелти. Он поднялся, и его тяжёлая ладонь легла на плечо Вандиена: — Ни к чему нам тут твоё злоязычие, молодой человек. Всё правильно, тебя малость надули насчёт работы, которую ты должен исполнить. Мне очень жаль, что так вышло. Но раз уж вышло, то прими всё как есть, твёрдо и весело, как положено порядочному человеку. Выше голову, не журись! Неужели так трудно пережить пару дней на всём готовом, в тёплой чистой комнате с мягкой постелью и вообще всем, чего душенька пожелает? Правильно, богачом ты у нас тут не станешь, но Зролан, уж верно, порассказала тебе, как мы принимаем возчика, которого пригласили! Хочешь новый плащ? Пожалуйста. Новые сапоги? Только намекни. Когда дело касается гостей, у нас тут скупердяйничать не принято. Ну и что, если тебя сюда хитростью заманили? Заманили, но ведь не обидим! Давай, парень, придумай, что слупить с нас себе в утешение, и не злись. А ты, госпожа Заклинательница Киллиан, прошу, сделай милость, не принимай слова нашего возчика очень уж близко к сердцу, хорошо? Он одолел неблизкий путь, добираясь сюда, умотался до полусмерти и оголодал, и в горле у него совсем пересохло. Думал, тут его золотые горы ждут не дождутся, а н глядь, за все мучения — рыбный чоудер да новые сапоги! Это ж совсем святым надо быть, чтобы настроение не испортилось. Сейчас он в горячей ванне отмокнет да полежит отдохнёт малость, и всё как рукой снимет. А? — Широкая ладонь, лежавшая на плече Вандиена,

предостерегающе отяжелела. Когда же Вандиен поднялся, Хелти не только не убрал руку, но даже помог ему подняться и направил гостя к лестнице. — Вот увидишь, всё будет в порядке. Встанешь завтра как новенький, с улыбкой на лице и боевым духом в груди...

— Вне всякого сомнения, — сказал Вандиен. Обращался он к Хелти, но смотрел на Заклинательницу Ветров. Что за родители наградили свою дочь такими глазами? И как они себя чувствовали, когда их дитя ушло от них к Заклинательницам? Или, может быть, она разделила судьбу множества маленьких девочек, которые однажды вышли из дому погулять — и более уже не возвратились? Помнила ли эта Киллиан свою семью?..

И вот тут большой серый глаз Заклинательницы подмигнул Вандиену, да так девически кокетливо, что у него кровь в жилах похолодела.

Он медленно взошёл наверх по ступенькам. Хелти, оставшийся внизу, громогласно призвал кого-то по имени Джени, требуя приготовить ванну для гостя. Лестница привела Вандиена в коридор, скудно освещённый окошками по обе стороны. Он отметил про себя, что лестница была без перил, и заранее решил вечером не напиваться. Две из шести дверей, выходящих в коридор, были закрыты. Вандиен на скорую руку осмотрел остальные четыре и выбрал самую большую и хорошо проветриваемую спальню.

Оконные ставни были распахнуты настежь и прихвачены защёлками, чтобы не болтались, и по комнате без помех гулял свежий морской бриз. По гостиничным меркам комната была обставлена вовсе не плохо. Была здесь и ванна — крепкая деревянная лохань, способная вместить человека куда крупнее Вандиена. На деревянной подставке, простой, но в то же время изящной, стоял кувшин и при нём тазик. Кровать была снабжена соломенным тюфяком, двумя толстыми покрывалами и шерстяным одеялом, свёрнутым в ногах. Имелся даже сундук, на тот случай, если постояльцу понадобится куда-то сложить своё имущество. На полу красовались две потёртые звериные шкуры: одна у кровати, другая возле лохани. Завершал обстановку спальни деревянный табурет.

Вандиен с большим облегчением сел на кровать. На какое-то мгновение он позволил себе понуро ссутулиться, потом расправил плечи, протёр слипающиеся глаза и убрал со лба волосы. Тут в дверь постучали, а потом распахнули её плечом прежде, чем он успел отозваться. Джени явно приходилась старшей сестрой девочке, протиравшей столы: сходство было несомненное. Она внесла два ведра воды, от воды шёл пар. Мальчик-слуга, вошедший следом за Джени, тащил такую же ношу и ещё два грубых полотенца, переброшенные через плечо.

— Твоя ванна, возчик! — объявил мальчишка, выливая воду в лохань.

— Да, а то вдруг он подумает, что это суп, — хмыкнула Джени и, скосив глаза на Вандиена, пожала плечами — что, мол, с глупенького возмёмшь. Рубашка прямо-таки пугающе подробно обрисовывала её грудь. Вандиен задумался о том, с кем она пытается заигрывать — с ним или со слугой.

Парнишка не подал виду. Бросил полотенца на табурет и протопал вон из комнаты. Джени оглядела комнату, запустила руку в карман передника, извлекла пригоршню сушёных трав и бросила в воду. Потом наклонилась размешать, по-прежнему искоса поглядывая на Вандиена. Вандиен сидел молча и ждал. Джени выпрямилась и вытерла мокрую руку о передник.

— Нужно ещё что-нибудь, возчик?

— Да нет, спасибо, — сказал Вандиен. — Тут и так всё гораздо приличней, чем я ожидал.

— Ты не стесняйся, проси, что в голову взбредёт, — продолжала Джени. — Возчику, приглашённому на Храмовый Отлив, ни в чём нет отказа, так что не робей.

Вандиен отвечал с самым серьёзным видом:

— Я постараюсь.

— Ну ладно тогда. — Джени снова оглядела комнату и коротко вздохнула. — Тогда я пошла. Приятно помыться.

— Спасибо.

Джени проследовала к двери и весело улыбнулась Вандиену, закрывая её за собой.

Оставшись один, он со вздохом наклонился стащить с ног сапоги. Может, ему и в самом деле стоило попросить

новую обувь; эти сапоги определённо видали лучшие времена. Стянув через голову рубаху, Вандиен уронил её на пол и не стал поднимать. Рубаха представляла собой целую летопись, запечатлевшую и его возню со скильями в ручье, и все подробности путешествия по пыльному большаку. Потом в ту же кучу полетели пачканные-перепачканные штаны.

Сперва вода показалась ему слишком горячей, но, постепенно погрузившись в неё, Вандиен всем телом ощутил, как она смывает не только грязь, но и усталость. Зачерпнув ковшиком, он полил себе на голову. Потом откинулся назад и сполз пониже, так, что небритый подбородок коснулся воды. Опершись затылком о край лохани, Вандиен блаженно закрыл глаза...

— Я забыла ведёрки!

Вандиен даже не вздрогнул и сам этому удивился. Он открыл глаза и увидел Джени, стоявшую в дверях.

— Я просто пришла забрать ведра, — сказала она. Прозвучало это вызывающе и колко.

— Вообще-то, это и хорошо, что ты заглянула, — сообщил ей Вандиен. — Хочу тебя кое о чём попросить... Не в службу, а в дружбу...

— О чём же? — У Джени округлились глаза.

— Когда понесёшь ведёрки, может, заодно захватишь мои штаны и рубаху? Их не помешало бы постирать. И... — Вандиен призадумался, — я был бы весьма благодарен, если бы ты мне подыскала что-нибудь подходящее на смену...

— Хорошо, возчик. — Голос Джени стал скучным. Она подхватила ведёрки и повесила на руку его грязную одежду. Дверь хлопнула так, что на сей раз Вандиен вздрогнул. М-да, тут уж ничего не поделаешь. Он только спросил себя: а был ли я сам когда-либо таким же молодым, как эта Джени?.. Он снова сполз пониже в горячую воду, из потаённых глубин тела начал выходить холод, и только тут Вандиен как следует понял, до какой степени промёрз по дороге. Он снова откинул голову на край лохани и блаженно обмяк...

Дверь потихоньку растворилась. Вандиен не стал обращаться, хотя происходившее начинало уже его утомлять.

— Может, тебе спину потереть, возчик?

— Знаешь, Джени, — сказал Вандиен, — моя спина находится на том же самом месте, сколько я себя помню. Так что я уж как-нибудь её разыщу и вымою сам. А ты займись — знаешь чем? Поди прогуляйся по берегу, набереи красивых ракушек и положи их в коробочку. Когда-нибудь, когда тебе будет столько лет, сколько мне сейчас, а чувствовать ты себя будешь так, словно ты ещё вдвое старше, ты заглянешь в коробочку и сразу вспомнишь себя теперешней — маленькой девочкой, которой не терпится скорее стать взрослой. А теперь — брысь!..

И он, всколыхнув воду, повернулся в лохани и указал ей на дверь... Только всё дело было в том, что у двери, прислонившись к ней спиной, стояла вовсе не Джени, а Зролан, стояла и лукаво улыбалась ему. Её тёмные глаза поблескивали.

— А в тихом-то омуте, оказывается, кто-то живёт, возчик Вандиен. Даже тут заметно...

Вандиен смущённо осел в своей лохани. Как ни странно, Зролан своим присутствием действовала на него куда больше, чем юная Джени.

— Я, наверное, показался тебе напыщенным дураком, — пробормотал он. — Я даже и пытаться не буду тебе объяснить...

— Нет нужды. Я видела, с каким лицом она удалилась отсюда. Знаешь, есть определённая порода женщин — и возраст тут ни при чём, — которые не до конца уверены в своих чарах и ни за что не станут заигрывать с красивым мужчиной, боясь быть отвергнутыми. Но когда они видят человека с изуродованным лицом или, к примеру, сухорукую калеку, тут-то они и говорят себе: «Кто ещё, кроме меня, способен разглядеть истинные качества, скрытые за этим увечьем? О, ему наверняка польстит моё внимание, я сумею одарить его тем, что ему, верно, так редко перепадает...» И она делает предложение, уверенная, что парень помрёт на месте от счастья и изумления, — с ума сойти, она сочла его привлекательным, он ей понравился! Ну что, я права?

Как ни скверно, она попала в самую точку. Но Вандиен только сказал:

— Знаешь, Зролан, что-то я не в настроении рассуждать о шрамах прямо сейчас. Если бы меня предупредили, что омовение возчика входит в список праздничных зрелищ, я бы распорядился стащить эту лохань вниз, в общую комнату. Не сердись, пожалуйста, но...

И он мотнул головой в сторону двери.

— Нет уж, придётся тебе потерпеть, — отозвалась женщина. — Потому что другого случая перемолвиться наедине у нас может и не быть. В общей комнате всё время полно посторонних ушей, а ко мне в дом без конца заскакивают соседи: у кого зубы болят, у кого живот вспучило или там плечо растянул — давай, Зролан, лечи. Так что будем разговаривать здесь...

— Да? А что ты скажешь Джени, когда она выдумает ещё предлог и снова сунет сюда нос? Она, кстати, скоро вернётся, я её за чистой одеждой послал...

— Насколько я её знаю, она и без твоего поручения выдумает целую кучу предлогов. Чего-чего, а сообразительности маленькой паршивке не занимать. Уж то-то спокойным местом станет гостиница, когда она наконец найдёт себе мужика! Но вернёмся к нашим баранам: нос она сюда не сунет, потому что, спускаясь по лестнице, видела, как я входила. Она не посмеет открыть дверь: мало ли что тут Бабушка совершает над чужаком! Но хватит об этом. Оставь мысли о плоти и слушай, что я тебе скажу...

Вандиен молча смотрел на неё из лохани, ожидая продолжения. Она же неторопливо прошлась по комнате, разгладила покрывала на постели, встряхнула и по-своему сложила полотенца и наконец присела в изножье кровати. Откинув назад чёрные волосы, она тряхнула головой, рассыпав их по спине. Это было движение, достойное молодой женщины, даже ещё более непринуждённое, чем у Джени. Она повернулась лицом к Вандиену, и он увидел, что все признаки возраста подевались неизвестно куда. Кому какое дело до морщин на лице и костлявых запястий? Стоило посмотреть ей в глаза, и делалось очевидно, что верить подобным приметам было нельзя. Вандиен смотрел на неё с неослабным вниманием.

— Так, значит, — сказала она, — ты думаешь, что мерзкая старуха подло обманула тебя?

Да, такая мысль его посещала, но теперь ей больше не было места.

— Я...

— Я тебя не обманывала. Всё, что я сказала тебе, — чистая правда. В храме Заклинательниц действительно хранится таинственный сундук, и, если ты его вытащишь, ты получишь шесть штук золота и избавишься от шрама на лице.

— Похоже на то, — проворчал Вандиен. Хелти только что заставил его устыдиться собственной доверчивости. Но вот пришла Зролан, улыбнулась, сказала несколько слов — и недавние сомнения показались ему слабостью.

— Да чтоб ему, этому Хелти! — вспыхнула Зролан. — Ему и этой ручной Заклинательнице, которой они нас ошастливили. Вот так наговорит неизвестно чего, смотришь, возчик и сник. Спрашивается, может ли человек победить, если он заранее настроился на поражение? И вот так каждый раз! Поболтают с Хелти — и даже не пытаются ничего отыскать. Так, поплещутся, побарахтаются сколько-то там часов в штормовом море — и бегом назад в гостиницу, к выпивке, к горячей еде, к тёплой постели, в которой уже с нетерпением ждёт смазливая девка. Превратить благородное дело в ярмарочное кривлянье!.. Неужели не понятно, что за всем этим стоит скользкая хитрость Заклинательниц? Или, может, ты думаешь, Вандиен, что так, как теперь, было всегда? Нет и нет! Во дни моего детства Храмовый Отлив объединял и сплачивал нашу деревню. Нам не было нужды нанимать возчика: каждый взрослый и здоровый житель лез в воду на поиски сундука. Что было за время! Шторма, насылаемые Заклинательницами Ветров, жестоко хлестали нас, но не могли поколебать нашу решимость. А теперь и сундук превратился в легенду, потому что успело вырасти поколение дураков, никогда его не видавших. Что им рассказы старших? Пустой звук! А ведь есть, есть в этой деревне прямые потомки тех, кто не только видел сундук, но даже и прикасался к нему. Тех, кто сумел объяснить остальным, что вытащить его не в человеческих силах: нужна, мол, упряжка. По их словам, сперва надо было передвинуть несколько тяжёлых камней, да и сам сундук куда как увесист... Вот с тех-то пор мы и

начали каждый раз нанимать возчика. Другое дело, деньги имеют свойство терять привлекательность, когда Заклинательница Ветров гонит на тебя свирепую бурю. И однажды я поняла, что одни денежные посулы не могут достаточно укрепить ничей дух. Нужна более, скажем так, убедительная причина. Много лет я пытаюсь объяснить им это, но всё без толку. Откуда им знать, как холодит сердце колдовской шторм, как он лишает человека сил и решимости! Им-то никогда не приходилось сражаться с бурей, насланной Заклинательницами... Вот так и вышло, что в этом году я отправилась в путь самолично. Я разыскала возчика и снабдила его достаточным поводом проявить стойкость. Этим возчиком стал ты.

Глаза Зролан смотрели пронизывающе. И Вандиен, который сам нередко пускал в ход обаяние собственного взгляда, не устоял. Дело Зролан стало его делом; её решимость воспламенила его душу. Он только спросил:

— Но как же вышло, что они утратили тот боевой дух, который поныне движет тобой?

— У них слишком короткая память! А кое-кто уже и вовсе ничего не знает! — выкрикнула Зролан. — Как потвоему, отчего когда-то задрожала и провалилась земля? Это всё Заклинательницы, это их богохульство унесло на дно морское нашу деревню! Я сама слышала об этом от бабушки!..

Она умолкла: горло перехватило от ярости, она не могла продолжать. Грудь её вздымалась, выдавая охватившие её чувства. Вандиен молча смотрел на неё. Она была так стара — и в то же время так молода! Гнев зажгёт искры в её глазах, к щекам прихлынула кровь, отчего увядающая кожа вспыхнула совсем по-юношески. Прах поberi, она ему нравилась! Это пришло неосознанно, как дыхание: ему показалось, что он знал её всю свою жизнь. Она — друг. Ей можно доверять, как доверяют человеку, с которым прожил бок о бок целые годы.

И всё-таки...

Здравый смысл нашёптывал ему в ухо, и голос его был голосом Ки. Эта женщина либо спятила от старости, либо... просто спятила. В истории, которую она тут ему двигала, было полно дыр. Что ею на самом деле двигало?

Месть за пращуров, потонувших давным-давно?.. М-да. Надо будет повнимательнее прислушиваться к Хелти. И уж по крайней мере сделать всё возможное, чтобы выбраться из нынешней передрыги с наименьшим ущербом. Неужели Зролан держала его за такого уж доверчивого простачка? Или, может, решила, что ей повезло на такого же свихнутого, как она сама?..

— У тебя там уже вода, поди, остывает, — сказала Зролан, и Вандиен даже вздрогнул, осознав вдруг, сколь надолго затянулось молчание. Он поёрзал в воде. Да, будь здесь Ки, она точно обозвала бы его остолопом. И напомнила, что вмешиваться в чужие ссоры — самое последнее дело. И вообще, когда он отучится действовать по первому побуждению?..

Но Ки здесь не было.

— Так есть там сундук? — неожиданно спросил Вандиен. — Или нету?

— Есть, — просто ответила Зролан, и голос её прозвучал, как колокол правды.

— И вытащить можно?

— Если руки людские что-то куда-то положили, значит, другие руки людские могут это извлечь.

Оставался только один вопрос. Вандиен с трудом выдавил его из себя:

— И ты действительно можешь выплатить мне шесть штук да ещё и шрам с лица смыть?

Зролан поднялась. Когда она улыбнулась ему, он понял, что эту улыбку она хранила для него, лично для него, с момента своего рождения. Было в ней обещание превыше всех обещаний.

— Если ты, человеке, исполнишь свою часть сделки, то почему бы и мне не выполнить свою? — спросила она.

— Но каким образом? — не отставал Вандиен, и она поняла, что речь шла не о деньгах. Молча улыбнувшись ещё раз, она взяла с табурета полотенце и бросила ему. А потом вышла и тихо притворила за собой дверь.

Вандиен вылез из воды, которая действительно успела остыть, потянулся и закутался в полотенце. Кожа на пальцах размокла, стала бугристой. Обмякшее тело мечтало только об одном: забраться в постель и спать, спать...

Дверь снова отворилась.

— Это лежало на пороге с той стороны, — сказала Зролан, входя. Она положила в ногах кровати чистую коричневую рубашку, какие носят рыбаки, и штаны к ней. И вновь исчезла за дверью. Вандиен и рта раскрыть не успел.

Он рухнул в постель, не удосужившись ни вытереться, ни сказать «спасибо» хотя бы вслед Зролан. Покрывало было пухлое, лёгкое и мягкое. Какое блаженство!..

И тут дверь распахнулась в очередной раз, и он услышал:

— Вот ещё что, Вандиен...

Он устало пробормотал:

— У вас тут стучать вообще не принято?

— Представь себе. Так вот, у тебя язык не отсохнет, если ты намекнёшь Джени, что она, мол, чудо как мила и хороша собой. Всего-то пара добрых слов, и, глядишь, проснётся в девке достоинство, может, хоть задумается, прежде чем прыгать на шею следующему путешественнику, которого сюда к нам занесёт. И, чтобы ты знал, она тебе может кое-что порассказать, если только ты её к себе расположишь.

Зролан вышла из комнаты, и Вандиен поспешно сел на кровати:

— погоди!.. — Она остановилась, снова заглянула внутрь, и он спросил: — Ты-то мне всё рассказала? Или, может, сейчас сюда ещё кто-нибудь прибежит с необыкновенными соображениями?..

Зролан улыбнулась ему:

— Скажу тебе ещё кое-что. Самое последнее. Прежде чем укладываться, закрой ставни, пока кашель не подхватил. Хотя ладно, лежи уж... сама закрою.

Быстрым шагом она пересекла комнату, со стуком опустила ставни и заперла щеколдой, чтобы не распахнул порывистый ветер. Комната погрузилась в благословенную полутьму.

— Спасибо, — пробормотал Вандиен, закапываясь поглубже в недра постели.

— На тебя вся моя надежда, возчик, — сказала Зролан из потёмок.

Он не слышал, как она подходила, только почувствовал, как его лба коснулись её губы. Это были жаркие губы возлюбленной; это были бестелесные губы Богини. Странная ласка. Вандиен знал самые разные ритуалы вежливости, но ничего подобного до сих пор не встречал. Тем не менее он почему-то не удивился. Более того: улеглось всё, что грызло его изнутри, все тревоги, сомнения и заботы. Тело его блаженно расслабилось, разгладилось лицо. Его накрыло пушистое, мягкое, тёплое облако сна, бездонного сна. Как выходила из комнаты Зролан, он уже не слышал.

потом из полнейшего НИЧТО возникло НЕЧТО. Оно было молочно-опаловым и вращалось, точно медленный жёрнов. Оно было непередаваемо громадным. Оно неумолимо, тяжеловесно надвигалось на Ки. Прошло время, и в далёком-далёком, давно позабытом закоулке сознания шелохнулся некий инстинкт. Она лениво наблюдала за тем, как её собственная левая рука выпустила голову Дреша и неуклюже, корявым крючком, потянулась к далёкому светящемуся колесу.

Нет, Ки не плыла, не ползла, не... она совсем не делала никаких попыток сдвинуться с места. Колесо отделяло от кончиков её пальцев расстояние примерно в две длины её тела. Нет, между ними пролегла целая жизнь. Оно было где-то там, по ту сторону звёздно мерцающих точек. Оно вообще не было вещественным. Так, мерцающая фреска на дальней стене мироздания. Блаженная сонливость окутывала разум Ки. Она знала, что была здесь всегда. Когда-то, в незапамятные времена, ей приснился сон, будто она к чему-то тянулась. К чему? Зачем?.. Она не помнила. Однако какая-то искра, некий призрак цели всё ещё побуждал её левую руку двигаться вперёд, неуверенно шевеля пальцами. Почему-то ей следовало это делать, вот и всё. Движение её руки было неотъемлемой частью всей этой тьмы, припудренной точками света, неотъемлемой частью вечного полёта-неподвижности. Ки спала и видела сон, растянувшийся на добрую дюжину жизней.

...Миновали эпохи, но прикосновение всё-таки состоялось. Пальцы слегка мазнули по сияющей молочной стене. Их кончики погрузились в тёплое, податливое вещество. Потом погрузилась вся кисть. И она ощутила неожиданную щекотку: наступило пробуждение. Ки, проснувшись, принялась бороться, словно утопающий, которому удалось

приподнять голову над поверхностью. Мерцающая стена расступалась под пальцами, но опоры, чтобы зацепиться и вылезти, не давала. Ки скорее втягивало, всасывало вовнутрь. Вот её лицо коснулось тёплой поверхности и пробило её... По жилам пробежал ток жизни, всю кожу радостно закололо. Нахлынувшие ощущения восхитили Ки, но одновременно и обессилили. Она ввалилась в реальность и рухнула, как мешок...

— Встать!..

Дреш не оставил ей времени ни прийти в себя, ни поразмыслить: его приказ заставил её вскочить на ноги и побежать по смутно мерцавшему коридору, вдоль ряда одинаковых закрытых дверей. Голова мага поводила глазами туда и сюда, цепко ощупывая каждую дверь, мимо которой проносила его Ки; серая стена... серая дверь... опять серая стена... ещё одна серая дверь... Её зрение снова было крепко связано со зрением Дреша, и от того, как он стрелял глазами направо-налево, у Ки начала кружиться голова. Она и так всё ещё не могла переварить всего разнообразия вновь обрётённой жизни. Ки кое-как продвигалась вперёд, пошатываясь и плохо понимая, что происходит.

Дреш рывком остановил её у одной из дверей, ничем не выделявшихся среди других.

— Внутрь! — рывкнул он и заставил её тело выполнить приказ ещё прежде, чем Ки успела сознательно повиноваться. Дверь легко уступила нажатию руки, пропустила её и бесшумно закрылась.

Ки оказалась в небольшой, аскетически обставленной комнате. Постепенно её дыхание успокоилось, и она смогла как следует оглядеться. Комната смахивала и на келью, и на тюремную камеру. В ней не было никакой мебели, кроме низкой кровати, в изножье которой лежали свёрнутые одеяла. Ки с усталым вздохом присела на постель и бережно поставила рядом с собой голову чародея. И принялась растирать натруженные, занемевшие руки, заново привыкая к таким понятиям, как время и физическое пространство. На левой руке обнаружился отпечаток — ровный вдавленный полукруг. Такой след могли оставить только чьи-то зубы. Дреш перехватил едва оформившуюся мысль:

— Ну да, зубы. Мои. А что мне ещё оставалось делать? Должен же я был хоть за что-нибудь ухватиться? Если хочешь знать, ты меня чуть не выронила... Но, если честно, — и тут Ки расслышала в его голосе невольное восхищение, — для простого смертного, не претендующего на какое-либо искусство по части прыжков, ты совершила настоящий подвиг. Сколько раз Рибекке рисковала жизнью, надеясь на своё превосходство в мастерстве? И вот, пожалуйста, мы с ней сравнялись!

— Второй раз у меня так не получится, — сказала Ки. — Лучше даже и не требуй.

— Так говорят все женщины, родив первого ребёнка. И тем не менее как-то находят в себе силы, когда опять приходит нужда. Придётся и тебе, Ки, расстараться, потому что другого выхода у тебя нет. Только не надо загодя думать об этом и зря волноваться. Волнение лишь подтачивает силы, а они тебе пригодятся...

Ки насмешливо фыркнула:

— А то мне без этого не о чем беспокоиться. По-моему, мы сиганули как раз в самую серёдку ихнего улья...

— Здесь, если я что-нибудь понимаю, живут ученицы, — ответил колдун. И пояснил: — Тут есть коридоры — нарочно для тех, кто ещё не владеет искусством совершать прыжки, не подвергая опасности свою жизнь. Собственно, я надеялся попасть в несколько иное место, но мы и так приблизились к цели. Моё тело уже не так далеко отсюда. И чем меньше расстояние, тем больше я могу пользоваться энергией, заключённой в моих членах...

— Ну так давай разделаемся с этим поскорее, — сказала Ки. Подняв голову, она уже привычно устроила её на сгибе левой руки. Тёмная прядь упала при этом ей на глаза. Она провела по лбу пятарней, но волосы никуда не делись. Ки вздохнула и убрала чёрные кудри Дреша с их общих глаз.

— А быстро мы с тобой приспособились друг к дружке, Ки, — хмыкнул маг. — М-да, может, стоит подумать о том, чтобы вообще отказаться от поисков моего тела? Пусть себе лежит у них и лежит. Я бы слегка пользовался твоим телом по мере необходимости, а ты оставалась бы моей верной носильницей и спутницей...

— Ну уж нет, — сказала Ки. — Скорее, я соглашусь быть лошастью, на которой ездит какой-нибудь брорриан. Ладно, Дреш, может, хватит трёпа, а? Тут такая прорва дверей, значит, и учениц хватает. Что, если какая-нибудь войдёт прямо сейчас?

— Неужели ты столь низкого мнения о моих возможностях, Ки? Комната, в которой мы сидим, пустует уже давно. В ней почти истёрлись следы той, которая жила здесь когда-то. Полной безопасности для нас это, конечно, не означает, но, пока мы не выбрались из гнезда Заклинательниц, лучшего убежища нам уже не видеть...

— Тихо!.. — Острого слуха Ки достигло невнятное бормотание нескольких голосов: кто-то шёл мимо по коридору. Страх окатил её, словно волной. Она долго вслушивалась в удалявшиеся шаги. Когда наконец снова установилась тишина, Ки перевела дух, и воздух вырвался из лёгких с судорожным вскриком. — Ну что? — сказала она почти умоляюще. — Идём забирать твоё тело или нет?

— Идём, — ответил колдун. — Давай, выгляни в коридор и спроси первую попавшуюся ученицу, как пройти. А потом рысью вперёд, да не забудь вежливо узнать у Рибекы, не попадались ли ей случайно в последнее время какие-нибудь ящики или сундуки с расчленённым телом некоего волшебника...

Ки мрачно замолчала, но её молчание никакого впечатления на волшебника не произвело, и она нехотя спросила:

— Так что делать-то будем?

— Не знаю, — отозвался Дреш. — Или ты полагаешь, что я только и делаю, что выманиваю обратно у Заклинательниц части собственного тела?.. Всё зависит от того, что станут делать они. Сейчас я не в состоянии на равных сразиться с Рибекы и той другой Заклинательницей полного Посвящения, которая, как я чувствую, также бдит над моим телом. Нужно обождать, пока они отправятся передохнуть или пока мы не обзаведёмся оружием...

— А если они сумеют вскрыть коробки?

— Если я это почувствую, нужно будет пойти на риск и броситься спасать моё тело.

— Ты уверен, что ощутишь, если они влезут в коробки?

Дреш длинно, с шипением выдохнул:

— Я почувствую. Я... надеюсь, что почувствую...

— Так ты уверен или нет? — ошарашенно настаивала Ки.

— Известны ли тебе, Ки, пределы моего могущества? — спросил Дреш. — Нет, не известны. Ты вообще разбираешься в волшебстве ровно настолько, чтобы побаиваться меня и постоянно сердиться. Ты, как и положено дуре, жутко гордишься тем, что ты, дескать, «просто человек», как если бы моя способность к магии была каким-то врождённым уродством, а не искусством, дающимся тяжким трудом и, поверь уж мне, немалыми жертвами. Вот ты по своей простоте и приписываешь мне силы, которыми вообще никто не в состоянии обладать. Так вот, я знаю пределы своих возможностей, ибо я — маг. А что касается Заклинательниц... Что вообще кто-либо может сказать о них, кроме того, что вот такая-то — Заклинательница Ветров? Я волшебник и в магии кое-что смыслю. Но и я разделяю тот ужас и отвращение, которое ты и тебе подобные испытываете по отношению к Заклинательницам. К этим... существам, которые отказываются от облика, данного им при рождении, перенимая внешний вид давно исчезнувшей расы! О том, что они могут и чего не могут, я способен только строить догадки. Но поскольку сам я — не Заклинательница, истинные высоты и глубины их искусства мне недоступны. Я не знаю, чем они в действительности владеют, а чем — только прикидываются, что владеют, ради устрашения черни...

— Значит, ты не уверен, — кивнула Ки. — Может, они там уже оба ящика распотрошили, а ты ни сном ни духом?..

И она медленным движением опустила голову Дреша обратно на кровать рядом с собой.

— Ну нет, я бы почувствовал! — возмутился Дреш. — Или ты полагаешь, что я выжил бы в своём нынешнем состоянии, если бы им удалось вытянуть всю силу из моего тела и особенно рук? Вот если бы я при этом пользовался чужим телом, я бы остался в живых. Но и только. Волшебство — не только искусство ума, это ещё и искусство тела. Мне пришлось бы заново проходить весь путь учения...

В голосе Дреша явственно прозвучало отчаяние. Мысль Ки, однако, летела совсем иными путями.

— А я? — зло осведомилась она. — А обо мне ты подумал?

— Что?.. — не сразу понял погружённый в невесёлые размышления Дреш.

— Я спрашиваю, что будет со мной? Если Заклинательницы опустошат твоё тело, пока мы тут сидим и болтаем, я останусь при голове мёртвого чародея. И что дальше?

— Заклинательницы тебя ОСТАНОВЯТ, — спокойно пояснил Дреш. — Неужели до тебя ещё не дошло?

— Убьют?

— Нет! — фыркнул Дреш. — Есть, конечно, дикари, но не все же. Нет, тебя не убьют. Тебя ОСТАНОВЯТ. Поместят в НИЧТО, в НИКУДА. — Ки напряжённо хмурилась, пытаясь уразуметь, и Дреш пояснил: — Как репку в погреб, если тебе это понятней.

— Вроде того, как когда мы прыгали? — У Ки по всей коже пробежали мурашки. Бессмысленная вечность, наполненная замёрзшими сновидениями. Жуть!..

— Вот именно, — подтвердил Дреш, довольный, что до неё наконец дошло.

Ки опустила голову на руки. Её веки были сомкнуты, но она продолжала видеть противоположную стену глазами Дреша.

— Почему я?.. — спросила она в пространство.

— Потому что ты обещала предпринять всё, что будет в твоих силах, и подписала своё имя. Контракт, Ки, контракт!

— Да уж, — пробормотала она. — Контракт...

Вандиен проснулся в темноте и в тепле. Несколько долгих мгновений он лежал неподвижно, наслаждаясь блаженным покоем на грани бодрствования и сна. Он попробовал заново погрузиться в сон, но это ему не удалось. Отдохнувшее тело чувствовало себя исцелённым, разум был ясен и чист. Его с непреодолимой силой тянуло скорее приступить к делу, к тому же появились новые идеи, которых не было и в помине, когда он засыпал. За работу, скорее за работу!

Скатившись с постели, он приоткрыл ставни и выглянул наружу. День понемногу клонился к вечеру. Вандиен посмотрел вниз, на свою упряжку, и обнаружил, что скильи мирно спали на том же месте, где он их и оставил. Отлично. Ближе к вечеру надо только будет проверить все ремни сбруи, чтобы удостовериться, выдержат ли они ночное испытание. Оторвав взгляд от упряжки, Вандиен обвёл глазами низенькие дома Обманной Гавани. Чуть не из каждого окошка торчали на древках пёстрые праздничные знамёна. Посреди улицы расположился со своим хозяйством кукольник. Ребятишки, которых по малости их лет ещё не брали в море за рыбой, кучкой стояли вокруг. Время от времени с той стороны доносились взрывы весёлого хохота. Вандиен послушал и улыбнулся.

Отлив уже начался. Придерживая откинутый ставень, Вандиен смотрел на отступавшие волны. Как обманчиво было их движение. Каждая набегавшая волна, казалось, докатывалась точно до того же места, что и предыдущая, однако линия прилива уже обнажилась — отчётливая линия, извилисто проложенная по песку. Её составлял мелкий мусор, выброшенный морем, пустые раковины и обрывки водорослей. Вандиен знал, что попозже ночью над водой окажется большая часть старой деревни. Изломанные стены домов высунутся наружу, точно сгнившие зубы

давно умершего чудовища. Когда отлив достигнет низшей отметки, будет вовсю сиять луна. Обнажится почти всё, но только не храм. Он дальше других зданий был выдвинут в сторону моря: собственно, он стоял между деревней и океаном. Когда земля опустилась, храм погрузился всех глубже. А с ним — и все его тайны. Может, там потонул не только таинственный сундук, но и сколько-то Заклинательниц?.. Вандиен не слышал, чтобы хоть кто-нибудь об этом упоминал...

Он различил в море несколько лодок: одни из них двигались к берегу, другие — от него. Плоскодонные шаланды промышляли вдоль отмели, а более мореходные дори, у которых каждый конец мог с равным успехом служить и носом и кормой, отправлялись подальше и искали добычу на глубине. Возле самого берега Вандиен заметил подростков на самодельных лодчонках, а то и вовсе на плотах. Вооружась заточенными палками, они беззвучно и медленно двигались вперёд, выжидая, чтобы какая-нибудь придонная тварь выдала себя трепетом плавника или движением клешни. Тут же следовал быстрый удар копьеца; когда его извлекали снова, на нём порою извивалась пронзённая добыча. Ветер охлаждал Вандиену лицо, и он без труда вообразил себе ледяное прикосновение воды. Тем не менее ребятя была сплошь босиком, и в основном голая по пояс.

«Ах, эта юность с её способностью не обращать внимания на погоду...» — вздохнул про себя Вандиен.

Сунув под ставень скрученное полотенце, он заклинил его в полуприкрытом состоянии. Недавняя темнота в комнате сменилась сумерками, что оказалось отнюдь не лишним, когда пришлось влезать в незнакомую чужую одежду. Надо будет не забыть и попросить потом, чтобы принесли свечи. Коричневая рубаха висела мешком: видно, её шили на человека, который превосходил Вандиена и ростом, и шириной плеч. Взяв свой ремень, он потуже стянул её в поясе. Слишком широкая рубаха пузырилась выше ремня, что слегка раздражало, но ткань была чистая, мягкая и радовала тело. Штаны, которые он стянул на себе гашником, тоже оказались ему длинноваты, но Вандиен неожиданно для себя нашёл, что в просторных штанах даже

удобней. И вот уж в чём у него не было ни малейших сомнений, так это в том, что зрелище он собой представлял довольно смешное. Ну и шут с ними, пускай себе смеются. Выйдет у них со Зролан что-нибудь или не выйдет, а остальной деревне почему бы за свои денежки и не похотать!

Вандиен поискал взглядом сапоги, но там, куда он их бросил, их не было. Они обнаружились возле двери: кто-то счистил с них напластования грязи и от души промаслил морщинистую старую кожу. Кто это так о нём позаботился? Джени? Зролан?.. Вандиен только покачал головой, дивясь собственной беспечности. Мало ли каких ещё незваных посетителей он мог проспать. И на том спасибо, что красть у него было совсем нечего. Вандиен собрал слишком длинные штанины у щиколоток и всунул ноги в сапоги.

Общая комната, бывшая поутру такой пустой и безлюдной, преобразилась. Народ сновал туда-сюда и шумел. Вандиен даже задержался чуть-чуть на ступеньках. Рыбаки внизу развлекались, что называется, от души. Гул голосов нарастал и стихал, подобно морскому прибою; дружный хохот можно было уподобить пенистым гребням волн. Большинство было одето в том же роде, что и Вандиен, только поярче. Женская одежда почти не отличалась от мужской, — он углядел всего одну женщину в свободном платье, да и та была беременна. Рыбаки сопровождали свою речь диковинными жестами и залиvisto хохотали, запрокидывая головы. Большинство здешнего народа составляли отменные здоровяки, по сравнению с которыми Вандиен сам себе показался хрупким подростком. Густо пахло пивом и горячей похлёбкой. В огромном камине, из которого утром выгребали золу, теперь ревел весёлый пламя. Перед ним были расставлены скамьи, и на них, откинувшись, восседали только что вернувшиеся с промысла: от сапог на ногах, вытянутых к огню, поднимался густой пар.

Душа Вандиена живо отзывалась на их непринуждённое веселье и заразительный смех. Компанейский дух, царивший внизу, подобно еде, пробуждал аппетит, а сердце радовал ещё больше. Мрачная меланхолия, ещё недавно владевшая им, улетучилась без следа.

— Вандиен!.. — Из глотки Хелти вырвался такой рёв, что весь прочий гвалт на миг прекратился. — Вот он, наш возчик! И, чтоб мне, выглядит возчиком куда больше, чем раньше! Спускайся к нам, парень, а вы, олухи, ну-ка живо освободите ему местечко возле огня! Джени, где ты там! Быстренько сюда миску самого лучшего, что есть в котле, да кружечку самого холодненького!..

Вандиен спустился по скрипучим ступенькам. Разговор в комнате возобновился, несколько тише прежнего, но слышать вокруг себя общий гомон всё равно было приятно. Рыбаки приветливо кивали и расступались, пропуская его. Кое-кто поглядывал на его шрам, но и изрядная часть собравшихся могла похвастаться покалеченной рукой или ногой, а иные — и физиономией, разукрашенной не хуже, чем у него самого. Его рубец, чего уж там, был отметиной выдающейся, но здешний народ явно не видел ничего особенного, если у кого-то не хватало пальца или рука была разорвана острым крючком. Среди этих людей Вандиен почувствовал себя своим: если он чем и выделялся, так разве меньшим ростом и изящным телосложением. Он опустился на скамью так, словно это была лодка. Он ещё не успел как следует усесться, когда подоспевшая Джени сунула ему в руки миску с горячим чоудером, а рядом на скамью поставила кружку холодного пива. Вспомнив наставления Зролан, Вандиен воспользовался случаем, чтобы с улыбкой заглянуть девушке в глаза. К его изумлению, щёки у неё так и вспыхнули. Она нахмурилась и спаслась бегством на кухню.

У него не было времени поразмыслить об этом: ему начали представлять присутствовавших, и их было столько, что он, конечно, не запомнил и половины. Вообще-то, когда доходило до общения с местными жителями, равных Вандиену было немного. Он, как бродячий кот, в совершенстве умел пробраться на уютное местечко возле огня и обаять кого надо. Сколько раз именно обаяние и умение им пользоваться помогали ему добыть себе еду и ночлег. Может, кому-то он и казался законченным циником, но в действительности таковым не являлся. Если уж на то пошло, всё дело было в древнейшем понятии о гостеприимстве, которого придерживался его народ. В краю, где он

вырос, хороший рассказчик, внимательный слушатель, да и просто улыбчивый парень всегда могли рассчитывать на хороший приём...

И не только в том краю. Вандиен давным-давно убедился: в любой деревне, где людям и посплетничать-то было особо не о чем, кроме как о мелких поступках соседа, побасенки путешественника служили самой ходовой монетой. Выше ценилось только одно: возможность поведать свои, давно приевшиеся истории свежему слушателю. Вандиен и слушал, поблескивая глазами и предвкушающе улыбаясь в нужных местах. Приканчивая чоудер, он успел ознакомиться со всеми подробностями и нынешней ловли, и той, что состоялась на прошлой неделе. Он от души почувствовал Рыжему, которого угораздило зацепить рыбину, слишком крупную для его лодки: пропали не только две сети, но и часть оснастки. Ещё он узнал, что Сара, по всей видимости, родит ещё до новолуния, и рыбацкую удачливость новорожденного станут предсказывать по тому улову, который завлечёт в сети... послед. Прямо у ног Вандиена на полу расположилась Берни: она чертила на досках угольком, извлечённым из очага, и яростно препиралась с Хелти по поводу того, в каком именно месте перевернулась со своей командой Ди — во время страшного шторма прямо перед праздником Храмового Отлива, пять лет назад.

Потом к огню протолкался молодой человек с арфой, завёрнутой в полотно. Колли, сообразил Вандиен. Парень только что прибыл с моря: его лицо и руки были красными от холода. Лицо, кстати, у Колли было широкое, квадратное, и ладони такие же, с короткими толстыми пальцами, никак не позволявшими заподозрить в нём музыканта. Однако стоило ему развернуть свою арфу и начать подстраивать струны, как Берни и Хелти прекратили спор, а все, кто был в общей комнате, подошли поближе.

Колли облизал потрескавшиеся губы и с улыбкой оглядел притихших людей. Потом повернулся к Вандиену, и тот обратился в слух. Колли пробежал пальцами по струнам и вопросительно посмотрел на друзей.

— Нет, не эту! — решительно приговорил Хелти. — Слишком она печальная для вечеринки перед Храмовым Отливом. Давай-ка что-нибудь повеселее!

Рыжеватые брови Колли проказливо затрепетали: раздался новый аккорд.

— Ты что, Колли! — возмущённо завопил Рыжий. — Ребятня ещё спать не улеглась, а ты такое..! Ну, может, потом, попозже, когда их по домам разгонят...

— Он умеет разговаривать с помощью арфы, — произнёс тихий голос над самым ухом Вандиена. Он покоился в ту сторону и увидел, что Джени сумела отвоевать себе местечко с ним рядом. — Вся деревня хохотала, когда его батюшка отдал половину летнего улова за эту арфу, да ещё и отдал её сыну-простачку. Кто бы мог подумать, что мальчишка так ею овладеет, а голоса такого второго ни у кого больше нет...

Вандиен молча кивнул. Сама того не ведая, Джени сообщила ему гораздо больше, чем можно выразить просто словами. Она не только поведала ему, как Колли стал певцом. Она ещё и с полной невинностью объявила ему, к кому по-настоящему стремилось её сердце.

Колли между тем вопросительно обозревал комнату. Движение плеча, протянутая ладонь, — что, мол, желаете услышать?

— Спой нам песню чинщиков сетей! — раздался голос, и Вандиен этот голос узнал. Вскинув глаза, он увидел Зролан, сидевшую на ступеньках лестницы. Она устроилась на самом верху, там, куда едва достигал мерцающий отблеск свечей, и в полутьме её лицо и фигура казались совсем девичьими. Вандиен невольно спросил себя, давно ли она сидит здесь, наблюдая за суетой внизу, а сама оставаясь незамеченной. Пальцы Колли тем временем побежали по струнам, извлекая мелодию. Грянул не слишком стройный хор голосов. Мелодия оказалась незамысловатой; ближе к концу песни Вандиен уже орал её вместе со всеми и, как все, азартно отбивал такт сапогом.

— Давненько мы её не пели, — заметил Хелти, когда песня кончилась и на какое-то время сделалось тихо.

— Во-во, а я ещё одну такую припоминаю, — подал голос седеющий старый рыбак, устроившийся в уголке. — Как там бишь она называлась... ну да Колли наверняка сразу выдаст мотив. А начинается она так: «Луна встаёт за кормой, серебра мои сети...»

— «Лунная рыба-свеча»! — долетела подсказка Зролан из сумерек наверху.

— Верно!.. — обрадовался старик, а пальцы Колли без промедления отправились в путешествие по струнам.

Эту песню большинство молодёжи сперва попросту слушало. Подтягивать начали, только когда удалось запомнить припев. Песня была на Общем, но со всякими старинными словами, которые удачно попадали в рифму. Старая песня, сообразил Вандиен. И поют её нынче так редко, что молодёжь даже и слов не знает. Песня, ко всему прочему, была про любовь, так что старики начали переглядываться с юношеским задором в глазах. А за спиной Вандиена раздавался голосок Джени, и чувствовалось, что девушка подпевала от всего сердца. Улучив момент, он покосился в её сторону, но она, увлечшись, не заметила. Она не сводила глаз с юного Колли...

А тот не стал дожидаться, пока хор отзвучит до конца: последние аккорды ловко перетекли в начало следующей песни. Старик в углу немедленно узнал её и расплылся в довольной улыбке, с готовностью вспоминая давно знакомые строки. И вновь старомодные окончания слов выдали весьма почтенный возраст песни. Это была зажигательная баллада о давно прошедших временах, когда местные рыбаки из рода людей оспаривали свои ловища у т'черья с того берега — и победили. Вандиен физически ощутил, как у всех присутствовавших кровь быстрее побежала по жилам. Старики взахлёб воспевали былую славу. Молодые заворожённо слушали, а кое-кто, не зная слов, но желая непременно поучаствовать, подтягивал простым «а-а-а!». Вандиен оглянулся в сторону лестницы. Зролан почти не было видно.

После воинственной баллады зазвучала другая, на сей раз — печальная, о рыбаках, что вернулись с промысла и обнаружили свою деревню затопленной, а родственников — ушедшими в морскую пучину.

Шестое чувство подсказывало Вандиену, что кто-то здесь пытался объединить жителей деревни и на что-то их подвигнуть. Уж не сговорился ли со Зролан тот дед в углу?.. Может, они сообща пытались обратить мысли земляков к славному прошлому?..

...Под конец песни кое у кого увлажнились глаза. Умерли под пальцами Колли последние ноты, и стало совсем тихо. Примолк даже Хелти и бесшумно двигался сквозь толчею, подавая кружки всем вновь подошедшим, между тем как Джени разливала из огромного кувшина холодный горьковатый эль. Потом кое-кто заговорил, но в основном вполголоса. Родство!.. Дух родства витал в комнате. Здесь происходила не просто встреча друзей у огонька в промозглый вечер. Здесь собралась одна большая семья. И опять Вандиен прямо-таки кожей ощутил заново возникшее единение деревни. А тут ещё Берни подняла взгляд от своего рисунка на полу и сказала:

— Слышь, Колли, сыграй-ка нам Песню о Храмовом Колоколе...

Общая комната притихла в ожидании и предвкушении. Какое-то время Колли сидел неподвижно, вялыми пальцами лениво трогая струны. Вандиену не было нужды всматриваться в потёмки там, на лестнице. Он и не глядя мог догадаться, как торжествовала Зролан. Это ведь она, ну, может, с помощью деда в углу, так их завела. А теперь дело и само двигалось туда, куда ей было нужно. Мысли и чувства, охватившие людей, напоминали реку в половодье, сметающую запруды.

Пальцы Колли вдруг проснулись к жизни и залетали над струнами. Никто не пел; была только музыка. Скорбная мелодия выплетала тёмные кружева, рассказывая о горе столь глубоко, что никакие слова не сумели бы его выразить. Мотиву вторили низкие удары басовых струн, в самом деле напоминавшие звуки храмового колокола. Казалось, даже язычки огня на фитильках свечей начали медленно колебаться в такт песне, вздыхавшей горестно и размеренно, словно вечный прилив... И только тогда в неё влились голоса. Сперва один, потом другой, за ними ещё и ещё. Сколько ни прислушивался Вандиен, он так и не сумел разобрать ни единого слова. Только то, что и старые, и молодые выпевали их со знанием дела и с глубоким чувством. Постепенно до него дошло: песня была сложена на языке столь древнем, что на нём вообще больше никто не разговаривал. Похоже, она сохранила старинное наречие, бытовавшее в здешних местах во времена

затопления деревни. Что ж, Общий неплохо подходил для общения по каждодневным делам. Но когда пришла пора вспомнить и спеть о чём-то почти не выразимом словами и не предназначенном для понимания чужаков, люди обратились к своему родному языку.

Песня оказалась весьма длинной. Это была не какая-нибудь кабацкая баллада в десяток стихов. И не любовная песенка в три-четыре куплета с душещипательным припевом. Эта песня ткалась, как гобелен: порою арфа грустила одна, затем к ней присоединялись человеческие голоса, чтобы, в свою очередь, схлынуть, и вновь только струны всхлипывали в тишине. Певцы то сосредоточенно пели, то зачарованно слушали. Вандиен отметил про себя, что никто ни разу не поднёс кружки к губам, промочить пересохшее горло, никто не бросил полена в очаг, хотя дрова начали уже прогорать. Больше того: он ощутил, что общее настроение и его затянуло почти так же, как деревенских. Он не понимал слов, — ну и что с того? Песня дышала силой, вызывая могучее чувство сопричастности, росшее из очень глубоких, прямо-таки общечеловеческих корней. Песня говорила о незапамятных временах, когда горе было, словно свежая, кровоточащая рана. И никакой надежды, никакой надежды впереди...

Свет в комнате меркнул вместе с пламенем, гаснувшим в очаге; оплывшие свечи давно превратились в огарки. Длинные тени колебались на шершавых стенах. Стих прибой голосов, а пение арфы сошло почти на нет, превратившись в едва различимый, умирающий шёпот. Вандиен расслышал даже шорох волн, набегавших на берег. И вот арфа смолкла совсем... но, как оказалось, только затем, чтобы неожиданно взорваться яростным, страстным аккордом. И вместе с нею отчаянно и непокорно грянул хор. Трижды он прозвучал, несломленный и гневный. И всё стихло, — и арфа, и голоса.

Вандиен почувствовал, что дрожит. Было темно. Кругом никто не двигался. Даже руки Колли, смутно очерченные последними отсветами пламени, неподвижно покоились на струнах. Однако тишина не несла в себе успокоения. Скорее, она была пронизана ощущением ожидания

и предчувствия. Некое обещание было дано. Некий долг следовало исполнить.

— Заклинательницы Ветров!.. — тихо, но с отчётливым презрением выговорил старец в углу. Кто-то звучно сплюнул в ответ.

Вандиен услышал шаги, и комната неожиданно озарилась: это Хелти взял потрескивающий огарок и затеплил от него новую свечу. Джени протянула ему ещё одну. Берни принялась совать поленья в очаг. Вскоре в комнате вернулись свет и тепло, но громко разговаривать никому по-прежнему не хотелось. Колли склонился над своей арфой, и было видно, что его волосы надо лбом и на шее слиплись от пота.

— Поднесла бы ты арфисту кружечку, Джени, — негромко предложил Вандиен.

— Всё, что будет угодно возчику, — безропотно согласилась она и проворно отправилась исполнять его желание.

Постепенно то тут, то там начали завязываться беседы. Другое дело, никого не тянуло на разухабистые истории вроде тех, что Вандиен слышал несколько раньше. Все как-то посерьёзтели, и он заметил, что говорили в основном старики, а молодые почтительно слушали.

Что до Колли, то он вытер руки о штаны и взял у Джени кружку холодного. Его умолкшая арфа оставила после себя некую пустоту, которую и заполняли вновь начавшиеся разговоры. Джени стояла у Колли за плечом, чтобы забрать кружку, когда она опустеет. Берни продолжала что-то рисовать на полу у ног Вандиена. Он невольно подумал о том, как она выглядела при огне, пока звучала песня. Её волнистые каштановые волосы разметались по спине, богатое контральто выводило каждое слово настолько отчётливо, что Вандиену казалось: ещё немного — и он начнёт понимать. Да, песня была для неё, без сомнения, глубоким и искренним переживанием. Даже и теперь на загорелых щеках был заметен румянец.

— Что она означала? — тихо обратился он к ней.

Берни вздрогнула так, словно он её разбудил. У неё оказались карие глаза, несколько светлее его собствен-

ных. Они освещали её тонкое, умное лицо. Но теперь в них отражалось недоумение:

— Ты про что?..

— Про песню. Ту, про Храмовый Колокол. Что она означала?

Берни пребывала в затруднении, не зная, как объяснить.

— Ну... там рассказывается, как всё это было. Мы поём её каждый год, только не всякий раз получается, как сегодня. Я так вовсе не припомню подобного. Там говорится, с чего всё началось и...

— Не понял. Что, собственно, началось? — Вандиен наклонился пониже, опершись локтем о колено. Он ничего больше не добавил, только улыбнулся, зная, что его молчание будет для Берни самой лучшей подсказкой.

— Там рассказывается, с чего начались праздники Храмовых Отливов. Про то, как потонула деревня, и всякое такое прочее... — Берни помедлила, призадумавшись. — Даже и не знаю, как бы перевести всё это на Общий, больно уж оно... Ну да ладно, хоть кратенько. — Она набрала полную грудь воздуха и огляделась по сторонам, словно подыскивая зацепку. И наконец заговорила: — Когда-то давно... очень давно... наша деревня была тихим приличным местом, с отличной глубокой гаванью и рыбацким флотом что надо. Храм же Заклинательниц стоял на длинном мысу, далеко выдававшемся в море. Не то чтобы они были нашими возлюбленными соседями, но уж нарочно вызывать их гнев мы вовсе не собирались. Деревня и храм, так сказать, просто старались обращать друг на друга поменьше внимания. Звон храмового колокола отмечал прилив и отлив, и так день за днём. Дружбы между нами не было, но был мир. До тех пор, пока Заклинательницы Ветров не устроили нам весёлую жизнь. Это ведь из-за них задрожала земля и деревня ушла под воду...

— Каким же образом? — негромко переспросил Вандиен.

Берни нахмурилась:

— Ну... ничего определённого на этот счёт песня не говорит. Я не могу... просто слов не хватает перевести то, что именно сказано в песне. Что-то вроде того, что пение Заклинательниц отдало морю нашу деревню. В общем, это

была их вина. Их вина! — Дыхание Берни участилось. Вандиен кивнул, желая услышать продолжение истории. Тем не менее в каком-то уголке сознания продолжал скреститься назойливый вопрос: ПОЧЕМУ? За каким шутком понадобилось Заклинательницам Ветров своим волшебством погружать в море деревню, да не только её, но и свой собственный храм? С какой стати? И потом, каким образом?.. Они ведь властвовали над воздухом и ветрами, а вовсе не над каменным костяком земли...

— Когда это случилось, — продолжала Берни, — большинство народу было в море, на рыбной ловле. В деревне оставались только старики да ребята, да ещё те, кто лежал покалеченным или больным. Понимаешь, они были совсем одиноки и беззащитны, когда земля вдруг содрогнулась, а море отступило от берега. Люди в лодках, те, что рыбачили в открытом море, внезапно увидели вереницу огромных волн, накативших из ниоткуда, потом все услышали безумный набат храмового колокола... Но только когда мы возвратились, то поняли, что нет больше ни нашей деревни, ни прекрасной гавани...

Вандиен видел, что рассказ захватил Берни с той же силой, что и недавно спетая песня. Она вполне отождествляла себя с теми «мы», от лица которых шла речь, и говорила так, словно сама была очевидцем случившегося.

— Деревня была сметена. Неузнаваемо изменился и зелёный холм за деревней: половина его рухнула вниз, обнажив изломанную скалу. А дно гавани вспучилось так, что крупным лодкам негде было встать на якорь. И всюду, всюду по морским волнам плавали ошмётки того, что ещё утром нас окружало. Сучья деревьев, брёвна из разрушенных домов, и там и сям — мёртвые тела... Кто-то заметил маленькую девочку, уцепившуюся за бревно, и рыбаки вытащили её из воды. Она наглоталась воды, мокрая одежда прилипла к телу, и сперва мы приняли её за свою, но скоро поняли, что ошиблись. Наверное, она была одной из тех девочек, которых Заклинательницы крадут у безутешных родителей, чтобы воспитывать из них подобных себе. Она плакала навзрыд, и её то и дело рвало солёной морской водой. Но потом она рассказала, как всё было, — настолько, насколько это по силам ребёнку. Когда нача-

лось землетрясение, она с другими детьми была внизу, в огромном покое под храмом, о существовании которого мы, деревенские, и не подозревали. Чертог тот был предназначен не то для учения, не то для богослужения, ну да не в этом суть. Когда малыши почувствовали содрогания земли и увидели, что сквозь трещины в стенах просачивается вода, они попытались спасти всякие там реликвии, которые чтят Заклинательницы. Девочка рассказывала, как они пробовали тащить вверх по ступенькам тяжёлые сундуки, — пять-шесть карапузов, облепят и волокут... Она тоже пыталась помочь, но тут весь храм начал рушиться им на головы. Ей сломало камнем руку выше локтя. Она слышала крики тех, кто оказался придавлен и не мог выбраться, а вода всё прибывала. Ей было очень страшно, и она бросила всё и попробовала выбраться наружу. Никто не знает, каким образом, но ей это удалось. Вода подхватила и понесла её, и она умудрилась уцепиться здоровой рукой за проплывавшую мимо балку. Так её и выловили наши рыбаки: беленькая рубашонка прилипла к телу, и кость переломанной руки выпирала сквозь кожу. Совсем человеческий ребёнок, на ней ещё не успела как следует вырасти чешуя, а уши — пропасть, они были ещё заметны под вымокшим капюшоном. Но вот над её сердечком Заклинательницы успели уже потрудиться. Она всё время плакала, хотя её вытерли насухо и обогрели, плакала безутешно, и знаешь о чём? О сундуке, который они пытались вытащить, но не смогли!.. Она плакала и причитала, что она, мол, теперь недостойна своего капюшона, что она — вечный позор всех на свете Заклинательниц, и в особенности — тех своих сестёр, что погибли, вытаскивая сундук, который она по своему малодушию бросила... Когда же она наконец притихла, мы решили, что она заснула. Но, притронувшись, мы поняли, что она не уснула, а умерла. И в тот самый момент под водой впервые прозвонил колокол, подавая голос с самого морского дна...

Берни остановилась перевести дух. Карие глаза обратились на Вандиена, и он увидел, что ни следа мягкосердечия и чувствительности в них не осталось.

— Вот откуда, — сказала она, — нам известно, что в храме Заклинательниц кое-что есть! Причём такое, за что

им не жалко было и умереть! Вот о чём рассказала нам перед смертью маленькая девочка, когда-то бывшая человеком. Что именно оставили там Заклинательницы, мы не знаем. Но мы это разыщем. А когда найдём, то уж сообразим, как им воспользоваться! И да постигнет их горе, — их, по чьей вине погибла наша деревня, погибли дети людей и те, что были раньше людьми!

Она смотрела Вандиену прямо в глаза, и он ощутил, как в нём зарождается сопереживание. Пламя её мести готово было разжечь что-то и в его собственном сердце... Но тут Берни разорвала протянувшуюся между ними ниточку, — обернувшись, взяла свою кружку и стала пить. Отставив её, рыбачка смущённо улыбнулась Вандиену:

— Вот такая песня. Трогательная, правда? И я всегда так завожусь, когда мы её поём. Её сочинил один менестрель, который, верно, знал душевные струны и умел играть на них не хуже, чем на своей арфе. Нет, ну до чего люблю всякие старинные истории!.. Жаль только, знаю их мало. Так что, если ещё что захочешь послушать про стародавние времена, спроси лучше кого постарше. Ну там, Зролан или, скажем, Корри...

— Ну, зачем уж так, ты очень славно мне всё рассказала, — похвалил её Вандиен. Потом он оглядел внутренность таверны, и это было сродни пробуждению ото сна. Почти религиозное напряжение духа, сопутствовавшее Песни о Храмовом Колоколе, успело едва ли не полностью рассеяться. Народ разбился на кучки у столиков и вовсю стучал кружками, предвкушая завтрашнее празднество. Завтра ни одна лодка в море не высунется. Ветер будет раздувать праздничные знамёна и разносить аромат пирогов. Деревня облачится в лучшее платье, что у кого припасено для зимы, и выйдет на улицы гулять и веселиться. Благо кукольник, приехавший из Горькух, рассказал, что в Обманную Гавань сулилось заглянуть несколько жонглёров и, может быть, даже предсказатель судеб...

Ещё, конечно, в таверне говорили о возчиках, перебывавших здесь в прежние годы. Кое-кого, выглядевшего бледно и жалко, вспоминали со смехом, зато тех, кто не подкачал и выдержал марку, — с благодарностью и восторгом. Вандиен отметил, что Зролан спустилась наконец

со своего насеста и умело направила общую беседу опять-таки на изначальные времена и тогдашних возчиков. Вандиен наострил уши, внимая рассказам о том, как упряжки застревали в илистой грязи и тонули, когда накатывался прилив. О том, как яростный шторм, накликаемый Заклинательницами, швырнул одного возчика на каменные развалины храма и переломал несчастному рёбра. И так далее, и тому подобное. Однако Вандиен, рассчитывавший прояснить для себя кое-какие детали, был крепко разочарован.

Дождавшись мгновения тишины, он задал вопрос:

— Как именно выглядит сундук?

— Какой сундук? — с деланным непониманием отозвался темноволосый юнец, и несколько его дружков захихикали. Кинжальные взгляды, которыми наградили их рыбаки постарше, заставили молодых людей спрятать свой скептицизм.

— Никто не знает, — пробормотала Берни.

А Хелти добавил:

— Никто никогда не видел его.

— Неправда! — В юном голосе Джени смущение боролось с вызовом. — Отец моей матери своими руками его трогал!

— Коли так, что ж он его до берега-то не дотащил? — язвительно осведомился всё тот же юнец.

— Он не смог. Сундук был слишком тяжёлый... И потом, Пол... — Мужество явно изменяло Джени, и Вандиен готов был поспорить, что из-за этой самой истории девушку уже не раз поднимали на смех.

— Ну так что там про Пола? — издевался темноволосый юноша.

— Не скажу! Ты всё равно только посмеёшься и надо мной, и над ним!

— Пьяницей он жил и пьяницей помер. И поболтать был отнюдь не дурак, вот только доказать никогда ничего не мог, — ехидно вклинился ещё чей-то голос.

— А ну, вы там, заткнитесь! — рявкнула Берни. Но Джени, загнанная в угол, вскочила на ноги, решившись на сей раз не отступать и окончательно свести счёты с насмешниками.

— Ты ведь хорошо знал его, не правда ли, Дирк? — ласково осведомилась она, но глаза метали молнии. — Здорово же ты в таком случае сохранился для своих лет...

— Ты-то будто сама его знала! — огрызнулся Дирк.

— Нет, но уж свою-то маму я знала, а она мне рассказывала всё как оно было, всё доподлинно так, как слышала от него самого!

— Половина деревни твою матушку знала...

Джени сперва побелела, потом залилась тёмной краской до самых корней волос. Видимо, тут было затронуто нечто очень личное, нечто такое, о чём, в принципе, знали все, но говорить вслух было не принято.

— Заткнись, говорю! — взревела Берни, но дело было уже сделано. Джени не то чтобы выбежала из комнаты — просто вышла, но чувствовалось, что её глубоко оскорбили. Колли поднялся со своего места и молча стал заворачивать арфу. Движения его явственно говорили о том, чего он не мог выразить словами: что, мол, за радость играть, если твою музыку тотчас же таким вот образом испогают...

Его уход что-то нарушил в благополучном течении вечеринки. Люди завозились на скамьях, начали вставать, натягивать дождевики и желать друзьям доброй ночи.

— Чтоб у этого засранца Дирка отсох его вонючий язык! — присаживаясь возле Вандиена, в сердцах плюнула Зролан. — Каждый раз, когда Джени пытается что-то сказать, он затыкает ей рот. Не могу понять, зачем бы ему это было надо, — знать, просто таким уж уродился...

— А в чём дело-то? — тихо спросил Вандиен. — Что было дальше?

— Никто не знает, в том-то и загадка. Джени слышала от своей матушки, но та больше никому не рассказывала. Что толку гадать, где там правда, где выдумки? Сколько раз я оставалась с Джени наедине и пыталась её разговорить! Так-то она выглядит заправской болтушкой, а попробуй коснись её — мигом замыкается, и молчок! Когда речь заходит о её семье, она либо просто молчит в тряпочку, либо говорит ровно то же, что все в деревне, причём с тем же бессердечием: что, мол, её мать была пьянчужкой, как и все её предки. А пьяница, дескать, за порцию выпивки чего только не наболтает...

— Но ТУ историю она никому, кроме Джени, так и не рассказала?

— Вот именно. Поэтому я и думаю, что хоть какая-то крупица правды в ней обязана быть. Бедной женщине просто нечего больше было передать дочке, кроме славы, да и то не своей... «Твой дедушка, — наверное, говорила она ей, — был последним из нынешнего поколения, кто самолично трогал руками сундук Заклинательниц...» Ей, конечно, хотелось внушить ребёнку хоть каплю гордости за свою семью, и притом хватило же ума внушить, что рассказ этот надо держать при себе и ни в коем случае не позволять, чтобы его делали поводом для насмешек и болтовни... В общем, только от неё эту историю можно получить в первоизданном виде, точно такой, как её рассказывал дедушка Джени. У каждого из наших балбесов, конечно, есть своя версия, но всё это из пятых рук и через два поколения. Слухи и досужие вымыслы, из которых ничего полезного уже не выловишь. Истину, если она там вообще есть, знает одна только Джени.

— А мне она захочет её рассказать, как ты думаешь, Зролан? — спросил Вандиен. — Помнится, некоторое время назад она была не прочь мне угодить...

Зролан покачала головой:

— Попробуй заговори с ней теперь, когда она закрылась в раковине и захлопнула створки. А тогда, в комнате, она не беседовать с тобой собиралась. Она шла дать тебе то, о чём и мечтать не смеют наши деревенские парни. Они, видишь ли, не решаются за ней приударить: она кажется им обиженной на весь свет, да притом ещё ядовитой и злой на язык. Правду сказать, так она себя и ведёт, но только потому, что ей кажется: они за ней не ухаживают, ибо презирают её. Вот она и решила забраться к тебе в постель, чтобы всем показать: зря, мол, дерёте носы, другие меня вон как желают. И стало быть, лучше уж с чужаком-возчиком, чем с такими, как они...

— Не очень я это понимаю, — смутился Вандиен.

— Она сама толком не понимает. Сама в себе, бедняжка, запуталась. Приходится ей расплачиваться за ма-тушкину репутацию, вот она и замкнулась в самой себе. Нет, сегодня ты ни словечка от девочки не добьёшься. И

потом, ты уже раз ей отказал, а заново предлагать она не станет. Чтобы ты от неё опять отвернулся? Ну уж нет. Да и про тот-то раз ни словом, ни взглядом не признается, что что-то было. Уж такая она у нас щепетильная, самой себе на беду...

— Что же ты мне посоветуешь?

— Сделать то же, что всякий раз делают возчики. Отправляйся туда и потрать большую часть времени, разыскивая неведомо что и неведомо где. Барахтайся, поднимай тучу брызг... — Она вздохнула так глубоко и с таким чувством, что едва ли не сделалась меньше телом. — Я уже стара, Вандиен. Каждый раз, когда наступает Храмовый Отлив, я надеюсь, что этот раз окажется-таки последним, что сундук будет наконец найден. Но этого не происходит. И, по всему виду, не произойдёт и теперь, как ты ни лезь из кожи вон... Так что иди-ка лучше спать, парень. Отдохни как следует и приготовься к завтрашнему. Самый отлив будет завтра вечером, не раньше, в общем, спи сколько влезет. Спокойной ночи...

Она поднялась и пошла прочь, и походка у неё была действительно старческая. Вандиен огляделся и увидел, что посетители успели разойтись. Он один ещё сидел у гаснущего огня, а на другом конце комнаты Джени с угрюмым видом собирала пустые кружки на поднос. Вандиен встал, потянулся и попробовал улыбнуться девушке. Она смотрела сквозь него, словно не замечая. Вандиен сходил проверить, как там его упряжка, и отправился спать.

ибким движением Рибекe повернула голову. Уж не причудилось ли ей тихое шипение, донёсшееся со стороны входной двери?.. Её глаза на миг перехватили взгляд Меди. Обе замерли в ожидании. И вот шипение повторилось.

— Войди!

Ученица вступила в комнату робко, бочком. Бледно-лазурное одеяние мело по её босым ногам. Волнуясь, она облизала розовые губы, ещё не тронутые чешуёй. Она неуверенно переводила взгляд с Рибекe на Меди и обратно, явно не зная, к кому следует обращаться.

— Говори же, дитя, — приказала Рибекe. — В чём дело? Или я не посадила тебя наблюдать за прудами лицезрения? Зачем ты здесь? Кто-то уже пришёл сменить тебя в твоём бдении? Что-то не припомню, чтобы я распоряжалась об этом...

— С вашего позволения, госпожи Мастерницы... — прошепелявила девочка. Её личико под капюшоном было личиком тринадцатилетней человеческой девочки. Её голос дрожал: — Мы с Лизантой и Кироли наблюдали у прудов... Мы держали в уме тот астральный облик, который ты нам велела высматривать... Мы концентрировали наше внимание, исполняясь решимости ни в коем случае не спутать *его* ни с каким другим... Мы помнили также, что при первых признаках *его* появления должны немедленно сообщить...

Она умолкла. Её голос, звучный, хорошо развитый постоянными упражнениями, охрип от страха.

— Говори, маленькая, — подбодрила её Меди. — Никто не накажет тебя за то, что ты выполняла свой долг в соответствии со своим разумением.

— Я боюсь... боюсь, что мы всё-таки оплошали, Мастерница Ветров. В пруду Кироли появилось сияние. Она ок-

ликнула нас, сообщая, что заметила вторжение, которого мы ожидали. Но тут, ещё прежде, чем мы успели сказать слово, сияние изменилось. О, я знаю, что подобное не может произойти, — добавила она торопливо, видя, что Рибекке открывает рот для замечания, — но, клянусь, именно так и случилось! Аура возникла и сразу же изменилась! И перестала быть тем, что ты нам велела высматривать. Тогда я решила, что мы с Кироли ошиблись, а может быть, наше неосторожное дыхание возмутило поверхность пруда и вызвало кажущееся изменение... И вот, как старшая, я велела им продолжать наблюдение, ибо эта аура была не той, которую мы ожидали...

— Всё это не объясняет твоего присутствия здесь, в то время как ты должна была бы продолжать бдить над прудами!

Краска раздражения выступила на щеках Рибекке. Чтобы одна из её учениц показала себя такой неуверенной и ненадёжной, и притом ни раньше ни позже — на глазах у Меди!..

Меди, однако, так и подалась вперёд, как если бы сведения, которые сообщала им перепуганная девчушка, обладали первостепенной важностью.

— Ну и что же было потом? — ласково спросила она, не обращая внимания на гнев Рибекке.

— Мы... мы продолжили наблюдение... Я велела Кироли пристально следить за странной аурой, не отвлекаясь в то же время от основного предмета. Так прошло некоторое время... И вот Кироли снова окликнула меня, говоря, что аура опять переменялась и опять стала тем, что мы ждали! На сей раз и мне и Лизанте удалось заглянуть в её пруд, и мы убедились, что она была права. Но только, пока мы смотрели, аура снова изменила облик...

— Аура измениться не может, — холодно, тоном утверждения проговорила Рибекке. — Она может испытать возмущения, но скачком менять форму, как ты описываешь, — никогда!

Слушая эту отповедь, маленькая ученица поникла на колени, так что голубое одеяние легло складками на пол. В глазах блестели непролитые слёзы.

— Я знаю, Мастерница, — с трудом выговорила она. — Я знаю. Но, умоляю тебя, загляни к нам, посмотри сама на странную ауру и объясни нам, что же всё это значит. Я знаю, что я не справилась с поручением... Мне стыдно... я страшусь...

Последние слова она выговорила уже вовсе чуть слышно.

— Она всего лишь дитя, Рибекe, — примирительно шепнула Меди. — Для того, чтобы явиться с подобным сообщением и всё рассказать так, как она, требуется и мужество, и ум. Обрати внимание, она во всём винит только себя. Я думаю, у неё неплохие задатки, так что давай не будем излишне строгими к ней...

Рибекe плотно сжала губы, и на лице резче обозначилась блестящая чешуя. За учениц отвечала всё-таки она, а не Меди. Чтобы вот так вмешиваться и давать советы, как себя вести с младшей... Но Меди продолжала ласково улыбаться Рибекe, и та почувствовала, как угасает в ней гнев. Да, они с Меди определённо срабатываются. Похоже, они с нею благотворно влияют одна на другую. Рибекe улыбнулась в ответ и поднялась с табурета.

— Утри слёзы, дитя, и отправляйся обратно. Вскоре я присоединюсь к вам и сама посмотрю на эту вашу меняющуюся ауру. Ну, быстренько!

Голубые одеяния так и взметнулись: ученица исчезла из комнаты в один миг. Рибекe щёлкнула языком и озабоченно обернулась к Меди:

— Нынче они берут совсем малышей, да ещё и одевают их в голубое, не дожидаясь, пока они созреют. Они что, армию собирают, чтобы завоевать мир численным перевесом? Ох жадность!.. Помяни моё слово, Меди, когда-нибудь она нас погубит. Если только такие, как мы, не перейдут от слов к делу, — не избежать всеобщего восстания, которое нас и сметёт. Ладно, схожу посмотрю, что там наши девочки рассмотрели в прудах. И если дойдёт до наказания, я прислушаюсь к твоему совету и не буду с ней слишком строга. Будем же, однако, помнить, что сильную волю можно воспитать только твёрдой рукой. Таких, как она, многообещающих учениц легко мо-

жет испортить и неумеренная мягкость, и излишняя строгость... Присмотри же здесь за меня. Я лишь успокою маленьких и вскоре вернусь. Изменяющаяся аура!.. Дети, со всем дети...

И Рибекке, качая упряманной в высокий стоячий капюшон головой, покинула комнату. Меди осталась сидеть на своём табурете и некоторое время, казалось, старалась уловить некий неслышимый звук. Потом она осторожно соскользнула с табурета и поспешила к эмалевой коробке, водружённой на чёрный стол. Пожирая его глазами, Меди ещё раз взвесила принятое решение. Последний взгляд в сторону двери — и длинные смуглые пальцы забегали по мерцающим самоцветам. Движения Заклинательницы были расчётливы и точны...

Коробка, однако, не поддавалась. Меди постояла над ней, задумчиво пристукивая одним пальцем по крышке. Потом чешуйчатые губы тронула тонкая улыбка. Пальцы вновь заскользили, ощупывая, с усилием надавливая... У Меди вырвался вздох: лоснящаяся чёрная крышка отделилась от основания. Меди осторожно отложила её, пригляделась... и замерла, почуввав недоброе.

Её глазам предстали льняные пелены, смятые и кое-как брошенные на содержимое коробки. Что-то было не так! Кто-то успел побывать здесь до неё!..

Меди прищурилась, соображая. Рибекке не хотела, чтобы она открывала эту коробку. Уж не потому ли, что сама успела в неё залезть? Сколько же покровов, размышляла Заклинательница, надо приподнять один за другим, чтобы увидеть истинное лицо Рибекке?.. И каково оно окажется, это лицо, если до него всё же добраться?.. Чувство вины, начавшее было шевелиться в сознании Меди, испарилось при мысли о том, как, оказывается, Рибекке её саму всё это время обманывала. Оставив последние крохи сомнения, она сдёрнула пелены. Перед ней были сомкнутые руки чародея, вросшие в свой пьедестал из белого камня, пронизанного чёрными и красными жилками.

Движимая бесстрастным любопытством, Меди притронулась к ним. Руки были холодны. Длинные, изящные пальцы казались отвердевшими, но смертного окоченения не было и в помине. Меди завистливо погладила чёрный

камень, вделанный в простое с виду кольцо. Как она желала его!.. Но, страстно желая, она в то же время не забывала: если уж брать подобные вещи, то брать так, как полагается. А иначе лучше вовсе не связываться.

— Итак, она наконец обрела тебя, Дреш, — тихо проговорила Меди. — Но обрела не таким образом, как ей когда-то хотелось. Мог ли ты предполагать, что всё кончится именно так? И хватит ли у неё духу пройти весь путь до конца?.. Она-то думает, что хватит. Но мы с тобой знаем, какая пропасть отделяет намерения от поступков...

никогда раньше не видал, чтобы так гребли, — подал голос Вандиен.

Джени оторвалась от созерцания горизонта и, не отвечая, с глубоким презрением посмотрела на него. Вандиен почувствовал себя сухопутной крысой и счёл за благо прекратить попытки завязать разговор, ограничившись ролью зрителя.

Он сидел на неистребимо пропахшем рыбой дне небольшой дори — лодки с острым носом и такой же острой кормой. Свежий ветер обдувал его лицо, заставляя рубец натягиваться от холода. Впрочем, он не болел. ПОКА не болел. Вандиен радовался про себя тому, что его облачили в тяжёлый непромоканец, двойные штаны и тёплую рубаху, помогавшую удерживать телесное тепло. Джени снабдила его даже вязаной шапочкой, которую он, усмирив свои непослушные кудри, натянул на самые уши. Он украдкой поглядывал на Джени и видел, что сине-зелёная рыбацкая куртка и такие же штаны выгодно подчёркивали естественный цвет её глаз, и даже простая шерстяная шапка необыкновенно ей шла. Высокие скулы девушки покраснели от ветра. Светлые пряди то и дело выскальзывали из-под шапки и развевались по плечам. Ещё на ней были мягкие, свободные кожаные сапожки, покороче, чем у него. Вандиен припомнил, что сказала ему вчера вечером Берни: «Никто в наших местах не носит сапог, как у тебя. А если ты в них в воду попадёшь? Их же мигом зальёт, и они тебя утянут вниз прежде, чем ты поспеешь их сбросить. Надо носить такие, из которых можно сразу выскочить и, конечно, чтобы скользили по палубе, но не царапали. Вот что тебе, парень, необходимо. Эй, Хелти! Слышишь, присмотри, чтобы у нашего возчика к завтраму были какие следует сапоги!..»

Дори ныряла в морских волнах, словно плывущая чайка. Судёнышко было чистенькое, безо всяких там присох-

ших рыбьих кишок. На досках не было видно ни единой чешуйки. А там, где полагалось красоваться названию, было выжжено: «Повелительница дождя». Джени стояла посередине, глядя вперёд. Длинные вёсла размеренно окунались в воду и снова взлетали. Джени толкала рукояти вперёд, поднимала лопасти над водой, отводила рукояти назад, прижимая к груди, погружала лопасти и снова толкала. Вандиен только диву давался. По зрелом размышлении он отказался от мысли предложить Джени свои услуги. Весьма скоро у него будет масса других возможностей выставить себя идиотом. Что же до девушки, она гребла с кажущейся лёгкостью, плавными, слаженными движениями, без рывков и задержек. Вандиен запоздало припомнил, как она управлялась с тяжеленными вёдрами, и сказал себе, что тогда уже должен был заподозрить в её руках и плечах неженскую силу. Она гребла молча, сжав губы в одну черту, — заговорит сама, когда сочтёт необходимым.

...Джени разбудила его в полной темноте: вошла и принялась трясти за плечо, пока он не проснулся и не понял, что её намерения куда как серьёзны. Поднявшись, он принялся шарить в потёмках, — Джени не принесла с собой свечи и ему зажечь не позволила. «Встречаемся у задней двери!» — без долгих разговоров приказала она, убедившись, что он открыл глаза и соображает. И с тем удалилась, оставив его озадаченно одеваться во тьме.

В гостинице царила мёртвая тишина. Вандиен спустился по лестнице; в общей комнате было немного света от углей, угасавших в очаге. Обширная дверь оказалась не заперта и легко уступила осторожному нажатию его руки.

Джени, как и обещала, дожидалась его у задней двери. Она сунула ему в руки вязаную шапочку и отмахнулась от его расспросов. Потом повела его куда-то в темноту. Вандиен глубоко вздохнул и обнаружил, что в воздухе уже пахло рассветом. «Я хотела поймать приливное течение, — только и сказала ему Джени. — И потом, я вообще люблю бодрствовать и гулять, пока вся остальная деревня ещё спит!»

Вандиен послушно последовал за нею туда, где ждала маленькая дори, привязанная к подгнившему причалу. «Са-

дись прямо на дно! — прошипела Джени ему на ухо. — Моя „Повелительница дождя“ сидит в воде высоко, а пустая и подавно. Так что за борт лучше не высовывайся, — и без этого дай Бог с ней управиться на волне!»

Вандиен безропотно сел и, следуя примеру своей спутницы, постарался воздержаться от лишней болтовни...

Утро сказалось на воде ещё прежде, чем в небе появились признаки рассвета. Масляная чернота волн уступила место серебристо-серым тонам, а потом над влажным горизонтом проглянул краешек солнца. «Праздник, — сообщила ему Джени таким тоном, словно только это ему и следовало знать. — После вчерашней вечеринки вся деревня будет спать допоздна. На некоторое время море принадлежит только нам...»

Удовольствовавшись ролью пассажира, Вандиен любовался её греблей. Один раз он оглянулся, желая посмотреть, далеко ли они отошли от берега. Не так далеко, как он предполагал. Тем не менее расстояние на глаз казалось большим, чем если бы он оглядывался на сухопутную дорогу. Могучая сила морской стихии проявлялась во всём, даже в таком вот искажении расстояния. Было и ещё кое-что. Вандиен вдруг осознал, как бесконечно далеко был от него надёжный берег. Маленькая, скачущая по волнам дори вдруг показалась ему слишком норовистым скакуном, которому он весьма опрометчиво вручил свою единственную жизнь. Какие-то жалкие досочки, скреплённые вместе!.. Дори весело взлетала на гребни волн, словно стремясь показать им всю ширину мира. Потом соскальзывала во впадину между гребнями, и горизонт стремительно сужался. Вандиен, будь на то его воля, предпочёл бы посудину поосновательней. «Прямо как на чайке верхом!» — сказал он себе, потом представил себе пару перепончатых лапок, усердно толкающих лодку вперёд, и нашёл, что это куда больше соответствовало её облику, чем деревянные вёсла.

Тут, однако, размеренный ритм гребли был прерван. Джени стояла неподвижно, предоставив вёслам чертить по воде.

— Здесь начинается провал, — сказала она. — Мы сейчас как раз над старой деревней. Она была выстроена на пологом склоне у подножия холма. А храм — на длинном

мысу. Кое-кто говорит, что в прилив вода полностью окружала храм, а в отлив к нему можно было пройти посуху по песчаной перемычке. Но всё это было давным-давно, и теперь никто не знает в точности, как и что было на самом деле. Доподлинно известно только одно: когда потонула деревня, храм ушёл под воду глубже всего. Часть деревни обнажается в отлив не реже раза в месяц, но макушка храма показывается только раз в год. И лишь один раз в три года вода опускается так низко, что можно попытаться что-то оттуда вытащить...

Вандиен слушал не перебивая. Ему казалось, Джени ждала от него каких-то слов, но он молчал. Если она собралась говорить, пускай говорит. Он чувствовал, что девушка только и ищет предлога снова замкнуться. Попробуй он открыть рот, и уж она постарается придать каждому его слову самый невыгодный смысл. Нет, не будет он спрашивать, с какой целью она его сюда притащила. Вандиен просто с самым серьёзным и внимательным видом смотрел в её серые глаза. И ждал продолжения.

Но даже и такое молчание не полностью удовлетворило её. Теперь, когда она решилась заговорить, слова хлынули безжалостным кипящим потоком.

— Вчера вечером ты задал вопрос, возчик. Он так и остался без ответа, но ты не заметил. Ты предпочёл развесив уши слушать, что болтают обо мне деревенские. Когда же они кончили, ты ни о чём больше спрашивать не стал. Интересно, что они тебе поведали, когда я ушла? Что моя мать была пьянчужой, как и её родители?.. Что за порцию выпивки она способна была не то что языком с три короба наплести, но и СДЕЛАТЬ всё что угодно?.. Что ж, возчик, всё это правда. Только две вещи оставила она мне в наследство. «Повелительницу дождя», которая принадлежала моему отцу, пока его не взяло море. И историю, которую она никогда не рассказывала, чтобы улучшить выпивку. Она сберегала её для меня одной!

Она помолчала. Лицо её пылало, и не только от ветра. Вандиен молчал по-прежнему, хорошо понимая, что поддакивать ей столь же опасно, как и перечить.

— Ей её рассказывал мой дедушка, — немного успокоившись, продолжала Джени. — Он был уже очень, очень

стар, и кое-кто болтает, будто к тому времени он малость плоховато соображал. Другие говорили, что ему остатка жизни уже не хватит, чтобы протрезветь. В общем, никто его, кроме мамы, не слушал. И потому-то они знают только с пятого на десятое, а подробно ничего сказать не могут. Я-то ведь ни единого разу никому не рассказывала. Ну да пусть их так и живут в невежестве. Я нипочём не дам им повода ещё раз назвать меня душой, я ведь всё равно доказать ничего не могу... Так я себе всегда говорила и собиралась помереть и унести всё с собой, и так бы оно и вышло, если бы не...

Но тут Джени словно прикусила язык, а потом, вздохнув, перешла совсем на другое:

— Во всей деревне есть только одна душа, которой можно верить. Зролан. Она, конечно, старая и порядком свихнутая, но не настолько, чтобы не понимать истины. Я ни разу не слышала, чтобы она кого-то подвела или обманула. Она...

Джени вдруг посмотрела на Вандиена, посмотрела глубоко, внимательным взглядом. И он увидел в её глазах сочувствие и понимание не по годам — такое, которому научить может только постоянная необходимость выносить чужую жестокость.

— Она объяснила мне, почему ты взялся за это дело, — продолжала Джени. — Больше никто не знает, только Зролан и я. Деревенскому совету известно только о деньгах, которые она тебе предложила, ну да это их мало волнует: они ведь не рассчитывают, что придётся выплачивать. Но Зролан сказала мне об истинной причине, приведшей тебя сюда. Ты хочешь избавиться от шрама на лице. И вот ещё что сказала мне Зролан: если ты поверил в её искренность, хотя она и посулила тебе то, что многие сочли бы неисполнимым, если, глядя на неё, ты проявил достаточно мудрости и понял, что она не станет предлагать того, чего не сможет дать... значит, ты и есть тот человек, который выслушает мою повесть и не усомнится в её истинности! Нет, она не просила рассказать её ей. Она знала, что я вполне способна ответить ей «нет». Она сказала только: «Испытай его сама». И на том пожелала мне приятных сновидений!..

Вандиен смиренно сидел на дне лодки и молча смотрел на девушку. Из-за холодного ветра шрам резче обычного выделялся на его лице. Полосу на лице охватило противное онемение, как всегда в зябкую погоду. Чем холоднее делался ветер, тем сильнее давала себя знать старая рана. Обычно всё начиналось с тупой ноющей боли, но иногда, в зимний мороз, когда метель швырялась в лицо снегом, рубец превращался в раскалённый прут, начинавшийся между глаз и тянувшийся через щёку вдоль носа. Стоило Вандиену провести хоть какое-то время на холоде, и шрам мучительно стягивал кожу, заставляя его по-настоящему страдать. Ки знала, что шрам мучил его, но даже отдалённо не догадывалась, до какой степени. Он считал ниже своего достоинства жаловаться. Он ни разу не упоминал о своём шраме с того самого дня, когда он лежал в её фургоне, пригвождённый к лавке тошнотворной болью в растерзанном лице, а Ки кипятила воду, готовя припарку для раны. Ему тогда случилось заглянуть в зелёные глаза, полные вины и так отчётливо отражавшие его муки. И он устыдился: он не принадлежал к числу тех, кто привык играть на чужих чувствах. Сутки спустя он целый день ехал сквозь снегопад, но ни словом не упомянул о том адском огне, что горел у него на лице. С тех пор он не выдал себя ни единого раза — ни словом, ни взглядом, ни гримасой.

Но даже и в погожие дни, когда отступала боль, избавиться от мыслей о проклятой отметине Вандиену не удавалось. Он был Человеком-Со-Шрамом. И не только для окружающих, но и для себя самого.

И вот, поди ж ты, эта девушка — сама невинность, почти дитя, — смотрела на него так, словно способна была понять его состояние.

Он вдруг спросил её:

— А почему ты не уедешь из Обманной Гавани?

Джени даже вздрогнула: неожиданный вопрос застал её врасплох, а Вандиен задумался, зачем, собственно, ему понадобилось спрашивать.

— Ладно, не бери в голову, — поправился он торопливо. — Просто расскажи мне свою историю, если хочешь. По-моему, мы с тобой вполне способны друг друга понять...

Джени сосредоточенно смотрела на него. Видно было, что её одолели запоздалые сомнения в разумности принятого шага. Рот её сжался в одну прямую линию, серые глаза посуровели. Вандиен внутренне приготовился к тому, что сейчас она развернёт лодку к берегу. Однако желание наконец выговориться победило.

— Посмотри за борт, — приказала она. — Только осторожно: не вздумай свешиваться всем телом. Высунь голову и посмотри. Вот так. Прикрой глаза от солнца и гляди внимательно...

Вандиен сделал, как ему было велено. Затенив глаза ладонью, он принялся добросовестно всматриваться, но не увидел ничего, кроме воды. Мешали блики на поверхности. Мимо проплывали клочки водорослей, а пузырьки, поднимавшиеся со дна, сверкали, словно мельчайшие жемчужинки... Наконец Вандиен сумел перевести взгляд вниз, в глубину, и почти сразу увидел чёрные силуэты проплывающих рыб. Высунувшись ещё немного, он прижал к лицу обе ладони и в самом деле разглядел дно. Перед ним были заросшие водорослями полуразрушенные основания домов. Сбоку виднелась даже уцелевшая дымовая труба, вернее, её обломок в рост человека. Всё остальное давно превратилось в бесформенные руины, очертания которых ещё больше скрадывала пышная морская растительность, облюбовавшая остатки человеческого жилья.

— Видишь дома? — услышал он над собой голос Джени. — Правда, трудно вообразить, что когда-то там жили люди? Обедали за столами, чинили сети на крылечках... Ты смотри, а я потихоньку буду грести.

Джени снова взялась за вёсла. Лодка снова заскользила вниз-вверх по волнам, продвигаясь вперёд. Вандиен продолжал разглядывать дно, хотя желудок временами угрожал его подвести. Внизу проплывали наносы песка, поверхность которых морщили подводные течения. Тонкие ленты водорослей, словно флаги, развевались на обрушенных стенах. Плоские камбалы распластались в очагах, давным-давно остывших и поросших водяной зеленью. Тучи мальков неподвижно висели на одном месте, потом все разом бросались куда-нибудь в сторону. Крабы прятались в обросших ракушками горах камней, которые, в свою

очередь, сами были похожи на панцири затаившихся крабов... Морское дно медленно понижалось.

— Скоро будем над храмом, — сказала Джени. — Там труднее что-нибудь разглядеть, потому что глубже. Но я не люблю проплывать там в отлив. С теми, кто так поступает, случаются, говорят... всякие разные вещи. К тому же и рыба в этом месте плохо ловится. В старых домах — косяк на косяке, а там — хотя бы одна. Ну как, видишь или ещё нет?

Вандиен оглянулся на девушку, но она нетерпеливо кивнула на воду. Её руки были заняты вёслами: короткими гребками она старалась удержать лодку на одном месте. Вандиен снова уставился вниз, напрягая зрение. Морская глубина здесь была почти непроглядна. Где-то там, в сплошной черноте, ему померещился силуэт стены... но и только.

— Вот то, что моя мать передала мне со слов своего отца, — заговорила Джени. — Эта история старше, чем ты, наверное, думаешь. Она была у него очень поздним ребёнком, и он всё рассказал ей, уже будучи глубоким стариком. Мать тоже очень долго не выходила замуж, и я родилась, когда её уже много лет считали бесплодной. Люди говорят, что моя сестрёнка, родившаяся позже, совсем её доконала. Женщинам в таком возрасте опасно беременеть... Даже если они и переживут роды, здоровью их обычно приходит конец... Одним словом, это старая, очень старая повесть. Слушай же, что рассказал матери её отец. — Джени откашлялась, прочищая горло, и, когда она заговорила, голос её неузнаваемо изменился: теперь это был голос настоящей сказительницы. — «Знай, Карл, что это случилось много, много лет тому назад. Я был тогда юнцом, отличным шустрым парнишкой, и лучшим рыбаком во всей нашей флотилии. Да, в те времена мы по-настоящему любили нашу деревню и не желали забывать, что учинили над нею проклятые Заклинательницы. Мы хотели восстановить справедливость и мечтали добиться этого по-своему. В наше время и разговору не было ни о каких наёмных возчиках, которые, стало быть, приедут и сделают всю грязную работу за нас! Ещё не хватало, говорили мы, чтобы чужаки вместо нас вершили месть над теми, кто причинил нам страшное зло! Не-ет, говорили

мы, вмешивать в наши дела посторонних — это не для нас, ребята! Гордый жил в те времена народ, ещё какой гордый. Ну, и я был не из последних: я был шустрым парнишкой, первым рыбаком во всей нашей флотилии. И, думается, самым гордым, хотя и другие не больно-то глаза опускали. Да. В те времена мы не считали гордость чем-то зазорным. А уж когда наступал день Храмового Отлива, вся молодёжь на денёк забывала об удочках и сетях. Пусть хоть самая что ни на есть путина или там нашествие крабов, — мы всё равно бросали все дела и старались исполнить свой долг. Случалось, шли вслед за отливом, чтобы не потерять ни минуты. И как только в храме оставалось воды меньше чем по горло, мы забирались вовнутрь. И сразу принимались искать. Мы, правда, не знали, что именно потеряли там поганые Заклинательницы. Но мы были уверены, что рано или поздно мы ЭТО найдём. Ну, и я, уж конечно, не пропустил ни одного Храмового Отлива с тех самых пор, как повзрослел и смог лезть там вместе со всеми, не боясь утонуть. Другие, случалось, поворачивали назад, потому что Заклинательницы из кожи вон лезли, накликаая опасные шторма... но я не отступался никогда. Я всякий раз забирался внутрь храма и шарил там среди мусора и развалин, ища то, что не сумела вытащить та маленькая Заклинательница. Остальные, как сейчас помню, залезут, потычутся чуток по тем же углам, что и в прошлом году, и скорее назад. Но только не я! Я переворачивал камни, двигал с места на место тяжёлые топляки... Штормовые волны и приливы с отливами тоже перемещают вещи будь здоров как, никакому силачу не под силу, а уж землетрясение, которое обрушило крышу и почти все стены, — и подавно. Что хочешь упрячут и похоронят. Только дурак будет считать, будто сундук Заклинательниц торчит на самой верхней куче и только и ждёт, чтобы его вытянул кто-нибудь... Ну да ведь я-то дураком не был. Ладно. В тот год, про который я говорю, парни выбились из сил и свалили обратно на берег, а я остался, да не один: со мной был Пол. Про него, про Пола то есть, в деревне теперь и говорить никто не желает, верно? А ведь был их любимчиком, да. До такой же степени любимчиком, до какой я — отщепенец. Вот

только мне он был другом, и даже тогда, когда моё имя превратили в ругательство. Так-то вот. Если я напивался — а напивался я часто, — Пол всегда был рядом, трезвый как стёклышко, и всякий раз провожал меня домой до порога. Если у меня не ловилось, он делился своим уловом со мной. Если кто-нибудь начинал меня поносить и Пол это слышал, он за меня сейчас же вступался... Всем мужикам мужик. И притом мой лучший друг. Хочешь не хочешь, а попробуй такого не полюби. Его и любили, ой как любили!.. И парни, а уж про девок что говорить. И все ждали от него больших дел. Больших, великих дел! Так что никто и не подумал удивиться, когда тёмным-тёмным вечером Храмового Отлива он не побежал отогреться на берегу, а остался внутри храма. Вода уже доходила нам до бёдер, но мы не обращали внимания. Мы занялись большими каменными блоками — теми, которые сдвинуть одному человеку было не под силу. Вдвоём мы кое-как перевернули их и стали смотреть, что же там под ними. Как сейчас помню, дело происходило в юго-западном углу храма. Мы знай себе переворачивали каменюки, не очень-то заботясь, как они после этого лягут. Просто отпихивали их с дороги и шарили под ними, но находили ещё одного краба или просто песок. А в самом углу нас дожидался здоровенный такой валунище. Тяжёл был, зараза, — даже вдвоём нам никак не удавалось его раскачать. Но и нам упрямства было не занимать. Пол ещё смотался на берег, хотя буря, которую знай себе высвистывала Заклинательница, уже вовсю бушевала. Он пошёл напрямиком в таверну и позвал ребят на подмогу. И что ты думаешь? Хоть бы один стервец согласился помочь. „Там холодно, — ныли эти недоноски, — сыро, и вообще, скоро начнётся прилив. Оставайся-ка лучше с нами, Пол, опрокинь чарочку. Дус соскучится там без тебя и скоро явится назад...“ Но Пол, он был такой, он о чести не забывал. Он не остался с ними греться и выпивать. Он вернулся ко мне, таща с собой старое сломанное весло. Мы всунули его под камень одним концом, налегли и стали раскачивать, и камень в конце концов приподнялся. Ни он, ни я не могли выпустить весло, иначе камень снова шлёпнулся бы на старое место. Поэтому я изловчился и запустил туда

ногу, чтобы выпрести наружу всё, что может там оказаться. Попадался мне в основном песок, но потом я зацепил что-то, и это что-то потащилось за моей ногой. Оно поддавалось медленно-медленно, — а ты не забывай, что всё это время мы ещё и налегали на весло, удерживая камень. Мало-помалу я эту штуковину всё-таки оттуда выгреб. И вот она показалась наружу, и мы уставились на неё во все глаза. Потому что мы с Полом сразу поняли: вот ОНО! Попалось!.. Мы нашли сундук Заклинательниц, и никакого сомнения в том быть не могло. Осторожненько, осторожненько мы стали опускать камень на место. Пол всё стоял, держал в руках весло и смотрел сквозь воду на сундук. Я первым сообразил, что начинается прилив, а значит, незачем зря терять время. Я, помню, вздохнул поглубже, наклонился и ухватил сундук. А холодина была — бр-р! Руки так и жгло, но я был не каким-нибудь там сопляком, а парнем что надо, и я даже не подумал его выпускать. Пол скрючился подле меня и ухватил сундук за другой конец. Стали мы его поднимать, и тут-то у нас обоих только что пупки не развязались! Я аж слышал, как и у него, и у меня плечи трещали, и всё-таки сундучок поддался. И как его маленькие Заклинательницы с места сдвинули — до сих пор не пойму. Да и никто не поймёт. Мы вдвоём чуть не треснули пополам, а оба парни были дюжие, я же говорю, что надо молодцы были. Может, он до того под водой належался, что весь промок внутри и от этого отяжелел?.. Не знаю. Знаю только, что мы его достали и **ДЕРЖАЛИ В РУКАХ**. Помнится, смотрю я на Пола и вижу, что он улыбается, хотя кожа на лице от холода да от усилий прямо череп обтянула. „Давай-ка мотать отсюда на берег“, — сказал он мне, и я кивнул. И вот тут-то ЭТО и случилось. Заговорил храмовый колокол. Знаешь ты, Карли, где этот колокол? И почему никто никогда не видел его, но вся деревня о нём болтает? Потому, что он там, внизу, в погребу Заклинательниц, вот почему. Погреб тот и не подумал обваливаться во время землетрясения, его просто водой залило, и всё. А колокол висит себе и висит, и если туда забирается приливное течение, он начинает звонить. Бум-м-м!.. Ажно земля у нас под ногами задвигалась. Тут мы смекнули, что прилив нас скоро зальёт, а стало быть, надо уносить

ноги, да поживее. Пол делает первый шаг к берегу, я за ним. И вот тут он вдруг орёт благим матом и застывает на месте. Потом начинает дёргаться, вид у него такой испуганный, и до меня доходит, что у него что-то случилось с ногой. Мы тихонечко опускаем сундук, начинаем смотреть и видим: ногу его заклинило в тех самых камнях, что мы недавно отодвигали с дороги. И вытащить её он никак уже не может. Ну, а я не могу держать сундук и одновременно выколупывать его ногу. И один тащить сундук на берег я тоже не могу. А хоть бы и смог, что толку? Всё равно не успеть, прилив-то напирает. Пока я вернусь за ним, от него уж и пузырей на воде не останется. Только я был гордым парнем, и не из таких, кто бросает друга в беде. И решился я, Карли, наплевать на тот дерьмовый сундук. Взял я наше весло и занялся делом. Только вот камни те, что там лежали и в которых он застрял, мы с ним прежде передвигали вдвоём. Я должен был своротить целых три штуки, если вправду хотел его вызволить. „Волоки сундук, Дус“, — сказал мне Пол. „Одному мне его не допереть, — сказал я в ответ. — А кроме того, нечего отлынивать от своей половины работы“. Тут мы оба захохотали, как ненормальные, и он понял, что я ни за что не брошу его помирать. Я свернул один из камней, хотя мне это и стоило порядочного куска кожи, оставшегося на весле, и взялся за второй. Приходилось мне, прямо скажем, несладко. В плечах и спине у меня словно рвалось что-то. Держись, говорю я себе, спасай Пола, спасай сундук! Жми, парень!.. Закрыл я глаза и налёг, помнится, со всех потрохов. И второй камень сдвинулся. Только Пол-то видел, что я над собой творю. „Брось, Дус! — говорит он мне. — Катись к шутам отсюда на берег! Настанет отлив, вернёшься за сундуком, ты же теперь знаешь, где он лежит“. „И вернулся бы, да с твоим трупом возиться неохота“, — говорю я ему. И видит он, что я от него не отстану. Да. Была же в людях гордость в те времена. Пихаю я под камень весло, а сам вижу, что сейчас надорвусь, и Пол если не потонет, то от жалости ко мне уж точно помрёт. Ну, и самому ему, конечно, лихо приходится: камень-то ногу ему, почитай, раздавил. „Ты мне в обморок падать не моги!“ — говорю я ему, и он начинает смеяться, ну знаешь, как мужчины смеются, когда

бояться заплакать. А прилив себе не дремлет, вода прибывает и прибывает, и Заклинательница, чтоб ей лопнуть, всё вызывает и вызывает свой шторм. Водичка нам уже по грудь, холод собачий, — чувствую, как есть остываем, и ноги уже прямо не гнутся. Сундук только краешком торчит из воды, но я крепко-накрепко запомнил, где он стоял. Хрен с тобой, думаю, погоди, ещё вернусь и тебя заберу. Тут я навалился на весло всем своим весом, и бедняга Пол завопил. Ох как завопил!.. Все остальные давно уже смылись в деревню, темнеет, мы одни, помочь некому, вода прибывает... А эти говнюки сидят себе в тёплой таверне, попивают винишко и с нетерпением ждут, когда же мы явимся, мокрые и измёрзшиеся, последние двое идиотов, чтобы встретить нас шуточками!.. Я, помнится, ещё подумал: „Неужели они не услышали его вопля? Может ли быть, чтобы человек так закричал, и никто его не услышал?..“ Нет, никто. Ни единая душа не услышала! И тут я понял, что нам не выкарабкаться. Каждый раз, когда я налегал на весло, Пол кричал. Но я-то понимал, что иного пути нет, надо поднимать камень, не то пропадём. Он, бедняга, посерел весь. И только потому не терял сознания от боли, что страх потонуть придавал ему сил. «Сейчас я налягу в последний раз, Пол, — пообещал я ему. — И либо освобожу тебя, либо дам тебе свой нож». Он кивнул мне и попробовал улыбнуться. А вода знай себе всё прибывала. Положил я обе руки на весло, и душа моя воззвала к односельчанам, которых забрало море: „Помогите!..“ И с этой молитвой я налёг из последних сил. И сдвинулся камень. Пол весь обмяк и окунулся в воду, но я его подхватил. Прилив шёл все быстрее, потому что Заклинательница на макушке скалы подгоняла волны ветром. Я смекаю, что, как только мы вылезем из храма наружу, мне придётся иметь дело ещё и с ветром. Пол мешком висел у меня на руках и почти не шевелился. „Сундук!..“ — простонал он. „Друзья важнее“, — сказал я ему и поволок прочь. Поздно уже было думать о сундуке. Я уже больше и не видел его под водой. Море снова взяло его себе. Я таки выволок Пола на сушу, хотя оба мы больше походили на утопленников, чем на живых людей. И хоть бы кто-нибудь высунул нос наружу и пришёл нас поискать! Так мы и лежали с ним на

берегу, слишком измученные и замёрзшие, чтобы дотащиться до ближайшего дома. Обнаружили нас только под утро, и к тому времени нога Пола распухла до самого колена, и у него началась лихорадка. Он так и не пришёл в себя, чтобы подтвердить мой рассказ. А остальным было слишком стыдно, чтобы поверить мне. Всем было как-то проще считать, что это моё пьянство и беззаботность погубили моего лучшего друга и любимца всей деревни. Кишка тонка была честно признаться, что всё кончилось бы по-другому, не будь они такими трусливыми гнидами. Если бы хоть один из них остался снаружи, был бы у нас и Пол, и сундук тоже. Но никто не остался, и Пол умер, а море уволокло назад свой сундук. Через несколько дней я дождался отлива, погрёб к храму и стал смотреть в воду, но сундука и след простыл. Море его спрятало. И хотя с тех пор я не пропускал ни одного Храмового Отлива и искал и искал, пока были силы, так я больше рук на него и не наложил. Но он там, Карли, он лежит там и ждёт, чтобы кто-нибудь пришёл и выволок его на солнышко. Когда-нибудь вся эта сволочь убедится, что твой старик не соврал. И хотя тошно мне смотреть на нынешнюю стыдобищу с приглашением наёмного возчика и всё такое прочее, — может, оно и к лучшему, что сундук выудит из моря чужой человек, а не один из этих подонков, которые умудрились и сундук потерять, и погубить Пола...» Вот, Вандиен, что мой дед рассказывал матери, а она — мне.

Внезапная перемена в голосе Джени рывком вернула заслушавшегося Вандиена к реальности. Пока она рассказывала, её голос каким-то образом уподобился неверному, дрожащему голосу вечно пьяного старика. И для Вандиена было совершенно очевидно, что история эта — не выдуманная. Ни Джени, ни её мать ничего не придумывали. Более того: произношение многих слов и некий «старинный» акцент наводили его на мысль о древних песнях, которых он наслушался накануне. Язык и выговор этих песен был родным и понятным для того, кто впервые рассказал историю сундука. Оставался только один вопрос: лгал ли старик?.. Вандиен был почти уверен, что нет.

— И потому-то ты по-прежнему живёшь в Обманной Гавани, — негромко проговорил Вандиен.

Джени, однако, залилась багровой краской и так посмотрела на Вандиена, словно он обвинил её в похищении чужого ребёнка.

— Я живу в Обманной Гавани потому, что здешняя жизнь — это моя жизнь, другой я просто не знаю!

— Веская причина торчать здесь, вынося подобное обращение с собой, — кивнул Вандиен. — Ещё не хватало дожидаться, чтобы настал день, который подтвердит правоту твоего дедушки, так? Ты ведь совсем-совсем не чувствуешь себя наследницей его гнева и не надеешься воздать всем остальным по заслугам? Не хочешь, чтобы однажды деревня в полном составе явилась к тебе извиняться за давнюю несправедливость и просить прощения за собственную слепоту, за все щипки, грубости и насмешки? Значит, ты ни разу не воображала, как стоишь, прямая и гордая, возле заветного сундука в день своей славы?..

Говоря так, Вандиен не сводил глаз с её лица. Он испытал щемящее чувство, когда из надувшейся девчонки она на его глазах превратилась в рассерженную женщину, а потом обратно. Вскоре, однако, Джени овладела собой и бесстрастно произнесла:

— Шрамы бывают разные, возчик. Уж не собираешься ли ты меня осудить за то, что и я хочу избавиться от своего?

Вандиен задумчиво покусывал кончики усов. Он пытался подобрать слова, к которым она бы прислушалась, не ожесточаясь и не упрямствуя больше.

— Мой шрам, Джени, — у меня на лице, — сказал он наконец. — Он на моей коже и оттого всё время стоит между мною и миром, который я вижу перед собой. А тот шрам, о котором говоришь ты, рассекает саму твою жизнь, потому что проходит через сердца других людей. Неужели ты действительно думаешь, что они с радостью отрешатся от презрения к тебе — внучке изолгавшегося пьянчужки, как они сейчас думают, — и предпочтут вместо этого презирать самих себя, потомков трусов и слабаков?.. Ой вряд ли. Джени, я плохо смыслю в лодках и рыбацком деле, зато разбираюсь в людях. И вот что тебе скажу: если ты думаешь, что я вытащу сундук и благодаря этому ваша деревня изменит своё мнение о тебе, — ты глубоко ошибаешься.

Джени стояла посередине лодки, держа в руках вёсла и глядя мимо него, куда-то за горизонт. Потом одна её рука напряглась и с силой толкнула весло. Размашистыми движениями Джени развернула лодку к берегу. Вандиен снова устроился на дне в носовой части дори. И стал снизу вверх смотреть на девушку, вглядываясь в её лицо. Благо Джени на него внимания не обращала. Так, словно его и вовсе здесь не было.

— Ладно, у нас с тобой есть по шраму, — задумчиво проговорил он некоторое время спустя. — Но вот Зролан-то чего добивается? Не пойму.

Губы Джени скривились в горькой усмешке.

— Сама она говорит, будто так радеет оттого, что слишком хорошо помнит прежние славные времена. Да уж, кому помнить, если не ей. В её годы только о прежних временах и толковать. Люди поговаривают, что, если попадётся ей в руки сундук Заклинательниц, она, уж верно, отыщет средство снова помолодеть. То есть действительно помолодеть, не то что все эти её хитрости и уловки...

— Не идёт тебе ехидство, Джени, — сказал Вандиен.

— А ей такая причина подходит? — рассердилась девушка. — Такие замыслы недостойны её, потому что она гораздо лучше, чем можно вообразить из-за... Это — её единственная слабость и глупость. Искушение недостижимым...

— Разве это не присуще всем нам? — проговорил Вандиен. — В той или иной степени?..

Джени зло посмотрела на него:

— Знаешь что, займись-ка лучше своими делами, возчик. А я — моими!

Потом, как-то неожиданно, прямо под Вандиеном киль дори заскреб по песку. Джени убрала вёсла и весьма неохотно позволила Вандиену вытащить дори на сушу.

— Ешь поплотнее, — с каменным лицом посоветовала она ему, прежде чем распротиться. — И отдохни. Ну, и на твоём месте я отправилась бы сразу за отступающей водой.

— Джени, — спросил он, — сколько лет Зролан?

Девушка возмущённо фыркнула, повернулась и зашагала прочь.

и!.. — прошипел Дреш.

— Что такое... — пробормотала она. Когда ей удалось последний раз поспать?.. Она не помнила. Она колебалась на грани бодрствования и сна, и если что-то видела перед собой, то только потому, что Дреш не закрывал глаз, и их общее зрение посылало образы в её мозг. Её собственные глаза давным-давно сонно закрылись.

— Проснись, дура!

— Что такое? — повторила она, на сей раз более осмысленно. Подняв голову чародея, молодая женщина устроила её у себя на коленях. От Дреша исходило напряжение: Ки чувствовала в своих пальцах дрожь, происходившую вовсе не от её усталости или боязни.

— Мои руки! — отозвался Дреш. — Я чувствую прикосновение к ним прохлады... присутствие силы... Кто-то вскрыл мою коробку!

Ки подняла голову Дреша на сгибе руки. Мышцы плеча, не успевшие избавиться от застарелой усталости, отозвались тупой болью. Оба смотрели на стену, но Дреш видел куда больше, чем Ки.

— Конец игры? Да?.. — прошептала Ки.

— Нет ещё. Мы подобрались слишком близко, чтобы сдаваться. Одна из них наблюдает за мной, я в этом уверен... Надо действовать! Прямо теперь!

— Ну и что мы будем делать? — спросила Ки, вставая на ноги и поднимая голову, показавшуюся ей ещё тяжелей прежнего.

— Не знаю, — сказал Дреш. — Видимо, придётся действовать по обстоятельствам. Так, как подскажут нам инстинкты. Вперёд, Ки! За дверь, в коридор!

Ки потихоньку приоткрыла дверь кельи Заклинательницы и осторожно высунулась наружу... Только для того,

чтобы сейчас же со вздохом отступить назад и высунуть вместо себя голову Дреша. Никого. Ки неуклюже повернула голову вместе с тяжёлым каменным основанием в другом направлении. Тоже никого. Она торопливо прижала голову к себе и поспешила за дверь.

Но не успели они с Дрешем преодолеть и полудюжины шагов, как слуха Ки достигло шуршание одеяний и негромкий топоток босых ног.

— Кто-то идёт!.. — прошипел Дреш.

Шарахнувшись в сторону, Ки врезалась плечом в дверь, которая, как это ни странно, безо всякого усилия подавалась. Ки буквально ввалилась внутрь и, сию же минуту не потерять равновесия, плотнее прижала к себе голову колдуна. Распахнувшаяся дверь упруго вернулась на место и бесшумно закрылась, ущемив Ки бедро. Первоначальный рывок, однако, вынес Ки на самую середину комнатки.

И та, что сидела в комнатке, мгновенно вскочила на ноги, потрясённо распахивая глаза. Бледные ладони сжимали что-то вроде яйца, выточенного из голубого камня.

Пока Ки пыталась устоять на ногах, Заклинательница пригнулась и осторожнейшим образом опустила яйцо на пол позади себя. Потом выпрямилась во весь рост, оказавшись, со своим деформированным черепом и высоким капюшоном, гораздо выше Ки.

Ки не стала дожидаться, пока Дреш сообразит, как действовать, и подаст ей команду. Она попросту выронила его голову и бросилась на Заклинательницу.

Загорелые руки молодой женщины крепко стиснули чешуйчатые запястья, но глазам её, лишённым волшебного зрения Дреша, вместо Заклинательницы представала какая-то бледная башня. Башню увенчивал острый купол, и с него стекал водопад сверкающего огня. Колеблющиеся стены комнаты закружились, но Ки не ослабила хватки. Пойманная Заклинательница больше всего напоминала ей прижатую рогулькой змею: выпускать её гораздо опаснее, чем продолжать держать. Они сражались молча. В бледной башне зияли две тёмные дыры, и оттуда вылетали алые искры, больно жалившие Ки в лицо.

Ладони Ки привыкли держать вожжи, смирявшие двух могучих тяжеловозов. Она с малолетства подставляла спи-

ну и плечи под увесистые мешки и пакеты, нагружая и разгружая фургон. Такое тело не больно-то легко измотать, особенно когда сил придаёт страх. Не обращая внимания на жгучие искры, Ки рванула свою противницу вперёд и резко вниз. Башня не выдержала и рухнула, и Ки навалилась на неё. Вместе они покатались по вздымавшемуся полу...

Потом вдруг всё кончилось.

Ки замерла в неподвижности. На ощупь поверженная башня представляла собой нечто тёплое и податливое, притиснутое к полу её коленями и локтями. Её запястий Ки так и не выпустила. Из глаз, ставших теперь розоватыми, больше не летели искры, но даже и это не придавало Ки должной уверенности.

— Дреш!.. — хрипло позвала она, тут только сообразив, что, наверное, как следует брякнула его об пол. Начиная волноваться, она попробовала оглядеться, но колышущиеся полупрозрачные стены, казалось, только насмехались над её жалкими органами чувств. А что, если от удара раскололся тот непростой камень, служивший головой основанием? Что, если голова грохнулась затылком, и Дреш был теперь без сознания, а то и похуже?..

Ей никак не удавалось его разглядеть.

Заставив себя руководствоваться логикой, Ки нашла глазами то, что могло сойти за дверь: нечто вроде более чётко обозначенной складки на волнующейся стене. Опустив глаза и борясь с нахлынувшим головокружением, Ки принялась методично обшаривать взглядом каждую пядь ускользающего, дышащего пола. Но даже когда ей удалось засечь знакомый куб тьмы с его внутренней искрой, он тоже, казалось, колебался и куда-то уплывал.

Насколько она могла понять, до него было всего несколько шагов. А впрочем, кто его знает. Ки беспомощно смотрела на него, сражаясь с охватившей её паникой. Она не могла дотянуться до Дреша, не выпустив при этом пленницу. Но, не добравшись до Дреша, она не узнает, можно ли её выпускать.

Тело под ней было по-прежнему безвольным. И по-прежнему внушало Ки ужас.

— Дреш!.. — окликнула она снова. В ответ ей послышался какой-то звук: уж не был ли он приглушенным от-

ветом?.. Кое-как она приподнялась с пола, потом перехватила одной рукой оба запястья Заклинательницы (по крайней мере, она очень надеялась, что это были именно запястья). Чувствуя себя до смерти перепуганной дурой, она вытянулась во всю длину, стараясь достать кубик тьмы, который был Дрешем. О том, что будет, если её жертва вздумает прийти в себя прямо теперь, она старалась не думать.

Как она ни тянулась, коснуться Дреша ей так и не удалось. И она не могла понять, далеко ещё до него было на самом деле или же нет. Она потащила бесчувственную Заклинательницу за собой, с усилием волоча её по полу. Снова потянулась к Дрешу и опять не достала. Ещё четыре раза ей понадобилось повторить эту попытку, прежде чем кончик её пальца коснулся-таки головы Дреша. И тотчас же привычный мир вернулся на своё место.

— Ну и видок у тебя, — заметил колдун.

Ки увидела себя его глазами: зрелище и впрямь было неутешительное. Из левого уголка рта даже сбегала тоненькая струйка крови. Голова Дреша, по-видимому, лежала на боку, и оттого кровь стекала не вниз, как ей казалось бы, а в сторону.

— Надеюсь, ты не пострадал? — извиняющимся тоном осведомилась Ки.

— Учитывая все обстоятельства, могло быть и хуже, — заверил молодую женщину чародей. — Выпусти её, Ки. Разве ты не видишь, что она без сознания?

— Нет, не вижу. И потом, ещё не хватало доверять Заклинательнице! — с вернувшимся ожесточением в голосе ответила Ки. Но жертву свою всё же оставила. Самое скверное заключалось в том, что, как она теперь видела, её противница была ей едва по плечо. Высоту ей придавал разве что этот омерзительный капюшон.

Дреш словно подслушал её мысли:

— То, что ты видела своим собственным зрением, в данном конкретном случае больше соответствовало истине. Её аура сияет гораздо большей мощью, чем можно предположить для особы её ранга. Но ещё более странное впечатление производит некое ограничение, которое я в ней ощущаю. Хм! Она как будто притворяется существом более низкого посвящения, чем она есть на самом деле.

Удивительное дело. Сколько знаю Заклинательниц, никогда ничего подобного не встречал. Да, всё так, как ты говоришь: ещё не хватало им доверять. Когда они посылают земледельцам дожди, как знать, делают ли они это из милосердия и любви или только затем, чтобы получить налог пожирней?..

— Оставь свои умствования для толпы в харчевне, Дреш, — посоветовала ему Ки. — Давай лучше вернёмся к нашим баранам. Что мы собираемся с ней делать? Когда она очухается, она наверняка переполошит весь улей...

Дреш пришёлкнул языком:

— Ответ ясен, Ки. Зачем ей приходить себя? Вытолкнем её наружу сквозь любую стену, и вся недолга.

Ки ползком подобралась к Дрешу вплотную, продолжая видеть сама себя — всё крупнее и ближе. Странно было видеть свои же руки, неуверенно тянувшиеся к его голове. Тут уж его зрение мало чем могло ей помочь. Осторожно ошупав, что где, она обеими руками поставила его голову в нормальное положение. Потом снова взяла её на колени, отвела волосы с лица и прошлась по нему пальцами, стараясь выяснить, насколько сильно Дреш пострадал. В волосах, прямо надо лбом, уже намечалась изрядная шишка.

— Хватит! — сказал Дреш. — Меня немного оглушило, когда я упал, но только на мгновение. И, если бы мне нужна была твоя забота, я бы так и сказал. Не теряй времени попусту! Надо избавиться от Заклинательницы, пока она вправду не очнулась...

— Тебе, может, и надо, а мне — нет, — твёрдо сказала Ки. — Я не могу сделать такую вещь... Хладнокровные убийства, знаешь ли, не по мне. Я ещё понимаю, когда мы дрались... В запале да с перепугу я её действительно могла грохнуть. Но так... выпихнуть её в то нигде, через которое мы прыгали... — Ки зябко передёрнула плечами, мотнула головой и повторила: — Нет, не могу!

— Что за глупости! — возмутился Дреш. — Мы же не убьём её. Мы только «приостановим» её жизнь. Рано или поздно её найдут, и жизнь продолжится. Ну, представь, что ты нашла у себя под одеялом гадюку...

— Я вытащу её наружу вместе с одеялом и вытряхну где-нибудь в лесу.

— Да, дура вроде тебя, пожалуй, именно так и поступит. И гадюка на другой день тебя цапнет в благодарность за твою доброту. Ну ладно, хоть свяжи её, что ли, если ни на что большее не способна...

Ки встала и подняла голову Дреша, и как раз в это время Заклинательница, лежавшая на полу, шевельнулась. Поле зрения Ки сузилось: Дреш удивлённо прищурился, разглядывая обратившееся кверху лицо.

— Э, да ведь я знаю эту особу, — пробормотал он, наполовину про себя. — Только тогда на ней было далеко не ученическое облачение. Ки! Помоги найти голубое яйцо, с которым она возилась, когда мы вошли...

Гервничая, Ки повернулась кругом, давая ему оглядеть комн ту. Неужели он не видит, что Заклинательница силится приподняться?.. Ки разрывалась между желанием чем-нибудь шандарахнуть её снова — или бежать.

Ко всему прочему, негодяй Дреш снова не спросясь перехватил власть над её телом. Рука Ки протянулась и подхватила голубое каменное яйцо ещё прежде, чем Ки успела осознанно заметить его. У Дреша вырвался хриплый вскрик торжества.

— Ага! — ликовал он. — То-то мне сразу показалось, что это не кристалл для медитаций! Больно уж темна его синева! А теперь, дорогая моя, изволь объяснить, кто это позволил ученице в белых одеждах играть с говорящим яйцом? Что такого жизненно важного тебе удалось разузнать, что твоя Мастерница Ветров доверила тебе эту игрушку? А?..

Ки подняла в руке таинственный предмет, показывая его пленнице. Камень был размером примерно с яблоко, но имел форму яйца. Он сиял прозрачным голубым цветом, если не считать одной-единственной белой искры, словно вмороженной в глубину. Больше всего предмет напоминал Ки голову Дреша, какой она видела её на этом плане существования. Ки попыталась предположить, из чего было сделано необыкновенное яйцо, но так ничего и не придумала. Для своих размеров оно казалось Ки слишком тяжёлым. И, несмотря на хрустальную прозрачность, поверхность его поразительно напоминала кожу. Живую, шершавую кожу.

Но тут Дреш оторвал взгляд от яйца, чтобы скрестить его со взглядом тёмных глаз распростёртой на полу Заклинательницы. Она к тому времени успела приподняться и сесть, осторожно разглаживая над высоким лбом белую ткань куколя. Когда она опустила руку, стало заметно, как она дрожит. Рот её приоткрылся, как если бы она собиралась заговорить... Впрочем, она тут же крепко сомкнула губы, а взгляд вспыхнул гневом.

— Давай, давай, — подначивал её Дреш. — Я видел тебя в обществе Шиэлы, той, из Высшего Совета, и в тот раз твой наряд был синее моря на рассвете. Так как же тебя зовут, маленькая навевательница сквозняков?

Женщина на полу уже с неприкрытой яростью взирала на Дреша. Однако внезапно злобное выражение пропало с её лица: казалось, облако сбежало с лика луны. Когда она наконец заговорила, её голос оказался необыкновенно музыкальным контральто. Никакого чувства этот волшебный голос, впрочем, не отражал.

— Неужели ты в самом деле думаешь, Дреш, будто я вот так прямо наделю тебя властью над собой, сказав своё имя?

— М-да. Не намерена сдаваться без боя, а, Ки? Ну да в любом случае она нам не скажет ничего такого, о чём мы не способны догадаться и без неё. Например, о том, что Рибекке и не подозревает о её истинном положении в среде Заклинательниц Ветров. Этим и объясняется то самоограничение, которое я чувствую в ней и за которым она, так сказать, прячется. И обрати внимание на её полное молчание, Ки. Ни звука, когда мы вломились к ней в комнату, и даже потом, во время замечательного маленького борцовского поединка. Загадка, надобно полагать, весьма проста: лучше подвергнуться нападению незнакомцев в одиночку, чем быть застигнутой с говорящим яйцом в руках. Итак, Ки, перед нами — скорпион в гадюшнике, или, иначе говоря, соглядатайка, подосланная шпионить за своими же!

На лице Заклинательницы не дрогнул ни один мускул. Разгладив как следует свой капюшон, она принялась поправлять рукава одеяния. Потом посмотрела в глаза Дрешу (а вместе с ним Ки). Она не улыбалась.

Их взгляды снова скрестились, словно клинки.

— Может быть, тебе ещё удалось бы убить Ки и спрятать концы в воду, — сказал Дреш. — Но вот если ни с того ни с сего вдруг исчезнет моя аура, тебе придётся-таки давать объяснения обоим Мастерицам. И опять же, не думаю, чтобы никого грознее Рибеке на тебя не нашлось. Кто бы ни была та, что ждёт от тебя сообщения через яйцо, — о, она будет поистине страшна в своём гневе. Так что лучше отложи, милая, отравленную иголку, которую ты только что незаметно вытащила из рукава. Она тебе всё равно не поможет.

Заклинательница смотрела на него кошачьими немигающими глазами. Иголка тоненько зазвенела, упав на каменный пол. Заклинательница медленно поднялась.

Ки ощутила, как остатки мужества покидают её, собираясь в трепещущий комок где-то в глубине живота. Ум её лихорадочно пытался осмыслить опасности, гроздившиеся одна на другую. Мало ей было просто Заклинательниц, в самое гнездо которых они с Дрешем благополучно забрались. В гнезде оказалась ещё и шпионка. И наконец (а может, и не наконец?..), неведомое, но наверняка жуткое существо, которое и подослало сюда их собеседницу. Но даже если предположить, что Дрешу удастся отвоевать похищенные у него части тела, если сама она невредимой вернётся в свой родной мир, к обычному человеческому существованию, — не придётся ли ей иметь дело ещё и с опасностью, исходящей от самого Дреша?..

— Спокойно, Ки, — пробормотал Дреш, ни дать ни взять уловивший её сомнения и опасения. — Нам попало в руки оружие, куда более смертоносное, нежели любой клинок, доступный человеческой руке. Ибо, по крайней мере, на некоторое время наши интересы вполне совпадают с интересами этой предательницы.

— Ты предлагаешь союз? — Тонкие тёмные брови Заклинательницы поднялись вверх почти до самого куколя, но фразу эту она произнесла не как вопрос, а скорее как утверждение.

— Именно, — сказал Дреш. — Ты поможешь мне отыскать и перехватить мои ящики. А я взамен не стану выдавать тебя Рибеке.

— Не вижу особенной выгоды...

— Ну как хочешь. Мы оба знаем, что моё присутствие на этом плане бытия рано или поздно будет обнаружено. Рибекe наверняка приставила кого-нибудь высматривать мою ауру. Они засекут меня и устроят облаву. Явятся искать и обнаружат меня здесь, в твоём приятном обществе, у тебя в келье. И, уж конечно, говорящее яйцо навряд ли будет обойдено их благосклонным вниманием. Нам с Ки на этом придёт конец, это понятно. Но в качестве последнего желания мы попросим дать нам послушать, как ты будешь выпутываться. В глазах Рибекe ты — шпионка. Высший Совет, скорее всего, тебя подославший, тоже навряд ли захочет выручать оскандалившегося подсыла...

— Моя покровительница могущественна! Что бы я ни совершила, Рибекe не посмеет поднять на меня руку!

Ки почувствовала движение — это Дреш попытался покачать головой, укреплённой на каменном постаменте. Потом он прищёлкнул языком:

— Плохо же ты, как я-посмотрю, знаешь Рибекe. Наверное, ты здесь совсем недолго. Сначала она раздерёт тебя на части, а уж потом задумается, нет ли за всем этим высокой политики. Ещё когда она была человеком, нрав у неё был что бритва. И если я что-нибудь понимаю, жизнь в качестве Заклинательницы эту бритву только отточила...

Женщина переступила с ноги на ногу... Просто переминалась — или ей стало всё-таки не по себе?... Ки оставалось только гадать. Дреш молчал, и тишина в комнате мало-помалу становилась гнетущей. Ки самой смертельно хотелось потоптаться на месте, но она усилием воли принуждала себя стоять неподвижно. Из глубин памяти всплыла картина детства: её отец торгуется, покупая лошадей, а она стоит рядом, отчаянно томясь, всей душой жаждая и не будучи в силах помочь.

— Когда ты прервал моё общение с говорящим яйцом, я уже...

— Э, давай лучше прекратим враньё, даже и не начиная его. Если бы ты успела начать говорить, яйцо уже разогрелось бы настолько, что Ки мигом заработала бы волдыри на ладонях, — она ведь не обучена. Нет, милая моя, ты ни с кем не успела перемолвиться.

Заклинательница прикусила губу. Затаённая ярость вспыхнула в глубине тёмных глаз, но тут же снова исчезла.

— Я всё-таки не вижу своей выгоды, чародей. Если Рибекке дознается, что я за ней шпионила, она, может, и убьёт меня, как ты говоришь. Но если я помогу тебе захватить твоё тело и бежать, тут меня настигнет не только её гнев, но и гнев моей покровительницы. Как быть с этим?

Ки невольно нахмурилась (глаза у неё по привычке были закрыты), но голос Дреша по-прежнему источал мёд:

— Всё правильно, но только если они узнают, чья это работа. Мне, однако, кажется, что коли уж ты до сих пор столь успешно вела двойную игру, то, верно, не надорвёшься, поиграв немножко в тройную. Подумай над этим, вызывательница сквозняков. Я ведь от тебя многого и не требую. Всё, что мне надо, — это чтобы ты проводила меня безопасным путём туда, где содержится моё тело, и отвлекла стражу. Дальше я всё сделаю сам.

— Не сомневаюсь, — язвительно ответствовала Заклинательница. — Может, мне тебе ещё луну с собой завернуть?

Дреш жёстко улыбнулся:

— Спасибо, не стоит. — И заставил Ки поднять руку с говорящим яйцом: — Я вполне удовлетворюсь и вот этим.

Женщина стояла неподвижно, быть может, к чему-то прислушиваясь. Взгляд тёмных глаз слегка затуманился: она напряжённо размышляла, и мысли её, похоже, были весьма темны. Ки всё-таки переступила с ноги на ногу: держать одновременно голову и яйцо было не очень-то легко, нужно было хотя бы принять удобную позу.

— Моё время не безгранично, — предупредил Дреш. — Если наш спор слишком затянется, другие примут решение вместо тебя. Либо соглашайся, либо будешь обнаружена!

— Думаешь, я не понимаю этого, ты, болтливая голова? — холодно поинтересовалась Заклинательница. Подняв изящную руку, она коснулась уголка губ. — Жди меня здесь!

И с этими словами она исчезла, двигаясь бесшумно и быстро.

— Сейчас весь гадюшник сюда приведёт... — пробормотала Ки.

— Пока яйцо в наших руках — ни в коем случае. Более того: в надежде получить его назад целым и невредимым она сделает всё что угодно. Но и нам ничего иного не остаётся, кроме как довериться маленькой изменнице. Если она в самом деле обманщица не последнего разбора, чего доброго, ещё и отберём у них моё тело...

— А если нет? — бесцветным голосом спросила Ки.

— Тогда, милочка, приготовься швырять эту игрушку. Погибая сами, мы откроем дыру, сквозь которую к ним сюда ворвётся ВНЕШНЕЕ. Так что мы недёшево продадим наши жизни.

— Большое утешение, — хмуро ответила Ки. И вновь переступила с ноги на ногу, поудобнее устраивая голову и яйцо. Тяжёлое яйцо положительно оттягивало её руку. Спина и плечи отвратительно ныли. Разум испытывал непривычное напряжение, почти всё время пользуясь зрением Дреша. Причины, побудившие её отправиться с ним в это ужасающее путешествие, казались ей теперь розовыми соплями идеалистки. Гордость и честь представлялись пустыми побрякушками, когда речь шла о сохранении жизни. Она даже спросила себя, уж не воздействовал ли Дреш как-нибудь на её сознание, убеждая её помочь. Тот поцелуй... вот вам и доказательство, что он мог воздействовать, если хотел. Да ещё как мог. И коли уж он позволял себе так принижать её свободную волю, значит, он её вовсе ни во что не ставил. Она для него — всего лишь орудие. Бессмысленный инструмент, предназначенный для исполнения его прихоти. Что, собственно, лично она имела против Заклинательниц?.. Какие-то глухие подозрения, таившиеся за гранью здравого смысла, — она не могла даже толком облечь их в слова, — потом некие обвинения, на которые расплывчато намекал отец, ну там ещё глупейшее предприятие, в которое пустился Вандиен... и многословные поношения из уст самого Дреша. А на деле...

— Ки, если ты позволишь яйцу усыпить свою бдительность, да ещё прямо сейчас, — мы оба пропали.

Молодая женщина вмиг вернулась к реальности. Сонные паутины, начавшие было оплетать её разум, рассыпались. Шаткие пирамиды доводов рухнули под тяжестью её

собственных выводов. Она поднесла было яйцо к глазам Дреша, но тот немедленно отвёл взгляд. Их общий взгляд.

— И так слишком плохо, что тебе приходится держать его незащищённой рукой, касаясь его кожи своей, — сказал колдун. — А уж вглядываться в его глубину, не имея должной сноровки, — глупость непростительная. Его верность принадлежит Заклинательницам, которые питают его. Начни к нему прислушиваться, и оно прикажет тебе расшибить себе голову о стену. Или перерезать себе горло. И ты послушаешься. Сосредоточься лучше на том, что нам предстоит.

Ки тряхнула головой. Мысленно она ощущала нечто вроде паучьих лапок, которые щекотали край её сознания, пытаясь привлечь внимание. Ну уж нет! Она заставила себя думать о том, что видел перед собой Дреш, и вместе с ним уставилась на пол комнаты.

— Она возвращается, — прошептал Дреш.

Ки затаила дыхание, вслушиваясь, но ничего не услышала. Тем не менее дверь бесшумно раскрылась, и в комнату заглянула «их» Заклинательница.

— Идёмте, только быстрее, — сказала она. — Я увела всех, а последнюю отправила следом за Рибеке, сообщив ей, что та её якобы вызывала. Тело твоё — только бери. Но поспеши, потому что мой обман не может длиться вечно. Идёмте!

Ки подняла свою ношу и последовала за ней. Заклинательница вывела их в коридор. Осторожничая, Ки повернула голову Дреша сперва в одну сторону, потом в другую, убеждаясь, что там никого нет. И пошла за ненадёжной союзницей. Губы её скривились в невольной улыбке: она использовала голову Дреша наподобие факела. Вот и настал его черёд быть орудием!

Вскоре сделалось ясно: то, что она сперва посчитала коридором, было на самом деле частью сложного лабиринта. Когда Заклинательница свернула налево и открыла какую-то дверь, Ки шагнула следом за ней, но вместо ожидаемой комнаты увидела перед собой другой коридор, в точности подобный только что пройденному. Казалось, путь их тянулся сквозь целую вселенную угрюмых стен и гладких дверей, абсолютно похожих одна на другую. Ки

попробовала запомнить, сколько дверей они миновали и когда в какую сторону поворачивали, но почти сразу безнадежно запуталась и отказалась от этой попытки. И даже фыркнула потихоньку, сообразив простую вещь: даже если бы она сумела проделать весь путь в обратном порядке, куда бы это их привело? В комнату шпионки — убежище очень, очень сомнительное...

Вот так и вышло, что окончание пути застало Ки врасплох. Их проводница шагнула в очередную дверь и внезапно остановилась. Ки, слегка отупевшая от блуждания по лабиринту, наступила на край её одеяния и потом только сообразила — всё, пришли. Бормоча извинения, она отступила назад, давая возможность голове Дреша быстро обозреть комнату.

Смотреть было особенно не на что, тем более что на «окна» Ки решила не обращать внимания. Из мебели были только два табурета для наблюдающих. И чёрный столик, на котором красовались руки Дреша, высвобожденные из коробки. Зрелище было, что говорить, жутковатое; у Ки ёкнуло сердце — почти так же, как тогда, когда она увидела живую голову Дреша, лишённую тела. Ту самую голову, которую она теперь как ни в чём не бывало тащила под мышкой. С той только разницей, что теперь её впечатлила не одна магия Дреша, но и поразительное искусство Заклинательниц, сумевших с нею справиться.

Крышка коробки с руками стояла на полу. Возле второго табурета виднелся прямоугольный ящик, в котором покоилось тело. Быстрый взгляд Дреша охватил «окна», прошёлся по роскошным шкурам, брошенным на пол. Высокий потолок комнаты терялся в потёмках, но свет, лившийся непонятно откуда, наводил на мысль о предвечернем солнечном сиянии. Нет, свет шёл не из «окон»: в иных царилa крошечная ночь, в других — едва занимался рассвет. Ки не стала тратить время, пытаясь осмыслить то, что, как она теперь знала, было всего лишь иллюзией. Она продолжала поворачивать голову Дреша, ища другие выходы из комнаты...

— Да уймись же ты!.. — проворчал волшебник. — Крутанёшь ещё разок, и меня затошнит, насколько вообще может тошнить голову без тела!.. Я и сам умею двигать

глазами! Ко всему прочему, у нас нет времени озиаться. То, что я должен сделать, требует времени. Даже при самых благоприятных условиях. Теперь у нас нет права даже на малейшую ошибку, ибо, как ни плодовит ум нашей очаровательной подружки, вряд ли даже ей удастся выдумать ложь, которая удержит Рибекe вдали отсюда достаточно долго...

— По крайней мере, руки они за тебя уже раскупорили, — заметила Ки.

— Непременно скажу Заклинательницам за это почувствованное спасибо. Поднеси меня к ящику... Сейчас мне снова потребуются твои руки.

— А она как же? — спросила Ки, качнув голову Дреша в сторону их невольной союзницы.

— Она? Ты что же, предлагаешь покараулить её, пока я буду творить свои заклинания? Подумай, Ки! Если она вдруг завопит и ринется вон, что ты будешь с ней делать? Кинешься её ловить, держа мою голову как попало, а когда поймаешь, опять же как попало грохнешь меня об пол? Благодарю покорно. Не-ет, мы её и так привязали к себе достаточно крепко. Причём её же собственной паутиной. И ещё таким маленьким голубеньким яичком... Всё, хватит! За дело!

Но, когда они подошли к сундуку, возникло новое затруднение. Одну руку Ки занимал Дреш, другую — яйцо; нажимать разноцветные камни было попросту нечем. После некоторой возни Дреш зажал яйцо под подбородком и вместе с ним поместился у Ки на сгибе одной руки. Ки набрала полную грудь воздуха и, чувствуя, как бегут по коже мурашки, положила руку на эмалевую крышку.

И опять, как тогда возле костра, её рука зажила собственной жизнью. Глядя глазами Дреша, Ки видела, как её пальцы плясали над самоцветами, вделанными в крышку. Наконец прямо посередине возникла тонкая трещина. Ки развела в стороны половинки крышки, добираясь до тела. Оно лежало свернувшись, компактно вписываясь в кубический объём ящика. Шея и запястья оканчивались аккуратными квадратиками чёрного камня в красных прожилках. Ки взяла яйцо правой рукой и приподняла голову Дреша повыше, для лучшего обозрения.

— Ну и что теперь?.. — шёпотом спросила она чародея.

— Теперь приступим к делу, — пробурчал Дреш. — Отойди немного, Ки. Мне нужно место.

Она отступила от ящика с телом. Она, в общем, примерно знала заранее, что произойдёт, но всё же мало радости было смотреть, как из коробки неуклюже высовывается рука с камнем вместо кисти. Потом появилось плечо, обтянутое коричневой рубашкой. Рывок — и приподнялся торс, опять-таки с камнем вместо головы.

— Кто бы знал, до чего трудно удерживать равновесие, когда голова отдельно... — пробормотал Дреш.

Тело между тем неловко оперлось обрубок руки о край ящика и кое-как поднялось на ноги. Последовал неестественно высокий шаг, — тело двигалось, как марионетка в руках новичка, — и одна нога, преодолев бортик коробки, ступила на пол. За ней последовала другая, и тело, лишённое головы и рук, пошатываясь, выпрямилось. Голова Дреша, а вместе с нею и Ки, оглядела его сверху донизу. И молодая женщина поймала себя на том, что готова признать: да, Дреш не соврал, он действительно был сложен что надо. Коричневая, цвета жёлудя, рубашка доходила до бёдер; обнажённые руки усиленно двигались, разминаясь, и крепкие мускулы так и перекатывались под кожей. Сильные, стройные ноги были облачены в облегающие штаны — тоже коричневые, только более тёмного оттенка. На ступнях красовались лёгкие кожаные башмаки. Да, сложен был Дреш просто на заглядение. Если бы ещё шея и оба запястья не оканчивались такими пеньками чёрного, в кровавых прожилках камня. Ки слегка замутило, когда она заметила, что грудь тела слегка приподнималась и опадала. Не было причин сомневаться, что там, внутри, трепыхалось живое сердце.

Тело вдруг протянуло Ки увенчанный камнем обрубок руки.

— Тело, это Ки. Ки, познакомься с моим телом, — сказал Дреш. — Пожми ему руку, или там как-то ещё...

И колдун разразился каким-то кладбищенским смехом. Ки содрогнулась и невольно сделала шаг назад.

— Всё, хватит шуточек! Нет времени на дурацкое веселье! — рывкнул вдруг Дреш таким тоном, словно Ки, а

не он, всё это начала. — Итак, все части у нас. Надо лишь сложить головоломку и вернуться обратно в наш мир. Для начала нам нужен коричневый мелок. Там, в моём пояском кошеле, должен быть кусочек. Поставь мои руки у моих ног. Потом нарисуй мелом круг поперечником в мой рост. Да поторопись же, во имя Повелителя Рыб!

Преодолев себя, Ки осторожно обшарила тело Дреша в поисках мелка. Когда она переносила руки и ставила их у ног, ей снова пришлось устроить яйцо под подбородком у чародея. Одна из рук вдруг зашевелилась и похлопала её по запястью. Нельзя сказать, чтобы этот жест показался Ки ободряющим.

— Вложи яйцо мне в руку. Надо думать, я с ним не оплошаю, — весело сказал Дреш.

Ки уже начала себя спрашивать, а не сошёл ли он малость с ума. Однако его безумное веселье оказалось заразительным. Крепко прижав к себе его голову, она поползла задом наперёд на четвереньках, старательно чертя круг мягким мелком на полированном камне пола.

— А теперь что? — спросила она, когда черта уже готова была замкнуться.

— А теперь поставь голову на пол и отойди прочь от неё, смертная! — прозвучало со стороны двери.

Глаза Дреша метнулись на голос. Там стояла рослая Заклинательница в одеяниях густейшего синего цвета. Карие глаза её были окружены широкими белыми ободками — знак полного Посвящения. Взгляд этих глаз был полон насмешки, от которой у Ки кровь заledenела в жилах. Она так и застыла на четвереньках, судорожно прижимая к груди голову Дреша и держа на весу мелок, готовый замкнуть линию круга.

— Повинуйся, смертная!

Голос Заклинательницы подавлял самую мысль о сопротивлении. Ки потянулась поставить голову чародея... и не двинулась с места. Руки, которым её разум посылал приказ опуститься, по-прежнему держали голову у груди. Ноги, которым следовало бы уже пятиться подальше от Дреша, и не подумали разгнуться в коленях. Она почувствовала, как под пальцами шевельнулись лицевые мускулы Дреша: волшебник улыбался.

— Меди! — воскликнул он. — Какая встреча! Не ждал увидеть тебя здесь, право, не ждал. Бьюсь об заклад, тебя наверняка привело сюда нечто куда поважнее такой мелочи, как моё расчленённое тело. Нет, нет, незачем смотреть с такой угрозой на бедную Ки. Ты что, собралась убить корову из-за того, что её пастух тебе досадил?

— Корову убивать незачем, Дреш. А вот боевого коня, несущего на себе воина... Итак...

Меди воздела руку, и что-то ослепительно засверкало на кончиках её пальцев. Ки ещё плотнее зажмурила веки, но Дреш продолжал смотреть за них обоих. Жуткое предчувствие заставило Ки съёжиться...

Ей показалось, что Меди сделалась ещё выше ростом. Мгновение, пока Меди грозно высилась перед нею, властно простирая карающую десницу, длилось целую вечность. Карие глаза, обведённые белыми кругами, были невероятно широко распахнуты и смотрели в упор. Чешуйчатые губы беззвучно зашевелились, и вдруг... поднятая рука заколебалась, и, словно рослое дерево, поражённое молнией, Меди рухнула лицом вниз. Она тяжело ударилась об пол, не сделав ни малейшей попытки опереться хотя бы на руку. То, что сияло вокруг её пальцев, рассыпалось, искрясь, по полу, потом исчезло. Меди лежала неподвижно и молча.

Ки вновь обрела способность дышать.

— Что ты над ней сотворил?.. — потрясённо прошептала она.

— Я? Ничего, — так же тихо отозвался Дреш. — Меди мертва, Ки. Не просто в обмороке, но мертва. Такое не по мне...

— А по мне — как раз! — через порог шагнула предательница, она же их союзница поневоле, и наклонилась над телом Меди. Желудок Ки угрожающе поднялся к горлу, когда убийца вытянула из пышных складок синих одежд длинный, тонкий клинок. С утончённой аккуратностью маленькая Заклинательница двумя пальчиками стёрла с клинка кровь и промокнула их об одеяние Меди. И с улыбкой посмотрела чародею прямо в глаза.

— Вот теперь-то ты и поставишь его голову на пол и отойдёшь в сторонку, — с полным хладнокровием сообщила она Ки.

— Подумай ещё раз, навевательница сквозняков,— сказал ей Дреш.— Меди больше нет, но вот как ты собираешься избежать мести Рибеке? Ибо теперь она будет жаждать твоей крови ещё больше прежнего. Сделаешь глупость — сама потом пожалеешь.

Та лишь выгнула тонкие брови, глумливо изображая невинное удивление:

— Отнюдь, колдун, отнюдь. Рибеке мне ещё спасибо за это скажет. Или я не расправилась с изменницей Меди, подосланной Высшим Советом с намерением заставить Рибеку наговорить лишнего и заманить её в ловушку? Не у тебя ли в руках говорящее яйцо, которое послужит вещественным подтверждением моих слов? Или, может быть, не Меди собрала здесь расчленённое тело волшебника Дреша, чтобы присвоить его силу себе и передать Совету? Нет, колдун, я думаю, что заслужила не мести Рибеке, а её глубокую благодарность. Поставь голову возле ног тела, ты, девка!

Резкий приказ хлестнул, словно кнутом, но воля Дреша снова удержала тело Ки в неподвижности. Молодая женщина по-прежнему стояла на коленях у разрыва незавершённого круга, мёртвой хваткой держа его голову.

— Ты вправду думаешь, ветрогонка, что так легко надуешь Рибеку? О, да ты совсем её не знаешь, как я погляжу. Даже пока она была смертной женщиной, Рибеке обладала недожизненным ясновидением и была в сорок раз хитрее лисицы, уводящей собак от своих малышей. Человек не успевал открыть рот, а она уже знала, что он намерен сказать. Ребёнок не успевал сделать движения, а она уже знала, что за шалость взбрела ему на ум. Ты сама прошла учение, так что понимаешь, как развились теперь эти её способности. И ты со своими жалкими выдумками хочешь противостоять Ей?..

— Умолкни, голова! — окрысилась Заклинательница. — Пусть возчица повинуется мне, либо так и умрёт, сжимая твой пустой череп. Впрочем, не вижу большой разницы: вам обоим так и так недолго осталось...

Дреш продолжал напряжённо смотреть в глаза предательнице. Что до Ки, то она, оцепенев от страха, и думать позабыла про свою правую руку. А та, будучи вне поля

зрения Заклинательницы, продолжала быстро и незаметно действовать мелком. Не успела Заклинательница договорить, как воля Дреша буквально вдёрнула Ки внутрь замкнувшегося круга. Быстрый взгляд — и Ки успела заметить у своих ног на полу крохотную руну, нанесённую всё тем же мелком.

В комнате установилась тишина. Она почему-то напомнила Ки тучу пыли, медленно оседающую в жаркий день на дороге, по которой проехала тяжело нагруженная повозка.

— И ты хочешь произвести на меня впечатление столь дешёвыми фокусами? — вновь подала голос Заклинательница. — Может, ещё пожонглируешь тремя яйцами или сотворишь из воздуха пригоршню цветных стеклянных бус? Давай, ничтожный колдун, давай, а я посмотрю. Как по-твоему, долго ли продержится руна земли, сотворённая в чертогах Заклинательниц Ветров?

— Достаточно долго! — мрачно заявил Дреш.

Ки помалкивала, чувствуя себя очень маленькой и беззащитной. Она казалась сама себе куклой на ниточках,двигающейся тогда, когда отдаёт приказ невидимая рука. Даже вздумай она заговорить, эти двое попросту не услышат её слов. Игра здесь шла на такие ставки, которые ей даже не снились. Её жизнь была мелкой разменной монетой на их игорном столе. Ки молча заскрипела зубами, посылая проклятие сразу всей магии, какой бы стихии та ни принадлежала, — воздуху, земле или воде. Чего бы она только сейчас ни отдала, чтобы снова ощутить под рукой жёсткую и такую родную гриву кусачего Сигурда, вдохнуть милые сердцу запахи фургонной кабинки и придорожного костра... сердце болезненно щемило даже при воспоминании о едком злословии Вандиена. Потом она подумала о рапире, что висела, абсолютно бесполезная, в своих ножнах где-то в другом мире. Столь же бесполезна она была бы и здесь. А я, подумала Ки, я могу только умереть. Странное дело, но эта мысль её отчасти утешила.

Между тем молодая Заклинательница вытащила откуда-то из своих одежд небольшой кубик синего мела. Она уселась вне круга, как раз напротив руны Дреша, и тоже принялась чертить по полу вереницы клубящихся симво-

лов. Дреш не стал тратить времени, наблюдая за ней. Он заставил тело Ки подобраться к своему собственному и вновь взять в руку голубое яйцо.

— Может, попробуем составить тебя?.. — нерешительно выговорила Ки. Благо Дреш, пользуясь её телом словно своим, о её разуме как будто позабыл.

— Безнадёжно, — констатировал чародей. — Когда происходит такая борьба сил, осуществить нужные превращения весьма затруднительно. Я неминуемо погибну. Так сказать, прямо на операционном столе. Это столь же очевидно, как и то, что теперь мы оба погибнем. Если только... если только...

Его глаза вновь обратились ко входной двери. Меди по-прежнему лежала там же, где и упала. На спине её было небольшое пятно, где тёмно-синие одежды потемнели ещё больше. Ки затрясло: ей показалось, что череп, укрытый стоячим колпаком, от удара об пол размягчился. Ки не в первый раз видела смерть, но потрясение от этого не было меньше. В животе стало пусто и холодно...

Тут Дреш снова посмотрел на их врагиню. Заклинательница как раз внесла заключительный штрих в свои символы и с торжеством вскинула взгляд...

И в это время тишину в комнате прорезал ледяной голос:

— Принимаешь гостей, Гриелия? Как вышло, что ты взялась развлекать их, не посоветовавшись со мной?

На лицо Гриелии, словно занавес, мгновенно опустилась маска невинности, скрыв прорвавшееся было торжество. Все глаза, в том числе и зажмуренные глаза Ки, обратились туда, откуда прозвучал голос. Рибеке вошла бесшумно, никем не замеченная, наклонилась над телом Меди и теперь выпрямлялась. Какое-то мгновение она разглядывала алую кровь, запятнавшую кончики её длинных пальцев. Потом простёрла руку к Гриелии. Жест был так величествен и красноречив и содержал столько вопросов, что Гриелия дрогнула и попыталась ответить сразу на все.

— О, она предала тебя, госпожа! Я застала её здесь, над телом расчленённого колдуна, с говорящим яйцом... Я услышала, как она произносит вызывающие слова, которые призвали бы Высший Совет. Я... я догадалась о её измене,

Мастерица Ветров. И я убила её, чтобы она не могла навредить той, кого я так люблю. Я умоляю тебя о прощении...

Из чёрных глаз Гриелии ручьями лились слёзы. Она медленно опустила голову, и стоячий куколь поник, скрывая лицо. Рибеке стояла молча, но Ки до глубины души поразил её взгляд. Который Дреш, впрочем, выдержал не дрогнув. Ки вмиг постигла язык их молчания, но не сразу смогла поверить услышанному душой. Такой печали в глазах Заклинательницы она ещё не видала.

Дреш начал говорить — негромко, доверительным тоном:

— По-моему, Рибеке, неплохо бы спросить её для начала, какого хрена она рядится в белые одежды ученицы, если ей известны слова, приводящие в действие говорящее яйцо. Ещё можно было бы задаться вопросом, откуда у дитяти вроде неё познания, достаточные, чтобы нарисовать небесные руны, которые мы видим тут на полу. Как, впрочем, и то, откуда при ней синий мелок знатока Рун Ветра. Не хочешь расспросить её обо всём этом, Рибеке?

Рибеке негромко вздохнула:

— Зачем тратить время на расспросы, когда все ответы и без того очевидны? Уж кому, как не тебе, Дреш, знать, впервые ли я сталкиваюсь с изменой... Встань, обманщица! Взгляни на Мастерницу Ветров, павшую от твоей руки, и попробуй представить, что ожидает тебя саму.

Гриелия поднялась. Вид у неё был безразличный. Узкие ладони разгладили налобную повязку, державшую капюшон. Маленький рот холодно улыбнулся Рибеке:

— Ты не посмеешь убить меня. Меня ограждает благосклонность Совета!

Рибеке расхохоталась. Смех вышел отрывистым и коротким. Глаза её обратились к неподвижному телу Меди. Они подозрительно заблестели, когда она вновь подняла взгляд на Гриелию.

— Благосклонность Совета? Ты мне ещё Расскажи о холоде солнца. Ничего себе благосклонность — отправить тебя сюда исполнять неисполнимое. Они же понимают, что ты, Гриелия, орудие обоюдоострое, а рукоятки у тебя и во все нет. Такое орудие опасно, в особенности для руки, которая его держит. Ты что же думала — они тебя выучат,

используют, да ещё и жить после этого оставят? Нет, они знали даже и то, что им самим расправляться с тобой не придётся. Они знали, что я сделаю это за них. И тем самым вынесу себе приговор. Они просчитались только в одном: я не собираюсь делать глупость и сама отдаваться им в руки. У меня свои собственные понятия о том, как поступать с такими, как ты...

Ки видела, как округлились глаза Гриелии, как заметался её взгляд, устремляясь с Рибеке на Дреша и назад.

— Посмотри сюда, Гриелия, — со вздохом сказала Рибеке. Её тонкие пальцы вычертили в воздухе некий знак. Ки, смотревшая глазами Дреша, заметила клубящуюся синюю руну, какое-то время висевшую в пространстве. Гриелия невольно уставилась на неё... и продолжала смотреть в ту же точку, даже после того, как Ки перестала видеть магический знак.

— Это займёт её на то время, пока я буду разбираться с тобой, — сказала Рибеке. — А ты умница, додумался смешать свою ауру с аурой возницы. И правда, кто бы мог заподозрить, что у неё вообще аура есть?.. Эта загадка на некоторое время задержала меня у пруда. Увы, этого времени оказалось достаточно, чтобы погибла Медди, Дреш... — В прекрасно поставленном голосе появилась лёгкая хрипотца. — Дреш, Дреш... — Рибеке закашлялась. Её гордо развёрнутые плечи поникли. — И зачем только ты мне всё это устроил?

— Я? Тебе? Нет, Рибеке, ты сделала выбор за нас обоих. Не я же облачил тебя в синие одежды, взгромоздил тебе на голову колпак Заклинательницы и мазал твоё тело их вытяжками, чтобы появилась чешуя? Не я же отнял у тебя твою человеческую женственность... Хотя, впрочем, на этот счёт я бы...

— Нет! — вспыхнула Рибеке. — Я сама всё это над собой совершила. Потому что в ином случае я была бы всего лишь любовницей колдуна. Я бы робко наблюдала из тёмного уголка, как ты вызываешь Силы Земли, а потом ахала и восторгалась твоими успехами. За это ты дарил бы мне всякие бальзамы, чтобы продлить телесную юность. Чтобы я подольше была красивой игрушкой, с которой ты развлекался бы в свободное время...

— Гораздо худшая доля, чем носить чешую Заклинательницы и быть игрушкой Высшего Совета, — сказал Дреш. — Так, Рибеке?

Как ни старалась Ки сделаться по возможности меньше и незаметней, у неё всё-таки вырвался судорожный вздох. Станный разговор между Рибеке и Дрешем был достаточно пугающ и вдобавок отдавал святотатством. Но в этой комнате приходилось опасаться не только их. Ки заставила себя открыть глаза и оглядела комнату, сразу ставшую чужой и незнакомой, пытаясь примирить увиденное с той картиной, которую показывало ей зрение Дреша.

— Верно, Дреш, Высший Совет далёк от идеального. Тут я с тобой согласна, — проговорила Рибеке. — Отважусь сказать тебе даже больше: они извратили самое предназначение Заклинательниц. Но это вполне может быть исправлено. Кем? Такими, как я. И я полагаю, что это — более достойная цель в жизни, чем подмазываться и подкрашиваться в попытке удержать твою благосклонность...

Ки посмотрела вниз, на свои руки. Глазам её предстала лишь бездонная пустота куба тьмы, которая была Дрешем. Его поддерживали две тонкие бледные струны. Оставалось только предполагать, что такими в здешнем измерении представляли её собственные руки. Из куба тьмы исходил голос. А может, и не голос, а просто поток мыслей.

— Хорошенького же ты обо мне мнения, Рибеке. Ты говоришь так, словно я любил одно только твоё тело. Да пусть бы она увядала, твоя плоть, как то и пристало с возрастом. Я всё равно любил бы... так же, как, может быть, я и сейчас...

Вновь воцарилась тишина. Ки продолжала озираться по сторонам. На глаза ей попала бледная башня, показавшаяся странно знакомой. Ну да, сообразила она, так это же Гриелия. Вот они, две алые точки на месте её глаз... Э, да никак они двигаются, понемногу поворачиваясь в сторону Ки? Не может быть! Рибеке обездвижила предательницу своей воздушной руной. Ки присмотрелась... Нет, бледная башня определённо двигалась. Двигалась по направлению к кругу, начертанному Дрешем. Крохотными, почти незаметными шажками... но всё-таки двигалась!

— «Может быть»? — резкий голос Рибеке разбил хрупкую тишину, и от неожиданности зрение Дреша снова перехватило мозг Ки. — «Может быть»! Ты что думаешь, Дреш, мне можно бросить кость, точно голодной собаке? Или ты просто хочешь устроить так, чтобы мой долг тяготил меня ещё больше? Я и так уже потеряла Меди. И вместе с ней — её силу. И от этого мне тем более необходима та сила, которую накопил ты. Ибо у меня есть цель. Сама по себе я никогда бы не причинила тебе зла. Нет, я не стану препираться с тобой и не заставлю тебя теряться в догадках. Мои чувства к тебе ещё не совсем умерли, Дреш. Но позволить им повлиять на моё решение вернуть Заклинательницам Ветров их подлинное предназначение?.. Чтобы я упустила дарованную мне возможность, позволив тебе опутать меня паутинами слов?.. Нет. Я сделаю то, что должна сделать, и чем скорее, тем лучше. Зачем продолжать эту взаимную пытку...

Тут Ки, ощутив, что руки вновь начали ей повиноваться, повернула голову Дреша в направлении Гриелии. И точно!.. Та сдвинулась!.. Хуже того: она стояла внутри круга. И торжествующе ухмылялась. Рука её была воздета, в кончиках пальцев сверкала искрящаяся смерть. И целилась она — в Рибеке!..

Ки действовала быстро. Так быстро, что Дреш не успел перехватить власть над её телом. Она швырнула голубое яйцо, метя Гриелии в голову. Швырнула со всей силой, порождённой отчаянием и испугом...

Дреш закричал, пытаясь предостеречь Рибеку, но крик предостережения тотчас сменился воплем ужаса: он увидел, как яйцо соприкоснулось с капюшоном предательницы. То, что было дальше, походило на кошмарный сон. Яйцо прошло сквозь лицо и череп Гриелии, не встретив видимой помехи, как стрела, угодившая в перезрелый фрукт. Осколки кости брызнули в разные стороны вперемишку с ошмётками плоти, и Ки показалось, будто они зависли в воздухе, точно жуткое кровавое облако. Минував начавшее оседать тело Гриелии, яйцо ударилось в стену.

Стена гулко взорвалась и исчезла, оставив после себя ревящее облако голубого огня. За ним была пустота.

Безжизненное тело Гриелии первым утянуло в дыру, в НИЧТО, заглянувшее в комнату сквозь пробитую стену. Маленькая предательница начала проваливаться в никуда, заставив Ки подумать о сломанной кукле, которую выбросили в бездонный колодец. А в следующий миг и её саму поволокло туда же. Беспощадный вихрь подхватил её и понёс, и размахивающий руками торс Дреша полетел следом за ней. У Ки закружилась голова. Тело неуклюже обхватило её обрубками рук. Руки чародея успели вцепиться в одну из ног, а голову Дреша она по-прежнему судорожно прижимала к себе. Так они все вместе и вылетели во тьму.

В памяти Ки запечатлелась Рибекe, смотрящая им вслед; в глазах Заклинательницы мешались мука и изумление. Потом их отнесло прочь, и стена комнаты сама собой затянулась за ними. Рибекe исчезла из виду. Ки и Дреш, кувыркаясь, летели в никуда. Некоторое время спустя Ки ощутила, что больше не дышит, но эта мысль лишь слегка обеспокоила её засыпающий разум. Она ещё подумала о том, что этот сон уже снился ей однажды. Да, вот они впереди, знакомые точки яркого света. Волосы Ки снова закрубились, касаясь лица, тревожимые неощущаемым ветром. Ки не чувствовала не то что страха — даже и интереса к окружающему. Она плыла сквозь беспредельную пустоту, держа в руках голову чародея, и тело чародея обнимало её обрубленными руками. Ну и что? Будущее не волновало её, ибо у неё не было ни прошлого, на которое она могла бы опереться, ни настоящего, чтобы вести отсчёт. Её вполне устраивало то небытие, в котором она пребывала, — ни усилий, ни мыслей, ни даже дыхания. Голова, которую она держала в руках, пыталась вмешаться, замутировать своим волнением безмятежную чистоту её души. Ки не собиралась этого допускать. Его мысли порождали всего лишь лёгкую рябь на поверхности, которая тут же и рассеивалась.

Тишина. Беспредельная тишина, и в сознании, и вовне.

андиенова упряжка лежала там же, где он её оставил. Он посмотрел сверху вниз на скилий, мирно посапывавших в пыли, словно выводок щенят. М-да. Самые несносные твари, с которыми ему когда-либо приходилось иметь дело. Будем надеяться, что ему удастся заставить их шевелиться, когда придёт решительный час. Пожав плечами и тяжело вздохнув, Вандиен направился обратно в таверну. Самое время позавтракать. Вандиен не привык заниматься делами в подобную рань, и в особенности на пустой желудок.

Повернувшись, чтобы идти, он увидел перед собой Заклинательницу Киллиан. Она стояла посреди переулка, и лёгкий ветерок шевелил её бледно-голубые одежды. Глаза Заклинательницы были неотрывно устремлены на Вандиена. Голубой куколь окружал её лицо жёстким овалом, отчего её глаза казались ещё больше. Мягкий утренний свет тоже добавлял очарования, придавая ей совершенно девические черты. Тем более что на расстоянии лёгкую чешую трудно было рассмотреть. Кисти рук, выглядывавшие из просторных рукавов, казались слишком маленькими. Вандиен улыбнулся и подумал: ну прямо дитя, вырядившееся в материнское платье.

Заклинательница, однако, смотрела на него без улыбки. Потом раздражённо шевельнула рукой, и ветерок тут же унялся. Один-единственный жест, и наваждение растаяло бесследно: перед Вандиеном была не юная девушка, но Заклинательница Ветров. Вандиен ощутил, как мышцы живота медленно собрались в тугий узел. Подумать только, мгновением раньше он готов был сравнивать её с ребёнком. Какая глупость — утратить бдительность из-за смазливой мордашки!

— Утро стоит ясное, возчик, — сказала она. — Небо чисто, и с вершин холмов видно далеко-далеко...

Чудесный голос завораживал, но на лице приветливости не было и в помине.

— Верно, — коротко согласился Вандиен. И пошёл ей навстречу, собираясь поскорей миновать. Чем дальше от неё, тем и лучше. Безопаснее. Но только он собрался её обойти, как Заклинательница сделала быстрый шаг в сторону, загораживая ему дорогу. Пришлось остановиться, — не отталкивать же её, в самом-то деле. И Вандиен остановился. Он стоял совсем рядом с ней, гораздо ближе, чем ему бы того хотелось. Но и отступать не собирался.

— Чего ты хочешь? — спросил он негромко, ровным голосом, не содержащим и намёка на обычную учтивость. Как-никак, перед ним была Заклинательница Ветров. У него не было ни малейшего желания навлекать на себя её гнев. Но и ползать перед нею на брюхе...

— Нынче утром я гуляла по вершинам холмов, возчик. Кажется, я уже упоминала, насколько далеко оттуда видно в ясную погоду? — Её голос лился, как музыка. — И сказать тебе, что я разглядела с холмов при ясном свете зари? Лодочку в море, возчик. Лодочку как раз над руинами храма, посвящённого Заклинательницам Ветров. И только им одним. Знай, возчик: на какой-то миг я призадумалась, а не насрать ли мне какой следует шквал. Я ведь могла бы отогнать ту маленькую лодочку на много миль от берега. Так далеко, что у неё не хватило бы сил догрести обратно. Представь себе это, возчик. Представь хорошенько. Но я решила быть великодушной. Я сдержалась и не послала шквал. Я предпочла дожждаться вечера, когда наступит Отлив и настанет нам время помериться силами. Я жду этого с большим нетерпением...

— Это всё, что ты хотела сказать мне, Заклинательница Киллиан?

Лёгкое неудовольствие отразилось в больших серых глазах, собрало в одну точку красиво очерченные губы.

— Сегодняшний праздник имеет давнюю историю, возчик. И я не советовала бы тебе слишком надрывать жилы, ворочая тяжеленные камни посреди kloкочущего моря. Повесели их, и довольно. Мы, Заклинательницы, уважаем нужды народа, желающего соблюсти ритуал. Пусть дадут

выход своим мелким обидам, а потом целый год чувствуют себя чуточку счастливее. Нам ведь не жалко. Мы ведь при-
сылаем свою представительницу на каждый Отлив, чтобы изобразить видимость сопротивления их ничтожным усилиям. Такая отдушина, возчик, здешним рыбакам только на пользу. Капризная корова не станет доиться сливками, если её не ласкать. Так и с народа, подверженного волнениям, не соберёшь той дани, которую он мог бы дать. Если слишком прижимать людей, они могут возмутиться в самый неподходящий момент. Это навредило бы и им самим, и нам тоже. И в особенности тебе, возчик. Те песни, что звучали здесь вчера, возчик, — нам отнюдь не понравилось то, что пелось. И как это пелось!

— Всё сказала? — перебил Вандиен, хотя отлично знал, что она ещё далеко не закончила. Ему угрожали, причём без особенных околичностей, и угроза исходила от существа, о чьём могуществе ему оставалось только гадать. Он боялся, и страх искал выхода в гневе. Кровь бросилась ему в лицо, заставив остро ощутить шрам. Нет, он не позволит так просто себя запугать. Он стиснул зубы с такой силой, что челюсти заболели. Ему очень хотелось, чтобы на улицы вышло побольше народу. Чтобы вся деревня полюбовалась на свою «милую» Заклинательницу. Но в это праздничное утро все спали допоздна. Он был один.

— Всё? — засмеялась Заклинательница Ветров. — О нет. Ты заткнул мне рот, как раз когда я собиралась перейти к самому интересному. Но, поскольку ты, видно, спешишь по какому-то очень важному делу, я постараюсь покороче. Чтобы ни в коем случае тебя не задерживать... — Улыбка сползла с её лица. — Мы знаем, кто ты такой, возчик. Мы видим, с кем ты водишься. Знай и ты: с нами шуток не шутят. Хорошо бы, ты понял, что забрался на глубину, где можно и не достать дна. Подумай! Совсем не обязательно кому-то что-то говорить. Повесели их как следует. Порадуй. А завтра отправляйся в путь посвистывая и с попутным ветром. Никто тебя не осудит. А кое-кто даже и одобрит. Прояви мудрость, пока не поздно. И может, тем самым избавишь некоторых своих друзей от жестокого шторма...

И Заклинательница медленно повернулась прочь. Она успела пройти целых два шага, прежде чем Вандиен заново обрёл дар речи:

— Заклинательница Киллиан!..

Она невозмутимо оглянулась:

— Что тебе ещё, возчик? Я думала, ты хотел как можно скорее от меня отделаться...

— Скажи мне правду. Кому ты собралась грозить? — глаза Вандиена блеснули, как два кремня. — Та, с кем я нынче утром плавал на лодке, — всего лишь дитя, озлобленное постоянными шпильками и тычками соседей. Никаких заговоров и тому подобного у неё на уме и близко нет. Она и злится-то не на вас, Заклинательниц, а больше на здешний люд. Она и в мыслях не держит обратить против вас вашу тайну — она хочет лишь обелить своё имя, отстоять честь своей семьи. Неужели ты хочешь сказать, что, если я буду как следует рыться в поисках сундука, твой гнев падёт на бедную Джени?.. Боги, что за несусветная глупость!.. Да если я смоюсь отсюда прямо сейчас и носа не суну в ваш храм, она всё так же будет мечтать о сундуке и силиться его отыскать. Что она и делала во время каждого Храмового Отлива, сколько их там было в её коротенькой жизни. В этом году к её поискам добавлюсь ещё и я. И за это её наказывать? Ты мне льстишь? Как-то необедительно...

Киллиан была ростом примерно с него, но каким-то образом ухитрилась посмотреть на него сверху вниз. Она снова улыбнулась, на сей раз снисходительно.

— Джени!.. — фыркнула она. — Брось горсть пыли против ветра, возчик, и получишь её прямо в глаза. Мы всё знаем о Джени. Как и то, что для тебя она — всего лишь девчонка, с которой познакомился накануне. И если ты её бросишь нам на расправу, это нас не обманет и не удовлетворяет. Нет, возчик, я говорила о Зролан, которая тебя сюда пригласила. И ещё об одной ромни, которая тоже съёт нос в дела превыше своего разума. И не делай большие глаза, возчик, не изображай изумления. Могу сообщить тебе, что Ки доставила нам неудобство. Всего лишь неудобство, не более, и потому мы позволили ей проследовать невозбранно. Но если ты, ничтожный смертный, не прекратишь...

— Шум и шелест, Киллиан, шум и шелест. Ты сама стала как ветер, с которым воркуешь. Верно, Зролан настроена решительно. Но я-то тут при чём? Даже если я удеру, она и не подумает «прекращать». Если у вас с нею счёты, то я расплачиваться отнюдь не намерен. Что же до Ки, то и она — свободный дух, сама по себе. И потом, будь она в твоей власти, ты бы мне не угрожала на словах — ты бы её передо мной за ноги вывесила. Нет, всё, что ты можешь, — это с важным видом произнести её имя. Так кого ты пугаешь?

Ярость придала ему смелости. Он ни в коем случае не собирался ей показывать, что от одного упоминания имени Ки у него кровь в жилах оледенела.

— Я вижу, тонкий подход — не для тебя, — отозвалась Киллиан. — Что ж, попробуй вот этого, Вандиен, и решай сам, кому и чем я угрожаю.

Маленькая ручка быстро поднялась и сотворила в воздухе перед его лицом некий знак. Вандиен шарахнулся прочь, ожидая пощёчины. Но её пальцы к нему даже не прикоснулись. Гудящий порыв ветра обрушился на переулок, свирепо резанув Вандиена по лицу и глазам уличной пылью. Киллиан же исчезла неизвестно как и неизвестно куда. Вандиен зажмурился, спасая глаза. Холодный вихрь ударил его с такой силой, что он попятился назад по переулку, закрывая руками лицо. Врезавшись спиной в коновязь, Вандиен не удержался на ногах и свалился прямо на свою мирно дремлющую упряжку.

Отчаянно выкашливая из лёгких пыль, он попытался вдохнуть хотя бы через рукав. Ледяной ветер мгновенно превратил шрам в раскалённую полосу и лишил чувствительности пальцы. Вандиен сумел приподняться, но только для того, чтобы тут же всей тяжестью удариться о стену гостиницы. Когда он заставил себя чуть-чуть приоткрыть глаза, по лицу тотчас побежали слёзы. Ветер повалил его на колени, делая то, к чему, как он самонадеянно полагал, его не сможет принудить Киллиан.

В ушах стоял сплошной гул. Вандиен успел вздохнуть несколько раз, прежде чем до него дошло, что слышит он уже не рёв ветра, а просто шум собственной крови. Ветер прекратился, словно его никогда и не было. Солн-

це как ни в чём не бывало струило хилый осенний свет, словно бы пытаясь согреть его и утешить. Чувствуя себя побитым и помятым, Вандиен с трудом поднялся, цепляясь за грубо отёсанные камни стены. Потом, прислонившись к ней спиной, долго протирает глаза, но только загнал в них ещё больше пыли, прилипшей к ресницам. Наконец, справившись, он осмотрел улицу. Увиденное его потрясло.

Он почему-то ждал, что повсюду будут раскиданы сорванные ветром доски и дранка с разрушенных крыш. Ничего подобного. Пёстрые флаги, вывешенные в честь праздника Храмового Отлива, вяло свешивались к земле. Тихая, сонная улица. Как и полагается в праздничное утро. Шквал, мордовавший Вандиена, предназначался ему одному. Ведь сказала же Киллиан, что даст ему кое-чего попробовать. Она и угостила его образцом своего искусства. Зачем тревожить народ? Она наказывала лишь непокорного возчика, посягавшего возмутить доселе послушное стадо. Всё так, как она ему и предлагала. От него требовалось всего лишь изменить своё решение. Никто не узнает. Никто его не осудит...

Ки. Что там говорила Заклинательница насчёт того, что она, мол, вмешивается в их дела? Чепуха какая-то. Бессмыслица. Ки всегда старалась держаться подальше от Заклинательниц. Вандиен сжал кулаки. Кровь постепенно возвращалась к кончикам пальцев, а с ними и способность осязать. Ки. Стоит отвернуться, как она тут же попадает в беду. Вандиен поднял руку и принялся отскребать от лица пыль, вбитую в кожу. Ну и что теперь прикажете делать? Бросить всё псу под хвост и кинуться разыскивать Ки?.. Но ведь Заклинательница сама сказала, что никакой беды ей покамест не было. Вандиен болезненно сморщился, живо вообразив, что скажет Ки, когда он запыхавшись примчится её «выручать». Нет, Ки обещала приехать за ним сюда. Она знает, что он здесь. И, значит, сюда, в Обманную Гавань, она и направится, если у неё вправду возникнут какие-то неприятности. Значит, лучше оставаться там, где она легко сможет его отыскать...

Спотыкаясь, ввалился он в общую комнату и хмуро оглядел пустые скамьи. Тот же мальчик, что и вчера, чистил

камин, та же девочка смазывала маслом столы. Интересно, где Джени?.. Никто не окликнул его. Вандиен медленно поднялся по лестнице и вошёл в свою комнату. Вода в кувшине для умывания успела остыть, но хоть пыль с лица смыла. Повалившись на смятую постель, Вандиен повернулся на спину и принялся осторожно разминать края своего рубца. Мало-помалу жгучая боль начала рассасываться. Зато его заранее взяла жуть при мысли о неизбежном вечере и холодной сырости моря, которая столь же неизбежно принесёт новую боль. А Киллиан ещё залезет на холм и примется почём зря стегать его ветром вроде давешнего. Да как он вообще сможет выстоять в подобной воде, не говоря уж о том, чтобы рыться в поисках какого-то вонючего сундука?..

Так он и лежал, чувствуя себя очень несчастным и лишённым последних остатков мужества. Нет, незачем даже и пытаться. Только на посмеище себя выставить. Но если он не попробует, Заклинательница вообразит, будто усмирила его. И, каков бы ни был его шанс избавиться от шрама, он этот шанс потеряет безвозвратно... Его пальцы продолжали бережно разминать, размягчать онемевшую от холода плоть. Иногда Вандиену казалось, что шрам был живым существом, которое присосалось к его лицу и когда-нибудь, дай срок, прорастёт сквозь череп и выпьет самую его жизнь. Он убрал руки и застыл неподвижно. Да успокойся же ты, — мысленно умолял он рубец. Обмякни. Вот так. Лицевые мышцы постепенно расслабились, и мучительная ломота прекратилась.

Блаженное тепло начало овладевать его телом. Узлы холода, поселившиеся было в позвоночнике, распускались. Он успел прилично намёрзнуться в лодке, а тот шквал в переулке буквально выдул из его плоти последние крохи тепла. Пошарив рукой, Вандиен натянул на себя край одеяла. Тело и разум начала охватывать дремота...

— Вандиен! Просыпайся!..

Ещё балансируя на узкой грани между бодрствованием и сном, он приподнял веки и увидел над собой Зролан.

— Не хочу... — Он попытался снова закрыть глаза.

— А я говорю, просыпайся! — Зролан крепко встряхнула его.

Вандиен мученически вздохнул и сел на постели. Зролан сейчас же уселась у него в ногах. Ему оставалось только изумляться ей и благоговеть. С плеч женщины свисал тёплый плащ с синим капюшоном, небрежно откинутым за спину. Щёки её разругались: видно было, что она только что с улицы. Она убрала с лица спутанные чёрные волосы и сунула руки между колен, чтобы отогреть. Глаза Зролан сияли, как драгоценные камни, губы кривились горько и вместе с тем возбуждённо.

— Ну и разворошил ты осиное гнездо!.. — сообщила она ему.

— Я?.. — Вандиен отказывался понимать, в чём дело. — Я тихо-мирно явился в эту деревню. Честный возчик в поисках непьющей работёнки и лёгкого заработка. Вместо этого меня впутывают в какие-то интриги тысячелетней давности. Не говоря уже о любовном треугольнике: хозяин гостиницы жаждет хорошенько развлечь соседей, юная девушка мечтает отплатить деревне унижением за унижение, а старая бабка со съехавшей крышей хочет...

— Добиться наконец справедливости! — перебила Зролан. И засмеялась. Это был смех юной женщины, зазывный, манящий. Вандиен поймал себя на том, что пристально всматривается в её лицо. Да, она определённо обладала неким магнетизмом, некой жизненной силой, властно пробуждавшей все его чувственные инстинкты. Что ж, привлекательные молодые женщины никогда не оставляли его равнодушным. Будь он, как когда-то, зелёным юнцом, он бы уже расправлял плечи, игриво потряхивал тёмными кудрями и раздувал грудь. Но теперь он был взрослым мужчиной, к тому же и со шрамом во всю физиономию. И далеко не так легко покупался на всякие там женские штучки.

И всё-таки... Эта женщина... О, Вандиен сознавал, что она вполне годилась ему в бабушки. Если не в прабабушки. И тем не менее при её виде его кожу начинали колоть крохотные иголки, а в ушах нарождался звон. Она пробуждала в нём желания... нет, не плотского свойства. Он желал... как бы это выразиться... Вандиен, любивший точность, силился разобраться в собственных чувствах. Да, вот оно: он желал подтвердить перед ней своё мужество.

Завоевать её уважение. Он желал, чтобы его осыпали эти чёрные глаза, чтобы Зролан выделила его в толпе как единственного мужчину, достойного вести с нею беседу. Столь же внезапно, сколь и глубоко, Вандиен возжаждал её доверия, её дружбы...

Зролан словно подслушала его мысли.

— Я не ошиблась в своём выборе! — проговорила она, и голос дышал теплом. — Да, есть люди глубокомысленней тебя, есть более статные, есть более сильные. Есть более опытные возчики, более осторожные... Но ты, Вандиен, ты умеешь ЧУВСТВОВАТЬ. И чувствами ты руководишься в своих поступках. Ты великодушен — и в ненависти, и в любви. Один из тысяч...

Всё его существо запело от гордости. Её голос был музыкой, не нуждающейся в осмысленных словах. Вандиен широко улыбался. Бесследно исчезли грызущие сомнения в искренности Зролан, одолевавшие его со времени разговора с Джени, — девушка что-то там говорила насчёт надежды вернуть физическую молодость, которая, мол, и побуждала старуху. Зролан между тем пододвинулась ещё ближе и взяла его руки в свои.

— Так что же она тебе рассказала? Джени, я имею в виду?

— Историю, завещанную её дедушкой. Она произнесла её, как молитву: точь-в-точь его словами и, готов поклясться, его голосом. Жестоко было взваливать подобную ношу на это дитя...

— Среди стариков праведных больше, чем добрых. Поможет ли тебе чем-нибудь её рассказ?

Вандиен пожал плечами. У неё были тёплые руки, а глаза видели во всём мире только его.

— Насколько я понял, мне следует пошарить в юго-западном углу храма. Что до сундука, то он не ахти как велик, но порядком тяжёл: двоим здоровым мужикам только-только поднять. Ещё я должен хорошенько посмотреть под ноги, чтобы не угодить в щель между камнями... — Он вздохнул. — И ещё я понял: если я его таки найду, то вполне могу заплатить жизнью за эту находку. Но уж этими сведениями я обязан не Джени, а Киллиан.

Зролан кивнула:

— То-то мне и почудился в воздухе привкус магии ветра. Что ж, это хороший знак, Вандиен. Они боятся тебя! Боятся и пытаются отпугнуть. Потому что страшатся, как бы ты не преуспел там, где потерпели поражение все остальные. Ибо у тебя есть воля к победе...

Тут Зролан неожиданно поднялась, выпустив его руки. И обошла комнату кругом, да так стремительно, что синий плащ вздувался у неё за спиной. Потом внезапно остановилась, и её взгляд пронизал Вандиена насквозь, словно ища припрятанные секреты.

— У Заклинательниц нынче много хлопот, Вандиен, и мы с нашими розысками — далеко не самая животрепещущая. Я сегодня ходила далеко в поле... Ветры могут многое рассказать, надо только уметь слушать. Вот я и слушала, Вандиен. Очень внимательно слушала. Заклинательницы сегодня озабочены вовсе не нами, а кое-чем другим, что совершается на пороге их собственного дома. И Киллиан отчаянно трусит, потому что знает: она будет с тобой один на один. Никто не придёт ей на помощь, потому что остальным не до Храмового Отлива. И твоё упрямство пугает её до смерти. Можешь мне поверить: та маленькая демонстрация силы, которую она устроила нынешним утром, недёшево ей обошлась. Вызывать ветер — это тебе не хухры-мухры. Теперь ей придётся отдыхать и заново копить силы для вечера. Послушай доброго совета, Вандиен: не жди, пока она приготовится...

Вандиен кивнул и только потом осознал, что кивает. Сквозь распахнутые ставни проникал шум пробуждавшейся деревни. Пробуждавшейся для праздника, а не на работу. Смех, весёлая болтовня... В таверну пожаловали ранние посетители. Кто-то требовал вина со специями, другой желал миску горячего чоудера. И только в комнате Вандиена шла подготовка не к веселью, но к битве.

— Джени предложила мне придерживаться старой традиции. Она сказала, чтобы я не дожидался, пока схлынет вода, а шёл прямо вслед за отливом. По-моему, разница небольшая...

— Уходящий отлив помогает разглядеть многое скрытое, Вандиен, так что совет мудрый. Если вода будет по-

кидать храм у тебя на глазах, очень может быть, что ты сумеешь заметить нечто, на краткий миг освобождённое движущимися песками. А если ты ещё и успеешь зачалить то, что углядел, у тебя будет уйма времени, чтобы вытащить свою находку на берег. Я тут, кстати, неплохой кончик для тебя припасла...

— У вас, рыбаков, наверное, пропасть всяких концов...

— Этот — особенный. На нём никогда не развяжется узел, и он не растягивается в воде... — Зролан извлекла из-под полы просторного плаща бухту верёвки. Вандиен воззрился на неё в некотором разочаровании. Он ожидал увидеть корабельный канат, а Зролан предлагала ему шнур не толще его пальца. Зролан бросила бухту ему на колени. Серый лоснящийся шнур оказался довольно увесистым. Вандиен погладил его, потом попробовал скрутить против намотки прядей. Ничего не вышло: не вздыбилось ни одно волоконец.

— Работа керуги, — ответила Зролан на его вопросительный взгляд. — Подарок друга. Отличное волокно и работа превыше всяких похвал. Эти махонькие пальчики истине способны сплести тончайшие нити в несокрушимое целое. Можешь доверять этому концу, Вандиен. Так же, как ты доверишь мне.

Подойдя к окошку, она выглянула наружу, обозревая улицу и переулок.

— Ага, жонглёры приехали... Что ж, отлично. Ну, мне надо идти. Ты постарайся как следует отдохнуть: час твоего отлива не ранний. А я пойду полюбуюсь праздником. Там пироги, пряники и выпивка, какая не всякий день бывает. И, конечно, всевозможные рассказы и песни. Как я ни стара, а до всех этих вещей — прямо ребёнок... Устаю каждый раз до смерти, только всё равно отказать себе не могу... Спи!

Голос Вандиена остановил её уже у самой двери:

— Погоди, а как насчёт Джени?..

— Джени? Полагаю, она внизу и всюю хлопочет. Она, знаешь ли, немного подрабатывает у Хелти, потому что он целый день присматривает за её младшей сестрёнкой...

— Я не о том. Что станется с Джени, когда всё отгремит?

Плечи Зролан поникли. Медленными шагами она вернулась к нему и тяжело оперлась о спинку кровати.

— Джени... Какая жалость, что невозможно устроить счастливый исход сразу для всех... как в старой сказке. Что ж... если у тебя получится, рассказы, над которыми все потешаются, окажутся правдой. Она станет внучкой героя... на денёк-другой. Потом обнаружит, что деяния прошлого нынче особо никому не нужны. Что она по-прежнему — просто Джени, дочка и внучка беспробудных пьянчуг. Что отношение к ней отнюдь не переменилось... если не стало ещё хуже нынешнего. Потому что от внучки героя ждут и требуют большего, чем от внучки лгуна...

— А если у меня не получится?

— У тебя получится.

— Ну а всё-таки? — упёрся Вандиен.

— В этом случае к веренице прошлых лет попросту добавится ещё один год. Несколько дней после Храмового Отлива её будут усиленно поддразнивать, потом позабудут. Минует несколько лет, сестрёнка подрастёт и станет помогать ей с лодкой, так что они понемногу выберутся из нищеты. Заведутся кое-какие денежки, а с ними и жёнами. Молодые люди начнут обращать на неё внимание и смекать, что партия не из худших... Хотя, впрочем, не думаю, чтобы Джени позарилась на кого-нибудь из них. Память у девчонки что надо. Она тебе перечислит все тычки и подковырки, которые получила с тех пор, как выучилась ходить. Такова жизнь в маленьких деревнях вроде нашей. Все дети растут вместе и вместе играют, и я глубоко сомневаюсь, есть ли здесь хоть один парень, которому не случалось бы над ней насмехаться...

— Кроме Колли, — сказал Вандиен.

— Колли... — Зролан задумчиво поджала губы. — А что. Ему самому приходилось всё время отбиваться, так что других задевать было попросту некогда. Что ж, может, с Колли у неё и получится...

— А совсем уехать из Обманной Гавани?..

— Вот уж не думаю. Мало кто из тех, кто здесь родился, перебрался в другие места. Вот хоть я. Я родилась здесь... — Она придвинулась ещё ближе, так, что на него

упала её тень. Голос зазвучал вдруг подобно колыбельной. Вандиен даже не вздрогнул, когда её пальцы коснулись его лба. Мысли сделались медлительными и ленивыми, начали расплываться. — Отдыхай, — навевал дремоту голос Зролан. — Ты всё равно ничего не можешь сделать для Джени. Она жила в Обманной Гавани задолго до твоего появления здесь, и будет жить, когда ты уедешь. Пусть сама прядёт нить своей жизни... Спи, Вандиен. Скоро тебе понадобится вся твоя сила. Вся без остатка. Я уж прослежу, чтобы тебя загодя разбудили и накормили как следует. А потом ты отправишься вслед за отливом...

Она разгладила подушку возле его щеки, многоопытными движениями поправила на нём одеяло. Странно, но Вандиен не мог припомнить, каким образом он оказался вновь лежащим в постели.

— Спи, — вновь наказала ему Зролан и отняла руку, которой касалась его головы. Он смутно слышал, как она затворяла за собой дверь. Потом его поглотил сон.

очки яркого света, сиявшие далеко впереди, замерцали, но Ки это нисколько не взволновало. Созерцать ли ровно горящие или мерцающие огоньки, ей было едино. Её ничуть бы не тронуло, даже погасни они все до единого. И, уж конечно, явление какого-то гигантского полупрозрачного тела между ними и ею ни в коей мере её не касалось.

Нечто надвигалось на Ки, гася всё больше огоньков. Минуло несколько вечностей, и оно заполнило всё поле её зрения, поглотив последние остатки мерцающих точек. Разрасталось оно или попросту делалось ближе? Этот вопрос совершенно не трогал Ки... пока она не оказалась внутри него.

Пробуждение сознания принесло с собой ужас. Ки отчаянно завизжала, и звук её голоса подтвердил, что она действительно была жива. И намеревалась и далее пребывать в этом качестве. Мгновение назад все её чувства были погружены в глубокую спячку; зато теперь чувственные ощущения хлынули потоком. Она не имела никакого понятия, где она и сколько минуло времени. Знала только, что ей было холодно. И ещё то, что её заливало какой-то дурно пахнущей жижей, а в ушах оглушительно гудели колокола. Проносились тучи песка, грозившие содрать кожу с её тела. Ослепительный свет выжигал ей глаза. Её окутывала тьма, столь глубокая, что в потрясённом мозгу плыли разводы и пятна бледного света...

Сколько это длилось? Мгновения? Дни?.. Ки не знала. Она знала только, что мучения, которые она терпела, означали жизнь. Ки боролась с болью и в то же время цеплялась за неё, а тем самым и за жизнь.

Голова, висевшая у неё на руке, что-то безостановочно бормотала, но Ки не обращала на неё внимания.

...А потом ткань вселенной разорвалась, точно прогнившая мешковина, и Ки вывалилась в прохладный воздух,

насквозь пронизанный светом. Приземление оказалось не слишком удачным: столкновение с землёй вышибло воздух из лёгких. Ки ударилась головой о твёрдую, утоптанную землю, и тело чародея плюхнулось на неё сверху. Его голова оказалась стиснута между ними...

Шипя и содрогаясь от отвращения, Ки спихнула с себя и то и другое. Хватит с неё. Выносить это прикосновение было уже выше её сил. Она отползла прочь на четвереньках и распласталась лицом вниз. Её окружали зелёные, сочные травы, а растопыренные пальцы вминались в долгожданную землю. Сзади послышались сдавленные проклятия, и Ки перекатилась подальше, повернувшись на спину. Над нею вознеслось бледное утреннее небо, и из глаз Ки покатались благодарные слёзы. Новорожденное солнце проливало в синеву розовое сияние. Ки полной грудью вдыхала благословенные ароматы земли, трав и речной воды. Потом где-то рядом шумно зафыркала лошадь. Услышав родной звук, Ки издала громкий, торжествующий крик без слов. Спустя ещё некоторое время её окликнули по имени. Она повернула голову на зов, улыбаясь счастливо и глуповато.

Тело Дреша успело приподняться и сесть и незряче шарило кругом обрубками рук, разыскивая голову. Голова же валялась лицом вниз в засохшей траве, — она свалилась туда, когда Ки спихнула её со своей груди. Трава глушила крики Дреша. Вот одна из рук, скорее случайно, нежели намеренно, стукнула по голове своим каменным окончанием. А потом, осторожно подталкивая, привела её в нормальное стоячее положение. Ки заворожённо наблюдала.

Довольно долго Дреш яростно сверкал серыми глазами, выплёвывая землю, набившуюся ему в рот. Кисти его рук тем временем ползли по телу, точно слепые щенята в поисках тепла. Они волочили за собой своё общее основание. Ки была уже не в состоянии удивляться подобному зрелищу. После тех ужасов и тёмных чудес, которые они только что пережили, это выглядело всего лишь клоунадой.

Надышавшись свежим утренним воздухом, Ки собралась наконец с мыслями.

— Ты жив? — задала она совершенно пустой вопрос, прервав нескончаемые потоки брани, которые извергал Дреш.

— Жив, несмотря на твою помощь! — ядовито отозвался колдун.

— Я тоже, и это, по-моему, хорошо, — сказала Ки. Ничего более связного родить она не могла. Ей хотелось задать сразу тысячу разных «как» и «почему», понимая в то же время, что от ответов особо ничего не зависит. — Что за создание принесло нас сюда? — всё-таки спросила она. — Как тебе удалось его вызвать?

Дреш усталился на неё слезящимися глазами. Потом закашлялся и выплюнул ещё щепотку пыли.

— Вызвать такое создание у меня кишка тонка, возница, — ответил он хрипло. — Я слышал только, что лишь голоса лучших Мастерниц Ветров могут привлечь подобных ему. Но даже и для них это занятие слишком тяжёлое и неблагодарное. Без сомнения, нам следует благодарить судьбу за то, что мы на него натолкнулись...

— Без сомнения, — проворчала Ки, поднимаясь и отряхивая с одежды пыль и палые листья. Она не очень-то и слушала его объяснения — слишком много всякого сразу завладело её вниманием. Она с хрустом потянулась, смакуя заново обрётённую свободу обладания собственным телом и всеми его чувствами. Какая роскошь, какая неправдоподобная роскошь!.. И этот мир. ЕЕ МИР. Во всей вселенной невозможно было найти места прекраснее. Совершенная красота осенних листьев, вчekanенных в синее небо, тонкая смесь запахов, разлитая в прохладном воздухе... Фургон, стоящий в тени деревьев. ЕЕ ФУРГОН. Знакомые полосы пыли на ярко раскрашенных досках кабинки. Грузовая платформа, выщербленная тысячами различных перевезенных ею грузов. Великолепное зрелище. Громадный серый тяжеловоз, щиплющий травку неподалёку. Отметины от сбруи на его шкуре... Сумеет ли она когда-нибудь взять в руки вожжи, не напомним сама себе Дреша, обращавшегося точно так же с её собственным телом?..

В душе её шевельнулось смутное чувство вины. Но прежде, чем оно успело оформиться, голос чародея спугнул её мысли.

— Послушай, Ки... — Голос его звучал устало и почти печально. — Пока я нахожусь в своём нынешнем состоянии, моя сила иссякает с каждым вздохом. Я выдохся больше, нежели предполагал... Я чувствую, что уже не сумею воссоединить своё тело, если мне не помогут. Мне нужно в Горькухи, в Карн Холл. Там все условия, там мои преданные слуги... И нам надо торопиться. Рибекке, может быть, и отступилась, но есть и другие Заклинательницы... Возьми мои руки... пожалуйста.

Словно в ответ на его слова, с реки вдруг потянуло пронизывающим ветром. От нового страха у Ки зашевелились волосы. Она мигом вскочила, подняла руки вместе с их каменным основанием, привычно подхватила голову Дреша. И побежала к фургону. Тело заковывало следом за ней.

Забравшись в кабинку, она положила руки на постель, а голову поставила на дощатое сиденье возчика. Телу потребовалась помощь. Тем не менее, ввалившись в кабинку, оно отодвинуло руки и устроилось на лежанке. Ки наблюдала за ним с содроганием...

— Запрягай! Запрягай скорее! У нас нет времени, не возись с узлами, режь привязь!.. — подгонял Дреш. Ки пропускала большинство его ценнейших указаний мимо ушей, сноровисто и ловко запрягая могучих коней. Руки её, дрожавшие от усталости, вдевали в пряжки тяжёлые ремни сбруи.

— Ки, ещё миг — и на нас обрушится магия ветра! — увещевал Дреш. — Я не в состоянии отбиваться! Бросай побрякушки и скорее в путь!..

Будь при голове ещё и лёгкие, Дреш кричал бы всё это благим матом. Так или иначе, Ки, не слушая, стрёбла котелок и кружки и всё побросала в посудный ящик, пристёгнутый к боковине фургона.

— Тебе это побрякушки, — запыхавшись объяснила она, вскакивая на сиденье. — А мне — жизненно необходимое имущество. Ещё не хватало бросать. А ну, вы двое, н-но-о!..

Последнее относилось уже к упряжке. Серые налегли и двинулись вперёд, между тем как в борт фургона с силой шарахнул новый порыв ветра. Неизвестно откуда на-

летели непроглядные тучи и мигом заслонили ясное небо. Ки направила коней обратно на большак, и они живо вывезли туда качающийся и подсакивающий фургон. Ки всё старалась внушить себе, что в тряске были повинны ухабы и разросшиеся корни деревьев. В глубине души она знала, что всему причиной был ветер, молотивший в дощатые борта по-ромнийски высокого фургона.

— Спрячь меня внутрь!.. — Голос Дреша с трудом одолел рёв и завывания ветра и достиг слуха Ки. Она повернулась к голове и увидела, что та опасно сдвинулась к самому краю сиденья. Ещё один хороший толчок, и она свалится. Придерживая одной рукой вожжи, Ки дотянулась и подтащила голову обратно к себе.

— Неужели не нравится смотреть на дорогу в ясный денёк вроде сегодняшнего, а, Дреш? — с самым невинным видом спросила она. — Тем более что всё это происходит, между прочим, в твою честь...

Шквалистый ветер, казалось, ежесекундно менял направление. Волосы падали Ки на лицо, хлеща по глазам. Тяжеловозы и те пригибали головы, борясь с неожиданной бурей. Небо всё больше темнело; утро на глазах превращалось в сумерки.

— Если мы встретим кого-нибудь на дороге, героиней торжества станешь уже ты! — прокричал Дреш. — Что, по-твоему, лучше: противостоять рассерженной Заклинательнице — или чтобы тебя забили камнями, посчитав ведьмой?..

— И то и то хуже, — буркнула Ки. Придержав упряжку, она отодвинула дверцу кабинки и без особых церемоний сунула голову Дреша внутрь. Он начал было жаловаться на неподобающее обращение, но дверца захлопнулась. Горькая усмешка тронула губы Ки. Вот до чего доводит слишком тесное общение с колдунами. Ей ведь и в голову не пришло, что могут подумать встречные путники, увидев на дороге одинокую возницу, а рядом с нею на сиденье — живую голову волшебника.

Очередной порыв ветра содрал с дерева охалку желтовато-зелёных, ещё не собиравшихся опадать листьев и швырнул ей в лицо. Ки прикрикнула на коней, и они прибавили шаг.

Когда добрались до брода, Ки бесшабашно погнала коней в серую несущуюся воду, выискивая не самый удобный путь, но самый короткий. Колёса подскакивали, с треском подминая речные голыши. Громадные копыта коней то и дело скользили, тяжеловозы спотыкались и мало не падали. Волны били в дно и борта фургона, ветер швырял в лицо Ки пену и брызги, быстро промочив её насквозь. Ко всему прочему, дыхание ветра вдруг сделалось ледяным. Сперва у Ки покраснели руки, потом онемело всё тело.

На той стороне реки большак сделался шире и почти перестал петлять. Могучим коням пришлось пустить в ход всю свою силу, чтобы вытащить тяжёлый фургон по скользкому откосу наверх. Подъём тянулся нескончаемо долго, но, даже и выкатившись наверх, Ки не посмела дать серым передохнуть. Ей, наоборот, хотелось их подхлестнуть и заставить мчаться во весь опор — скорее прочь от треклятого леса, от реки и всей той чертовщины, которая здесь, похоже, гнездилась. Ветер снова и снова обрушивался на фургон, угрожая и хлеща. С большим трудом Ки заставила себя успокоиться. Медлительные тяжеловозы всё равно не смогут долго идти галопом. А значит, нет смысла зря отнимать у них силы...

И в это время к шуму и посвисту бури примешалась высокая и очень странная нота. Ничего общего с гудением ветра в ветках деревьев. Сразу заволновались и кони. Оставив свой обычный тяжеловесный, неспешный шаг, они пугливо стригли ушами. А ветер продолжал толкать и раскачивать фургон, катившийся вперёд по ухабам и рытвинам мало кем посещаемой дороги...

Следующий порыв ветра окатил их чудовищным смрадом. Сигурд испуганно завизжал и что было мочи налёг на сбрую, увлекая с собою и Сигмунда. Ки изо всех сил натянула вожжи, но удержать коней не смогла. Обычно послушные, тяжеловозы попросту понесли. Колёса рокотали по дороге, фургон угрожающе подскакивал и кренился. Ки слышала приглушённые проклятия и вскрики, доносившиеся изнутри. Уж верно, Дрешу приходилось не сладко. Но Ки было не до него. Она не могла даже оторвать глаз от дороги. Кони мчались сломя голову; требо-

валось всё её искусство, чтобы хоть как-то их направлять. Ки пыталась хотя бы удерживать их поближе к середине дороги. Комья земли разлетались во все стороны из-под громадных копыт. Ключья пены пятнали широкие серые спины. Ки оставалось только молиться, чтобы не подвернулась какая-нибудь встречная повозка. Лучше даже не думать, что будет, если её упряжка и увлекаемый ею фургон на всём скаку врежутся в другую такую же...

...Вместо встречной повозки перед ними неожиданно возникло крылатое существо. Ки сразу поняла, что именно от него и исходил ужасающий смрад. Ни в одном из известных ей языков не было названия для подобной твари. Существо упало откуда-то с неба и зависло прямо перед ними, поддерживаемое иномировым ветром. Крылья его напоминали рваную парусину. Тело состояло сплошь из глаз и когтей. Разогнавшиеся кони вздыбились и попробовали остановиться, но сзади на них накатился фургон. Страшилище взвилось вверх, издав странный и невероятно страшный крик — нечто среднее между карканьем и смехом. Ки увидела, что оно складывает крылья. А потом начинает пикировать. Чтобы свалиться прямо на спины обезумевших от ужаса серых. Оно было в два раза больше Ки, даже если не считать крыльев. А ветер выл и хлестал, и слепил Ки её же собственными волосами, и гул его мешался с воплями перепуганных коней...

Жуткая тварь уже выставила когти, готовые впиться в живую плоть, когда неведомо откуда налетел совсем другой ветер и могучим ударом отнёс чудовище в сторону.

Этот ветер принёс с собой тёплое благоухание, и оно сразу побороло зловоние, испускаемое крылатым убийцей. Новый вихрь свернулся кольцом вокруг Ки и её фургона, отогнав ледяной шквал, суливший гибель ей и коням. Упряжка оказалась в самой середине неподвижного ока бури, где царило спокойствие и тепло. Воздушная воронка всосала небесную тварь и, закружив, унесла далеко вверх. Ки видела, как беспомощно хлопали клочковатые крылья, которые враждебный ветер мигом превратил в нищенское рваньё. Впрочем, молодой женщине было не до всяких там монстров. Ей по-прежнему приходилось сражаться с напуганными конями. Тяжеловозы скакали во весь дух, и

теперь Ки не только не пыталась сдерживать их, но даже потряхивала вожжами, глядя, как проворно измеряют большак их могучие ноги. По обе стороны дороги продолжала бушевать буря. Два ветра яростно сражались друг с другом, сдирая с деревьев последние листья, но посередине образовался некий тоннель тишины. Островок спокойствия и ароматного тепла перемещался вместе с фургоном...

Слуха Ки достигли ужасающие вопли и треск сучьев: это тёплый ветер скрутил-таки крылатое чудище и с размаху швырнул его вниз, насадив на острые ветви деревьев. Ки чувствовала, что над нею, вокруг неё, за неё сражаются две непреклонные воли. Её не то чтобы защищали — ею владели. Вернее, дело было даже не в ней, а в её фургоне, вернее, в его содержимом. И, кто бы ни победил, ей не приходилось рассчитывать на милосердие. Умом Ки понимала, что шанс ускользнуть от обеих сразу весьма невелик. И всё-таки, продолжая на что-то надеяться, она знай подгоняла упряжку, и так скакавшую на пределе возможного.

Дождь более не касался её. Тёплый ветер больше не допускал к ней ледяную сырость, но накрыть своим пологом ещё и дорогу впереди было выше его сил. Большак размок, плотно укатанная земля превратилась в склизкую грязь. Копыта коней скользили и разъезжались, колёса фургона то катились, то попросту плыли в грязи, повозку опасно мотало из стороны в сторону. Оставалось только вотще вспоминать о коробах, доверху набитых землёй и камнями. Будь фургон загружен потяжелее, было бы проще управляться и с ним, и с обезумевшими конями. С пустым же...

Серые мчались во весь опор. Ки видела перед собой только дорогу и их мокрые серые спины. Они сами загонят себя до смерти. Если только один из них не поскользнётся и не сломает ногу...

Лес начал редеть. Несущийся фургон миновал две небольшие фермы, выстроенные на просеках, сам же большак сделался заметно шире, и было заметно, что здесь по нему ездили достаточно часто. Ки и сопровождавший её разрушительный шторм ворвались в какие-то пахотные угодья. Ки видела, как сражавшиеся ветры мимоходом опустошали поля. Буря пожинала хлеба; чудовищный град

убивал скотину, застигнутую на выгоне. Ни люди, ни дины не смели высунуться за дверь. Видимо, все чувствовали, что ураган был особенный. Ки очень сомневалась, что хоть кто-нибудь видел её фургон или слышал, как громы хали колёса. Все звуки заглушали раскаты грома, почти непрерывно сотрясавшие небо и землю.

Безумная скачка между тем замедлялась. Пена клочьями повисала на ремнях сбруи и текла по бокам тяжелокозов. Даже сквозь рёв бури Ки слышала, как отдувались несчастные кони. У Ки разрывалось сердце от жалости. Они будут скакать, пока не упадут замертво, — и ради чего?

Она была бессильна их спасти...

Тут Ки ощутила, что Дреш обзирает происходящее, пользуясь её зрением. Каким образом она это поняла, Ки не взялась бы объяснить. Однако она вполне явственно чувствовала, что чародей близок к изнеможению и старается воспользоваться её жизненной силой. Ки пришла было в ярость от такого самоуправства, но ярость быстро утихла, ибо была бесполезна, а стало быть, и бессмысленна. Он поступал с нею так же, как она — со своими конями. Некоторое время она гадала, зачем ему понадобилось ещё и её зрение, но потом её руки налились неожиданной силой и в который уже раз задвигались сами собой. Ки обнаружила, что встаёт и что есть мочи натягивает вожжи, придерживая серых. Когда наконец ей (или Дрешу?) удалось заставить их свернуть на изрытый заброшенный просёлок, пена возле удил была уже розовой. Ки сейчас же сообразила, что дорога должна была привести их напрямик в Карн Холл. Место назначения груза оказалось ближе, чем она себе представляла.

Битва ветров разгорелась с удвоенной яростью. Ледяной вихрь дважды прорывал оборону, причём один раз — с такой силой, что Ки швырнуло спиной о дверцу кабинки. Око бури истаявало, съёживаясь на глазах. Серые уже чувствовали ледяное дыхание, касавшееся их морд. По пустой грузовой платформе гулко барабанил град. Ки чувствовала, что у Дреша совсем не остаётся сил... Что же их ждёт? Ки предпочитала об этом не думать.

Но вот изрытый просёлок в очередной раз повернул, и впереди замаячил Карн Холл. Он показался Ки сломан-

ным зубом, торчащим из обомшелого черепа. Каменная кладка, когда-то белая, позеленела от времени, плесени и небрежения. Наверху главной башни понемногу рушились изгрызенные временем подоконники. Двор сплошь зарос травой и кустами, а возле стен ютились деревья. Ни одна ветка на них, впрочем, не шевелилась. Порывы ветра их не достигали. Упряжка влетела в магический круг, защищавший Карн Холл ото всех внешних воздействий, словно в омут спокойной воды. Буря, неотступно гнавшаяся за фургоном, осталась наконец позади. Собравшись с силами, Ки остановила измученных тяжеловозов, благо у них уже не было ни сил, ни желания сопротивляться её воле. Они трусили какое-то время, всё медленнее, и наконец замерли, опустив головы. Было видно, как дрожат у них колени. Ки выронила из стёртых, натруженных рук насквозь мокрые вожжи. Её трясло не меньше, чем загнанную до полусмерти упряжку. Согнувшись вдвое, она опустила всколоченную голову на колени. Её обнимала тишина, благословенная тишина. Внутри волшебного круга не проникал даже рёв ветров, по-прежнему сражавшихся снаружи.

Когда наконец Ки подняла голову и посмотрела кругом, она увидела, как удаляется, понемногу стихая, упустивший добычу шторм. Деревья Карн Холла по-прежнему высились во всей своей осенней красе, но за пределами Дрешевой сферы влияния немало гордых исполинов превратилось в жалких калек. Последние листья опадали на землю, как слёзы. Ки померещилось, будто её лица на миг коснулось знакомое благоухание. Но, прежде чем она успела что-либо сообразить, всё исчезло.

Ки спустилась на землю, с трудом заставив двигаться непослушное тело. Негнущиеся пальцы едва справлялись с залубеневшими пряжками. Кожа ремней была горячей и мокрой, металл — скользким от пены. Ки растёгивала сбрую и попросту роняла её наземь. Несчастные серые стояли безучастно, не двигаясь с места.

Потом Ки расслышала изнутри фургона глухие удары. Она проковыляла туда, кое-как взобралась на сиденье и растворила дверцу кабинки. Оказывается, это тело молотило в дверь каменными окончаниями рук. Голова Дреша валялась на полу, скатившись туда с постели во время бе-

шеной скачки. Из одной ноздри протянулась тонкая ниточка крови. Лицо было серое, глаза ввалились и потускнели.

— Скажи тем, в доме, чтобы забрали меня, — прошептал он. И попытался облизать кончиком языка пересохшие губы. Ки заметила на полу кабинки отколовшийся кусочек каменного основания.

— Мы здесь, господин!.. — раздался сзади знакомый голос. Глазки-Бусинки!.. Ки слишком выдохлась, чтобы вздрогнуть от неожиданности. Она только посторонилась, пропуская старуху вовнутрь. И неуклюже соскочила наземь с подножки. К замученным коням уже спешили конюхи с сухими чистыми тряпками. Ки открыла было рот, чтобы предупредить — к норовистому Сигурду мало кто, кроме неё, мог подойти безнаказанно, — однако злой конь стоял смирно, не думая противиться заботливым рукам слуг.

— Вот уж воистину чудеса так чудеса, — пробормотала Ки себе под нос. Дверь дома была приоткрыта. Ки подошла к порогу и оглянулась на свой фургон. Там уже копошились неведомо откуда взявшиеся слуги; они как раз доставали из кабинки своего расчленённого господина, а Глазки-Бусинки строго за ними надзирала. В обычное время Ки пришла бы в неопишемую ярость при виде каких-то чужаков, роющихся в её фургоне, как в своём кармане. Теперь она чувствовала лишь облегчение.

Сквозь приоткрытую дверь был виден большой камин, в котором горело жаркое, такое гостеприимное пламя. Ки вступила в прохладную полутьму прихожей, а потом, сквозь ещё одну дверь, — в уютный и тёплый чертог. Там обнаружился низкий стол, сплошь заставленный едой и питьём, а вокруг лежали мягкие подушки и роскошные, прихотливо окрашенные шкуры. Ки почувствовала, что эта благодать притягивает её, как свеча притягивает мотылька. Она без сил опустилась на подушки и налила себе вина в бокал, вырезанный из цельного куска хрусталя. От первого же глотка по телу разбежалось чудесное тепло. Сколько времени минуло с тех пор, как она последний раз спала?.. Ки решила на минуточку закрыть глаза и опустила голову на подушку...

— ...так и дрыхнет прямо здесь, господин, точно грязная шавка, посреди лучших покоев! Со вчерашнего вечера!.. Она вела себя, господин, прямо как...

Ответ прозвучал невнятно, и Ки его не расслышала. Открыв глаза, она приподняла отяжелевшую голову как раз вовремя, чтобы увидеть, как исчезают за углом обширные чёрные юбки. Дреш стоял в дверях. Он показался ей необычно высоким... ну да, ведь его голова снова была там, где ей и полагалось находиться. Насмешливо улыбувшись Ки, он поднял руки, слегка потёр запястья, пошевелил пальцами и сказал:

— Всё в порядке, всё действует!

— Вижу, — отозвалась Ки. Приподнявшись, она села и попыталась собраться с мыслями. — Как там моя упряжка?..

Дреш слегка нахмурился, как если бы забота о ничтожных четвероногих каким-то образом не соответствовала торжественности момента. Всё-таки он ответил:

— Они отдыхают и набираются сил не с меньшими удобствами, чем ты. Нет, нет, не бойся, они не пострадали. Я весьма сожалею, что пришлось заставить их скакать так долго и так быстро. Но, уверяю тебя, на их здоровье это никоим образом не отразится.

— Я так и подозревала, что за их необыкновенную резвость следовало благодарить в основном тебя, — сказала Ки. — Что же до их здоровья... — Тут она запоздало вспомнила о хороших манерах и убавила тон: — Большое спасибо за гостеприимство, оказанное моей упряжкой и мне.

— Большое пожалуйста. Ну так как, я был прав?

— Насчёт чего?..

— Насчёт того, что я недурён собой и хорошо сложен. В собранном виде, я имею в виду.

Он говорил доверительным тоном. И заразительно улыбался, — теперь, когда его голова сидела на отведённом ей месте, улыбка определённо его красила. Ки неожиданно осознала, что он на самом деле был куда как хорош. Кожаная, расшитая золотыми узорами безрукавка выгодно подчёркивала гладкую оливково-смуглую кожу его рук. Дрешу не было нужды, как другим мужчинам, втискивать-

ся в корсет или втягивать брюхо — живот у него и так был мускулистый и плоский. Сильные плечи, узкие бёдра...

— Не хуже многих моих знакомых, — Ки постаралась выговорить это небрежно.

— Весьма польщён! — отвечивал он невозмутимо. Лёгким шагом пересёк комнату и уселся рядом с Ки на подушки. Он облокотился на низенький стол, и его серые глаза вплотную придвинулись к её зелёным. — Там, наверху, — сказал он, — есть уютная маленькая комнатка, а посередине её стоит лохань горячей воды. Ещё там весьма богатый выбор ароматических масел для притирания, а также два сундука нежнейших одежд всех мыслимых цветов, обшитых керугийскими кружевами. Вымойся, переодейся, а потом спустишься сюда, и пообедаем вместе.

Ки заворожённо следила за тем, как, говоря, он откусывал мелкими ровными зубами от полоски сыра, взятого с блюдечка на столе. Горячая ванна!.. Какое искушение. Ки выпалась, но усталость ещё не до конца покинула её тело. Горячая вода поистине исцелила бы и утешила все её синяки и перетруженные мышцы. Да уж, после всех трудов и неприятностей нескольких минувших дней (сколько времени на самом деле минуло? неужели всего лишь несколько дней?..) она более чем заслужила немного блаженства...

— Я бы с радостью, Дреш, но у меня назначена встреча, — запоздало спохватилась она. — Я должна кое с кем свидеться. В Обманной Гавани. Завтра или послезавтра...

— А пускай он подождёт, — предложил Дреш. — Тем более что ты и так уже опоздала. Что? Ты действительно не представляешь, сколько времени заняла наша маленькая прогулка?.. Я полагаю, твой Вандиен не далее как сегодня вечером будет бродить по уши в воде, разыскивая свой сундук. У меня, откровенно говоря, нет ни малейшей надежды, что у него хоть что-то получится. Когда-то это было даже забавно... впрочем, как знать, вдруг...

Ки привсталла с подушек. Её замутило от страха.

— Каким образом ты замешан во всём этом деле с Вандиеном и Обманной Гаванью?..

— Я? — Дреш самодовольно заулыбался. — Ну как же, а кто, по-твоему, ненавязчиво направил к нему Зролан? Кто, кроме старины Дреша, мог шепнуть ей на ушко, на

какую приманку он скорее всего клюнет? Да мне было один раз на него посмотреть, чтобы понять: этот парень всё на свете отдаст, только чтобы избавиться от уродливого шрама на роже. То есть ясно, как дважды два, но сама она нипочём бы не догадалась... — Ки молчала, глядя на него во все глаза, и Дреш усмехнулся, очень довольный, что сумел потрясти её до глубины души. — Ага, вижу, что и ты нипочём бы не догадалась. Боги, что за слепота!.. Ну неужели ни разу не видела, как он сидит, держа руку вот так?..

И Дреш принял позу, которую Ки мгновенно узнала. Вандиен часто сидел именно так, уткнув большой палец в угол челюсти, а указательный вытянув вдоль носа до середины лба и держа сомкнутый кулак возле рта. Так он сидел, когда приходилось напряжённо размышлять или просто наваливалась усталость; другие люди в подобных случаях подпирали подбородок кулаками. Ки как-то не приходило в голову, что его рука при этом ещё и закрывала большую часть шрама. Теперь она поняла всё. И не смогла вынести хитрой улыбочки, с которой Дреш дразнил её этим жестом.

— Прекрати! — зарычала она.

Дреш откинулся на подушки и захохотал:

— Лично мне всё было до боли в глазах ясно с первого же взгляда. Я засёк его тотчас, как только он явился в Дайял, и сразу понял, что скоро подоспеешь и ты. Я ведь, как бы это выразиться, до некоторой степени споспешествовал твоему появлению в этом городе. Ты спросишь, зачем? Видишь ли, некий друг рекомендовал тебя мне, отзываясь в превосходных степенях о твоём благоразумии. Он называл тебя истинным воплощением честности. Он упоминал о некоей запечатанной книге, которую ты доставила ему несколько лет назад при очень даже непростых обстоятельствах. Ну, а дальше всё было просто. Кое-кто кое-кому был кое-что должен, и в результате возчица Ки отправилась в Дайял с грузом бобов. Оставалось только отделаться от Вандиена. Он, видишь ли, в моём уравнении играл роль неизвестного фактора. Мог ли я с подобным смириться? Вдруг окажется вором или ещё чем похуже. Вот я и придумал ему занятие на стороне, а заодно устроил так, чтобы

тебя весьма заинтересовало непомерное вознаграждение за относительно нетрудную перевозку. Видишь ли, Ки, половина, если не больше, моего волшебного искусства состоит в том, чтобы направлять поступки людей в соответствии с моими потребностями и пожеланиями и чтобы они при этом всю дорогу верили, что сами делают выбор и сами принимают решения. Ну и, пока мы с тобой развлекались путешествиями по иным мирам, Вандиен направил свои стопы в Обманную Гавань, влекомый трепетной надеждой избавиться от рубца. Не сомневаюсь, что он из шкуры выскочит, раскапывая таинственный сундук. Но нам-то с тобой что до него? Давай... Ки! Ки, стой!

Ибо Ки рывком вскочила на ноги. Слезы жгли ей глаза, сердце колотилось о рёбра. Отчаяние, стиснувшее сердце, отзывалось физической болью в груди. Так вот, значит, о чём он никак не хотел ей рассказывать там, в Дайяле. Вот что влекло его сильнее всяких наград. Вот что подвигло его договариваться о её упряжке, попирая тем самым тщательно обозначенные границы их взаимной независимости в дружбе. Ки внезапно прониклась глубочайшим отвращением к себе самой за то, что вообще выдумала эти границы, все эти строго расписанные «твое» и «мое». Он ведь и шрам-то свой получил, заслоняя её от когтей гарпии. Он небось не задумался, имеет ли он право вторгаться в её жизнь, не стал прикидывать, стоит ли её жизнь его красоты. Он отдал всё, спасая чужого, в общем-то, человека. А когда дающей стороной выпало быть ей...

Ки задохнулась. Не сказать ей ни слова!.. Это было солью на раны. Тысяча проклятий ему за те невысказанные слова, которые этот мерзавец спрятал за своей кривой ухмылкой. А ей — десять тысяч проклятий за то, что не сразу въехала, какими помоями поливает её маленький засранец чародей. Она круто повернулась к Дрешу:

— У меня назначена встреча, волшебник. Мне пора!

Голос противно дрожал. Ки прокляла себя ещё и за это.

— Пускай подождёт, — повторил Дреш. — Мы с тобой ещё полностью не разошлись.

— Плевать! — проворчала она. Припасы в фургоне были почти нетронуты, а о деньгах можно побеспокоиться позже.

— Вот уж нет. — Дреш по-прежнему улыбался. — Наряды могут подождать, обед тоже; даже ванна не к спеху. Но рассчитаться с тобой я хочу прямо теперь.

Дверь за спиной Ки затворилась неожиданно и бесшумно. И Ки, ещё не коснувшись её, поняла, что та не поддастся, сколько в неё ни ломись. Она яростно оглянулась на Дреша:

— Хватит с меня твоих колдовских штучек. Открой дверь!

Улыбка Дреша сделалась ещё шире:

— Пожалуйста.

Дверь открылась. Ки шагнула к ней... и дверь снова захлопнулась.

— Да чтоб тебя, Дреш! Я с тобой не в игрушки играю!

— Правда? — Он засмеялся.

Ки захотелось сбить эту улыбку с его физиономии здоровенной затрещиной. Такой, чтобы губы нескоро опять выучились ухмыляться. Ей, однако, пришлось проглотить свою ярость.

— Чего ты от меня хочешь? — спросила она сквозь зубы.

— Рассчитаться, — объяснил он совершенно невозмутимо. — Только и всего. Если ты согласишься сесть и послушать...

— Я лучше постою.

— Знаменитое ромнийское упрямство, — вздохнул Дреш. — Что ж, Ки, слушай. Слушай хорошенько. ИДИ СЮДА, КИ!

Собственное имя показалось Ки незнакомым. Она шагнула к нему, потом нахмурилась и решила остановиться. Но не смогла. Единственное, что ей удалось, это направить своё шагающее тело мимо него по кругу. Дреш потешался, наблюдая за ней. Как она ни старалась, круг постепенно делался уже. Сердце Ки колотилось у горла. Она сказала бы что-нибудь, но что тут говорить? Почему она раньше не замечала, какой у него взгляд? Бездушный, пустой. Она как могла пыталась замедлить шаги, упереться, шарахнуться в сторону... Ничего не вышло. Спустя какое-то время она стояла точно против него. И смотрела сверху вниз в его лицо, улыбавшееся холодной улыбкой.

— Вот так-то оно лучше. Сядь со мной, Ки, — последовал негромкий приказ.

Ноги Ки задрожали и сами собой подломились в коленках. Не её, его воля двигала её телом. Ей оставалось только пытаться сохранить равновесие, валясь подле него на подушки. Между тем её тело уже льнуло к нему, падая в его распахнутые объятия. Разум Ки брыкался, словно необъезженный жеребёнок, впервые почувствовавший узду, а губы уже приникали к его узким губам... Омерзительно!.. Ки ощущала запах бальзамических трав, которыми умащивают покойных. Рот у Дреша был холодный и мокрый. Отвращение и ярость воспаляли рассудок Ки, а руки-предательницы знай ласкали его плечи...

— Ты не имеешь права! — сквозь зубы прорычала она.

Дреш запустил пальцы в её волосы и отвёл её голову слегка прочь — достаточно, чтобы она смогла разглядеть его издевательскую улыбку.

— В самом деле? — сказал он. — Я же сказал, наши взаимные расчёты ещё не закончены. А что, у тебя есть иные соображения по выплате оговоренной части аванса? Я же отлично знаю, что в карманах у тебя нынче ветер свищет. Вспомни-ка: благодаря нашей милой маленькой прогулке ты на целые сутки запоздала с доставкой порученного тебе груза. Причём доставлен он был, мягко говоря, не в самой лучшей кондиции. Так каким образом прикажешь взыскивать с тебя должок?

Ки почувствовала, как мышцы на руках заработали, притягивая её поближе к нему. Дреш устроил её голову у себя на груди.

— Погоди, я ещё убью тебя, — от всего сердца пообещала Ки.

— И что радости в победе, если она не приправлена сопротивлением и борьбой? — радостно изумился волшебник.

Он опрокинул Ки на подушки. Её пальцы порхали по его спине, проникали под одежду, ощущая тепло тела. Ки лишь внутренне содрогалась. Её ум лихорадочно трудился, ища хоть какой-нибудь путь к избавлению. Каким оружием сражаться с подобным мерзавцем?.. Безысходное отчаяние придавало ей красноречия:

— Ты и с Рибекке так поступал, Дреш? Уж не из-за этого ли она сбежала от тебя в Заклинательницы? Она, небось, тоже была для тебя игрушкой... куклой... хуже животного! Наверное, ты всё приручал её... унижал... Ничего удивительного, что она от тебя удрала! Удивительно другое: с какой бы стати ей посылать нам на выручку свой ветер и защищать нас, пока мы не добрались до Карн Холла... Да, тот тёплый вихрь точно пахнул ветреницами, Дреш!

...Ки отшвырнуло на подушки по другую сторону стола: колдун отринул её с такой же лёгкостью, с какой только что тянул к себе. Гнев и боль были написаны у него на лице. Ки поняла, что зашла слишком далеко.

— Она сделала это только для того, чтобы меня прекратить! Чтобы унижить меня своим милосердием! Потому что она знала...

Его губы силились произнести непроезжимое, потом резко побелели.

— Ты уверен, Дреш? — торопливо поднимаясь, поинтересовалась Ки. — Как по-твоему, что сейчас учиняют над ней Заклинательницы Ветров, пока ты тут развлекаешься? Напряги воображение, Дреш. Может, перечень её мук ещё больше приправит твою победу надо мной, а?

Дреш молчал, не в состоянии выдать ни звука. Если судить по глазам, он в один миг постарел на целую тысячу лет. И в то же время его взгляд был взглядом наказанного ребёнка. Потом, однако, он справился с собой и в один миг натянул привычную маску холодного насмешника. Поднявшись, он одёрнул кожаную безрукавку, пожал плечами и язвительно засмеялся.

— Какое разочарование, — проговорил он. — Я-то надеялся, ты чинно-благородно ответишь на мои невинные поползновения. И уж во всяком случае соизволишь предварительно вымыться... Да, а ведь в самом деле могли бы роскошно провести часок-другой. Ты много потеряла, Ки. Могла бы столькому научиться... Что ж! Есть куколки и покрасивее чумазой возчицы-ромни.

Дверь стояла приоткрытой: Дреш про неё позабыл.

— Несомненно, есть куда как покрасивее, — бесстрашно ответила Ки. — Да только дело в том, что куколки никогда не принесут тебе удовлетворения, Дреш.

Говоря так, она понемногу пятилась к двери.

— Это одна из последних моих маленьких слабостей, — небрежно согласился Дреш. Ки очень не понравилась улыбочка, с которой он наблюдал за её отступлением. — Когда я сумею окончательно истребить её в себе, тогда-то и настанет час моего истинного могущества. Ах, это глупое уважение к человеческому духу, это идиотское сопереживание...

— Это последнее, благодаря чему ты ещё остаёшься человеком, Дреш. И ты, и Рибекке. И лучше бы ты держался за эту свою слабость, Дреш!

Нащупав позади себя дверную ручку, Ки молниеносным движением рванула её, прыжком бросилась вон — и была такова. Наружная дверь Карн Холла оказалась туговата для её рук. Яростное усилие — и Ки вылетела во двор, залитый ослепительным утренним солнцем. И со всех ног помчалась по запылённой каменной мостовой.

...Позади неё громынула тяжёлая дверь. Ки вертанулась, оглядываясь, не устояла и шлёпнулась в пыль. Страх сковал её, а сердце колотилось так, что сотрясалось всё тело. Потом напряжённые плечи обмякли и озадаченно опустились.

Погони не было. Дверь, оказывается, просто захлопнулась.

Ещё одно чудо состояло в том, что фургон уже ждал её в полной готовности и серые были запряжены. Вид у них был усталый, но отнюдь не загнанный. Ки нахмурилась. Значит, Дреш предвидел, что она захочет отбыть, и загодя приготовил фургон. Вот и изволь после этого понимать волшебников. Ки поднялась и отряхнулась от пыли, досадливо мотая головой: Дреш загадал ей последнюю загадку. На её губах ещё сохранялся вкус его губ, и Ки сплюнула в пыль. А потом, не теряя больше времени, пересекла двор и вскарабкалась по колесу на привычное место.

Когда она взяла в руки вожжи, Сигурд оглянулся и укоризненно на неё посмотрел. Вчера, конечно, тяжеловозы здорово выдохлись, но кое-какие силы у них ещё оставались. Отдыхали же они примерно столько же, сколько и она сама, — а у неё громко жаловались все жилки. Она

поступала с ними несправедливо. Поистине, она недалеко ушла в этом от Дреша. Но ведь у неё был ещё Вандиен...

В общем, ей приходилось выбирать наименьшее из нескольких зол. И она твёрдо знала только одно: самое скверное, что она может теперь сделать, — это бросить его один на один с тем, что ему предстояло. Предстояло отчасти и по её милости. Ки тронула с места упряжку, весьма довольная, что Карн Холл остаётся наконец позади.

— Да пришло я тебе те говённые деньги, которые я задолжала за опоздание с доставкой, — свирепым шёпотом пообещала она облезлым каменным стенам. — А в мешочек к ним посажу гадюку. В качестве бесплатного приложения...

Два дня до Обманной Гавани, так, кажется? Значит, она доберётся туда нынешним вечером... либо завтра к рассвету. Может быть, она и не успеет ему помочь, но пусть он хоть увидит, что она всем сердцем была с ним. Вандиен!.. Ки досадливо покачала головой и вынудила тяжеловозов прибавить шагу. Всё это время она неотрывно следила, не происходит ли чего необычного в небе.

..Дреш отошёл от верхнего окна башни, улыбаясь одними губами.

— Вот теперь, — сказал он, — она помчится туда, точно стрела в мишень.

Глазки-Бусинки захихикала...

Вандиен распутывал узел, затянутый на железном пруте коновязи. Наконец плетёный повод оказался у него в руках, и он, шагнув, встал позади всё ещё спавшей упряжки. В животе у него глухо ворочался холодный тяжёлый ком. Он был весьма далёк от излишней уверенности в собственных силах и отчаянно трусил. И оттого, ещё не приступив к делу, уже чувствовал смертельную усталость. Как славно было бы прямо сейчас взойти обратно по лестнице и рухнуть в постель. Проспать бы до завтрашнего утра... а потом проснуться совершенно другим человеком и начать новую жизнь. Мечты, мечты!..

Он поспал днём, а проснувшись, последовал доброму совету и спустился поест. Хелти сам ему подавал. Вандиен всё высматривал Джени, но девушка не показывалась. В общей комнате было шумно: народ разделился на кучки, и все старались перекрычать друг друга, на перебой распевая разные песни. Для начала Вандиена принялись угощать маленькими липкими пряниками, начинёнными специями и цукатами. При этом каждый, кто проходил мимо столика, считал своим долгом попотчевать его ядовито кислым кусочком маринованной рыбы. Вандиен в полной растерянности наблюдал за тем, как сами они поглощали огромные количества этого сомнительного лакомства, заедая его кусками белого сыра, нарезанного в виде колокольчиков, полумесяцев и звёздочек. Его явная неспособность проглотить хоть ломтик умопомрачительно острой рыбы вызвала всеобщее ликование; ему предложили запить маринад чем-нибудь горячительным. Вандиен старался быть вежливым и любезным. В конце концов, это был рыбацкий праздник, и народ имел право настаивать, чтобы в веселье участвовали все.

Когда Зролан подала ему знак и Вандиен поднялся из-за стола, кое-кто стал спрашивать его, куда он направляется. Он ответил, но никто не выразил желания к нему присоединиться.

— Слишком рано, — было общее мнение. И то сказать, в общей комнате дым стоял коромыслом: такое веселье да покинуть в самом разгаре?.. Вот погоди, когда животы будут плотно набиты, а в головах зашумит, — вот тогда-то они и выйдут полюбоваться, как возчик барахтается и шарит в воде.

— Оставайся с нами, — уговаривали Вандиена рыбаки. — Смотри, самое интересное прозеваешь. Сейчас Колли с арфой придёт, песни петь будем... а там танцы пойдут, силой мериться станем... Может, обождёшь чуток? Нет?.. Ну что ж, доброго тебе пути и удачи. А мы, это самое, ещё капельку повеселимся и уж всенепременно выйдем за тебя поболеть...

Вандиен вышел наружу.

...Он встряхнул вожжами, и свернувшиеся на земле скильи зашевелились. Вандиен сделал открытие: он, оказывается, подспудно надеялся, что твари напрочь откажутся сдвинуться с места. Он бы с удовольствием сражался с ними хоть до завтрашнего утра. Но нет, — гибкие жилистые тела послушно распрямлялись, короткие безобразные шеи выгибались, а упругие хвосты распрямлялись и вновь скручивались, как пружины. Потом заклацали мокрые пасти, и безо всякого предупреждения упряжка ринулась вперёд по улице. Вандиену только и осталось, что бежать за скильями изо всех сил.

Они несли его вниз под уклон с такой быстротой, что он едва успевал отвечать на приветствия деревенского люда, попадавшего навстречу.

— Пораньше пойдёшь, побольше поймашь! — прокричал кто-то.

— Пошли с ним и мы, — предложил женский голос, но мужчина указал своей спутнице в сторону таверны и со смехом сказал что-то, чего Вандиен уже не расслышал.

Он чувствовал, как губы его растягиваются в улыбку, а душу наполняет некое извращённое веселье. Итак, за

дело, за дело!.. Утони, если придётся, но уж сделай милость, утони красиво. Со вкусом.

Он всё-таки умудрился бросить взгляд назад, на дорогу, петлявшую по крутому склону холма. Как бы он обрадовался, завидев там фургон на высоких колёсах с жёлтыми спицами. Но фургона не было, и Вандиен знал, что нечего тешить себя напрасной надеждой. Он был один. А где была теперь Ки, об этом знала только луна. Может, решила последовать дурному примеру и тоже усиленно совала голову в петлю. Хотя нет, вряд ли. Она, похоже, раз и навсегда установила священные границы в своих взаимоотношениях с Заклинательницами Ветров. Ну что ж. Значит, ему нынче предоставлялся случай решить одну проблему, из-за которой они с Ки не уставали весело спорить. А именно, в каких случаях он умудрялся попадать в более дурацкие положения: когда был с ней — или всё-таки в одиночку?..

Упряжка по обыкновению шарахалась из стороны в сторону. Слева и справа были деревянные мостки, а сзади скилий подгонял звук шагов Вандиена. На плече у него висела бухта верёвки, которую принесла ему Зролан. Стрекало он засунул за пояс, чтобы, не приведи Боги, не потерять. С моря веяло холодом, но, спасибо, хоть не морозом. В общем и целом, отменный денёк для праздника. Хелти загодя показал ему высокий откос, на который обычно восходила «праздничная» Заклинательница. Вандиен посмотрел в ту сторону, но не увидел на вершине ни клочка лазурных одежд. Ни дать ни взять они со Зролан в самом деле опередили её. Небось, наподдала ему утром и теперь думать не думает, что он бегом бежит состязаться...

Тем временем деревянные мостки и уютные опрятные домики уступили место здоровенным сараям, сколоченным из всевозможного плавника, выкинутого морем. Камни мостовой сделались крупнее, лужи — обширней, и улица постепенно превратилась в дорогу. А потом и дорога разбежалась тропинками, выводившими на галечный берег. Перед Вандиеном открылся залив. Единственными зданиями на берегу были сараи для лодок и имущества, да ещё причалы на сваях, понемногу выраставших из воды, ибо отлив уже шёл своим чередом. Почерневшее дерево свай было сплошь покрыто ракушками и пышными водорослями...

Вандиеновы скильи вдруг начали шумно приплюхиваться, а потом с удвоенной энергией потянули его в воду. Пришлось ему забежать вперёд, оттирая их от моря. Он направил их мимо длинного волнолома, уходящего в воду, словно шипастый хребет давно умершего чудища. Скильи, казалось, с каждым шагом приходили во всё большее возбуждение, косолапо шлёпая по мокрой гальке, обнажённой отступающим морем. Вандиен наступил на скользкий клубок водорослей, поскользнулся и не упал только благодаря скильям, азартно тащившим его вперёд. Скильи не только не боялись моря — они туда прямо-таки рвались. Глядя поверх их голов, Вандиен уже видел перед собою остатки стен и обломанные печные трубы старой деревни, медленно выраставшие из воды. Дальше под волнами было ещё темно. Храм Заклинательниц не торопился возникать из пучины.

Шестнадцать плоских лап радостно зашлёпали по мелководью. Едва ступив в воду, крайняя левая скилья вознамерилась немедленно распластаться на брюхе и замереть в блаженной неподвижности. Остальные завертелись кругом: им хотелось бежать дальше, но поднять свою товарку они не могли. Вандиен видел, как она пыталась ещё и зарыться лапами в грунт. Три другие с визгом и писком дёргали повод. Вандиен уже нагнулся к виновнице переполоха, имея в виду крепко прищемить кончик хвоста, но тут другая скилья с силой вытянула улёгшуюся мускулистым хвостом. На крапчато-серой шкуре немедленно вздулся рубец, и лентайка вскочила, отчаянно вереща. Упряжка снова устремилась следом за отступающими волнами. Вандиен трусил позади...

Скоро вода залила его невысокие рыбацкие сапоги. Она была холодна, но не настолько, чтобы занемели ступни. Свободные штаны сперва полоскались вокруг его икр, потом намокли и отяжелели. Шерстяная ткань, впрочем, по-прежнему хорошо удерживала тепло, и Вандиен с благодарностью это отметил, благо скильи увлекали его вперёд существенно проворней, чем откатывался отлив. Как ни сдерживал их Вандиен, вода вскоре дошла ему до бёдер. Тут уж он упёрся и вынудил упряжку на некоторое время остановиться. Скильи послушались, но натяжение

повода, который он крепко сжимал в кулаке, не ослабло ни на йоту. Как только он даст хоть чуточку слабину, упряжка опять рванётся вперёд.

Вандиену оставалось только гадать про себя, много ли толку будет с его четвёрки. Потом у него перехватило дыхание: он обнаружил, что скильи НЕ ПЛЫЛИ. Забравшись в воду по брюхо, они ничуть не смуглись и с прежним рвением лезли вперёд, даже не думая пугаться волн, вскоре укрывших и приземистые тела, и даже безобразные головы. Вандиен напряг зрение, высматривая поднимающиеся пузырьки. Но то ли волны мешали, то ли пузырьков попросту не было. Упряжка, полностью скрытая водой, продолжала усердно натягивать повод... Ну и ну! Спасибо и на том, что хоть слушались и тянули...

Затопленная деревня медленно возникала из морской глубины. Уходящая вода обнажала обрушенные стены домов. Стены были невысоки: вода обглодала добротную каменную кладку, оставив огрызки высотой Вандиену по колено. Все мелкие приметы быта рыбацкой деревни, естественно, бесследно исчезли давным-давно. Кое-что, наверное, выловили ныряльщики, остальное навсегда похоронил океан. В бывших комнатах коврами лежал мельчайший песок. Остатки дымовых труб обросли ракушками. Под порогами прятались крабы. Мало что вообще уцелело, кроме стен и каменных очагов. Всё, что было сработано из дерева, сгнило в воде. Всё, выкованное из железа, было разъедено до неузнаваемости. Много ли ещё минует времени, спросил себя Вандиен, прежде чем не останется и намёка на стоявшую здесь когда-то деревню? Сколько ещё потребуется морю, чтобы вовсе уже не оставить камня на камне?.. И когда это время настанет, — будет ли Обманная Гавань всё так же праздновать день Храмового Отлива? И вспомнит ли хоть кто-нибудь, почему справляется этот праздник?..

Вандиен слегка отпустил повод, и упряжка радостно устремилась дальше. Управлять скильями сделалось труднее: он теперь видел только туго натянутый ремень, указывавший на упряжку, словно жезл лозоходца — на закопанный клад. Солнце между тем клонилось к закату, на воде играли блики, немилосердно слепившие Вандиена.

Когда поднялся ветер, он было забеспокоился, но это был всего лишь самый обычный вечерний морской бриз. Скильи неудержимо рвались в глубину. Вандиен спотыкался о камни давно развалившихся стен; когда упряжка свернула за угол затопленного здания, его буквально провезло по стене до угла. Он обдирал себе щиколотки обо что-то невидимое, спотыкался и вновь обретал равновесие. Вода была ему уже почти до груди. Приходилось сражаться и с неумеренным рвением скилий, и с собственной плаву-честью. Вандиен понимал: если скильи собьют его с ног, его песенка будет попросту спета.

Он изо всех сил щурил глаза, потому что смотреть приходилось прямо в пламенеющий, огненно-золотой закат, не дававший разглядеть линию горизонта. Скильи затаскивали Вандиена всё дальше, и холод, которым дышала морская вода, давал себя знать вполне ощутимо. Пухлая шерстяная ткань по-прежнему согревала его, но сама становилась пугающе неподъёмной. С одной стороны, добавочный вес помогал удерживаться на ногах. С другой, если скильи всё-таки повалят его, подняться будет ой как непросто.

— Значит, постараемся не падать, — вслух сказал Вандиен и расплылся в дурацкой улыбке, услышав звук собственного голоса. Шуршание волн и душераздирающие крики морских птиц были своего рода тишиной, которую не пристало нарушать голосу какого-то там простого смертного.

Он увидел, как впереди него на зелёной макушке одной из волн возник белый барашек. Потом ещё и ещё, на том же самом месте. И вот из вспененной воды начало вырастать нечто вроде обломанного чёрного бивня. Это мало-помалу появлялась верхняя часть уцелевшей стены храма. Стены ещё стояли каменным кольцом, иззубренным, словно перебитая кость. Внутри кольца морская вода крутилась яростным водоворотом, ища выхода. Вандиен услышал, как скрежетали и двигались камни.

Океан не смог разгрызть и пережевать храм, как он пережевал деревню. Храм был построен давным-давно, и строители, видно, знали толк в секретах древности. Что за сила перемещала и громоздила один на другой титанические глыбы чёрного камня? Строительного раствора не было заметно — лишь тонкие швы ещё черней самого камня.

Водоросли не смели прирастать к храмовой кладке; даже раковины вездесущих морских уток белели разрозненными точками лишь в некоторых местах. Между тем, если судить по развалинам деревни, им полагалось бы висеть здесь друг на друге, гроздьями, поколениями, слоями. На камнях храма гнезилось несколько рачков, но удивительно мелких. Чёрная кладка не желала покоряться никому.

Чем ближе подбирался Вандиен к храму, тем громаднее и страшнее выглядело древнее сооружение. А ведь казалось бы — подумаешь, всего-то затопленный дом. Вандиен смотрел на зловещую тень, заслоня глаза ладонью от слепящего закатного света, и боролся с некоей жутью, непрощенно вползавшей ему в душу. Купол обрушился, внутренность храма была открыта небесам. Возможно, существовала при храме когда-то величаява колокольня, но теперь от неё не сохранилось и следа. Вандиену мимолётно вспомнилась легенда о храмовом колоколе, якобы звучащем из-под воды. Колокол в погребке, м-да. Очень интересно. Нет, наверное, колокольня всё же была. Быть может, она простояла ещё какое-то время после того, как храм затопило. И с неё-то звонил подводный колокол, продолжая пугать деревенских жителей даже после гибели храма. Если он вправду прозвонил со дна моря хоть один раз, а потом обвалился со своего места и замолк уже безвозвратно, такое событие вряд ли позабылось бы и через три поколения. Для того, чтобы повелась легенда, обычно нужно немного...

Скильи остановились, уткнувшись носами в чёрную стену. Перелезть через неё и перетащить с собой Вандиена они не могли. Он стоял по грудь в холодной воде и смотрел. Дотянуться до верха каменной кладки он был не в состоянии. Упряжка дёрнулась налево, потом направо, стремясь обойти неожиданное препятствие. У Вандиена упало сердце: он не знал, где искать вход. Он почему-то предполагал, что храмовые стены были слизаны и стёсаны морем, как в старой деревне. Вот так. А оказалось, что, прежде чем обыскивать дом, надо ещё суметь в него влезть. Что ж, если входа не было с этой стороны, значит, он находился с противоположной, и его ещё скрывала вода. А храм был не маленький. Обходить его кругом значило потерять драгоценное время. Солнечный свет между тем иссякал

чуть ли не быстрее воды. И вместе с ним — боевой дух Вандиена.

Неожиданно вырвавшийся откуда-то яркий луч света и шумный плеск буруна заставили его повернуть голову. На миг всё исчезло, но потом снова возникло — и луч, и бурун. Оказывается, вода обнажила верхнюю часть арки храмового портала, и просвет был уже в ладонь шириной. Колыхавшиеся волны с шумом устремлялись внутрь и вырывались наружу, порождая течение и мелкие водовороты. Вандиен немного выждал, разглядывая резное навешенное арки. Рельеф изображал череду Заклинательниц. Они стояли, соединив раскинутые руки, складки одежд развеивал ветер, врезанный в камень. Рты были открыты: Заклинательницы пели. Весьма подходящая сцена для подобного места, но было что-то, отчего Вандиену стало несколько не по себе. Что-то было не так, но что именно, он никак не мог разглядеть: солнце, бывшее прямо в глаза, и блики с воды слепили его. Кажется, поющие рты были слишком широки, а глаза — слишком выпучены для того, чтобы принадлежать человеческим существам... Вандиен напомнил себе, что Заклинательницами становились не только человеческие девушки. Может быть, эти перевоплотившиеся принадлежали раньше к какой-нибудь другой расе. То-то у них и руки от плеч до локтей были несоразмерно длинны и к тому же вроде как изогнуты. А от локтей до запястий — наоборот, слишком коротки и толсты. Остальное было прикрыто одеяниями. Вандиен продолжал рассматривать рельеф.

— Может, ещё и скульптор никудышный попался, — предположил он затем, обращаясь к погружённой в воду упряжке.

Закатный свет, проникавший под арку, постепенно меркнул. Скоро солнце совсем скроется за горизонтом, так что действовать ему придётся в основном ощупью. А стало быть, незачем попусту терять последние крохи света. Тем более что вовнутрь храма уже вполне можно было проникнуть. Если повезёт, там не будет никаких ступенек вниз...

Вандиен осторожно зашёл в хвост своим скильям, ощупывая ногами дно. Упряжка привычно шарахнулась от него прочь и побежала вдоль стены храма. Добравшись до пор-

тала, скильи юркнули вовнутрь. Вандиен совершенно уже не видел своих зверей, — только некоторое возмущение воды над их спинами да натянутый, как струна, повод. Вода стала глубже, Вандиен ушёл в неё по плечи. Он не успел удержать скилий, и упряжка втянула его под арку. Солёная вода облизала его щетинистый подбородок, Заклинательницы Ветров плясали прямо над головой. Он спотыкался, но уцепиться было не за что. Его свободная рука лишь была по воде. Повод, намотанный на руку, безостановочно влёк его вперёд. Вандиен всё-таки свалился и ушёл в воду с головой. Упряжка тащила его, промокшая одежда тянула на дно...

На его счастье, сразу за аркой начинались каменные ступени, и они вели вверх. Вандиена ударило о них грудью, но, опять же по счастью, вода смягчила удар. Обретя под ногами опору, Вандиен кое-как встал, отплёвываясь. Тряхнув головой, он откинул с лица мокрые волосы, упавшие на глаза. Вода текла по лбу и щекам. Он вдыхал благословенный воздух и никак не мог надышаться. Скильи, едва не утопив его, остановились.

Он стоял внутри храма Заклинательниц Ветров.

Изломанные чёрные стены вычертили в пламенеющем небе зубчатый круг. Вандиен видел в угасающем свете, что купол храма обрушился частью наружу, частью внутрь. Вода, клубясь, утекала, и из неё один за другим высывались здоровенные камни. Волны ещё вкатывались и выкатывались сквозь портал, и шум прибоя гулко отдавался в каменных стенах. Вандиен всем телом ощущал течения, порождаемые каждой волной. Храм простирался перед ним, громадный и мрачный. Попранная слава, поруганное величие. Когда-то по стенам сплошной лентой тянулись барельефы, но теперь головы большинства фигур были утрачены вместе с верхними плитами кладки. Позолота облупилась и исчезла, оставшись лишь кое-где — морщинкой возле угла рта, невыплаканной слезой в глазу. Да. И, конечно, внутри храма не было ни следа водорослей и морской живности, буйствовавшей снаружи. А под наваленными камнями можно было спрятать хоть целую тысячу сундуков. И запустить сюда, в храм, целую сотню искателей. И ничего бы они не нашли.

Ступеней вверх было четыре. Вандиен одолел их с предельной осторожностью, щупая перед собой пальцами ног. Выбравшись наверх, он обнаружил под собой ровный каменный пол. Теперь вода была ему всего лишь до середины груди. Куда он вышел — на самый верх или на небольшую площадку?.. Неподвижно стоявшая упряжка была совсем не видна под водой. Вандиен уже устал гадать, нуждались ли они в воздухе. Захотят вздохнуть, небось живо всплывут. Лапы-то у них вон какие, выгребут. А пока хоть оглядеться ему дали, и то хорошо.

Вандиен стянул с плеч бухту верёвки и, нагнувшись, накрепко привязал один конец к центральному кольцу упряжи. Скильи, оказывается, улеглись. Тоже неплохо. Вандиен собирался обследовать храм, и ему вовсе не хотелось, чтобы повод начал путаться в невидимых сверху камнях. Привязав конец, он пошёл в сторону, разматывая тросик. Скильи лежали неподвижно. Вандиен вброд продвигался к юго-западному углу храма. Место показалось ему ничем не выдающимся; если бы не история, рассказанная Джени, было бы решительно всё равно, в котором из заваленных камнями углов храма начинать поиски. Волны продолжали вкатываться под арку, но уровень воды понижался. Камни на залитом полу были самых разных размеров: одни он цеплял щиколоткой, через другие приходилось перелезать. Вандиен продвигался медленно, осторожно переставляя ноги. Если уж были ступени наверх, значит, мог подтвердиться и рассказ о подземном помещении. У Вандиена не было ни малейшего желания неожиданно провалиться туда. Впрочем, покамест каменный пол под ногами был столь же надёжен, как и стены, не больно-то уступившие морю.

Поверхность воды отражала свет, не пропуская его в глубину. Вандиен не мог разглядеть, что делалось на дне. Повсюду были только неверные отблески на чём-то мокром, скользком и чёрном. Вандиен медленно шёл по храму, пробуя пол пальцами ног и иногда наклоняясь, чтобы ощупать подвернувшийся предмет... Время шло. Драгоценное время. Здесь было великое множество камней, вполне прямоугольных на вид и на ощупь, и весьма похожих на металлический сундук, — тем более что ноги у него были

в плотных сапогах, а руки порядком застыли. Трижды он переворачивал и приподнимал такие находки, но каждый раз это оказывался всего лишь камень. Сколько раз со времени приключений дедушки Джени этот храм обыскивали сверху донизу?.. Между прочим, если сундук здесь и лежал, ретивые разыскатели могли только похоронить его ещё глубже.

По углам храма вековая пляска волн нагромоздила изрядные кучи гальки и песка. А что, если сундук покоился где-нибудь под этими кучами? И морская соль давно уже разъела металл, а беспокойные течения растащили в разные стороны всё, что сохранялось внутри?..

Нет, безнадежная затея. Совершенно безнадежная. А свет меркнул.

Вода опустилась ещё ниже, по пояс. Вандиен ненадолго выбрался из неё и присел на кучу камней, казавшуюся из воды. Не слишком уютное сидение для его замёрзшего тела. Кожа на кистях рук разбухла и от холода сморщилась, только были видны жёсткие желтоватые пятна мозолей. Он ещё и стёр ноги в мокрых сапогах, так что ходить было попросту больно. А пальцы, сбитые о камни, каждое прикосновение ощущали, как удар. Сколько раз он с маху натыкался ими на невидимые под водой, неподъёмные камни?.. Не перечсть. Мокрая шерстяная одежда тяжело облепила его, заставив сгорбиться. Весь нынешний день Вандиену пришлось упражняться в чёрном юморе; теперь настал миг беспросветного уныния.

И, словно отвечая на его мрачные думы, над морем разнёсся одинокий голос, певший заунывный гимн одиночеству. Песнь была тоньше птичьего крика, чище посвиста ветра. Она крылато воспарила в посеревшее небо и осталась там. Голос тянул и тянул ноту на одном дыхании, наполняя собой всё небо, — неимоверно высоко, невысказанно долго. Казалось, он воззвал к звёздам, и они неожиданно загорелись там, в вышине. Ночь накрыла мир необъятной горстью. Стены храма превратились в зубчатый частокол тьмы, окруживший звёздное небо. Потом голос ринулся вниз, тон за тоном, порождая в ночном небе неведомую мелодию. И следом за песней подоспел ветер. Песня взвилась вновь, выше, ещё выше, и ветер послушно

набирал силу, следуя за его горным полётом. Голос Киллиан снова устремился вниз... и ветер обрушился с небес с силой и яростью камнепада.

Вода кругом Вандиена так и вскипела, скалясь во мраке белыми гребнями. Верёвка, тянувшаяся к упряжке, напряглась, потом заскользила между пальцев. Вандиен поспешно вцепился в неё, и верёвка обожгла ему ладони. Поднявшись, он что было сил упёрся ногами и пустил в ход обе руки... тросик продолжал скользить, уходя между пальцев. Потом подоспел толстый узел, скрученный на конце, и с невероятной силой ударил его по рукам. Вандиена сдёрнуло с кучи камней и поволокло по воде. Он сумел остановиться, только когда его тело заклинило между двумя торчащими плитами. С большим трудом он поднялся на ноги, продолжая сражаться с вырывающимся концом и упираясь в камни. Канатик натянулся ещё сильнее, Вандиену даже показалось, что он растягивается, хотя этого по идее быть не могло. Руки горели, в плече что-то подозрительно хрустнуло. Вандиен оскалил зубы. Нет уж, гори всё синим огнём, но хватку он не ослабит. Пусть лопается верёвка, пусть у него отрываются руки. Пожалуйста. Никто не посмеет сказать, будто он сдался и уступил...

Верёвка обмякла столь же внезапно, как и натянулась. Вандиен шлёпнулся. Храм вокруг него переливался мокрым серебром и чернотой. А голос продолжал петь...

Мокрые волосы опять залепили Вандиену лицо, и на сей раз их сдул ветер. Вандиен снова побрёл по храму сквозь злые мелкие волны. Они бились о камни, и пена взлетала высоко вверх. Соль жгла Вандиену глаза и, как он ни сжимал губы, попадала в рот. Шрам от холода съёжился и мучительно натянул кожу на лице. Знакомая боль запустила когти в его плоть, жестоко отдаваясь во всей голове. А Заклинательница знай себе пела, не переводя дыхания, забирая немыслимо высоко и потоками рассыпая чистейшие хрустальные трели. Песня приводила ветер в неистовство, ветер бешено хлестал море. И холод... холод!

Это была не осенняя ласковая прохлада, — это буйствовал настоящий зимний шторм, вооружённый сотнями отточенных ледяных когтей. Зимний шторм, налетевший прямо из замороженного сердца луны. Безумный шквал

едва не сбил Вандиена с ног, ослепив солёной пеной, нёшейся в лицо. Ветер с рёвом обрушивался на развалины храма, но даже этот рёв не мог заглушить серебристых нот, которые выводил далёкий голос. Вандиен прижался к какому-то камню, с трудом вбирая воздух сквозь сжатые зубы...

— Вандиен!..

Кто-то звал его по имени, пытаясь перекрычать завывания ветра и песнопение Заклинательницы. Женский голос. Большого Вандиен сказать был не в состоянии. Тем не менее надежда, совсем было угасшая в его душе, снова воскресла. Он сощурился, вглядываясь в штормовой мрак.

— Ки!.. — закричал он затем. — Сюда, Ки! — И вскочил на свой камень, размахивая руками и менее всего думая о равновесии. — Паршивая упряжка куда-то удрала, но конец повода у меня. Они тут где-то...

Не дожидаясь, пока она отзовется, Вандиен прыгнул в воду и побрел, подбирая верёвку. Следовать за ней, петлявшей и путавшейся в мокрых камнях, было ужасающе трудно. Но Вандиен был готов сдохнуть, только чтобы не показать Ки, как он оплошал и мгновение назад позорно опустил руки.

Он услышал, как о камень заскребло дерево. Потом в крошечном мраке загорелся фонарь: чья-то рука отвела в сторону заслонку, до поры затенявшую свет. Вандиен увидел плот, наспех связанный из плавника. Посередине плотика был укреплен фонарь, а подле фонаря восседала Джени. Она была мокра до последней нитки: по-видимому, девушка тоже следовала за отступавшим отливом, толкая плотик перед собой. А теперь отдыхала, забравшись на своё сооружение и придерживаясь рукой за камень. Взгляд её дышал тем же холодом, что и храмовые стены. Ветер нёс и раздувал её светлые волосы, при свете фонаря они казались бледным пламенем, охватившим её голову. Помимо неё, фонарь мало что освещал.

— Я решила, что твои старания заслуживают хотя бы одного зрителя! — чтобы быть услышанной, Джени приходилось кричать. Она набрала в грудь побольше воздуха и продолжала: — Остальные, понимаешь, слишком увлеклись песнями и выпивкой, им ни до чего. К тому же Кил-

лиан накликала здоровенный шторм, так что никому не охота выползать наружу. Правду сказать, и в прошлый-то раз посмотреть на возчика вышло всего несколько человек... Ещё несколько лет, и «возчик» превратится в почётный титул для любого менестреля или жонглёра, который придет повеселить их в праздничный вечер!

Подобравшись к Вандиену вплотную, Джени посмотрела на него со своего плотика сверху вниз. Тёмные вьющиеся волосы Вандиена утратили упругость и, намокнув, плотно облепили его голову и шею. Его лицо было красным от холода — всё целиком, за исключением шрама, который выделялся, точно клеймо. Мокрая одежда висела на нём, как на вешалке. Глаза его были двумя тёмными дырами, губы — сжаты в одну черту.

Он сказал:

— А я и забыл, что могут быть зрители.

— Да? А мне показалось, ты очень обрадовался, когда первый раз отозвался. Я даже решила, что ты отыскал сундук.

— Я принял тебя за... одного своего друга, который обещал постараться помочь мне с этим делом...

— Бряд ли ты меня числишь своим другом, — сказала Джени. — Только я, в отличие от неё, пришла тебе помочь.

— Послушай, Джени... Я совсем не это имел в виду...

— Потом разберёмся, — перебила она. — Заклинательница разошлась как следует, а значит, до начала прилива у нас не так много времени. А ведь ни за что не поверишь, что там, наверху, всего лишь маленькая Киллиан, верно?... И где только лёгкие-то в подобном тельце помещаются...

— Джени, слово «друг» имеет очень много оттенков...

— Ни один из которых, я уверена, ко мне не относится. Ладно, возчик, проехали. Давай лучше за дело! Есть хоть какие-нибудь признаки сундука?

— Никаких! — Ветер унёс слово прочь, но Джени было достаточно посмотреть на лицо Вандиена. — Дай выловлю упряжку, — заорал он что было силы, и Джени кивнула.

Она осталась сидеть, поджав ноги, на пляшущем по волнам плоту, а Вандиен отправился петлять по храму, следуя за верёвкой. Дважды ему приходилось нырять в непро-

глядные волны, выпутывая конец из-под камней. Добравшись наконец до узла, которым канатик был прикреплен к центральному кольцу упряжи, Вандиен чуть не наступил на своих скилий. Бесстыжие твари, оказывается, забились в угол храма неподалёку от того места, где они проникли вовнутрь.

— Ну и теперь что? — кричал он, обращаясь к Джени. Какое всё-таки наслаждение — с кем-то переговариваться и знать, что будешь услышан, несмотря на беспрестанный шум ветра и плеск волн. Он уже решил для себя, что притащился сюда зря. Но кое-какое облегчение разговор всё же приносил.

Джени пожала плечами.

— Растаскивай камни! — кричала она в ответ. — Начни с дедушкиного угла!

— Сей момент... А ну, вы там, живо на ноги! — И Вандиен, сунув руку по плечо в воду, нащупал свитый кольцами хвост и чувствительно его ущипнул. Скильи зашевелились, и он погнал их в юго-западный угол. — Выбери камень!.. — жизнерадостно предложил он девушке.

Джени пришлось пустить в ход обе руки, убирая с лица белокурые пряди, уже основательно промоченные солёными брызгами, которые нёс ветер. Волосы липли к её лбу и щекам.

— Вон тот! — указала она на самый высокий. Камень смахивал на тощий скрюченный палец, указующий в небеса.

— Отлично, — отозвался Вандиен. Он крепко держал верёвку возле самого кольца сбруи. Свободный конец её он перебросил Джени. — Возчик здесь я, — напомнил он ей. — А ты — рыбацка. Весь мир знает, что вы, рыбаки, умеете вязать потрясающие узлы. Давай, привязывай к тому камню, посмотрим, что там под ним хорошенького.

Его кривая улыбка не оставляла никакой возможности для отказа. Обычно хмурое лицо Джени поневоле дрогнуло в ответной улыбке. Девушка без пререканий соскользнула со своего плотика в холодную воду. Вандиен смотрел, как она заводила кругом камня петли, как вязала замысловатые узлы, — всё это с той же лёгкостью и изяществом, с какой сам он управлялся со своим говорящим шнурком.

Взмах руки сказал ему, что всё было готово. Джени отступила от камня прочь.

Вандиен подошёл к упряжке, нагнулся и стал шарить рукой, привычно нащупывая хвосты. Но не успел он найти хотя бы один, как верёвка рывком натянулась и ринулась мимо, пребольно хлестнув его по бедру: его движения хватило для того, чтобы спугнуть скилий. Он шарахнулся прочь от гудящего, как струна, конца, прикрывая рукой лицо. С серебристо-серого канатика разлетались брызги: четвёрка налегала от души. Камень, однако, и не думал двигаться с места. Только ветер свистел в ушах, отвечая голосу Кыллиан. Ледяная вода кипела и клокотала. Скильи старались изо всех сил. Безрезультатно. Камень был неприступен.

— Давай попробуем другой! — прокричал Вандиен.

Джени, морщась, кивнула. Его усилия явно не производили на неё никакого впечатления. Впрочем, Вандиен не имел никаких претензий к своим зверям. Поющий на басовой ноте канатик говорил сам за себя. Вандиен весьма сомневался, что лошади или мулы при нынешних обстоятельствах справились бы лучше. Он попытался представить себе здесь, в храме, громадных тяжеловозов Ки и только покачал головой. Серым гигантам было бы попросту не развернуться среди камней. Вандиен шагнул к своим скильям, намереваясь пустить в ход стрекало и уложить упряжку, чтобы Джени могла распустить свои узлы. Вода закипела: скильи уловили его присутствие рядом и пустили в ход всю свою силу до последнего, пытаясь улизнуть. Достать их стрекалом Вандиен не успел. Сзади послышался предостерегающий вопль Джени.

Камень всё-таки сдвинулся. Он валился прямо на Вандиена, молча и жутко, словно смертельно раненный великан. Вандиен хрипло заорал и попытался отскочить прочь. Вода мешала движению. Вандиен повалился назад, и волны приняли его в объятия. Канатик же так и не ослаб, потому что скильи тоже изо всех сил удирали от падающего камня. Вандиен успел увидеть, как верёвка исчезает между двух стоячих камней, и чёрная вода сомкнулась над его головой. Волна, поднятая рухнувшим камнем, промчалась над Вандиеном, вдавливая его в дно.

Бесконечно долгое время спустя он сумел высунуть голову из воды. Обжигающе-ледяной ветер показался ему благословением. Он глотал его и глотал, отплёвываясь и кашляя. Он слышал, как Джени срывающимся от ужаса голосом звала его по имени, но ответить не мог — не хватало дыхания. Вода текла по его лицу с волос и из-под мокрой шапки, заливая ноздри и рот. Ему казалось, что за тот миг, что он провёл под водой, в храме стало темно, точно в погребѣ. Последние отблески вечернего света успели исчезнуть.

Наконец его глаза остановились на фанаре Джени — точке жѣлтого света в сплошном мраке. Возле фанаря согнулась в три погибели и сама девушка, — судя по всему, несколько не пострадавшая. Что же до упряжки, то она исчезла бесследно. На том месте, где он последний раз видел скилий, лежал поваленный камень. Лежал и, словно в насмешку, частью казался из воды. Вандиен разглядел даже верѣвку, по-прежнему его обнимавшую.

— Джени!.. — заорал он что было сил, и она услышала. Она повернулась к нему, и фанарь отразился в её глазах, одичалых от страха. Мигом соскочив в воду, девушка вброд поспешила к нему, одной рукой таща за собой плотик.

— Я уж думала, ты..! — прокричала она. — Он прямо на тебя падал!.. — Лицо у неё было белое, рот непослушно кривился от перенесѣнного испуга. Подобравшись к Вандиену, она оставила плотик и судорожно стиснула его в объятиях. Вандиен невольно поразился, снова ощутив неженскую силу её рук. — Ты так долго пробыл под водой... — сказала она прямо ему в ухо. Она прижималась к нему и дрожала всем телом.

— И поделом: глупо было подступаться к этому камню так, как я это сделал. — И Вандиен успокаивающе похлопал Джени по плечу. — Ладно, всё в порядке. Никто ведь не пострадал.

Джени немедленно отпрянула от него. Перепуганная девочка вновь превратилась во взбешѣнную женщину.

— А чего ещё ждать от такой сухопутной крысы, как ты!

Вандиен предоставил ветру уносить её слова прочь и поинтересовался:

— Упряжку мою не видела?

Она только мотнула головой, раздираемая противоречивыми чувствами. Повернувшись прочь, Джени отошла туда, где прежде стоял вывернутый ими камень, и взялась прилежно шарить в воде. Вандиен же устало двинулся туда, где виднелась верёвка, обвивавшая поверженного исполина. Просунув руку под камень, он нащупал верёвку и проследил её путь. Она была натянута по-прежнему туго, но не до такой степени, как во время рывка. Вандиен поморщился в темноте, и шрам на лице отозвался болью. Как ни безобразны были скильи, он не просто свыкся с ними — он успел их полюбить. И теперь очень надеялся, что ничего скверного с ними не произошло.

Проследживая верёвку, он перелез через камень и проник между двумя стоячими обломками столбов. Ещё шаг — и Вандиен внезапно провалился в воду по подбородок. А верёвка по-прежнему вела вниз. Вандиен осторожно вытянул вперёд ногу в сапоге. Под ногой была пустота. Пошарив ближе к себе, он нащупал ровный каменный край. И тут его осенило. Он стоял на верхней ступеньке лестницы, ведущей вниз. Он попятился, глядя в чёрную воду. Значит, животные удрали вниз по ступенькам, таща за собой канатик. Вандиен потянул что было силы и ощутил на том конце недовольное трепыхание. По крайней мере, они были ещё живы. Он живо вообразил себе, как они пластаются по дну, стараясь зарыться в него плоскими лапами. Да. Четырёх тварей, оказавшихся способными сдвинуть тяжеленную скалу, все его усилия не заставят даже пошевелиться.

Он потерял упряжку.

Джени подошла к нему, расплёскивая холодную воду. Ветер гнал волны, и мокрый плащ то пузырился у неё на груди, то обтягивал девичье тело. Вандиен вдруг заметил, что вода успела подняться. Начинался прилив и грозил застигнуть их здесь. Древний храм очень легко мог превратиться в ловушку. Притом что пение Заклинательницы подгоняло прилив и добавляло ему силы. Каждая новая волна, вкатывавшаяся вовнутрь, захлестывала стены выше предыдущей. Если дверь затопит прежде, чем они с Джени выберутся наружу, у них не хватит сил дотянуть, пока зальёт и вершины стен. Они утонут, как крысы в яме. Тут-то Вандиен на своей шкуре испытал то, о чём гово-

рилось в истории деда Джени. Он оказался перед выбором: бросить всё и спастись — или остаться и наверняка погибнуть.

Вандиен покосился на плотик Джени и фонарь на нём. Можно доплыть до берега, бросив упряжку и держась за этот плотик. Правду сказать, он состоял всего из нескольких бревен плавника, наспех связанных вместе, но выдержать должен. Вандиен представил себе, как прибывающая вода станет поднимать их всё выше и выше, пока наконец не перенесёт через храмовые стены... после чего, вполне возможно, их унесёт в открытое море, где они и утонут. Большая выгода против затопления в храме.

— Под тем камнем ничего нет! — кричала между тем Джени ему в ухо. — Гони сюда упряжку, попробуем другой! Мой узел зажал под камнем, но, если будет немножко слабину, я его распушу. А не то придётся резать конец...

Вандиен молча смотрел на неё. Ему хотелось захохотать, но сил не было. Ветер хлестал его по лицу солёными брызгами. Всё пропало, всё, всё. И возможность избавиться от шрама, и заработок, и уважение Зролан, и облегчение невесёлой участи Джени... пропала даже упряжка из четырёх безобразных скилий, взятая им взаймы. Пропало всё, а девочка ничего ещё не поняла.

Джени истолковала его молчание как знак согласия. Она пошла прочь от него, вдоль упавшего камня, таща за собой плот. Добравшись до верёвки, она подёргала её и мотнула головой:

— Надо попятить упряжку. Мне нужна слабина, иначе...

— Они удрали по лестнице вниз, — Вандиен проговорил это совсем тихо, но Джени почему-то расслышала.

— Не может быть! Мы завалили её много лет назад!.. — отозвалась она недоверчиво. — Я была тогда ещё маленькая, но помню, как все об этом говорили! Лестницу завалили, потому что однажды в Храмовый Отлив кто-то провалился туда и мало не потонул. Все остальные пялились только на возчика, ну и едва успели спасти...

— Может, и так, — сказал Вандиен, — но теперь лестница ничем не прикрыта. И моя упряжка удрала туда вниз.

Джени вернулась и посмотрела на воду, колыхавшуюся перед ними.

— Похоже, — сказала она с внезапно прорвавшейся горечью, — у тебя появился знатный предлог отступить. Что ж, ни один ещё возчик на самом деле не выкладывался как следует, так с какой стати тебе горб наживать?.. Добро, козёл, можешь и дальше носиться со своим шрамом. Давай, вали обратно в гостиницу, смейся и пей!.. Козёл несчастный!..

Её голос от ярости становился всё пронзительней и резче, и даже ветер не мог его заглушить.

Вандиен шагнул вниз по ступеням, придерживаясь за верёвку. Вода коснулась его подбородка. Он собрал всё своё мужество и сделал ещё шаг. Под водой ничего не было видно, тело порывалось всплыть на поверхность, но Вандиен крепко держался за конец. Вряд ли он чего-то достигнет, но по крайней мере хоть разберётся, далеко ли вниз уходят ступени. Шагать под водой, как он собирался, не получилось: ноги начали отрываться от камня. Лёгкие уже ощущали нехватку воздуха. Всё-таки Вандиен твёрдо вознамерился сделать ещё шаг. Он схватился за канатик уже двумя руками и устремился в глубину.

Упряжка неожиданно сорвалась с места. Могучий рывок протащил Вандиена вперёд, потом верёвку вырвало из рук. Солёная вода немедленно впиалась в ободранные ладони. Вандиену потребовалось мгновение, чтобы сообразить: держаться было более не за что. Его движения в очередной раз спугнули скилий, и, как всегда, не вовремя. Надо будет отыскать верёвку и начать всё заново, но сперва необходимо отдышаться. Лёгкие готовы были разорваться в груди. Вандиен изо всех сил оттолкнулся ногами и поплыл вверх под водой. Два гребка, и его пальцы натолкнулись на гладкую каменную поверхность. Он поплыл вдоль неё в темноте, страстно надеясь, что не спутал направления. Отверстие лестницы должно было находиться у него прямо над головой. Если только он в самом деле плыл куда надо. Если скильи не уволокли его дальше, чем он предполагал.

Если...

Пузырёк воздуха вырвался у него изо рта.

и отпустила колёсный тормоз, только спустившись к подножию холма, и про себя удивилась, что тормоз вообще выдержал. Она остановила тяжеловозов и дала им постоять некоторое время; уставшие кони так и носили боками. Сигмунд свесил голову почти до колен, чёрная грива Сигурда посерела и свисала мокрыми сосульками. Сама Ки заплела волосы в косу и спрятала её под капюшон. Извернувшись на сиденье, она посмотрела назад, на холм, с которого они только что спускались навстречу ревущему ветру. Этот ветер по-прежнему грозился опрокинуть фургон, но теперь, даже если бы это ему удалось, фургон по крайней мере уже не покатился бы вниз по круче. Круча, слава луне, осталась позади. Голос Заклинательницы выплел прозрачную серебристую нить в грубую пряжу шторма.

Ки сощурила против ветра глаза и подобрала вожжи. Коней пришлось дважды шлёпнуть, прежде чем они начали двигаться. Упряжка выдохлась совсем, Ки — почти что. Но, как ни крути, а добраться до Обманной Гавани и отыскать прибежище на ночь было попросту необходимо. Тяжеловозы нуждались в сухой и чистой конюшне, хорошо защищённой от ветра, а их хозяйка — в горячей ванне и столь же горячей еде. При всей её нелюбви к гостиницам, сегодня гостиница была бы очень даже кстати.

Фургон катился вперёд. Ветер казался живым и прожорливым существом, готовым растерзать всякого, посмевшего двигаться против его воли. Он трепал и пузырил одежду Ки, развевал хвосты и гривы коней. Ки только крепче стискивала зубы. Она-то знала, что сегодня вечером здесь будет дуть накликаемый ветер. Её недавние приключения внушили ей ещё больший страх перед Заклинательницами и отняли последнее к ним уважение. Они сделали ветры всего лишь продолжением собственных

тщеславных умов, игрушкой переменчивых настроений, орудием борьбы за личную власть. Сорвать с фундаментов всю эту деревню, зашвырнуть её в морскую пучину — для них примерно то же, что для самой Ки — раздавить фугоном попавший под колесо муравейник. Вот так. А ведь где-то там, впереди, был Вандиен, дерзнувший бросить Заклинательницам вызов. Он сражался, принимая на себя всю мощь их гнева. Ки выругалась. Ох, следовало бы ей отговорить его, пока ещё было время. Надо было пообещать ему упряжку, а потом немножко опоздать с прибытием в Обманную Гавань. Так ведь нет же. Она знай убеждала его, что Храмовый Отлив — то ли ритуальное мероприятие, то ли шествие ряженных. Между тем как этот ветер совсем не шутики шутил.

При этом Ки окончательно добивала мысль о приманке, за которой он сюда устремился. Избавиться от шрама на лице!.. Совершенно невозможная вещь. То есть такая, в которую поверил бы только законченный болван. Вандиен, конечно, был далеко не болваном. Он был умным человеком, которого вовлекли в опасную глупость, сыграв на глубоко затаенном желании: **ВЕРНУТЬ СЕБЕ СВОЕ СОБСТВЕННОЕ ЛИЦО.**

Ки попробовала припомнить, как он выглядел до того, как гарпия изуродовала ему лицо. Припоминалось с трудом. Она вызвала в памяти смутную картину того вечера, когда он нежданно-негаданно появился в её лагере и попытался... увести лошадей. Он был до того изголодавшийся, больной и ослабевший, что она с лёгкостью справилась с ним и едва не убила. Да, ей тогда показалось, что он был хорош собой, хотя и здорово измождён. Правда, её к нему совсем не влекло. В то время ей было вовсе не до мужчин: она переживала страшную полосу в своей жизни — гарпии совсем недавно разорвали ее двоих детей и любимого мужа и вот-вот должны были прилететь и за ней. В её сожжённой душе не было места для мужской любви, не было и нежности, которую она могла бы подарить взамен. Как же неохотно она позволила Вандиену сопровождать её сквозь пустынные предгорья на перевал Две Сестры!.. Но, когда самец-гарпия наконец явился по ее душу, не она, а Вандиен попал под чудовищные когти.

То есть не то чтобы попал — бросился сам, заслоняя её, Ки. Шрамы после того боя остались на его теле, не на её. А она до сих пор толком и не видела, во что ему это обошлось. Понадобился Дреш, бросивший ей в глаза беспощадную правду...

И вот теперь Ки поносила себя последними словами. Бесчувственная. Заскорузлая! Ну да, она казнилась, видя, как он мучился в холодные дни. Она сожалела, что ему приходится носить на себе столь видимый след той схватки в горах. Но и только. Особого значения его шраму она не придавала. Тем более что он отнюдь не влиял на её чувства к нему и не мешал ей видеть в нём человека. Личность. Вандиена. Шрам, располосовавший лицо, для неё значил не больше, чем грязное пятно на его плаще или заплатка на штанах. Всего лишь незначительная деталь, ничего не прибавлявшая и не убавлявшая от человека.

Почему она ни разу не задумалась, каково жилось с безобразным рубцом ему самому? С этакой зубчатой полосой на лице, всегда либо белей, либо красней остальной кожи?

Ки вспомнила бесчисленных трактирщиков и хозяев постоялых дворов, которые между собой называли Вандиена Шрамолицым — точно так же, как её они именовали Возницей. Сколько раз она замечала, как глазели на него дети, — смотрели испуганно и любопытно, не набираясь духу спросить, что за странная такая отметина у него на лице. А сам он? Как и в день их первой встречи, он был по-прежнему остер на язык, но не всегда ли у его шуток была и мрачная сторона?.. Не у кого спросить.

Ки и так не очень-то легко было жить с мыслью, что из-за неё Вандиен заработал рубец на лице. Мысль о том, что незримый шрам перечеркнул всю его жизнь, была по-просту невыносима.

...Она отыскиала гостиницу, ориентируясь в основном по звукам голосов и свету в окошках, — вывеску, раскачивавшуюся на ветру, разглядеть было почти невозможно. Зато никакой ветер не мог заглушить обрывков песен и обвального хохота. Ки направила тяжеловозов в проулок, где было хоть какое-никакое заветрие. Избавившись от беспрестанного завывания в ушах, она почувствовала себя так, словно проснулась от утомительного сна. Щёки

молодой женщины горели, нахлѣстанные ветром. Отыскав свой фонарь, она кое-как его разожгла.

Её онемевшие от холода пальцы еле совладали с за-дубелой кожей и тяжѣлыми пряжками сбруи, но после некоторых усилий она всё же распрягла любимцев. За гостиницей виднелось строение — не то чтобы стойло, скорее просто сарай. Ки повесила фонарь на крючок и стала устраивать коней. Сарай рассчитывали вовсе не на таких гигантов, как её тяжеловозы. Когда Ки отворила дверь, впуская внутрь своих коней и с ними царившую кругом непогоду, одиноко стоявшая в сарае корова укоризненно посмотрела на неё большими карими глазами. Денников здесь не было, но на чердаке виднелись изрядные запасы сена. Ки стрясла вниз щедрую порцию корма и, оставив серых отъедаться и отдыхать, отправилась в гостиницу.

Когда она ступила через порог, все голоса немедленно стихли. Сперва ей показалось, что всему виной был порыв ветра, который ворвался внутрь вместе с ней. Но люди, сперва уставившиеся на неё во все глаза, отвернулись и возобновили прерванные разговоры.

— Нет, это ещё не возчик,— долетел женский голос.— Да, Берни, вот уж, что называется, ни кожи ни рожи, а какой молодец!

Подобное описание Вандиена — «ни кожи ни рожи» — заставило сердце Ки болезненно сжаться. Она стала проталкиваться к огню, закипая медленным гневом. Вот так всегда. Если сыплют соль, то на рану, если наступают, то на большую мозоль.

Сама она воспринимала свои отношения с Вандиеном так, как воспринимают солнечный день или чистую воду в ручье. Просто, благодарно и без особенных умствований. Всё, чем они одаривали друг друга, приходило естественно и было густо замешано на трудах и опасностях, которые им выпало пережить вместе. Во всяком случае, сама Ки так это понимала. А теперь?.. Дреш открыл ей глаза, и мир рухнул. Вандиену, похоже, дороговато обходилась их дружба. Ки знала: даже в ювелирном камне чистейшей воды можно обнаружить изъян — стоит только взять достаточно сильную лупу. Но как потом этим камнем любо-

ваться? Ки занималась тем, что подсчитывала изъязыны в своих отношениях с Вандиеном. Легко ли потом будет эти самые отношения продолжать?..

Ки обратила внимание на мужчину, пробиравшегося сквозь толпу ей навстречу, и рассудила, что это, вероятно, и был хозяин гостиницы. Подойдя, он уставился на Ки с высоты своего роста. Руки у него были покрыты чёрными волосками, вполне отвечавшими по цвету редющей поросли на голове. Серо-голубые глаза смотрели на Ки с откровенным недоумением.

— Сегодня вечером мы как-то не ждали никого из посторонних, — сказал наконец мужчина. — Люди редко к нам приезжают, пока длится Буря Храмового Отлива. Что тебе подать?

Ки выжала из себя улыбку.

— Чего-нибудь горяченького попить, добрый хозяин. Я и так уже взяла на себя смелость загнать своих коней в твой, по-моему, коровник. Прости, если что не так, но не стоять же им на ветру. Вообще-то я тут разыскиваю приятеля, у нас с ним встреча была назначена. Его зовут Вандиен. Ты не встречал такого?

Брови козьяина гостиницы поползли вверх.

— Вандиен? Так это, наверное, наш возчик. Вот такого росточка и со шрамом во всю физиономию, верно?

Сказав это, Хелти увидел, как по лицу женщины прошла судорога, словно от внезапного приступа боли.

— Да, — кивнула она. — Это он. Он тут где-нибудь?

Хелти улыбнулся.

— Должно быть, в скором времени явится. В такую штормягу там, почитай, никому долго не выдержать. Ну Киллиан, ну даёт жизни! Такая малюсенькая Заклинательница, и такой ураганище раскачала. За последние, наверное, пять праздников и вполонину такой Бури что-то не припомню. А посмотреть — девочка и девочка, добрая да дружелюбная, и на вид совсем человек, того и гляди забудешь, кто она на самом деле. А начала петь, и вот вам пожалуйста. Удивила так удивила. И больше всех, поди, возчика...

— Да уж, — мрачно кивнула Ки. — Так где я могу его найти?

— В затопленном храме Заклинательниц. Только, послушай совета, незачем тебе высовываться туда в такую мерзопакостную погоду. Да и не ко времени: прилив уже наступает, так что они скоро вернутся. Не-ет, прилив его врасплох не застанет, уж ты не волнуйся. Он и сам парень не промах, и потом, там с ним Джени. А Джени, мало ли что про неё болтают, только рыбачка она прирождённая. И уж про прилив нипочём не позабудет. Да, она-то знает, как быстро он катится по отмелям, когда вода прибывает. Вот уж не удивлюсь, если они с ней сейчас вброд к бережку тащатся. Ветер, конечно... ну да ничего, как-нибудь доковыляют. Посиди с нами, выпей кружечку вина со специями, они и придут. Еда у нас сегодня прямо чудо как хороша, про сладости я уж вовсе молчу. А если ты и вправду возчикова подружка, то, значит, всё, что ты ни закажешь, пойдёт на его счёт, то есть, как у нас тут в праздник водится, задаром. Слыхала, наверное? Возчику в праздник, что ни попросит... Мы и то, честно говоря, удивляемся: храбрости у парня, по всему видно, на семерых, а что с нас попросил? Почти ничего. Ладно, не даёт нам на него самого расщедриться, так хоть подружку побалуем. Садись, милая, садись!

От Хелти как следует пахивало тем самым вином со специями. Было видно, что себе он в эту ночь ни в чём не отказывал и намеревался быть столь же великодушным с близкими, хотя бы и себе в убыток.

Ки устало потёрла горящие щёки. Жар близкого очага только-только начал её отогревать. От влажной одежды, казалось, вот-вот пойдёт пар. Она уже понимала, что не сможет просто так остаться и ждать его здесь, как предлагал хозяин гостиницы. Конечно, не было никакой жизненной необходимости ей тащиться куда-то в этакую бурю, да ещё лезть в холодную воду. Бессмысленное безрассудство, совершенно бессмысленное. Тем не менее нынче вечером Ки определённо тянуло на безрассудства. Хотя бы потому, что Вандиен мог найти их не столь уж и лишёнными смысла.

— Пожалуй, я не откажусь от твоего вина со специями, добрый хозяин, — сказала она старому рыбаку. — Но потом всё-таки отправлюсь встречать Вандиена.

— Что ж... будь по-твоему, если настаиваешь.

— Ага, настаиваю, — кивнула Ки.

Кружка горячего вина согрела сперва её руки, а потом, уже изнутри, — и всё тело. Указания, которые дал ей Хелти, оказались очень просты. Остальной же народ был слишком занят собой и своим праздником, чтобы обращать внимание на незнакомку. Ки отворила дверь, не без труда одолев напор ветра, и, пригибаясь и спотыкаясь, спустилась по ступенькам на улицу. Она побрела к морю, без конца попадая ногами в рытвины и колеи и оступаясь. Хорошо бы у неё был с собой фонарь! Причём такой, который не погас бы и на ветру...

Дорога тянулась прямо вперёд. В неизвестность и крошечную темноту. Ки отчётливо слышала рёв и грохот прибоя, всё выше и выше заливавшего берег. Ветер свистел в ушах, и голос Заклинательницы всё так же ткал свой хрустальный узор, удивительный и грозный. Потом Ки увидела границу моря и суши: белые буруны гулко рушились на тёмный песок и откатывались назад сплошными ожерельями пены. Вода поднималась. И весьма быстро. Ки подошла и остановилась там, куда достигали волны.

— Вандиен!.. — закричала она во всё горло, но ветер отшвырнул её голос обратно на сушу. Ки напрягла зрение и увидела в темноте непроглядную громаду храма Заклинательниц. И вновь закричала: — Вандиен!..

Делать нечего. Она шагнула вперёд. Холодная лапа моря тут же схватила её за ногу, облила холодом икру. Песок потёк прочь из-под сапога. Хренова холодина. Хренова сырость.

— Хренов упрямец!.. — заорала Ки на Вандиена, пребывавшего неведомо где. И, окончательно рассвирепев, двинулась вперёд, к храму, сражаясь с волнами, вздымавшимися всё выше. Вот знакомый холод добрался до колен... до бёдер... охватил всё тело до пояса... Ки пробивалась вперёд. Смутный силуэт храма понемногу обретал чёткие очертания: на фоне звёздного неба уже можно было рассмотреть иззубренные каменные стены. Вода была Ки уже почти по грудь, и налетавшие волны грозили вот-вот сбить её с ног. Ветер срывал пенистые гребни и швырял ей в лицо. Из-под вымокшего капюшона по щекам и по шее бежали стылые ручейки.

— Вандиен!.. — снова заорала она, не особенно надеясь услышать ответ.

— Вандиен!..

Что такое? Эхо?.. Или кто-то передразнивал её изнутри храма?.. Ки не взялась бы сказать ничего определённого. Очень могло быть, что это ветер, свистевший в руинах, шутил странные шутки. Ки устремилась дальше, наполовину вброд, наполовину вплавь. Вот обрушенная стена оказалась прямо перед ней, и вдруг изнутри проник слабенький лучик света!.. Всего лишь слабенький лучик, но этого хватило: Ки разглядела портал. Вот только глубина вблизи него оказалась для неё великовата. Ки стиснула зубы: нет уж, просто так её не остановишь. Отяжелевшая одежда тянула её на дно, а сапоги точно следовало бы оставить на берегу... Ещё усилие, и она оказалась внутри. Она попробовала достать ногой дно, и нога сейчас же уперлась во что-то твёрдое. Слава луне! Пол храма оказался несколько приподнят. Ки уверенно встала, хотя вода, то и дело с силой устремлявшаяся туда-назад сквозь портал, по-прежнему грозила сшибить её с ног. Другое дело, что свет, который она успела разглядеть снаружи, исчез.

И вновь послышался голос, отчаянно звавший:

— Вандиен!..

Опять мелькнул огонёк: его скрывали от Ки два стоячих каменных столба.

— Вандиен!.. — тоже закричала Ки, со всей возможной скоростью пробиваясь к столбам.

Там, скорчившись на самодельном плотике, дрожала от холода и страха вымокшая до нитки девочка-подросток. Подле неё на плоту горел фонарь. Бесцветные мокрые пряди плотно облепили голову. Ки окликнула её, и девочка обернулась. На лице её отразился испуг, тотчас сменившийся чем-то похожим на ярость... а может быть, ревность. Она повернулась к Ки всем телом. Мокрая одежда обрисовывала остренькую юную грудь. Ки подивилась про себя, что здесь делает этот ребёнок. Но задаваться пустыми вопросами не было времени.

— Где он?.. — спросила она, одолевая последние шаги сквозь клубящуюся воду.

— А ты ещё кто? — ошетинилась в ответ девушка.

— Я Ки. Где Вандиен?

Джени зло уставилась на неё и мрачно прокричала в ответ:

— Он там... внизу!

Ки проследила взглядом, куда та указывала, и увидела чёрную колышущуюся воду. От внезапного ужаса ей стало куда холодней, чем от морской воды. И эта девка!.. С такой небрежностью указывать пальчиком в бездну, где скрылся, а может, и погиб Вандиен!.. Ки очень захотелось для начала хорошенько придушить мерзавку, чтобы та как следует повизжала, а потом живенько рассказала, за каким шутком Вандиена понесло «туда вниз». Но не было времени. Она кинулась туда, куда, по словам девчонки, канул Вандиен. Вода зло насмеялась над ней, мешая движению. Когда, сделав очередной шаг, Ки ощутила под ногой вместо камня одну только воду и шарахнулась назад, Джени не выдержала её взгляда.

— Он полез вниз по верёвке!.. Его упряжка туда уд-рала! — неожиданно и безо всяких понуканий заявила она. Это не я, не я, я не виновата, говорили её глаза.

— Его упряжка?.. — тупо повторила Ки. Боги, какая чушь. Впрочем, уже не имело смысла, чушь или не чушь. Имело смысл только то, что Вандиен находился под водой и наверняка пробыл там уже слишком долго. Ки принялась шарить в поисках верёвки и нащупала её возле поваленного камня. Канатик был туго натянут. Вандиен, наверное, ещё оставался там, на другом его конце. Содро-гаясь от ужаса, Ки торопливо вдохнула и сунулась вперёд, в подводную тьму.

Холодная вода потекла ей в уши, полезла в нос. Ки открыла глаза, но вокруг была лишь непроглядная темно-та. Ки сделала ещё шаг вниз. Всё то же самое. Ки вцепи-лась в верёвку двумя руками и шагнула в третий раз.

И тут что-то вскользь ударило её по виску. Ударило довольно сильно, — от неожиданности Ки чуть не выпус-тила воздух из лёгких, но верёвку не потеряла. О том, что за твари могли находиться здесь, под водой, подле неё, лучше было не думать. Рыбы-людоеды?.. Сколько угодно. Ничего поделатъ всё равно было нельзя. Ки что было сил подёргала верёвку, надеясь на ответный рывок, но его не

последовало. Может, запуталась где-нибудь дальше вниз. Не Вандиен же её, в самом деле, так туго натягивает. Особенно после такого долгого пребывания под водой... Ки не могла ни рассмотреть его там, ни даже окликнуть. Если Вандиен действительно ушёл туда, вниз, это скорее всего был его последний выбор и последний путь. Солёная вода жгла Ки глаза. Она попятилась...

...и снова ощутила возмущение воды и прикосновение к плечу. Только теперь шевеление было гораздо слабее, чем в первый раз. Тем не менее что-то двигалось в воде мимо неё. Когда щеки молодой женщины коснулась ткань одежды, она инстинктивно схватила нечто, оказавшееся человеческой ногой. Нога слабо дёрнулась и обмякла. Ки крепко держалась за верёвку: нет уж, она её не отпустит ни под каким видом. На её капюшон опустилась рука и осталась там, запутавшись в ткани. Ки зажала пойманную ногу под мышкой и ухватила за канатик обеими руками. Нога больше не дёргалась, но рука на её капюшоне сжала пальцы и не отпускала. Держись, отчаянно призывала Ки, подтягиваясь вверх по верёвке. Держись, не покидай меня!.. Воздух норовил вырваться из груди. Держись!..

Вывавшись наконец на поверхность, Ки сразу ощутила на своих плечах его вес, а потом Джени неуклюже попыталась поддержать его за плечо. Ки обхватила Вандиена за бёдра и, поднатужившись, взвалила беспомощное тело на плотик, едва не перевернув при этом фонарь и окатив весь плотик водой. С Вандиена текло ручьями. Он попытался дышать: наружу хлынула вода. У него не было сил даже выплюнуть её изо рта. Он слабо закашлялся, давясь. Джени стояла столбом, парализованная страхом. Ки метнула на неё испепеляющий взгляд, но та и не заметила. Она таращилась на Вандиена, словно на рыбу неизвестной породы. Ки дотянулась, взяла его за плечо и перевернула к себе лицом. Она хотела говорить, но никак не могла отдышаться, да и слов не было. Вандиен снова закашлялся, на сей раз было видно, что человек оживает. Одно веко затрепетало и приподнялось. Вандиен смотрел на Ки, и вид у него был очень несчастный.

— Чуть не потонул там... — выговорил он. Ки с трудом расслышала его, но поразила почти спокойному то-

ну. Примерно так же он мог бы пожаловаться на не в меру изрытую дорогу.

— Это я вообще-то заметила, — ответила она тоже как ни в чём не бывало.

Уголки губ Вандиена поползли вверх, и ей показалось, что сейчас на него снова нападёт кашель, но нет — он вздохнул ещё несколько раз, а потом... начал смеяться. Он попытался приподняться, но не смог. И в самом деле закашлялся. Ки обхватила его за плечи и поймала себя на том, что улыбается. Джени недоумённо взирала на них обоих, явно не понимая, до какой степени это смешно — остаться в живых.

Окончательно обессилив от смеха, Вандиен вновь растянулся на плоту, попеременно улыбаясь и кашляя. Ки посмотрела на девушку, по-прежнему стоявшую с постным выражением лица.

— Давайте-ка выбираться отсюда, — предложила она. И налегла на плотик, подталкивая его в сторону портала.

— Мы не можем!.. — голос Джени едва не сорвался на визг.

Ки оглянулась на портал: просвет был ещё вполне достаточным для того, чтобы протолкнуть плотик. Ну, может, Джени придётся пригнуться, да плотик проскребёт по стенкам сходящейся арки. Однако пройдёт.

— Мы ещё дело не кончили!.. — возмущённо выкрикнула Джени. — Нельзя!.. Нельзя уходить! Мы ещё не нашли сундук Заклинательниц...

На Ки её слова не произвели особого впечатления. Она продолжала налегать на плотик, толкая его к portalу. Джени повернулась к Вандиену:

— Если мы уйдём сейчас, возчик, это будет значить, что ты проиграл! Ты не заработал платы, да ещё и упряжку потерял!.. Подумай об этом, Вандиен!.. Ни упряжки, ни денег! И шрам у тебя на роже так и останется навсегда!.. Навсегда!..

— В любом случае остался бы, — Ки говорила негромко, но почему-то её было слышно даже сквозь гул ветра. — Если задание нереальное, так почему бы не предложить невозможное вознаграждение? Чего доброго, в следующий Храмовый Отлив гору из чистого золота пообещаете...

— Очень даже возможно!.. Возможно!.. — Джени вцепилась в Вандиена и принялась трясти его. Он был не в силах сопротивляться и мотался, словно мокрая тряпичная кукла. — Зролан невыполнимого не пообещает! И сундук, он здесь, он точно здесь!.. Мой дедушка его видел! Он его в руках держал!..

— А ну, отвязись от него! — рывкнула Ки. И ударила Джени по рукам наотмашь, отталкивая от Вандиена. — Мало тебе, что ты его едва не до смерти утопила? Ещё хочешь несбыточными обещаниями помучить? Дела не кончили?.. Хрен тебя возьми, да ты мужика чуть не прикончила!..

Даже в неверном свете фонаря было видно, как прихлынула кровь к лицу Джени. Девчонка вытаращила глаза, пальцы скрючились, точно когти. Ки не отшатнулась, только напряглась всем телом, готовясь к схватке, казавшейся неизбежной. Но на неё посыпались не удары — только брань, выкрикиваемая голосом пронзительней ветра:

— Вот видишь, Вандиен? Видишь?! Она не хочет, чтобы ты избавился от рубца! Она думает, пока ты со шрамом, значит, ты — только ее!.. Собственный!.. Решила, небось, — пока есть рубец, можно не опасаться соперниц, потому что ни одна женщина, кроме неё, на тебя не позарится! Вот она сюда и припёрлась — остановить тебя! Чтобы ты так и остался...

Ки ощутила внезапную дурноту. Но в это время Вандиен зашевелился и сел, оказавшись между ними. Мокрые волосы свисали ему на лоб, кожа в свете фонаря казалась болезненно-бледной. Шрам выделялся на лице, как клеймо, губы распухли. Он укоризненно посмотрел на Ки, и был миг ужаса, когда она решила, что он поверил обвинениям Джени.

— Не могу упряжку бросить!.. — прохрипел он. И потрянул головой, так что с мокрых кудрей полетели брызги. — Надо вытащить скилий, Ки! Их там четыре! Мне по гроб жизни не расплатиться...

— Скильи?.. — Ки не сразу поверила своим ушам. — Так ты что, полез с упряжными скилями в солёную воду?..

— А почему бы и нет? — Вандиен оживал на глазах. И всё это время он намеренно держался между Джени и

Ки, видимо, для того, чтобы предотвратить взрыв. — Пресная вода им была определённо по нраву...

Ки захохотала — оглушительно, неудержимо. Потом снова подтолкнула плотик в сторону портала. Вандиен, кашляя, вопросительно смотрел на неё. Джени молчала, мрачно надув губы. Вандиен расплылся в смущённой и озадаченной улыбке и потребовал:

— Давай рассказывай! Что тут такого смешного?..

— Так ведь скильи!.. — Ки снова задохнулась от смеха. — В общем, в пресной воде они попросту отмокают. Пополняют телесную влагу. От этого они делаются бойкими, юркими и очень выносливыми... Но в солёной воде... — Ки беспомощно согнулась, смех душил её. Вандиен нагнулся к ней с плота, так, что их лица оказались на одном уровне. Он очень старался согнать с лица улыбку, но уголки губ непослушно ползли вверх. — В солёной воде, — наконец выдавила из себя Ки, — в солёной воде на них... на них нападает желание! Безумная страсть!.. Они лезут в самое глубокое место, которое могут найти, сплетаются в узел, ну и... И остаются в таком положении несколько часов! А иногда — несколько суток! И ничем их не проймёшь, пока взаимно не оплодотворят друг дружку. Так уж они устроены. А потом они всплывают и во всю прыть плывут в открытое море... — Смех снова прорвался, но она заставила себя кончить: — Не волнуйся ты за них, Вандиен. Мы вернёмся за ними в ближайший отлив, а до тех пор с ними и без нас ничего не случится. То есть они ещё и получают массу ни с чем не сравнимого удовольствия. Упряжным скильям так редко удаётся заняться любовью...

Вандиен слабо улыбнулся и спустил ноги с плота.

— Мне не надо помощи, — запротестовала Ки, но он лишь мотнул головой в сторону портала. Очередная волна оторвала ноги Ки от дна и одновременно лизнула самый верх арки. Когда вода устремилась наружу, течение потянуло плот за собой. Вандиену и Ки пришлось приложить все усилия, чтобы остаться на месте.

— Слезай, Джени! — позвал Вандиен. — Через портал придётся пробираться вброд!

Но Джени не двинулась с места. Она только вскинула голову, глаза её сузились:

— Я останусь здесь. И вы не получите ни моего плота, ни фонаря. У вас, я вижу, кишка тонка идти до конца, ну так у меня — нет! Без сундука Заклинательниц я отсюда — ни шагу...

— Утонешь, — сказал Вандиен.

— Утошу. — Джени выговорила это безо всякого выражения. Ветер на миг притих, и её голос прозвучал очень отчётливо.

— А ну её, пускай остаётся, — сказала Ки. Упрямство Джени представлялось ей капризом избалованного дитяти, и потакать ему Ки не собиралась.

— Подожди, — вмешался Вандиен, но Ки указала ему на портал. Волны уже уверенно омывали макушку входной арки, и лишь когда они отступали, на миг появлялся просвет.

— Прилив никого не будет ждать, Вандиен, — сказала она. — До берега слишком далеко, а вода холодная. Я весьма сомневаюсь, что у тебя хватит сил доплыть. Наша единственная надежда — это выбраться отсюда, пока вода ещё не слишком глубокая.

Вандиен кивнул Ки, но сделал незаметный жест, прося её помолчать, а сам повернулся к Джени.

— Надо возвращаться, Джени, — сказал он ей. — Искать сундук никакой возможности уже нет. Вода поднялась, да и темно слишком. Если ты останешься и погибнешь, твоя легенда умрёт вместе с тобой. Деревня будет по-прежнему считать твою семью семьёй лгунов и пьянчужек, а тебя саму — дурой. Что до твоей младшей сестрёнки, то она, конечно, не пропадёт. Будет выгребать золу у Хелти из камина и как-нибудь перебьётся. Многие дети ещё и в худшей нищете выживают. Зато Храмовые Отливы будут значить для людей всё меньше и меньше. Звание «возчик» действительно превратится в бессмысленный титул. А сам Отлив станет праздником с клоунами, жонглёрами и показательным выступлением Заклинательницы на радость деревни. Что ж, вероятно, это и к лучшему. Возможно, пора уже вымереть никому не нужному обычаю. Деревне пора забыть прошлое и обратиться к насущным нуждам. Твоя смерть может пойти им только на пользу...

Где-то на середине его речи лицо Джени жалобно сморщилось, но Вандиен не разжалобился. Личина женщины на глазах исчезала; детские глаза налились злыми слезами, которые мешались с солёными брызгами, захлёстывавшими лицо. Не произнеся ни звука, Джени свалилась с плотика в воду и схватилась вместе с ними за край. Ки набрала воздуха в грудь, намереваясь сделать ядовитое замечание, но взгляд Вандиена остановил её.

— Пошли, — сказал он, и его низкий голос уверенно перекрыл тонкий свист ветра. Они разом упёрлись, преодолевая нахлынувшую волну. А потом, когда волна отступила, налегли. Лёгкий плотик заплясал на воде, как пробка. Ноги всех троих оторвались от храмового пола. Плотик сам нашёл портал и... застрял в нём. Вершина арки была для него слишком узка.

— Надо нагрузить его! — завопил Вандиен, решив подтопить плотик и протолкнуть его где-нибудь пониже. Слишком поздно! Налетела новая волна, подхватила плавучее сооружение, вытолкнула его из портала и отнесла прочь. Их завертело, ноги уже не доставали до дна. Ветер надрылся злым хохотом.

— Поздно, — голос Джени звучал безнадёжно и тихо. Портала больше не было видно. Вода совсем залила его. Волны вздымались и опадали, плеща на стены храма, но входное отверстие скрылось. А тут ещё и фонарь, словно в память об угасших надеждах, вспыхнул в последний раз — и тоже потух.

Ки вновь почувствовала дурноту.

— Не доплывём. Слишком холодно, — прошептала она. Спутники не слышали её, но слышать было ни к чему: они и сами всё поняли.

Вандиен кое-как взобрался обратно на плотик. Ки не могла осуждать его за это. Это ведь не она торчала тут одна луна знает сколько времени, и не её вытащили из воды полузадохшуюся. Она чувствовала только, что теряет силы. Что до Вандиена, то он, верно, и вовсе был на пределе.

Чёрное небо, усеянное блёстками звёзд, казалось, насмехалось над ними. Внутри храма смутно белели буруны, но, кроме них, ничего не было видно. Ки цеплялась за

мокрые, скользкие брёвна плота. Она скорее чувствовала, чем видела рядом с собой Джени. Ни та, ни другая не пыталась грести ногами. Лучше побережь силы, пока не найдётся с чем бороться.

— Что ты там делаешь? — спросила Ки Вандиена, возившегося на плоту. Он не успел ответить: по брёвнам прошла дрожь, и плотик неожиданно развалился.

— Хватайте бревно! — выкрикнул Вандиен, и Ки с головой провалилась в воду. Она скоро всплыла, отплёвываясь впотьмах. Ей повезло: в плечо толкнулось бревно, и Ки, побуждаемая страхом, ухватила за него мёртвой хваткой.

— Вандиен!.. Джени!.. — завопила она. Мрак физически наваливался на неё, топил.

— Я здесь! — прозвучал голос с другого конца бревна. Бревно дёрнулось: рядом с Ки возникла Джени. Брошенная верёвка шлёпнула Ки по лицу. Каким-то образом ей удалось схватить её, не дав исчезнуть в воде.

— Одно бревно мы уж как-нибудь утопим и пропихнём в портал! — крикнул Вандиен. — Если будем держаться вместе, до берега дотянем!..

— Если ещё портал сумеем найти! — прокричала Джени в ответ. Ки промолчала, полностью с ней соглашаясь. Её то и дело окунало с головой, бревно вертелось, — она успела потерять всякое понятие о направлении. Она не смогла бы даже с уверенностью указать, в которой стене была злополучная дверь.

— Просто следуйте за мной! — велел Вандиен. Больше он ничего не сказал, зато начал толкать бревно. Ки заработала ногами, стараясь помочь. Джени какое-то время просто держалась за бревно, потом Ки почувствовала, что и она впряглась в работу.

Вода кругом них бурлила и клокотала. Ки вообще перестала видеть, куда они движутся. Ветер отталкивал их назад, завывая и хохоча. Вычленив в песне ветра голос Заклинательницы Ки уже не могла. То и другое было одинаково полно холодной насмешки. И мощи.

Бревно стукнулось в стену.

— Дверь тут, у меня под ногой! — крикнул Вандиен. Ки чувствовала, что он что-то делает, но что именно, не понимала. — Я привязал верёвку к бревну, — снова зак-

ричал он. — Я нырну вниз через портал и проташу с собой конец. Когда бревно пройдёт наружу, ныряйте следом! Только не выпускайте верёвку...

Ки кивнула, потом только поняв, что никто всё равно не увидит.

— Осторожнее! — предостерегла она.

— Он уже нырнул, — сказала ей Джени.

Две женщины держались за бревно, плясавшее на волнах. Ки вся обратилась в осязание, силясь распознать рывок, который скажет ей, что у Вандиена получилось. Мгновения растягивались в бесконечность, но ничего не происходило.

— Наверное, он уже снаружи! — позвала она Джени. И почти тут же ощутила рывок, который невозможно было спутать с движениями волн. Так дёргает рыба, попавшая на крючок. Конец бревна погрузился в воду. Джени и Ки вдвоём навалились на бревно, проталкивая его в глубину, и наконец оно вырвалось у них из рук и ускользнуло в портал.

...Вандиен сражался с ознобом, сотрясавшим его тело. Плыть, лихорадочно дрожа, не представлялось возможным. Ещё он всячески напрягал волю, стараясь отделаться от боли, которая расплзалась от шрама по всему лицу, стягивая нос и вжигаясь между глазами. Упёршись ногами в стену храма с наружной её стороны, он тянул на себя верёвку. Бревно сперва ходило, как рыба на леске, потом заскребло об арку. Вандиен в очередной раз окунулся с головой, когда бревно проскочило наружу и всплыло, едва не наподдав его снизу. Вандиен подплыл к бревну, схватился за него и стал ждать, пока выплывут женщины.

Вскоре из воды вынырнула Джени, за ней Ки. Все трое, отдуваясь, повисли на бревне. Здесь, вне храмовых стен, уже ничто не прикрывало от небывалой ярости ветра, Спасибо и на том, что волны им теперь помогали. Прибой мчался по отмелям, заливая сушу, а заодно гнал к берегу и бревно, и пловцов. Вандиен высунул голову из воды и заставил себя хоть как-то работать ногами. Ни у кого уже не было сил говорить, но он почувствовал, что его спутницы принялись ему помогать. Далеко, далеко впереди сияли, точно жёлтые созвездия, деревенские огоньки. Думал

ли там хоть кто-нибудь о них с Джени, затеявших неравную схватку с ветром и волнами?.. Чего желали им рыбаки? Чтобы оба потонули, в особенности несносная возмутительница спокойствия? Надеялся ли хоть кто-нибудь, кроме Зролан, что они вернутся с сундуком?.. Пожалуй, лучше бы и не надеялись. Меньше разочарования будет...

Ки издала придушенный вскрик, и почти сразу Вандиен и сам почувствовал ногами дно. Ещё несколько гребков, и стало можно идти вброд.

Одна Джени не выказывала никакой радости по этому поводу. Вандиен попробовал подбодрить её:

— Сестрёнка твоя, верно, обрадуется...

Девушка ответила безжизненным голосом:

— Хелти её давным-давно спать отослал.

Наконец все трое, пошатываясь, выбрались на сушу. Вандиен осел наземь: чтобы идти дальше, ему требовалась хоть какая-то передышка. А ветер продолжал выть с неослабной, мстительной яростью: никак не мог простить им, что остались в живых. Он пронизывал вымокшую одежду, и лютый холод добирался до костей. Вандиен еле поднялся: набрякшая шерстяная одежда сделалась неподъёмно тяжёлой. Ки немедленно оказалась рядом и подперла его, перекинув его руку через своё плечо. У него вырвался смешок: ну до чего приятно было вновь ощущать совсем рядом её живое, крепкое тело. Итак, они с ней снова прорвались. Выжили. Выдюжили. И сделали это вместе. Свободной рукой Вандиен хотел обнять ещё и Джени, но та отпихнула его прочь. Тёмный кокон снова сомкнулся вокруг неё. Она всем своим видом показывала, что ей от них ничего не надо. Даже простого человеческого тепла. Джени кое-как поднялась на ноги и, прихрамывая, поплелась прочь. Ки с Вандиеном провожали её глазами, пока она не скрылась за дверью неосвещённого домика, едва ли не самого маленького в деревне. Деревянная дверь гулко хлопнула, закрываясь за ней.

— Вандиен... — негромко начала Ки.

— В один вечер всего всё равно не объяснишь, — отозвался он, и Ки не стала продолжать.

В деревне, среди домов, сумасшедший ветер чувствовался меньше. Но оставалась плотная, вещественно тяжё-

лая тьма и жгучий холод, вытягивавший из тел остатки тепла. Что же касалось Вандиена, то его донимал ещё и душевный холод, разраставшийся глубоко внутри. Джени с ними больше не было; они с Ки остались вдвоём. Так же, как и много раз прежде. Так — и не так. Потому что некуда было деваться от жестоких слов, которые Джени бросила им обоим в лицо там, в разрушенном храме. Ки теперь знала, почему он вот так очертя голову ввязался в совершенно сумасбродное предприятие. Вандиен сам ещё не успел решить для себя, правильно ли он поступил. Зато мог не сходя с места придумать не менее дюжины разных отповедей, которые могла бы дать ему Ки. Все они были бы вполне справедливы. И все — исключительно неместны.

— Как твоё лицо?.. — вдруг спросила она. Тихий вопрос прозвучал вдвойне неожиданно.

— Безобразно, — ответил Вандиен, умудрившись объять единственным словом всё то, о чём он ей никогда раньше не говорил. Они заковыляли вперёд к гостинице и остаток пути шли молча, но рука Ки обхватила Вандиена за пояс и крепко обняла его поперёк тела.

Ки с трудом, одолевая напор ветра, отворила дверь гостиницы. Они вошли, и ветер с грохотом затворил дверь. Их встретило благословенное тепло — и тишина. Рыбаки, в большинстве своём напившиеся уже в стельку, были не в состоянии подняться со скамеек и табуретов. На столах перед ними стояли наполовину опорожненные кружки. На подносах и блюдах неопрятными кучами громоздились объедки, корки, огрызки. Хелти грел широкую спину у очага.

— З-значит, ж-живые выб-б-рались... — дружелюбно приветствовал он их заплетающимся языком.

— Ага. И Джени тоже, — сказал Вандиен, обращаясь больше не к нему, а к Колли, ещё державшему давно умолкшую арфу. Ему показалось, молодой рыбак чуть заметно кивнул в ответ. Возможно, правда, что он просто осоловел, как и остальные, и пытался бороться с дремотой.

— Д-Джени... она да, она такая... Её ни штормом, ни Заклинательницей не проймёшь, на неё надо что покруче. Во ж-женщина была бы, если бы ещё в-вела себя, а не только языком...

Вандиен прикусил губы, с трудом воздержавшись от ответа. Всё равно ни к чему. Гул полусонных хмельных разговоров тем временем мало-помалу возобновился. Большинство рыбаков успело слишком напиться, чтобы возвращение Вандиена могло их заинтересовать. Только Берни сразу провозгласила тост:

— За нашего возчика! И за его подружку!..

— Расскажи нам, как всё было!.. — потребовал кто-то, сидевший за дальним столиком. Молодой рыбак, устроившийся у огня, поддержал говорившего. Рыбаки немедленно освободили скамью. Вандиен благодарно опустил на неё и, поймав запястье Ки, усадил молодую женщину рядом с собой. Она чувствовала себя не в своей тарелке, и он прекрасно это понимал. Дай ей волю, она без промедления скрылась бы либо в своём фургоне, либо в его комнате наверху. Гостиницы, толпы незнакомых людей — всё это было не для неё. И уж сегодня — в особенности.

Когда они уселись, с их мокрой одежды по скамье и по полу разбежались ручейки. Рыбаки не обращали на это никакого внимания. Ки, дрожа, придвинулась поближе к Вандиену, ища не только тепла, но и его близости. Он же откинул со лба волосы и вынудил себя улыбнуться. От улыбки по лицу прошла волна боли, но Вандиен решил не поддаваться и улыбаться не перестал. Хелти поставил перед ними две кружки горячего напитка.

— Вы оказали мне славное гостеприимство и порадовали своими песнями, — проговорил Вандиен. — Я не смог принести вам сундук Заклинательниц. Значит, самое меньшее, что я могу для вас сделать, — это поведать о своём поражении. Верно, Ки? — и он толкнул подругу под локоть.

— Верно! — отозвалась она и улыбнулась ему весьма многообещающе. Вандиен понял, что историю своего поражения ему лучше особо не затягивать. У Ки явно было что сказать ему наедине. И чем дольше она будет оттачивать заготовленные слова, тем язвительней они в итоге окажутся. Ки потянулась к своей кружке и сделала жадный глоток, а Вандиен пошарил пальцами у шеи. Привычка взяла своё: он взял в руки говорящий шнурок, который носил вокруг шеи, и растянул его на пальцах. Слушатели

наверняка не поймут символов, которые сейчас начнёт выплетать в его руках послушный шнурок, но это не имело никакого значения. Рассказывать, не пользуясь шнурком, Вандиен просто не мог. Точно так же, как Ки, бросив взгляд на какую-нибудь лошадь, не могла не прикинуть в уме её стоимость... Вандиен посмотрел на свои руки, успевшие помимо его воли создать какой-то узор, и нахмурился. Символы, возникшие между его пальцев, означали «шрам», «увечье», «уродство» и «поражение». Быстрое движение — и шнурок снова стал гладкой петлёй. Вандиен взял горячую кружку и отпил. В носу защипало, тепло прокатилось вниз, достигнув живота.

— Давай, возчик, не томи! — выкрикнул кто-то, и Вандиен обвёл глазами комнату, лучезарно улыбаясь всем сразу. Значит, они думали, будто он молчал только затем, чтобы распалить их любопытство. Пусть их.

— С чего же мне начать? — задал он ритуальный вопрос. И покосился на Ки: та протягивала кому-то свою кружку, прося добавки. — Разрешите, друзья, спросить вас вот о чём. Известно ли вам, любезные слушатели, сколь любвеобилен некий зверь, называемый «скилья»? А знаете ли вы о тайной лестнице, уводящей в подвалы храма Заклинательниц Ветров? А замечали ли вы, как смотрит на вас каменная Заклинательница, преклонившая колена над опрокинутым алтарём? Видели ли вы слезу, дрожащую в уголке её глаза? И как её руки словно бы взлетают и опускаются с каждым прикосновением волн, целующих камень?..

Слушатели были завоёваны. Всего несколько умелых вопросов — и Вандиен завладел их вниманием безраздельно. Они слушали его разинув рты, так, словно храм, о котором он им повествовал, находился не у самого их порога, а в неведомой стране на другом конце света. Ки тоже слушала его и следила за его летучими пальцами, ткавшими для них волшебную сказку, полную душераздирающих несчастий и таинственных предзнаменований и тут и там приправленную шуточками, неизменно вызывавшими лавины смеха. Вандиен отвёл себе роль непроходимого дурня, тупицы-возчика, который в полном смысле слова влез в воду, не зная броду. Джени превра-

тилась в отважную деревенскую красавицу, подоспевшую спасти возчика в самый последний момент. Ки молча следила за тем, как он пересказывал все события этой ночи, вроде бы не особенно отклоняясь от истины, но поворачивая каждое происшествие так, чтобы наилучшим образом пощекотать их самолюбие. Ах, как он расписывал этих неустрашимых богатырей, без тени страха бороздивших обманчивое и грозное море, едва не погубившее его самого, недотёпу. Ки и та поймала себя на том, что вовсю улыбается, слушая, как ценнейшая упряжка возчика едва не уволокла его напрямик на тот свет. Не говоря уж о том, что вся заслуга по спасению его жизни была приписана одной только Джени. Ки было нисколько не жалко. Она понимала, что пытался совершить Вандиен, и чувствовала, что он опять замахнулся на невозможное. Какие бы кружева он тут им ни плёл, в глазах деревни Джени отважной красавицей так и не станет. Может, он и заставит их временно смягчиться к девчонке. Но совсем переменить своё мнение — навряд ли.

— ...И вот я тут перед вами, мокрый, как мышь, но зато живёхонький! — подвёл итог Вандиен. — Мешок золота я, может, и не завоевал, зато какой опыт приобрёл! И если теперь кто-нибудь скажет мне, будто у рыбаков жизнь лёгкая, весёлая и разудалая, я плюну ему в глаз и спрошу, ходил ли он сам когда-нибудь в море. Право же, я сегодня узнал столько, что это кучи золота стоит!

И Вандиен, широко ухмыляясь, свернул в кольцо свой шнурок. Потом вновь надел его на шею и опустошил изрядно остывшую кружку.

— Выпей ещё с нами! — пригласила Берни, но Вандиен отказался:

— Нам пора на боковую... — и тяжело поднялся из-за стола.

— Ты иди, а женщина пускай останется! — раздался пьяный голос из-за дальнего столика. — Нечего заставлять её ложиться с тобой, возчик, пока свет не погашен и твоя рожа видна!

Это вызвало всеобщий хохот. Зелёные глаза Ки сузились, не предвещая горлопану ничего хорошего. Она уже открыла было рот, но Вандиен вовремя сжал её руку,

призывая к молчанию. И с многозначительной улыбкой отослал насмешку обратно:

— К Ки это не относится. Она женщина мудрая и знает: красит человека не лицо, а поступки.

А Ки добавила:

— Спорю на что угодно, что и ваши рыбачки не глупее меня. То-то я смотрю, мужик, ты один пьёшь!

Все снова захохотали, на сей раз — указывая пальцами на того малого за дальним столиком. Ки с Вандиеном, провожаемые всеобщим весельем, добрались до подножия лестницы, и та показалась им обоим неправдоподобно высокой. Они бесконечно долго поднимались по ней, и Вандиен держался на ногах несколько не лучше любого из пьяниц, оставшихся внизу. Ки подхватила его под локоть и почувствовала, что он дрожит от холода и изнеможения. Он высвободил руку, не позволяя ей себя поддержать. Достигнув последней ступеньки, Вандиен повернул голову и попытался улыбнуться ей. Улыбка сморщила шрам, но не затронула глаз.

Так они и стояли в потёмках наверху лестницы, словно два чужака. С тех пор как Дреш насмешливо бросил ей в лицо правду и она поняла, каким образом Вандиена сюда заманили, Ки успела приготовить для него целую речь. Однако все слова куда-то подевались у неё с языка. Она подумала о тех днях, что они провели вместе, о тех милах, что они сообща преодолели. Сколько раз за это время Вандиен угадывал её мысли ещё прежде, чем она успевала облечь их в слова! Путешествуя вдвоём, они подолгу молчали, и ей это нравилось. Но вот почему она думала, что и Вандиена это устраивало?.. О чём он думал теми долгими вечерами, когда тишину нарушало только клацанье копыт по дороге, а Ки молча следила за тем, как силуэты елей становятся из зелёных пурпурными на фоне темнеющего неба?.. Когда они бок о бок раскачивались на дощатом сиденье, дружески толкаясь плечами в такт неспешному шагу серых тяжеловозов, — как знать, не размышлял ли он в это время о своём изуродованном лице, не спрашивал ли себя, стоило ли платить такой дорогой ценой?.. Ки вдруг вспомнилась морозная зимняя ночь. Она тогда проснулась во тьме кабинки, выброшенная в реаль-

ность сновидением, финал которого она не в силах была бы вынести. Когда она раскрыла глаза, лунный свет влиялся в крохотное оконце, касаясь убранства кабинки, но не давая рассмотреть что-либо подробно. Вандиен лежал рядом с ней, обратившись лицом вверх. Луна серебрила его кожу, придавая ему сходство с очень, очень старым изваянием из желтеющей слоновой кости. Ки долго разглядывала его профиль и находила его благородным и гордым — решительная челюсть, тонкий прямой нос, — и лишь в глазных впадинах лежала непроглядная тьма. И тогда ей показалось, что некая злая сила вправду подсушила ей в постель безглазое холодное изваяние. Подсунула только затем, чтобы ещё больше напомнить ей о её одиночестве. Ки было зябко одной, но она не могла заставить себя отодвинуться к нему и погреться. Потому что, если бы вдруг он в самом деле оказался ледяным изваянием, перенесённым сюда чудовищной магической силой...

Вот и теперь Ки пробирала та же самая дрожь, дрожь, вызванная не только холодом. Детский страх охватил её, — а что, если всё знакомое и родное внезапно окажется совсем не таким, каким представлялось?..

В тот раз он неожиданно пошевелился, повернулся к ней, протянул руки, обнял... и она вдохнула его живое тепло, его знакомый запах, и мир снова стал настоящим. Она так и не спросила себя, почему он проснулся как раз тогда, когда это было необходимо. Она задумалась об этом только теперь. А что, если он и не спал вовсе, а думал какие-нибудь мрачные думы, неподвижно уставившись в потолок?..

Вандиен отодвинулся от Ки и один пошёл прочь, и её плечи обречённо поникли. Вот так. Тёмный коридор медленно поглощал его, забирая его у неё, уводя из её жизни. Ки почувствовала, как обожгли глаза слёзы. Впервые за долгое, долгое время. Она заставила себя выпрямиться и вздохнуть глубже. Я просто устала, твёрдо сказала она себе. Вот и шарахаюсь от всего, словно годовалый неезженный жеребёнок. Вандиен пинком ноги отворил какую-то дверь. Оттуда хлынул жёлтый свет масляной лампы, образовав прямоугольник на полу и на противоположной стене. Ки поспешила следом за Вандиеном, но он остался стоять на пороге, не проходя в комнату.

— Я подвёл тебя, Зролан.

Он говорил медленно, его низкий голос звучал, словно у пьяного. Ки подошла и заглянула в комнату через его плечо.

Там на кровати сидела какая-то женщина, и одеяла и подушки ещё хранили отпечаток её тела. Ки снова испытала целый вихрь чувств — гнев, удивление, ревность, — но всё улеглось само собой, стоило ей осознать возраст женщины. Да, волосы у той были черней чёрного и, гладко зачёсанные со лба, пышными волнами падали на спину, а зрачки были полны огня, но морщины у губ и в уголках глаз говорили сами за себя. Перед Ки была лишь тень былой красоты: свежесть юности покинула это лицо уже очень, очень давно.

Ки покосилась на Вандиена. Тот так и стоял на пороге, недоумённо морща лоб и словно бы не очень веря в увиденное. Женщина опустила глаза первой.

— Значит, разглядел наконец, — проговорила она. — Да, теперь я — просто старуха. Знал бы ты, до чего тяжело даётся мне это очарование, и с каждым годом становится всё тяжелее... особенно когда приходится отводить глаза такому, как ты. Да, ты был настоящим искушением для меня, Вандиен. Ты любишь, ненавидишь и надеешься так самозабвенно, с таким жаром... Думаешь, я не видела, как ты пылал, стремясь помочь мне добиться моей цели! Ты был ястребом у меня на руке: прикажи я тебе достать для меня солнце с небес, и ты пустился бы в полёт. Ты должна бы поблагодарить меня, женщина, — обратилась она уже к Ки. — Ты знаешь, я ведь могла бы заполучить этого молодца всего целиком. И душу, и тело. Я могла бы присвоить весь его жар, всю его страсть. Но я этого не сделала. Я ещё не до конца честь потеряла. Ты действительно подвёл меня, и я не вижу смысла обманывать тебя дальше. С Джени всё в порядке?

— Джени жива, если ты это имеешь в виду. А вот насчёт «в порядке» — не знаю. Да и будет ли она вообще когда-нибудь в порядке... Сегодня она потратила всё своё мужество. Осталась ли хоть капля, чтобы противостоять деревне? Или ей одного озлобления для этого хватит?..

— Ну что ж. Чего, чего, а этого у неё в достатке и даже с избытком. Как, впрочем, и у тебя, возчик. Не надо думать обо мне слишком скверно, я этого не заслужила. Я просто очень стара, очень разочарована и очень утомлена. А ты... что ж, ты попытался. Вот уже много, много лет даже и этого не бывало...

— Может, и пытался, но всё понапрасну. Итак, ты остаёшься при золоте, а я — при своём шраме.

— Вот именно. Но, когда ты уедешь отсюда, да пребудет с тобой моё благословение... Поверь, возчик, это не пустые слова.

— Не сомневаюсь, что ради твоего благословения стоило терять упряжку в четыре скильи и тонуть самому...

— Другим случалось продешевить ещё хуже. Только не думай, Вандиен, что всё делалось развлечения ради. И не воображай, что нынешним вечером ты больше всех потерял. Да ты и вообразить себе не можешь, ЧЕГО ЛИШИЛАСЬ Я! А ведь я верила, что у тебя получится, Вандиен. Я глубоко заглядывала в твою душу. Ты из тех мужчин, которые следуют своим чувствам и, повинаясь велению сердца, совершают невозможное. Потому-то я тебя и наняла. Когда же я приоткрыла дверь в клетку, где, подобно птицам, обитали мои сокровеннейшие мечты... и вот они лежат кверху лапками, точно дохлые куры!.. Я слишком стара, чтобы попытаться ещё раз. Мне теперь остаётся только сожалеть. О том, что я не встретила тебя много лет назад. О том, что ОНИ всё же не доверили петъ юной Киллиан, а прислали вместо неё ту Мастерницу Ветров. О том, что мне не придётся попытаться ещё раз...

Зролан медленно поднялась — старая, усталая женщина. Она и дышала совсем по-старчески, тяжело, с хрипом. Вандиен отступил от двери, пропуская её. Ки, однако, не двинулась с места. Мастерница Ветров!.. Губы молодой женщины беззвучно двигались. Она почти наверняка знала имя, но вслух произнести не могла. Рибекке! Кто ещё, кроме Рибекке? Слишком было похоже, что это она, Ки, взбудоражила и обозлила Заклинательниц. Чем в итоге и привела Вандиена к поражению. Привлекла слишком пристальное внимание и к себе, и к своему другу...

— Сколько?.. — вдруг спросила она. И Зролан, и Вандиен, казалось, успели про неё позабыть и едва ли не вздрогнули. Ки так и стояла в дверях, откинув на спину не успевший высохнуть капюшон. Русые волосы, потемневшие от воды, обрамляли узкое лицо. — Сколько?.. — ещё настойчивее, почти зло повторила она.

— Что — сколько? — озадаченно спросила Зролан. Она хотела выйти из комнаты, но Ки не собиралась её выпускать.

— Сколько стоит убрать шрам... если ты в состоянии это сделать.

— Этого не купишь за деньги...

— Проклятие! Это не ответ! Просто ты не смогла бы этого сделать, хотя бы он весь храм тебе сюда приволок! Сознайся, не смогла бы!

Зролан молча смотрела на Ки. Тёмные глаза взвешивали её душу. А за ними угадывалась холодная сила, но Ки была слишком разъярена, чтобы думать ещё и об осторожности.

— Она права, Вандиен, — проговорила наконец Зролан. — Убрать твой шрам — не в моих силах. Но есть некто, кого, завладей я сундуком, можно было бы убедить сделать это за один только взгляд под его крышку. Таким образом, я исполнила бы свою часть сделки, если бы ты справился со своей. Но ты ведь не справился.

— Сошёлся тебе свет клином на этой единственной сделке! — Ки не кричала, но негромкий, охрипший голос действовал не хуже крика. — Кто такой этот «некто», способный вывести у человека с лица шрам?

И снова взгляд Зролан проник в самую душу Ки, и морщинистые губы тронуло насмешливое подобие улыбки.

— Неужто ты сама не догадываешься, Ки?

И Ки не нашла слов для ответа. Испытующий взгляд Зролан вгонял её в стыд, она никак не могла сообразить, что та о ней знала. Или думала, что знала. Во всяком случае, тон её говорил о чём-то настолько отвратительном и постыдном, что Ки просто не находила в своей прошлой жизни соответствующих поступков. Так или иначе, она поймала себя на том, что отодвигается в сторонку, давая Зролан пройти. Следом за старухой, казалось, уви-

вался ледяной ветерок: от его дуновения Ки затрясло так, что застучали зубы. Ки упрямо сжала их и выглянула в коридор, но Зролан уже скрылась из виду. Ки повернулась к Вандиену.

Вандиен стоял посередине комнаты, проворно стаскивая одежду и сбрасывая её в пустую лохань для мытья. Ки вошла и притворила за собой дверь. Босые ноги Вандиена от долгого пребывания в воде разбухли, кожа покраснела и сморщилась. Когда он стягивал через голову рубашку, Ки заметила на его шее маленькую наколку — знак Ястреба. Мокрая рубаха шлёпнулась в лохань, на кучу одежды. Вандиен выпрямился и потёр ладонью лицо. Потом приложил обе руки к щекам и сильно сжал. Шрам закрылся и перестал вытягивать уголок глаза. Вандиен отнял ладони, и уродство вернулось. Тут Вандиен заметил пристальный взгляд Ки и искренне удивился ему.

— Навёрное, всё время болит? — осторожно спросила она.

Вандиен решительно мотнул головой:

— Да нет. Только когда холодно. Всё остальное время просто как будто что-то чужое... место, которым я ничего не чувствую. Слушай, Ки, да не так уж он меня на самом деле и беспокоит! Просто подвернулась возможность избавиться от него, да ещё мошну золотом набить, так почему бы, думаю, не попробовать? Кто угодно на моём месте...

— Даже я, если бы ты удосужился сообщить мне, о чём шла речь.

Вандиену явно было неловко. Он отвернулся, подошёл к кровати и полез под одеяло.

— Вандиен... — Ки мучительно подбирала слова. — Я, дура, никогда не задумывалась, как тебя, должно быть, тяготит твой рубец. Но теперь, когда я всё знаю... — Ки отчаялась что-то объяснить и перешла прямо к делу: — Вот что, давай утром пойдём к Зролан. Вытрясем из неё, кто может это сделать, и...

— Ага, вроде как котелок к меднику отнести. «Вот что, приятель, ты нам залатай вот тут и вот тут, получишь монетку». Так, что ли? Слушай, Ки, это всё-таки МОЯ рожа. И я совсем не хочу, чтобы ты расплачивалась за починку! И вообще, неужели охота всё это ворошить и

обсуждать именно сейчас? Я, в конце концов, замёрз и устал...

— Я тоже. — Ки опустилась на табурет и принялась стаскивать с ног сапоги. Какое-то время она молчала. Но вот сапоги упали на пол, и она, поднявшись, взялась за куртку и рубашку. Её голос глухо прозвучал сквозь мокрую ткань: — Между прочим, рубец тебе устроила я. Так почему бы мне не помочь его убрать?

— Неужели пакостная отметина непременно должна быть преградой между мной и любым человеком в моей жизни? — по-детски возмутился Вандиен. — Честное слово, Ки, я бы предпочёл, чтобы ты его по-прежнему не замечала. И, если хочешь знать, вовсе не ты его мне устроила. Меня им наградила гарпия. А тебя вовсе и не спрашивали. Ты меня даже на помощь не позвала. Ты на тот момент вообще не в большом восторге была от моего общества.

— Некогда ты предложил мне сделку, — припомнила Ки. Она уже распустила косу и теперь расчёсывала волосы пальцами. — Ты что-то там говорил насчёт того, что между нами не должно быть никаких долгов и никаких жертв. Только то, что можно предложить от чистого сердца и со спокойной душой. Вот я тебе и предлагаю. От чистого сердца. Спрашивается, что за беда, если мы уделим этому несколько дней и хоть посмотрим, можно ли что-нибудь сделать?

— Беда уже происходит, причём прямо сейчас.

— Беда. — Ки сдавленно засмеялась. — Вот что у меня, кажется, получается лучше всего. Потому что ты вполне мог бы справиться с задачей, если бы не прибыла Мастерница Ветров. Помнишь, что Зролан сказала?

— Честно говоря, я не больно въехал, что она имела в виду... — И Вандиен поглубже зарылся в перину.

— А я, боюсь, въехала. Ты ведь ещё не спрашивал, какое такое дело помешало мне вовремя прибыть в Обманную Гавань.

— Тебе нет нужды ни в чём извиняться...

— А я обыкновенно и не извиняюсь, — сказала Ки без улыбки. — Но в данном случае я сильно подозреваю, что появлением Мастерницы мы обязаны именно мне. Помнишь,

тогда в Дайяле я ещё предостерегала тебя, — не навлекай, мол, их гнев? Ну так вот я сама и навлекла. И не просто навлекла. Я жизнью обязана одной из них. Её зовут Рибекке, и она Мастерница Ветров. Она спасла меня от смерти, но я весьма сомневаюсь, что она склонна относиться ко мне с теплотой. Ко мне — или к моему другу...

Вандиен приподнялся на локте и необыкновенно внимательно на неё посмотрел. Потом постарался свести всё к шутке:

— Похоже, твою историю очень даже стоит послушать, но такое лучше рассказывать под звёздами у костра. Так что давай лучше отложим. И потом, Ки, сделанного уже не переделаешь. Даже не будь там вообще никакой Заклинательницы, я отнюдь не уверен, что разыскал бы сундук. Там было до того темно, да и вода стояла высоковатой... И к тому же, — тут он вымучил улыбку, — не смей отнимать единственную кость, которую Зролан бросила моему самолюбию. Я желаю думать, будто Киллиан поняла, что ей со мной не потягаться, и послала за подкреплением!

И он откинулся на спину, уставившись в потолок. Ки нагнулась и задула светильник, а потом нашарила в холодной темноте постель и забралась в неё. Некоторое время она лежала подле Вандиена, не касаясь. Ставни были закрыты, так что тьма в комнате царила кромешная. Ки нерешительно протянула руку и опустила ладонь ему на грудь. Холод морской воды ещё не покинул окончательно его тела. Вандиен ничего не сказал, и Ки отважилась придвинуться поближе и прижаться к нему. Очень осторожно она устроила голову у него на плече, так, что колючая щетина на его подбородке зацекотала её лоб.

— Уж не поверил ли ты Джени... — начала она шёпотом, но продолжать было превыше её сил.

Вандиен поднял руку и взлохматил её волосы. А потом легонько прижал её голову к своей груди, так что, когда он заговорил, его голос гулко отдался у неё в ухе. Голос звучал устало, но дышал почти прежним юмором:

— Это ты про то, что она наговорила там в храме? Будто ты хочешь, чтобы я остался при своем шраме? Ох, ну так я и знал, что ты сама себя теперь загрызёшь. Ляпнула, понимаешь, а человек думай...

Ки ждала продолжения, но его не последовало. Вандиен просто наклонил голову, и она ощутила прикосновение его усов: он поцеловал её в лоб. Потом глубоко вздохнул — и сонно обмяк.

— Я, кажется, спросила, уж не поверил ли ты ей! — раздосадованно повторила Ки. И, дабы побудить его ко вниманию, слегка ткнула локтем под рёбра. Несносный тип дёрнулся и мерзко хихикнул. Ки поняла, что он подначивал её, вынуждая повторить вопрос, и почувствовала, как начинает отпускать её то нехорошее напряжение, в котором она пребывала весь день. Если Вандиен сохранял способность поддразнивать и смеяться, значит, есть надежда, что их отношения переживут и нынешнее испытание.

— Значит, достало-таки тебя? — спросил Вандиен. — По-моему, дело тут вот в чём. У каждого человека есть дурные стороны, которые он обычно старается скрыть. Вот и Джени, может быть, кажется себе не такой себялюбивой и злой, стоит ей вообразить, что и ты в глубине души ничуть не лучше её... Ты обратила внимание на Колли, немного арфиста?

Ки согласно кивнула головой, покоившейся у него на груди. Их тела начинали понемногу отогреваться, наполняя теплом постель. Ки очень нравилось прижиматься ухом к его груди, когда он говорил.

— Он и нравится Джени в основном потому, что он немой, — сказал Вандиен. — Если бы у него была не только арфа, но ещё и голос, он бы, вполне возможно, дразнил её, как и все остальные. Тогда и ей пришлось бы платить ему той же монетой. И, уж конечно, ни во что не ставить его как мужчину. Но, поскольку он нем, она в глубине души жалеет его и тянется к нему. И к тому же пребывает в счастливой уверенности, что другим женщинам он не кажется слишком уж привлекательным. Не думаю, правда, что она когда-либо заговаривала о своих чувствах... вполне возможно, что она и сама себе полного отчёта не отдаёт. Но какая-то часть её существа знает всё. И чувство вины не так донимает её, стоит только подумать, что и ты испытываешь ко мне в чём-то схожие чувства...

— Вот, значит, как! — Ки перекатилась на живот и устроилась таким образом, чтобы, приподнявшись на локтях,

смотреть Вандиену в лицо. Видно впотьмах было немного, но Ки не нуждалась в свете. Её пальцы невесомо пробежали по его лицу, и прикосновение разгладило морщины на его лбу. Ки осторожно отвела влажные кудри и бережно проследила пальцем жёсткую полосу шрама, отметив попутно, что его глаза были закрыты. Она погладила его лицо и спросила: — Меньше болит, когда я вот так глажу?

Вандиен вздохнул и ласково отвёл её руки.

— Телесно — меньше, — сказал он ей. — Но каждый раз, когда ты притрагиваешься, я заново вспоминаю, что он есть. Слушай, Ки... Мы с тобой не привыкли что-то друг у друга просить, но теперь я прошу. Пусть он пропадёт для нас пропадом, а? Давай не будем говорить о нём, трогать его и вообще замечать. Хорошо? Хватит с меня этих нескольких дней и тех глупостей, которых я успел натворить. Не заработал ни гроша, да ещё и упряжку там в храме утопил... Помоги мне, пожалуйста, вытащить скилий и вернуть их хозяину. А потом подыщем какой-нибудь груз для твоего фургона, заработка ради, и сгоним с меня семь потов. А что до ОСТАЛЬНЫХ моих глупостей... давай их просто забудем. Я тебя очень прошу. Ты — единственный человек, для которого мой шрам не имеет никакого значения. Так вот, именно тебя я прошу смотреть на него — и не видеть.

Он напрягся всем телом, и Ки это чувствовала. Как ни близко она к нему прижималась, она не могла его отогреть. Она передвинулась и крепко обняла его. И спросила себя, ощутил ли он вообще её ласку. Она прошептала в ответ:

— Мы с тобой можем попросить друг друга о чём угодно, и так оно и будет. Спи, Ван. Завтра нам с тобой опять лезть в холодную воду...

— Вандиен, — проворчал он. — Моё имя Вандиен.

— Вандиен, — поправилась она тихо.

Они больше не разговаривали. Ки неподвижно лежала подле него и очень хотела поскорее уснуть, но сон ещё долго не шёл к ней.

и сидела на открытой грузовой платформе своего фургона и раздумывала о том, могли ли дела пойти ещё хуже или уже был достигнут последний предел.

Мокрая одежда плотно облепила её тело; впрочем, к этому последнему она начала уже привыкать. Сигурд и Сигмунд, насухо вытертые и закутанные в попоны, без большого воодушевления пробовали щипать жилистую солоноватую травку, росшую вдоль кромки галечного пляжа. Ки собиралась отыскать для них пастбище получше, дай только разжечь огонь и переодеться. Конечно, если к тому времени у неё останется хоть сколько-нибудь сил.

Прошлой ночью она всё рассказала Вандиену про Рибекке и Дреша. Он слушал её, не перебивая. Беда только, самой Ки всё то, о чём она рассказывала, представлялось бредом сумасшедшей. Физическое напряжение минувших нескольких дней вычерпало её настолько, что воспоминания приобрели довольно-таки нереальный оттенок. Гибель Меди представлялась ей теперь чем-то вроде вселенской катастрофы, и она вдвойне сожалела о той роли, которую ей выпало сыграть в столь прискорбном событии. Однако всего труднее оказалось рассказывать всё-таки о том долге, который она за собой чувствовала. Ведь Рибекке спасла её. Может быть, Заклинательница вовсе не думала о ней в тот момент. Или думала не больше, чем о её тяжелокозах. Так или нет, но Рибекке её СПАСЛА, и ничего тут не поделаешь. Потому-то Ки закончила свою повесть следующими словами:

— Терпеть не могу обзаводиться долгами, которые не в состоянии отдать.

— Не ты одна, — глядя в огонь, ответил ей Вандиен, и она знала, о чём он думал. О том, как Дреш не больно-то честным образом завлёл его сюда, в Обманную Гавань. Ки

поймала себя на том, что начинает ненавидеть эту деревню. Вообще всё это хреново место. Холодную воду в затопленном храме, которая во всех смыслах УМЫЛА их обоих. А чего стоила непривычная подавленность Вандиена, стеснявшегося признаться в том, что питал, как дурак, несбыточные надежды!.. Нет, на редкость мерзкое место. Оно в каждом умудрялось растравить старые раны, вместо того чтобы помочь их исцелить.

...Очередной отлив пришёл и ушёл, и всё без толку. Выручить Вандиеновых скилий по-прежнему не удавалось. Ки, конечно, помалкивала, но про себя задавалась вопросом: а были ли они по-прежнему там, на конце канатика? Может, они запутали его вокруг чего-нибудь там, в затопленном подвале, а сами сорвались с привязи и давно смылись? Может, они с Вандиеном последние два дня пытались вытащить вверх по лестнице храмовые фундаменты?..

Во всяком случае, Ки успела окончательно уверовать в безнадежность этой затеи, упряжка вымоталась и капризничала, а Вандиен постигал всё новые глубины чёрного юмора...

Ки посмотрела в сторону моря. Вандиен стоял у края воды и смотрел на серые волны, плескавшиеся над храмом. Прибой подкатывался к самым его ногам, а потом, шипя, отползал. Вандиен держал в руках моток верёвки, конец которой исчезал в воде. Прилив между тем наступал; если Вандиен так и будет там торчать, придётся ему заново вымокнуть.

В первый же отлив после Храмового им удалось выудить конец каната, который в ту памятную ночь так и остался обмотанным вокруг поваленного камня. Мрачная как туча Джени отвезла их на своей дори, и Вандиен, как ни отговаривала его Ки, сам нырнул в глубину, чтобы обрезать канат и связать его с тем, что они доставили с собой в лодке. Потом пришлось нырять ещё раз, чтобы протащить канат сквозь храмовую дверь. Вандиен полагал, что, даже если тяжеловозам Ки и удастся выкорчевать скилий из подвала, через иззубренные стены они их всё же вряд ли переволокут. Делать нечего, Ки выменяла на сушёные фрукты и колбасу ещё три бухты каната, кото-

рых хватило, чтобы достать до берега и пристегнуть конец к упряжи тяжеловозов.

После этого они пробовали сдвинуть скилий с места и в прилив, и в отлив, но всё было напрасно. Ки даже загоняла коней в воду, подбираясь к храму как можно ближе, и вновь приказывала тянуть. Без малейшего толку. Даже если скильи не оборвали к шутам тот серебристый канатик, они явно зарылись как следует и отнюдь не намеревались покидать насиженное местечко, пока их любовный пыл окончательно не остынет.

— Вандиен!..

Он повернулся на её оклик и устало пошёл к ней, сутулясь на холодном морском ветру. Он по-прежнему носил шерстяную рыбацкую робу, которая была ему безобразно велика. Тёмные глаза ввалились, взгляд был замученный. На ходу Вандиен отмотал верёвку и, подойдя, привязал конец к язычку фургона.

— Давай я устрою костёр, а ты пока переодевайся и веди своих кляч пастись, — предложил он, устало привалившись к борту фургона.

Против обыкновения, Ки не взвилась на слово «клячи».

— Слушай, Вандиен, — сказала она. — Давай сделаем одно из двух. Мы можем прекратить бестолково дёргать поганую верёвку, расслабить лицо и спокойно подождать, пока негодные твари кончат миловаться и сами всплывут подышать. А можем — и лично мне этот вариант нравится существенно больше — обрезать верёвку к шутам собачьим и смотать удочки. Денег у нас, правда, кот наплакал, но почему не предложить твоему т'черья шкуры, или попоны, или что там ещё за его скилий? Мы можем даже прямо здесь обменять что можно на солёную рыбу, утрясти по дороге дела с т'черья, увезти рыбу в глубь страны, пока она не сойдёт где-нибудь за редкий деликатес, и там продать. Знаешь, у меня неплохие связи в Зеленолесье. Это всего пять дней пути за Горькухами...

— Нет, — дав ей выговориться, сказал Вандиен. — Я должен каким угодно способом выволочь оттуда скилий и вернуть их Паутинному Панцирю в целости и сохранности. Я и так уже облажался более чем достаточно, так дай мне хотя бы развязаться по-людски с этим делом.

Паутинный Панцирь ДОВЕРИЛ мне свою упряжку, ты понимаешь? И я, хоть тресни, должен её возвратить. Правда, Ки, может, переоденешься, пока я разжигаю костёр и отвожу кляч?

— А может, мне попилить тебя ещё немножко, и тогда ты не только позаботишься о клячах и о костре, но и меня до кучи переоденешь?..

— Это мысль, — согласился Вандиен. — Итак, вместо травы и костра я с удовольствием...

— Хвастунишка. Ты же вымотался не меньше моего.

— Гораздо больше. Э, это не Джени к нам по песочку идёт?

Ки проследила направление его взгляда. К ним действительно приближалась закутанная в плащ фигура, державшая за руку другую, поменьше росточком. Волосы малышки выбивались из-под капюшона; она весело бежала вприпрыжку, стараясь не отставать от старшей сестры. Ветер уже доносил её голосок: девчушка щебетала, как птичка.

— Да уж, кому бы ещё, — согласилась Ки. — Остальная деревня после праздника вся в делах, знай рыбу ловит, ей не до нас.

Они молча наблюдали за приближавшейся парой. Джени решительно шагала по камешкам и песку, не отрывая взгляда от фургона. Зато младшенькая не пропускала ни яркого камешка, ни ракушки: всё её занимало. Волосы Джени были прижаты плотной шерстяной шапочкой. Просторная рубашка была плотно перетянута поясом, а штаны — надёжно заправлены в сапожки. Рубашонка младшей сестры не была подпоясана, — так, согласно обычаю, ходила вся деревенская мелюзга. Штанишки вылезли из голенищ сапожков, и ветер раздувал их на каждом шагу. Подойдя почти на расстояние оклика, они остановились, и Джени наклонилась что-то малышке сказать. Та выслушала её с самым серьёзным видом.

— «Будь паинькой, не лезь, пока тебя не спросят, и вообще поменьше вредничай...» — столь же серьёзно предположил Вандиен.

— «И не забудь вытереть нос!..» — негромко посмеиваясь, добавила Ки.

Подойдя вплотную, Джени выпустила ручонку младшей сестры. Та мигом подбежала к борту фургона и принялась водить пальчиком, изучая полосы и завитушки на раскрашенных досках кабинки. Джени бросила ей вслед взгляд, означавший примерно «ну, ты у меня дождёшься», и повернулась к Ки с Вандиеном.

— Есть способ, как не бей лежачего поднять вашу упряжку, — начала она безо всяких предисловий. — Когда я вас возила туда привязывать верёвку... мне, в общем, хотелось живьём кого-нибудь съесть. Я всё говорила себе, что, мол, я вам ничем не обязана, зато чем быстрее вы сдадитесь и уберётесь отсюда, тем быстрее деревня придёт в чувство. Только я ошибалась. Мне передали, как ты, Вандиен, рассказывал о своих приключениях в ночь Храмового Отлива. Спасибо я тебе говорить не собираюсь, но не хочу, чтобы ты думал, будто я такая уж заскорюзлая. Я понимаю и ценю, что ты пытался для меня сделать. Вот я и решила помочь вам вытянуть упряжку.

На этом Джени замолчала и молчала так долго, что пауза сделалась неловкой. Но тут подала голос её сестрёнка.

— Я однажды пила ромнийский чай, — заявила она, ни к кому, впрочем, в отдельности не обращаясь. Ответа не последовало, и она сделала ещё один заход: — Он мне очень, просто очень понравился...

— Саша!.. — строго призвала её Джени к порядку.

Вандиен расхохотался во всё горло, потом притворно нахмурился и повернулся к девочке:

— Неужели тебе не рассказывали, как ромни подпайвают маленьких лакомок вроде тебя сонным зельем, а потом увозят их с собой посреди ночи?

— Задушу! Своими руками!.. — шёпотом пообещала ему Ки. — Бестолочь, она же поверит!.. — И пояснила, обращаясь к ребёнку: — Единственное дитя, которое я в своей жизни ukrала, выросло вот в этого не в меру трепливого мужика. Понимаешь теперь, почему я разочаровалась в похищениях и оставила этот промысел?.. Давай-ка, помоги мне набрать сухих веточек и кусочек-другой плавника, и я тебе покажу, как ромни заваривают чай на костре возле своего фургона...

Не успела Ки подняться на ноги, а девчушка уже летела на берег разыскивать побелевшие от воды и солнца корявые деревяшки. Ки многозначительно посмотрела на Вандиена и последовала за ней. Оставшись с Джени наедине, Вандиен вопросительно поднял бровь. Но тотчас же об этом пожалел, заметив, какое впечатление произвело на Джени то, что сделало это движение с его шрамом.

— Ну так... — сказал он. — Стало быть, ты знаешь, как вытащить моих скилий.

— Вся деревня знает, — сказала она. — В гостинице по вечерам уже ставки делают насчёт того, когда вы сами додумаетесь.

— То есть, если ты мне подскажешь, все ваши без сомнения будут премного тебе благодарны...

— А какая разница? Что бы я ни сделала, и так и так все будут мной недовольны.

— Понятно...

— Ни шиша тебе не понятно, но это тоже не важно. А важно вот что: чтобы поднять нечто со дна, приличный человек не станет переть против прилива. Наоборот, он заставит прилив сделать за него всю работу... — Джени немного помолчала, любясь озадаченным выражением на лице Вандиена. — Никакая упряжка не сравнится по силе с Луной, уж ты мне поверь. Сделай себе какой следует поплавок — набери брёвен потолще да свяжи вместе канатом. Благо верёвки у тебя, я вижу, хватает. Дождись отлива и оттащи плот в храм. Когда вода будет всего ниже, зачаль за поплавок конец от упряжки да выбери его как можно туже. Вот и вся хитрость.

— Ну и?... — подтолкнул её Вандиен, ибо Джени явно сочла все объяснения законченными.

Девушка посмотрела на него, как на безнадёжного идиота:

— Ну и дождись, пока наступит прилив. Вода начнёт поднимать плот, и либо упряжка поднимется вместе с ним, либо треснет верёвка. Только я видела тот конец, что дала тебе Зролан, и думаю, что скорее всё же поднимется упряжка... Ну, а как только ты отдерёшь её ото дна, до берега её уже и ребёнок дотащит. Может, конечно,

подзастрять на храмовых стенах, но уж с этим ты, я думаю, как-нибудь справишься.

— Я тоже так думаю, — сказал Вандиен и, прищурившись, посмотрел в сторону берега. Ки с Сашей уже возвращались, причём каждая несла небольшую охапочку хвороста. Обе смеялись. Русые волосы падали Ки на лицо.

Вандиен вдруг сказал:

— А почему бы вам обоим не уехать с нами, Джени?

— Вот так взять и уехать?.. — отозвалась она. — Ты нас приглашаешь? А Ки ты спросил? Не спросил. Ты что же думаешь, я прямо так брошу свою дори, свой домик и помчусь с вами неизвестно куда? А жить мы как будем?

— Так, как живут ромни. Они не берут в голову лишних забот и верят, что дорога сама о них позаботится. «Счастье колёс», так они это называют. Ки среди них порядочный еретик — она возит грузы, торгует... Все прочие ромни, с которыми я сталкивался, веруют только в счастье своих колёс. И, между прочим, не такая уж плохая это жизнь, Джени. Да и Саше, надо думать, понравится...

— Может, и понравится, — кивнула Джени. — Только будет ли ей с того польза? Как бы она не забыла, кто она такая и откуда, и...

— А может, и пускай бы забыла? Да и ты вместе с ней. Живи своей жизнью и будь Джени, а не только внучкой старого Дуса, как до сих пор.

Джени напряглась всем телом:

— Я пришла сюда, чтобы подсказать вам, как вытащить упряжку, и предложить помощь, но если ты будешь...

— Я не буду. Где бы нам раздобыть брёвен?

— На Скалистом Мысу всегда полным-полно плавника. Придётся воспользоваться моей дорой.

— Отлично. Ступай за дорой, а я пока пойду пушу кляч пастишь.

Когда они возвратились, в небе уже вовсю сияла луна. Джени подогнала дорой к берегу. Остроносая лодка заскребла днищем по песку, и Вандиен спрыгнул в воду, достигавшую колен, чтобы вытащить судёнышко подальше на берег. Джени ему помогала.

Ки разложила костёр у дальней от них стороны фургона, чтобы укрыться за ним от ветра. Если смотреть с моря,

фургон был сплошной тенью, слегка позолоченной по краям. Когда Вандиен и Джени обошли фургон, Вандиен увидел, как расстаралась Ки для маленькой Саши. Возле фургона был разбит самый что ни есть настоящий ромнийский бивак. Сама Саша сидела, как на троне, на необъятной подушке, укутанная в стёганое покрывало, и на голове у неё красовался красный платок с ярко-лиловыми кисточками. Кругом костра было в живописном беспорядке разбросано столько подушек, как если бы Саша принимала целую дюжину гостей. Обеими ладошками она сжимала большую кружку. Из кружки шёл вкусно пахнущий пар. Идя мимо, Вандиен скосил глаза и увидел в кружке непривычно большой кусок пряного сушёного фрукта. А сама Ки!.. Она не просто переделалась в сухое: она облачилась в традиционную юбку и просторную рубашку с расшитым жилетом, который удерживался замечательным поясом, украшенным серебряными нитями и крохотными колокольчиками. Один лишь Вандиен мог по достоинству оценить, какие раскопки ей пришлось предпринять, чтобы извлечь на свет Божий все эти сокровища. Ко всему прочему, она распустила на дикарский манер свои волосы и вставила в уши красивые серьги с цветной эмалью, которые он ей купил на ярмарке когда-то давно. Да, Саша определённо запомнит эту ночь. И это будет не какая-то заурядная ночь, когда кто-то там откуда-то вытащил никому не нужную упряжку. О нет! Это будет великолепная, блистательная ночь, когда она пила чай и преломляла хлеб в самом настоящем лагере ромни!

— Ага, тушёное мясо по-ромнийски, — заглянув в котелок на огне, сказал Вандиен.

— И ромнийский хлеб с ромнийским же сыром! — подхватила Ки, и её зелёные глаза блеснули таким заговорщицким огнём, что у Саши перехватило дыхание.

— И ещё совершенно не ромнийский плот, связанный совсем не ромнийскими узлами, к которому подвешены четыре скильи, — вмешалась Джени, разрушив хрупкое волшебство. Ки подозрительно посмотрела на них.

— Когда мы связали плот, — пояснил Вандиен, — мы подумали, зачем ещё чего-то ждать и пропускать такой хороший отлив. Так что мы поехали и, хм, привязали. Так что, по идее, прилив ещё до утра должен вытащить скилий

из подвала, а там уж мы их как-нибудь и на берег отбуксируем.

— Ну да, вверх по лестнице, потом по всем этим каменюкам и...

— ...И через храмовые стены. Ты бы знала, чего стоило связывать впотьмах столько верёвок! А что делать, — мы их потащим через стены, вместе с плотом.

— Исключительно просто, — Ки была полна сомнений.

— Я, кажется, не обещала, что всё пройдёт как по маслу, — вмешалась Джени. — Я только говорила, что это ВОЗМОЖНО. В отличие от того, чем вы тут занимались раньше.

— Да я вовсе не против, — успокоила её Ки. — Мы с Сашей вам тут обоим поесть оставили. Извиняемся, что не подождали, но было неважно. Миски вон там, в сундуке...

— Спасибо, не стоит. Ты и так накормила Сашу и развлекала её, хотя я на это отнюдь не рассчитывала. За это тебе тоже спасибо. Только сейчас нам надо домой. У рыбаков день начинается рано. И у маленьких девочек, которые помогают убираться в гостиницах...

Счастливая улыбка Саши мгновенно увяла. Правда, она, не капризничая, поднялась и стянула с головы яркий платок.

— Нет-нет, оставь себе, — быстро сказала Ки.

Джени официальным тоном пожелала им спокойной ночи и собралась уже вести Сашу прочь, но девчушка вдруг вырвалась, стремительно обняла Ки и, не дав той сообразить, что к чему, опрометью умчалась следом за старшей сестрой.

Тьма поглотила Джени и Сашу. Ки медленно принялась сворачивать пёстрое покрывало, а Вандиен вытащил из сундука миску и коврижку чёрствого хлеба.

— К этой маленькой я бы скоро привыкла... — очень тихо сказала Ки в пространство.

— Я уже закидывал удочку, — так же тихо ответил Вандиен. — Никаких шансов. Джени полагает, что ужасно подведёт давно умерших предков, если Саша вырастет свободной, счастливой и не прикованной за ногу к замшелому прошлому.

— М-м-м... — отозвалась Ки, усаживаясь на подушку и укладывая на колени свёрнутое покрывало. Вандиен устроился по другую сторону костра и стал есть. Одной рукой он держал ложку, другой — миску, а хлеб каким-то образом сохранял равновесие у него на колене. Для этого требовалась долгая практика, но Вандиен в полной мере ею обладал. Ки наморщила лоб, сиюсья припомнить, как именно выглядел этот человек, когда ей в самый первый раз довелось кормить его у своего костра. Он был куда более тощим, чем теперь, это уж точно. И таким ободраным она с тех пор его не видала. Да, ещё тогда он оброс волосами, и нечёсанные космы спадали ему почти до плеч, а на лице топорщилась щетина. Всё так, но вызвать в памяти целостный образ ей так и не удалось.

— Чайку? — спросила она, и он на миг поднял тёмные глаза, потом кивнул. Глаза. Они у него и теперь были такими же бездонными. И алчущими. Теперь она лучше понимала, что за этим стояло. Вандиен был слишком жаден до жизни и никогда не мог насытиться ею.

Чай лился в кружку из глиняного горшка, сладко пахнущий, совсем золотой в свете костра. Холод бежал прочь, аромат напитка напоминал о весне. Ки передала кружку Вандиену и наполнила свою собственную. И спросила, больше затем, чтобы не молчать:

— Ну и скоро прилив?

— Выше всего он будет, когда рассветёт, — ответил Вандиен. — Но работать на нас он начнёт гораздо, гораздо раньше... Да, Ки, с тех пор как я сюда попал, я столько всего узнал о приливах и лунном притяжении, что пора бы уже и начать забывать! Жду не дождусь поскорее уехать отсюда и выкинуть всё это из головы. Кроме одной и самой важной подробности: прилив никогда не наступает тогда, когда он действительно нужен. Вот и сейчас вода поднимется **СЛИШКОМ РАНО**, чтобы я успел лечь и отоспаться, и **СЛИШКОМ ПОЗДНО**, чтобы просто сократить время здесь у костра. Я обязательно задремлю и проплю...

— Вообще-то надо ещё коней привести, — ненавязчиво напомнила Ки. — И запрячь. А также вымыть и убрать все миски и котелки. И всё в кабинке приготовить для

дороги. Потому что, как только мы выудим скилий, мы сматываемся. Хватит уже с меня всякой там воды, в особенности солёной. Сколько у меня в фургоне металлических частей, хоть бы одна не позеленела!

— Насчёт смотаться как можно скорее — полностью поддерживаю. Что же касается всего остального, наука мне на будущее: никогда тебе не выбалтывать, что мне надо как-то убить время...

— Зато я, если у меня будет свободное время, тебе обязательно сразу скажу, — пообещала Ки. Вытащив из кабинки конскую упряжь, она помаслила тряпочку и принялась пропитывать кожу ремней и отчищать металлические части. Некоторое время Вандиен криво улыбался, наблюдая за ней. Потом поднялся и стал собирать посуду и ложки.

Когда все пряжки заблестели в свете огня, Ки удовлетворённо кивнула и повесила сбрую обратно на гвоздик. К тому времени и Вандиен вернулся к костру. Усевшись, он стал смотреть на огонь, неспешно потирая пальцем свой шрам. Ки молча смотрела на него, пока он не почувствовал её взгляд и не поднял глаза. Его рука сразу упала на колени. Он улыбнулся. Улыбнулся совершенно прежней улыбкой. Туча унеслась: перед Ки снова был Вандиен, которого она любила и знала. Ки испытала огромное облегчение и поняла, что оно в полной мере отразилось у неё на лице.

— Нет, какая всё это глупость была, а? — сказал Вандиен. — Теперь, когда наша здешняя эпопея вроде кончается, я мысленно поставил на ней точку и... слушай, я успокоился! А ведь какая чушь, если подумать! Пока Зролан не предложила мне вывести шрам, я ведь ни о чём таком ни разу не думал. Но стоило ей заикнуться об этом, и я немедленно так размышлялся, что сам себя уговорил, будто это возможно! Я с полным удовольствием выставил себя на посмешище, да ещё и тебя в это дело втравил... и всё это ради такой чепухи, как гладкая физиономия! И вот теперь я словно очнулся. Я понял, каким был идиотом, и с трудом верю, что вправду столько всего натворил. Это... ну, вроде того, как протрезвеешь и силяшься вспомнить своё вчерашнее остроумие. И выясняется, что на самом-то деле такое городил... — Вандиен обращался к огню костра,

осуждающе покачивая головой. — Что ж, теперь я по-новому оценил мой шрам и смирился с ним как с неотъемлемой частью моей внешности. Тоже наука...

— «Себя смирай и подрастай», как говаривал мой батюшка, — согласилась Ки.

— «Смирайся и тони», как говорят рыбаки, — произнёс чей-то голос, и из темноты в круг света вступила Джени.

Ки с Вандиеном разом подпрыгнули. Шорох прибоя заглушил шаги девушки, подошедшей по песку и мелким камешкам.

— Как там Саша? — сразу поинтересовалась Ки, и упрямо-воинственное, по обыкновению, выражение лица Джени мигом смягчилось.

Она протянула руки к огню:

— Спит. — Теперь её лицо отражало любовь и заботу. — Нипочём не желала укладываться, пока не сгрэбла к себе в постель подушки и одеяла со всего дома. Взяла свою куклу, чашку, деревянные ложки и устроила у себя «настоящий ромнийский фургон»... Думается, ночь у неё выйдет повеселей нашей...

— Нашей?.. — осторожно осведомился Вандиен.

— Я пригнала дори. «Повелительница Дождя» стоит там на берегу. Я тут всё думала про камни, стоящие торчком внутри храма, и про зазубрины стен. Конец обязательно запутается, если не проследить. Но, если Ки присмотрит на берегу за упряжкой, я уж как-нибудь присмотрю за лодкой, пока Вандиен будет отпутывать. Я с собой багор захватила...

— Мы тебе весьма признательны...

— Ничего вы не понимаете! Это я вам признательна. За тот вечер, который вы устроили для Саши. У неё теперь только об этом и разговор. Она точно в сказку попала! С ней никогда, НИКОГДА ещё так не обращались. Не принимали как почётную гостью и не ублажали просто потому, что она ребёнок. С ней никто никогда не считается! Это всё из-за происхождения... из-за нашей семьи. Она любопытна, как все дети, а люди говорят, что она вечно суёт нос не в своё дело. Если она как-то не так себя ведёт, в этом опять-таки видят не безобидную шалость, а злой умысел! И если уж она наговорится не мо-

жет о вечере, проведённом у Ки... — Джени помолчала, не находя достойных слов, потом сказала: — Хотела бы я снова стать ребёнком, и чтобы все мои болячки загладил такой же вечер...

Голос её дрогнул: видимо, она ожидала, что над ней станут смеяться. Но Вандиен как раз нарезал пахучий сушённый фрукт, бросая кусочки в дымящуюся чашку, которую наполнила Ки. Джени опустилась на пухлую подушку, которую указал ей Вандиен, и взяла горячую кружку.

После этого они почти не разговаривали, да и то в основном о вещах малозначительных. Джени попивала чай, и настороженное, диловатое выражение мало-помалу уходило из её глаз. Пригревшись, она даже стащила свою шерстяную шапочку, разбросав по плечам светлые волосы, на что Вандиен заметил:

— Когда ты вот так распустишь волосы, а в глазах отражается огонь... право же, только у ромнийского костра тебе и сидеть!

— Подобный вечер и меня на такие мысли наводит, — отозвалась Джени без малейшего следа обычной своей резкости. Было очень тихо; только потрескивал огонь да волны с шорохом вкатывались на берег. Казалось, море тяжело, с хрипом дышало: волны катили мелкую гальку, и звук с некоторой натяжкой мог сойти за храп великана.

Джени вдруг прокашлялась.

— Вода поднялась достаточно высоко, — деловым тоном заявила она и принялась заталкивать волосы обратно под шапочку.

Итак, всё кончилось. Ки отправилась за лошадьми, а Вандиен безропотно последовал за Джени к её дори, весело плясавшей у берега на волнах.

й, эй! Придержи!..

Расстояние превратило голос Вандиена в слабое эхо, казалось, цеплявшееся за гребни волн. Ки без промедления передала команду серым, остановив их решительным движением вожжей. Тяжеловозы послушно остановились, с самым несчастным видом переступая тяжёлыми копытами. Была охота посреди ночи вытягивать из воды упирающуюся верёвку!.. Сигурд топнул ногой, потом осторожно налёг на хомут...

— Тпру! — тотчас пресекла его Ки и ещё крепче перехватила вожжи.

Молодая женщина оглянулась в сторону моря, и оно показалось ей тёмным колышущимся одеялом. Голоса Вандиена и Джени, звучавшие в отдалении, напоминали взволнованную переключку морских птиц. Ладно, следовало поблагодарить судьбу хотя бы за то, что нынче ночью против них не колдовала никакая Заклинательница Ветров...

— Давай!.. — донёсся издалека крик Вандиена.

— Н-но! — стронула Ки тяжеловозов. Громадные кони зашагали вперёд, и обмякший канат медленно натянулся. Обернувшись, Ки увидела, что он повис над водой, и с него падают капли. Она напрягала слух, ожидая, что Вандиен вот-вот велит придержать, но крика не было слышно. Серые знай топали вперёд по песку, и звенящая струна каната поднималась над волнами всё выше с каждым их шагом. Ки, привыкшая чувствовать свою упряжку как себя самоё, ощутила, как её кони вдруг сдвинули что-то там, вдалеке, в море. Струнное напряжение покинуло канат: теперь он был просто туго выбран, не более.

И в тот же миг на Ки накатило необъяснимое головокружение.

Она споткнулась буквально на ровном месте. Песок как будто слегка подвинулся у неё под ногами. Серые ни

дать ни взять пошатнулись и обеспокоенно зафыркали. По песку и гальке прошла дрожь. Из морской глубины изошёл огромный неслышимый звук и подёрнул рябью воду. Ки снова потеряла равновесие и качнулась, стараясь удержаться на ногах.

Воцарилась тишина: так молчит великан, набирая в грудь воздух для крика. И вновь прокатилась волна неслышного гула, сопровождаемая рябью на воде, какая бывает от града. Серые зафыркали и замотали тяжёлыми головами, вытягивая вожжи из онемевших рук Ки. Спohватившись, она попробовала их удержать, но кони не слушались: знай ускоряли и ускоряли шаг.

— Вандиен!.. — закричала Ки. — Джени!..

Ответа не было. Зато из деревни долетел тревожный ропот множества голосов. Перепуганные люди выскакивали из домов, спрашивая друг друга, что происходит. Дрожь земли между тем на какое-то время прекратилась, и Ки вдохнула поглубже, собираясь вновь позвать Вандиена, но он опередил её, прокричав:

— Колокол!..

Его человеческий голос показался святотатством после того сверхчеловеческого, который им только что выпало пережить. И, словно бы в подтверждение его слов, колокол затопленного храма прозвучал вновь, наполняя дрожью море и твердь и сотрясая ночной воздух. У Ки всю гулял по коже мороз. Тишина, последовавшая за ударом колокола, показалась ей ещё хуже звука.

Ки оглядывалась то на своих серых, то на канат, исчезавший в море. Нет уж, будь что будет, только они с Вандиеном загрузят скилий и укатят отсюда к шутам собачьим прямо сейчас. Хотя бы ей и пришлось гнать серых вверх на утёс в крошечной тьме. Она в который уже раз окинула мысленным взором долгий и извилистый путь, приведший сюда Вандиена. Вернее, которым его сюда ПРИВЕЛИ. Мысль о своём невольном соучастии заставила её содрогнуться. Да чтоб им сдохнуть в страшных мучениях, и Дрешу, и всем его приятелям-колдунам!!! Загнал, стервец, Вандиена в дерьмо по уши, и сделал это с такой же лёгкостью, с какой хозяйка, ободрав капустный кочан, выкидывает в помойное ведро грязные листья!..

...А впрочем, время и расстояние исцеляли и не такое. Ки уже приходилось в том убеждаться...

— Эгей! Придержи!.. — снова, на сей раз громче, донёсся голос Вандиена. Ки остановила серых и стала ждать. Её знобило, но совсем не от холода. Стало быть, легенда о подводном колоколе храма Заклинательниц имела-таки под собой основание. Оставалось только гадать, какое хитросплетение приливных течений требовалось для того, чтобы колокол заговорил. Ки слышала, как Вандиен и Джени что-то обсуждали вполголоса. Потом раздался плеск, верёвка слабо затрепыхалась.

— Тяни! — велел Вандиен.

Ки стронула серых и сразу почувствовала, в чём разница. То, что они тянули, больше не плыло, подвешенное в воде. Теперь оно тащилось по дну: верёвка, проходившая как раз рядом с Ки, дёргалась вверх-вниз, то натягиваясь, то провисая.

Тяжеловозы между тем одолели прибрежный подъём и помаленьку двигались к солёному болотцу, поросшему жёсткой осокой. Скоро копыта звучно зачавкали по грязи, которая к тому же ещё и отвратительно пахла. Ки даже подумала, а не вернуться ли да не укоротить ли конец, но затем всё же решила гнать вперёд, не давая слабину. Насколько ей было известно, скильи могли отреагировать на слабинку самым неожиданным образом.

— Стой!.. Вытащили!..

Ки облегчённо вздохнула, но где-то глубоко внутри неё неистребимо гнездилась тревога. Звон потонувшего колокола заставил содрогнуться самую её душу. Ни дать ни взять Заклинательницы Ветров наклонились к земле из своего эфирного царства и похлопали её по плечу, напоминая: мы здесь. Мы знаем твоё имя.

Ки развернула серых и побрела с ними назад к берегу. Следовало смотать конец, но это можно было отложить и на потом. Кстати, что теперь прикажете делать с такой прорвой каната? Разве только продать его по сходной цене на ближайшем торгу?..

И тут впереди послышались какие-то совершенно дикарские вопли. Ки даже остановила коней и некоторое время стояла неподвижно, напрягая слух. Неужели это

кричал Вандиен?.. А тот, другой голос, — неужто он принадлежал Джени?.. Мгновенный испуг сменился изумлением: вопли сменились хохотом. Ки повела тяжеловозов дальше, недовольно хмурия брови. Во имя Луны, что могло их до такой степени рассмешить? Вандиену, конечно, простительно было возрадоваться, вызволив скилий. Но не до такой же степени!..

— Ки!.. — Вандиен вылетел из темноты, едва не наскочив на коней. Сигурд гневно топнул копытом и клянул на Вандиена зубами. Сигмунд ограничился взглядом, полным кроткого неодобрения. С Вандиена ручьями бежала вода; когда он взмахнул руками, во все стороны полетели брызги. Он сгрёб Ки в охапку, немилосердно вымочив её при этом, и закружил. Она только и успела приказывать коням стоять смирно.

— Скильи! Они облепили сундук! Сундук Заклинательниц!.. Джени видела его!.. Когда мы выволокли их на берег, они были все сплетены в узел! Величиной с утопленную корову!.. Сплошь хвосты, довольные морды и лапы, перепутанные так, что и зверей-то не сосчитать! Попробовали мы их кое-как отодрать... и тут Джени УВИДЕЛА!!! Уголок торчит, махонький такой уголок! Сундук, видно, как раз рядом стоял, когда им приспичило заняться любовью. Вот он и оказался в самой середине клубка. Но это он самый и есть, и никакой ошибки тут быть не может! Совсем такой, как Джени и рассказывала! Мы даже перевязь разглядели, которая его запирает. Она сияет, точно золото, прямо как новенькая, и каждая нить кажется тоненькой, словно волос ребёнка, а на ощупь — твёрдый металл! Пошли, пошли скорее!..

Вандиен скакал и прыгал как ненормальный, а потом схватил её за руку и потащил за собой.

— У меня кони, и я их не... — заартачилась было Ки, но Вандиен без лишних слов ухватил Сигмунда под уздцы и заставил громадного коня пойти рысцой. Ки поспешила следом, изумлённая не меньше, чем её кони.

— Сейчас впряжём серых и погрузим скилий в фургон, — распоряжался Вандиен на бегу. — Привезём их в деревню и, клянусь Луной, вот так прямо и вкатим весь клубок в гостиницу! То-то Джени им всем нос утрёт, а?

А я получу кучу денег и новое лицо! — Он задыхался от смеха, веселье и восторг распирали его. — Ух, как мы накормим твоих чудо-коней! Самым лучшим зерном! От пуга!.. Потом отвезём скилий в Горькухи, и знаешь что? Я там в одной лавочке видел плащ, ну просто как раз под цвет твоих глаз. Мы его обязательно купим. Да, и ещё рапиру с ножнами, потому что я решил: тебе непременно нужно обзавестись рапирой. Зачем? Ну хоть затем, что надо же мне с кем-то упражняться... И мы устроим пирешку... там будет всё, КРОМЕ РЫБЫ! И ещё мы купим Саше подарков! Ах, каких подарков! Какие-нибудь глупенькие яркие платья, и кучу звенящих и бренчащих браслетов, и...

Он называл всё новые и новые способы десять раз подряд просадить ещё не полученные деньги, и фантазия его не знала никакого удержу. Ки улыбалась, слушая его. Её радовал восторг Вандиена, но самой как-то не очень верилось, что так оно и будет. Уж слишком всё это было хорошо, чтобы произойти в действительности.

Однако, подойдя, она в самом деле увидела уголок сундука, выглядывавший из тугого клубка скилий. Ки долго смотрела на него, не решаясь притронуться к холодной чёрной оковке. На скилий тоже определённо стоило посмотреть. Длинные упругие хвосты были перевиты самым невозможным образом, — казалось, сундук оплели стебли какого-то ползучего растения. Глаза животных были блаженно зажмурены, лапы цепко удерживали одна другую, аккуратно прикрывая рыльца. Клубок скилий представлял собой почти правильный шар, насколько это позволяло телосложение приземистых тварей. Но поистине самым странным был насыщенный розовый цвет, которым налились и словно светились изнутри крапчато-серые шкуры, обычно такие скучные и тусклые.

Тяжеловозы нехотя дали припрячь себя к фургону. Пока Ки сворачивала бесконечные кольца верёвки, ставшей ненужной, Вандиен и Джени со смехом и шутками подкатили живой шар к корме фургона. Чтобы погрузить животных, понадобились соединённые усилия всех троих. Несколько раз тяжеленный клубок вырывался из их рук и шмякался обратно на землю. Скильи ни на что не обра-

щали внимания. Когда наконец их удалось перевалить через край и закатить на грузовую платформу, Ки вконец ослабела от смеха и сознания полного идиотизма происходящего, сравнившись в этом с Джени и Вандиеном.

Они быстренько свернули лагерь, распахав вещи как попало, на скорую руку. Вандиен затоптал костёр и засыпал угли мокрым песком. Теперь только фонарь на фургонном сиденье разгонял темноту. На какое-то время все трое умолкли, так что лишь голос волн нарушал тишину. Ки вдруг показалось, что волны шептали предостережения, намекали на страшные тайны... Она почувствовала, как рассеивается её легкомысленное настроение, но тут Вандиен жизнерадостно заорал:

— В гостиницу!

И серые, приняв это за команду, двинулись вперёд. Ки напряженно вглядывалась вперёд, чтобы не наскочить впотьмах на какой-нибудь валун или корягу.

— Наконец-то! Наконец-то!.. — чуть слышно шептала Джени, сидевшая на сиденье подле неё. — Придётся им своими глазами увидеть свидетельство моей правоты. Сундук — вот ответ сразу на всё! Пусть только попробуют вести себя как прежде...

— Я тут подумала... — осторожно начала Ки, повинувшись неведомо откуда пришедшему вдохновению. — А может, не стоит в гостиницу? Давайте просто заберём Сашу, да и укатим отсюда. Вернём скилий владельцу, а сундук продадим в Горькухах. Уж сколько-то за него, верно, дадут! А сами поедem дальше и будем смотреть вперёд, а не назад...

— Да ты что, с ума сошла? — не поверил своим ушам Вандиен. — Зачем, во имя Луны? Я, конечно, понимаю, что на мою рожу тебе глубоко наплевать, но нам ещё и золото обещали! ЗОЛОТО! Такой хорошенький, пухленький мешочек...

— А я? — подхватила Джени. — С какой стати мне по-воровски удирать ночью, чтобы они тут по-прежнему мусолили моё имя? Позволить им думать, что я со стыда сбежала? Да никогда!..

— Ладно, ладно, я просто в порядке бреда, — попробовала умаслить их Ки. И замолчала, сожалея про себя,

что они не согласились с её предложением. Между тем каждый шаг тяжеловозов приближал их к корчме. К разборке с односельчанами, которой жаждала Джени, и к щедрому вознаграждению, на которое надеялся Вандиен. Но Ки смотрела вперёд и видела перед собой в основном тьму, которую лишь подчёркивали жёлтые огоньки в окнах деревенских домов. Чернота затопила посёлок, а душу Ки понемногу охватывала тоска.

Вывеска гостиницы раскачивалась на морском ветру, словно петля виселицы, изнутри слышался гул множества голосов. Похоже, удары подводного колокола подняли всю деревню из тёплых постелей и согнали народ в харчевню. Напуганным людям хотелось общества. И выпить для храбрости.

— Ступай, Ки, объяви о нашем прибытии! — легко спрыгнув наземь, со смехом сказал Вандиен. — А мы с Джени вкатим наше сокровище.

Ки поставила фургон на тормоз. Вандиен с Джени, хихикая и дурачась, занялись скильями. Ки привязала вожжи к коновязи и внезапно почувствовала, что ЗАВИДУЕТ своим спутникам. Их беззаботное веселье почему-то никак ей не передавалось.

Наконец живой шар с глухим шмяком обрушился наземь с фургона. Вандиен и Джени покатали его вперёд и вверх по мосткам, пристроенным к крыльцу для тележек и бочек. Ки растворила тяжёлую входную дверь.

Шум и смех выплеснулись на улицу.

— А ну-ка все с дороги! — повелительно прокричала Ки. Вся таверна мигом умолкла и повернулась к ней, стоявшей в дверях.

— Закрой дверь, сквозит, — начал было Хелти, но тут у него отвисла челюсть: с крыльца вкатился огромный клубок перепутанных скилий. Он слегка застрял в дверях, но Вандиен налёг снаружи плечом, так что шар рывком преодолел проём и даже немного прокатился по полу, прежде чем остановиться. Рыбаки вскакивали на ноги, изумлённо глаза на путаницу лап и хвостов.

— Какого хрена?.. — первым спросил кто-то, и следом зашумели все остальные.

— Ущипните меня, я, по-моему, сплю, — улыбнулась Берни. — Зверюшки действительно занимаются ЭТИМ, или мне кажется?

— Эй, вы что делаете! По чистому полу!.. — возмущённо заорал Хелти. — А ну, живо уберите их отсюда! Что за шуточки у этих сухопутных крыс! Чтобы всякие мерзкие твари спаривались прямо здесь и всё мне проворачивали!.. Я кому сказал, убрать их! А ну, живо!..

— Тихо!.. — отчётливо и удивительно властно прозвучал среди общего гама голос Зролан. Её тёмные глаза обшарили ухмыляющуюся физиономию Вандиена и перебежали на сияющее лицо Джени. Старая женщина медленно выпрямилась во весь рост. Она откинула голову, разметав по плечам волосы, и её смех прозвучал пророчески и грозно. — Вы что, не видите? — обратилась она к односельчанам. — Вы все слышали колокол. Вы сбежались сюда, чтобы друг у друга позаимствовать мужества. Но неужели вы и теперь не поняли, ПОЧЕМУ звонил колокол? Смотрите же! — Её вытянутая рука указывала на живой ком. — Сундук! Сундук Заклинательниц! Эти люди вытащили его из моря и принесли к нам сюда!

— Всё случилось В ТОЧНОСТИ так, как предсказывал мой дедушка! — подхватила Джени, и Зролан умолкла. Выйдя вперёд, девушка с гордостью положила руку на угол сундука. В её глазах впервые не было смущения и робости, когда она обвела ими толпу и задержала взгляд на Колли, сидевшем возле очага.

Тут Ки почувствовала, что настала пора собраться с духом. Тишина, установившаяся в таверне, показалась ей предгрозовой. Кое-кто опустил глаза, уткнувшись в кружки с вином. Хелти стоял столбом, машинально вытирая руки о мешковину, повязанную у него на поясе в качестве передника. Ки заметила человека, отпускаявшего похабные шуточки о них с Вандиеном в ночь Храмового Отлива. Он не сводил глаз со скилий. Его капюшон был низко надвинут, скрывая лицо, но Ки так и оцетинилась под его взглядом.

— Храмовый Отлив, между прочим, давно миновал, — вдруг сказал этот человек. Поднял кружку к губам и выпил с таким видом, словно говорить было более не о чем

и беспокойные чужаки могли убираться на все четыре стороны.

— А он прав, — заявил Хелти. И тоже — тоном окончательного решения.

— Совершенно прав, — отозвался ещё один старый рыбак. И передвинулся поближе к огню, не обращая больше никакого внимания на скилий. — Слушай, Джени, и что тебе неймётся посреди ночи?

У Джени ошарашенно приоткрылся рот, а глаза округлились. Она отказывалась понимать происходившее. Она судорожно пыталась найти какие-то необходимые слова... Одной Ки было более-менее всё ясно. Деревня попросту НЕ ЖЕЛАЛА НИКАКИХ ПЕРЕМЕН. Она не желала признавать их победу и таким образом ставить точку на освящённом временем празднестве. Она не желала платить золото какому-то чужаку.

Но более всего она не желала признавать правдивость истории, рассказанной дедушкой Джени.

И нипочём не признает.

Ей так проще.

И не помогут никакие вещественные доказательства, таскай их хоть охапками, хоть мешками. Деревня их просто не примет. Не пожелает заметить.

Седобородый рыбак, гревший руки возле огня, наконец поднял глаза. Он сказал:

— Ты же помнишь соглашение, возчик. Мы обещали заплатить золотом за сундук, вытасченный В НОЧЬ Храмового Отлива. Вот если бы ты управился с этим тогда, во время шторма, да, вот тогда бы ты действительно совершил знатный подвиг, достойный и награды, и почестей. А то, что мы тут видим, — это не подвиг, а просто неплохо провёрнутая работёнка. С которой любой из нас справился бы не хуже. Неплохая работёнка, да, очень неплохая, приуменшать не буду. Но не подвиг. А у нас тут, извини-подвинься, за обычную работу золота не отстёгивают.

Ки сглотнула, увидев, что взгляд Вандиена стал ледяным. И лишь потом она заметила, какое бешенство отразилось на лице Зролан.

— Трусые!.. Малодушные скупердяи! — хлестнул толпу резкий голос старухи. — Безмозглые твари! Вы все!.. Он

притащил вам сундук! СУНДУК! А вы готовы выставить его вон, словно это уличный попрошайка пришёл тряпёе продавать! У вас что, совсем память отшибло? Где ваша гордость, ублюдки? Вы что, подавитесь, если признаете, что дед Джени сказал правду? Хотя один из вас когда-нибудь сам туда лазил? А? Не слышу! Ваш деревенский совет жмётся из-за паршивых денег, предпочитая расстаться с последней толикой порядочности! Мне стыдно за вас! Я сожалею, что родилась здесь, среди вас, а не где-нибудь в другом месте! Что ж, поступайте как знаете, а я от своего слова не отступлюсь! Вандиен!.. Знай, что моя часть нашей сделки будет исполнена!

— Что же это за часть такая, Зролан? — подал голос человек за угловым столиком, тот самый, с противным голосом и в капюшоне. — Деревенский совет, кажется, ясно сказал, что за работу, выполненную с опозданием, никакого золота платить не намерен...

Взгляд Ки перебегаёл с лица на лицо. Вандиен неотрывно смотрел на Зролан, мучительно ожидая ответа, и взгляд сильного и мужественного мужчины был таким незащитно-детским, что сердце Ки стиснула жалость. Ибо какое-то глубинное чувство уже подсказывало ей: тому, чего он так жаждал, не суждено было исполниться.

Джени больше не поглаживала сундук. Куда только подевалась её гордая прямая осанка! Она съёжилась, терзая пальцы, лицо пошло красными пятнами. Ребёнок. Только совсем не такой, какого Ки мгновение назад увидела в Вандиене.

Зролан наконец отвернулась от Вандиена и почти с ужасом уставилась на человека в углу. И лишь тут Ки обратила внимание, что человек сидел за своим столиком совершенно один. Никто из рыбаков компании ему не составлял.

— Кому, как не тебе, знать, что я говорю не о золоте! — охрипшим голосом проскрипела она. — Какое предательство ты задумал, Дреш?

— Вот так всегда! — Дреш не торопясь отвёл с лица капюшон, так что свет масляных ламп упал на его лисьи черты. Он слегка вздохнул и пожал плечами, этак насмешливо-отрешённо. — Сколько раз я убеждался, что женщина

и секреты — вещи несовместимые! И была же охота выносить сор из избы, Зролан? Это ведь только наше с тобой дело, твоё и моё.

— Сдаётся мне, я тоже лицо отчасти заинтересованное, — проворчал Вандиен.

— Ты был БЫ. ЕСЛИ бы поднял сундук в ночь Храмового Отлива, и ЕСЛИ бы мне было предоставлено право первому заглянуть внутрь. Только в этом случае я подрядился оказать Зролан две маленькие услуги. Ха! Ты что, возчик, вообразил, будто она так печётся о шраме на твоей никому не нужной физиономии? Как бы не так. Она, видите ли, недовольна тем, что умудряется сохранять юношескую энергию. Ей подавай ещё и юное тело. Загвоздка, однако, в том, что за работу, выполненную с опозданием, я не плачу. Если не веришь, спроси Ки.

Зролан в смятении повернулась к молодой женщине. Ки ответила яростным взглядом, адресованным сразу им обоим. Воспоминания вспыхнули в её памяти, подобно вновь открывшимся ранам. Только теперь ей стало понятно всё хитросплетение паутины, сотканной Дрешем. Видно, Заклинательницы и колдуны были сделаны из одного теста. С одной и той же поганой начинкой.

— Всё именно так, Зролан, — сказала она. — Когда колдун даёт слово чести, так и знай, что у него на уме какая-нибудь пакость. Я, впрочем, никогда не могла заставить себя нырнуть в дерьмо достаточно глубоко, чтобы в полной мере постичь образ их мыслей. Что, Дреш? Надеюсь, ты получил должное удовольствие, устроив весь этот балаган? Что ж, ты неплохо расписал роли, да и актёров подобрал что надо. Тебя бы в эту деревню. Забавником. Праздники Храмового Отлива устраивать. Одно тебя только не заботит: пьеса-то не кончается в тот момент, когда тебе заблагорассудится опустить занавес. Да и актёрам ты, как видно, не платишь. Все здесь с самого начала плясали под твою дудку. Особенно мы с Вандиеном...

— Это что, финальный монолог? — сухо поинтересовался Дреш.

— Да! — прорычала Ки.

Рыбаки глазели на них, разинув рты, словно выловленные карпы. На их лицах не было ни малейшего сочувст-

вия, не говоря уже об угрызениях совести. Для них всё происходившее было заключительным аккордом Храмового Отлива, неожиданным развлечением, и притом бесплатным. Единственной среди них, кто чего-то лишился, была Зролан.

— Дреш... — прокаркала она голосом, враз лишившимся присущей ему музыкальности. — Пожалуйста...

— Вот что, друзья, — медленно проговорила Ки. — Похоже, та идея, что пришла мне в голову по дороге, была не так уж и плоха. Джени, сбегай за Сашей. Нет, правду говорят ромни: потерял покупателя — не горюй, за поворотом встретишь другого, побогаче...

И Ки, повернувшись, уперлась плечом в клубок скилий, чтобы выкатить его вон.

Дреш вскочил на ноги так стремительно, что едва не перевернул стол.

— Эй, погоди-ка! — прокричал он, поспешно шагая вперёд. Берни, попавшуюся ему под ноги, он попросту отшвырнул, словно тряпичную куклу. — Погоди, милая возчица, — сказал Дреш, упираясь рукой в клубок с противоположной стороны. — Забирай своих скилий, не возражаю, а сундук оставь. Он тебе не принадлежит.

— А чей же он? Наверное, колдун, он твой? — вежливо поинтересовался Вандиен, но весь вид его излучал недвусмысленную угрозу. Дреш встретился с ним взглядами и, конечно, особого страха не испытал, но, каково бы ни было его первоначальное намерение, он его явно пересмотрел. А Ки впервые бросилось в глаза, насколько подходили друг на друга телосложением и ростом эти двое мужчин. Даже не будь у Вандиена на лице рубца, Дреш был бы красивей; но проглядывало в его красоте что-то неуловимо подленькое и заставлявшее невольно насторожиться. Да ещё эти бесчувственные глаза, которые портили его гораздо хуже всякого шрама. Вандиен был ястребом. А Дреш — пёстро окрашенной ядовитой змеей. И эта змея свернулась кольцами, чтобы стремительно уку-
сать.

— Вандиен... — прошептала Ки, желая предупредить друга, но Вандиен уже переступил ту грань, когда люди думают об осторожности. Дреш жестоко посмеялся над

его сокровенными надеждами и растоптал их. Вандиен улыбнулся, и при виде этой улыбки у Ки подвело живот.

— По существующему обычаю, — сказал Вандиен, — добро, поднятое со дна морского, принадлежит тому, кто его вытащил. В данном случае — мне.

— А вот и ошибаешься, возчик, — с готовностью ответил Дреш. И с дружеской улыбкой обернулся к рыбакам, приглашая их поучаствовать в споре — естественно, на его стороне. — Кто знал о затопленном сундуке? Деревня. Кто нанял тебя, чтобы его вытащить? Опять же деревня. — Дреш выдержал многозначительную паузу. — Нам всем следует поблагодарить Зролан за то, что она наняла именно тебя. Может, я ещё помогу местным жителям должным образом отблагодарить её... — В глазах Зролан вновь вспыхнула отчаянная надежда, и Дреш довольнo улыбнулся: — Итак, сундук по праву принадлежит деревне. Если, допустим, я нанял возчика перевезти мои вещи, и возчик подзадержится с доставкой, означает ли это, что груз переходит в его собственность? Да никоим образом...

И вновь — хорошо поставленная улыбка, обращённая сразу ко всем, но главным образом к Ки.

— Святая правда, — осторожно согласился Хелти, и там и сям рыбаки нерешительно закивали головами. Даже Зролан и та смотрела на Вандиена с душераздирающей мольбой и просила:

— Оставь его... оставь... это моя последняя надежда...

— Сундук не может быть увезён отсюда, — провозгласил Дреш. — Он принадлежит местным жителям. Ты бы никогда до него не добрался, если бы они не рассказали тебе, где искать и что именно высматривать. Только местные жители это знали. А значит...

— ...Он мой! — Вскрик Джени перешёл в шёпот. Дреш потрясённо уставился на неё, а она продолжала: — Он мой по тем самым причинам, о которых ты тут распространялся, чародей! Он мой! Я одна знала, где он лежит, и только я могла подсказать, где надо искать! И я помогала поднимать его со дна! Он мой, колдун, и тебе придётся убить меня прежде, чем ты посмеешь к нему прикоснуться!

Взгляд Джени был безумен. Она бесстрашно пошла прямо на Дреша, и чернокнижник попятился перед ней. Видимо, в безумии таится особая сила. Джени возложила руки на угол сундука движением жрицы, благословляющей святыне реликвии.

— погоди, Джени, — обратилась к ней Зролан. — Успокойся. Послушай...

— Заткнись!.. — бешено оборвала её Джени, и Зролан умолкла, не в силах противостоять её гневу.

— Сделай что-нибудь, — встревоженно повернулась она к Вандиену. — Убеди её...

— В чём? — спокойно спросил Вандиен. — По мне, так она права целиком и полностью. Чего это ради я буду отнимать у неё сундук?

— Он мой! — снова подала голос Джени. Её испепеляющий взгляд был устремлён на Дреша, который сделал было шаг вперёд.

— Мне не хочется тебя убивать, — тоном разумного увещевания сказал ей колдун.

— Ну так и не убивай, — прорычал Вандиен.

— Она мне другого выбора не оставляет! — прорвало наконец Дреша. Его пальцы взволнованно дёргались, и он сжал их в кулаки.

— Готовь упряжку, Ки, — усмехнулся Вандиен. — Ну что, Джени? Будем грузить?

Она повернулась к нему, явно не узнавая. И предупредила:

— Он мой!..

— Сломали, — глухо проговорила Ки. — Сломали-таки девочку.

— Он мой!.. — прокричала Джени, и в голосе её было мало человеческого...

...И в ответ прозвучал уже совершенно нечеловеческий рёв. Из конца в конец харчевни пронёсся ледяной вихрь, заставивший всех затаить дыхание и погасивший не только свечи — даже и огонь в очаге. Обвальный рёв ветра легко заглушил вопли ужаса, послышавшиеся в темноте. Ки почувствовала, что перестаёт видеть, слышать и ощущать. Тяжёлый деревянный стол, принесённый смерчем с другого конца комнаты, больно ударил её по бедру. Она

упала на четвереньки. Вокруг ощупью толкался народ. Кто-то наступил Ки на руку. Она кое-как отползла прочь, но найти укромный уголок было невозможно. Ревущий ветер наконец улёгся, но тьма стояла кромешная. Люди в темноте кричали от страха.

— Вандиен!.. — позвала Ки, и от противоположной стены послышался ответный крик. Ки поползла на голос и стукнулась о перевёрнутую скамейку.

— Он мой!.. — провизжал голос, который едва можно было приписать Джени.

— ОН МОЙ, — возразил другой голос, глубокий и гулкий, порождающий эхо. На его фоне все прочие звуки попросту уничтожились и исчезли. Несколько мгновений кто-то ещё шуршал в темноте, потом стихли и шорохи. Ки убрала с лица растрепавшиеся волосы и потихоньку поднялась на ноги. В это время во мраке расцвёл золотой цветок яркого пламени. Огонь бережно удерживали две изящные, прекрасной формы ладони. Вот эти руки пересадили огонёк на свечу, чудом сохранившуюся на устоявшем столе. Высокий силуэт выпрямился, а огонёк, ухватившись за фитиль, принялся деловито разгонять тьму. Никто не произносил ни звука. Между тем в длинных пальцах вспыхнул ещё один золотой огонёк. Рыбаки ахнули, когда неведомый гость попросту метнул огненный шарик, без промаха попав им прямо в очаг. С рёвом взвилось яркое пламя.

— ЗАЖГИТЕ СВЕЧИ, — приказал голос, и каждый, кто сумел обнаружить подле себя хоть какой-нибудь огарок, послушно пополз растепливать его от огня очага.

В таверне царил полнейший разгром. Столы и скамейки валялись как попало. Под ногами хрустели черепки разбитой посуды, кислая вонь пролитого пива мешалась с рыбными запахами чоудера, выплеснутого из мисок. Когда глаза Ки привыкли к полутьме, она увидела, что рыбаки сгруппировались в одну кучу, словно стадо перепуганных овец. Все они стреляли глазами по сторонам: им нужен был виноватый. Плечо Ки сжала чья-то рука: рядом с ней стоял Вандиен.

— Посмотри на Джени, — шепнул он ей на ухо.

Деревенский люд старался держаться подальше от скилий, а Дреша вообще нигде не было видно. Одна Джени

стояла возле живого шара, готовая зубами загрызть всякого, кто посягнёт на её сокровище. Отчаянная решимость прогнала прочь последнюю осторожность. Расправив плечи, Джени прямо смотрела в лицо рослой, облачённой в синее Заклинательнице...

— Рибекел!.. — с ужасом выдохнула Ки, и Вандиен ответил ей:

— Так я и думал.

Рибекел не оглянулась на них. Мечущееся пламя бросало блики на её лицо, покрытое тонкой чешуёй. Она была безоружна и стояла, спокойно опустив руки вдоль тела. Однако вся её фигура была исполнена такой грозной мощи, что в угрозах попросту не было нужды. Она не торопясь обозрела комнату, задержавшись, как и Дреш, взглядом на Ки. Нет, ни у кого не возникало даже мысли о неповиновении. Люди отводили глаза либо вовсе прятали лица. Даже Зролан, вздрогнув, отшатнулась, как собачонка, получившая пинок. Рибекел медленно повернулась к Джени. Она по-прежнему молчала, и никто иной не отваживался нарушить тишину. Заклинательница долго рассматривала странную девочку-женщину, и взгляд этот проникал в самую душу, во все её потаённые уголки. И судорожное напряжение постепенно оставило Джени. Но всё-таки она выговорила:

— Он мой...

Рибекел улыбнулась ей, как мать улыбается любопытству ребёнка.

— Верно, твой. Да я сама вижу. Но он также и мой.

— Нет!.. — яростный крик Джени словно бы повис в воздухе, не торопясь исчезать. Рыбаки съёжились, ожидая, что Джени постигнет немедленная и жестокая кара. Но ничего страшного не последовало. Рибекел спокойно дождалась, пока стихло последнее эхо. На её лице, столь же безмятежном, сколь и безбровом, не было ни следа раздражения.

— Киллиан рассказывала о тебе, — заметила она. — Ибо ты, наверное, и есть Джени.

Джени помедлила, потом неохотно кивнула.

— Неужели ты думаешь, — спросила Рибекел, — будто я явилась сюда отнимать у тебя твой сундук?

Джени оглядела сгрудившихся односельчан, но ни в ком не нашла опоры. Только Вандиен не отвёл глаз, но от него Джени поспешно отвернулась сама. Он подарил ей то, чего она никогда доселе не знала: настоящую дружбу. Джени не хотела втягивать его в это дело.

— Она... — начал было Вандиен.

— Замолчи, — тихо приказала Рибекке. Она не сделала ни малейшего движения, но Ки ощутила толчок: Вандиена едва не сбил с ног незримый удар. Кроме неё, никто ничего не заметил.

— Ты же сама сказала, что сундук твой... — нерешительно проговорила Джени, ибо Рибекке продолжала взи-
рять на неё, ожидая ответа.

— Как и твой. Я сказала, что он принадлежит нам обоим. И ты думаешь, что после таких-то слов я стану его у тебя отбирать? Да, я пришла за сундуком, — Рибекке повернулась к толпе, — но не только за ним, но ещё и за Джени и Сашей. Сбегай за сестрёнкой, дитя.

— Во имя Ястреба!.. — выругался Вандиен, но ничего громче хриплого шёпота выдать не сумел. Джени тара-
щилась на Рибекке и не двигалась с места.

— Ты слышала, Джени? — спросила Рибекке, ласково улыбаясь. — Я явилась, чтобы забрать вас с Сашей отсюда. Ибо вам здесь не место, и надо быть беспрое-
светным дураком, чтобы не видеть этого с первого взгляда. Ну, а я не дура. Загляни в себя, Джени, и ты согласишься со мной. Думаешь, почему так призывал и притягивал тебя наш сундук? И мог ли кто-нибудь, не наделённый твоей решимостью и волей, извлечь его из пучины? Ты рождена быть Заклинательницей Ветров, Джени. Вытаскивать из холодной воды вонючую рыбу, а потом чистить её, холодную, на ледяном ветру, — это не твоя стезя. Твой удел — искать Силу и учиться её применять. Ты никогда не была частью здешней деревни. Это было бы недостойно тебя. И в сердце своём ты знала это с младенчества. И деревня знала. Я не напутала, Джени?

Девушка не могла оторвать глаз от улыбающегося лица Рибекке. Она колебалась на самом краю бездны, ибо Рибекке затронула самые чувствительные струны её алчущего

сердца. А тот единственный, кто, наверное, смог бы её переубедить, если бы пожелал, — был безгласен.

— Ты сомневаешься? Что удерживает тебя здесь, сестрёнка?

Свершилось!.. Простое предложение родства перевесило все возможные доводы.

— Мне Сашу надо забрать... — неуверенно начала Джени.

— А я разве возражаю? — В смехе Рибеке было солнечное тепло летнего ветерка. — Только поспеши, ибо нам предстоит неблизкий путь. Не трать время на сборы, просто приведи девочку. Обо всём остальном мы уже позаботились.

— Позаботились!.. — не в силах поверить собственным ушам, выдохнула Джени. Позаботились! О ней!.. Возможно ли было в такое поверить? Её глаза наполнились вновь обрётённой жизнью, она спросила с волнением и страхом: — Так ты меня подождёшь?..

— Конечно, подожду. Беги, дитя! — кивнула Рибеке.

Ки смотрела в сияющее лицо Джени. Крестьянская девочка из сказки, неожиданно-негаданно оказавшаяся принцессой. Надобно было видеть ту улыбку, с которой она оглядела рыбаков, прятавшихся по тёмным углам от её вновь обрётённой наставницы. Её взгляд задержался на Колли... Немота, помешавшая ему когда-то насмеяться над ней, ныне не дала ему попросить Джени остаться.

— Поторопись, дитя, — сказала Рибеке, и Джени со смехом отвернулась от Колли и побежала к двери.

— Джени!.. Поехали с нами! Останься человеком!.. — кое-как выдавил из себя Вандиен.

В ответ гулко бухнула дверь, захлопнувшаяся за спиной девушки.

Рибеке оглянулась и пристально на него посмотрела. Было видно: она обратила внимание на них с Ки и на то, что эти двое держались особняком, поодаль от деревенских.

— Вот уж не думала, что встречусь с тобой здесь, Ки, — заметила она. — Впрочем, вы, ромни, если чем и славитесь, так это упрямством. Похоже, если когда-нибудь что-то и научит тебя уважать Заклинательниц Вет-

ров, это будет нечто уже совершенно особое. Такое, чего ты до конца своих дней не сможешь забыть... — Ледяной, оценивающий взгляд обратился на Вандиена, и Ки содрогнулась. Однако Рибекке улыбнулась: — Вы двое держитесь, как большие друзья. Этот мужчина готов всячески противиться мне. Дай ему волю, он не только сундук у меня отберёт, но и Джени в придачу. А знает ли он, Ки, что ты мне кое-чем обязана? Разве не намекала ему Киллиан, что ты путешествовала в моей тени и лишь по моему благоволению?.. Видно, упрямство вещь заразная: если кто долго трётся с ромни, и сам делается таким же. Знай же, Вандиен, что однажды я предпочла оставить ей жизнь. Я не сторонница смертоубийств, но в тот раз мне поистине трудно было сдержаться. Всё же я позволила ей вернуться к тебе живой. Кое-кто говорит, будто я тем самым ущемила свои собственные интересы. Я так не считаю. Другое дело, я вызвала недовольство некоторых весьма могущественных сил. Теперь, завладев сундуком, я могла бы использовать его в качестве оправдания. Я могла бы убедить кое-кого, что не зря оставила Ки жизнь. Тем более что наверняка найдутся Мастерницы Ветров, которые усмотрят в моём поведении преступное небрежение. Они скажут, что я отпустила Ки безо всякой выгоды для нас. Возможно, они даже попытаются исправить положение...

— Вандиен не имеет к моим долгам никакого отношения! — яростно крикнула Ки. — Требуй с меня что хочешь за спасение жизни, но не...

— У тебя нет ничего такого, что могло бы мне пригодиться, — невозмутимо ответила Заклинательница. — Что же до Вандиена, то не ему со мной торговаться. Как я уже говорила, я всеми силами стараюсь избегать смертоубийств. Поэтому Вандиен может либо рассказывать впоследствии о том, как заключил полюбовную сделку с Заклинательницей Ветров, либо попробовать не допустить меня к сундуку — и умереть.

Вандиен хрипло расхохотался. Все глаза обратились к нему, и он сказал:

— Да забирай ты на здоровье свой ящик! Коль скоро мне не собираются здесь за него заплатить, так почему

бы мне его тебе не отдать?.. Только не как плату за жизнь Ки, — иначе нам обоим как-то трудновато будет с этим жить. Давай договоримся иначе: я просто возвращаю сундук его первоначальным владельцам, как это и следует честному человеку.

— Не требуя никакой награды?.. — сухо осведомилась Рибекке. В голосе её, однако, слышалось подлинное изумление.

Вандиен торжественно расшаркался в знак согласия.

— Тогда, — сказала Рибекке, — я уберу с моей собственности твоих упряжных зверей.

Она обошла живой шар кругом, хмурясь и внимательно приглядываясь к скильям. На деревенский народ она обращала не больше внимания, чем на какую-нибудь стайку любопытных пичуг. Обойдя скилий в третий раз, Рибекке отступила немного назад и принялась растирать узенькие ладони. Мгновение предельного сосредоточения, щелчок пальцами — и с рук Заклинательницы сорвалась короткая молния. Сундук начал светиться, почти моментально сделавшись из тускло-багрового слепяще-белым, потом, столь же стремительно, — вновь тускло-багровым.

...Скильи даже не пошевелились.

— Моя излишняя мягкость меня однажды погубит, — с некоторым замешательством пробормотала Рибекке. Сложив руки, она вытянула их перед собой. Опять ударила молния, на сей раз более длительная. Сундук трижды вспыхнул и трижды погас. Рибекке опустила руки и, не находя слов, смотрела на скилий, которые, ничего не замечая, по-прежнему плотно обвивали сундук. Рибекке бросила на Вандиена извиняющийся взгляд и снова начала воздевать руки... Но в это время напружиненные тела скилий обмякли одно за другим. Животные постепенно сползли на пол, причём так, словно в них вовсе не было костей. Большие глаза открывались и моргали, показывая, что скильи были живёхоньки. Вот только лежали они в таких позах, каких им ещё ни разу не доводилось принимать. Вот из одной пасти высунулся длинный упругий язык, облизал рыльце и не торопясь спрятался. Скильи не выглядели ни оглушёнными, ни даже потрясёнными, — наоборот, они казались очень даже довольными.

Ки во все глаза смотрела на чёрный сундук. У неё ёкнуло сердце, когда она увидела, что сундук начал сам собой открываться. Даже сама Рибекке молитвенно стиснула руки перед грудью. Её губы, покрытые тонкой чешуёй, были накрепко сжаты. Один из рыбаков закричал. Многие отворачивались, пряча лица. Ки не стала противиться безумному искушению узнать, из-за чего, в конце-то концов, было столько переживаний.

Крышка и стенки между тем отпадали друг от дружки, словно черные лепестки.

То, что лежало внутри, оказалось совершенно белым. Чисто-белым, без блеска и без малейших теней. Существо. Давно умершее существо. Оно было не больше Саши, но его чудовищная древность бросалась в глаза с первого взгляда. Зло! — подумала Ки. Хотя нет, не зло. Просто мудрость настолько сверхчеловеческая, что человеческий разум уже и не в силах воспринимать её как добро...

Высокий, выпуклый лоб существа, словно купол, нависал над лицом, лишённым носа и губ. Зато рот был, что называется, до ушей, то есть чуть ли не до самых углов челюсти. Тощее тело без сколько-нибудь заметных признаков пола застыло в сидячей позе, с коленями, поджатыми к костлявой груди. Руки были сложены на коленях. Почти человеческие руки, вот только суставов в них было куда больше положенного, и почти все гнулись куда-то не туда. Широко распахнутые глаза были круглыми и белыми, как и всё остальное. С головы существа что-то спускалось на спину, — не то волосы, не то какие-то тончайшие костные выросты, не разберёшь.

— Да что хоть это?.. — ослабшим голосом спросил Хелти.

Ки вдруг поняла, что откуда-то знает. Вернее, узнаёт.

— Это Заклинательница Ветров! — не своим голосом завопил Дреш. Забытый в общей суматохе, он, оказывается, прятался под столом у самой двери. Теперь он вскочил и, откинув с лица капюшон, бросил на пол кусочек бурого мела: — И трижды проклятая штуковина принадлежит мне!..

— Дреш... — Рибекке выговорила его имя одними губами: больше никакого звука ей издать не удалось. Равно

как и сдвинуться с места. Руна земляной магии, тщательно вырисованная на полу, распространяла коричневатое мерцание. Ки с ужасом поняла, что Рибекке угодила во власть Дреша. Подпала под его чары. Ки помнила, как он когда-то забавлялся, сменяя её волю. При мысли о том, что же он сделает с Рибекке, на неё накатила волна тошноты. Ибо с ней, с Ки, он развлекался просто так, походя. С Рибекке же его будет подогревать чувство, которое сам он считал справедливым возмездием. Всю свою жизнь Ки ненавидела и презирала Заклинательниц Ветров, и это отношение никуда не делось и теперь. Она до смерти боялась Рибекке. Ей внушала содрогание мысль о том, как та совратила бедную Джени, заставила предать своё человеческое естество. И всё-таки... сострадание оказалось сильнее. Сильнее даже прежних привязанностей.

Вандиен вопросительно посмотрел на подругу, когда та начала помаленьку отодвигаться прочь. Никто, кроме него, не заметил её осторожного движения, ибо рыбаки наконец-то зашевелились и подались вперёд — полюбоваться, что сотворит над Заклинательницей объявившийся маг.

— Нет, вы только полюбуйтесь!.. — торжествовал между тем Дреш. Проскочив мимо Рибекке, он принялся жадно ощупывать древнее существо. Рибекке вздрогнула так, словно его пальцы разгуливали по её собственному телу. — Перед вами то, — продолжал колдун, — чего вот уже много поколений не видел в этом мире никто. Вы удостоились лицезреть легенду — настоящую Заклинательницу. Знайте, что это — не преображённая женщина т'черья, дин или человеческая, это существо вылупилось и росло Заклинательницей! И это не статуя! Так они поступали со своими умершими — складывали их в три погребели и запирали в сундук. А то, что вы считали храмом, — вовсе не храм, а мавзолей. Мавзолей немыслимой древности...

Деревенский люд слушал заворожённо, разинув рты. Ки потихоньку двигалась сквозь толпу.

Дреш улыбался, смакуя произведённое впечатление.

— Видите, как её корёжит от моих слов? Вот это-то они и пытались от вас скрыть: то, что все они — простые

мошенницы! Поддельные Заклинательницы Ветров! Обманщицы, присвоившие облик и способности более древней расы! Власть над ветрами никогда не была им дарована; они её попросту перенимают. Вы спросите, каким образом? О-о, при посредстве определённых деяний, столь же омерзительных и несправедливых, как и вся их сущность. Вот это самое тело можно истереть в порошок и, простите, принимать внутрь через нос или рот. Тогда-то и начинаются внешние изменения. А теперь попробуйте представить маленьких девочек, которых похищают из дому и постепенно прикармливают подобной гадостью, давая её вместе с едой. А коль скоро изменения начались, остановить их уже невозможно. У несчастных малюток попросту нет выбора!

Рибекке не плакала, но какая же мука была написана у неё на лице! Её взгляд яростно отрицал всё сказанное Дрешем, но губы не могли произнести ни слова. Дрешликовал, глядя на её страдания.

— А хотите знать, почему им до зарезу понадобился этот сундук с мертвечиной? Я вам расскажу. У них нет недостатка в порошке, получаемом из мёртвых Заклинательниц, ибо эта раса когда-то была многочисленна, а значит, и кладбищ осталось в избытке, хотя все они, как говорят, укрыты в совершенно недоступных местах. Беда только, слишком мало тел сохранилось полностью, а столь совершенного, как это, и вовсе нет ни единого. И в этом-то вся загвоздка. Порошок лишь начинает изменения, но руководить ими должен разум. Будущая Заклинательница должна сосредоточить всю свою волю, представляя ту форму тела, которой она намерена достичь. И чем успешнее она приблизит свой облик к облику истинной Заклинательницы, тем большие силы будут ей доступны. Так вот, когда затонул храм, вместе с ним затонуло и последнее безупречное тело, доступное им. Потому что землетрясение произошло отнюдь не по вине Заклинательниц, как вы до сих пор считали, — нет, то было возмездие самой Луны, возмущённой самоуправством лже-Заклинательниц, присвоивших себе силы, которые она некогда поручила лишь той древней расе. Словом, после затопления храма вот уже многие поколения молодых Заклинательниц были лишены

заветного идеала, к которому им следовало бы стремиться. Им приходилось довольствоваться лишь внешностью своих наставниц, что неизбежно приводило к ещё большему искажению. И вместе с тем, как вы понимаете, постепенно иссякало их бывшее могущество. Нынешняя находка чуть было не дала им возможность восстановить утраченное. Однако, по счастью, она досталась мне... — Оторвавшись от слушателей, Дреш обратил всё внимание на Рибекe и придвинулся к ней вплотную, впрочем, не прикасаясь. — Мне, Рибекe. Ты, верно, думала сравняться со мной? Что ж, тебе почти удалось, в особенности когда ты похитила моё тело. Но ты упустила меня. А потом, когда я развернул перед тобой свой кукольный театр, ты и вовсе последний ум потеряла. Ты занялась шрамолицым недоумком и его ромниийской подружкой, моими марионетками, а хозяин театра взял да и подкрался к тебе сзади! Забавно, не правда ли? Ты хоть понимаешь, как безумно смешно всё получилось? Ну-ка, улыбнись, сладенькая моя...

Его брови сдвинулись к переносице: колдун сосредоточивался. Было похоже, что Рибекe, даже спелёнутая его чарами, оказывала нешуточное сопротивление. И всё-таки на её лице появилась улыбка. Появилась, несмотря на отвращение, ясно читавшееся в её глазах. Рыбаки сперва потрясённо заахали, потом там и сям в толпе послышался жестокий, мстительный смех.

В это время заскрипела открываемая дверь, и все головы повернулись туда. На пороге, на фоне ночной черноты стояла Джени. Саша, закутанная, как свёрток, и толком ещё не проснувшись, держалась за руку сестры.

— Нет!.. — простонала Джени. Беспомощное страдание в глазах Рибекe не укрылось от неё. Она сразу поняла, что случилось.

Дальше всё происходило одновременно.

— Предательницы!.. — проревел кто-то. Толпа рванулась вперёд...

— Бегите!.. — не своим голосом заорал Вандиен, подхватывая с полу тяжёлую скамью и швыряя её в толпу...

Ки наконец добралась до мерцающих коричневых рун, стремительно сделала последний шаг — и принялась стирать их с пола ногой. Ей показалось, что магические сим-

волы хватили её за ноги. Она корчилась в их жутких объятиях, тело переставало повиноваться ей. Перед глазами успели пронестись неясные картины: Вандиен, сметаемый с ног разъярённой толпой; детский рот Саши, широко раскрытый в отчаянном крике; полоумные глаза Дреша, оборачивающегося к ней, и Рибекке, наконец-то освобождённая, стремительно ткущая в воздухе пальцами замысловатый узор...

Потом всё померкло.

— Ки!..

Она раскрыла глаза, недоумевая, когда же она успела их закрыть. У неё чесалась щека, плотно прижатая к какой-то колючей шерстяной ткани. На неё сверху вниз смотрел Вандиен. Голова Ки покоилась у него на коленях. По лицу Вандиена тянулся тёмный ручеёк: у края шрама кожа была заново рассечена. Когда он снова позвал её по имени, Ки увидела, что и губы у него были разбиты.

Ки зашевелилась, пробуя сесть. Кое-как, с помощью Вандиена, ей это удалось. Она огляделась.

Деревенские снова были загнаны, словно перепуганные бараны, в дальний конец комнаты, и те, что оказались по краям плотно сбившейся толпы, из всех сил старались пролезть внутрь. Надо было видеть, как здоровенные мужики старались втиснуться в стену. Посреди комнаты, слабо постанывая, лежал Хелти, видимо, сбитый с ног удиравшими односельчанами. Чьи-то ноги торчали из-под столов...

— Саша... — пробормотала Ки, и Вандиен указал ей на девочку.

Саша, запрокинув головку, не сводила изумлённо-восторженных глаз с лица Рибекке, внимательно наблюдая, как улыбается ей безгубый рот. В воздухе, лучась, парила синяя руна ветра, и, когда Ки попыталась к ней присмотреться, у неё заболели глаза. Дреш стоял возле самой двери. Он как будто стал меньше ростом, а руки у него были вывернуты так, что ладони сходились между лопатками. Рибекке оставила ему способность двигать глазами, и они лихорадочно обшаривали комнату в поисках хоть какого-никакого союзника. Никто, однако, не желал встретиться с ним взглядом.

— Она в порядке? — поинтересовалась Рибекe.

— Ты в порядке? — спросил Вандиен, и тут только до Ки дошло, что Заклинательница говорила о ней. Молодая женщина сумела кивнуть головой.

— Ну вот и хорошо, — сказала Рибекe, — ибо нам пора в путь. И, когда я уйду, будет шторм. Я бы очень не советовала присутствующим высовывать нос из-за этих стен, пока он не утихнет. Я думаю, скучать вам не придётся: наверняка ведь у вас есть о чём поболтать. Вполне возможно, что шторм покалечит чью-нибудь лодку, но прошу учесть: вы его сами накликали. А шторм будет такой, какого в здешних краях ещё не видали. И, когда он минует, ни единый камень нашего храма более не будет доступен вашему настырному любопытству. Поистине, следовало бы совершить это ещё очень, очень давно. И это было бы сделано, не лелей мы надежду, что нынешняя находка когда-нибудь состоится. Но коль скоро она состоялась, нет больше смысла оставлять на поверхности даже след нашей древней святыни...

Ки молча взирала на говорящую Рибекe. За неуловимо короткое время, прошедшее с момента открывания сундука, черты её лица успели словно бы оплавиться и разительно измениться. Аристократический, благородно очерченный нос превратился в гладкий холмик посередине лица. Тонкогубый рот растянулся, прорезав щёки. А руки приобрели невероятную гибкость и плавность движений, заставившую Ки вспомнить о змеящихся хвостах скилий.

— Так значит, это всё правда!.. — вырвалось у неё. — Джени, ты не должна!.. Подумай о Саше!..

— Вот она о Саше и думает, — ответила Рибекe. — Сашу ждёт любовь, ласка и забота, какой она никогда прежде не знала. Они отправятся со мной. Что же до твоей «правды»... Это не правда, а слухи и домыслы глупцов, скреплённые догадками и предположениями, да ещё и поведенные недоброжелателем. Чтобы заставить тебя понять, как всё обстоит на самом деле, потребовалось бы немалое время, а мне нынче недосуг. И потом, наши тайны и не предназначены для человеческого разума. Нам пора... — Рибекe шагнула к двери, потом остановилась. Обернувшись, она посмотрела на Ки с Вандиеном поверх

белого сокровища, которое она бережно держала в объятиях. — Мне кажется, — проговорила она, — было бы не слишком честно оставлять вас двоих здесь... с этими. Отправляйтесь в путь, если хотите. Шторм начнётся не раньше, чем ваш фургон доберётся до вершины утёса.

Вандиен покосился на сгрудившихся рыбаков.

— Пошли, — сказал он, поднимая Ки на ноги.

— погоди!.. — взмолилась Ки, сиюсь обрести ускользающее равновесие и повисая у него на плече. — Рибекел.. Что ты сделаешь с Дрешем?..

— Поистине, твой вопрос не украшает тебя, Ки. Но всё-таки я отвечу, поскольку мы с тобой в некотором роде не чужие. Я помешу его туда, где он будет остановлен. Нет, я не убью его, — его кровь мне не нужна. Его жизнь будет просто приостановлена, но приостановлена навсегда.

У Ки закружилась голова: она вспомнила страшную пустоту между мирами, в которой ей довелось побывать.

— Отпусти его!.. — с некоторым изумлением услышала она свой собственный голос. Глаза Рибекел сверкнули, и она заметалась в поисках достойной причины: — Он, по крайней мере, всё ещё человек...

Рибекел с презрением оглядела толпу в дальнем конце таверны.

— Есть чем гордиться. Ты, Ки, сама не знаешь, о чём просишь. Он давно уже ступил на путь, ведущий вниз, в бездну, и возврата не будет. Может быть, он и сохранил бы человеческую внешность, но человеческого в нём ничуть не больше, чем, скажем, во мне. И, замечу, подобные ему гораздо опаснее для маленьких простых людей вроде тебя, чем для равных ему по искусству. Подумай, что ты хочешь навлечь на своих же собратьев!

Ки посмотрела на Вандиена и выдавила:

— У меня есть и личная причина. Говорят, он способен убрать шрам с лица моего друга...

— Ложь, — непререкаемым тоном заявила Рибекел. — Он претендовал на большее, нежели мог в действительности. — Странная улыбка заставила дрогнуть огромный рот. — Я вынуждена отказать тебе в твоей просьбе, Ки. Но я не забуду, как ты стёрла руну земляной магии, которую он начертал.

— И я не забуду, — упрямо выдавила Ки. — Дважды я дала тебе возможность отомстить, не замавав рук кровью.

— И это я помню, — холодно ответствовала Рибекке. — Я отказываю тебе в твоей просьбе. А теперь ступай, возчица ромни, и ни слова более, пока я не забыла, что собиралась сдерживать ветер, пока твой фургон не окажется в безопасности. Эти уж мне ромни!.. Они уже и с Заклинательницами торгуются! Дай им палец, всю руку откусят. Есть ли ещё под небом такой упрямый народ?.. Иди же, и да пребудет с тобой не скажу чтобы моя благосклонность — просто безгневное напутствие. Ступай, зная, что я помню всё происшедшее между нами. Но — ни слова!..

— Уже ушли, — вмешался Вандиен, легонько встряхивая Ки и предупреждая её взглядом. Всё же он не смог удержаться и добавил: — Что ж, всего вам хорошего, добрые рыбаки! Я, правда, так и не научился жонглировать, но, надеюсь, в нынешний праздник вы славно поразвлеклись...

Нагнувшись, он ухватил за задние лапы одну из блаженно разомлевших скилий. Ки безнадежно вздохнула и взялась за передние лапы. Вдвоем они кое-как выволокли животное из двери и затащили в кузов фургона. Снаружи уже начинал буйствовать ветер — предвестник небывалого шторма, обещанного Рибекке. Вандиен и Ки, торопясь, грузили скилий в фургон. Когда они выносили последнюю, Саша вдруг нарушила молчание.

— До свидания, Ки! — прозвенел ее голосок. Она посмотрела в нечеловеческое лицо Рибекке, потом снова на Ки: — Даже когда я стану совсем-совсем Заклинательницей и сильно переменюсь, ты всегда узнаешь меня вот по этому ромнийскому шарфику! Я тебя никогда не забуду!

— Во имя Луны!.. — ахнула Ки. Девчушка весело махала ей ярким платком, прощаясь.

— Лучше не думай ни о чем, — посоветовал Вандиен, затаскивая скилью в фургон.

— Вперёд! — стоя в дверях, властно приказала Рибекке, и серые рванулись с места, не дав Ки с Вандиеном толком усесться.

— Как жалко, что ему придется остаться со шрамом, — задумчиво проговорила Джени, глядя, как ночная темнота поглощает фургон. — Он был так добр к нам..

Рибеке подняла руку, и ветер мгновенно усилился. Синие одеяния Заклинательницы клубились и развевались. Она посмотрела на Джени, и безгубая улыбка разрезала лицо пополам.

— Мне следовало бы стыдиться своего мягкосердечия... — пробормотала она, глядя на дорогу, взбиравшуюся вверх по склону утёса. Потом обернулась к Джени и посмотрела на неё, как на любимого ребёнка, которому решительно невозможно ни в чем отказать. — Пусть потерпит ещё годик-другой, — сказала она. — Пусть как следует удивится тому, какие живительные силы вдруг обнаружились в его теле...

— Спасибо тебе, — прошептала Джени.

— Вперёд, Дреш, — приказала Рибеке, словно и не услышав её слов благодарности. Колдун двинулся вперёд на сведённых судорогой ногах, перемещавшихся отнюдь не по его воле. Его лицо корчилося в немом крике, но даже и закричать ему уже не было дано.

Они вышли, и ветер так бухнул дверью за их спинами, что вся гостиница содрогнулась.

орывистый ветер бился в дощатые стены кабинки, слегка покачивая фургон. Ки лежала с открытыми глазами, вслушиваясь в шорохи и скрипы. Серый утренний свет понемногу пробивался сквозь щёлочку ставней. Кое-как выпутавшись из мятых одеял и меховых покрывал, Ки рискованно свесилась через край спальной лавки и выглянула в маленькое окошечко. Громадные серые тяжеловозы стояли, подставив необъятные крупы ветру, который развевал их густые хвосты и длинные гривы. Здесь, в высоких холмах, было полным-полно сладкой сочной травы, и кони мирно паслись, не обращая особого внимания на бурю.

— Между прочим, уже утро, — сказала Ки, заползая обратно под одеяло и устраиваясь поуютнее.

— Ну так и что с того? — пробурчал Вандиен.

— А то, что у нас ни гроша и полон фургон беременных скилий...

— Как по-твоему, к полудню что-нибудь переменится? — поинтересовался Вандиен.

— Ни в коем случае. — У Ки всё ещё болели все мышцы, а постель была до того удобной и мягкой, не говоря уже о тепле другого человеческого тела, что она в кои веки раз решила поддаться искушению.

Спустя некоторое время в её мозгу медленно выкристаллизовалась блистательная идея.

— Твой шрам... — лениво проговорила она. — Ты в самом деле хочешь, чтобы я его в упор не видела?

— Ки, — взмолился Вандиен, — оставь, прошу тебя! Не втирай! Ну, сделал глупость, с кем не бывает? Давай притворимся, что ничего не было. Неужели у нас не может быть все по-прежнему, так, как было до этого долбаного Храмового Отлива?..

— Нет! — Ки медленно провела пальцем по его груди и торжественно объявила: — Я придумала способ тебе — забыть, а мне — в упор не видеть.

Её высокопарный тон заставил его впасть в мрачное молчание. А мгновением позже воздух со свистом вырвался из его лёгких: тело Ки всем весом обрушилось на него сверху. Они оказались носом к носу. Он заморгал, но расстояние было слишком мало: всё, что он перед собой видел, — это один сплошной ярко-зелёный глаз.

— Вот таким образом, — пояснила Ки, — я твоего шрама в упор не вижу...

Ветер с шуршанием летел мимо, заполняя последовавшую тишину. Наконец Вандиен вслух изумился:

— Какой ещё шрам?..

А ветер уже ярился и бушевал, сотрясая фургон.

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛЕТ ГАРПИИ	5
ЗАКЛИНАТЕЛЬНИЦЫ ВЕТРОВ	265

*Литературно-художественное
издание*

**МЭГАН ЛИНДХОЛЬМ
ПОЙ ВМЕСТЕ С ВЕТРОМ
ТОМ ПЕРВЫЙ**

Перевод с английского
Г. А. Трубицыной

Руководитель проекта
Геннадий Белов

Редактор
Арсен Мирзаев

Художественный редактор
Павел Борозенец

Технический редактор
Татьяна Раткевич

Корректоры
Ольга Карпеева
Елена Омеляненко
Татьяна Андрианова

Верстка
Андрей Белокрылов

ЛР № 071177 от 05.06.95.

Подписано в печать с оригинал-макета 24.06.96.

Формат издания 84×108^{1/32}. Печать офсетная.

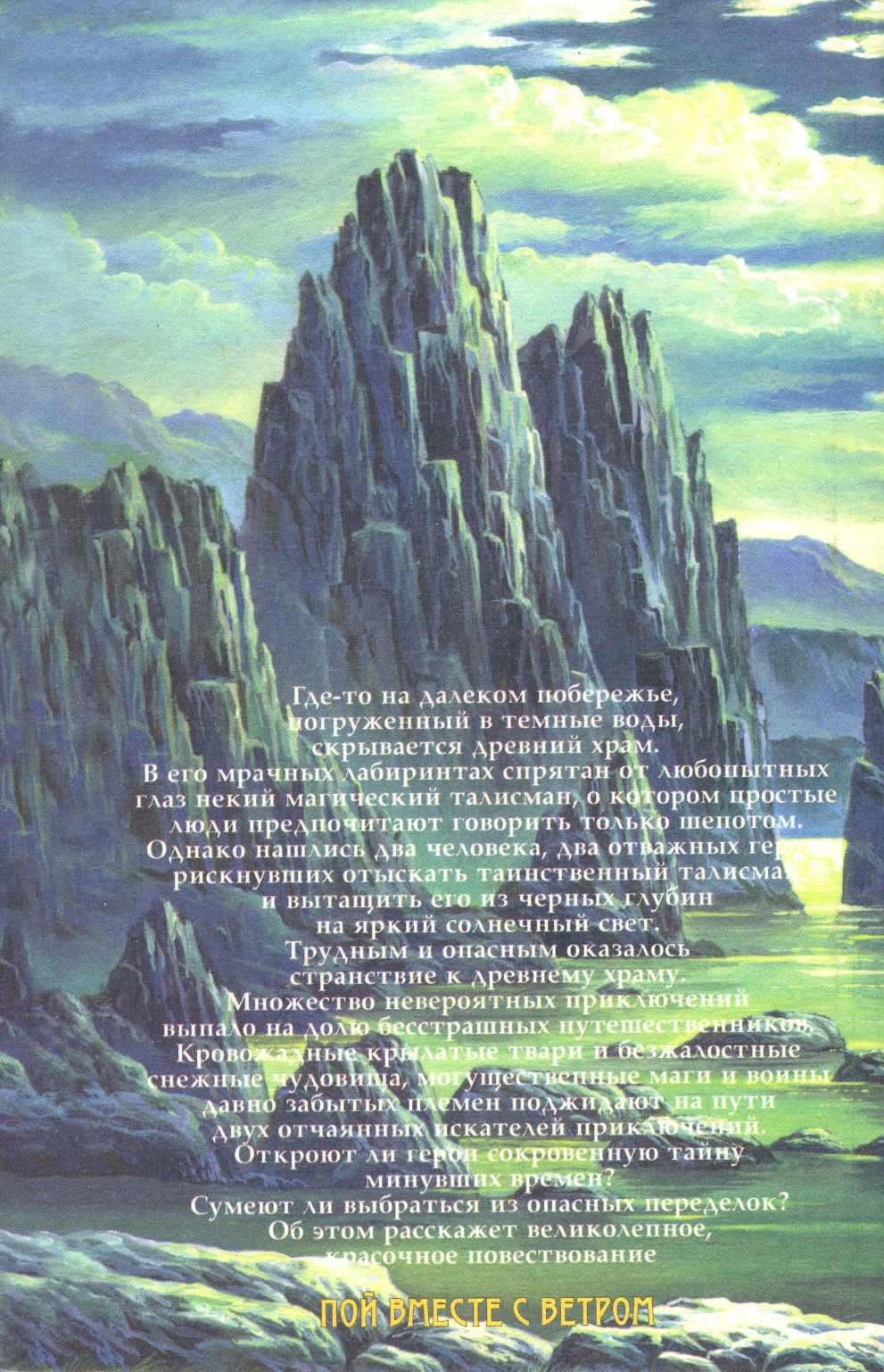
Гарнитура Сенчури. Тираж 25 000 экз. Усл. печ. л. 31,9.

Изд. № 80. Заказ № 358.

Издательство «Азбука».

196105, Санкт-Петербург, а/я 192.

Отпечатано с оригинал-макета
в типографии им. Володарского Лениздата.
191023, Санкт-Петербург, Фонтанка, 57.

Где-то на далеком побережье,
погруженный в темные воды,
скрывается древний храм.
В его мрачных лабиринтах спрятан от любопытных
глаз некий магический талисман, о котором простые
люди предпочитают говорить только шепотом.
Однако нашлись два человека, два отважных героя,
рискнувших отыскать таинственный талисман
и вытащить его из черных глубин
на яркий солнечный свет.
Трудным и опасным оказалось
странствие к древнему храму.
Множество невероятных приключений
выпало на долю бесстрашных путешественников.
Кровожадные крылатые твари и безжалостные
снежные чудовища, могущественные маги и воины
давно забытых племен поджидают на пути
двух отчаянных искателей приключений.
Откроют ли герои сокровенную тайну
минувших времен?
Сумеют ли выбраться из опасных переделок?
Об этом расскажет великолепное,
красочное повествование

ПОЙ ВМЕСТЕ С ВЕТРОМ